

Кудрявцев Олег Федорович

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

Очерк истории духовной жизни
ренессансной Италии

Флорентийское общество

Кудрявцев Олег Федорович

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

(Очерк истории духовной жизни
ренессансной Италии)

Издание второе, исправленное и дополненное

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л.М. Брагина

Москва
ЛУМ
2018

Società Fiorentina

Kudryavtsev Oleg Foedorovich

ACCADEMIA PLATONICA DI FIRENZE

(Un saggio della storia intellettuale
del Italia rinascimentale)

Seconda edizione riveduta ed ampliata

A cura di Lidia M. Braghina

Mosca
LOOM
2018

УДК 7.034(450)4
ББК 85.103(4Ита)42
К88

*В оформлении обложки использована картина
Джорджоне, Три философа. 1508. Музей истории искусства, Вена*

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю.П. Зарецкий
доктор исторических наук Н.В. Ревякина
кандидат исторических наук Т.Д. Стецюра
доктор исторических наук М.А. Юсим

Монография представляет собой комплексное исследование деятельности и идейных исканий содружества итальянских гуманистов второй половины XV в., сложившегося вокруг Марсилия Фичино и получившего в историографии громкую славу под именем флорентийской Платоновской академии. Основное внимание направлено на то, чтобы вскрыть мотивированные духовными установками времени интенции главы флорентийских платоников, которые претворились в его ученых занятиях, трудах, идеях, и придали исторически своеобразный облик возглавляемому им «платоновскому братству», сделав его притягательным для людей науки, искусства, церкви, представителей делового мира, правителей и государственных деятелей во Флоренции и далеко за ее пределами. Анализу подвергнуты важнейшие аспекты учения флорентийской Платоновской академии – ее антропология, христианская апологетика, эстетика, астрология, этико-правовые концепции, философия истории и культуры, – давшие наиболее адекватное выражение мировоззренческим запросам ренессансной эпохи и в силу этого принявшие на себя роль общих мест ее идеологии.

Для всех, кто интересуется историей мировой культуры.

ISBN 978-5-906072-31-3

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	10	
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	12	
ВВЕДЕНИЕ	14	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЧИНО И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ		
Глава I. МУДРОСТЬ ЯЗЫЧНИКОВ НА СЛУЖБЕ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ: ПРИЗВАНИЕ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО		24
§ 1. Семья. Годы учения. Первые философские опыты	26	
§ 2. У истоков языческой мудрости: ранние переводы с греческого. «Поймандр»	44	
§ 3. Сумма древнего богословия: перевод и толкование сочинений Платона	55	
§ 4. Древнеязыческая мудрость и христианская религия: а. «Платоновское богословие»	73	
б. «О христианской религии»	81	
в. Малые труды	82	
§ 5. Древнее богословие после Платона: перевод и комментирование языческих и христианских неоплатоников ...	87	
§ 6. Последние комментарии к Платону	105	
§ 7. Собрание «Посланий». «Толкования на Послания Павла»	111	
Глава II. «ВЕРТОГРАД ЛЮБОМУДРИЯ» ИЛИ СОБОР БЛАГОЧЕСТИВОЙ МУДРОСТИ: ПРЕДАНИЕ И ПРАВДА О ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ		116
§1. Споры вокруг Платоновской академии	117	
§2. «Платоновская академия»: рождение понятия	120	
§3. Платоновская академия: состав участников и занятия	135	
а. Состав участников	136	
б. Беседы и чтения. Пирь	141	
в. Лекции и проповеди	159	
г. Риторические упражнения	165	

д. Переписка	171
ж. Места собраний	174
з. Моральные нормы	175
Глава III. ТАЛАНТ И ПОКЛОННИКИ	180
§ 1. Меценатство как политика и как призвание:	
Фичино и Медичи	180
а. Козимо Старый	181
б. Пьеро Подагрик	200
в. Лоренцо Великолепный	202
г. Пьеро и Иоанн Медичи, сыновья Лоренцо	226
д. Лоренцо ди Пьерфранческо	229
§ 2. Власть культуры. Почитатели близкие и далекие	230
а. Флорентийский патрициат	231
б. Церковные иерархи	240
в. Светские государи	244
Глава IV. INTER PARES	249
§ 1. Леон Баттиста Альберти	249
§ 2. Кристофоро Ландино	258
§ 3. Бенедетто Аккольти	264
§ 4. Антоний Альи	266
§ 5. Анджеоло Полициано	268
§ 6. Джованни Пико делла Мирандола	275
Глава V. НАСТАВНИК ЕВРОПЫ	292
§ 1. Венгрия	293
§ 2. Германия и Нидерланды	298
§ 3. Франция	304
§ 4. Англия	310
§ 5. Польша	314
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ	
ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ	
Глава VI. «DEUS IN TERRIS», ИЛИ ЧЕЛОВЕК-АРТИСТ	317
Глава VII. «PRISCORUM ARCANA»: В ПОИСКАХ	
ИЗНАЧАЛЬНОГО ОТКРОВЕНИЯ	335
Глава VIII. «СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНИ ОБЩНОСТЬ»	358
Глава IX. ПАТЕНТ НА БЛАГОРОДСТВО: АКТУАЛИЗАЦИЯ МИФА	
О «ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»	375

Глава X. «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ»: МЕЖДУ ЗВЕЗДОЗАКОНИЕМ И АСТРАЛЬНОЙ МАГИЕЙ	396
Глава XI. «ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ	426
1. Время	426
2. Фортуна	432
3. Великолепие	438
4. Человечность	445
Глава XII. МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ И КРАСОТЫ	448
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	466
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	474
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	503
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	505
SOMMARIO	535

DALLA SOCIETÀ FIORENTINA	10
PREFAZIONE ALLA SECONDA EDIZIONE	12
INTRODUZIONE	14

PARTE PRIMA. FICINO E IL SUO AMBIENTE

I. LA SAPIENZA DEGLI ANTICHI A SERVIZIO DELLA DIVINA

PROVVIDENZA: VOCAZIONE DI MARSILIO FICINO	24
§ 1. Ambiente familiare. Anni di formazione. Prime esperienze filosofiche	26
§ 2. Alle origini della sapienza dei pagani: le prime traduzioni dal greco. «Pimander»	44
§ 3. La summa della teologia antica: traduzione ed esegesi delle opere di Platone	55
§ 4. La sapienza antica dei pagani e la religione cristiana: a. «Theologia platonica»	73
b. «De religione Christiana»	81
c. Opere minori	82

§ 5. Antica teologia dopo Platone: traduzione ed esegesi dei neoplatonici pagani e cristiani	87
§ 6. Ultimi commentari alle opere di Platone	105
§ 7. «Epistolae», «Commentarius in Epistolas D. Pauli»	111
II. «HORTUS PHILOSOPHICUS» O CONCILIUM PIAE SAPIENTIAE: TRADIZIONE E VERITA' SULL'ACCADEMIA PLATONICA DI FIRENZE	116
§1. Discussioni attorno all'Accademia Platonica	117
§2. «Accademia Platonica»: nascita del concetto	120
§3. Accademia Platonica: composizione e dotte occupazioni	135
a. Membri dell'Accademia	136
b. Colloqui e letture. Simposii	141
c. Lezioni e prediche	159
d. Esercizi di retorica	165
e. Corrispondenza	171
f. Luoghi di riunione	174
g. Norme morali	175
III. TALENTO E I SUOI AMMIRATORI	180
§1. Attività di mecenate come politica e come vocazione: Ficino e Medici	180
a. Cosimo il Vecchio	181
b. Piero il Gottoso	200
c. Lorenzo il Magnifico	202
d. Piero e Giovanni figli di Lorenzo	226
e. Lorenzo di Pierfrancesco	229
§2. Il potere di cultura. Gli ammiratori vicini e lontani	230
a. Il patriziato fiorentino	231
b. I gerarchi della Chiesa	240
c. I principi secolari	244
IV. INTER PARES	249
§1. Leon Battista Alberti	249
§2. Cristoforo Landino	258
§3. Benedetto Accolti	264
§4. Antonio Agli	266
§5. Angelo Poliziano	268
§6. Giovanni Pico della Mirandola	275
V. PRAECEPTOR EUROPAE	292
§1. Ungheria	293

§2. Germania e Paesi Bassi	298
§3. Francia	304
§4. Inghilterra	310
§5. Polonia	314

PARTE SECONDA. RICERCHE INTELLETTUALI DELL'

ACCADEMIA PLATONICA DI FIRENZE

VI. «DEUS IN TERRIS», O UOMO-ARTISTA	317
--	-----

VII. «PRISCORUM ARCANA»: ALLA RICERCA

DELLA RIVELAZIONE ORIGINALE	335
-----------------------------------	-----

VIII. «DULCIS VITAE COMMUNIO»: IDEALE SOCIALE

IX. LICENZA DI NOBILTA': ATTUALIZZAZIONE

DEL MITO DELL'ETA' D'ORO	375
--------------------------------	-----

X. «SATURNO IMPRESSUS»: TRA L'ASTROLOGIA E MAGIA

ASTRALE	396
---------------	-----

XI. «IL TEMPO SRTRINGE»: DOTTRINA MORALE	426
--	-----

1. Tempo	426
----------------	-----

2. Fortuna	432
------------------	-----

3. Magnificenza	438
-----------------------	-----

4. Umanità	445
------------------	-----

XII. LA BELLEZZA SALVA IL MONDO: METAFISICA

DELL'AMORE E DEL BELLO	448
------------------------------	-----

CONCLUSIONE	466
-------------------	-----

ELENCO DELLE FONTI E BIBLIOGRAFICO	474
--	-----

ELENCO DELLE ABBREVIAZIONI	503
----------------------------------	-----

INDICE DEI NOMI PROPRI	505
------------------------------	-----

SOMMARIO	535
----------------	-----

ОТ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Флорентийское общество начало работу в Москве в 2001 г. с провозглашения необходимости изучать опыт флорентийского Возрождения как примера интеллектуально-художественного прорыва через века и тысячелетия – прорыва, увлекшего за собой Италию, Европу, а потом и весь мир. Приведем слова Павла Муратова, поэтичней и полнее которых трудно найти во всей мировой литературе о Возрождении для характеристики этого исторического явления. Они нужны, чтобы настроить читателя на восприятие работы, посвященной Флорентийской Платоновской академии:

«Именем кватроченто называют ту эпоху итальянского Возрождения, которая заключена в пределы XV столетия. На необъятном кладбище истории, бесследно поглотившем целые народы, среди запутанного лабиринта могил, приютивших невечные страсти, недооволоженные порывы, несделанные дела, памятник кватроченто возвышается одиноко и отдельно, прекрасный и законченный, как создание художника. У этой эпохи было изумляющее полнотой жизни существование. Другие эпохи проходят перед нашим умственным взором, как идейные волны нескончаемого исторического прилива. Кватроченто обращается к нашим чувствам, мы постигаем его так же, как постигаем состояние окружающего нас мира, – взглядом, дыханием, прикосновением... При каждом приближении к кватроченто до сих пор бывает слышно биение великого сердца, переполненного благороднейшей и чистейшей кровью. Иногда кажется, что история напрасно заключила эту эпоху в свои владения. Ее смерть больше похожа на сонный плен – тот плен, который держит в своих легких оковах людей Флоренции, изваянных флорентийскими скульпторами на флорентийских гробницах. Чуть заметная гордая улыбка на их тонких губах знаменует счастливейшую победу человечества, победу над смертью...».

Опыт небольшого круга мыслителей, составивших Флорентийскую Платоновскую академию (представлявшую собой, конечно, не нечто, подобное современным учебным или научным институтам, но типичное для эпохи Возрождения вольное ученое содружество) и поддержанных просвещенными меценатами из рода Медичи, много послужил к созданию исторического примера «государства как произведения искусства» – периода высшей гармонии между государством и обществом или того, что современная Конституция России называет «правовым государством». Именно поэтому кватроченто является для России современным и актуальным. Флорентийское общество за последнее десятилетие издало несколько книг, посвященных теме «государства как произведения искусства» или, говоря словами Николая Рериха, «государства, основанного на Культуре».

В этом ряду новое издание работы Олега Федоровича Кудрявцева представляется чрезвычайно важным, поскольку она является первой в отечественной литературе монографией, детально исследующей круг идей и деятельность флорентийской Платоновской академии.

Петр Баренбойм,
Президент Флорентийского общества

Михаил Трушин,
*Международный Вице-президент
Флорентийского Общества*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Новая публикация книги «Флорентийская Платоновская академия» дополнена материалами, которые отсутствуют в первой, увидевшей свет в 2008 г. Прежде всего учтены работы, вышедшие за последние годы, а также привлечены дополнительные источники, по тем или иным причинам недоступные автору прежде.

Книга создавалась, когда в мировой историографии Возрождения возобновились споры по поводу Флорентийской Платоновской академии. Они продолжаются и поныне, что объясняет целесообразность переиздания посвященного ей исследования. К сожалению, подходы, предложенные в нем, к уразумению культурно-исторического смысла такого явления духовной жизни ренессансной Флоренции XV в., как Платоновская академия, не были услышаны и надлежащим образом обсуждены. А ведь речь идет о том, чтобы, отбросив привычные и «удобные» стереотипы, понять это явление в контексте духовной жизни своего времени, как вполне определенное выражение ее мировоззренческих устремлений и исканий, как некую установку на реализацию ее социально-культурных идеалов.

Флорентийская Платоновская академия остается загадкой для исследователей. Марсилий Фичино, считающийся ее главой, в своих сочинениях ее обозначил и даже описал, прибегая, впрочем, к аллегориям, играя словами, образами и смыслами, однако точно не определил. Вместе с тем, он имел в виду нечто конкретное. И вот это-то конкретное и надо понять и восстановить. К счастью, теперь уже не тщатся трактовать Фичинову академию как некое официальное учреждение со своими регламентами, выборными органами, регулярными формами деятельности, а также – по аналогии с европейскими академиями XVII-XX вв. – с установленным составом участ-

ников, денежными взносами или, наоборот, вознаграждением членов академии. Бесперспективно и просто нелепо считать, как иной раз сейчас делается, эту академию частным учебным заведением, своего рода гимназией для подготовки флорентийского юношества к прохождению университетских курсов. Или видеть в ней только вольное ученое товарищество, ничем официальным в своей деятельности не стесненное. Все эти интерпретации «сближают» Флорентийскую Платоновскую академию с научными сообществами нового и новейшего времени, но никак не способствуют пониманию того, что Фичино хотел создать (или воссоздать), посвятив этому труды всей своей жизни. Именно их анализ только и может пролить свет...

О.Ф. Кудрявцев
Январь 2018 г.

*ГАЛИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ МАШАНОВОЙ,
в наш пользлюбивый век явившей
высокий пример высокой человечности,
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Первоначально, в 1998 г., когда предлагаемая вниманию читателей работа только начиналась, ее задача формулировалась весьма скромно: проследить творческий и жизненный путь Марсилия Фичино и его связи с близкими ему гуманистами, людьми церкви, государственными деятелями, представителями делового мира, которые в той или иной форме принимали участие в его трудах и образовывали своего рода ученое товарищество, получившее в историографии название Платоновской академии. Речь шла о том, чтобы на основе всего комплекса доступных к настоящему времени источников, с учетом их новейших критических изданий и привлечением основных исследовательских разработок, которыми обогатилась научная литература проблемы в последние десятилетия, дать на русском языке монографический очерк истории одного из наиболее значительных явлений ренессансной культуры Италии второй половины XV в. Однако очень скоро возникла потребность существенно расширить первоначальную тематику, ибо обнаружилось, в частности, что творческая биография Фичино будет необъяснима, если не подвергнуть пристальному рассмотрению установки, которыми он руководствовался и которые легли в основу того, что можно было бы назвать идеологией флорентийской Платоновской академии; возник даже вопрос, спровоцированный недавними дискуссиями в историографии, без ответа на который теряла смысл настоящая работа, а существовала ли эта академия и вправе ли мы пользоваться широко принятым в работах по культуре Возрождения ее названием, если наше его понимание, сформулированное Ф. Монье, А. Делла Торре, П.О. Кристеллером,

А.Х. Горфункелем – Платоновская академия как вольное ученое братство, или кружок единомышленников Фичино – лишь частично соответствует тому значению, в котором его употреблял сам гуманист; дополнительного изучения потребовала проблема меценатства, кто, наряду с семейством Медичи, по какой причине и в какой форме поддерживал гуманиста, его начинания, его публикации, и на что за свою помощь он рассчитывал; небезынтересно также выяснить, какие отношения связывали главу флорентийских платоников с другими известными и вполне самостоятельными гуманистами-участниками его кружка, какие направления его мысли их привлекали, ими усваивались и воспроизводились в их собственных трудах весьма часто, впрочем, с новыми нюансами; в качестве продолжения этой темы сам собой встал вопрос о том, каким образом идейные искания флорентийской Платоновской академии получили известность и распространение еще при жизни Фичино не только в Италии, но и в странах заальпийской Европы. Такое расширение и такая дифференциация первоначально намеченной проблематики вполне закономерно потребовали выделения в самостоятельную область исследований различных аспектов философско-богословского учения флорентийского платонизма. В историографии, особенно в историко-философской литературе, уже давно отмечена оригинальность антропологических разработок, концепций любви и красоты, или эстетической теории, а также своего рода философии религии флорентийских платоников; именно в этих направлениях их мысли исследователи находили, и не без основания, наиболее полное выражение духовных устремлений ренессансной эпохи. Однако, наряду с указанными направлениями, заслуживают внимания и другие, либо недостаточно освещенные в специальной литературе, либо вообще оставшиеся вне поля зрения исследователей. Ибо в них также можно найти ответы на самые актуальные мировоззренческие вопросы, волновавшие умы мыслителей того времени. Так появились разделы, посвященные концепции «золотого века», этой своего рода философии истории, позволившей флорентийским платоникам заявить об осознании особой миссии собственной культуры, идее «общности», в которой отразились их социальные предпочтения, некоторым наиболее характерным аспектам их нравственных воззрений, политическому идеалу.

Даже самый поверхностный очерк историографии, посвященной Фичино и его академии¹, превратился бы в монографическое исследование. Но было бы неправильно не указать исследователей, внесших наибольший вклад в изучение флорентийского платонизма второй половины XV в. На протяжении XIX в. о Фичино и возглавляемом им кружке обязательно писали во всякой работе по ренессансной культуре Италии, более того, стали даже появляться специальные труды, рассматривавшие историю и отдельные аспекты учения флорентийских платоников. Тем не менее серьезное, всестороннее и критическое изучение флорентийской Платоновской академии началось с фундаментальной работы А. Делла Торре (1902 г.)², опиравшегося не только на весь корпус опубликованных к тому времени источников, но и на многие рукописи Фичино и близких к нему гуманистов. Дело А. Делла Торре продолжил П.О.Кристеллер, издавший в 1937 г. двухтомное собрание дополнительных материалов, имеющих отношение к Фичино (*Supplementum Ficinianum*) и не вошедших в Базельское издание его сочинений 1576 г., а также разночтений между рукописями и печатными текстами его работ; предварено это издание пространном монографическим введением (*Introductio*), в котором исследуется история создания и публикаций всего, что было написано Фичино. В последующие десятилетия Кристеллер продолжал издание обнаруженных им в рукописях или в мало известных старопечатных книгах трудов Фичино (как правило, ранних трактатов или писем), публиковал исследования, посвященные его идейному наследию, биографии, творчеству, а также связям с некоторыми из тех, кто составлял его окружение. Вклад Кристеллера в изучение Фичино и флорентийской Платоновской академии столь велик, что без привлечения работ этого ученого невозможно никакое новое серьезное исследование в указанной области. Следующий после А. Делла Торре и П.О. Кристеллера обобщающий труд, посвященный жизни, сочинениям и идейному наследию Фичино, рассмотренным на фоне духовной ситуации, политических и социальных отношений ренессансной

1 Многосотенный – и тем не менее неполный – список работ по нашей теме, изданных до 1984 г., см.: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years // MFRP. Vol. I. P. 50-80.*

2 Полное библиографическое описание этого и других упомянутых ниже изданий можно найти в разделе: Список источников и литературы.

Италии второй половины XV в., был выпущен в 1958 г. Р. Марселем. Хотя еще в 1944 г. вышло в свет первое новое, пусть и не самого лучшего качества, издание Фичино «Комментария на «Пир» Платона, о любви», тем не менее именно с Р. Марселя началось систематическая публикация трудов главы флорентийских платоников с критическим аппаратом, примечаниями, введением и параллельным переводом на один из новых европейских языков; сам Р. Марсель выпустил критические издания упомянутого уже «Комментария на «Пир»...» (1956 г.), ренессансных жизнеописаний Фичино (1958 г.) и его важнейший трактат «Платоновское богословие о бессмертии душ» (1964-1970 гг.). В последние десятилетия список подобного рода изданий пополнился рядом комментариев Фичино к платоновским диалогам, трактатами «О жизни» и «О христианской религии», новыми критическими изданиями «Платоновского богословия» и (в разных авторских редакциях) «Комментария на «Пир»...»; значительная часть этих публикаций подготовлена М. Алленом, являющимся кроме того автором источниковедческих работ, проливающих новый свет на генезис многих идей Фичино³. Особо следует отметить начатое С. Джентиле издание важных для исследования жизни и творчества Фичино его «Эпистол», первая книга которых вышла в 1990 г.; дальнейшая их публикация, к сожалению, приостановлена; сам Джентиле в монографическом «Введении», предпосланном «Эпистолам», и в других своих работах, представляющих собой, несомненно, серьезный вклад в изучение идейного наследия флорентийской Платоновской академии, существенным образом уточнил и расширил наши знания о ее истории, в особенности о начальных этапах творческой деятельности ее главы. В заключении этого перечня нужно назвать имена еще двух исследователей – Э. Гарэна и Ч. Вазоли, которые своими многочисленными публикациями, посвященными конкретным аспектам философско-богословских идей гуманиста и некоторых его ближайших друзей, а также изданиями источников внесли большой вклад в изучение наследия флорентийской Платоновской академии.

Знакомство с Фичино и его товариществом по источникам и исследовательской литературе началось в России около века назад

³ См. работу: Гурьянов И.Г. История исследований философии Марсилио Фичино в XX в. в англо-саксонском интеллектуальном мире // Философия и культура. 2015. № 4. С. 553-562.

с журнальной публикации Н.С. Арсеньева. В 1922 г. появилась книга И. Пузино, в которой рассматривались биография и религиозные искания Фичино; изданная в Берлине на русском языке, она была мало доступна и известна в России. Затем более полувека о Фичино у нас в стране почти не писали. Ситуация изменилась с середины 70-х гг., когда, вначале в статьях И.Х. Черняка, а вслед за ними в работах Л.М. Брагиной, Н.В. Ревякиной, А.Х. Горфункеля, Л.М. Баткина и автора этих строк были подвергнуты анализу богословские искания, антропология, онтология, эстетика, некоторые аспекты этического и социального учения, историко-культурная концепция Фичино; специальное внимание уделялось также тому, что представлял собой кружок последователей гуманиста, или флорентийская Платоновская академия; наконец, после выхода в свет в 1981 г. на русском языке «Комментария на «Пир»...» стали издаваться переводы, фрагментарные или полные, некоторых писаний гуманиста, преимущественно из состава его «Эпистол».

Описание культуры другой эпохи – дело сколь ответственное, столь и рискованное. Историк, берущийся за него, отвечает прежде всего перед человеком прошлого за то, чтобы без домыслов и искажений донести его черты, его образ мыслей и уклад жизни до людей своего времени. На этом пути он может вольно или невольно поддаться искушению модернизировать свой «объект», делая его понятным для себя и своих современников. И какими бы мотивами он ни руководствовался, пребывая, например, в наивном убеждении, что люди во все времена одни и те же и поэтому характерные для века, в который он живет, установки и категории сознания вполне применимы к любой эпохе, или же полагая, что в целях публицистики, назидания своих современников можно к прошлому прилагать критерии настоящего, он фактически деформирует или подменяет свой «объект» исследования, выставляя его в чужом обличье, ибо не признает за ним права на самостоятельное, сообразное всей совокупности условий его времени социальное и духовное бытие. Так, историки XIX в. коммунальные движения высокого средневековья рассматривали как выступления буржуазии; следующие поколения историков восстания городских низов в средние века стремились связать с защитой интересов пролетариата, усматривая зарождение его идеологии во всякой формулировке концепции человеческой общности; не лучше

обстоит дело в историографии – по крайней мере отечественной – последних десятилетий: такие конкретно-исторические явления, как гражданское общество, рыночная экономика, зарождение индивидуальности, формулировку прав человека и тому подобное находят в угоду политико-идеологической конъюнктуре текущего момента едва ли не с зарождением цивилизации во все эпохи и в любом регионе мира. Если вернуться к объектам нашего интереса – Фичино и его платоническому братству, – то и они не могли не стать жертвами различного рода модернизаторских трактовок: во флорентийских платониках, в частности, видели примеры благодетельного попечения просвещенной монархии о науках; но менялось время, и вот Фичино уже изображен (а заодно и осужден) как ловкий царедворец, умевший заслужить милости тиранической власти; ближе к нашим дням все тот же Фичино показан как «интеллектуал», который не мог не тяготиться всевластием Медичи и, конечно же, должен был сочувствовать их противникам-заговорщикам. Но на этих и им подобных оценках подробнее стоит остановиться в соответствующих разделах основной части работы. Сейчас же важно подчеркнуть, что, прибегая к «осовремениванию» реалий минувшего, к их «подгонке» под сегодняшние понятия, историк препятствует не только полноценной коммуникации настоящего и прошлого, рисуя образ последнего в стиле совсем другого, чужого ему времени, но и выработке самосознания своей собственной эпохи, которое возникает при сравнении ее с чем-то иным, со своеобразными и неповторимыми ликами безвозвратно ушедших культур и цивилизаций.

Чтобы понять человека прошлого, надо постараться услышать его подлинный голос. В некоторых случаях, при обилии всякого рода источников мы можем претендовать на то, что знаем некую эпоху лучше, чем человек, который в ней жил, ибо видим ее как состоявшееся целое, а не фрагментарно, в процессе становления, как видел ее он. Но никогда мы не сможем утверждать, что чувствуем и переживаем его время глубже и полнее, чем он, ибо для нас целиком или в значительной мере утратили свою актуальность те мировоззренческие «проблемы», или те устремления духа, которые определяли смысл его жизни. Поэтому прежде всего мы попытаемся уловить настроения и мотивы, которыми руководствовался в своем творчестве и в своей деятельности конкретный исторический «субъект», те основополагающие, экзистенциальные ценности, на которые он ориентиро-

вался и которые старался обрести или защитить. Трудно вообразить, чтобы Фичино предпринял свои труды по овладению «платонической наукой» из страсти к «чистому» познанию, или желая обрести громкую научную славу, или, скажем, нажиться и «сколотить» себе состояние: все эти резоны, очень понятные человеку нового и, особенно, новейшего времени и, вполне возможно, не чуждые в какой-то мере «главе платонического семейства» (как друзья именовали Фичино), тем не менее не в состоянии объяснить его ученое подвижничество, ближе напоминающее духовное тягло, добровольно, ради каких-то особых целей возложенное им на себя. Но что это были за цели, нам точнее может сказать сам гуманист, даже если он из священного трепета перед ними не часто о них упоминает, или же кто-то из круга его друзей, для пользы которых он, в первую очередь, и работал и которые, воспитанные в одной с ним культуре, прошедшие ту же, что и он, образовательную подготовку, должны лучше кого бы то ни было его понимать. Ибо невозможно не согласиться с тем, что «поступки людей мотивировались ценностями и идеалами их эпохи и среды»⁴.

Казалось бы, чтобы услышать подлинный голос человека прошлого, нет ничего проще, чем дать ему слово, в особенности если это человек высокой культуры, оставивший большое духовное наследие. Однако ограничить свою роль переводом и публикацией чужих текстов историк не может, эти тексты нужно еще интерпретировать, ибо весьма часто очевидный смысл их не является истинным или, по крайней мере, исчерпывающим. Возьмем несколько примеров. Вроде бы всем должно быть понятно, что означает слово «республика», однако до Макиавелли (впрочем, весьма часто и долгое время после него) «res publica» – это не одна из форм правления или государственного строя, а государство вообще с любым политическим режимом. «Humanitas», «гуманность» для нас исключительно моральная добродетель, по-русски хорошо передаваемая как «человеколюбие», но этим значением смысл слова в античности, средние века и эпоху Возрождения не ограничивался, ибо оно могло означать также то, что мы называем теперь «образованностью», «культурой». Еще более широким набором значений было насыщено в минувшие эпохи слово «академия» («academia»), которое человек нашего времени будет воспринимать как обозначение научного или образова-

4 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 8.

тельного учреждения. И надо очень внимательно прислушаться к высказанному в отечественной историографии предупреждению о том, что понятия, которые использует историк, «будучи отягощены современным смыслом, содержат в себе потенциальную опасность деформации картины прошлого»⁵. Как можно и нужно избегать подобных деформаций, хорошо показал А.Ф. Лосев в своих работах по античной мифологии и эстетике⁶, постоянно подчеркивая отличия нашего и античного восприятия таких понятий, как «идея», «эйдос», «форма» и многих других. Речь идет о применении исторического подхода к явлениям культуры, признающего за конкретной эпохой, в которой они сложились, возникли и развились, если не исключительное, то уж по крайней мере преимущественное право на их трактовку. В каждом явлении культуры обязательно присутствует, так сказать, «ген» его эпохи, поэтому представить подлинный масштаб и смысл этого явления можно только в его историко-культурном контексте.

В течение всего нового времени в трудах флорентийской Платоновской академии не усматривали никаких оригинальных, самостоятельных, заслуживающих внимания идей. Надо, впрочем, признать, что и сами гуманисты-платоники ни в коей мере не претендовали на новизну и необычность своих разработок, будучи убеждены, что лишь вновь открывают ту мудрость, которую хранила древняя богословско-философская традиция. Тем не менее в их собственное время они были столь популярны, их сочинения столь часто цитировали, а высказанные ими положения столь много воспроизводили ведущие умы эпохи от Симфориана Шампье и Агриппы Неттесгеймского до Джордано Бруно и Франческо Патрици да Керсо, что уже сама сила и продолжительность их влияния должны были бы заставить признать значительность Платоновской академии как явления духовной жизни Возрождения и внимательнее присмотреться к ее трудам. В XVII в. почтительное отношение к флорентийским платоникам, которое еще характерно для Томмазо Кампанеллы, Роберта Фладда, Федерико Чези, постепенно, по мере выработки новой концепции

⁵ Гуревич А.Я. Двоякая ответственность историка // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва 19-21 мая 1996 г. М., 1999 (С. 11-24). С. 22.

⁶ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927; Он же. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930; Он же. История античной эстетики. М., 1963-1988.

мира и человека, критического подхода к источникам всякого знания и к самому знанию сходит на нет, и если теоретики Просвещения их не отвергают, как схоластов, в которых видели представителей ложного и бесплодного направления человеческой мысли, то только потому, что трактуют их в качестве своих предшественников, отдавая им дань прежде всего в качестве собирателей и популяризаторов памятников античной философской культуры. Мыслителям XIX в. философские достижения флорентийских платоников также представлялись ничтожными, этих гуманистов могли ценить, преподнося в выгодном для эпохи романтизма свете поборников прав «независимого» разума и «раскрепощения» человеческой индивидуальности. И лишь в новейшее время Фичино, его друзьям и единомышленникам, а вместе с ними и всему ренессансному гуманизму стали отдавать должное, признавая их вклад в антропологию, эстетику, религиозно-богословскую мысль, этику и многое другое. Казалось бы, справедливость торжествует, заслуги идеологов Возрождения начинают признаваться сполна, им уделяется достойное место в истории философской мысли и культуры. Однако не повторяем ли мы и в этом случае прием наших предшественников, не налагаем ли «свою понятийную сетку»⁷ на исходящую от них информацию, тем самым невольно модернизируя их мысли. В самом деле, странную какую-то эстетику разрабатывал Фичино, совсем не заостряя внимания на вопросе о художественном восприятии, но постоянно связывая влечение к красоте с исканием Бога – получается, что его учение о прекрасном есть прямо-таки сотериология; так оно и было, ибо спасение души выступало последней, истинной целью всех устремлений человека. И антропологии как таковой у главы платоников мы не обнаружим, все его рассуждения о достоинстве, превосходстве и всевластии человека относятся главным образом к психологии, служа аргументами в пользу бессмертия индивидуальной души, о котором этот гуманист постоянно писал, дабы, как он считал, указать людям верный жизненный ориентир и защитить христианскую религию. Более, пожалуй, не стоит продолжать подобные примеры, упреждая содержание и выводы далее идущего исследования; подчеркнем еще раз, что работа имеет в виду на конкретном материале рассмотреть имманентные ренессансной эпохе, переживаемые и концепту-

7 Гуревич А.Я. Двойкая ответственность историка. С. 22.

ально запечатлеваемые в творчестве наиболее ярких ее представителей духовные токи, которыми жила и развивалась культура.

Автор настоящей работы высоко ценит солидарность, выказанную ему в ходе его изысканий коллегами и друзьями, и видит свою приятную обязанность в том, чтобы поблагодарить за помощь научной литературой, консультациями, библиографическими справками О.Л. Акопяна, И.Е. Андропова, Л.М.Брагину, А.К. Гладкова, Ю.П. Зарецкого, С.И. Лучицкую, М.Н. Никогосян, Н.В. Ревякину, Т.Д. Стецюру, Г.А. Тароняна, М.К. Трофимову, И.Х. Черняка, А.Э. Штекли, М.А. Юсима, а также П. Альбертса (Мюнстер), К. Дасье и С. Кольпар (Париж), О. Симчич (Перуджа). Очень плодотворными оказались стажировки в университете Мюнстера (2000 г.), парижском Доме наук о человеке (2001 г., 2004 г.), университете Сент Луиса (2003 г.), а также научные командировки МГИМО(У) МИД РФ в Рим и Флоренцию (весна 2007 г.) и в Базель (осень 2007 г.), в ходе которых удалось познакомиться с отсутствующими в библиотеках Москвы старопечатными и самыми последними изданиями источников и научной литературы. На основных этапах исследования большую поддержку в создании условий для его проведения оказал Российский гуманитарный научный фонд, которому, как и всем перечисленным выше отечественным и иноземным учреждениям, автор работы выражает искреннюю признательность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЧИНО И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

ГЛАВА I. МУДРОСТЬ ЯЗЫЧНИКОВ НА СЛУЖБЕ БОЖЕСТВЕННОГО ПРОВИДЕНИЯ: ПРИЗВАНИЕ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО

*«Пусть не говорят, что я не сказал
ничего нового: расположение
материала ново»*

Блез Паскаль

Основной итог ученых свершений Марсилия Фичино современный историк вправе увидеть в примирении, и даже более – породнении, древнеязыческой философско-богословской мысли с христианской, ставшем необходимым идеологическим обоснованием осуществленного в XIV-XVI вв. «возрождения наук и искусств», важнейший вклад в которое своими переводами и толкованиями античных авторов и собственными писаниями внес сам Фичино. Таков действительно объективный смысл всей деятельности гуманиста, такова историческая роль, сыгранная им в утверждении и развертывании ренессансной культуры. Однако невозможно игнорировать и то обстоятельство, что непосредственно Фичино имел в виду иную, актуальную для идейных исканий его среды цель, что им руководили установки, только в системе мирозерцания человека его эпохи обладавшие высшим, незыблемым авторитетом. Культурное наследие древности, суммированное, как считал Фичино, творчеством Платона, имело в его глазах ценность не само по себе, но прежде всего в качестве средства, предназначенного служить духовному «исправлению» людей в согласии с принципами христианского вероучения, и постольку, поскольку это «возрождение» древних представало делом богоугодным, ему, как считалось, не могло не споспешествовать Божественное провидение. Ощущение собственной избранности, призвания свыше к предпринятым им трудам отчетливо звучит

в сочинениях зрелого Фичино, и Иоанн Корси, создавший в 1506 г., вскоре после смерти гуманиста, его первую биографию, в полном соответствии с интенциями покойного неоднократно отмечал божественное вмешательство, решительным образом влиявшее на его жизненный путь⁸.

В частности, именно вышней волей, по сообщению Корси, был определен Фичино к тому, чтобы служить восстановлению платонизма, о чем будто бы горячо мечтал Козимо Медичи, фактический правитель Флоренции, восхищенный речами Георгия Гемиста Плифона, философа-платоника, находившегося в 1439 г. в качестве участника византийской делегации во Флоренции на церковном соборе, который завершился подписанием унии между католиками и православными⁹. Биограф использовал позднее признание самого Фичино в предисловии к комментариям на Плотина (увидели свет в 1492 г.¹⁰) о том, что «Козимо Великий во время собора, состоявшегося между греками и латинянами во Флоренции при папе Евгении [IV], часто слушал рассуждения о платоновских таинствах греческого философа по имени Гемист Плифон, [представившего] как бы вторым Платоном; с самого начала вдохновившись и воодушевившись его пылкими речами, он [Козимо] с тех пор своим высоким умом замыслил при первой подходящей возможности создать некую академию. Затем, дабы осуществить такой замысел, сей Великий Медичи предназначил для столь важного дела меня, тогда еще юнца, сына своего лучшего врача; имея в виду эту цель, он воспитывал меня изо дня в день»¹¹. Итак,

8 “divina sorte”, “divino beneficio”, “coelitus” (*Cursius J. Vita Marsilii Ficini // Marcel R. Marsile Ficini. 1433-1499. Paris, 1958 (P. 680-689). P. 681-682*).

9 “Interim vero celebratum est Florentiae concilium... Accesserunt cum Imperatore graeco viri quamplurimi ingenio et doctrina clarissimi. In quibus... Plethon ille Gemistus, quem Platonem alterum Marsilius appellat; facundia pariter et doctrina celeberrimus. Hunc, cum saepe Cosmus pro Academicis disserentem eorumque placita summa omnium admiratione referentem audiret, ferunt exarsisse hominem cupiditate incredibili Platonis philosophiam longe postliminio in Italiam revocandi quamprimum, quod quidem non multis post annis illi ut faceret divina quadam sorte per Marsilium concessum est...” (*Ibid. IV. P. 681*).

10 См. ниже С. 91-93.

11 “Magnus Cosmus... quo tempore Concilium inter Graecos atque Latinos sub Eugenio pontifice Florentiae tractabatur, philosophum Graecum, nomine Gemistum, cognomine Plethonem, quasi Platonem alterum de mysterijs Platonis disputantem frequenter audivit. Et cuius ore ferventi sic afflatus est protinus,

два человека сыграли решающую роль в призвании Фичино к платоническим студиям: Плифон и Козимо Медичи, выступивший посредником между византийским философом, в котором его ренессансные современники готовы были видеть словно бы ожившего Платона, и юным Фичино. Правда, когда и как состоялось это призвание, определить, опираясь на цитированное свидетельство, невозможно, ибо слово «юнец» (*puer*, то есть – мальчик), которое понимать буквально не следует¹², не дает даже приблизительных временных ориентиров.

1. Семья. Годы учения. Первые философские опыты

Родился Марсилий 19 октября 1433 г.¹³ в местечке Фильине (*Figline*), расположенном в долине р. Арно, в округе Флоренции. Семья его принадлежала к знати и даже располагала собственным

sic animatus, ut inde Academiam quandam alta mente conceperit: hanc opportuno primum tempore pariturus. Deinde dum conceptum tantum magnus ille Medices quodammodo parturiret, me electissimi medici sui Ficini filium, adhuc puerum tanto operi destinavit, ad hoc ipsum educavit indies” (Ficinus M. In Plotinum Ad magnanimum Laurentium Medicem patriae servatorem Prooemium // Op. om. P. 1537).

¹² Согласно Данте, например, первый возраст человека, юность, длится до двадцать пятого года: “*De la prima [età] nullo dubita, ma ciascuno savio s’accorda ch’ella dura in fino, ad venticinquesimo anno” (Dante. Il Convito. IV. XXIV. 2. См. русский перевод: Данте Алигьери. Малые произведения. Под ред. И.Н. Голенищева-Кутузова. М., 1968. С. 254).* Конечно, не о детских годах вел речь Фичино, утверждая, что с “юного возраста” стал последователем Платона: “*Ego a teneris annis divinum Platonem, quod nullus ignorat, sectatus sum” (Ficinus M. Laus brevitatis // Ep. Lib. I. P. 618. 1).* Наконец, в письме к Мартину Уранию (Преннингеру) за 1492 г. Фичино также называет себя “юнцом” (*puer*), имея в виду возраст, когда им были составлены “небольшие комментарии к Лукрецию”, хотя ему тогда было полных двадцать четыре года (речь могла идти о конце 1457-1458 гг.) (*Ficinus M. Opiniones non temere divulgandae. Item Orphei carmina // Ep. lib. XI. P. 933. 3).*

¹³ Корси (*Cursius J. Op. cit. III. P. 681*) днем рождения Фичино называет 18 октября, хотя в письме к Мартину Уранию сам гуманист указывает: “*Nonus ergo supra decimum Octobris dies mihi natalis fuit, anno videlicet a salute nostra millesimo quadringentesimo trigesimo tertio...*” (*Ficinus M. Responsio desideranti natalem suum // Ep. lib. IX. P. 901. 2).* Другие свидетельства разных лет подтверждают, что Фичино родился в 1433 г. См.: *Marcel. R. Op. cit. P. 121; Catalogo. P. 170.*

гербом, который на одном из ранних манускриптов воспроизвел неумелой рукой сам Марсилиус: на голубом поле серебряный меч, и с той и с другой стороны от него по золотой звезде¹⁴. Когда Фичино родился, его отец Диотифечи д'Аньоло ди Джустио изучал врачебное искусство, которое он практиковал поначалу в своей округе, а затем во Флоренции, где с 1446 г. владел собственностью – домом на улице Санта Мария Нуова. Приобретя славу лучшего врача, в особенности в области хирургии, Диотифечи стал пользоваться высшую знатью города и был особенно ценим Медичи¹⁵; конечно, не без их помощи он, переименовавший свое имя на Фичино (*Fecinus*, *Ficinus*), производное от Диотифечи (*Diotifeci*), получил права флорентийского гражданства; в связи с чем его сын, до 1456 г. подписывавшийся «Марсилиус из Фильине» (*Marsilius Feghinensis*), с 1457 г. начал представлять себя как «Марсилиус Фичино флорентинец» (*Marsilius Ficinus Florentinus*)¹⁶.

О начальных годах учения Фичино сообщают по-разному. Корси говорит, что по причине недостатка средств в семье отец не мог обеспечить Марсилию достойных наставников, и ему преподавали люди «незначительные и ничтожные»; автор же «Второго жизнеописания» (*Vita secunda*) утверждает, что отец, заметив в сыне живой ум и вкус к учебе, решил не делать из него купца и поощрял к занятию науками, что именно отец давал сыну первые уроки, хотя читать Марсилиус выучился самостоятельно¹⁷ (впрочем, уместно предположить, что его мать Сандра, знавшая грамматику, помогала в этом деле мужу¹⁸). После 1445 г., когда семья перебралась во Флоренцию, Марсилиус, по догадке Р. Марселя, как и его друг детства и в последующем поэт медичейского круга Нальдо Нальди¹⁹, могли в

14 *Marcel. R. Op. cit. P. 122.*

15 “*Patrem habuit [Marsilius] Ficinum, medicum insignem ac praesertim Chirurgicae artis sollertia, qua omnes sui temporis longe superavit; ob eamque rem multos sibi primae nobilitatis viros devinxit. Sed Medicum apprime carus...*” (*Cursius J. Op. cit. II. P. 680-681*).

16 См. подробнее: *Marcel R. Op. cit. P. 123-125.*

17 *Cursius J. Op. cit. III. P. 681; Vita secunda. 13 // Marcel R. Op. cit. P. 700-701.*

18 См.: *Marcel R. Op. cit. P. 130.*

19 Позже Фичино о нем отзывался: “... amice omnium antiquissime”; “*In primo genere (familiorum meorum) sunt Naldus Naldius a terrene (= tenera) statim aetate mihi familiaris*” (*Ficinus M. Gratia, amor, fides, amicitia // Ep. lib. I. P. 636.1; Idem. Nihil potest esse proprium ubi communis sit animus // Ep. lib. V. P. 783. 2; Idem. Catalogus familiarum atque auditorum // Ep. lib. XI. P. 936.*

качестве детей, отцы которых были по роду их деятельности близки к епископу Антонину, надзирававшему за коллегиумом, основанном на церковные деньги папой Евгением IV, проходить обучение, дававшее необходимую подготовку для университета, в указанном заведении²⁰. Но это только предположение. Корси кратко сообщает о том, что Марсилий «в юности получил изрядное образование в гуманитарных дисциплинах»²¹, Капонсакки же, написавший его биографию в конце XVI в., указывает, помимо имени наставника, цель, коей ради подросток был отдан в обучение: «Отец, желая направить его [Марсилия] по стезе наук для [освоения] медицины, препоручил его магистру Лука ди Джиминьяно, преподававшему ему гуманитарные предметы»²². Итак, отец будущего гуманиста, заботясь о том, чтобы дать своему сыну «хлебную» профессию, намеревался пустить его по собственным стопам, сделав из него врача, каковым Марсилий со временем действительно стал. О Лука ди Сан Джиминьяна, как и о другом своем наставнике этого времени Командо Симоне Команди ди Пьеве Сан Стефано, в частной школе коих Фичино скорее всего обучался, он отзывался с глубоким почтением, сохраняя с ними долгие годы отношения и ходатайствуя за них перед людьми, власть имущими²³. Возможно, уже тогда Фичино начал осваивать греческий

2). См.: Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 503-504. В биографии Фичино, написанной Капонсакки, сказано: “Da fanciulletto fu su compagno praecipuo in Firenze Naldo Naldi, riuscito poeta...” (*Caponsacchi P. Sommario della vita di Marsilio Ficino // Marcel R. Op. cit. P. 731*).
20 *Marcel R. Op. cit. P. 169-171*.

21 “humanioribus litteris in adolescentia abunde eruditus” (*Cursius J. Op. cit. IV. P. 681*).

22 “Il padre voleva inviarlo alle lettere per la medicina, già raccomandatolo a Maestro Luca di Giuminiano suo maestro in umanità” (*Caponsacchi P. Op. cit. P. 731*).

23 “... commendo tibi quamplurimum Lucam Geminianensem praeceptorem quondam – una cum Comando – grammatica meum: huic ego tantum debeo quantum loqui ex arte praestantius, quam casu verba inana fundere”, – обращался Фичино к известному гуманисту Маттео Пальмиери, губернатору г. Вольтерра, повергшемуся по причине поднятого в нем восстания разгрому в 1472 г. войсками Флоренции, жертвой коего стал, в частности, Лука ди Сан Джиминьяно (*Ficinus M. Commendatio ab egestate et dignitate // Ep. Lib. I. P. 640. 2*).

В архиве Флоренции сохранился датированный 1473 г. Фичинов перевод “Герметического корпуса” (“Поймандра”, осуществлен в начале 1463 г. См. ниже С. ?), переписанный рукой Луки ди Сан Джиминьяно (См.: *Marcel R. Op. cit. P. 173 N 1*).

язык, во всяком случае Капонсакки утверждает, что «обучившись латыни, он изучал греческий во Флоренции и в Пизе», а это могло относиться к концу 1448-1449 гг., когда из-за чумы вместе со многими флорентийцами Фичино пришлось бежать в Пизу. Естественно, что знакомство с греческим языком в этот период должно было быть самым общим²⁴.

«Как только университет (*lo studio pubblico*) возобновил занятия, [Марсилиий] принялся за логику, риторику и философию, а именно перипатетическую, и в ней имел учителем (*dottore*) Никколò Тиньози из Фолиньо, который ее читал в тогда вновь открывшемся университете Флоренции»²⁵, – сообщает далее Капонсакки. Полагая, что университет во Флоренции снова стал действовать с осени 1452 г., к этому времени относит Р. Марсель начало учебы гуманиста в нем²⁶. Однако опубликованный в 1977 г. короткий документ из приходно-расходной книги (*Libro creditore e debitore*) некоего Джованни Келлини позволяет пролить свет на положение Фичино в этот период. «Я помню, что дня 28 октября 1451 одолжил магистру Марсилию, сыну магистра Фичино, состоящему наставником при Пьеро де Пацци, – сказано в этом

В письме к Лоренцо Медичи Фичино горячо рекомендует другого своего наставника Командо, который, по словам гуманиста, “держал во Флоренции школу в течение сорока пяти лет, и многие из его учеников стали людьми достойными; в числе его воспитанников был и я, впрочем не знаю, делаю ли ему этим честь” (“*Maestro Comando ha tenuto scuola in Firenze anni 45, et molti suoi discepoli sono venuti huomini degni. Io sono intra discepoli suoi; bene che non so se io mi gli fa onor. Tu sai che la conditione d’uno maestro di scuola non debbe essere peggiore che dun tavolaccino. Hunc et me tibi commendo. Tuus marsilius ficinus*”. См.: *Ficinus M. Ad Laurentium medicem // SF. Vol. II. P. 182*).

²⁴ *Caponsacchi P. Op. cit. P. 731*. См. также: *Marcel R. Op. cit. P. 173-174*. В пользу предположения о том, что первое знакомство Фичино с греческим языком относится к ранним годам его учебы, говорит цитирование в трактате “Похвалы философии” (середина 50-х гг. XV в.) одного стиха из “Орфических гимнов”, а равно и фрагмента из диалога Платона “Хармид” (*Ficinus M. Oratio de laudibus philosophiae // Ep. lib. IV. P. 760. 1*); скорее всего цитируемые тексты Фичино перевел сам, поскольку до сего времени никаких переложений на латынь ни того, ни другого произведения не было. См.: *Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden; N. Y., 1990. Vol. II. P. 401-402 N 7-8*.

²⁵ *Caponsacchi P. Op. cit. P. 731*.

²⁶ *Marcel R. Op. cit. P. 174, 177*.

документе, – логику магистра Паоло из Венеции на бумаге в переплете из кожи в присутствии магистра Пьеро ди Антонио Дини, который избран читать логику в университете Флоренции. Возвращена»²⁷. Таким образом, Фичино был студентом по крайней мере с осени 1451 г. и слушал курс у профессора флорентийского университета Пьеро ди Антонио ди Джованни Дини по «Логике» Паоло из Венеции, преподававшего в начале XV в. в Падуе. Кроме того, Фичино, как видно, едва достигнув восемнадцати лет, пользовался уже хорошей репутацией за свою образованность, если подвизался в качестве частного учителя (*ripetitore*) при тридцатипятилетнем Пьеро де Пацци, одном из богатейших и влиятельнейших людей Флоренции, обладателе прекрасной библиотеки, поддерживавшем отношения с видными гуманистами своего времени, того самого Пьеро де Пацци, которого в его юности, если верить Веспасиано да Бистиччи, гуманист Никколò Никколи направил на путь изучения наук и первым учителем латинской словесности у которого был Томмазо (у Веспасиано ошибочно указан Джованни) Понтано²⁸.

Упомянутый Капонсакки Никколò ди Якопо Тиньози, подобно Пьеро ди Антонио Дини, был типичным представителем схоластического знания, в университете Флоренции он читал с 1439 г. курсы по медицине и перипатетической философии, которые, надо полагать, слушал молодой Фичино вместе с еще одним другом своей юности Антонио Серафико (Антонио да Сан Миньято)²⁹. Автор второго жиз-

27 “Ricordo che a dì 28 d’ottobre 1451 io prestai al maestro Marsilio di maestro Fecino che sta per ripetitore cum Piero de Pazzi una loyca di maestro Paulo da Vinegia in carte di bambagia in asse legata coperta di cuoio presente maestro Piero Antonio Dini eletto a leggere loyca nello studio di Firenze. Riebbi” (*Hough S. J. An early record of Marsilio Ficino // RQ. 1977. Vol. 30 (P. 301-304). P. 301*).

28 *Bisticci V. da. Vite di uomini illustri del secolo XV. Bologna, 1893. Vol. 3. Nicolao Nicoli. VII. P. 88-89. См также: Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописание прославленных людей XV века. Никколò Никколи / Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. М., 1996 (С. 453-464). С. 459, а также С. 465 N 24.*

29 Антонио Серафико принадлежала рукопись комментария Тиньози (1402-1474 гг.) к “Никомаховой этике” Аристотеля (*Marcel R. Op. cit. P. 182*), посвященного Пьеро Медичи. Тиньози написал также элогию Козимо Медичи, комментарий к трактату “О душе” Аристотеля, направленные против Аргиропула полемические сочинения – апологию комментария к “Никомаховой этике”, два небольших трактата “Об идеях” и ряд других работ.

неописания Фичино уверяет, что Марсилия «связывала с магистром Никколò Тиньози великая дружба»³⁰, и под его руководством будущий гуманист с большим прилежанием занимался также математикой, астрономией и оптикой (перспективой), которой будто бы посвятил несколько работ³¹. По-видимому, одна из них – опубликованное П.О. Кристеллером сочинение «О зрении и о солнечных лучах»³², которое датировано 13 сентября 1454 г., и адресованное Антонио Серафико³³. Этим же историком издан ряд других ранних трудов Фичино; созданные после письма к Серафико³⁴, скорее всего в 1455 г., они представляют собой схоластические упражнения в области богословия, философии и естествознания. В их число входят «Сумма философии», предваренная письмом к Микеле Меркати (с коим были дружны Фичино и Серафико), «Трактат по физике», «Трактат о Боге, природе и искусстве», «Трактат о душе», еще один «Трактат по физике», «Вопросы о свете и многие другие», «О звуке», «Разделение

О Тиньози см. подробнее: *Della Torre A. Op. cit. P. 496-500; Marcel R. Op. cit. P. 174-184; Rotondò A. Nicolò Tignosi da Foligno (Polemiche aristoteliche di un maestro del Ficino) // Rinascimento. 1958. Vol. IX. N 2. P. 217-255; Berti E. La dottrina platonica delle idee nel pensiero di Niccolò Tignosi da Foligno // Filosofia e cultura in Umbria tra Medioevo e Rinascimento. Atti del quarto convegno di studi umbri. Gubbio 22-26 maggio 1966. 1967. P. 533-565; Sensi M. Niccolò Tignosi da Foligno, l'opera e il pensiero // Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università degli studi di Perugia. 1971-1972. Vol. IX. P. 359-495; Field A. The origin of the Platonic Academie of Florence. Princeton, 1988. P. 138-158.*

30 Vita secunda. 22. P. 705. Важно, что сам Фичино высоко отзывался о Тиньози, характеризуя его в письме к Козимо Медичи “выдающимся философом” (“Nicholaus Tignosius Fulginas, insignis philosophus”. См.: *Ficinus M. Excusatio prolixitatis // Ep. lib. I. P. 615. 2*).

31 Vita secunda. 23. P. 705.

32 “intorno alla visione e a raggi del sole” (*Caponscchi P. Op. cit. P. 731*).

33 См.: *Kristeller P.O. Un nuovo trattato inedito di Marsilio Ficino // SRTL. P. 139-150 (1 изд. – 1950 г.); Marcel R. Op. cit. P. 180-184*. В этом сочинении П.О. Кристеллер отмечает следы конфликта свойственной гуманистам риторико-грамматической культуры с философской образованностью схоластического чекана: *Kristeller P.O. Op. cit P. 145-146*.

34 Сделать такой вывод позволило Р. Марселю то, что Фичино в них подписывался уже не “Marsilius Feghinensis”, но “Marsilius Ficinus” (*Marcel R. Op. cit. P. 182, 185*).

философии»³⁵. Первое из них сам Фичино называет «очень кратким компендием по диалектике и философии», предназначенным служить введением в науки для Микеле Меркати³⁶, по своему характеру оно является студенческим рефератом. В сочинениях Фичино этого цикла используется принятый в схоластике способ рассуждений посредством постановки вопросов (*quaestiones*) и получения в ходе их решения определений (*diffinitiones*), а также выработанная в ней терминология. Вполне естественно, что большинство тем, в них обсуждаемых, заимствовано из различных трудов Аристотеля; так, трактаты, посвященные свету и звуку, в решении поставленных в них проблем обнаруживают зависимость от его «Физики»³⁷.

К этим ранним работам хронологически примыкает сочинение Фичино на тему этики семейных отношений, оформленное как «По-

³⁵ *Summa philosophiae; Tractatus physicus; Tractatus de Deo, natura et arte; Tractatus de anima; Tractatus physicus; Questiones de luce et alie multe; De sono; Divisio philosophiae*. Все они опубликованы в работе: *Kristeller P.O. The Scholastic background of Marsilio Ficino // SRLT (P. 35-97). P. 55-96.*

³⁶ “... brevissimo stilo dialectice simul et philosophie compendiosum hunc tibi tractatum mictere decrevi, ut illorum iam studiorum aliquantulum particeps efficiaris...” (*Ficinus M. Micaeli Miniatiensi // Ibid. P. 55-56*).

³⁷ Подробнее о следах схоластической выучки в трудах Фичино см.: *Heitzman M. L'agostinismo avicenizzante e il punto di partenza della filosofia di Marsilio Ficino // GCFI. 1935. Anno XVI (P. 295-322, 460-480). 1936. Anno XVII (P. 1-11). P. 3-9; Kristeller P.O. Florentine Platonism and its relations with Humanism and Scholasticism // SRLT. Roma, 1993. Vol. III (P. 39-48) (1 изд. работы – 1939 г.). P. 42, 48; Idem. The Scholastic background... P. 38-43; Marcel R. Op. cit. P. 186-187; Copenhaver B.P. Scholastic philosophy and Renaissance magic in the “De vita” of Marsilio Ficino // RQ. 1984. Vol. XXXVII. N 4. P. 523-554.*

Против того, чтобы преувеличивать влияние схоластики на стиль философствования Фичино, выступил Дж. Ханкинс, подчеркнувший, что флорентийский платоник в своем творчестве ориентировался не на характерные для университетской науки жанры (суммы, вопросы для диспута, глоссарии и т. п.), а на типы сочинений, популярные в античности и в ренессансном гуманизме – комментарии, философские письма, – и поэтому свой главный труд “Платоновское богословие” он построил по примеру работы Прокла с аналогичным названием (*Hankins J. Marsilio Ficino as a critic of Scholasticism // Vivens homo. Rivista teologica fiorentina. 1994. Vol. V (P. 325-334). P. 325-326*). Ориентация на Прокла несомненна, но надо иметь в виду, что сам Фичино на манер схоласта рассматривал свой главный труд в качестве “как бы комментария” к своего рода сумме древней мудрости, созданной Платоном (об этом см. ниже: С. 73-76).

слание к братьям» и датированное 6 августа 1455 г.³⁸. Скорее всего оно и есть труд под названием «Экономика» (*Oeconomica*), который указан в первом перечне сочинений Фичино (письмо к Полициано)³⁹.

Автор «Второго жизнеописания» Фичино утверждает, что отец «заставил его изучать философию Аристотеля и математические дисциплины, имея намерение сделать его медиком», покладистого же сына, который «серьезно занимался Аристотелем и медициной, дабы сделать приятное отцу», тем не менее, больше влекла Академия, то есть Платон, нежели Ликей, то есть Аристотель, и даже попытки его наставника Никколò Тиньози, убеждавшего ученика «покинуть Академию ради Ликейя», к успеху не привели⁴⁰; столь же безрезультатными оказались, как видно, и предостережения против чрезвычайного увлечения Платоном, высказанные старшими товарищами начинающего гуманиста Лоренцо Пизано и Антониом Альи⁴¹. Это предпочтение Платона другим мыслителям, подчеркивание своей близости к нему заметно уже в самых ранних Фичиновых текстах. «Как говорит, и более верно, наш Платон (курсив мой – Авт.)», – замечает Фичино, сравнивая его определение философии с Цицероновым в упомянутом послании к Серафико «О зрении и солнечных лучах»⁴²; в упомянутом же «Трактате о душе» прямо признает «авторитет Платона наивысшим из всех»⁴³. По сочинениям этого ряда видно, что диалог Платона «Федр» он цитировал в латинском переложении Леонардо Бруни, «Государство» – Дечембрио, «Тимей» – Халкондила, и последний перевод он даже собственноручно переписал⁴⁴. Словам Фичино о том, что он «с нежного возраста был почитателем Платона»⁴⁵, сле-

38 *Ficino M. Epistola a'fratelli // SF. Vol. II. P. 109-128.*

39 СРОФ // *SF. Vol. I. P. 1.* По поводу отождествления «Послания к братьям» с «Экономикой» см.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CLIX.*

40 *Vita secunda. 17, 22. P. 702, 705.*

41 См. об этом: *Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, 1988. P. 180-181.*

42 «*ut autem Plato noster et verius*» (*Kristeller P.O. Un nuovo trattato... P. 147*).

43 «*Platonis auctoritas que quidem maxima est omnium*» (*Kristeller P.O. The Scholastic background... P. 71*).

44 См.: *Marcel R. Op. cit. P. 184.*

45 «*... a tenera aetate nominis Platonici cultor*» (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. 1129*). Ср.: «*Ego a teneris annis divinum Platonem, quod nullus ignorat, sectatus sum*» (*Idem. Laus brevitatis // Ep. lib. I. P. 618. 1*).

дует доверять, если под «нежным возрастом» понимать его студенческие годы⁴⁶.

Первоначально знакомство с Платоном Фичино осуществил через доступные ему переводы, но, пожалуй, в бóльшей степени – опираясь на сочинения латинских авторов, о чем сообщает Корси, особенно выделяя роль Цицерона, благодаря которому будто бы Фичино столь «воспламенился любовью к Платону, что, забросив все другое, был озабочен только одним – иметь возможность приблизиться к воротам Академии, ближе увидеться и лично беседовать с Платоном, коего очень многие называют божественным и даже богом философов, и всей его [платонической] семьей. Итак, [он стал] внимательно изучать, исследовать латинских авторов, делая отовсюду извлечения и не пренебрегая ничем, что, по его мнению, было на пользу предпринятому труду. По этой причине всех латинских платоников, то есть Цицерона, Макробия, Апулея, Боэция, Августина, Халкидия и других такого рода [авторов], он никогда не выпускал из рук; в то время он составил на них комментарии, которые никогда не публиковал; после он передал их патрицию Филиппо Валори, одному из ближайших своих учеников»⁴⁷. «Забросить все другое» Фичино мог, судя по последовательности его трудов, не ранее 1455 г., а плодом его ревностного изучения платоников на этом этапе стали утраченные четыре книги «Наставлений в платонической науке» (*Institutiones ad Platonicam disciplinam*), обозначенные у Корси как комментарий и созданные в 1456 г.⁴⁸. В письме к Филиппо Валори (ноябрь 1491 г.), сопровождавшем передаваемые ему «Наставления...», Фичино подтверждает, что, сочиняя этот труд, он опирался на некоторых латинских платоников («*Platoniorum quorundam Latinorum lectione adiutus efficeram*»), и уточняет, что взялся «за его составление побуждаемый

46 См. выше С. 26.Примеч. 12.

47 *Cursius J.* Op. cit. IV. P. 681-682. В современных исследованиях особенно подчеркивается роль трудов Августина в приобщении молодого Фичино к Платонову наследию. См.: *Tarabochia Canavero A.* S. Agostino nella teologia platonica di Marsilio Ficino // *Rivista di filosofia neo-scolastica.* 1978. Vol. LXX. Fasc. IV (P. 626-646). P. 628.

48 Во втором жизнеописании сказано, что Фичино, будучи еще совсем молодым (*giovinetto* – речь идет о двадцати двух, или –трехлетнем человеке), составил этот свой труд, “вдохновляясь чтением св. Августина и некоторых других латинских платоников” (*Vita secunda.* 18. P. 703).

Кристофоро Ландино, ученейшим мужем, весьма дружески к нему расположенным» и что «когда тот прочитал его вместе с Козимо Медичи, то оба они одобрили, но посоветовали не публиковать, доколе не обучусь греческому языку и буду черпать из источников платонического учения»⁴⁹.

Надо полагать, Фичино был немало огорчен таким вердиктом и восприятием его труда, он рассчитывал, несомненно, на другую оценку, и уже самим названием, напоминающим широко известное сочинение христианского апологета IV в. Лактанция «Божественные наставления» (*Institutiones divinae*), которое служило своего рода введением в систему христианского вероучения, претенциозно намекал на сходную роль своих «Наставлений...» по отношению к наследию всей платоновской традиции. Тем не менее, послушавшись совета, распространять эту свою работу Фичино не стал, но и от уничтожения своего первенца (*liberum primogenitum*) тоже отказался, и даже более того – «приступив затем к Платону и греческим платоникам, он «Наставления...» в последующих книгах понемногу исправил»⁵⁰. Эти слова могут означать, впрочем, что был исправлен не текст самих «Наставлений...», а их содержание в последующих произведениях гуманиста⁵¹.

Несколько документов упоминают о созданных около того же времени, что и «Наставления...», «Комментариях к «Тимею» Платона»⁵², к диалогу, который в переводе Халкидия Фичино скопировал в 1456 г. Эти комментарии также исчезли и, по небезоснова-

49 *Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones // Ep. lib. XI. P. 929. 2.* В первом перечне своих трудов (письмо к Полициано) Фичино называет это сочинение “*Declarationes Platonicae disciplinae*”, сходным образом и в третьем – “*Declarationes Platonice in adolescentia libri quatuor*” (*SF. Vol. I. P. 1-2*).

50 *Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones. P. 929. 2.* О последующем исправлении этого сочинения сказано также в первом перечне: *SF. Vol. I. P. 1. 51* Ср. в этой связи: *Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol. I. P. CLXIV.*

52 “...in his quos in Platonis Timeum edidimus commentariis latius disputavimus”, – сказано в Фичиновом трактате “О наслаждении” (декабрь 1457 г.) (*Ficinus M. De Voluptate. IV // Op. om. I. P. 994*). “... *lega i pienissimi commentari del Timeo da lui [Ficino] composti*”, – читаем в анонимном предисловии к итальянскому переводу трактата “О божественном неистовстве” (конец 1457-начало 1458 гг.) (*Prooemium ignoti interpretis in epistolam de furore divino vulgarium // SF. Vol. I. P. 68*).

тельным догадкам историков, могли быть либо теми же «Наставлениями...», известными под другим названием⁵³, либо их частью⁵⁴.

На «Наставлениях...», первом Фичиновом опыте толкования платонизма, можно было бы больше не задерживать внимания, если бы не одно, мимоходом сделанное скорее всего в отношении их замечание: «О том, что душа бессмертна они [Меркурий и Платон] убеждают многими превосходными доводами, и поскольку в другой книге я на эту тему вел речь подробнее, то сейчас я обойду ее стороной», – сказано гуманистом в «Трактате о Боге и душе»⁵⁵, датированном 24 января 1457 г. по флорентийскому стилю, то есть 1458 г. «Другой книгой» из всего, что было создано Фичино до января 1458 г., могли быть скорее всего «Наставления...», и обсуждалась в ней, оказывается, проблема бессмертия души с позиций представляемой Платоном традиции, одним из основателей которой считался легендарный египетский мудрец Гермес (в латинских источниках – Меркурий) Трисмегист. «Вот почему хотя, – сказано в том же «Трактате о Боге и душе», – Меркурий был на земле много веков перед Платоном, тем не менее эти два светоча столь сходны [между собой], что воистину кажется, будто Меркуриев дух преобразился в Платона»⁵⁶. В этих цитатах, дающих самое общее представление о содержании «Наставлений в платонической науке», предвосхищена вместе с тем идея будущего главного труда гуманиста «Платоновское богословие о бессмертии душ», имевшего цель использовать выкладки языческих мудрецов для доказательства истинности основных положений

53 *Kristeller P.O. Introductio. P. CXX.*

54 *Marcel R. Op. cit. P. 201-202.*

55 “Che l’anima sia immortale costore [Mercurio e Platone] con ragioni molte et optime persuadono e perchè in altro libro io ho questa materia lungamente tractata, al presente la passerò con silentio” (*Ficino M. Tractatus de Deo et anima // SF. Vol. II (P. 128-158). P. 146*). В первом и третьем каталогах трудов Фичино этот трактат значится, как “compendium de opinionibus philosophorum circa Deum et animam” и “Opiniones philosophorum de Deo et anima” (*SF. Vol. I. P. 1-2*).

56 “... benchè Mercurio molti secoli fussi inanzi a Platone in terra stato, niente di meno sono questi due lumi in modo conformi che pare veramente el Mercuriale spirito nel pecto Platonico transformato” (*Ficino M. Tractatus de Deo et anima. P. 134*). См. в этой связи: *Copenhaver B.P. Lorenzo de’Medici, Marsilio Ficino and domesticated Hermes // Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1994 (P. 225-257). P. 247-248.*

христианского вероучения, в частности догмата о бессмертии индивидуальной души. Таким образом, уже в 1456 г., как видно, у гуманиста формируется установка, направлявшая всю его последующую деятельность, – разрабатывать христианскую апологетику, опираясь на философско-богословское наследие античности. Концепция намечаемого синтеза языческой и христианской культуры диктовалась благочестивой задачей укрепить христианскую веру, дав ее положениям более широкое, и поэтому, как казалось, более прочное обоснование авторитетом уходящей корнями в самые отдаленные времена традиции, наиболее полным образом обобщенной Платоном. Именно в том, чтобы возродить, изучить и истолковать эту традицию, видел свою миссию Фичино, и надо заметить, что подобное устремление гуманиста, отраженное в первых опытах, встречало полное понимание и горячую поддержку у некоторых его современников. «Божественный Платон написал на своем греческом языке бесчисленные работы, кои на протяжении великого множества лет были латинянам неведомы, если не считать того, что некоторые древние авторы в своих писаниях оставили о них память. Наконец, в наше время как многие другие, так и превосходный муж, слава нашего века Леонардо [Бруни] Аретино перевели для латинян греческие книги нашего Платона, которые хотя мы и читали, мало, однако, их разумели. Наконец же, был явлен новый Платонов ум, который благодаря тонкости дарований и непрерывному труду в нежнейшем возрасте смог его [этот ум] вскрыть и как бы обнаружить до дна [sviscerare – буквально: выпотрошить]. Им и является упомянутый Марсилиий, который... познакомил с древними философами – их книги и труды в течение целого ряда лет, лишь только, можно сказать, оторвавшись от материнской груди, он читал, изучал, разбирал до основания. Сколько мыслей древних [философов], почти уже утерянных, его трудами было возрождено. И более других – весьма темные речения Платона, столь долгие века многими с восхищением читаемые, но не постигаемые, им были разъяснены и сделаны доступными»⁵⁷, – эти восторжен-

⁵⁷ “Scrisse il divino Platone nella sua greca lingua opere innumerabili / le quali ai latini furono grandissima quantità d’anni incognite, ecceto che per leggere fama ne abbiano memoria alcuni antichi scriptori ne’ loro libri lasciata. Finalmente a’ nostri tempi et da molti altri et dallo eccellente uomo, gloria de’ nostri secoli, Lionardo Aretino a’ latini sono stati trasferiti e greci libri di Platone, e quali benchè leggessimo, poco era, meno intendendoli. Ma ultimamente è sta

ные слова по адресу «божественного философа Марсилия Фичино» принадлежат неизвестному переводчику на итальянский язык трактата «О божественном неистовстве», датированного 1 декабря 1457 г. и оформленного гуманистом как послание к поэту Пеллегрини дельи Альи. Позже включенное в состав первой книги «Эпистол»⁵⁸, это небольшое сочинение является толкованием изложенного в платоновском «Федре» (который был доступен Фичино пока еще в переводе Бруни) учения о божественном неистовстве, или вдохновении, как подлинном источнике поэтического творчества.

1 июня 1457 г. датировано письмо-трактат «О моральных добродетелях», имеющее подзаголовок «О великолепии», адресованное Антонио Каниджани⁵⁹; посвящено оно разработке нравствен-

to dato un nuovo intelletto di Platone e elquale si colla sua subtilità d'ingegno si col continuo studio in età tenerissima ha potuto quello aprire et quasi sviscerare. Questo è el soprannominato Marsilio, el quale ... ornoncioè manifestò gli antichi filosafi, e intra gli altri già pieni d'anni e loro volumi costui l'opere loro, appena si può dire dal petto materno spiccato, ha lette et rivoltate et tutti snodati e fondamenti. Quante antiche openioni già quasi perdute dal suo studio sono state risuscitate. Et sopra l'altre cose gli oscurissimi parlari di Platone già per tanti secoli da molti con ammirazione lecti, ma non intesi da costui sono stati dichiarati et quasi posti in piano" (Prooemium ignoti interpretis... // SF. Vol. I. P. 68-69).

⁵⁸ *Ficinus M. De divino furore // Ep. lib. I. P. 612-615* (Ср.: Платон. Федр. 244a-c). См. перевод письма на русский язык О.Д Григоровой: *Фичино М. О божественном неистовстве (De divino furore) // ВРХГИ. 2001. Вып. IV. С. 267-272*. Гипотеза Р. Марселя, поддержанная А. Шеппардом, о том, что это письмо-трактат вернее было бы датировать 1462 г., отвергнута С. Джентиле, показавшим, что дата, приведенная в конце письма, вполне реальная, так как на исходе 1457 г. фрагмент его цитируется уже в другом сочинении Фичино. См.: *Marcel R. Op. cit. P. 217-218; Sheppard A. The influence of Hermias on Marsilio Ficino's doctrine of inspiration // JWCI. 1980. Vol. XLIII (P. 97-109). P. 98-100; Gentile S. In margine all'epistola "De divino furore" di Marsilio Ficino // Rinascimento. Seconda serie. 1983. Vol. XXIII (P. 33-77). P. 34-35*. По весьма правдоподобному предположению А. Филда, письмо "О божественном неистовстве" могло быть фрагментом, заимствованным Фичино из его "Наставлений в платонической науке" (См.: *Field A. Christoforo Landino first lectures on Dante // RQ. 1986. Vol. 39 (P.16-48). P. 34-35; Idem. The origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, 1988. P. 181*).

⁵⁹ *Ficinus M. De virtutibus moralibus seu de magnificentia // SF. Vol. II. P. 1-6*. См. перевод на русский язык О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. О моральных добродетелях // Опыт тысячелетия. М., 1996. С. 437-441*.

ного идеала в духе тех изменений общественного и политического строя, которые имели место в раннемедицинской Флоренции⁶⁰. Этим же годом, по-видимому, следует датировать еще одно небольшое адресованное Клементе Фортини сочинение «О четырех философских школах», своего рода реферат, дающий краткие сведения об академическом, перипатетическом, стоическом и эпикурейском направлениях античной философии⁶¹. Работа, кроме высочайшей характеристики Платона⁶², примечательна, пожалуй, еще тем, что в ней Фичино выходит за прокламируемый им исключительный интерес к платонизму и рассматривает наследие древней философской мысли в гораздо более широком плане. Равно как и в другом произведении этого же периода – довольно пространным трактате «О наслаждении», исследующем гедонистическую этику основных философских учений древности – помимо четырех упомянутых выше – также киников, киренаиков, атомистов и некоторых других. Трактат «О наслаждении» датирован 30 декабря 1457 г., в его проблематике очевидным образом сказалось влияние эпикурейских увлечений Фичино, который, по мнению П.О. Кристеллера, как раз к концу того же года составил комментарий к Лукрецию⁶³.

Действительно, в это время Фичино отдал дань философской моде своего времени, занявшись учением Эпикура, незадолго перед тем ставшим доступным по первоисточникам⁶⁴: об этом его увлече-

60 См. об этом: Кудрявцев О.Ф. Власть культуры: Лоренцо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Переходные эпохи в социальном измерении. М., 2002 (С. 79-104). С. 80-82.

61 *Ficinus M. De quatuor sectis philosophorum* // *SF. Vol. II. P. 7-11.*

62 “Academicorum autem veterum princeps extitit Plato Atheniensis quem haud scio virumne sapientem an deum potius dixerim” (*Ibid. P. 7*).

63 *Kristeller P.O. Introductio. P. CLXIII.* См. в связи со сказанным также ссылку на атомистическое учение эпикурейцев в письме “О божественном неистовстве”: *Ficinus M. De divino furore. P. 612-613 (С. 269).*

64 В 1417 г. Поджо Браччолини обнаружил рукопись поэмы Лукреция Кара “О природе вещей”, около 1435 г. другой гуманист Амвросий Траверсари завершил перевод на латынь книги Диогена Лаэртского “О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов”, содержащей обстоятельные и документированные сведения об Эпикуре и его доктрине (см. кн. X). О распространении идей античного эпикуреизма в эпоху Возрождения см. подробнее: *Saitta G. La rivendicazione d’Epicuro nell’umanesimo* // *Filosofia italiana e umanesimo. Venezia, 1922. P. 55-82*; *Allen S. The Rehabilitation of Epicurus and*

нии юности вел речь в 1484 г. или 1485 г. Иоанн Панноний, упоминая о том, что гуманист «как то свойственно юному возрасту, легкомысленно пропагандировал некоего древнего философа, или поэта, ко-его затем, руководствуясь более здравым советом, стал скрывать и (как я слышал) уничтожать». Понятно, что корреспондент Фичино имел в виду поначалу популяризацию стихотворного произведения «О природе вещей» Лукреция Кара (I в. до н. э.)⁶⁵, представителя римского эпикуреизма, и уничтожение в последующем связанных с этой поэмой материалов, в чем сам Фичино признавался в письме за 1492 г. к Мартину Уранию (псевдоним немецкого гуманиста Мартина Преннингера): «... дабы случайно не показалось, будто я призываю читателей к принятому в древности почитанию богов и демонов, уже давно заслуженно осужденному, я, подобно пифагорейцам, остерегавшимся некогда делать достоянием толпы божественные тайны, всегда избегаю распространять то, что нечестиво, и поэтому мои небольшие комментарии (*commentariola*) к Лукрецию, которые, будучи еще юным составил, сам не знаю как, я в дальнейшем не стал сберегать, ибо я их, как Платон свои трагедии и элегии, сжег»⁶⁶.

his Theory of Pleasure in the Early Renaissance // *Studies in Philology*. 1944. Vol. 41. N 1. P. 1-15; Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX в. М., 1955. С. 61-73; Ревякина Н.В. Творческий путь Лоренцо Валлы и его философское наследие // Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989 (С. 5-64). С. 35-40; Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991. С. 25-62.

65 “... antiquum quendam philosophum sive poetam, utpote adhuc adolescens, leviter propagasti, quem deinde meliori fretus consilio suppressisti et (ut audio) pro viribus extraxisti...” (*Ioannes Pannonius* Marsilio Ficino. *Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia* // Ep. lib. VIII. P. 871. 2; Abel E. *Analecta nova ad historiarum Renascentium in Hungaria litterarum spectantia*. Budapestini, 1903. P. 278). См. в этой связи: Черняк И.Х. Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV века // *Актуальные проблемы изучения истории религии*. Л., 1976 (С. 86-100). С. 91-93.

С. Джентиле идентифицирует Иоанна Паннония с августинским монахом из Буды Яношем Варади (Иоанном Варадинским). См.: *Gentile S. Marsilio Ficino e l’Ungheria di Mattia Corvino* // *Italia e Ungheria all’epoca dell’umanesimo corviniano*. Firenze, 1994 (P. 89-110). P. 109. См.: Хаванова О.В. Варади Петер // *КВЭ*. Т. I. М., 2007. С. 290, 291.

66 *Ficinus M. Opiniones non temere divulgandae. Item Orphei carmina* // Ep. lib. XI. P. 933. 3.

Прямое отношение к «небольшим комментариям» имеет несколько писем за 1457-1458 гг., избежавших огня только потому, что сохранились в списке, сделанном Серафико. Все они касаются различных сторон учения Лукреция⁶⁷ и, как не без основания предполагает Р. Марсель, воспроизводят либо отражают содержание утраченных Фичиновых толкований его философии⁶⁸. В это время отношение Фичино к Лукрецию сугубо положительное. «Благородный эпикуреец», «самый замечательный из эпикурейских философов», которые «ни в коем случае не заслуживают пренебрежения» – так отзывался молодой гуманист в 1457 г. о Лукреции и стоящем за ним направлении⁶⁹. Скорее всего опираясь на Лукреция, тогда же, в 1457-1458 гг., он создал трактат «Физиогномия» (*Physiognomia*), о котором говорит в одном из упомянутых выше писем, советуя своему адресату по-

67 Первое от 15 октября 1457 г., адресованное Микеле Меркати и являющееся, судя по контексту, продолжением какого-то другого письма, в котором излагалось учение Лукреция о природе и движении души, преподносилось в качестве “своего рода очень краткого пояснения к философии Лукреция” (*perbreve quoddam in Lucretii philosophiam argumentum*) и рассматривало его представление о власти Матери-Природы над человеческими делами. Второе письмо, направленное к Серафико и датированное 29 ноября того же года, трактует, опираясь на Лукреция, о высшем благе по Демокриту и Эпикуру; в третьем за январь 1458 г., посланном неизвестному лицу, речь идет об утерянном трактате Фичино “Физиогномика” и о Лукрециевой теории темпераментов; наконец, четвертое, не датированное, предназначено Пьеро Пацци и вновь обращается к теме Матери-Природы (опубликованы П.О. Кристеллером: *SF. Vol. II. P. 81-87*).

68 См. подробнее: *Marcel R. Op. cit. P. 224-226*.

69 “*Epicureus nobilis*” (*Ficinus M. De voluptate. XVII. P. 1009*); “*Lucretius ille noster Epicureorum philosophorum clarissimus*” (*Idem. Ad Antonium Seraphicum // SF. Vol. II. P. 82*). Характеристика же эпикурейцев как “*philosophi minime contempnendi*” сохранилась только в рукописях трактата “О наслаждении” и была снята Фичино при подготовке его первого издания у Альда Мануция в 1497 г. См.: *Gentile S. Epistola “de divino furore”... P. 70*. Об отношении молодого Фичино к Лукрецию см.: *Gabotto F. L’epicureismo di Marsilio Ficino // Rivista di filosofia scientifica. 1891. Vol. X. P. 428-442*; *Wind E. Pagan mysteries in the Renaissance. Oxford, 1980 (1 изд. – 1958 г.). P. 48-51, 69-70*; *Kristeller P.O. The scholastic background... P. 38-49*; *Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979. P. 78-79*; *Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 121-122*; *Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. С. 49-53*.

читать Лукреция, если того интересует проблема темпераментов⁷⁰. И совсем не случайно это сочинение исчезло – вместе с другими своими «эпикурейскими» писаниями гуманист его должен был уничтожить в огне до осени 1484 г.

Интерес к эпикуреизму быстро погас, более того со временем обнаружилось резко негативное отношение гуманиста к мыслителям этого направления, философия которых стала преподноситься как враждебная христианству, в частности по причине отрицания бессмертия души, а сами они обвинены в «Платоновском богословии», главном труде Фичино, в нечестивости⁷¹.

Трудно понять, что побудило гуманиста поначалу обратиться к эпикурейскому учению – возможно, мысль о том, что все части совокупной философской культуры древности заслуживают внимания в связи с целями христианской апологетики, – а в последующем совершенно отречься от своего увлечения им, усмотрев в нем угрозу делу, которому он обрек себя. Не исключено, впрочем, что не обошлось без чьего-то вмешательства. По воспоминаниям о беседах с Фичино доминиканца Зеновия Аччайуоли, содержащимся в посвящении папе Льву X в 1515 г. латинского перевода трактата Феодорита Кирского (отца церкви V в.) «Врачевание эллинских недугов», будто бы благодаря предостережениям архиепископа Антонина Флорентийского (Пьероцци, 1389-1459 гг.), убежденного, как и его учитель Иоанн Доминичи⁷², в бесполезности и опасности языческих писаний, его молодой клирик Фичино, изучавший с юных лет Платона, не впал в «гибельную ересь» и по настоянию сего «добрého пастыря» прочитал четыре книги «Суммы против язычников» Фомы Аквинского⁷³. Нужно согласиться с П.О. Кристеллером, что эти сообщения не

70 *Ficinus M. Ad anonymum* // SF. Vol. II. 87. Этот трактат назван также в первом перечне трудов Фичино: CPOF. P. 1.

71 “Interturbabunt disputationem nostram impii duo; Lucretius et Epicurus, ut solent, non ratione aliqua, sed clamore” (*Ficinus M. Theologia platonica de immortalitate animorum. X. 6* // Op. om. (P. 78-424). P. 232.

72 О критике культуры языческой древности у Иоанна Доминичи см. подробнее: Горфункель А.Х. Полемика вокруг античного наследия в культуре Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 6-19.

73 *Zenobius Acciaiuoli. Prologus ad Leonem X* // *Theodoretus Cyrensis. Graecarum affectionum curatio. Heidelberg, 1592. Посвящение воспроизведено в изд.: SF. Vol. II. P. 204. См. также: Marcel R. Op. cit. P. 204.*

всегда достоверны (так, Фичино не был в молодости клириком св. Антонина), но беседы начинающего гуманиста с архиепископом, надзиравшим за Флорентийским университетом, могли иметь место, и маститый богослов, мало симпатизировавший увлечению Платоном, вполне мог порекомендовать Фичино ознакомиться с указанным сочинением Фомы⁷⁴. Хотя в трудах Фичино действительно обнаруживается знание «Суммы против язычников»⁷⁵, занятия платонизмом – в самом широком смысле – он после обращения к ней не свернул, чего не скажешь об эпикуреизме; не повлияли ли внушения св. Антонина, в творчестве которого нашла продолжение великая схоластическая традиция средневековья, дававшая сугубо отрицательную оценку учению Эпикура и его последователей⁷⁶, на перемену отношения Фичино к этому направлению античной философии?

74 Kristeller P. O. Per la biografia di Marsilio Ficino // SRTL (P. 191-211). P. 201 (1 изд. статьи – 1938 г.). См. также: Catalogo. P. 172-173; Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Vol. I. P. 454-459.

А. Филд выдвинул предположение о том, что против увлечения писаниями древних язычников Фичино скорее всего предупредил не архиепископ Антонин, а старший товарищ гуманиста Антоний Альи, действительно выступавший с подобным предостережением в диалоге «О таинственном статире» (*De mystica statera*); Зеновий Аччайуоли мог перепутать в более поздних воспоминаниях имена Антония Альи и Антонина. См.: Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence. P. 180-181.

75 См. в этой связи исследования: Dress W. Die Mystik des Marsilio Ficino. Berlin-Leipzig, 1929. S. 157-176; Gilson E. Marsile Ficin et la "Contra Gentiles" // Archive d'Histoire doctrinale et litteraire de Moyen Age. 1957. Annee 32. P. 101-113; Fabro C. Influenze tomistiche nella filosofia del Ficino // Studia Patavina. 1959. Vol. VI. N 1. P. 396-413; Collins A.B. The secular is sacred. Platonism and Thomism in Marsilio Ficino's "Platonic Theology". The Hague, 1974.

Вопрос о воздействии на Фичино учения Фомы Аквинского был остро поставлен в монографии Дж. Аникини и стал предметом дискуссии в спровоцированных этой работой статьях Э. Гарэна. См.: Anichini G. L'umanesimo e il problema della salvezza in Marsilio Ficino. Milano, 1937; Garin E. Recenti interpretazioni di Marsilio Ficino // GCFI. 1940. Vol. XXI. Fasc. V. P. 299-318; *Idem*. A proposito di Marsilio Ficino // *Ibid*. 1941. Vol. XXII. Fasc. IV. P. 271-274; Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 168.

76 Garin E. La cultura filosofica... P. 72-77; Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и "Утопия". М., 1991. С. 42-43. N 69.

§ 2. У истоков языческой мудрости: ранние переводы с греческого. «Поймандр»

По мнению Р. Марселя, союзником св. Антонина должен был выступить отец Фичино; озабоченный тем, чтобы сын стал врачом и благодаря этому имел надежный и достойный источник дохода, он с неприязнью воспринимал философские увлечения Марсилиа. Дабы достичь своей цели он будто бы удалил сына из Флоренции, отправив его учиться медицине в Болонский университет. У самого Фичино нет никаких упоминаний о прохождении им курса наук в Болонье, единственным источником является сообщение Корси, указывавшего не только волю отца, но и стеснительное материальное положение (*rerum angustia*) в качестве причин, которые заставили молодого Фичино без охоты (*invitus*) направиться в Болонью для освоения, как сказано, противных его душе и природе предметов. И вот тогда, по Корси, дело было исправлено «божественным благодеянием» (*divino, ut patet, beneficio*), ибо, как-то вернувшись во Флоренцию и будучи приведен отцом к Козимо Медичи для приветствия, он был примечен и оценен престарелым правителем Флоренции и его ходатайством перед отцом возвращен к любимым занятиям платоновской философией (о возрождении которой Козимо помышлял с Флорентийского собора); и было ему в это время двадцать шесть лет⁷⁷. Иначе говоря, угодная небесам встреча с Козимо состоялась в 1459 г. А это значит, в Болонье Фичино мог находиться с 1458 г. С полным доверием к сообщению Корси относится А. Делла Торре⁷⁸, Р. Марсель считает необходимым, приняв его, пересмотреть даты и отнести болонский период к 1459-1462 гг.⁷⁹, тогда как П.О. Кристеллер полагает недостоверными сведения о болонской учебе Фичино⁸⁰. Врачебное, как и философское, образование Фичино получил во Флорентийском университете, где он числился студентом еще в 1462 г.⁸¹, и это образование позволило ему в дальнейшей жизни

77 *Cursius J.* Op. cit. V. P. 682.

78 *Della Torre A.* Op. cit. P. 524-531.

79 *Marcel R.* Op. cit. P. 212, 233, 234, 237-240.

80 *Kristeller P. O.* Per la biografia ... P. 196.

81 См.: *Kristeller P.O.* Marsilio Ficino and his work after five hundred years // MFRP. Vol. I. P. 172.

использовать медицинские познания на практике, а также в сочинениях на темы противодействия болезням и сохранения здоровья⁸². Связи с университетом Флоренции Фичино не утратил и после его окончания. Из недавно опубликованных финансовых документов университета явствует, что в 1466 г. Фичино был нанят для чтения в нем лекций по философии, и скромную свою плату за них – 40 флоринов – он, ни к этому времени, ни позже не позаботившийся обзавестись академической степенью доктора, получил с большим опозданием, только в 1469 г.⁸³.

Корси говорит, что после судьбоносной встречи с Козимо в 1459 г. Фичино «целиком погрузился в платоновские штудии» и, пройдя недолгое обучение греческому языку под руководством известного гуманиста Бартоломео Платины, приступил к переводам⁸⁴. Однако П.О. Кристеллер, а вслед за ним Р. Марсель убедительно показали, что Платина, сам приехавший во Флоренцию в 1457 г., дабы учиться греческому языку у Аргиропула, не мог преподавать этот язык Фичино. Возможно, Фичино после предварительного обучения ему в более ранние годы⁸⁵ продолжал его осваивать у Франческо да Кастильоне, который с 1446 г. читал курс греческой словесности во Флорентийском университете, но также может быть, что молодой гуманист, по правдоподобной догадке Р. Марселя, совершенствовался самостоятельно, работая с греческими текстами⁸⁶.

О том, что после 1459 г. Фичино занимался в основном сочинениями на греческом, перелагая их на латынь, убеждают списки его трудов. В первом перечне (письмо к Полициано, не ранее 1474 г.) сказано, что «с греческого языка на латынь я [Фичино] перевел «Первоосновы физики» и «Первоосновы богословия» платоника Прокла, четыре книги «О пифагорейской школе» Ямвлиха из Халкиды, «Математику» Теона Смирнского..., стихи и символы Пифагора»; во втором (письмо к Мартину Уранию, 1489 г.) говорится еще о переводе

82 См. ниже С. 86, 96-98.

83 См. статью, в которой опубликованы соответствующие документы: Davies J. Marsillio Ficino: lecturer at the Studio fiorentino // RQ. 1992. Vol. XLV. N 4. P. 785-790.

84 Cursius J. Op. cit. VI. P. 682. Утверждение Корси принимает А. Делла Торре: Della Torre A. Op. cit. P. 531.

85 См. выше С. 28-29

86 Kristeller P. O. Per la biografia ... P. 198-200; Marcel R. Op. cit. P. 243-248.

«Комментария на «Федр» Платона Гермия»⁸⁷; уже в цитированном послании Иоанна Паннония (вторая половина 1484 г.) упоминается о давних Фичиновых переводах «Орфеевых стихов», Меркурия (Гермеса) Трисмегиста, Пифагора и о комментариях к «Зороастровым стихам»⁸⁸; наконец, также в известном послании к Мартину Уранию за июнь 1492 г. гуманист признается, что «Аргонавтику» и «Гимны» Орфея, а также [гимны] Гомера и Прокла и «Теологию» [«Теогонию»] Гесиода, которые дословно только для себя в молодости (не знаю как) перевел – их ты, некогда гостя у меня, видел, – опубликовать никогда я не хотел» по той же причине, что и комментарии к Лукрецию, то есть дабы не быть заподозренным в пропаганде осужденного древнего культа богов и демонов⁸⁹. Похоже, не только благочестивые опасения помешали Фичино дозволить распространение этих переводов – ведь не поколебался же он разрешить копирование и даже организовал перевод на итальянский язык переложенного им на латынь «Герметического корпуса», по содержанию близкого к названным писаниям. Скорее всего была еще одна причина, по которой гуманист скрывал свои ранние труды, – их незрелый, ученический характер; не случайно он обмолвился, что переводил дословно (*ad verbum*), как делают новички, стремясь к буквальному воспроизведению текста на другом языке, и естественно, что такой перевод мог предназначаться только для себя (*mihi soli*), ибо для других он будет мало вразумителен.

К подобного рода первым опытом перевода с греческого принадлежали, по-видимому, лишь единожды упомянутые и не оставившие другого следа в трудах гуманиста переводы «Первооснов физики» и «Первооснов богословия» Прокла (*Proculi Platonici physica e*

87 “E graeca lingua in latinam transtuli Proculi Platonici physica et theologia elementa, Iamblici Chalcidei libros de secta Pythagorica quattuor, Theonis Smyrnaei mathematica... carmina symbolaque Pythagorae” (CPOF. P. 1); “... traduximus Hermiam in Phaedrum” (CSOF. P. 2).

88 “... et carmina Orphica oblivioni prius tradita luci restituisses. Mox et Mercurium Trismegistum antiquissimum traduxisti, et Pythagorica multa. Item carmina Zoroastris explanavisti...” (Ioannes Pannonius. Op. cit. P. 871. 2).

89 “Argonautica et Hymnos Orphei et Homeri atque Proculi Theologiamque Hesiodi, que adolescens (nescio quomodo) ad verbum mihi soli transtuli, quemadmodum tu nuper hospes apud me vidisti, edere nunquam placuit, ne forte lectores ad priscum deorum demonumque cultum iandiu merito reprobatum revocare viderer” (Ficinus M. *Opiniones non temere divulgandae...* P. 933. 3).

theologica elementa); ибо в письме к Мартину Уранию, содержащему второй перечень трудов, Фичино упоминает «Первоосновы богословия» Прокла, имея в виду старый перевод XIII в. Вильгельма из Мёрбеке⁹⁰, как будто сам он их и не переводил.

К числу ранних относится также переложение «О пифагорейской школе» Ямвлиха, как и большинство работ этого времени, не опубликованных и сохранившихся в двух списках, один принадлежал Пьерлеоне да Сполето, врачу Лоренцо Медичи, другой – Джованни Пико делла Мирандола. Из текста этого трактата, той его части, которая именуется «Протрептик» (Protrepticus), Фичино изъясил фрагменты и после переработки, в новой латинской редакции успел их преподнести Козимо Медичи в качестве самостоятельных пифагорейских писаний под названием «Символы» (Symbola) и «Золотые стихи» (Carmina aurea); а это значит, что перевод всего произведения был сделан до смерти Козимо, то есть до августа 1464 г. Более того, как показал С. Джентиле, именно в этой редакции (а не в более ранних переводах Ринуччо Аретино и Джованни Ауриспы), впервые опубликованной Фичино вместе с другими неоплатоническими писаниями у Альда Мануция в Венеции в 1497 г.⁹¹, их использовал Леон Баттиста

⁹⁰ “Leguntur etiam utcunque traducta Elementa Theologiae Proculi...” (Ficinus M. Responsio petenti Platonicam instructionem et librorum numerus // Ep. lib. IX. P. 899. 2).

⁹¹ В первом каталоге трудов (письмо к Полициано) эти переводы названы “carmina symbolaque Pythagorae” (CPOF. P. 1). В первом, альдовском издании и в базельском собрании сочинений они значатся: “Pythagorae aurea verba. Eiusdem symbola” (Op. om. P. 1978). Фичино также принадлежит сохранившееся в рукописи краткое пояснение к некоторым пифагорейским символам. См.: Ficinus M. Symbola Pythagore // SF. Vol. II. P. 100-103. См. также: Kristeller P.O. Introductio. P. CXLVII.

Речь идет о приписываемых Пифагору “Золотых стихах”, на самом деле – произведении пифагорейской школы, окончательно сложившемся скорее всего в эллинистическую эпоху (см.: Петер И.Ю. “Пифагорейские золотые стихи” и “Комментарий” Гиерокла // Пифагорейские золотые стихи с комментарием Гиерокла. М., 2000 (С. 127-150). С. 132, 133; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 52-53), и пифагорейских “Символах”, или “Знаках” (“Акусмах”), которые приводили в своих сочинениях Диоген Лаэртский (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VIII. 17-19, 34-35), Порфирий (Жизнь Пифагора. 42-44) и Ямвлих (Жизнь Пифагора. 83-87, 103-105)

Альберти, готовя для своих племянников в 1462 г. на итальянском языке «Пифагорейские речения» (*Sentenze pitagoriche*)⁹². То есть в 1462 г. уже имелась в наличии окончательная редакция «Символов» и «Золотых стихов», а это значит, что перевод Ямвлиха «О пифагорейской школе» был выполнен еще раньше⁹³.

В одно время с трактатом Ямвлиха был переведен также сохранившийся лишь в рукописи Пьерлеоне да Сполето комментарий Гермия Александрийского (V в.) на «Федр» Платона (использованный гуманистом уже при написании сочинения «О божественном неистовстве»), о чем говорит буквальное следование греческому оригиналу, неточности и неотделанность латинского текста – черты, характерные для начинающего переводчика, каковым Фичино являлся до 1462 г.⁹⁴. Та же самая чрезвычайная близость к исходному греческому тексту присуща и переводу «Математики» Теона Смирнского,

92 См.: *Alberti L.B. Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1966. Vol. II. P. 297-300.*

93 См. подробнее: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // Rinascimento. II serie. 1990. Vol. XXX (P. 57-104). P. 73-80.*

94 См. подробнее: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino. P. 73, 80-82.* На том основании, что упоминание о переводе Гермия отсутствует в первом перечне трудов Фичино, его создание ко времени после 1474 г. относят П.О. Кристеллер, М. Аллен и П. Лоран: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXLVI; Allen M.J. Two commentaries on the "Phaedrus": Ficino's Indebtedness to Hermias // JWCI. 1980. N 43 (P. 110-129). P. 112-114; Idem. The Platonism of Marsilio Ficino. A study of his "Phaedrus" commentary, its sources and genesis. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 243; Allen M.J., White R.A. Ficino's Hermias Translation and a New Apologue // Scriptorium. 1981. Vol. 35 (P. 39-47). P. 39; Laurens P. Introduction // Ficin M. Commentaire sur le "Banquet" de Platon. De l'Amour. Paris, 2002. P. LXXXIII.*

О том, что Фичино опирался на комментарий Гермия при создании «Комментария на «Пир» Платона» (1469 г.) говорится в работе: *Sheppard A. Op. cit. P. 101-109.*

Перевод Гермия, как и перевод Ямвлиха, Фичино не считал законченным. В конце первого варианта «Комментария к «Филебу»» (подготовлен после июля 1469 г.), сохранившегося в ватиканской рукописи, сказано: «*Commentaria hec ego Marsilius nondum absolvi nec emendavi. Similiter neque Iamblici et Hermie translationem*» (*Ficinus M. Commentaria in Philebum Platonis de summo bono // Vat. Lat. 5953. P. 413v*).

Трактат Гермия представлял собой запись толкований его учителя Сириана на диалог Платона «Федр». См.: Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000. С. 311.

в единственном экземпляре дошедшему до нас в рукописи Джованни Пико дела Мирандола, что позволяет отнести и эту работу Фичино к ранним его опытам, предпринятым до 1462 г. Труд Теона создан в первой половине II в., относится к произведениям пифагорейского толка и предназначен был служить своего рода математическими пролегоменами к диалогам Платона; его полное название – «Изложение математических сведений, необходимых для изучения Платона»⁹⁵.

Таким образом, все три перевода – Ямвлиха, Гермия, Теона Смирнского – принадлежат к первым упражнениям Фичино, еще уверенно не владевшего греческим языком и по причине неудовлетворительного качества отказавшегося от их широкого распространения. Их число может быть пополнено переводом «О природе мироздания» (*De natura universi*) Псевдо-Окелла Луканского, если верно предположение П.О. Кристеллера о том, что его сделал Фичино⁹⁶.

Выполнение еще одного цикла ранних переводов – орфических, гомеровских, Прокловых гимнов, орфической «Аргонавтики» и «Теогонии» Гесиода, – от которых сохранились только цитаты в произведениях гуманиста, скорее всего следует датировать 1462 г., ибо началом сентября помечено письмо к Козимо Медичи, в котором содержится, по-видимому, незадолго перед тем переложенный орфический гимн⁹⁷. Во всяком случае к началу 1463 г. работа над ними

95 См.: *Gentile S. Sulle prime traduzioni...* P. 74, 82, 84.

96 *Kristeller P.O. Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // SRTL. Roma, 1991. Vol. III (P. 93-108). P. 95 N 5 (1 изд. статьи – 1966 г.); Idem. Marsilio Ficino and his work after five hundred years // MFRP. Vol. I (P. 15-196). P. 157. Перевод не подписан, сохранился в манускрипте, принадлежавшем Антонио Серафико (сейчас в библиотеке Пьяченцы), среди ранних трудов Фичино. См. также: *Gentile S. Sulle prime traduzioni...* P. 85.*

97 См. письмо Фичино к Козимо Медичи: *SF. Vol. II. P. 88*. Его перевод на русский язык имеется в работе: *Кудрявцев О.Ф. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Культура Возрождения и власть. М., 1999 (С. 37-48). С. 48.*

Первые списки гомеровских и орфических гимнов и «Аргонавтики», а также гимнов позднеантичного философа-неоплатоника Прокла были доставлены из Константинополя в Италию в 1423 г. Ауриспой и в 1428 г. Франческо Филельфо. В состав так называемых гомеровских гимнов входят 33 (или 34) произведения, которые создавались, начиная с архаического периода греческой истории и до ранневизантийской эпохи. Приписываемые Орфею гимны представляют собой памятник иератической поэзии, в которой народные верования греков, восходящие к довольно ранним

была завершена⁹⁸. Известно из письма Иоанна Паннония, что Фичино написал комментарий к «стихам Зороастра», которые скорее всего сам же и перевел⁹⁹ (он их цитировал в последующих своих произве-

временам, сочетаются с учениями орфиков, пифагорейцев, Гераклита и стоиков; составлены не ранее начала II в. до н. э. по одним предположениям в Александрии, по другим – в Малой Азии; орфическая “Аргонавтика” датируется IV-V вв. н. э. См.: Фойгт Г. Возрождение классической древности, или первый век гуманизма. М. (1884-1885. Т. 1-2). Т. 1. С. 244-247, 320-321; Новосадский Н.И. Орфические гимны. Варшава, 1900. С. 1-2, 228-241; Тахо-Годи А.А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988 (С. 5-55). С. 11-20, 27-49.

Хотя Фичиновы переводы не были изданы, в списках они имели некоторое хождение: гуманист их давал читать друзьям (Мартину Уранию), отдельные гимны посылал в подарок, например, Козимо Медичи и Герману де Ганэ (См.: *Kristeller P.O. The scholastic background...* P. 52-53, 96-97. Перевод О.Ф.Кудрявцева письма к Герману де Ганэ см.: *Итальянские гуманисты эпохи Возрождения (XV век)*. С. 221-222). Бóльшая часть ранних переводов Фичино до настоящего времени не обнаружена.

Подробнее о восприятии Орфея в качестве одного из древнейших поэтов-богословов, коему доступны были сокровенные божественные тайны, и о следах орфического учения в трудах Фичино см.: *Walker D.P. Orpheus the theologian and Renaissance Platonism // JWCI. 1953. Vol. XVI. N 1-2. P. 100-120; Buck A. Der Orpheus-Mythos in der italienischen Renaissance. Krefeld, 1961. S. 10, 16, 18-23; Warden J. Orpheus and Ficino // Orpheus. The metamorphoses of a myth. Toronto; Buffalo; L., 1985. P. 85-110.*

98 См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXLIV-CXLV.*

99 “*Carmina Zoroastris*”, или стихи Зороастра”, – произведение языческого гностицизма (усвоившего элементы платонизма, неопифагореизма, стоицизма и восточных учений) из 60 написанных гекзаметром стихов, более известное под названием “Халдейские оракулы”; создано в конце II в. н. э. Юлианом Теургом, сыном Юлиана Халдеянина. Приписывая авторство этих стихов Зороастру, Фичино следовал скорее всего Плифону, доставившему их в Италию в 1438-1439 гг.; гуманист располагал греческим манускриптом “Халдейских оракулов” с комментариями к ним Пселла и Плифона (см.: *Dannfeldt K.H. The Pseudo-Zoroastrian Oracles in the Renaissance // Studies in the Renaissance. 1957. IV (P. 7-30). P. 9-13; Лосев А.Ф. История античной эстетики (Далее – ИАЭ). Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. М., 1992. С. 218-222; Klutstein I. L’interprétation ficinienne des Oracles chaldaïques // Il neoplatonismo nel Rinascimento. A cura di P. Prini. Roma, 1993 (P. 53-64). P. 54; Tambrun B. Marsile Ficin et le Commentaire de Pléthon sur les “Oracles Chaldaïques // Academia. 1999. Vol. 1. P. 9-48; Laurens P. Op. cit. P. LXXI-LXXIII, LXXXIX).*

дениях). Поскольку в письме Паннония этот комментарий упомянут между переводами Гермеса Трисмегиста и Платона, то, по мнению П.О. Кристеллера, он и выполнен был после окончания работы над герметическими текстами (апрель 1463 г.)¹⁰⁰. Но Панноний, писавший много лет спустя после личного знакомства с Фичино, не имел в виду перечислять его труды в хронологическом порядке, иначе как объяснить то, что вместе с комментарием Зороастра также между переводами герметических и Платоновых сочинений он упоминает перевод «многих пифагорейских писаний» (*Pythagorica multa*), завершённый, как показал С. Джентиле, до 1462 г.¹⁰¹. Скорее всего к этому же времени относится и работа над «стихами Зороастра», а также, не исключено, над переводом комментариев к ним Плифона, поскольку сразу по окончании герметического свода Фичино приступил к сочинениям Платона¹⁰², за которые он, похоже, брался и ранее.

Гораздо яснее обстоит с датировкой осуществленного будто бы по инициативе Козимо Медичи перевода корпуса гностических трактатов, получивших общее название «Поймандр»¹⁰³ и приписываемых Гермесу (в римской традиции – Меркурию) Трисмегисту, старинному египетскому мудрецу, сообщившему, как считалось,

100 *Kristeller P. O. Introductio. P. CXLV. См. также: Klutstein J. Marsilio Ficino et la theologie ancienne. Oracles chaldaïques. Hymnes Orphiques. Hymnes de Proclus. Città di Castello, 1987. P. 3-6.*

101 См. выше С. 47-48

102 См в этой связи: *Marcel R. Marsile Ficin. P. 249-250. Догадка о том, что анонимный перевод Плифоновых комментариев к “Халдейским оракулам” (“стихам Зороастра”), возможно, принадлежит Фичино, высказана в работе: Kristeller P.O. Marsilio Ficino as a beginning student of Plato. P. 95. N 5.*

103 Фичино поведал об этом во Введении к переводу Плотина: «Post haec autem anno millesimo quadringentesimo sexagesimo tertio... mihi Mercurium primo Termaximum, mox Platonem mandavit [Cosmus] interpretandum. Mercurium paucis mensibus eo vivente peregi: Platonem tunc etiam sunt aggressus» (*Ficinus M. In Plotini Epitomae... Prooemium // Op. om. Vol. II. P. 1537*). Впрочем, о настояниях Козимо, побуждавшего к переводу на латынь Герметического корпуса, Фичино упоминал уже в посвящении ему завершённой работы: «Ego cum autem tuis exhortationibus provocatus, è Graeca lingua in Latinum convertere statuissem, aequum fore putavi, Cosme felix, ut nomine tuo opusculum dedicarem» (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurij Trismegisti ad Cosmum Medicem // Op. om. P. 1836*).

в них божественные тайны людям¹⁰⁴. Латинская версия «Поймандра» заняла месяцы и была доведена до конца в апреле 1463 г.¹⁰⁵. Предпосланное ей пояснение (*argumentum*) с посвящением Козимо Медичи¹⁰⁶ проливает свет на несколько неожиданный порядок предприня-

104 Герметический корпус был доставлен из Македонии во Флоренцию монахом Леонардо да Пистойя, или Леонардо Македонцем, в 1460 г. и передан Козимо Медичи («... nuper ex Macedonia in Italiam advectus, – писал Фичино о Герметическом корпусе, – *diligentia Leonardi Pistoriensis, docti, probique monachi, ad nos pervenit*». *Ficinus M. Argumentum in librum Mercurij Trismegisti...* P. 1836). Фичино перевел четырнадцать трактатов, содержащихся во врученной ему рукописи, и озаглавил их все «Поймандр» (лат.: *Pimander*) по названию первого из трактатов, рассматриваемых Фичино как части, или главы, одной работы. Последний трактат корпуса, отсутствовавший в рукописи Фичино (современная историческая критика его разбирает еще на несколько трактатов) был переведен позже Лодовико Лаццарели и издан в 1507 г. Симфорианом Шампье. См.: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino e Lodovico Lazzarelli. Contributo alla diffusione delle idee ermetiche nel Rinascimento // SRTL* (P. 221-247). P. 223-229; *Кудрявцев О.Ф. “Великое чудо человек”*; *Гермес Трисмегист // Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. С. 5-9, 36-39*; *Gentile S. Ficino ed Ermete // Marsilio Ficino e il ritorno di Ermete Trismegisto. A cura di S. Gentile, C. Gilly. Firenze, 1999 (P. 19-26). P.19*).

105 Первым изданием Фичинов перевод “Поймандра” вышел в свет в Тревизо в 1471 г. См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIX-CXXX*; *Allen M.J.B. Marsilio Ficino, Hermes Trismegistus and the Corpus Hermeticum // New Perspectives on Renaissance Thought. L., 1990 (P. 38-47). P. 39*.

106 В нем Фичино еще раз упоминал о благодеяниях Козимо (средствах к жизни и книгах), позволивших ему заняться изучением эллинских источников, и как первый плод этих занятий Фичино считал своим долгом преподнести своему покровителю посвященный ему перевод Герметического корпуса: «*Nam cuius ipse adiutus opibus, librisque affatim refertus, studiis Graecis incumbui, eidem studiorum Graecorum me decet offerere primitias*» (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurij Trismegisti...* P. 1836).

Комментарии к герметическим текстам в базельском собрании трудов Фичино (*Commentaria in Mercurij Pimandrum et Asclepium // Op. om. P. 1839-1878*) на самом деле принадлежат не ему, а французскому гуманисту Жаку Лефевру д’Этаплю и в окончательном виде были напечатаны в парижском изд. “Герметического свода” в 1505 г.: *Hermes Trismegistus. Pimander. Asclepius. Crater Hermetis Lazarelo Septempedano. Parisiis, 1505*. См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXX-CXXXI*. С этого издания 1505 г., подготовленного Лефевром д’Этаплем, был выполнен русский перевод первого из трактатов Герметического корпуса: [*Гермес Трисмегист.*] Книга Меркурия Трисмегиста о

тых Фичино трудов, а равно и на концепцию всей его деятельности. В этом пояснении Фичино дал более детальную разработку тезису, уже намеченному в первых его работах¹⁰⁷ и развиваемому и уточняемому в последующих, о непрерывной традиции «единой и повсюду согласной с собой школы древнего богословия», основанного Гермесом Трисмегистом, продолженного Орфеем, Аглаофемом, Пифагором, Филолаем и до полного совершенства доведенного «божественным Платоном»¹⁰⁸. Рассматривая творчество афинского философа в качестве важнейшего звена в развитии древнелатинского богословия¹⁰⁹, которое позже он окрестит «благочестивой философией» (*pra quaedam philosophia*)¹¹⁰, Фичино решил, как видно, поначалу обратиться к авторам, стоявшим, согласно давнему преданию, у ее истоков. В своем творчестве гуманист как бы воспроизводил путь, которым от мыслителя к мыслителю шла религиозно-философская мудрость древности.

В таком случае, правда, не вполне понятно, почему Фичино, провозглашая в пояснениях к переводу «Поймандра» родоначальником древнего богословия Гермеса Трисмегиста, а Орфея числа его непосредственным продолжателем, тексты Орфея перевел раньше.

мудрости и силе Бога. Пимандер. Перевод на латинский Марсилио Фичино Флорентийского. 1471 г. / Перевод на русский М. Русборна. М., 2010.

107 См. выше. С. 36.

108 «Primus [Mercurius Trismegistus] igitur theologiae appellatus est autor: eum secutus Orpheus, secundas antiquae theologiae partes obtinuit. Orphei sacris initiatus est Aglaophemus, Aglaophemo successit in theologia Pythagoras, quem Philolaus sectatus est, divi Platonis nostri praeceptor. Itaque una priscae theologiae ubique sibi consona secta, ex theologis sex miro quodam ordine conflata est, exordia sumens a Mercurio, a divo Plato penitus absoluta» (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurij Trismegisti ad Cosmum Medicem*. P. 1836).

109 Эта мысль еще резче будет сформулирована в трактате «О христианской религии» (1474 г.): «Древнее богословие язычников, в коем согласны Зороастр, Гермес, Орфей, Аглаофем Пифагор, целиком содержится в книгах нашего Платона» (*Ficinus M. De religione christiana*. Cap. 22. // Op. om. P. 25). Подробнее см.: Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира. 1989-1990. М., 1993 (С. 46-63). С. 46-50.

110 В предисловии к переводу Плотина: *Ficinus M. In Plotini Epitomae, seu argumenta, commentaria et annotationes... Prooemium*. P. 1537.

Вероятнее всего, либо потому что ни он, ни его покровитель в 1462 г, еще не располагали греческим кодексом с герметическими сочинениями, либо потому что в то время он разделял точку зрения античных неопифагорейцев и неоплатоников на генеалогию древнейшего богословия, возводивших оное к тайному учению Орфея¹¹¹. В связи со вторым предположением следует заметить, что в ходе последующих изысканий Фичино в этой области, по-видимому, под влиянием Плифона первенство Гермеса Трисмегиста также было отвергнуто в пользу Зороастра, хранителя, по выкладкам гуманиста, в буквальном смысле слова допотопной божественной мудрости¹¹².

Даже если просьба перевести герметические сочинения действительно исходила от Козимо Медичи, то скорее всего она была инспирирована самим Фичино, который, развернув перед своим покровителем величественную программу исследования древнейшей, по его убеждению, богословской мысли, мог внушить тому идею осваивать ее в хронологическом порядке, или сообразно складыванию ее традиции. Во всяком случае высказанное гуманистом убеждение в постоянной рецепции древнего богословия от Гермеса Трисмегиста через Орфея и других мыслителей вплоть до Платона (а затем и неоплатоников) гораздо лучше проясняет логику его работы¹¹³, чем ссылка на просьбу, или заказ, его покровителя.

111 Об этом см.: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco...* P. 59-62; *Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма.* С. 49, 56, 57 N 24.

112 См. подробнее: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco...* P. 62-70; *Allen M.J.B. Marsilio Ficino, Hermes Trismegistus...* P. 41; *Кудрявцев О.Ф. Богословские искания...* С. 49-51, 58 N 31.

113 На то, что Фичинова концепция развития древнейшей философско-богословской мысли определяла и порядок предпринятых им переводов, кроме автора этих строк (см.: *Кудрявцев О.Ф. Реставрация платонизма и апологетика христианства. Творческая биография Марсилио Фичино // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения.* М., 1997 (С. 191-198). С. 192; Он же. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // *Культура возрождения и власть.* М., 1999 (С. 37-49). С. 41-42) обратил внимание также С. Джентиле (*Gentile S. Sulle prime traduzioni...* P. 61, 70, 75, 83-84; *Idem. Ficino ed Ermete.* P. 23), который, впрочем, ограничивает свое наблюдение только ранним периодом (до 1463 г.) переводческой деятельности гуманиста. См. также: *Иванова Ю.В. Возрождение философии // История литературы Италии.* М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 374, 376.

О том, что для Фичино это обращение к памятникам стародавней богословской мудрости имело провиденциальный смысл уже на раннем этапе его деятельности, говорит цитированное выше послание Иоанна Паннония. Вспоминая о своей учебе во Флоренции латинской и греческой словесности, Панноний сообщает в нем, как слышал от двух тамошних астрологов, будто Фичино, замыслив в душе «возрождение учений древних философов», полагал, что оно уже возвещено неким положением светил на небе (*ex quadam siderum positione*); в подтверждение этого намерения Фичино астрологи ссылались на напевы лиры (*antiquus citharae sonus*), им возвращенные к жизни, и перевод «Орфеевых стихов», вслед за которыми Панноний, со своей стороны, указывает переводы Гермеса Трисмегиста и Пифагора, комметарий к «стихам Зороастра», а также переложение Платоновых диалогов¹¹⁴. Словом, венгерский корреспондент Фичино свидетельствует об убеждении, характерном, как видно, для самого молодого гуманиста и даже получившем определенное распространение в обществе, о предопределенности всех этих трудов свыше, объективным удостоверением чему могут служить небеса, или соответствующим образом истолкованное расположение на них светил.

§ 3. Сумма древнего богословия: перевод и толкование сочинений Платона

Кроме переложения на латынь Герметического свода и пифагорейских писаний Фичино успел посвятить Козимо латинскую версию десяти диалогов Платона, а также сочинений Спевсиппа и Алкиноя. Обосновывая последовательность перевода, Фичино в числе избранных им в качестве первоочередных произведений Платона называл диалоги «Гиппарх», «Соперники», «Феаг», «Менон», «Алкивиад I», «Алкивиад II», «Минос», «Евтифрон», «Парменид», «Филеб»¹¹⁵.

¹¹⁴ *Ioannes Pannonius*. Op. cit. P. 871. 2; Abel E. Op. cit. P. 278. См. также: Черняк И.Х. Итальянский гуманизм и богословие... С. 91-92. *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino*. P. 72. См. также: С. 398-399.

¹¹⁵ «Accipe igitur Cosme felix Platonicos libros duodecim, dialogos videlicet eius decem et opuscula Speusippi et Alcinoi platonici duo, – писал Фичино в предисловии к ним. – Est autem primus Hipparcus de lucri cupiditate, de philosophia alter, tertius Theages de sapientia. Menon de virtute quartus

П.О. Кристеллер считает возможным полагать, что гуманистом сознательно отобраны были те именно сочинения Платона, мимо которых прошли его ренессансные предшественники¹¹⁶ Мануил Хризолор, Уберто и Пьетро Кандидо Дечембрио, Георгий Трапезундский, Леонардо Бруни Аретино¹¹⁷. К работе над ними он приступил не

est, quem sequitur Alcibiades maior de natura hominis. Illi succedit Alcibiades minor de voto. Septimum locum tenet Minos de lege, octavum Euthyphron de sanctitate. Sequitur hunc de uno Parmenides, postremus de summo bono Philebus» (*Ficinus M. Prooemium in primos decem dialogos ad Cosmum Medicem // S. F. Vol. II. P. 104*).

Фичино относил к сочинениям Платона диалоги «Гиппарх», «Соперники» (или: «Любовники») и «Минос», которые современная наука считает произведениями платоновской школы. Некоторые сомнения по поводу того, что их автором был Платон, существуют относительно диалогов “Феар”, “Алкивиад I” “Алкивиад II”.

Из послания к Анджело Полициано (*Ficinus M. Vona scribere praestat quam multa // Ep. Lib. I. P. 619*) (ок. сентября 1474 г. См.: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere. Firenze, 1990. Vol. I. P. CCLIX*) известно, что гуманист перевел «Определения» («*Platonicas Speusippi definitiones*» в тексте Фичино), которые традиция вслед за Диогеном Лаэртским (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. IV. 5. Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979) приписывает Спевсиппу, возглавившему после смерти Платона его школу, а также «Учебник платоновской философии» («*Alcinoi epitome Platonicum*» у Фичино) Альбина, позднеантичного платоника, которого в средние века в результате, по-видимому, рукописного искажения именовали Алкино-ем (см. по этому поводу статью Ю.А. Шичалина в изд.: *Платон. Диалоги. М., 1986. С. 576*). Об этом труде Альбина-Алкиноя в Фичиновом переводе («*breves Alcini ad Platoniam disciplinam institutiones a Marsilio quondam traductas*») упоминал в 1492 г. Филиппо Валори, участник Платоновской академии, делясь им с Лоренцо Медичи. См. его письмо к Лоренцо, опубликованное в изд.: *MFRP. Vol. I. P. 32*. Оба эти произведения, как явствует из предисловия к “Менону” (*Ficinus M. In Menonem de virtute Epitomae // Op. om. Vol. II. P. 1132*), были переведены Фичино после диалогов Платона, то есть до середины до 1464 г., впервые напечатаны в подборке переводов текстов других платоников в Венеции в 1497 г. (*Jamblichus. De mysteriis et alia. Venetiis, 1497*). См. также: *Kristeller P. O. Introductio. P. CXXXV-CXXXVI; Marcel R. Op. cit. P. 260-261*.

116 О том, что именно из наследия Платона было переведено предшественниками Фичино, см.: Глава 1. С. 62-63. Примеч. 130.

117 *Kristeller P. O. Introductio. P. CLII*. Он опирается, главным образом, на следующее место из посвященного Козимо предисловия к десяти диалогам Платона, так и не опубликованного Фичино при его жизни: «*Utque non greca solum sed etiam latina [spiritus Platonis – O.K.] cum eo [Cosmo – O.K.] lingua*

позже лета 1462 г., как можно заключить из цитированного письма к Козимо от 4 сентября этого же года. В подарок от покровителя Фичино получил рукопись, скорее всего доставленную еще Плифонном, с полным собранием сочинений Платона на греческом языке, что обеспечило труд гуманиста необходимыми источниками; вслед за Козимо, в том же 1462 г., другой греческий кодекс Платона был ему преподнесен Америго Бенчи, одним из богатейших людей Флоренции, компаньоном Козимо Медичи и управителем филиалов его банка, собирателем произведений искусства и ценных манускриптов: «Сегодня я получил от тебя греческие диалоги нашего Платона, великолепный (*magnificum*) дар, достойный твоей души и для моей – наиприятнейший. Я весьма и весьма тебе признателен... В этом, как и во многих других делах, полагаю, ты хотел походить на великого Козимо, ибо ранее он украсил (*ornavit*) мою библиотеку Платоном на греческом языке...»¹¹⁸.

Какие именно сочинения Платона завершил переводить Фичино до того, как в январе 1463 г. сел за герметические трактаты, сказать с полной уверенностью нельзя. Трудно, однако, предположить, чтобы Фичино, какими бы способностями и упорством в работе ни обладал, смог за период чуть больше года – с конца апреля 1463 г. до начала июля 1464 г. – целиком перевести десять Платоновских диало-

dissereret, visum est opere pretium ut e multis que grece loquitur quedam latine interpretaremus» (Ficinus M. Prooemium in primos decem dialogos ad Cosmum Medicem. P. 104). Впрочем, здесь нет никакого определенного указания, что в выборе некоторых (*quedam*), поименованных в тексте диалогов гуманист руководствовался указанным Кристеллером принципом. См. также: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // SRTL. Roma, 1993 (1 изд. статьи – 1966 г.) (P. 96-106). P. 99.*

118 *Ficinus M. Imitatio utilior est quam lectio. // Ep. lib. I. P. 609. 1.* В своем завещании (1499 г.) Фичино распорядился передать Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи «книгу Платона по-гречески на хорошей бумаге со всеми диалогами» (*cum omnibus dyalogis*) (здесь и далее выделено мной – О.К.) – видимо, речь шла о даре Козимо; тогда как наследникам Америго Бенчи надлежало вернуть (*restitui*) «книгу Платона по-гречески с некоторыми диалогами» (*cum certis dyalogis*) (текст завещания опубликован: *Marcel R. Op. cit. P. 741*). См. также: *Testamentum Ficini // SF. Vol. II. P. 195; Catalogo. P. 28-31; Carlini A. Marsilio Ficino e il testo di Platone // Rinascimento. Seconda serie. 1999. Vol. XXXIX. P. 3-36.*

гов (и в придачу к ним трактаты Алкиноя и Спевсиппа), не имея солидного задела, в том или ином виде наработанного до начала января 1463 г.¹¹⁹.

Как бы то ни было, а до своей смерти 1 августа 1464 г., их сумел освоить в Фичиновом переложении на латынь Козимо Медичи. В момент кончины патрона гуманист работал над переводом Псевдо-Платонова трактата «Аксиох», автором которого он считал Ксенократа¹²⁰. Этот перевод Фичино посвятил уже сыну Козимо Пьеро Медичи (1414/1416-1469), которого провозгласил «столпом Академии» в надежде обрести в нем верного продолжателя культурных интересов его отца¹²¹.

В предисловии к публикации Платона, посвященной Лоренцо Медичи, Фичино писал, что для Козимо он перевел десять диалогов, после же его кончины «Пьеро, превосходнейшему мужу, давал

119 Сомнительным выглядит утверждение П.О.Кристаллера, что до перевода Гермеса Трисмегиста Фичино «к Платону еще не приступал» (*Platonem nondum agressus*) (*Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIX, CIL*). Впрочем, Кристаллер держится хронологии творчества Фичино, традиционно принятой в историографии.

120 В переводе Фичино диалог этот имел название «О смерти» (*De morte*. См. изд.: *Xenocrates. De Morte. Trad. M. Ficino. Augusta Vindelicorum, 1515*) и авторство его приписано Ксенократу, ученику Платона и руководителю его школы после Спевсиппа, на том, по-видимому, основании, что Диоген Лаэртский (см.: *Диоген Лаэртский. Указ. соч. IV. 12. С. 185*), в числе прочих его трудов упоминает сочинение с таким же заголовком.

По одним предположениям исследователей, диалог этот составлен в конце IV в. до н. э. кем-то из академиков и направлен против Эпикура, по другим – в конце I в. до н. э. последователем Посидония (*Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1950. Bd. 40. II. S. 2366*).

Этот Псевдо-Платонов диалог впервые издан Фичино вместе с переводами трактата Ямвлиха «О таинствах египтян, халдеев и ассирийцев» (*De mysteriis*) и сочинений иных платоников в Венеции в 1497 г. См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXXVI-CXXXVIII*. В другой своей работе Кристаллер, видимо, по недосмотру датирует перевод «Аксиоха» 1465 г.: *Idem. Marsilio Ficino as a beginning student of Plato. P. 97*.

121 «Haec igitur lege foeliciter Academiae columnen ac diu vive ne Cosmo carere nos aliquando sentiamus» (*Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici de morte praefatio // Op. om. P. 1965*).

читать девять диалогов»¹²². По весьма вероятному предположению П.О. Кристеллера, речь должна идти о «Гиппии большем», «Лисиде», «Теэтете», «Евтидеме», «Гиппии меньшем», «Хармиде», «Лакхете», «Кратиле», «Критии»¹²³. Возникает вопрос, почему сам Фичино посвятил Пьеро перевод лишь девяти диалогов, хотя до его смерти (1 декабря 1469 г.) он уже завершил переложение на латынь всех сочинений Платона, то есть еще семьнадцать его диалогов и письма?¹²⁴ Не потому ли что к переводу этой части Платонова наследия Пьеро не имел никакого отношения? Сохранилась эпистола Фичино к Оттоне Никколини, Бенедетто Аретино (Аккольти), Пьеро Пацци и Бернардо Джюньи, датировать которое следует августом 1464 г. В ней сообщается о завершении перевода «Законов» и недвусмысленно указывается, что его инициаторами были поименованные лица, хотя еще «великий Козимо» побуждал гуманиста к этому же¹²⁵. Словом, Пьеро Медичи

122 “patri tuo Petro, praestantissimo viro, dialogos novem legendos dedi” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1129*).

123 *Kristeller P.O. Introductio. P. CLI.*

124 См.: *Kristeller P.O. Op. cit. P. CXLVII-CL.* Традиция, которой следовал Фичино, приписывала Платону авторство тридцати шести диалогов, включая и те, которые сейчас считаются спорными или относятся к трудам платоновской школы. В это число Фичино не включал диалог “Клитофонт”, переведенный им заодно с девятью произведениями Платона, посвященными Пьеро Медичи (*Ibid. P. CL-CLI*).

125 “Persuasistis mihi, ut Graecas Platonis leges Latinas efficerem, ad idem cohortatus est me etiam magnus Cosmus. Itaque feci iam” (*Ficinus M. Lex et iustitia // Ep. Lib. I. P. 611.2*). Эпистола написана скорее всего в промежуток между смертью Козимо Медичи 1 августа 1464 г. и кончиной Пьеро Пацци 30 августа 1464 г., См. также: *Della Torre A. Op. cit. P. 391, 392, 547, 548; Hough S.Y. Op. cit. P. 302-304.*

Ср. у Капонсакки: “В двадцать четыре года он [Фичино] перевел книги “Законов” того же Платона по просьбе Отто Никколини и Бенедетто Аккольти, знаменитых юристов” (*Caponsacchi P. Op. cit. P. 731*).

Кристеллер, правда, считает (*Kristeller P.O. Introductio. P. CIL*), что Оттоне Никколини и другие надеялись получить от Фичино перевод “Законов”, он же вместо него подsunул им перевод тематически близкого диалога “Минос”. Подозревать Фичино в обмане Кристеллера заставляет то обстоятельство, что гуманист за короткий срок вряд ли смог бы перевести столь пространный труд Платона. Однако, если согласиться с тем, что Фичино приступил к переводам Платона не в апреле 1463 г., а раньше, то уместно предположить, что до смерти Козимо 1 августа 1464 г. он мог, кроме

оказался не столь уж заботливым покровителем, и Фичино вынужден был все больше и больше прибегать к другим своим друзьям и благодетелям¹²⁶.

В этом убеждает и послание Фичино к одному из своих наиболее давних и близких друзей Микеле Меркати (он же Миниатен-си), помеченное апрельскими календами, то есть 1 апреля, 1466 г. Оно интересно в нескольких отношениях. В нем, во-первых, говорится о Мильоре Креши как ни больше ни меньше «защитнике Академии», услужливости и любезности которого Фичино обязан был немалой частью своих ученых увлечений. Во-вторых, сообщается, что к указанному в письме сроку всего переведено 23 диалога Платона, из числа коих Фичино посвящал Микеле «Софиста», Мильоре же – «Политика» (*liber de regno*), а также что в настоящее время занят он «Кратилом». Наконец, в-третьих, Фичино разрешает использовать свои переводы только для чтения и решительно запрещает их переписывать, причем свой запрет в коротеньком послании повторяет дважды, мотивируя его тем, что выполненный им труд еще нужно выправить, и что публиковать его он намерен лишь по окончании перевода всех сочинений Платона¹²⁷. Скорее всего нежелание

завершения переводов ранее указанных десяти сочинений Платона и трудов некоторых иных авторов, успеть приступить и к другим диалогам Платона, в частности к «Законам», которые завершены были уже вскоре после кончины патрона. Точку зрения Кристеллера разделяет Р. Марсель. См.: *Marcel R. Op. cit.* P. 216-217.

126 См. в данной связи: *Marcel R. Op. cit.* P. 300-306; *Bullard M.M. Op. cit.* P. 478.
 127 “*Megliores Crescius vir doctrina et moribus ornatissimus et academie tutor, cuius humanitati officiisque non mediocrem studiorum meorum partem debeo, venit isthuc pretor ac te commendatum habebit. Si legere voluerit Platonis dialogos, concedes, admonebis tamen ne ab aliquo rescribi ex eis quicquam permittat, neque tu alteri ulli hominum unquam nisi huic soli domi credes volumen. Nam emendatione indiget, neque edere volo nisi omnes expleverim. Iam tres et viginti peregi habeoque nunc in manibus Cratylum de lingue grece origine. In superiorum numero Sophista est qui ad te et liber de regno qui ad Megliorem... Iterum moneo ne scribi quicquam ex eo libro permittas idemque Megliori nostro dicas*” (См.: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years. Appendix I. New letters and documents. 2.* P. 33. См. также изд. по более позднему списку: *SF. Vol. II. P. 88-89*). Мильоре Креши, поэт и ученый, участвовал в деятельности Сообщества Флорентийской Академии (*Chorus Academiae Florentinae*), состоял в дружбе с одним из его руководителей Донато Аччайуоли.

делиться своими переводами с теми, кто намеревался изготовить с них копию, побудило Фичино тянуть с их предоставлением Керубино Кварквальи, заклинавшему гуманиста в письме конца марта 1467 (?) во имя великой и взаимной приязни исполнить данное ему прежде обещание и прислать «свои переводы, как старые, так и новые», и не скрывавшему намерение их переписать (*ut transcribam*)¹²⁸. Как бы Фичино ни объяснял свои действия, ясно, что он боялся бесконтрольного распространения выполненных им переводов Платона и старался всячески воспрепятствовать ему.

По-видимому, еще не завершив перевод всего Платона, Фичино отвлекся для переложения с латыни на итальянский «Монархии» Данте (*La Monarchia di Dante*). Ее рукопись датирована 21 марта 1467 г. по флорентийскому стилю, т.е. 1468 г., и посвящена Бернардо дель Неро и Антонио Манетти, которые и побудили Фичино взяться за этот труд. Речь идет о политическом заказе, ибо в момент осложнения отношений Флоренции с римским двором ее правящие круги нуждались в доступном им на родном языке пособии, содержащем аргументы против универсалистских претензий папства. Для Фичино, кроме всего прочего, Данте был интересен постольку, поскольку он находил в нем мыслителя платоновского толка. «Данте Алигьери, – сказано в предисловии к переводу, – небесного происхождения, флорентийского гражданства, ангельского рода, по характеру занятий поэт и философ, хотя и не говорил по-гречески с Платоном, этим святым отцом философов и толкователем мудрости, тем не менее говорил с ним в духе, отчего украсил свои книги многими платоновскими мыслями...»¹²⁹.

128 Дата из-за порчи документа, опубликованного Кристеллером (*Kristeller P.O. Studies in Renaissance thought and letters. Roma, 1969. P. 152-153*), дана как наиболее вероятная (*Ibid. P. 150*).

129 “Dante Alighieri per patria celeste, per abitazione fiorentino, di stirpe angelico, in professione philosopho poetico, benchè non parlassi in lingua greca con quel sacro padre de’ philosophi, interprete della verità Platone, niente di meno in ispirito parlò in modo con lui, che di molte sententie Platoniche adornò e libri suoi...” (*Ficinus M. Dantis de Monarchia liber in linguam vulgarem translatus. Proemium // SF. Vol. II. P. 184*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CLXI-CLXII; Marcel R. Op. cit. P. 326-334; Garin E. L’età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo. Napoli, 1969. P. 206-208; Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese Cristoforo Landinos. Köln-Wien, 1971. S. 56-57; Vasoli C. Note*

Перевод последних сочинений Платона – а в их число по большей части входили произведения древнегреческого философа, уже перелававшиеся предшественниками Фичино, за которыми он, в той или иной степени, следовал в своих трудах¹³⁰ – был закончен

sul volgarizzamento ficiniano della “Monarchia” // *Miscellanea di studi in onore di Vittore Branca*. Vol. III. Pt. II. Umanesimo e Rinascimento a Firenze e Venezia. Firenze, 1983. P. 451-474; *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М., 2001 (1 изд. на франц. языке – 1959 г.). С. 97.

О стремлении Фичино “актуализировать” выполненный им труд свидетельствует предисловие к нему, в котором гуманист подчеркивал ту мысль своего великого земляка, что верховная светская власть в лице императора имеет божественное происхождение и не зависит от папы: “... detto imperio dal sommo Iddio senza mezzo del papa dipende” (*Ficinus M. Dantis de Monarchia liber...* P. 184).

¹³⁰ Фичино много заимствовал из выполненных Леонардо Бруни переложений Платоновых “Писем”, “Критона”, “Апологии Сократа”, фрагмента “Пира” (речь Алкивиада) и начала “Федра”, гораздо менее зависел он от более ранних переложений части “Федона” и “Горгия”; он также сверялся с “Государством” в переводе Мануила Хризолора и Уберто Дечембрио, с “Любовниками” (или “Соперниками”) в переводе Гварино, с фрагментами “Федра” в переводе Виссариона (или Перотти). См.: *Kristeller P.O.* Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // *Scriptorium*. 20 (1966). P. 99; *Hankins J.* Some remarks on the history and character of Ficino’s Translation of Plato // *MFRP*. Vol. I (P. 287-304). P. 288-289; *Idem.* Plato in the Italian Renaissance. Leiden; N. Y., 1990. Vol. II. P. 465-478.

К ряду выполненных прежде Фичино переводов сочинений Платона на латинский язык – к некоторым из них он также прибегал – относятся переложения Георгием Трапезундским “Законов”, “Послезакония” и “Парменида”, Антонио Кассарино – “Государства”, Пьером Кандидо Дечембрио – “Государства” и “Лисида”, Франческо Филельфо – «Евтифрона» и части «Писем»; Ринуччо Аретино – «Критона», «Евтифрона» и псевдо-платоновского диалога «Аксиох» (этот же диалог перевели Чинчо Романо и Кассарино), Лоренцо Липпи – «Иона». Кроме того, еще в XII в. Генрихом Аристиппом были переложены на латинский язык диалоги Платона «Федон» и «Медон», а в XIII в. Вильгельмом из Мёрбеке – первая часть «Парменида»; с античных времен были известны фрагментарные переводы диалога «Тимей», выполненные Цицероном и Халкидием. См. подробнее: *Bruni Aretino L.* Humanistisch-philosophische Schriften/ Hrsg. H. Baron. Leipzig; Berlin, 1928. S. 161, 163, 172-174; *Kristeller P.O.* Introductio. P. CLVI; *Idem.* Marsilio Ficino as a beginning student of Plato. P. 41-54; *Idem.* Renaissance

в 1468 или, самое позднее, в 1469 г. Потому что к августу 1469 г. он составил объемистый «Комментарий на «Пир» Платона, о Любви» (*Commentarium in Platonis Convivium de Amore*)¹³¹, возможно, сразу перевел его на итальянский язык и в том же году приступил к написанию своего программного, фундаментального труда «Платоновское богословие о бессмертии душ».

Однако работа над переводами Платона в полной мере еще не была закончена. Предстояла их сверка, исправление и комментирование. И как раз на этом этапе дело затормозилось. «После ухода из жизни Пьеро, – сетовал Фичино Лоренцо Медичи, – фортуна... вопреки моей воле отрывала меня от занятия переводами [Платона. – О.К.]. Ты же, почитатель религии и покровитель философии, [своими] милостями и содействием вернул меня к ним»¹³². Трудно сказать, были ли какие-нибудь другие обстоятельства, препятствовавшие Фичино довести до конца дело с переложением Платона на латинский язык, кроме тех напряженных ученых занятий, которым предавался гуманист в 70-начале 80-х годов (и о которых пойдет речь ниже). Трудно также сказать, чем конкретно обязан был Фичино Лоренцо Медичи, внуку Козимо и сыну Пьеро, в освоении Платонова насле-

thought and its sources. New York, 1979. P. 57; *Garin E. Ricerche sulle traduzioni di Platone nella prima metà del sec. XV // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi. Firenze, 1955. Vol. 1. P. 339-374; Idem. L'età nuova. P. 271-278; Baron H. Humanistic and political literature in Florence and Venice at the beginning of the Quattrocento. Cambridge (Harv.), 1955. P. 114-125; Bertalot L. Zur Bibliographie der Uebersetzungen des Leonardus Brunus Aretinus // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1936-1937. Bd. 27 (S. 178-195). S. 180-184; Catalogo. P. 9-11; Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden; New York, 1990. Vol. I. P. 29-263; Vol. II. P. 367-436, 465-478.*

¹³¹ Об этом произведении Фичино упоминал 5 августа 1469 г. в послании к епископу Печскому, прославленному неолатинскому поэту Яну Паннонию (1434-1472) (*Analecta ad historiarum Renascentium in Hungaria litterarum spectantia. Ed E. Abel. Budapestini, 1880. P. 202-203. См. также: S.F. Vol. I. P. 83*). Совершенно непонятно, что дает основания А. Шастелю датировать «Комментарий на “Пир”...» 1475 г. (*Chastel A. Marsile Ficini et l'art. Genève; Lille, 1954. P. 86, 118*).

¹³² «Postquam vero Petrus è vita decessit, fortuna praeclaris saepe operibus invida, invitum me à traductionis officio distrahebat. Verum tu et religionis cultor, et philosophiae patronus, me ad inceptum omni favore et auxilio revocasti» (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. Vol. II. P. 1129*).

дия, хотя, как предполагает П. О. Кристеллер, Лоренцо имел отношение к переводам Платоновых сочинений уже в 60-е годы, в частности к переводу диалога «Ион»¹³³. Тем не менее в первом печатном издании Платона все его произведения – включая диалоги, посвященные ранее Козимо и Пьеро Медичи, а также собственное сочинение гуманиста «Комментарий на «Пир» Платона» – он преподнес Лоренцо Медичи¹³⁴.

Не так просто Фичино было найти на него деньги. Обращение в феврале-марте 1483 г. к Бернардо Ручеллаи¹³⁵, одному из богатейших людей Флоренции, ценившему ученость гуманиста, ни к чему не привело¹³⁶. Выручил другой представитель правящей городом верхушки – Филиппо Валори¹³⁷, ученик и покровитель Фичино, человек очень состоятельный, на деньги которого в сентябре-октябре 1484 г. вышло в свет первое печатное издание переводов Платона.

Еще прежде, пользуясь гостеприимством Валори, в его имении Майано гуманист осуществил окончательную доработку латинской версии Платоновых сочинений и, надо полагать, предпосланных им рассуждений¹³⁸. Заключалась она, прежде всего, в сверке и

133 *Kristeller P.O. Introductio. P. CLI.*

134 В конце оглавления к этому изданию сказано: “Primi decem libri ad Cosmum Medicem, ex reliquis autem novem quidem ad Petrum Medicem, septem vero atque triginta, immo vero cuncti ad Laurentium Medicem” (Цит. по: *Kristeller P.O. Introductio. P. CLI*). Это же посвящение подтверждено в адресованном Лоренцо предисловии к переводам Платона (Op. om. P. 1129).

135 См. письмо Фичино к Бернардо Ручеллаи: “... nostra haec sive academia sive bibliotheca Latinum Platonem, Graeco semine iamdiu conceptum, parturit quotidie. Verum absque obstetricis manu haud facile potest parere, ergo mi Bernarde obstetricias impressorum adhibe manus, quae maturum iam foetum expriment, expressumque forment” (*Ficinus M. Negotiosum virum non esse temere interpellandum // Ep. Lib. VII. P. 859. 2*).

136 Э. Ваинд по недоразумению утверждает, что Бернардо Ручеллаи помог Фичино издать его переводы Платона (*Wind E. Platonic tyranny and the Renaissance Fortune of Ficino's reading of Laws IV, 709A-712A // De artibus opuscula XL. Essays in honor of Erwin Panofsky. Ed M. Meiss. New York. 1961. (P. 491-496). P. 493*).

137 См. об этом: *SF. Vol. I. P. 13; Kristeller P.O. Introductio. P. LXXIX; Гл. 3. С. 235.*

138 “Sed Philippus Valor Platoniam studiosissimus, penes quem universo Platonicum operi in agro Maiano, extremam manum imposui...” – сказано Фичино в заключительной главе его комментариев к “Тимею” (*Ficinus M. In*

уточнении переводов и проведена была скорее всего в промежуток времени между первой публикацией «Платоновского богословия» в 1482 г. и началом подготовки в зимние месяцы 1484 г. издания Платона. Переводы и сопровождавшие их материалы, кроме того, были переданы для критического просмотра зарекомендовавшим себя знаменитым античной словесности – Деметрию Халкондилу, обязанному, как сказано в обращении к читателю, Аттике «не только философией и языком, но и происхождением», флорентийцам Георгию Антону Веспуччи и Джованн Баттиста Бонинсенци; далее в этом обращении сказано, что гуманист прибегал также к «строгому суду ученейшего мужа Анджелио Полициано», к советам «преславных» Кристофоро Ландино и Бартоломео Скала¹³⁹. В первой латинской публикации полного Платона, завершённой в сентябре 1484 г. Лоренцо Франческо Венето, сочинениям Платона были предпосланы более или менее пространственные «пояснения» и «рассуждения» (*epitome, argumenta*); в них гуманист давал толкование каждому из трудов античного философа. К концу работы над переводами Платона (1468-1469 гг.) было подготовлено лишь четырнадцать таких «пояснений» (к десяти переводам, посвященным еще Козимо, к трем, посвященным Пьеро, и к «Иону», посвященному Лоренцо); другая, большая их часть, выполне-

Timeum commentarium. Cap. XLII // Op. om. P. 1466). О заслугах Филиппо Валори, благодаря которому было осуществлено первое издание всех переводов Платона, упоминал Фичино в двух письмах Франческо Бандини (*Ficinus M. Commendatio librorum Platoniorum; Pro prima Platonis impressione parum fortunata // Ep. Lib. VIII. P. 870. 3; 872. 2*) и в письме к Якопо Антикварио (*Idem. Laus nobilis et optimi civis // Ibid. X. P. 906*), сетуя вместе с тем на небрежность печатников, осуществлявших эту публикацию. См. подробнее: *Marcel R. Op. cit. P. 463-466; Kristeller P.O. The First Printed Edition of Plato's Works and the Date of its Publication (1484) // Science and History: Studies in Honor of Edward Rosen (Studia Copernicana. XVI). Wroclaw, 1978. (P.25-35). P. 28-35.*

139 “*Ne forte putes, amice lector, tantum opus editum temere, scito cum jam composuissem, antequam ederem, me censorem huic operi plures adhibuisse, Demetrium atheniensem, non minus philosophia et eloquio, quam genere athicum, Georgium Antonium Vespuccium, Ioannem Baptistam Boninsegnium, florentinos viros latinae linguae graecaeque peritissimos; usum praeterea accerimo Angeli Politiani doctissimi viri iudicio; usum quoque consilio Christofori Landini et Bartholomaei Scale, virorum clarissimorum*” (*Ficinus M. Ad lectorem // Platonis Opera. Venetiis, 1491. P. 4 v; SF. Vol. II. P. 105*).

на, по-видимому, в самый последний момент, незадолго до выхода в свет латинской версии Платона (в 1482-1484 гг.). Во всяком случае в «пояснениях» к «Послезаконию» Фичино оправдывал их краткость ссылкой на понукания переписчиков и печатников, которые эти «пояснения» «бесцеремонно вырывали у него из рук»¹⁴⁰.

140 Marsilio vero tuo [из обращения к Лоренцо Медичи] argumenta promittenti, non licet prolixiora praestare. Praesertim cum et scriptorum expressorumque tabellarij opus assidue urgeant, et argumenta procacius e manibus extorquentes, vix permittant in singulis voluminibus summa sequi fastigium [в ориг.: vastigia] rerum” (*Ficinus M. In Epinomidem Epitome // Op. om. P. 1525, 1529*).

Скорее всего настояния типографов, подрядившихся издать Фичиновы переводы Платона и не желавших простаивать и терять вместе с временем доход, были причиной той спешки, с которой гуманист готовил в 1484 г. латинскую версию Платона с сопровождающими ее материалами к печати; впрочем, Дж. Ханкинс не без основания полагает, что Фичино могли торопить также соображения астрологического характера, с которыми он очень считался: дело в том, что и Павел Миддельбургский, его друг и корреспондент, как и хорошо ему известный Кристофоро Ландино, и некоторые другие доверяющие астрологическим предсказаниям представители культуры эпохи относили к 1484 г. большие изменения в христианской религии, в связи с чем будто бы и Фичино к этому времени хотел приурочить свое издание Платона в убеждении, что оно должно исполнить высокую провиденциальную миссию в грядущих преобразованиях. См.: *Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Vol. I. P. 302-304. О предсказаниях перемен на 1484 г. см.: Warburg A. Heidnisch-antike Weissagung in Wort und Bild zu Luthers Zeiten (1 изд. – 1920 г.) // Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. 2. S. 514-515; Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. P. 88-91; Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese Cristoforo Landino. Wien, 1971. S. 173; Garin E. Lo zodiaca della vita. La polemica sull’astrologia dal Trecento al Cinquecento. Bari, 1976. P. 86; Davies M.C. An enigma and a phantom: Giovanni Aretino and Giacomo Languschi // Humanistica Lovaniensia. Vol. 37 (P. 1-29). P. 17-21.*

А. Делла Торре (*Della Torre A. Op. cit. P. 606, 607*), ссылаясь на слова Фичинова предисловия к комментариям на Платона “neque traduxi tantum, verumetiam partim argumentis mentem perstrinxi Platonicam, partim quoad potui brevibus commentarijs explicavi (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1129*), считает возможным датировать “пояснения” гуманиста 1475-1476 гг. Мнение Делла Торре было оспорено Кристеллером, который полагал, что “пояснения” создавались тотчас (*statim*) по завершении перевода каждого произведения (*Kristeller P.O. Introductio. P. CXVI*). Подробнее о датировке “пояснений” см.: *Marcel R. Op. cit. P. 456-466*).

Три диалога выделялись тем, что им были посвящены не «пояснения», как прочим сочинениям, а более пространные комментарии. Между ноябрем 1468 г. и июлем 1469 г. был подготовлен «Комментарий на «Пир» Платона, о Любви» – первое крупное оригинальное сочинение Фичино, разошедшееся в многочисленных рукописях и принесшее ему известность. Созданное по свежим воспоминаниям об устроенном 7 ноября 1468 г. по примеру древних платоников пире для чествования дня рождения и смерти афинского философа¹⁴¹, это

141 “Платон, отец философов, умер в возрасте восьмидесяти одного года, в день своего рождения седьмого ноября, возлежа на пиру, после окончания трапезы. Такой же пир, в котором, соединяя, праздновали дни рождения и отмечали годовщины смерти Платона, устраивали ежегодно древние платоники, вплоть до времени Плотина и Порфирия. Но после Порфирия в этих торжественных пирах наступил перевыв, продолжавшийся тысячу двести лет. Наконец, в наше время прославленный муж Лоренцо Медичи, пожелавший возобновить платоновские пиры, назначил их главой Франческо Бандини. Когда же Бандини решил праздновать день седьмого ноября, он с царской роскошью принял в вилле Кареджи девять платоновских со-трапезников...” (Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon. I. 1. Ed. Par R. Marcel. Paris, 1956. P. 136; Фичино М. Комментарий на “Пир” Платона, о Любви. Перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. I. С. 144).

Позже, в письмах к Якопо ди Поджо Браччолини и Франческо Бандини (Ficinus M. *Anime natura et officium. Laus historie; Prohemium M. Ficini in opusculum eius de vita Platonis* // Ep. lib. I. P. 657. 2; IV. P. 782. 2), Фичино вспоминал о двух пирах – одном, организованном за городом в Кареджи у Лоренцо Медичи и описанном гуманистом в «Комментарии на “Пир”...», и другом, устроенном Франческо Бандини во Флоренции. Возможно, пира в Кареджи не было, упоминание о нем понадобилось Фичино, чтобы задним числом удостоверить причастность Лоренцо Медичи к возобновлению давней традиции платоников (См.: Kristeller P. O. *An unpublished description of Naples by Francesco Bandini* // SRTL (P. 395-410). P. 396-397; Gentile S. *Per la storia del testo del “Commentarium in Convivium” di Marsilio Ficino* // Rinascimento. Seconda serie. 1981. Vol. XXI. P. 10-11).

По сообщению Диогена Лаэртского (Диоген Лаэртский. Указ. соч. III. 2. С. 150), Платон родился “седьмого фаргелиона, в день, когда делосцы отмечают рождение Аполлона” (в современном календаре это время приходится на конец мая). Совмещение дней рождения Аполлона и Платона – похоже, искусственная, хотя и очень старая комбинация, ей следовали уже в древней Академии. В III в. н. э. появилась новая датировка дня рождения Платона – 7 ноября. Мысль отмечать день рождения Платона могла быть

произведение состояло из речей, будто бы произнесенных участниками мероприятия по мотивам платоновского «Пира» и трактующих о космической функции любви и божественном происхождении красоты; судя по некоторым рукописям гуманиста, своим появлением это произведение во многом обязано Джованни Кавальканти, другу Фичино; вместе с прочими сопровождавшими платоновские переводы пояснительными материалами в окончательной редакции оно было связано с именем Лоренцо Медичи¹⁴²; в скором времени (не позднее

подсказана следующими словами Порфирия: “... дни рождения Сократа и Платона, нам известные, он [Плотин – О.К.] отмечал жервами и угощением для учеников, после которого те из них, кто умели, держали перед собравшимися речь” (Порфирий. Жизнь Плотина. 2. Перевод М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни... С. 463); ср. в другом месте: “А когда ритор Диофан стал читать апологию Алкивиада на Платоновом пиру...” (Там же. 15. С. 468).

142 Фичино посвятил Джованни Кавальканти изготовленную им самим рукопись «Комментария на ”Пир”...»; в предпосланном ей письме говорится об особой роли “божественного героя” (так охарактеризован Кавальканти) в создании этого произведения: “Quam vero vim deus hic et potentiam habeat, annos me quatuor et triginta latuerat, donec iam divus quidam heros oculis mihi celestibus annuens miro quodam nutu quanta sit amoris potentia demonstraret. Hinc igitur res amatorias abunde ut mihi quidem videbar edoctus, de amore librum composui, quem manu mea scriptum tibi potissimum dedicare constitui, ut que tua sunt, tibi reddam” (опубликовано: SF. Vol. I. P. 87; *Ficino M. Commentaire sur le Banquet de Platon ou de l’Amour. Ed. Par R. Marcel. Paris, 1956. P. 265*).

Высказанное А. Делла Торре предположение о том, что были два варианта трактата – один, более ранний, 1467 г., посвящен Кавальканти, другой, более поздний, подготовлен в 1474-1475 г. по приказу Лоренцо Медичи (*Della Torre A. Storia dell’Accademia... P. 566*) – было фактически опровергнуто исследованием Й. Хусти, показавшего, что никаких существенных изменений текст трактата после 1469 г. не претерпел (*Husztí I. La prima redazione del “Convito” di Marsilio Ficino // GCFI. 1927. Vol. VIII. Fasc. I. P. 68-71*). Утверждение Р. Фубини, будто трактат первоначально предназначался не Лоренцо Медичи, а Кавальканти (см. его пояснения к письму N 155 в изд.: *Medici Lorenzo de’. Lettere. Firenze, 1977. Vol. I. P. 496*. См также: *Fubini R. Ficino e i Medici all’avvento di Lorenzo il Magnifico // Idem. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura. Pisa, 1996. P. 256*) не может быть доказано заключительными словами цитированного письма Фичино, в которых речь идет о посвящении Кавальканти не произведения, но выполненной автором собственноручно его копии. Кроме Кавальканти, рукописи «Комментария на “Пир”...» были отправлены также Франциску Пикколомини, архиепископу

1474 г.) Фичино сам выполнил его итальянский перевод, который был посвящен Бернардо дель Неро и Антонио ди Туччо Манетти¹⁴³. Комментарии к двум другим диалогам Платона были созданы позже: к «Федру» между 1476 г. и 1478 г.¹⁴⁴, к «Тимею», по-видимому, летом 1483 г. в Майано, имении Филиппо Валори¹⁴⁵.

Работа над переводом, а затем над латинским изданием сочинений Платона и комментариев к ним была для Фичино не очередным, а важнейшим этапом его деятельности¹⁴⁶. Не столько рвение ученого, мечтавшего прославиться, познакомя Запад с неведомыми доселе памятниками древней словесности, сколько сознание религиозного долга, возложенной на него высокой духовной миссии заставляло Фичино трудиться над возрождением великой древнеязыческой традиции, ушедшей, по его представлениям, корнями в самые отдаленные времена существования человечества, высшее и наиболее совершенное проявление которой он видел в писаниях

Сиенскому, Иоанну-Антону Кампанскому и известному неолатинскому поэту Яну Паннонию, епископу Печскому (см.: SF. Vol. I. P. 87-89); причем когда в сопроводительном письме к последнему Фичино заявляет, что сей «Комментарий на “Пир” Платона, о Любви», “недавно нами выпущенный в свет, я решил, славнейший муж, посвятить (*dicare constitui*) прежде всего тебе” (Ibid. P. 88), то, конечно, он имеет в виду конкретную посланную этому лицу рукопись произведения. Подробнее об истории создания этого произведения см.: *Kristeller P.O.* Introductio. P. CXXIII-CXXV; *Marcel R.* Introduction // *Ficin M.* Commentaire sur le Banquet... P. 36-45; *Idem.* Marsile Ficin. P. 335-341; *Gentile S.* Per la storia del testo... P. 3-27; *Laurens P.* Op. cit. P. XIII-XVI.

143 *Kristeller P.O.* Introductio. P. CXXV; *Gentile S.* Per la storia del testo... P. 16-17. Первое изд.: *Ficino M.* *Sopra lo Amore o ver' Convito di Platone.* Firenze, 1544.

144 *Marcel R.* Op. cit. P. 458.

145 “*Commentariolum in Timaeum in agro Maiano apud te compositum*”, – сказано в письме Фичино к Валори (*Ficinus M.* *Cur semper eadem et antiqua tractem* // Ep. lib. XII. P. 948. 2). Подробнее см.: *Kristeller P.O.* Introductio. P. CXVI, CXVIII, CLII-CLVI. Комментарии к “Федру” и “Тимею” были существенно расширены Фичино в 90-е годы XV в. См.: Ibid. P. CXX-CXXII.

146 Как событие всемирно-исторического значения расценил появление перевода сочинений Платона с комментариями, выполненного Фичино, его современник Хартманн Шедель, поместив сообщение об этом в своей “Хронике”: *Schedel H.* *Buch der Croniken.* Nürnberg, 1493. S. 256v.

«божественного Платона»¹⁴⁷. «Божественное провидение..., – писал гуманист, обращаясь к Лоренцо Медичи в предисловии к комментариям на труды афинского философа, – решило священную религию не только укрепить пророками, сивиллами и святыми учителями, но также особенным образом возвеличить посредством некоей безупречной философии»; и поэтому не иначе, как волей «всемогущего Бога» душа Платона снизошла в мир, дабы «наставить людей в священной религии», – писал Фичино далее, и убежденность в этом позволяла ему рассчитывать на то, что и в распространении Платонова наследия среди латинян, «деле сколь необходимым, столь и благочестивом», к коему его будто бы приставил Козимо, он «не будет лишен Божественного содействия»¹⁴⁸. Фичино, несомненно, знал и использовал часто высказываемую поздними платониками – Гиероклом, Сирианом, Проклом – концепцию философии в качестве спу-

147 Подробнее см.: Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма. С. 46-50, 55-57.

148 “Divina providentia... statuit religionem sanctam non solum prophetis et Sibyllis, sacrisque armare doctoribus, verumetiam quadam, elegantique Philosophia singulariter exornare... Itaque Deus omnipotens, statutis temporibus divinus Platonis animum ab alto demisit, vita, ingenio eloquioque mirabili, religionem sacram apud omnes gentes illustraturum. Cum vero ad haec usque secula sol Platonicus nondum palam Latinis gentibus orietur, Cosmos... Platonicam lucem religioni admodum salutarem à Graecis Latinos propagare contendens, me potissimum intra suos lares plurimum educatum tanto operi destinavit. Ego autem... rem tamen adeò gravem non meis quidem, sed avi tui Cosmi, – обращался Фичино к Лоренцо Медичи, – prosperis auspiciis agressus sum, sperans divinum opem tam necessario, tamque pio officio non defuturam” (Ficinus M. In Commentaria Platonis... Prooemium // Op. om. P. 1128-1129).

Мысль о совпадении фундаментальных положений христианского вероучения и платоновской философии воспроизводит, ссылаясь на Фичино, Кристофоро Ландино, старший товарищ флорентийского гуманиста и участник его кружка, устами одного из персонажей своих “Камальдуленских бесед” – Леона Баттиста Альберти: “[Христиане] говорят, что Бог есть высшее благо, это же, как известно, до рождения Христова утверждал Платон. Его мнение, когда того пожелаешь, сможешь узнать... из написанных Фичино «Комментариев на “Филеб” Платона», глубоких и в то же время понятных и ясных...” (Landino Chr. Disputationes Camaldulenses. II. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980. P. 68; SF. Vol. II. P. 252).

щенного свыше откровения¹⁴⁹, коего были удостоены избранные души, вроде Сократа, Платона, однако для него, как для любого христианского мыслителя средних веков, ценностью эта мудрость древних обладала лишь постольку, поскольку она способна содействовать обращению людей на путь спасения. И духовное наследие Платона, по убеждению гуманиста, должно было целиком служить указанной цели: «Наш Платон, движимый необыкновенной любовью к роду людскому, – сказано в заметках Фичино о «Законах», – во всех своих рассуждениях всяким способом, как видно, пытался привести человека ко спасению»¹⁵⁰.

На фоне унивесума языческой мудрости Платон представлял явлением особенным. «Вся философия древних, – утверждал Фичино, – есть не что иное, как ученая религия (*docta religio*)». И своего рода сводом этой «ученой религии», иначе именуемой «благочестивой философией» (*pia Philosophia*), или «священной философией» (*sacra Philosophia*), расцветшей в те далекие «золотые века», когда мудрость умели соединять с благочестием, изображал гуманист творчество Платона¹⁵¹. «Древнее богословие язычников (*prisca Gentilium Theologia*), – писал он, – в коем были согласны Зороастр, Гермес, Орфей, Аглаофем, Пифагор, целиком содержится в книгах нашего Платона»¹⁵². Здесь важно подчеркнуть, что учение Платона, увязывавшего, по словам Фичино, всякую философскую дисциплину с задачами благочестия, воспринималось и преподносилось прежде всего как богословие¹⁵³. Причем богословие, развивающее и доказы-

149 См.: *Celenza Ch. S. Late antiquity and florentine Platonism: the “post-plotinian” Ficino* // *MFTPL* (P. 71-97). P. 84-86.

150 “Plato noster mirifica in genus hominum caritate nihil in disputationibus suis intentatum relinquit, quod ad humanam salutem quavis ratione conducere videatur” (*Ficinus M. In Dialogum secundum de Legibus. Epitome* // *Op. om.* P. 1491).

151 См. послание Фичино к Антонио Цилиоло Софронию (*Ficinus M. Philosophia et Religio germanae sunt* // *Ep. lib. VII. P. 853-854*); перевод этого документа на русский язык см.: *Кудрявцев О.Ф. “Ученая религия” флорентийской Платоновской Академии* // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997* (С. 88-96). С. 92-94.

152 *Ficinus M. De Christiana religione. Cap. XXII* // *Op. om.* P. 25.

153 “Поскольку он [Платон], рассматривая с великим благочестием что-либо из области морали, диалектики, математики, физики, сразу связывал это с созерцанием и почитанием Бога, то без колебаний и сам он именовался божественным, и учение его у всех народов называлось

вающее истины, аналогичные тем, которые содержатся в книгах Священного Писания¹⁵⁴. Вспоминая о мотивах и причинах, побудивших его взяться за перевод на латынь всего корпуса Платоновых сочинений, Фичино в послании к Иоанну Николини, архиепископу Амальфийскому, подчеркивал близость учений Платона и Божественного закона Ветхого и Нового Заветов, образно уподобляя отношения между ними отношению Луны к Солнцу¹⁵⁵. В другом эпистолярном сочиненьице «Согласие Моисея и Платона» Фичино демонстрировал сходство положений прежде всего афинского мыслителя и законода-

богословием” (“... et ipse sine controversia divinus, et doctrina eius [Platonis] apud omnes Gentes Theologia nuncuparetur, cum nihil usquam siue morale, siue Dialecticum, aut Mathematicum, aut Physicum tractet, quin mox ad contemplationem cultumque Dei summa cum pietate reducat” См.: *Ficinus M. Prooemium in Theologia Platonica* // Op. om. P. 78).

Ср. у Виссариона Никейского, написавшего свой трактат “Клеветнику Платона” по-гречески в 1459-1466 гг., а в 1469 г. (когда Фичино приступал к “Платоновскому богословию”) издавшего его в собственном латинском переводе в Риме: “Сие богословие Платона было столь любезно наиболее святым из учителей нашей веры, что они всякий раз, когда что-либо писали о Боге, стремились не только вдохновляться его суждениями, но также и пользоваться его словами” (“... haec Platonis theologia sanctissimis fidei nostrae doctoribus grata fuit, ut quotienscumque de deo aliquid scripserunt, non modo sententiis ejus, sed etiam verbis uti voluerunt”). См.: *Bessarion. In calumniatorem Platonis*. Ed. L. Mohler. Paderborn, 1927. P. 88-89). 6 сентября этого же года Виссарион направил экземпляр своего произведения “Марсилию Фичино платонику” См. его письмо к Фичино (*Bessarion. De modestia componendi* // Ep. lib. I. P. 616. 4) и ответ гуманиста “Виссариону греку, кардиналу Сабинскому” (*Ficinus M. De laude platoniorum interpretum* // Ibid. P. 616. 5). См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 355-358; *Walker D.P. The ancient theology. Studies in Christian Platonism from fifteenth to the eighteenth century.* London, 1972. P. 10-12.

154 См. в связи с этим наблюдения: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino.* Frankfurt a. M., 1972 (1 изд., 1943 г.). S. 12-13.

155 “Ego igitur divi Augustini primum autoritate adductus, deinde multorum apud Christianos sanctorum hominum testimonio confirmatus, operae pretium fore censi quandoquidem mihi philosophandum esset, ut in academia praecipue philosopharer, verum ut doctrina Platonica, quae ad divinam legem, id est Mosaycam Christianamque tanquam Luna quaedam se habet ad Solem latius refulgeret, libros Platonis omnes e Graeca lingua transtuli in Latinam” (*Ficinus M. Quod pia sit platonica disciplina* // Ep. lib. VII. P. 855. 1)

теля еврейского народа, приводя в связи с этим сохраненное отцами церкви высказывание пифагорейца Нумения из Апамеи, который, прочитав книги Моисея и Платона, будто бы «сказал, что в Платоне он узнал Моисея и что Платон не кто иной, как второй Моисей, говоривший на аттическом наречии»¹⁵⁶.

Воспитанный на богословских суммах средневековья и комментариях к ним, Фичино и в Платоне видел прежде всего создателя подобного рода суммы только уже «древнего богословия», которое совместимо с Божественным откровением и может быть использовано для проникновения в глубины величайших тайн христианского вероучения. Именно поэтому Фичино находил также возможным использовать «древнее богословие», подытоженное платонизмом, в спасительных для религии целях, то есть для ее апологетики¹⁵⁷. Конкретно речь шла о том, чтобы, опираясь на Платона и представляемую им давнюю традицию «священной философии», отстоять в полемике с философами-перипатетиками, в особенности с аверроистами, основные догматы христианства.

§ 4. Древнеязыческая мудрость и христианская религия: а. «Платоновское богословие»

С подобным намерением по завершении перевода Платона Фичино приступил к главному из собственных оригинальных сочинений – фундаментальному трактату «Платоновское богословие о бессмертии душ»¹⁵⁸. Сам гуманист назвал его «как бы комментарием»

¹⁵⁶ *Ficinus M. Concordia Mosis et Platonis // Ep. lib. VIII. P. 866. 3.* См. перевод на русский язык: Кудрявцев О.Ф. «Ученая религия» флорентийской Платоновской Академии. С. 94.

¹⁵⁷ О великой пользе для религии платонизма Фичино высказывался в предисловии к переводам Платона: “*Platonicam lucem, religioni [nostri] admodum salutarem*” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium. P. 1128, 1129*).

¹⁵⁸ Опираясь на свидетельство Фичино, сообщавшего в предваряющем трактат “О жизни” письме, что “*post librorum omnium eius [Platonis] interpretationem, mox decem atque octo de animorum immortalitate libros, et aeterna foelicitate composui*” (*Ficinus M. In librum De vita Epistola dedicatoria // Op. om. P. 493*), П.О. Кристеллер делает вывод, что к работе над “Платоновским богословием” гуманист приступил в 1469 г. (*Kristeller P.O. Introductio. P. LXXIX*).

ем», в котором, писал он к Иоанну Никколини, архиепископу Амальфийскому, «по мере сил сокрытое учение Платона излагается таким образом, чтобы мы, держась скорее духа его, чем буквы, совлекли [с него] поэтические покровы, и во всем открыли созвучие платоновских мыслей с Божественным законом»¹⁵⁹. В данном случае Фичино продолжал традицию жанра, широко принятого не только у позднеантичных неоплатоников (особенно близко старался он следовать Проклу, неоплатонику V в., у которого, кстати сказать, позаимствовал название «Платоновское богословие»¹⁶⁰), но и в средневековой

159 «Praeterea ne cui novi luminis [речь идет об учении Платона – О.К.] huius aspectu oculi caligarent, volumen composui [“Платоновское богословие о бессмертии душ» - О.К.] quasi commentarium in libros decem et octo distinctum. In quibus Platonica mysteria ita pro viribus exponuntur, ut mentem eius potius, quam verba sequamur, sublatisque Poëticis velaminibus Platoniam aperiamus sententiam divinae legi undique consonam” (*Ficinus M. Quod pia sit platonica disciplina // Ep. Lib. VII. P. 855. 1*).

В том же духе о согласии с христианской религией более других языческих учений трудов Платона высказывался чуть ранее Фичино в хорошо ему известном трактате “Клеветнику Платона” кардинал Виссарион: “... ostendemus et doctrinam Platonis magis quam Aristotelis nostrae religioni consentaneum esse... - и чуть ниже, – si quis ex auctoritate quoque gentilium philosophorum veritatem nostrae religionis corroborare voluerit, Platonis potius libris quam Aristotelis id effici posse demonstramus” (*Bessarion. Op. cit. II. I. P. 81*). Сходство задач, сочинений предпринятых Виссарионом и Фичино, очевидно.

160 На эту тему см.: *Saffrey H.D., Westerink L.G. Introduction // Proclus. Théologie platonicienne. Paris, 1968. Vol. I. P. CXXXV*; *Kristeller P.O. Proclus as a reader of Plato and Plotinus, and his influence in the Middle Ages and in the Renaissance // Colloques internationaux du C.N.R.S. Proclus. Lecteur et interprète des Anciens. Paris, 1987 (P. 191-211). P. 201*; *Marcel R. Op. cit. P. 647-648*. Впрочем, указанные исследователи справедливо обращают внимание на различие содержания и целей сходных по названию сочинений Прокла и Фичино.

Об очень раннем знакомстве Фичино с этим сочинением Прокла (доставленным в Италию в 1423 г. Джованни Ауриспой в числе 238 других греческих манускриптов, вывезенных из Византии; в середине 20-х гг. это сочинение заимствует Амвросий Траверсари из библиотеки Ауриспы. См.: *Lackner D.F. The Camaldolese Academy: Ambrogio Traversari, Marsilio Ficino and the Christian Platonic tradition // MFTPL (P.15-44). P. 25-26*) свидетельствует опубликованный Кристеллером итальянский трактат гуманиста “О Боге и душе”, созданный в январе 1458 г. и адресованный Франческо Каппони;

схоластике, создававшей многочисленные толкования к произведенным в ее же недрах богословским суммам, а также к сочинениям античных языческих авторов, прежде всего Аристотеля, используемым для разработки церковной догматики и науки. Итак, «Платоновское богословие» предназначено было служить своего рода комментарием к своего рода сумме древнеязыческой мудрости¹⁶¹ и продемон-

он содержит ссылку на «Прокла, который в “Платоновском богословии” утверждает, что Господь одинаково присутствует во всех вещах, однако вещи не все одним и тем же образом присутствуют в Нем» (*Ficinus M. Tractatus de Deo et anima // S.F. Vol. II (P. 128-147). P. 140-141*). Невозможно установить, обращался ли Фичино уже тогда к греческому оригиналу или к частичному его латинскому переводу, предпринятому по просьбе Николая Кузанского Амвросием Траверсари; полный латинский перевод трактата, опять же по инициативе Николая Кузанского, был выполнен Петром Бальбом в 1461-1462 гг. и доработан в 1466 г. (См.: *Saffrey H.D. Pietro Balbi et la première traduction latine de la “Théologie platonicienne” de Proclus // Miscellanea codicologica F. Masai dicata. Ghent, 1979. Vol. II. P. 425-437*). Сохранилась также греческая рукопись сочинений Прокла, в их числе и “Платоновское богословие”, с маргиналиями и пометками Фичино, которой, по мнению Саффри, гуманист располагал в последнюю декаду своей жизни (*Saffrey H.D. Sur la tradition manuscrite de la Théologie platonicienne de Proclus // Autour d’Aristote. Recueil d’études de philosophie ancienne et médiévale offert à monseigneur A. Mansion. Louvain, 1955. (P. 387-430)*; *Idem. Notes platoniciennes de Marsile Ficino dans un manuscrit de Proclus // Bibliothèque d’Humanisme et Renaissance. 1959. Vol. 21. N 1 (P. 161-184). P. 163, 164, 182-184*. См. также: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his works after five hundred years // M FRP. Vol. I (P. 15-196). P. 161*); впрочем, недавно на основе анализа текста Фичиновых заметок были высказаны веские основания в пользу того, что греческий кодекс с “Платоновским богословием” Прокла, из коего он в юные годы, по-видимому, даже переводил выдержки, попал в руки гуманиста в 1463 г. (См.: *Catalogo. P. 36-37*).

Вторая часть заглавия Фичинова труда – “о бессмертии душ” – перекликается с названием раннего трактата Августина “*De immortalitate animae*” (см.: *PL. T. 32*), из которого Фичино много заимствовал в конце V книги своего произведения, и с содержанием одной из Платиновых “Энеад” (IV. 7). См. об этом: *Ficino M. Platonic theology. Ed. By J. Hankins, M.J.B. Allen. Cambridge (Mass.); L., 2001. Vol. I. P. 322-323. N 1*.

¹⁶¹ Назвав “Платоновское богословие” Фичино «богословской “Суммой” Возрождения» (*la “Somme” théologique de la Renaissance*) Р. Марсель (*Marcel R. Op. cit. P. 677-678*) совершенно игнорировал роль, которую отводил главному своему труду сам гуманист. То же можно сказать и о характеристике,

стрировать, что Платон ближе всех подошел к истинам христианства, а платоники, по словам Фичино, подкрепленным ссылкой на Августина, могли бы стать христианами, изменив лишь немного: ведь начало Евангелия от Иоанна у них содержится почти целиком¹⁶². Все эти выкладки должны были, в конечном счете, способствовать уже не столько оправданию платонизма и стоящей за ним великой традиции, сколько их использованию в качестве авторитетного источника для апологетики христианского вероучения¹⁶³. Идея произведения выражена в его развернутом названии, поясняя которое гуманист писал: «Поскольку я, давно уже поддерживаемый авторитетом Августина и движимый великой любовью к людям, решил представить образ Платона как можно более близким (*simillimum*) к христианской истине, то особенное ударение я делаю на двух предметах, о которых

данной этому произведению П.О. Кристеллером, – “*Summa de immortalitate animorum*” (*Kristeller P.O. Florentine Platonism and its relations with Humanism and Scholasticism P. 42*).

162 “*Quamobrem quisquis Platonica (quae iam diu omnia latina feci) diligentissime legerit, consequetur quidem cuncta, sed duo haec ex omnibus potissima, et pium cognitii Dei cultum, et animorum divinitatem, in quibus universa consistit rerum perceptio, et omnis institutio vitae, totaque felicitas, praesertim cum Plato de his ita sentiat, ut Aurelius Augustinus eum tamquam Christianae veritatis omnium proximum, ex omni philosophorum numero elegerit imitandum, asseritque Platonicos mutatis paucis Christianos fore*” (*Ficinus M. Theologia Platonica. Prooemium P. 78*). Рассуждения на эту же тему содержатся в послании к Никколини (в котором кроме того сказано: “*Praeterea scribit Aurelius Augustinus... apud Platonicos... Prooemium etiam Evangelii Ioannis pene totum colligi posse*”. См.: *Ep. lib. VII. P. 855. 1*) и в послании к Якову Рондони, епископу Римини, которое озаглавлено “*Plato multa Christianis consentanea dixit. Platonici multi Christiana sunt imitati*” (*Ep. lib. XII. P. 956. 2*). Ср. соответствующие места в произведениях Августина (*Confessio. VII. 9. 13-14; De civitate Dei. VIII. 1-13*), а также Фомы Аквинского (*Summa theologiae. 1a Q.32. Art. 1 ad 1*) и кардинала Виссариона Никейского, старшего современника Фичино (*Bessarion. Op. cit. II. 16. 1. P. 297*).

163 См. в связи с этим: *Гаспару А. История итальянской литературы. М., 1897. Т. II. С. 152; Della Torre А. Op. cit. P. 613-614; Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1976 (С. 50-64). С. 61; Euler W.A. “Pia philosophia” et “docta religio”. *Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola. München, 1998. S. 221*.*

уже говорил¹⁶⁴, и по этой причине весь труд посчитал необходимым назвать «Платоновское богословие о бессмертии душ»... Я верю (и вера моя не напрасна), – рассуждал далее Фичино в предисловии к трактату, – что волей Божественного провидения испорченные умы многих людей, которые неохотно подчиняются авторитету одного только Божественного закона, должны согласиться по крайней мере с платоновскими доводами, высказанными в пользу религии, а также, что все те, которые нечестиво отделяют занятия философией от святой религии, должны в конце концов признать, что их заблуждение подобно заблуждению людей, которые отделяют любовь к мудрости от плодов этой мудрости... Я верю, наконец, что доверяющие только ощущениям тела и предпочитающие, к несчастью, истинным вещам тени этих вещей, убежденные платоновским разумом, станут созерцать то, что выше чувств, и счастливо предпочтут сами вещи их теням»¹⁶⁵.

Кроме мысли о полезности платоновского наследия для укрепления религии и веры, в цитированных словах Фичино заслуживают внимания ссылки на «великую любовь к людям» и на волю (*decretum*) «Божественного провидения» как на подлинные мотивы обращения к Платону и связанной с его именем богословско-философской традиции. Сам Фичино представлял, таким образом, некоего рода орудием Божиим, своей деятельностью осуществляющим предустановленные свыше цели¹⁶⁶. «Сие наше возвращение древних служит божественному провидению», – утверждал гуманист в ответном послании к Иоанну Паннонию, упрекавшему его за переводы и популяризацию нехристианских авторов античности¹⁶⁷. Их «благочестивая

164 Выше он вел речь о благочестивом поклонении Богу и божественности души.

165 *Ficinus M. Theologia Platonica. Prooemium. P. 78.*

166 См. также наблюдения: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 15-17; Dannenfeldt K.H. Op. cit. P. 13.*

167 “*nostra haec veterum renovatio divinae providentiae serviat*” (Название, которое дал Фичино этой эпистоле, говорит само за себя: “*Quod divina providentia statuit antiqua renovari*”. См.: *Ep. lib. VIII. P. 871. 3; Abel E. Op. cit. P. 279*). Убеждение Фичино в его провиденциальной миссии было подвергнуто решительному сомнению в послании к нему Иоанна Паннония: «Я прочитал в Буде в письме к Бандини, а также в твоём предисловии к Платону и во вступлении к твоему “[Платоновскому] богословию”, сколь много ты приписываешь провидению того, в чем другой усмотрел бы действие рока.

философия» способна определенную категорию людей обратить на путь веры; как пояснял гуманист, не следует думать, что «острые и философские умы человеческие когда-нибудь могут быть склонены и мало-помалу приведены к совершенной религии с помощью какой-либо иной приманки, кроме философской; поскольку острые умы доверяют только разумным доказательствам, постольку, найдя их у какого-либо благочестивого философа, они сразу же охотно принимают всеобщую религию (*religionem communem*)»¹⁶⁸, под которой Фичино разумел естественную и присущую всем народам религиозность, как бы она ни проявилась, религию как таковую, или «самый род религии»¹⁶⁹. Вслед за ней они легче переходят «к лучшему виду религии (*ad meliorem religionis speciem*)», то есть, в конечном итоге, становятся готовыми и к восприятию христианства. Это давало Фичино основания, возвращаясь к порядку наследования древней мудрости, намеченному еще в предисловии к переводу «Поймандра», усмотреть в ней высокую провиденциальную миссию. «Итак, не без вмешательства божественного провидения, желающего всех сообразно разумению каждого чудесным образом обратить к себе, произошло так, что некая благочестивая философия зародилась некогда у персов при Зороастре, а также у египтян при Меркурии, и в том и в другом случае согласная с собой; затем была вскормлена у фракийцев при Орфее и Аглаофеме, после этого окрепла у греков и италийцев при Пифагоре и, наконец, доведена до совершенства у афи-

Однако я... не вижу, как обновление древних может послужить провидению. – И ниже, – ... Но что все это [переводы Гермеса Трисмегиста, Зороастра, пифагорейцев – *Авт.*] осуществляется не столько действием промысла, сколько некоего рока помимо тебя, доказывает еще и то...» (*Ioannes Pannonius*. *Op. cit.* // *Ep. lib. VIII*. P. 871. 2; *Abel E.* *Op. cit.* P. 278). Подробнее о полемике Фичино с Иоанном Паннонием см.: Черняк И.Х. Итальянский гуманизм и натурфилософия во второй половине XV века. С. 91-99.

168 *Ficinus M.* *Quod divina providentia statuit antiqua renovari*. P. 871. 3; *Abel E.* *Op. cit.* P. 279.

169 См. в послании к герцогу Федерико да Монтефельтро “*Divina lex fieri à coelo non potest, sed forte significari*” раздел “*Christiana religio non fit à stellis*” (*Ep. lib. VII*. P. 849. 2). В этой связи см.: Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма. С. 47, 55 N 3-8.

нян божественным Платоном»¹⁷⁰. Однако миссия эта, по убеждению Фичино, не завершена с приходом христианства. Более того, «божественному провидению угодно в этот век укрепить сам род религии философским авторитетом и разумом». Зачем, казалось бы, это нужно в условиях, когда известен христианский закон? Оказывается затем, что над религией нависла серьезная опасность: «Ибо весь круг земли захвачен перипатетиками, разделенными в основном на две школы – александристов и аверроистов. Те полагают наш интеллект смертным, эти же утверждают, что он един. Равно и те и другие полностью уничтожают всякую религию»¹⁷¹. При отсутствии очевидных чудес средством, способным опровергнуть и обратить эти преданные нечестию острые умы, могла стать «некая философская религия» (*philosophica quaedam religio*), которую Фичино находил в переводимых и комментируемых им сочинениях древних и излагал, наконец, в своем «Платоновском богословии». В письме к Иоанну Паннонию он не скрывал убеждения, что к обоим видам трудов своих – и по освоению древних текстов и по написанию собственного – предназначен вышней волей (*divinitus destinatus*), и был уверен, что выход в свет его «Платоновского богословия» подействует на перипатетиков, а они и есть те, кого именуют философами, понудив их, в частности, не усматривать в религии нечто подобное бабушкиным сказкам¹⁷².

Нет никаких оснований доверять сообщению Корси, будто Фичино первоначально замыслил создать «Платоновское богословие» «наподобие чуть ли не языческой религии», затем, однако, он переменял строй своих мыслей и привел это произведение в соответ-

170 “Itaque non absque divina providentia, volente omnes pro singulorum ingenio ad se mirabiliter revocare, factum est, ut pia quaedam philosophia quondam et apud Persas sub Zoroastre, et apud Aegyptios sub Mercurio nasceretur utrobique sibimet consona, nutriretur deinde apud Thraces sub Orpheo atque Aglaophemo, adolesceret quoque mox sub Pythagora apud Graecos et Italos. Tandem vero a divo Platone consumaretur Athenis” (*Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari. P. 871. 3; Abel E. Op. cit. P. 279*).

171 *Ficinus M. Op. cit. P. 872. 1; Abel E. Op. cit. P. 280*.

172 “... ut hac Theologia in lucem prodeunte... Peripatetici, id est Philosophi omnes admoneatur non esse de religione [saltem communi] tanquam de anilibus fabulis sentiendum” (*Ibid. В квадратных скобках приведены слова, имеющиеся в редакции послания, которая опубликована Абелем*).

ствие с установлениями христианства¹⁷³. Очевидно другое: сев в 1469 г. за «Платоновское богословие», Фичино надолго отложил сверку и подготовку к печати выполненного им перевода Платона. Можно лишь догадываться, что он предпочел такой порядок работы, желая предварить издание переложенного на латынь корпуса платоновских сочинений публикацией собственного «как бы комментария» к ним¹⁷⁴. Будучи уверен, что призван к подобным трудам свыше, Фичино, тем не менее, проявлял вполне оправданную осмотрительность из опасений дать повод к обвинениям его в пропаганде памятников языческого богословия раньше, чем он сумел бы доказать своими писаниями их спасительность для христианской религии.

Обширный трактат «Платоновское богословие о бессмертии душ» в восемнадцати книгах, разбитых на главы, многие из которых, в свою очередь, состоят из параграфов и других разделов, в первом варианте был завершен не позднее января 1474 г.¹⁷⁵ В посланиях своему другу Джованни Кавальканти Фичино упоминал, что это сочинение он писал, гостя в его загородном имении в Реньяно¹⁷⁶.

173 “Cogitavit hoc tempore Marsilius Platonicae Theologiae volumen farcire instar prope Gentilium religionis... Quamobrem immutata mente Platoniam ipsam Theologiam ad christianos ritus traduxit...” (*Cursius I. Op. cit. VIII. P. 683*). Эта перемена в умонастроении гуманиста должна была служить главной иллюстрацией якобы имевшего места в его жизни обращения “из язычника в воина Христова” (*ex pagano Christi miles factus*), которое Корси сделал одним из главных, поворотных пунктов его биографии, выдающим ее зависимость от житийной литературы. Сообщения Корси с полным доверием принял А. Делла Торре (см.: *Della Torre A. Storia... P. 588*), в его истинности усомнился Кристеллер, показавший, что никакого “религиозного кризиса” и “обращения” у Фичино не было (*Kristeller P.O. Per la biografia di Marsilio Ficino // SRTL (P. 191-211). P. 202-205. Первое изд. статьи – 1937 г.*).

174 Неубедительным выглядит утверждение Р. Марсея, будто “Платоновское богословие”, как и перевод “Монархии” Данте и «Комментарий на “Пир” Платона», появились в результате того, что гуманист, якобы, лишенный в этот момент поддержки Медичи – Пьеро и Лоренцо, должен был бросить свой «Комментарий на “Филеба”» (*Marcel R. Op. cit. P. 393-394*).

175 20 января 1474 г. на одно из положений этого трактата ссылался Лоренцо Медичи в письме, адресованном Фичино (*Ficinus M. Amatoria // Ep. lib. I. P. 621. 3*).

176 См.: *Ficinus M. Contra Avuerroëm, scilicet, quod non sit unicus hominum intellectus; Quod Ideae secundum Platonem in divina mente sint // Ep. lib. I. P. 628, 2; 629, 2*.

Он признавал также необходимость доработки текста «Платоновского богословия», прежде чем приступить к его изданию¹⁷⁷. На протяжении ряда лет после 1474 г. Фичино вносил некоторые добавления в свой трактат (Кристеллер сумел установить три таких вставленных места), к сплошной его правке он приступил скорее всего незадолго перед печатанием, в 1480-1482 гг.¹⁷⁸. Трактат увидел свет лишь в ноябре 1482 г. в типографии флорентийского печатника Антонио Мискони, будучи во многих местах исправлен и дополнен автором, что явствует из многочисленных свидетельств¹⁷⁹.

б. «О христианской религии»

Почему и на сей раз Фичино так задержал публикацию наиболее капитального из собственных сочинений? По-видимому, потому что, как и прежде, он занялся другими, в частности, трактатом «О христианской религии». Правда, вот с этим небольшим по объему произведением, состоящим из 37 глав и предисловия, Фичино затягивать уже не стал: он его написал по-латыни, сам перевел на итальянский язык и в итальянском варианте, посвященном Бернардо дель Неро, опубликовал все в том же 1474 г. Латинское издание в новой, более полной редакции вышло в свет в 1476 г.¹⁸⁰. Чем объясняется такая необычная для гуманиста быстрота издания трактата «О христианской религии», хотя у него еще раньше были уже почти подготовлены к публикации переводы Платона и «Платоновское богословие» – труды, которым он придавал огромное значение? Возможно, тем, что в декабре 1473 г. Фичино был рукоположен в священники и своим долгом

177 В письме к Лоренцо Медичи начала 1477 г. Фичино сообщал: “Decrevi, Magnanime Laurenti, ante quam grande illud Platonicae Theologiae volumen ederem tuo nomini dedicatum, in quo adhuc superest nonnihil, quod examinatione indigeat, edere, si tibi placuerit, argumentum” (*Ficinus M. Argumentum in Platonica Theologiam ad Laurentium Medicem // Ep. lib. II. P. 706. 4*).

178 *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXX-LXXXI.*

179 Их обзор см.: *Della Torre A. Op. cit. P. 612-613; Kristeller P.O. Introductio. P. LXXIX-LXXXI; Marcel R. Op. cit. P. 460.*

180 *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXVII, LXXVIII.* Источниковедческий анализ трактата см.: *Vasoli C. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino. Lecce, 1999. P. 113-219.*

почел сразу же выступить с сочинением о религии, служителем которой он стал. А, возможно, также и тем, что в нем он хотел изложить и пояснить отправные идеи своей философии религии, развиваемые в главных его произведениях. Трактат «О христианской религии» в определенном смысле предназначен был служить пролегоменами к «Платоновскому богословию» и всей древнеязыческой мудрости, возрождением которой Фичино занимался, он должен был христианскую мысль эпохи подготовить к их восприятию и, поэтому, прежде них появился в печатном виде. Как и переводы Платона и «Платоновское богословие», трактат «О христианской религии» был посвящен Лоренцо Медичи.

в. Малые труды

Выход в свет всех крупных своих трудов Фичино предварял или сопровождал небольшими публикациями, оформленными, как правило, в виде посланий различным лицам. Эти более или менее пространные письма-трактаты предназначены были заранее ознакомить окружение гуманиста с проблематикой и идеями, которые в тот момент он разрабатывал; в иных случаях подобного рода сочинения давали Фичино возможность выделить и особо изложить темы, обстоятельным рассмотрением которых он не хотел перегружать и без того разраставшиеся в объемах свои главные труды¹⁸¹. Многие трактаты второй книги «Эпистол», созданные с 1476 г. по 1478 г. – тогда же, когда шла доработка «Платоновского богословия» – самым тесным образом связаны с этим произведением. Один из них, «Пояснение к “Платоновскому богословию”», Фичино направлял своему патрону Лоренцо Медичи в качестве залога (*ripone*) того, что он помнит об обещанном и через некоторое время выполнит свое обязательство, издав сей огромный труд (*grande illud volumen*), который он намеревался посвятить Лоренцо¹⁸²; само «Пояснение» составлено было в январе 1477 г. из вступления и трех небольших трактатов, упомянутых Фичино как самостоятельные произведения в числе других недавно завершенных им богословских сочинений (*theologica*

181 Наблюдения в этой связи см.: *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXXI, CXXIII.*

182 *Ficinus M. Argumentum in Platonicam Theologiam ad Laurentium Medicem // Ep. lib. II. P. 706.*

opuscula) в письме к Джованни Кавальканти от 10 ноября 1476 г.¹⁸³. В начале 1477 г. был подготовлен другой трактат, названием своим – «Компендий Платоновского богословия»¹⁸⁴ – также заставляющий соотнести его с еще не завершенным фундаментальным трудом Фичино, вольной переработкой одного из фрагментов которого он являлся¹⁸⁵; посвящался этот «Компендий...» философам-единомышленникам (*comphilosophis*) гуманиста и вместе с четырьмя другими сходного типа писаниями, созданными осенью-зимой 1476-1477 гг.¹⁸⁶, образовывал некое собрание, именуемое «пять ключей платоновской мудрости»¹⁸⁷. Как видно, всем им он отводил роль введения в тот материал, систематическому и всестороннему изложению которого должно было служить пока что не довершенное и не изданное «Платоновское богословие».

183 Эти трактаты, преобразованные в части единого произведения, описывали “три ступени платоновского созерцания” (*Ficinus M. Tres contemplationis Platonicae gradus* // Ep. lib. II. P. 707-716. См. письмо к Кавальканти с указанием первоначальных названий трактатов: *Nugis vulgus pascitur* // *Ibid.* 733. 3). Подробнее об этом см.: *Kristeller P.O. Introductio*. P. XCV-XCVI; *Marcel R. Op. cit.* P. 435, 436.

184 *Ficinus M. Compendium Platonicae Theologiae. Comphilosophis suis* // Ep. lib. II. P. 690-697.

185 Об этом: *Kristeller P.O. Introductio*. P. LXXXI.

186 Следующие трактаты второй книги “Эпистол”: *Quaestiones quinque de mente* // *Comphilosophis suis* (P. 675-682); *Super sensus est intellectus, super sensibile est intelligibile... Comphilosophis suis* (P. 682-686); *Elementa moventur mobiliter. Coelestes sphaerae moventur stabiliter... Ioanni Francisco Hippolyto utriusque iuris Doctori Gazolti comiti clarissimo* (P. 686-688); *Forma corporea dividitur et movetur ab alio. Anima rationalis non dividitur, sed ex seipsa movetur... Nicolao Episcopo Vacienti, et Francisco Bandino* (P. 688-690).

187 См.: *Ficinus M. Argumentum in Platoniam Theologiam*. P. 706; *Kristeller P.O. Introductio*. P. XCVI-XCVIII. Опираясь на письмо в Венгрию Николаю Баторию, епископу Вацскому, датированное 24 июня 1479 г., в котором Фичино пишет, что «уже завершил “пять ключей платоновской мудрости”» (“*perfeceram iam quinque Platonicae sapientiae claves*”). См.: *Ficinus M. Montes non separant animos montibus altiores* // Ep. lib. IV. P. 782. 3), P. Марсель считает возможным заключить, что последние части этого собрания из пяти трактатов были закончены незадолго до указанного в письме срока (*Marcel R. Opuscula theologica. Introduction* // *Ficinus M. Théologie platoniciennes* (P. 247-261). P. 253. См. здесь же новое издание «Пояснения к “Платоновскому богословию”» и “Пять ключей платоновской мудрости”: *Ibid.* P. 265-378).

Здесь надо упомянуть еще два небольших произведения Фичино, созданных осенью (до 1 ноября) 1476 г. и вошедших во вторую книгу «Эпистол». Одно из них «О свете в теле мира, в ангеле, в Боге», адресованное Фебу Капелле, венецианскому послу, другое – «О восхищении Павла до третьего неба и бессмертия души», адресованное Джованни Кавальканти¹⁸⁸ и самим же гуманистом в течение года, до 11 декабря 1477 г., переложенное на итальянский язык, причем этот перевод, как и аналогичный перевод трактата «О христианской религии», был посвящен Бернарду дель Неро¹⁸⁹. Своей проблематикой они, несомненно, перекликались с «Платоновским богословием», носящим, нелишне напомнить, подзаголовок «О бессмертии душ», равно как и другой трактат Фичино «Рассуждение против прорицаний астрологов». Созданный в 1477 г. или в 1478 г., этот довольно объемистый труд, защищающий свободу человеческой воли (*humani arbitrii libertas*) от посягательств на нее астрологической науки, касался такого аспекта проблемы человеческой свободы, от подробного рассмотрения которого гуманист уклонялся в своем главном сочинении. Впрочем, «Рассуждение» это так и не было доведено до конца и опубликовано Фичино за исключением предисловия к нему, направленного гуманистом вместе с письмом к графу Франческо Ипполито Гаццольдо¹⁹⁰.

188 *Ficinus M. Quid sit lumen in corpore mundi, in angelo, in Deo. Ad Phoebum Venetum clarissimum Oratorem // Ep.lib. II. P. 717-720; De raptu Pauli ad tertium coelum, et animi immortalitate. Ad Ioannem Cavalcantem // Ibid. P. 697-706.* Датировать их завершение помогает письмо к Лоренцо Медичи от 14 апреля 1477 г. (*Ficinus M. Pura neque impure quaeras, neque postquam inveneris, impuris communia facias // Ep. Lib. IV. P. 755. 3*).

189 См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CX-CXI.*

190 “*Librum scripsi contra vana Astrologorum iudicia, mitto ad te Prooemium, reliquum mittam cum primum scriba noster excripserit*” (*Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum // Ep. lib. IV. P. 781. 2*). Подробнее о “Рассуждении против прорицаний астрологов” см. ниже С. 401-403.

Текст трактата издан П.О. Кристеллером: *Ficinus M. Disputatio contra iudicium astrologorum // S.F. Vol. II. P. 11-76.* О его истории см. подробнее: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Berlin, 1927; Kristeller P. O. Introductio. P LXXXI, CXXXIX-CXL; Marcel R. Marcile Ficin. P. 440-441.*

Вслед за работами, близкими к «Платоновскому богословию», Фичино завершил до конца 1477 г. два небольших сочинения, связанных с другим крупным его трудом, с подготовкой к изданию переводов Платона и пояснений к ним. Им обоим, «Платонической природе, образованности и деятельности философа» и «Жизни Платона», помещенным гуманистом в составе четвертой книги «Эпистол» и адресованным графу Гаццольдо и Франческо Бандини¹⁹¹, предшествовало предисловие, первоначально предпосланное комментарию на «Филеба» (создано до 1469 г.), текст которого применительно к целям новых произведений был существенно переработан и расширен. Характерно то, что «Жизнью Платона» (завершена к Рождеству 1477 г.) Фичино предварял в качестве своего рода введения (ему предшествовало лишь общее Предисловие – Prohemium) латинские переводы сочинений афинского мыслителя в их рукописных и типографских изданиях¹⁹².

Созданные в последующие несколько лет сочинения никак не связаны с основными трудами гуманиста, бывшими, надо полагать, и в этот период предметом его преимущественного внимания. К концу июня 1478 г. Фичино перевел с латинского на итальянский язык одиннадцать посланий из первой-пятой книг своих «Эпистол» и, озаглавив всю подборку «Нравственные беседы о глупости и ничтожестве людей», посвятил ее Якопо Гвиччардини (*Sermoni morali della stultitia et miseria degli uomini ad Jacopo Guicciardini*)¹⁹³. Можно предположить, что на выбор проблематики этих «Нравственных бесед» оказала влияние та тяжелая психологическая обстановка подавленности и растерянности, которая царила во флорентийском обществе вскоре после

В первоначальном замысле книга эта, по-видимому, называлась «О провидении Божьем и изменчивости человеческой воли»: “Compono, – писал Фичино в посланиях к Бернардо Бембо и Франческо Марескалько, – *librum de providentia Dei et humani arbitrii varietate*” (*Ficinus M. Quantum Astronomi metiuntur, tantum Astrologi metiuntur; Idem. Cum primum fatum impugnare nitimur, expugnamus // Ep. lib. IV. P. 771. 1; 776. 3*).

¹⁹¹ *Ficinus M. De platonica philosophi natura, institutione, actione; Idem. De vita Platonis // Ep. lib. IV. P. 761-770.*

¹⁹² *Kristeller P. O. Introductio. P. C-Cl; Idem. The first printed edition of Plato's works... P. 29.*

¹⁹³ См. их идентификацию с латинскими письмами гуманиста: *Kristeller P.O. Introductio. P CXI; Idem. Lay religious traditions and Florentine Platonism // SRLT (P. 99-122). P. 117.*

разгрома заговора Пацци 26 апреля 1478 г.¹⁹⁴, хотя никаких определенных указаний на связь с этим событием в переводах Фичино нет.

В 1479 г. Фичино написал трактат на итальянском языке «О мерах против чумы». Поводом, заставившим гуманиста вспомнить о полученном смолоду медицинском образовании, стала эпидемия чумы, захватившая Флоренцию в 1478-1480 гг. В рассуждении о природе и причине этого недуга Фичино опирался на свои познания в астрологии, усматривая в нем злоторное действие определенных небесных констелляций, производящих в воздухе ядовитые пары, которые смертоносны для людей; главная рекомендация Фичино состояла в том, чтобы бежать из зараженных мест как можно раньше и дальше, а возвращаться как можно позже. Трактат предназначался для широкого распространения, впервые отпечатан был в 1481 г. во Флоренции¹⁹⁵. Продолжило медицинскую тематику подготовленное в самом конце 1480 г. или в первой половине 1481 г. сочинение «О том, как следить за здоровьем ученых»; посвящено оно Георгию Антону Веспуччи и Джован Баттиста Бонинсеньи и первоначально открывало собой седьмую книгу «Эпистол»¹⁹⁶, но в последующем было изъято и переработано в первую книгу трактата «О жизни».

194 Marcel R. Op. cit. P. 444-445.

195 Ficino M. Consiglio contro la pestilenza. Firenze, 1481. В латинском переводе, выполненном в 1516 г. Иеронимом Риччо, трактат озаглавлен: *Ficinus M. Epidimiarum Antidotus* // Op. om. P. 576-606. См. подробнее: Della Torre A. Op. cit. P. 610-611; Kristeller P.O. Introductio. P. LXXXVI.

196 “Liber epistolarum septimum, caput habet Epistolam de curanda litteratorum valetudine disputantem” (Ep. lib. VII. P. 841. 1). К 1480 г. относят письмо-трактат А. Делла Торре и П.О. Кристеллер (*Della Torre A. Storia dell’Accademia...* P. 611; Kristeller P. O. Introductio. P. LXXXIII-LXXXIV), опираясь на упоминание о нем в послании к Бернардо Ручеллаи (*Ficinus M. Frustra scribit, qui ita scribit ut à nullo intelligatur* // Ep. lib. VI. P. 836. 2). Р. Марсель (*Marcel R. Op. cit. P. 462-464, 498*), ссылаясь на гораздо более позднее письмо к Мартину Уранию (Преннингеру, 1489 г.), в котором сказано, что трактат был выполнен на седмижды седьмом году жизни гуманиста (“compositum septimo aetatis septionario nostro” См.: *Ficinus M. Responsio desideranti natalem suum et reliqua* // Ep. Lib. IX. P. 901. 2), считает возможным его датировать временем после октября 1481 г. Реконструкция хронологии “Эпистол”, произведенная С. Джентиле (*Gentile S. Introduzione. P. CCI N 58*), позволяет утверждать, что сочинение Фичино в прижизненных рукописях “Эпистол” носящее название “De cura valetudinis eorum qui incumbunt studio litterarum”, создано между 3 декабря 1480 и 30 августа 1481 гг.

§ 5. Древнее богословие после Платона: перевод и комментирование языческих и христианских неоплатоников

В 1482 г. Фичино осуществил, наконец, долгие годы откладываемое издание своего «Платоновского богословия», а в 1484 г. – выполненных им латинских переводов сочинений Платона. Однако с их выходом в свет работа гуманиста по освоению древней мудрости не прекратилась. Следующим значительным его трудом в этом плане стал перевод «Эннеад» – произведения крупнейшего позднеантичного философа-неоплатоника Плотина (204/205-270). К нему Фичино приступил вскоре после направления своих переводов Платона в печать, не ранее марта 1484 г., по-видимому предварительно переложив на латынь «Жизнь Плотина», созданную ок. 300 г. его учеником Порфирием¹⁹⁷. По признанию Фичино в предисловии к «Эннеадам», заняться ими его побудил Джованни Пико делла Мирандола, которого «героический дух» Козимо Медичи заставил приехать во Флоренцию¹⁹⁸. Надо думать, что уговоры Пико, в которых Фичино усма-

197 *Ficinus M. Plotini vita, Porphyrio eius discipulo autore, Marsilio Ficino Florentino interprete // Op. om. P. 1538-1547.*

198 “Quo enim tempore Platonem Latinis dedi legendum, heroicus ille Cosmi animus heroicam Ioannis Pici Mirandulae mentem nescio quomodo instigavit, ut Florentiam... pervenerit. Hic [Picus] sane... quo die et ferme qua hora Platonem edidi Florentiam veniens me statim post primam salutationem de Plato rogat: Huic equidem, Plato noster inquam hodie liminibus nostris est egressus. Tunc ille et hoc ipso vehementer congratulatus est, et mox nescio quibus verbis, ac ille quibus ad Plotinum interpretandum me non adduxit quidem sed potius concitavit” (*Ficinus M. In Plotini epitomae, seu argumenta, commentaria et annotationes. Prooemium // Op. om. P. 1537*). См. кроме того сообщение Фичинова биографа Корси: “Annos deinceps natus unum ac quinquagesimum Pici Mirandulae precibus Plotini aggressus est” (*Cursius J. Op.cit. XI. P. 684*). Слова предисловия “Platonem edidi” могут подразумевать не издание Платона (которое состоялось в сентябре 1484 г.), а передачу его для печати, поскольку в следующей фразе определенно говорится, что “сегодня наш Платон... покинул наш дом” (“Plato noster... hodie liminibus nostris est egressus”). Р. Марсель, правда, считает возможным датировать начало перевода “Эннеад” концом 1483 г. (*Marcel R. Op. cit. P. 475*), что вряд ли возможно, имея в виду занятость Фичино подготовкой к печати переводов Платона и сопровождающих их материалов. См.: *Wolters A.M. The first draft of Ficino’s translation of Plotinus // MFRP. Vol. 1 (P. 305-329). P. 305, 308.*

тривал не иначе, как знак свыше¹⁹⁹, отвечали настроениям и самого главы флорентийских платоников. Рукописи с «Эннеадами» были ему предоставлены еще Козимо²⁰⁰, при котором скорее всего и возникла идея сделать их доступными латинскому читателю. На них гуманист широко опирался при подготовке «Платоновского богословия», что видно по частым ссылкам на Плотина в тексте этого произведения. Плотин предстал у Фичино наиболее верным толкователем мыслей Платона²⁰¹, а вместе с тем и всей религиозной мудрости древних,

199 См. об этом гл. IV (Inter pares). С. 277-278.

200 “Operam praeterea dedit [Cosmus], ut omnes non solum Platonis sed etiam Plotini libros graecos haberem” (*Ficinus M. In Plotini epitomae, seu argumenta, commentaria et annotationes...* // *Op. om.* P. 1537). Одна из рукописей – XIII в. – досталась Козимо от Никколò Никколи, вторая была изготовлена Иоанном Скутариотом, по-видимому, по заказу Козимо Медичи. На них сохранились поправки и записи Фичино. См.: *Henry P. Les manuscrits grecs de travail de Marsilio Ficino, le traducteur des “Ennéades” de Plotin // Congrès de Tours et Poitiers. Actes du congrès. Paris, 1954. P. 323-328; Saffrey H.D. Florence, 1492: The reappearance of Plotinus // RQ. 1996. Vol. XLIX. N 3 (P. 488-508). P. 49—491.*

201 В Фичиновых пояснениях к Платонову “Теэтету” ссылка на Плотина дается со следующей его характеристикой: “Qui de his dubitat Plotini summi interpretis commentaria legat” (*Ficinus M. In Theetetum // Op. om.* P. 1278).

О полном единомыслии двух мудрецов древности – вплоть до утверждения о том, что в словах Плотина можно услышать речи Платона, который в своем последователе как бы обрел вторую жизнь, или же что одно и то же божественное начало (daemon, numen) вдохновляло их обоих – см. также у Фичино: «Principio vos admoneo qui divinum audituri Platonem huc acceditis, ut Platonem ipsum sub Plotini persona loquentem vos audituros existimetis. Sive enim Plato quondam in Plotino revixit: quod facile nobis Pythagorici dabunt: sive Daemon idem Platonem quidem prius afflavit, deinde vero Plotinum... Idem itaque numen per os utrumque humano generi divina fundit oracula...», – и завершает он свое обращение к читателям и слушателям (ибо, как видно, выступал с этими комментариями перед публичной) словами, уподобляющими отношение Платона к Плотину отношению Бога-Отца к Богу-Сыну, – Et vos Platonem ipsum exclamare sic erga Plotinum existimetis: “Hic est filius meus dilectus in quo mihi undique placeo”» (*Ficinus M. Exhortatio ad auditores in lectionem Plotini et similiter ad legentes // Op. om.* P. 1548). В кавычках приведены знаменитые евангельские слова: “Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение” (Мф. III. 17).

Кроме того, цитированное место у Фичино, несомненно, напоминает рассуждение Августина, в котором говорится, что “лик Платона... воссиял сквозь облака заблуждений особенно ярко в Плотине, философе-платонике,

нуждавшейся в силу специфики текстов, ее содержащих, в особой дешифровке. «... в обычае древних богословов, – писал, поясняя смысл своей работы над Плотиним, Фичино, – было скрывать божественные тайны под покровом как математических фигур и чисел, так и поэтических образов, дабы по недомыслию они не стали общедоступными. Плотин же, по свидетельству Порфирия и Прокла, первый и единственный снял с богословия эти покровы и по вдохновению свыше проник в священные тайны древних; однако по причине необычайного краткословия, обилия и глубины мыслей он нуждается не столько в языковом переводе, сколько в комментариях. И так, доселе мы трудились над переводом и объяснением ранее указанных богословов; нынче мы точно так же ежедневно трудимся над книгами Плотина, будучи свыше предназначены к этой работе, как те к своей»²⁰².

Письмо это, цитированные мысли которого почти дословно воспроизведены Фичино позднее в его же предисловии к комментариям на Плотина²⁰³, было составлено не ранее конца 1484 г., после того, как корреспондент Фичино, находившийся в венгерской столице Буде, не только получил латинское издание сочинений Платона, увидевшее свет в сентябре 1484 г., но и откликнулся на него письмом к Фичино²⁰⁴. И в ходе работы над «Эннеадами», и по ее итогам гуманист настойчиво подчеркивал ее провиденциальный смысл, обуслов-

которого находили до такой степени похожим на Платона, что казалось, будто... один жил в другом” (“...os illud Platonis... dimotis nubibus emicuit, maxime in Plotino, qui platonicus philosophus ita eius similis iudicatus est,... ut in hoc ille revixisse putandus est”. См.: *Augustinus. Contra academicos. III. 18. 41 // PL. T. 32. Col. 956*). См. также: *Saffrey H.D. Florence, 1492... P. 494-496*.

202 “Vetus autem theologorum mos erat divina mysteria tum mathematicis numeris et figuris, tum poëticis figmenta obtegere. Plotinus tandem his theologiam velaminibus denudavit primusque et solus, ut Porphyrius Proclusque testantur, arcana veterum divinitus penetravit; sed ob incredibilem tum verborum breviter tum sententiarum copiam sensusque profunditatem non translatione tantum linguae, sed commentariis indiget. Nos ergo in theologis superioribus traducendis et explanandis hactenus laboravimus. Nunc vero quotidie in Plotini libris similiter laboramus, huic operi nos sicut et illi suo, divinitus destinatus...” (*Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. lib. VIII. P. 871-872; Abel E. Op. cit. P. 279*).

203 *Ficinus M. In Plotini epitomae, seu argumenta... Prooemium // Op. om. P. 1537*.

204 *Ioannes Pannonius. Dubitatio, utrum opera philosophica regantur fato an providentia. P. 871. 2; Abel E. Op. cit. P. 278*.

ленность прямо-таки божественной волей. Если на ранних этапах своей деятельности, в начале 60-х гг., Фичино, как можно заключить из письма к нему Иоанна Паннония²⁰⁵, скорее всего только близким ему людям поверял убеждение в своем предопределении свыше к переводам орфических, герметических и прочих памятников древнеязыческого богословия, если в «Платоновском богословии» он об этом отважился сказать открыто, хотя и мимоходом, среди прочего, не особенно акцентируя внимание, то, трудясь над переводом и комментированием Плотина, в ответном послании к Иоанну Паннонию²⁰⁶ или в близком по времени послании к Франческо Бандини, а также в самих толкованиях к Плотину Фичино постоянно упирал на то, что, делая доступным латинскому читателю Плотина и других мудрецов языческой древности, он творит Божью волю²⁰⁷. И в этом Фичино пре-

205 См. С. 50, 55, 293.

206 Кроме цитированного чуть выше места, нужно обратить внимание также на следующие слова, обращенные к адресату: “Если бы ты понял наши труды, которые, как ты утверждаешь, ты читал, то не сомневался бы теперь, по какой причине это наше возрождение древних наилучшим образом может служить божественному провидению” (“*Si nostra quae legisse te dicis, intellexisses, non dubitares nunc, qua potissimum ratione nostra haec veterum renovatio divinae providentiae serviat*”. См.: *Ficinus M. Quod divina providentia...* P. 871. 3; *Abel E. Op. cit.* P. 279).

207 “Наш Плотин, вместе со своим Платоном бесспорно глава платоников, написал пятьдесят четыре книги. Нынче я (содействием Божиим) закончил [перевод] тридцатой книги. И так, как повелел всемогущий Бог, этим путем нас ведет божественное провидение, и мы по нему следуем” (“*Plotinus noster Platonorum una cum Platone suo facile Princeps, quinquaginta et quatuor divinos composuit libros. Trigesimo eius libro hac ora (Deo aspirante) extremam imposui manum. Ita profecto iubet Deus omnipotens, hac nos divina providentia ducit, hac ergo sequamur*”, – сказано в послании к Бандини. См.: *Ficinus M. Quod qua via ducit Deus pergendum sit // Ep. lib. VIII.* P. 871. 1; *Abel E. Op. cit.* P. 278-279).

“Итак, руководимые божественным провидением, мы дали толкование божественному Платону и великому Плотину”, – утверждает в предисловии к комментариям на Плотина и далее, в обращении к слушателям его лекций, высказывается предположение, – “... что при переводе и изъяснении божественных книг Плотина Марсилиус Фичино не будет лишен великого счастья божественной помощи” (“*Divina igitur providentia ducti divinum Platonem, et magnum Plotinum interpretati sumus... Spero tamen id quod admodum foelicus est, divinum auxilium in traducendis explicandisque*

успел. В общественном сознании эпохи он сумел закрепить мысль о его божественном призвании, а равно и о близости платонизма, возрождением которого он был занят, христианству. Августинский монах Эгидий из Витербо, реагируя скорее всего уже на издание Плотина по латыни, писал Фиично: «Мы полагаем, что Марсилиий Фичино, показавший, что тайное богословие Платона изначально находится в согласии с нашими священными установлениями и предвосхищает их, направлен нам божественным провидением. Это, мой Марсилиий, те царства Сатурна, тот золотой век, столько раз возвещенный сивиллой и пророками, это те времена, предреченные Платоном, в которые его труды получают широчайшую известность»²⁰⁸.

Работа по переводу «Эннеад», об интенсивности которой можно судить по письму к Антонио Кальдерино²⁰⁹, была окончена довольно быстро. 17 января 1486 г. Фичино писал Пьеру Леоне: «Получи некоторые книги Плотина, которых ты здесь дожидался. Вчера завершил их полный перевод. Осталось еще произвести его дословную

divinis Plotini libris Marsilio Ficino non defuturum”. См.: *Ficinus M. In Plotini epitomae seu argumenta... Prooemium // Op. om. P. 1537; Idem. Exhortatio ad auditores in lectionem Plotini et similiter ad legentes // Ibid. P. 1548*).

См. в этой связи: *Marcel R. Op. cit. P. 583-589, 600-601; Allen M.J.B. Synoptic art. Marsilio Ficino on the history of Platonic interpretation. Firenze, 1998. P. 5-8.*

208 “Quo factum est, ut divina providentia missum Marsilium Ficinum arbitremur, qui misticam Platonis theologiam nostris sacris institutis in primis consentaneam atque illorum previam declararet. Hec sunt mi Marsili Saturnia regna, hec toties a Sibylla et vatibus aetas aurea decantata, hec Platonis illa tempora, quibus fore precinuit, ut sua quam optime studia nota fierent” (*Egidius Marsilio Ficino // SF. Vol. II. P. 316*).

Подробнее об Эгидии из Витербо и его отношениях с Фичино см.: *Signorelli G. Il cardinale Egidio da Viterbo, agostiniano, umanista e riformatore (1469-1532). Firenze, 1929. P. 2-3; Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino, 1966. Vol. I. P. 424-425, 435; O'Malley J.W. Giles of Viterbo on church and reform. A study in Renaissance thought. Leiden, 1968. P. 49-50; Voci A. M. Marsilio Ficino ed Egidio da Viterbo // MFRP. Vol. II. P. 477-508.*

209 “Quod autem duabus iam epistolis tuis vix tandem reddiderim unum, Platonius ille magnus Plotinus in causa est... Ego igitur ingenti huic operi vehementer incumbo, ut vix mei ipsius aliquando reminiscar” (*Idem. Excusatio quando brevius respondetur amicis // Ep. lib. VIII. P. 870. 4*). Датировать это письмо можно концом 1484 г. или началом 1485 г.

сверху и с помощью кое-каких пояснений сделать более понятным смысл, зачастую [довольно] темный»²¹⁰. Фичино в последующем действительно занимался уточнением переведенного латинского текста Платиновых «Эннеад», поскольку тот вариант, который был им в итоге опубликован, как показал А.М. Уолтерс, существенно отличался от первоначального²¹¹. Воспоследовавшая за ним сразу работа над комментариями²¹², возможно, одновременно сопровождалась и сверкой; во всяком случае завершена она была в августе 1490 г.²¹³. 12 ноября того же года Лука Фабиани, писец и друг Фичино, изготовил для Лоренцо Медичи кодексы с Фичиновыми переводами и толкованиями Платина, украшенные иллюстрациями; работа оплачена была Филиппо Валори²¹⁴. Расходы по типографскому изданию Платиновых «Эннеад» в переводе Фичино и с его же комментариями взял на себя «покровитель Академии» Лоренцо Медичи²¹⁵, которому оно было по-

210 “Accipe nonnullos quos hic expectabas Plotini libros, heri omnibus transferendis finem imposui. Reliquum est et recognoscere verba et obscurum saepe sensum argumentis quibusdam reddere clariorem” (*Idem*. Inimici hominis domestici eius // Ep. lib. VIII. P. 874. 3).

211 Wolters A.M. Op. cit. P. 305-329.

212 “Plotini libros omnes iamdiu me fecisse Latinos intellexisti, atque in eos commentaria scribere mox incepisse”, – сказано в письме к Бандини, датированном 6 января 1488 г. (*Ficinus M. Satis ad unum scribit amicum, qui cunctis simul scribit amicis* // Ep. lib. VIII. P. 895-896).

213 См. письма гуманиста к Пьеру Леоне и Франческо Содерини за август 1490 г.: *Ficinus M. In successu operum, Deo gratias age, amicis congratulare; Finis operis. Principium operis tibi esto de commentario in Philebum* // Ep. Lib. X. 914. 2, 3. О ходе работы над комментариями см. подробнее: *Marcel R. Op. cit.* P. 487, 495, 503, 504.

214 См.: *Della Torre A. Op. cit.* P. 624-625; *Kristeller P.O. Introductio.* P. CXXVIII; *Wolters A. M. Op. cit.* P. 326.

215 “... cuius [Plotini] libros tu patronus Academie magnifico sumptu formis exprimi curavisti”, – сказано в письме Филиппо Валори к Лоренцо; опубликовано Кристеллером: *MFRP. Vol. I. P. 32*. О том, чьим “благодетельным издержкам” обязана Фичинова публикация Платина, значится на колофоне книги: “Magnifico sumptu Laurentii Medicis patriae servatoris impressis ex archetypo Antonius Miscomitis Florentiae Anno MCCCCLXXXII Nonis Maii” На эту тему см. также письма Фичино к Мартину Уранию (Преннинггеру) “Gratiarum actio” (Ep. Lib. XI. P. 929. 3), датированное ноябрем 1491 г., и к Юлиану, профессору богословия из ордена Св. Франциска, “Amor ipse Deus amantem redamari iubet” (Ep. Lib. XI. P. 951-952), датированное 21 февраля 1492, то есть 1493, г.

священо. Увидело оно свет, правда, через месяц после его смерти – в мае 1492 г.²¹⁶, будучи снабжено своего рода письмом-послесловием к Пьеро Медичи, сыну и преемнику Лоренцо²¹⁷.

Комментарии к Плотину весьма неравномерны. В июле 1489 г., находясь приблизительно в середине четвертой «Эннеады» (IV. III. 13-14), Фичино решил далее к текстам Плотина писать уже не «пояснения и комментарии», но «краткие аннотации», дабы труд его «не разросся до бесконечности»²¹⁸. Возможно, была еще одна и не менее существенная причина: работа над комментариями слишком затягивалась, вынуждая гуманиста отодвигать дальнейшие его планы на более позднее время. Не случайно, по-видимому, с конца 1486 г. и до середины 1489 г. он не раз и подолгу отвлекался на другие занятия. И скорее всего основное время уходило не на сверку переводов «Эннеад», как считает А.М. Уолтерс²¹⁹, но на новые переводы. 6 января 1489 г. (то есть на самом деле – 1490 г.) в письме к Франческо Бандини Фичино сообщал, что откомментировал лишь половину книг Плотина и, возможно, успел бы все, если бы не вынужден был кроме того (*soactum fuisse insuper*) переложить на латынь частями сочинение Пселла «О демонах», трактат Синезия «О сновидениях», фрагменты (*ex parte*) «О воздержании от употребления в пищу животных» Порфирия, «О мистериях египтян, халдеев, ассирийцев» Ямвлиха, а также комментарий Прискиана Лида к трактату Феофраста «Об уме»²²⁰. Приведенный здесь список неполон; по неизвестной

216 *Plotinus. Opera. Florentiae, 1492*. См. в этой связи: *Della Torre A. Op. cit. P. 626, 629; Kristeller P.O. Introductio. P. CLVIII*.

217 См.: *Op. om. P. 1538* (написано в конце апреля-начале мая 1492 г.).

218 “*Si enim longa similiter argumenta, immo et commentaria seorsumque ab ipsis Plotini capitibus disposita prosequamur, et confusa continget interpretatio et opus excrescet in immensum. Satis evagati sumus: satis multa iam diximus. Sat igitur erit deinceps breves quasdam annotationes, ut in Theophrasto fecimus, Plotini capitibus interserere*” (*Ficinus M. In Plotini epitomae, seu argumenta, commentaria et annotationes. IV. III. 13-14 // Op. om. P. 1718*). См.: *Marcel R. Op. cit. P. 503 N 3; Wolters A.M. Op. cit. P. 317-318*.

219 См.: *Wolters A. M. Op. cit. P. 324*.

220 “...traducere unsuper in latinum Psellum platonicum de daemonibus; et Synesium de somniis; atque ex parte Porphyrium de abstinentia; ac etiam divinum Iamblichum de aegyptiorum assyriorumque Theologia. Et denique Priscianum Lydum Theophrasti mentem de mente diligenter interpretantem”

(*Ficinus M. Satis ad unum scribit amicum, qui cunctis simul scribit amicis // Ep. Lib. IX. P. 895-896; Abel E. Op. cit. P. 285-286*).

Упомянутый в конце перечня труд Прискиана Лида представляет собой метафразы из четвертой и пятой книг Феофрастова трактата “Физика” (*Physica*), соответственно подразделяемые Фичино на две части – “Об ощущениях” и “О представлении и мышлении”. См. их заглавие в письме к венгерскому королю Матвею Корвину: “*Leges ergo feliciter Priscianum Lydum Philosophum qui et Theophrasti et Aristotelis mentem de sensu et imaginatione et intellectu diligenter interpretaretur*” (*Ficinus M. Amicus in amico. Item excusatio de itinere non suscepto // Ep. lib. VIII. P. 896. 2*). См. также в базельском изд.: *Prisciani Lydi in Theophrastum de sensu et eiusdem in eundem de phantasia et intellectu ad M. Valorem // Op. om. P. 1801*. Имея в виду обе части, Фичино мог их называть трактатом “О душе” (*Ficinus M. Prooemium in Theophrastum de anima // Ep. lib. IX. P. 896. 3*). О творчестве Прискиана Лида и его переводах Фичино см.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXVIII-CXXIX; Schmitt Ch. B. Priscianus Lydus // Catalogus Translationum et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance latin translations and commentaries: Annotated lists and guides. Washington, 1976. Vol. 3. P. 75-80; Steel C.G. The Changing Self. A study on the soul in later Neoplatonism: Iamblichus, Damascus and Priscianus. Brussel, 1978; Allen M.J.B. Icastes. Marsilio Ficino’s interpretation of Plato’s “Sophist”. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1989. P. 187-188 N 19*.

Фичино сетовал на дурное качество рукописей, которыми он пользовался и которые он старался “исправлять и восполнять” (“*emendare hoc atque resarcire studui*”, – сказано в посвящении к Прискиану. См.: *Op. om. P. 1801*). См. также в письме 1497 г. к издателю этих его переводов Альду Мануцию жалобу на особенно большое количество погрешностей в списке Синезия, с которым гуманист работал: “*Synesium pre ceteris arbitror esse mendosum... quia exemplar habui mendarum plenum*” (*Ficinus M. Aldo Romano // S. F. Vol. II. P. 95*). Поэтому, ссылаясь на дефектность оригинального текста, в частности сочинения Ямвлиха, гуманист подчеркивал, что должен был давать не буквальный, но смысловой перевод (“...scito me hunc librum [Iamblichi] non ad verbum expressisse, sed ad sensum... quia unicum est apud nos exemplar, mendarum plenum, et quod est deterius, fragmentorum”). *Ficinus M. Ironia in librum suum // Ep. lib. IX. P. 903. 3*). Такой перевод мог содержать толкования – о чем Фичино предупреждал Матвея Корвина, посылая ему сочинение Прискиана Лида, каковое он “не только переложил с греческого, но также снабдил краткими пояснениями” (*Ficinus M. Amicus in amico. Item excusatio de itinere non suscepto // Ep. lib. IX. P. 896. 2*) – и быть в результате вставок, необходимых для связности повествования и прояснения смысла (“*Coactus vero sum interdum meum aliquod verbum, – сознавался Фичино в пояснении к Ямвлиху, – vel continuationis, vel intelligentiae gratia interferre*”). *Ficinus M. Argumentum in librum Iamblichi // Op. om. P. 1873; Ep. Lib. IX. P. 897-898*), пространнее оригинального текста. См. по этому поводу также: *Marsel R. Op. cit. P. 490*.

причине гуманист не назвал еще одно небольшое переведенное в это же время произведение Порфирия «Исходные пункты для восхождения к умопостигаемому»²²¹, а также не упомянул сделанные им переложения выдержек из «Комментария на «Алкивиад I» и «О жертвоприношении и магии» Прокла²²². Фичино не уточнял, какое обстоятельство вынудило его предпринять эти труды; тем не менее определенную логику в них можно найти. Прослеживая путь развития «древнего богословия», Фичино должен был вслед за Плотиним обратиться к непосредственным продолжателям его дела и прежде всего Порфирию, Ямвлиху, Проклу, которые, по убеждению гуманиста, принимали участие в том, чтобы совлечь покровы и во всем блеске явить миру «златую», Богом дарованную мудрость Платона²²³. Так оно и случилось²²⁴. В ряду тех, чьи сочинения он, как видно, переложил на латынь во второй половине 80-х гг. значатся крупнейшие представители языческого неоплатонизма III-V в. Порфирий, Ямвлих,

221 В латинском переводе Фичино оно читается: *Porphyrii de occasionibus sive causis ad intelligibilia nos ducentibus* // Op. om. P. 1929. О нем см.: *Kristeller P.O. Introductio*. P. CXXXV.

222 Хотя о Прокле, наряду с Ямвлихом, сообщал Фичино 3 января 1489 (то есть 1490) г. в письме к Пьеру Леоне (*Ficinus M. De efficacia loquendi et ratione iocandi* // Ep. lib. IX. P. 895. 2). См.: *Excerpta Procli in Platonis Alcibiadem primum commentarii. Eiusdem Procli De sacrificia et magia* // Op. om. P. 1908-1929.

223 См. письмо к Виссариону (сентябрь-октябрь 1469 г.): “*Plato noster... pulchritudinem animi a Deo, quam sapientiam et aurum appellavit pretiosissimum, postulavit; aurum hoc Platoni a Deo tributum, Platónico in sinu utpote mundissimo fulgebat clarissime. Verbis autem et literis licet luculentissimis, mente tamen obscurioribus involutum, evasit obscurius et quasi terreno quodam habitu obsitum, eos homines latuit, qui Linceos oculos non habebant... Verum in Plotini primum, Porphyrii deinde et Iamblici ac denique Proculi officinam aurum illud iniectum, exquisitissimo ignis examine excussis arenis enituit, usque adeo, ut omnem orbem miro splendore replevit*” (*Ficinus M. De laude Platoniorum interpretem* // Ep. lib. I. P. 616-617). См. также: *Gentile S. Introduzione*. P. CCLVII; *Magnard P. Platon pour disposer au christianisme* // MFPR (P. 195-203). P. 200.

224 Р. Марсель (*Marcel R. Op. cit.* P. 488) считает, что Фичино на эти труды подвигло стремление продемонстрировать совпадение положений “древнего богословия” (*antique Théologie*) с христианской мыслью. Такое намерение у Фичино, несомненно, было, однако оно само по себе еще не объясняет порядок Фичиновых переводов.

Прокл, раннехристианские философы-неоплатоники Синезий (IV-начало V вв.) и Прискиан Лид (VI в.) и византийский платоник Михаил Пселл (XI в.)²²⁵. Зимой-весной 1489 г. Фичино адресовал новые свои труды друзьям и покровителям²²⁶, в их числе Филиппо Валори (перевод Прискиана), Пьеро Медичи (перевод Синезия и Пселла) и его брату, кардиналу Иоанну (переводы Ямвлиха, Порфирия, Прокла), сыновьям Лоренцо, коему в конце 1489 или в начале 1490 гг. был посвящен изготовленный на деньги Филиппо Валори кодекс с переводами всех упомянутых авторов²²⁷. Изданы они были (вместе с более ранними переводами Алкиноя-Альбина, Спевсиппа, псевдопифагорейскими писаниями, псевдо-Ксенократовым диалогом и собственным ранним сочинением Фичино «О наслаждении») в сентябре 1497 г. венецианским типографом Альдом Мануцием²²⁸.

По ходу работы над комментариями к Плотину почти что сам собой сложился еще один значительный труд Фичино – «Три книги о жизни»²²⁹. Написав пояснения к одной из частей «Эннеад» (IV. III. 11), в которой речь шла о «стяжании благорасположения небес» (*de favore coelitus hauriendo tractantem*), гуманист увидел, что у него

225 Порядок переводов этих авторов, если следовать реконструкции Р. Марселя (*Marcel R. Op. cit. P. 487-494*), был следующий: первым, еще в 1486 г., был сделан перевод Порфирия, за ним следовал Пселл и Синезий, далее шли, по-видимому, Прискиан и Прокл, последним, в марте 1489 г., был переложен Ямвлих.

226 См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIII-CXXXIII.*

227 “*Sinesius atque Psellus, et Iamblichus, ac Porphyrius Proculusque Platonici, iam pridem amplissimas tuas aedes ingressi, ingenuos filios tuos salutaverunt... Comitantur praeterea hos quinque Philosophos Priscianus Lydus, simul et Theophrastus*”, – сказано в предисловии к направленному Лоренцо кодексу (*Ficinus M. Prooemium in libros primo quidem missos ad Laurentij filios et Valorem deinde ad Laurentium Medicem // Ep. lib. X. P. 905. 4*). См. также: *Op. om. P. 1968.*

228 *Jamblichi de misteriis et alia. Venetiis, 1497. 2-е изд. там же в 1516 г. См.: Kristeller P.O. Introductio. P. LXIX.* Исключение составил перевод Гермия, который по непонятным причинам не вошел в изданную Альдом подборку Фичино и сохранился в рукописи, находящейся в библиотеке Гамбурга, см.: *Kristeller P.O. Op. cit. P. XXX, CXLVI.*

229 *Ficinus M. De vita libri tres // Op. om. P. 493-572.* См. частичное русское переложение: Фичино М. О жизни I. 1-7 / Пер. И. Гурьянова // ПИ. 2015. Вып. III (С. 147-197). С. 157-188.

получился законченный трактат, и, вероятно, дабы не увеличивать чрезмерно объема комментариев, выделил его из их состава²³⁰. Образовавшееся таким образом самостоятельное произведение он «с согласия Лоренцо», которому предназначены были все комментарии, 10 июля 1489 г. посвятил и отправил Матвею Корвину, королю Венгерскому, под заглавием «О стяжании жизни с небес» (*De vita coelitus comparanda*)²³¹; предметом рассмотрения этой книги было влияние небесных явлений на жизнь человека. К августу того же года книга была пересмотрена, как явствует из письма к Джованни Пико делла Мирандола; в нем же сказано, что гуманист читает сочинение Арнальда из Виллановы (1245-1311), очень авторитетного в средние века медика и богослова «О том, как отсрочить приход старости» (*De retardanda senectute*)²³². Впрочем, есть основания полагать, что Фичино имел в своем распоряжении труд не Арнальда из Виллановы, но известного оксфордского схоласта XIII в. Роджера Бэкона²³³. Как бы то ни было, под впечатлением от этого сочинения гуманист пожелал написать собственную работу на сходную тему (в письме Фичино оно озаглавлено – «*De differendo senio*», или «*De vita studiosis proroganda*») и, не откладывая дела, к концу августа завершил ее; по-

230 См. об этом: *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXXIV; Kaske V., Clark J.R. Introduction // Ficino M. Three books on life. Ed. by V. Kaske, J.R. Clark. New York, 1989. P. 25-26.*

231 См.: *Ficinus M. In librum tertium de vita coelitus comparanda, ad Serenissimum Pannoniae regem epistolare prooemium // Op. om. P. 529 (Abel E. Op. cit. p. 289, 290).*

232 “*Quo die hinc abisti, libellum de Vita coelitus comparanda peregi, pridie vero opportune incideram in quedam Arnaldi librum de retardanda senectute, die à nobis optatum...*” (*Ficinus M. Studium de vita longa // Ep. lib. IX. P. 900. 3*). Речь идет у Фичино, по-видимому, о стихотворном “Салернском кодексе здоровья” (*Regimen sanitatis Salernitanum*) Арнальда из Виллановы, известном и под другими названиями – “Салернская медицина” (*Medicina Salernitana*), “О сохранении доброго здоровья” (*De coservanda bona valetudine*), “Об отсрочке смерти” и т. п. См.: *Арнальд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. Перевод Ю.Ф. Шульца. М., 1964. С. 91-134.*

233 См. исследование с приведением смысловых и текстовых параллелей, доказывающих возможность заимствований Фичино из трактата Бэкона: *Clark J.R. Roger Bacon and the composition of Marsilio Ficino’s “De vita longa” (“De vita”, book III) // JWCI. 1986. Vol. 49. P. 230-233.*

священа она Филиппо Валори²³⁴. Тогда же у Фичино возникла мысль два новых своих труда вместе с третьим, написанным еще в конце 1480 – первой половине 1481 гг. медицинским трактатом на тему здоровья ученых²³⁵, который он, впрочем, полностью переработал, свести воедино²³⁶. Это было сделано на вилле Кареджи. Первая из «Трех книг о жизни», посвященных как целое Лоренцо Медичи, называлась «О том, как оберегать здоровье ученых», вторая – «О долголетию» и третья – «О стяжании жизни с небес»²³⁷.

Материал этого произведения послужил пищей к разговорам, в которых Фичино обвиняли в неподобающем ему как священнику занятии медициной, астрологией и магией. Это привлекло внимание римской курии. Дело могло принять дурной оборот. 15 сентября 1489 г. гуманист адресовался с «Апологией» к своим влиятельным в политических кругах Флоренции друзьям Пьеро дель Неро, Пьеро Гвиччардини и Пьеро Содерини, в которой оправдывал себя тем, что священникам не возбраняется заниматься лечением болезней тела, что он не одобрял, но лишь излагал магическую науку в связи с комментированием Плотина, что он, наконец, вел речь не о поклонении демонам (*cultu demonum*), но о естественной магии (*magia naturalis*), нацеленной на обретение телесного здоровья, используя благодетель-

234 См. письма: *Ficinus M. Astronomicum auspicium pro libro de vita longa; Responsio desideranti natalem suum et reliqua* // Ep. lib. IX. P. 901. 1; 901. 2. См. также предпосланное этой книге посвящение Валори: *Ficinus M. In librum secundum de vita producenda, ad Philipum Valorem epistolare Prooemium* // Op. om. P. 509.

235 См. выше стр. 000.

236 См. письмо Фичино к Мартину Уранию, датированное 29 августа 1489 г.: *Ficinus M. Responsio desideranti...* // Ep. lib. IX. P. 912. 2.

237 “De studiosorum sanitate tuenda” (Op. om. P. 495-509); “De vita producenda, sive longa” (Ibid. P. 509-529); “De vita coelitus comparanda (Ibid. P. 529-572). См. также: *Della Torre A.* Op. cit. P. 622; *Пузино И.* Религиозные искания в эпоху Возрождения. Вып. I. Марсилиус Фичино. Berlin, 1923. С. 72-74; *Kristeller P.O.* Introductio. P. LXXXIII-LXXXVI; *Marcel R.* Op. cit. P. 495-496; *Copenhaver B.P.* Op. cit.; *Biondi A., Pisani G.* Introduzione // *Ficino M. De vita. A cura di A. Biondi, G. Pisani.* Padova, 1991 (P. IX-XXXV). P. X-XIV; *Гурьянов И.Г.* Первая книга медико-астрологического трактата «О жизни» Марсилио Фичино в контексте исследований философии Возрождения // *ПИ.* 2015. Вып. III. С. 147-156.

ные небесные воздействия²³⁸. На следующий день, 16 сентября, с той же целью Фичино обратился к еще одним своим друзьям, способным оказать ему покровительство, – Бернардо Каниджани, Джованни Каначчи и Америго Корсини, коих он, обыгрывая их имена, называл «canes» и «cursoges», то есть охотничьими и гончими псами Академии, и просил вместе с Джорджо Бениньо Сальвиати оборонить его от хищных волков, его недображелателей²³⁹. Осенью 1489 г. за счет Филиппо Валори был подготовлен хорошо иллюстрированный миниатюрами кодекс с «Тремя книгами о жизни», а уже в начале декабря 1489 г. это произведение с посвящением Лоренцо Медичи вышло во Флоренции из печати; финансировал издание опять же Филиппо Валори. Экземпляры его Фичино разослал гуманистам и церковным прелатам в расчете на их поддержку. В мае 1490 г. ходатайством венецианского посла в Риме Эрмолао Барбаро и ряда влиятельных церковных иерархов папой Иннокентием VIII с Фичино были сняты выдвинутые против него обвинения в магии и ереси, спровоцированные «Тремя книгами о жизни»²⁴⁰.

Не в обычае Фичино, никоим образом не допускавшего потери времени, было позволять себе оставаться без дела. Поэтому сразу после завершения работы над комментированием Плотина Фичино, не дожидаясь его выхода в свет, приступил к следующему труду – переводу писаний Псевдо-Дионисия Ареопагита. Обращение к сочинениям мыслителя, которого церковная традиция считала последователем ап. Павла²⁴¹, было новым этапом в ученой деятель-

238 *Ficinus M. Apologia, in qua de Medicina, Astrologia, Vita mundi. Item de Magis, qui Christum statim natum salutaverunt agitur // Op. om. P. 572-574.* Подробнее об адресатах Фичиновой “Апологии” см.: *Della Torre A. Op. cit. P. 726-728.*

239 *Ficinus M. Quod necessaria sit ad vitam securitas et tranquillitas animi // Ibid. P. 574-575.* Об адресатах этого письма см.: *Della Torre A. Op. cit. P. 662-664, 724, 732.*

240 См. письмо Фичино к Эрмолао Барбаро: *Ficinus M. Purgatio traductionis respondeo // Ep. Lib. X. P. 912. 3.* См. подробнее: *Della Torre A. Op. cit. P. 622-625; Kristeller P. O. Introductio. P. LXXXIII-LXXXV; Marcel R. Op. cit. P. 497-503; Kaske V., Clark J.R. Op. cit. P. 55-70; Kristeller P.O. Marsilio Ficino and the Roman Curia // Humanistica Iovaniensia. 1985. Vol. 34A (P. 83-98). P. 93-95.*

241 Обращенным апостолом Павлом во время его проповеди в Афинском ареопаге. См. : Деян. 17. 34.

ности Фичино и диктовалось всем направлением его духовных исканий: убежденный в согласии древнеязыческой богословской мысли с христианством Фичино, проследив весь путь ее развития и, наконец, рецепцию в памятниках позднеантичного неоплатонизма прежде всего у Плотина, вслед за этим неизбежно должен был обратиться к наиболее близким им по духу творениям христианской патристики. А таковыми, несомненно, были труды, приписываемые первому епископу Афин Дионисию Ареопагиту (I в. н. э.), созданные, как показывает новейшая историко-философская критика, на рубеже V-VI вв. автором, соединившим христианское богословие с неоплатонической системой идей в интерпретации, которую ей дал Прокл²⁴².

Строго говоря, никакой острой нужды в этих переводах не было, Псевдо-Дионисий Ареопагит был доступен западному читателю в многочисленных латинских переложениях: ок. 832 г. его переводил аббат Гилдуин, в 852 – философ-неоплатоник Иоанн Скот Эриугена, в 1140 г. – Иоанн Сарацин и Гуго Сен-Викторский, в 1235 г. – схоласт Роберт Гроссетест, наконец, в 1431 – гуманист и генерал ордена камальдулов Амвросий Траверсари²⁴³. Фичино, однако, не только располагал более надежным списком трудов Псевдо-Дионисия, чем Траверсари, и поэтому мог претендовать на более точный перевод, для него куда важнее было мыслителем, которого он называл «вершиной платонической науки и опорой христианского богословия» («*Platonicae disciplinae culmen et christianaе theologiae columen*»)²⁴⁴, увенчать естественное развитие прослеживаемой от ее истоков традиции «благочестивой философии», синтезирован-

242 *Иеромонах Дионисий (Шленов)*. Ареопагитики // ПЭ. Т. III. С. 196.

243 См.: *Marcel R.* Op. cit. P. 520; *Иеромонах Дионисий (Шленов)*. Указ. соч. С. 198, 211. Впрочем, автор последней работы ошибочно замечает, что к эпохе Возрождения интерес к “Ареопагитикам” оказался исчерпан, и игнорирует все их переводы и толкования к ним, сделанные в XV-XVI вв.

244 *Ficino M.* In orationem Dionysii de Trinitate argumentum // Op. om. P. 1013. Подробнее см.: *Marcel R.* Op. cit. P. 643-644; *Klibansky R.* The continuity of the Platonic tradition during the Middle Ages. Outlines of a corpus platonikum medii aevi. London, 1939. P. 42; *Watts P. M.* Pseudo-Dionysius the Areopagite and three Renaissance neoplatonists: Cusanus, Ficino and Pico on Mind and Cosmos // SFSHPOK (P. 279-298). P. 293-294.

ной Платоном. «Я люблю Платона в Ямвлихе, – писал гумнист, обращаясь к Пьерлеоне в мае 1491 г., – восхищаюсь им в Плотине, почитаю же его в Дионисии»²⁴⁵.

В другом послании к Пьерлеоне, также датированном весной 1491 г., Фичино сообщал: «Ты спрашиваешь, чем я сейчас занят: я вернулся к трудам Дионисия Ареопагита, к которым приступил прошлым летом, как только завершил комментарии к Плотину. Мне остался один лишь Дионисий, коего следует, без сомнения, назвать наиглавнейшим среди платоников (*Platoniorum proculdubio summus*). Итак, тем же порядком, что Платона и Плотина, мы стараемся его перевести и вкратце, то есть как принято у платоников, откомментировать. Мы уже окончили [перевод] его книги «О мистическом богословии» (*de mystica theologia*), теперь заняты [книгой] «О божественных именах (*nomina divina*)»²⁴⁶. Начатый летом 1490 г. перевод небольшого трактата «О мистическом богословии» вместе с комментариями к нему Фичино, по-видимому, выполнил до конца этого же года. Работа над другим, гораздо более пространственным текстом затянулась, потому что одновременно Фичино должен был наблюдать за подготовкой к печати «Эннеад» Плотина. «Я продолжаю, как и прежде, перевод «О божественных именах» Дионисия, – писал гуманист в июле 1491 г. Мартину Уранию. – Между тем вычитываю Плотина, как только типограф делает его оттиск»²⁴⁷. В письме за ноябрь, адресованном тому же лицу, Фичино рассказывает об обещании Лоренцо Медичи выполнить новое «королевское издание» (*formaque regia*) его переводов Платона и о собственных планах в связи с этим разделить каждый диалог на главы и параграфы и дать им подходящие названия, добавляя, что «в силу подобного рода занятий перевод книг Дионисия, начатый некоторое время тому назад, будет завершён позднее»²⁴⁸. Когда был закончен перевод «О божественных именах», сказать точно невозможно, но из адресованного Пьеро Медичи предисловия к трактату «О Солнце» (*De Sole*), которое подготовлено было скорее

245 “Amo equidem Platonem in Iamblichio, admiror in Plotino, in Dionysio veneror...” (*Ficinus M. Quomodo aliquis sub aliena persona cogitanti sibimet occurat // Ep. lib. XI. P. 925. 2*).

246 *Ficinus M. Heroicum virorum laboriosa quidem vita est, sed gloriosa // Ep. Lib. X. P. 920. 3*.

247 *Idem. Rationes negotiorum suorum amico reddendae // Ep. Lib. XI. P. 928. 2*.

248 *Idem. Gratiarum actio // Ep. lib. XI. 923. 3*.

всего осенью 1492 г., явствует, что Фичино перевод этого труда Псевдо-Дионисия Ареопагита «первейшего среди платоников», уже имел на руках²⁴⁹. До исхода же 1492 г. не только переводы двух указанных сочинений христианского платоника, но и комментарии к ним были доведены до конца, что засвидетельствовано в первом их издании, датированном 1496 или 1497 гг.; посвящены они были кардиналу Иоанну Медичи²⁵⁰.

В то самое время, когда шла работа над текстами Псевдо-Дионисия Ареопагита и Платона, появилось еще одно сочинение Фичино, в первой, краткой редакции озаглавленное «О сравнении Солнца с Богом» (*De comparatione Solis ad Deum*). В только что цитированном предисловии к полной версии этого трактата гуманист признавался: «Ныне изо дня в день я занят переложением Платона... Недавно же дойдя до того таинства, где Платон искуснейшим образом сравнивает Солнце с самим Богом, мне захотелось потолковать о столь важном предмете *пространнее* [курсив мой – Авт.] тем более, что наш Дионисий Ареопагит... охотно трактует о сходном сравнении Солнца с Богом»²⁵¹. Основание для сопоставления Солнца с Богом Фичино должен был найти в шестой и седьмой книгах Платонова «Государства» (508a-517b); уделить им особое внимание, как не без основания заметил Р. Марсель, побудил Фичино Проклов комментарий к этим диалогам, открывший для гуманиста новые аспекты их восприятия²⁵².

249 “... Dionysios noster Areopagita, Platonicorum primus, cuius interpretationem in manibus habeo” (*Idem*. In librum de Sole ad Magnanimum Petrum Medicem Prooemium // Op. om. P. 965). Перевод книги «О Солнце» см.: Марсилио Фичино. «О звезде волхвов». «О Солнце» / Пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. Вып. 1. 2014. С. 446–485.

250 См.: Kristeller P.O. *Introductio*. P. CXV-CXVI; Marcel R. Op. cit. P. 519-523.

251 “... Itaque cum nuper ad mysterium illud Platonicum pervenissem, ubi Solem ad ipsum Deum artificiosissime comparat, placuit rem tantam aliquanto latius explicare, praesertim quia Dionysius noster Areopagita... similem Solis ad Deum comparationem libenter amplectitur” (*Ficinus M.* In librum de Sole Prooemium. P. 965).

252 В письме к Мартину Уранию за 3 августа 1492 г. Фичино сообщал, что в числе рукописей, присланных Иоанном Ласкарисом из Греции для Медичейской библиотеки, были комментарии Прокла к первым шести и началу седьмой книги Платонова “Государства”, и эти комментарии он прочитал в первую очередь: “Ego autem inter multa (ut soleo) semper in primis legi Platonica, primaque inter haec commentaria Procli in sex Platonis de Republica

Наиболее вероятное время создания краткой редакции трактата – апрель-май 1492 г., посвящена она Эберхарду, графу Вюртембергскому, и включена в состав одиннадцатой книги «Эпистол»²⁵³. После доработки и создания летом-осенью того же года второй, расширенной версии трактата, адресованной уже Пьеро Медичи, сам трактат был изъят из собрания «Эпистол», в котором от него осталось только посвяtitельное письмо герцогу.

Подобным образом, путем добавления новых материалов, вслед за сочинением «О Солнце», до конца 1492 г. Фичино завершил еще одно произведение, тематически связанное с предыдущим, – «О свете» (*De Lumine*)²⁵⁴. Исходным материалом послужила входящая в состав второй книги «Эпистол» и адресованная Фебу Капелле работа «О свете в теле мира, в ангеле, в Боге» (1476 г.). Оба трактата – «О Солнце» и «О свете» – были напечатаны во флорентийской типографии Мискомини издержками Пьеро дель Неро 31 января 1493 г.²⁵⁵.

В том же 1492 г. Фичино сделал перевод небольшой части Проклова комментария к «Государству» Платона²⁵⁶ и фрагментов (excerpta) трактата Афинагора «О воскресении мертвых». «Но о воскресении достаточно [сказано] ... в книге Афинагора, платоника и христианина, которую в этом году [речь идет о 1492 г. – О.К.]

libros principiumque septimi” (*Ficinus M. Prooemium in compendium Procli // Ep. lib. XI. P. 937. 2*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXII; Marcel R. Op. cit. P. 524-525*.

253 “*Leges ergo feliciter Phoebee princeps, – сказано в обращении к герцогу, – quae de comparatione Solis ad Deum partim Plato Dionysiusque Areopagita tractarunt, partim ego interpretor atque commentor*” (*Ficinus M. Prooemium in comparationem Solis ad Deum // Ep. lib. XI. P. 944. 2*). Датировку см.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXIV*. Непонятно, почему Р. Марсель считает, что первая версия трактата создана “ранее апреля 1492 г.” (*Marcel R. Op. cit. P. 525*).

254 “*Cum opusculum de Sole tibi clarissime Petre destinavissem, memini paulo post iam diu me de lumine libellam composuisse*”, – сказано в предисловии к книге “О свете” (*Ficinus M. In librum de Lumine ad Magnanimum Petrum Medicem Prooemium // Op. om. P. 976*).

255 *Kristeller P.O. Introductio. P. CXI-CXIII; Marcel R. Op. cit. P. 526-530*.

256 Этот перевод Прокла Фичино поместил в составе материалов 11-й книги своих “Эпистол” (“*Excerpta ex Proculo in Rempublicam Platonis*” См.: *Ep. lib. XI. P. 937-943*). См. также: *Kristeller P.O. Proclus as a reader of Plato and Plotinus. P. 203*.

мы перевели по смыслу»²⁵⁷, – сообщается в комментариях к трактату «О божественных именах». Как и Дионисий Ареопагит, Афинагор был интересен и важен для Фичино прежде всего тем, что в своем труде представлял две традиции – платоническую и христианскую, совместимость которых гуманист подчеркивал в творениях, приписываемых первому епископу Афин; именно поэтому Афинагора Фичино нарочито называл «платоником и христианином». Синтезировав платонизм и христианство, и тот, и другой – и автор «Ареопагитик», и Афинагор – подтверждали в глазах Фичино внутреннее единство, имеющее своим основанием божественное откровение, содержащееся в древнеязыческом богословии, обобщенном Платоном и его последователями, и в христианском вероучении. Стоит заметить также, что перевод Афинагора, церковного писателя II в., хронологически следовал за переводом писаний Псевдо-Дионисия Ареопагита, время создания которых относили к I в.; то есть, как и раньше, в своем творчестве Фичино словно бы воспроизводил этап за этапом путь развития богословской мысли древности. Не ранее марта 1495 г. свое переложение Афинагора он посвятил и направил парижскому канонику (позже ставшему епископом Кагора, затем – Орлеана) Герману де Ганэ²⁵⁸; оно было впервые издано в августе 1498 г. в Париже²⁵⁹.

257 “Nam de resurrectione satis... in libro Athenagorae Platonici atque Christiani quem hoc anno e Graeco ad sensum interpretati sumus” (*Ficinus M. In librum Dionysii Areopagitae De divinis nominibus commentaria // Op. om. P. 1101*).

258 Посвящение и перевод отрывков из Афинагора см.: *Op. om. P. 1871-1873*.

259 *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXXII*.

§ 6. Последние комментарии к Платону

Параллельно с изданием Плотина, переводом и комментированием Псевдо-Дионисия Ареопагита и Афинагора, с начала 90-х гг. Фичино был занят работой над уже ранее переведенными текстами Платона и комментариями к ним. Убежденный в том, что «философские умы приходят ко Христу через Платона», он решил вновь вернуться к трудам афинского философа, мысль которого оказывалась столь благотворна для укрепления христианской веры²⁶⁰. В предисловии к трактату «О Солнце» гуманист среди прочего ставил в известность «о новом переводе Платона», которым он «занят ежедневно», а также о «более пространных, как того требует сам предмет [имелось в виду то или иное произведение афинского философа – О.К.], пояснениях к ним»²⁶¹. В начале 1493 г. в третьем по счету перечне трудов гуманиста говорится о том же с некоторыми уточнениями: во-первых, речь идет о более пространных не только пояснениях, но и комментариях и, во-вторых, об исправлении платоновских сочинений (надо думать, в переводе Фичино) от чужих ошибок²⁶². К концу февраля 1493 г. некоему богослову Юлиану Фичино пишет о том, что «новый перевод» продвинулся «более, чем наполовину» (*ultra dimidium*)²⁶³. Довел его гуманист до конца или нет, неизвестно, но работа над ним, в итоге, свелась к сверке уже имеющихся переводов и их уточнению. Во всяком случае в письме к Герману де Ганэ конца 1494 г. Фичино не упоминает о «новых переводах», извещая адресата о том, что «продолжает усердно, насколько возможно в этой сумятице [по-видимому,

260 “... riam de anima Deoque sequantur Platonis nostri sententiam. – сказано в письме к Джованни Пико за 1492 г., – *Per quam sane quasi mediam quandam viam Christianam pietatem denique consequantur*” (*Ficinus M. Philosophica ingenia ad Christum perveniunt per Platonem in Augustino Aurelio contigit // Ep. lib. XI. P. 930. 1*).

261 “Novam Platonis interpretationem auspiciis iamdiu tuis inceptam Magnanime Petre quotidie prosequor atque ut te non latet crebrioribus articulorum distinctionibus longioribusque quantum res ipsa postulat argumentis explano” (*Ficinus M. In librum de Sole Prooemium. P. 965*).

262 “Quotidie Platonis libros recognoscit alicubi alienis manibus forte contaminatos distinguitque in capita et longioribus argumentis commentariisque illustrat” (СТОП // S.F. Vol. I. P. 4).

263 *Ficinus M. Amor ipse Deus amantem redamari iubet // Ep. lib. XII. P. 951. 1*.

имелись в виду гражданские нестроения, воспоследовавшие за изгнанием Медичи – О.К.] заниматься комментариями к Платону»²⁶⁴.

Еще летом 1490 г. по завершении работы над Плотиним и одновременно с началом перевода Псевдо-Дионисия Ареопагита Фичино снова взялся за комментарий к «Филебу», составленный в первой версии на основе публичных лекций гуманиста до 1474 г.²⁶⁵. Во втором перечне его трудов, датированном 1489 г., комментарий к «Филебу» охарактеризован как «еще не заверченный» (*pondum absolutam*)²⁶⁶. В письме к Франческо Содерини, епископу Вольтерры, Фичино, сравнивая себя с небом, не знающим покоя (*instar coeli quod quiescit nunquam*), замечает, что после Плотина сразу сел за новый труд – «доведенный лишь до середины комментарий к «Филебу» Платона, который предстояло закончить»²⁶⁷. Вторая редакция этого комментария была подготовлена ранее февраля 1491 г.: в ней введение заменено предисловием с посвящением Лоренцо Медичи²⁶⁸; между мартом и апрелем из его текста были изъяты «Апологии наслаждения» и, адресованные Мартину Уранию, помещены в конец десятой книги «Эпистол»²⁶⁹. Еще одна, третья версия комментария к «Фи-

264 “... pergo tamen inter hos strepitus in Platonis commentationibus assidue quoad possum...” (*Ficinus M. Gratulatio pro literis diu expectatis // Ep. lib. XII. P. 963. 2*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIII*.

265 По мнению Р. Марсея, которое воспроизводит П. Лоран (см.: *Marcel R. Op. cit. P. 322; Laurens P. Op. cit. P. XXVI*), первоначально Фичино прокомментировал “Филеба” между 1464 и 1468 гг., и скорее всего до апреля 1466 г. была подготовлена первая версия толкований, ибо в них нет еще появившегося в последующих версиях упоминания диалога “Кратил”, перевод которого Фичино завершил как раз в апреле 1466 г. Однако текстологический анализ комментария к “Филебу”, проведенный М. Алленом, показал, что труд этот был предпринят Фичино уже после окончания им комментария к “Пиру”, то есть не ранее июля 1469 г. См.: *Allen M.J.B. Introduction [to ‘Philebus’] // Ficino M. The “Philebus” commentary. A critical edition and translation by M.J.B. Allen. Arizona, 2000 (P. 1-58). P. 1-7, 48-56.*

266 CSOF. P. 2.

267 “Rediit enim mox in mentem absolvenda mihi superesse commentaria in Platonis Philebum de summo bono ad dimidium usque producta” (*Ficinus M. Finis operis. Principium operis tibi esto de commentario in Philebum // Ep. lib. X. P. 914. 3*).

268 См.: *Ficinus M. Pallas, Iuno, Venus, vita contemplativa, activa, voluptuosa // Ep. lib. X. P. 919. 4*

269 *Ficinus M. Apologi de voluptate // Ep. Lib. X. P. 921-924.*

лебу» появилась в течение 1492 г., однако, подобно второй, она не рассматривалась гуманистом в качестве окончательной и в третьем каталоге творений (начало 1493 г.) обозначена как «Комментарий на часть “Филеба”»²⁷⁰.

В том же 1492 г. Фичино занимался комментированием «Тимея» и «Парменида». Сведения о работе над комментариями к «Тимею» восходят ко времени до 1457 г.²⁷¹, однако их первый известный вариант, опубликованный в издании Фичинова Платона (1484 г.), был создан летом 1483 г., о чем гуманист вспоминал в письме к Филиппо Валори от 7 ноября 1492 г.: «Небольшой комментарий к «Тимею», составленный у тебя в селении Майано, теперь нами увеличен»²⁷². Из этого же письма видно, что поздней осенью 1492 г. работа над ним шла полным ходом; вскоре она была завершена, поскольку в третьем перечне трудов гуманиста (начало 1493 г.) этот комментарий уже введен в их число²⁷³. Правда, Р. Марсель не без основания считает²⁷⁴, что на самом деле до окончания всего труда было еще далеко, так как Фичино продвинулся немногим далее первой трети диалога (49d), а последние главы комментария больше напоминают резюме; прерваться гуманиста, полагает французский исследователь, заставила необходимость срочно взяться за комментарий к «Пармениду».

В уже цитированном письме к Валори Фичино действительно обещает вскоре обратиться к «Пармениду»²⁷⁵. До этого перевод «Парменида», посвященный еще Козимо Старому, сопровождали небольшие пояснения (*argumenta*), которые были опубликованы в издании Платона 1484 г. Р. Марсель справедливо обращает внимание на то, что в 1492 г. Джованни Пико делла Мирандола подготовил небольшое сочинение «О Сущем и Едином» (*De ente et uno*), доказывавшее равенство и соответствие онтологических категорий Единого и Сущего; хотя

²⁷⁰ CTOF. P. 3. Подробнее см.: *Kristeller P. O. Introductio. P. CXXII-CXXIII; Allen M.J.B. Introduction [to “Philebus”]. P. 12-14.*

²⁷¹ См. выше С. 35.

²⁷² *Ficinus M. Cur semper eadem et antiqua tractem // Ep. lib. XII. P. 948. 2.*

²⁷³ CTOF. P. 3. См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXX-CXXI; Allen M.J.B. Marsilio Ficino’s interpretation of Plato’s “Timaeus” and its myth of the Demiurge // SFSHPOK. (P. 399-439). P. 402-403.*

²⁷⁴ *Marcel R. Op. cit. P. 531.*

²⁷⁵ “... mox Parmenidem similiter aggressuris” (*Ficinus M. Cur semper eadem et antiqua tractem. P. 948. 2*).

автор в нем полемизировал с покойным к тому времени Лоренцо Медичи, Фичино должен был почувствовать задетым и себя²⁷⁶; поскольку Пико часто опирался на Платонов «Парменид», Фичино и решил, чтобы отстоять свою точку зрения, посвятить этому диалогу обстоятельные комментарии; в них среди прочего сказано: «О, если бы сей достойный удивления юнец (*mirandus ille iuvenis*), – так отзывался с несомненным раздражением Фичино о внушавшем с молодых ногтей восхищение своими великими способностями к наукам Пико, графе Мирандолы (*Mirandola*), которому, надо заметить, уже было полных 29 лет, – внимательно изучил споры и дискуссии, которые я рассмотрел выше, прежде чем так дерзко нападать на наставника и так безапелляционно заявлять вопреки всем платоникам, что божественный «Парменид» был лишь трудом по логике, и что для Платона, как и для Аристотеля, Единое само по себе и Благое можно приравнять к Сущему»²⁷⁷.

276 *Marcel R. Op. cit.* P. 531-533. По мнению М. Аллена, не стоит преувеличивать роль трактата Пико в истории создания «Комментариев на «Парменида»», ибо безотносительно к чужим полемическим выступлениям эта работа подразумевалась в замыслах Фичино написать комментарий ко всем – или, по крайней мере, к наиболее значительным – диалогам Платона; сочинение Пико «О Сущем и Едином» могло, поэтому, быть лишь одним из поводов (*one of the occasions*) к тому, что именно в 1492 г. Фичино приступил к «Комментариям на «Парменида»» (*Allen M.J.B. The second Ficino-Pico Controversy: Parmenidan Poetry, Eristic, and the One // MFRP. Vol. II (P. 417-455). P. 429, 455*), причем, таким поводом, который сделал эту работу очень актуальной.

277 *Ficinus M. Commentaria in Parmenidem. 49 // Op. om. P. 1164*. Впрочем, позиция Пико была в общих чертах известна Фичино и раньше; в письме 1489 г. к Филиппо Валори, предварявшем перевод Прискиана Лида, Фичино говорит уважительно, что «наш Джованни Пико делла Мирандола, муж, несомненно, достойный удивления», «тщательнейшим образом обсуждает мнения различных философов по всем предметам и удивительно показывает, что Платон и Аристотель мыслят едино в вопросе о душе» (*“Joannes enim Picus noster Mirandolanus vir certe mirandus... philosophorum omnium de quavis materia mentes diligentissime discutit, ac Platonem Aristotelemque de anima mirabiliter monstrat esse concordēs”*. *Ficinus M. Prooemium in Theophrastum de anima // Ep. lib. IX. P. 896-897*). И до тех пор, пока «согласие философов», отстаиваемое Пико, не подразумевало нападков на «Академию», то есть на неоплатоников и их интерпретацию Платона, которые обнаружались в трактате «О Сущем и Едином», Фичино относился к замыслу своего младшего товарища с сочувственным вниманием.

Впрочем, встречающиеся в тексте Фичинова комментария ссылки на его же толкования к Плотину и Псевдо-Дионисию Ареопагиту заставляют предположить, что освоение сочинений этих мыслителей, и особенно Псевдо-Дионисия Ареопагита, также могло поставить в повестку дня тщательную разработку Платонова «Парменида». «Наконец, сию книгу [«Парменида»] согласно считают богословской не только прочие платоники..., но и, как очевидно, подтверждает это Дионисий Ареопагит, – сказано в Фичиновых толкованиях. – Сколь часто он [Дионисий] упоминает Единое, столь часто он его ставит прежде Бытия..., – писал далее Фичино, явно полемизируя с Пико. – Словом, Благое, равно как и Единое, он всегда противопоставляет Сущности, используя доводы платоников»²⁷⁸.

Как бы то ни было, к работе над комментариями к «Пармениду» гуманист мог приступить не ранее последних месяцев 1492 г. Завершены они были до августа 1493 г., что подтверждает отправленное в это время послание к Герману де Ганэ²⁷⁹. Из него явствует также, что до этого же срока, вслед за комментариями к «Пармениду» и «Тимею», были еще подготовлены и короткие комментарии к «Софисту»²⁸⁰.

278 “...denique librum hunc esse theologicum non solum ceteri Platonici praecipue probatissimi convenerunt sed etiam Dionysius Areopagita confirmare videtur; quotiens in ipsius unius indicit mentionem, totiens enim enti praeponebat... Bonum quoque similiter et unum ipsis Platonicorum rationibus semper anteponit essentiae...” (Ficinus M. Commentaria in Parmenidem. 37 // Op. om. P. 1154).

279 Ficinus M. Sapientes filii sunt Minervae, haec philosophiam parit, philosophia philosophos // Ep. lib. XII. P. 957. 2. См. другое Фичиново послание, датированное октябрём 1494 г., на сходную тему по тому же адресу: *Idem*. Multi faciendum est laudari a laudato viro // Ep. Lib. XII. P. 960. 2.

280 “Quibus [commentariis in Parmenidem] forte succedent commentaria in Timeum atque Sophistam, quae quidem in Sophistam properant iam ad calcem” (Ficinus M. Sapientes filii sunt Minervae... P. 957. 2).

По замечанию М. Аллена, Фичино составил к “Софисту” не комментарии в полном смысле слова, но скорее дал членение на части и краткое изложение этого диалога (“not really a commentary, but rather... a break-down and summary”). См.: *Allen M.J.B. Icastes*. P. 33) Аллен также считает, что онтологическая проблематика “Софиста”, близкая к проблематике “Парменида”, – в частности, концепция Единого, по поводу которой у Фичино и Пико разгорелась дискуссия, – послужила причиной того, что комментарии к этим диалогам Платона следовали хронологически один за другим (*Ibid.* P. 34-48).

Судя по имеющимся ссылкам на толкования к Ямвлиху, «Тимею», «Пармениду», около того же времени, то есть после комментариев к «Пармениду», – скорее всего, летом-осенью 1494 г. – были расширены, хотя и не доведены до конца, комментарии к «Федру», первая редакция которых подготовлена Фичино еще между 1469 и 1474 гг.²⁸¹. Наконец, последним в этом ряду был изготовлен в 1496 г. или немного ранее «Комментарий на фрагмент восьмой книги Платона «Государства», в котором идет речь о переменах в государстве, обусловленных роковым числом²⁸².

Все обновленные комментарии к диалогам Платона – к «Пармениду», «Софисту», «Тимею», «Федру», «Филебу», – а также комментарии к восьмой книге «Государства» увидели свет с новым посвящением Николло Валори во Флоренции в типографии Лоренцо ди Франческо ди Венето в декабре 1496 г.²⁸³.

281 *Ficinus M.* In *Phaedrum commentaria et argumenta*. IV, VI, XIII // *Op. om.* Vol. II. P. 1365, 1367, 1375. См. также: *Kristeller P.O.* *Introductio*. P. CXX-CXXII.

В первом каталоге (письмо к Полициано, не ранее 1474 г.) упомянут “маленький комментарий” (*commentariolum*) к “Федру” (*CPOF*. P. 1), под коим следует разуметь, по справедливой догадке М. Аллена, первоначальное “пояснение” (*argumentum*) к диалогу; вновь к работе над толкованием “Федра” Фичино мог приступить уже по окончании комментария к “Пармениду”, то есть не ранее 1493 г. См.: *Allen M.J.B.* *Marsilio Ficino and Phaedran Charioteer*. Berkeley; Los Angeles; L., 1981. P. 18-19.

282 *Ficinus M.* *Commentarius in locum Platonis ex octavo libro de Republica de mutatione reipublicae per numerum fatalem* // *Op. om.* Vol. II. P. 1413 и далее.

То, что это произведение Фичино (под названием “*Testus Platonis in octavo de Re Publica, de mutatione Rei Publicae per numerum fatalem*”), по видимому, в последний момент добавлено к уже отпечатанному изданию 1496 г. его комментариев на Платона, побуждает П.О. Кристеллера заключить, что и создано оно было в этом же году или чуть ранее (*Kristeller P.O.* *Introductio*. P. CXXIII).

М. Аллен, посвятивший происхождению и содержанию комментария на фрагмент восьмой книги “Государства” специальное исследование, относит труд Фичино к началу 90-х гг. XV в. (*Allen M.J.B.* *Nuptial arithmetic. Marsilio Ficino’s commentary of the fatal number in book VIII of Plato’s “Republic”*. Berkeley; Los Angeles; L., 1994. P. 19).

283 *Ficinus M.* *Commentaria in Platonem*. Florentiae, 1496. Посвящение Валори см.: *Ficinus M.* *Prooemium in commentaria in Platonem ad Nicolaum Valorem* // *Op. om.* P. 1136. См. также: *Kristeller P.O.* *Introductio*. P. CXIX; *Marcel R.* *Op. cit.* P. 554; *Allen M.J.B.* *Icastes. Marsilio Ficino’s Interpretation of Plato’s “Sophist”*. P. 32; *Hankins J.* *Plato in the Italian Renaissance*. Vol. II. P. 483-485.

§ 7. Собрание «Посланий». «Толкования на Послания Павла»

Ранее этого времени, в марте 1495 г., Фичино издал в Венеции у Джироламо Бьондо двенадцать книг своих «Посланий», не исключая – судя по контексту письма к Джованни-Франческо Пико делла Мирандола (ноябрь 1495 г.) – того, что со временем их число возрастет²⁸⁴. Впрочем, в предпосланном 12-й книге «Эпистол» обращении к Иерониму Росси (или Росци, 1494 г.), доминиканцу из Пистойи, он обещал, что новыми письмами будет наполнять последнюю, двенадцатую книгу «Посланий»²⁸⁵, вполне возможно, сознательно не желая менять их общее число, которое в христианской традиции считается священным. Ни того, ни другого не случилось; все дальнейшие письма Фичино не успел включить в свое эпистолярное собрание.

Создать его Фичино задумал в конце 1473 или в 1474 гг. и в начальном варианте, ставшем основой первой книги «Посланий», завершил в 1475 г., посвятив Джулиано Медичи²⁸⁶. Пока что речь не шла о сложносоставном произведении. Но добавив в эту коллекцию еще 13-14 писем за конец 1475-первую половину 1476 гг., Фичино решил больше ее не увеличивать, собирая все, что им будет написано, в новый том; так возникла вторая книга «Посланий», а за ней еще

284 *Ficinus M. Epistole. Venetiis, 1495.* «... Пространные и особенные похвалы в адрес [Джованни] Пико можно уже давно найти в разных местах моих сочинений, прежде всего в последних книгах “Посланий” (ведь их уже [курсив мой – О.К.] отпечатано двенадцать)... Первого ноября 1495 года» (“*Longas autem singularesque Pici laudes e multis scriptis meis passim colligere licet, ex libris epistolarum praesertim posterioribus (sunt enim duodecim iam [курсив мой – О.К.] impressi)... Die Primo Novembris MCCCCLXXXV*”). См.: *Ficinus M. Ioanni Francisco Mirandulae Concordiae Comiti // SF. Vol. II. P. 93*).

285 “... decrevi quotcumque etiam posthac epistolas sum scripturus, ad librum hunc duodecimum vel longissimum pertinere...” (*Ficinus M. Prooemium in XII Epistolarum librum ad Hieronymum Rossium // Ep. lib. XII. P. 945. 1*).

286 *Ficinus M. Prooemium in Epistolas suas scilicet in primum librum, ad Iulianum Medicem virum magnanimum // Ep. Lib. I. 607. 2.* В первом перечне трудов (в письме к Анджело Полициано, написанном не ранее сентября 1474 г., датировку см.: *Gentile S. Introduzione. P. CCLIX*) эта эпистолярная подборка названа “томом философской переписки” (“*philosophicum epistolarum volumen*”) (*Ficinus M. Bona scribere prestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3*).

десять²⁸⁷. Мысль опубликовать уже составленные двенадцать книг переписки сложилась у Фичино не позднее середины декабря 1493 г., как явствует из предисловия ко всему произведению, содержащегося в середине последней книги; пока Иеронимом Росси готовилось издание, напечатанное в марте 1495 г., корректуру которого гуманист вычитывал сам²⁸⁸, он успел включить в двенадцатую книгу свои послания за 1494 г.²⁸⁹.

Последним трудом, над которым работал Фичино и который он не успел завершить, стало «Толкование на Послания Павла». Как и «Комментарий к «Филебу», родилось оно из публичных выступлений с изъяснением Павловых посланий, что видно из предисловия к его опубликованному тексту и из сообщения Корси, первого биографа Фичино²⁹⁰. Эти изъяснения имели место тогда же, если верить Корси, когда Фичино издавал свои комментарии к «Пармениду» и пяти другим Платоновым диалогам²⁹¹, а они вышли в свет в декабре 1496 г. И, действительно, в «Толковании на Послания Павла» гуманист делал ссылки, помимо других своих произведений, на свои же коммента-

287 О генезисе «Посланий» см. подробнее: *Kristeller P.O. Introductio. P. XCI-XCII; Gentile S. Introduzione. P. CLXXXIII-CCXX; Tröger U. Marsilio Ficinos Selbstdarstellung. Untersuchungen zu seinem Epistolarium. Berlin; Boston, 2016. S. 27-39.*

288 “Cum duodecim epistolarum libros iam absolvissem eosque recognoscerem...”, – сказано в предисловии к десятой книге “Эпистол” (*Ficinus M. Prooemium // Ep. Lib. X. P. 904. 4*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CVI; Idem. Marsilio Ficino e Venezia. P. 487-488; Gentile S. Introduzione P. CCXII*).

289 Датировано предисловие 15 декабря 1493 г. (*Ficinus M. Prohoemium in aepistolas // Ep. lib. XII. P. 954. 3*). См. это же письмо в начале всего труда, где либо содержится опечатка в дате – 15 декабря 1494 г. (*Idem. Prohoemium in epistolas // Op. om. P. 607. 1*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CV*), либо произведено изменение даты издателем по просьбе Фичино (См.: *Gentile S. Introduzione. P. CCVI*).

290 В предисловии находим такие обращения к слушателям: “Достопочтенные во Христе отцы и возлюбленные братья в Соборном Капитуле”; “Достопочтенные отцы и возлюбленные братья” (“*Venerandi in Christo patres et dilectissimi in Cathedrali Collegio fratres*”; “*venerandi patres fratresque dilectissimi*”. *Ficinus M. In Epistolas D. Pauli Prooemium // Op. om. P. 425*). У Корси сказано: “*Divi Pauli epistolas in magna frequentia publice exposuit, in quas et commentaria aggressus, morte interea praeventus, reliquit imperfecta*” (*Cursius J. Op. cit. XIV. P. 685*).

291 *Cursius J. Op. cit. XIV. P. 685*.

рии к Платону²⁹². В пометке же Фичино Фичини, племянника Марсилиа Фичино, к рукописи этого произведения оно датировано 1497 г.²⁹³

Р. Марсель считает, что гуманист, будучи лишен по каким-то причинам своих манускриптов, взялся за «Толкования на Послания Павла», вдохновляясь примером Св. Фомы Аквинского²⁹⁴. В июле 1497 г. Фичино, сознаваясь перед Альдом Мануцием, что послал ему невычитанные тексты переводов Ямвлиха и других авторов, которые венецианский типограф готовил к изданию, оправдывался тем, что ни во Флоренции, ни в Кареджи он не чувствует себя в безопасности и не в силах собрать разбросанные по городу свои книги²⁹⁵. Однако действительно без книг (по крайней мере, основной их части) Фичино мог оказаться лишь после отъезда в Фильине в июле того же года. «Толкование на Послания Павла» было написано скорее всего еще до этого времени. Роль Св. Фомы в том, что Фичино приступил к Посланиям Павла, не следует преувеличивать, памятуя, какой пристальный интерес эти части Нового Завета вызывали у современников Фичино и накануне Реформации; чуть позже него объяснял Павловы Послания в лондонском соборе Св. Павла Иоанн Колет, с которым Фичино был знаком и состоял в переписке²⁹⁶.

Обращение к Новому Завету и, в первую очередь, к Павловым Посланиям естественно было ожидать от Фичино после того, как он проследил и даже воспроизвел своими переложениями на латынь шаг за шагом весь путь развития – от седой, незапамятной древности до первых веков нашей эры – богословской мудрости язычников, по-

292 *Ficinus M. Commentarius in Epistolas D. Pauli. VII, VIII. P. 437, 440. См. также: Kristeller P.O. Introductio. P. LXXXII.*

293 См.: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years. Appendix V // MFRP. Vol. I. P. 137.* Этот Фичино Фичини, сын Марсилиева брата Керубино, последние годы жизни дяди был при нем секретарем; по завещанию он получил “все книги и тетради”, а также одно из имений дяди. См.: *Gentile S. Note sullo “scrittoio” di Marsilio Ficino // SFSHPOK (P. 339-397). P. 358.*

294 *Marcel R. Op. cit. P. 576.*

295 “...nec in urbe nec in suburbis habitare tuto possum nec meos qui in civitate sparsi sunt libros colligere” (*Ficinus M. Aldo Romano // SF. Vol. II. P. 95*). См. в этой связи: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino e Venezia. P. 488-489.*

296 *Coletus I. Epistolae B. Pauli ad Romanos Expositio // Coletus I. Opuscula Quaedam Theologica. Ed. J.H. Lupton. London, 1876. P. 197-281. См. также: Jayne S.H. John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963; Гл. V. С. 312-313.*

стоянно подчеркивая ее близость христианской истине, а затем показал органичное совмещение этих двух традиций в переведенных им и откомментированных сочинениях, приписывавшихся Дионисию Ареопагиту, последователю ап. Павла²⁹⁷. И совсем не случайно, толкуя Павла, Фичино в благочестивой философии языческих мыслителей, как и прежде, искал поддержку христианскому вероучению, открыто предпочитая то и другое вместе Ветхому Завету, ибо, по его словам, «закон Моисеев, не вполне совершенный,... исправил не только Господь в Евангелии, но также Сократ и Платон»²⁹⁸.

Фичино, надо полагать, имел в виду написать толкования ко всем Павловым Посланиям, успел же откомментировать только первые пять глав Послания к Римлянам²⁹⁹. В июле 1497 г. он должен был покинуть Флоренцию из-за чумы и тревожной общественной обстановки, чреватой близкими потрясениями. Вернулся уже после гибели Савонаролы (май 1498 г.) и в сентябре 1498 г. присутствовал на заседании соборного капитула, но к ноябрю опять уехал, как явствует из материалов следующего заседания³⁰⁰. Время его последнего возвращения во Флоренцию неизвестно. 27 сентября 1499 г. датировано завещание, исполнителями которого Фичино назначил семь братьев из монастыря Св. Марка, в их числе Георгия Антона Веспуччи³⁰¹. 1 октября 1499 г. Фичино скончался.

Флоренция простилась с усопшим философом-гуманистом торжественно. Надгробную речь произнес канцлер республики Марчелло Алриани, множество людей разного звания пришло в последний раз

297 На связь Павловых “Толкований” с хронологически предшествующим переводом Дионисия Ареопагита “теолога платонического и христианского”, служившего своего рода связующим звеном между традицией “древнего богословия” и христианством, справедливо указывает И. Пузино, хотя он ошибается, утверждая, что, кроме Дионисия Ареопагита, этот гуманист никаких других церковных авторов не переводил (Пузино И. Указ. соч. С. 122).

298 “Item legem Mosaicam quasi non penitus absolutam, sed pro capacitate suscipienti datam, non solum Dominus in Evangelio emendavit, sed Socrates etiam atque Plato” (Ficinus M. In Epistolas D. Pauli. V. P. 434).

299 См. подробнее: Euler W.A. “Pia philosophia” et “docta religio”. S. 83-84.

300 22 ноября 1498 г. соборный капитул разрешил Фичино, несмотря на его отсутствие, получать полагающуюся ему долю дохода. См.: Sanesi E. Vicari e canonici fiorentini e il caso di Savonarola. Firenze, 1932. P. 17; Viti P. Documenti ignoti per la biografia di Marsilio Ficino // MFRP. Vol. I (P. 251-283). P. 280.

301 Testamentum ... D. Marsilii Ficini // Marcel R. Marsile Ficini. P. 740-746.

почтить Фичино, прах которого, по единодушному решению его собратьев-каноников, был предан погребению в кафедральном соборе³⁰².

Не честолюбивая одержимость облагодетельствовать своими трудами всю образованную Европу подвигла этого маленького, тщедушного, болезненного человечка³⁰³ выполнить латинские переводы полного корпуса Платоновых и Псевдо-Платоновых сочинений, памятников неоплатонизма, герметизма, орфизма, псевдо-зороастризма (халдаизма), неопифагореизма, раннехристианского и византийского богословия, снабдив большую часть этих переводов комментариями или пояснениями и создав ряд собственных – крупных и малых – писаний, предназначенных дать верные, по убеждению Фичино, ориентиры для постижения основных положений «благочестивой философии» древних. Фичино претендовал на нечто несоизмеримо более значительное, на то, что в системе мировоззренческих приоритетов средневекового человека должно было выглядеть как неоспоримая и абсолютная ценность, – он усматривал в своей деятельности религиозный долг, божественное призвание оборонить и укрепить веру Христову³⁰⁴, найдя ей опору и защиту от покушений ее недругов и хулителей – эпикурейцев и аверроистов – в причастной божественной истине философско-религиозной мудрости язычников, наиболее полным образом обобщенной «божественным Платоном». Именно сознание своей высокой провиденциальной миссии, от которой зависит судьба христианства и судьба людей, оказавшихся перед опасностью с его утратой лишиться пути ко спасению, вдохновляла Марсилия Фичино на титанические труды, открывавшие величественную панораму постоянной, с древнейших времен осуществляемой рецепции божественного знания и своей последовательностью повторявшие основные этапы этого процесса.

302 См. подробнее: *Marcel R. Marsile Ficin. Op. cit. P. 576-578.*

303 Корси дает такое описание облика и физического сложения Фичино: “Он был очень малого роста, телом худ и немного горбат. Говорил запинаясь и шепелявя, впрочем, не без приятности. Голени и руки от локтя, особенно же кисти, были длинноваты... Здоровьем был совсем некрепок...” (“*Statura fuit admodum brevi gracili corpore et aliquantulum in utrisque humeris gibboso. Lingua parumper haesitante atque prolatu litterae dumtaxat S balbutiente, sed untrumque non sine gratia. Cruribus ac brachiis, sed praecipue manibus oblongis... Valitudo illi haudsatis constans...*”). См.: *Cursius J. Op. cit. XV. P. 685-686.*

304 Ср. наблюдения П.О. Кристеллера: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 8-17 (раздел “Ficinos historisches Programm”)*.

ГЛАВА II. «ВЕРТОГРАД ЛЮБОМУДРИЯ», ИЛИ СОБОР БЛАГОЧЕСТИВОЙ МУДРОСТИ: ПРЕДАНИЕ И ПРАВДА О ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ

О Платоновской академии обязательно вспоминают во многих обобщающих трудах, посвященных культуре Возрождения в Италии, ее часто преподносят как одно из наиболее убедительных доказательств нарастания в духовной жизни эпохи паганизирующих тенденций, проявившихся, в частности, в создании под эгидой Медичи, фактических правителей Флоренции, некоего подобия ордена, или секты приверженцев Платона, глава коих, Марсилий Фичино, будто бы доходил до обожествления этого античного философа, возжигая перед его образом (бюстом) лампаду³⁰⁵. Вместе

305 Альбер Каstellно прямо называл Фичино “священником” (*prêtre*) своего рода платонической церкви, учрежденной-де Козимо Медичи (*Castelnau A. Les Médicis. Paris, 1879. Vol. I. P. 248*). О затепленной перед бюстом Платона лампаде, о языческих устремлениях Фичино и возглавляемой им Платоновской академии, детище Медичи, см.: *Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913 (1 изд. на итальянском языке – 1859-1861 гг.). Т. I. С. 46-55; Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 317 и далее; История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998. С. 344.*

Сообщение о лампаде перед образом Платона восходит к житию Савонаролы, созданному его сторонником и приписываемому монаху Пацифико Бурламакки; текст явно тенденциозный, его цель – показать, сколь далекие от истинного благочестия персоны входили в совет (*concilio*), составленный против мятежного доминиканца, ибо “между ними был особенно выдающийся человек, именуемый Марсилием Фичино, каноник собора, перед изображением Платона постоянно державший зажженную лампаду, столь сильно ему он был предан” (“... fra quali era un singularissimo huomo, domandato Marsilio Ficino, Canonico del Duomo, che di continuo tenea una lampada accessa dinanzi all’immagine di Platone, tanto li era affetionato, et haveva tradutto tutte le opere sue di greco in latino con molta laude...”. См. изд.: *Burlamacchi P. Vita di Padre Girolamo Savonarola. Lucca, 1761. P. 77-78.* Отрывок приведен также в: *SF. Vol. II. P. 223*). На происхождение этой

с тем, что представляла собой эта академия, кто ее организовал и какова роль Фичино в ней, – в специальной литературе толковали и толкуют по-разному.

§1. Споры вокруг Платоновской академии

В ранней историографии флорентийской культуры медичейской поры в Платоновской академии усматривали некоторую аналогию с литературно-философскими и художественными академиями XVI в. или же с научными академиями XVII-XVIII вв. Уже у флорентийских платоников XVI в. мы встречаем утверждение, спровоцированное, впрочем, текстами Фичино, о том, что Козимо Великий (Старый) замыслил «создать Академию платоников» (*formar una Accademia di Platonici*), то есть некое философское сообщество, и для осуществления этой цели он выбрал юного Фичино, сына своего врача³⁰⁶. В эпоху Просвещения Анджело Мариа Бандини изображал флорентийскую Платоновскую академию как задуманное Козимо Старым, но созданное и контролируемое Лоренцо Великолепным учреждение, первым цензором, или президентом, которого был Кристофоро

легенды указал А. Делла Торре: *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 640. См. также работы: Kristeller P.O. Per la biografia di Marsilio Ficino // SRTL (P. 191-211). P. 191 (1 изд. статьи – 1938 г.); Marcel. R. Marsilio Ficino. 1433-1499. Paris, 1958. P. 293-294.*

По сообщению Никколò Валори, сославшегося на свидетельство Фичино, Лоренцо Медичи приобрел бюст Платона, будто бы найденный на развалинах Академии в Афинах, у Иеронима Росци (Росци) (“[Laurentius] Platonis imaginem diu multumque desideraverat. Hanc tandem in ipsis Academiae ruinis repertam cum a Hieronymo Roscio pistoriensi accepisset, gaudio exultavit ut Marsilium dicentem audivi, eamque summa in vereratione habuit”). См.: *Valori N. Laurentii Medices Vita. A cura di E. Niccolini. Vicenza, 1991. P. 53*). А. Делла Торре полагает, что этот бюст, находящийся сейчас в Уффици, или его копия, украшал кабинет Фичино в Кареджи (*Della Torre A. Op. cit. P. 640*), хотя никакими источниками эта догадка не подтверждается.

³⁰⁶ См.: *Vieri F. de'. Compendio della dottrina di Platone, in quello, che ella è conforme con la Fede nostra. Firenze, 1577. Sig. a7r. О соответствующих этим сведениям текстах Фичино см.: Гл. III. С. 181-185.*

Ландино³⁰⁷. Вслед за Бандини знаменитый историк итальянской литературы Джироламо Тирабоски, подразумевая в числе других академий XV в. прежде всего Платоновскую, характеризовал этот институт как «сообщество ученых, связанных между собой определенными установлениями, коим они подчинялись, собиравшихся для обсуждения какого-либо научного вопроса и отдававших на суд своих коллег произведения своих дарований и трудов»³⁰⁸. Надо сказать, что такое представление о Фичиновой академии имеет распространение в историографии Возрождения и поныне, хотя уже в XIX-начале XX вв. в трудах Карла Сивекинга, Витторио Росси и Филиппа Монье³⁰⁹ появляется иное понимание этой академии как не стесненной никакой официальной кружка друзей Фичино, разделявших его увлечение платоновской философией. Этот взгляд нашел отражение в фундаментальном исследовании Арнальдо Делла Торре, который предпринял попытку, опираясь на весь корпус имевшихся к тому времени, а также открытых им документов, воссоздать достоверную картину истории Платоновской академии; подчеркивая ее неформальный характер, в частности отсутствие каких-либо статуты и твердого состава участников, Делла Торре в то же время считал, что учреждена она была в 1462 г. Козимо Медичи, сделавшим ее главой Фичино, что ей присущи были определенные виды деятельности, что вокруг нее группировались виднейшие представители интеллектуальных, художественных и политических кругов Флоренции второй половины XV в.³¹⁰ В общем и целом концепция Делла Торре была принята мно-

307 *Bandini A.M. Specimen literaturae florentinae saeculi XV in quo dum Christophori Landini Gesta enarrantur... et Acta Academiae Platonicae a Magno Cosma excitatae, cui idem praeerat, recensentur et illustrantur. Florentiae (1747-1751; T. I-II), T. I. P. XXXV; T. II. P. 41, 42, 101 и в других местах. Подробнее о ранней историографии флорентийской Платоновской академии см.: Hankins J. The invention of the Platonic Academy of Florence // Rinascimento. Seconda serie. 2001. Vol. 41 (P. 3-38). P. 29-32, 36-38.*

308 *Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana. Firenze, 1807. T. VI. Pt. 1. P. 102-103.*

309 *Sieveling K. Die Geschichte der Platonischen Akademie zu Florenz. Göttingen, 1812; Rossi V. Il Quattrocento. Milano, 1973 (1 изд. – 1898 г.). P. 315-317; Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кватроченто. СПб., 1904 (1 изд. на франц. яз. – Париж, 1901 г.). С. 310, 318.*

310 *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 639 и далее.*

гими авторитетными учеными XX в., посвятившими специальные работы Фичино и культуре Флоренции раннемедицейской поры³¹¹.

Наряду с этим уже в XIX в. о Платоновской академии начинают писать как о чем-то неопределенном и неуловимом, а Густаво Уциелли высказывал даже убеждение, будто ее вовсе и не было³¹². В конце XX в. подобная точка зрения получила решительную поддержку американского исследователя Джеймса Ханкинса, отнесшего Платоновскую академию к разряду историографических мифов. Доказательству этого он посвятил несколько работ, в которых утверждал, что ни сочинения Фичино, ни другие источники эпохи не дают повода заключить о наличии вольного ученого сообщества, или академии, им возглавляемой, что термином «академия» Фичино мог в иных случаях обозначить собственную частную «гимназию», имеющую некоторое отношение к Флорентийскому университету³¹³.

311 Арсеньев Н.С. Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения // ЖМНП. 1913. Ч. XLIII (С.23-56, 232-300). С. 49; Пузино И. Религиозные искания в эпоху Возрождения Вып. I. Марсилиус Фичино. Berlin, 1923. С. 87; Кассирер Э. Место Фичино в интеллектуальной истории (1 изд. работы – 1942 г.) // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000 (С. 207-226). С. 212; Chastel A. Marsile Ficino et l'art. Genève; Lille, 1954. P. 7-38; Marcel R. Op. cit. P. 279-301, 388-417; Kristeller P.O. Lay religious traditions and Florentine Platonism // SRTL (P.99-122). P. 110-121; Idem. The Platonic Academy of Florence // Idem. Renaissance Thought. II. New York, 1965 (1 изд. статьи – 1961 г.). (P. 89-101). P. 93; Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 79; Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, 1988. P. 175-201; Idem. The Platonic Academy of Florence // MFTPL (P. 359-376). P. 368, 376; Кудрявцев О.Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам: итальянские академии XV-XVII вв. // СВ. М., 1985. Вып. 48 (С. 178-194). С. 180-183; Брагина Л.М. Флорентийская Платоновская Академия. Новое в организации научной жизни // Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002 (С. 232-244). С. 233, 242; Lentzen M. Die humanistische Akademiebewegung des Quattrocento und die Accademia Platonica in Florenz // Europäische Sozietätsbewegung und demokratische Tradition/ Hrsg. von Kl. Garber, H. Wismann. Tübingen, 1996. S. 190-213.

312 Uzielli G. Accademie platoniche in Firenze // Giornale di erudizione. VI (Sett., 1896). (P. 227-235, 262-270, 295-304, 335-342). P. 299-300.

313 Hankins J. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy" // JWCI. 1990. Vol. 53. P. 144-162; Idem. The myth of the Platonic Academy of Florence // RQ. 1991. Vol. 44. N 3. P. 429-475; Idem. Marsilio Ficino as a critic of scholasticism // Vivens homo. Rivista teologica fiorentina. 1994. Vol. V (P. 325-334). P. 325; Hankins J. The invention of the Platonic Academy of Florence. P. 4, 9; Hankins J.

§2. «Платоновская академия»: рождение понятия

В одном с Ханкинсом можно согласиться полностью – Фичино никогда не имел в виду утверждать, будто Козимо Медичи «основал учреждение, пусть даже неформальное, именуемое Флорентийской Платоновской Академией, или Академией Кареджи»³¹⁴. Само понятие «Платоновская академия», широко используемое теперь в историографии для обозначения Фичинова кружка единомышленников, в трудах гуманиста встречается лишь однажды: «Посему помогает она [т.е. Философия] тебе, Платонический Лоренцо, всех взыскующих знаний и благой жизни, призвать присоединиться к Платоновской академии [курсив мой – О.К.]»³¹⁵. Эти слова из адресованного Лоренцо Медичи предисловия к первому изданию сочинений Платона на латыни (1484 г., Флоренция) можно воспринять буквально – как приглашение войти в состав некоего платонического учреждения или сообщества. Однако весь контекст Фичиновых рассуждений убеждает в неверности такого понимания. В них идет речь о своего рода «вертограде любомудрия», или «садах Академии», в пределах коих Философии Платоном уготовано высокое положение и достойное уважение; «но всякий раз, когда она [Философия] покидает сады Академии, она всегда не только утрачивает свои ароматы и цветы, но также, к несчастью, часто попадает в руки разбойников и, лишившись знаков священнического сана и власти, раздетая и оскверненная, будет предана смерти; когда же по совету матери [Софии, Мудрости] она возвращается в ограду садов Академии, она обретает прежнюю красоту и, словно на родине, находит довольство и покой».

Humanist Academies and the «Platonic Academy of Florence» // On Renaissance Academies. Proceedings of the international conference «From the Roman Academy to the Danish Academy in Rome», 11-13 Oct. 2006 / Ed. H. Ragn Jensen, M. Rade. Copenhagen; Odense, 2006. P. 31-46. См. также: Иванова Ю. В. Возрождение философии // История литературы Италии. М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 365, 389, 391.

314 *Idem*. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy". P. 145.

315 "Quamobrem iuvat [Philosophia] una tecum Platonice Laurenti omnes tum discendi, tum bene vivendi, cupidos ad Academiam Platonicam cohortari" (*Ficinus M.* In *Commentaria Platonis ad Laurentium Medicem...* Prooemium // *Op. om.* P. 1129).

«В садах Академии, – продолжает Фичино, – поэты услышат Аполлона, поющего под лавром; при входе в Академию ораторы увидят Меркурия, произносящего речь; в портике и во дворе правоведа и правители государств будут внимать самому Юпитеру, диктующему законы, устанавливающему права, повелевающему царствами. Наконец, во внутренних покоях философы узнают Сатурна, созерцателя небесных тайн. И повсюду священники и надзиратели священных вещей обнаружат оружие, коим они будут стойко защищать благочестие от его противников. Словом, сюда, сюда, призываю, идите все, кто почитает свободные науки, здесь вы обретете их, а равно и свободу жизни; сюда же приходите и те, кои воспламенены неугасимым огнем искания истины и стяжания блаженства, здесь с Божьей помощью вы добудете, как того желаете, истину и счастье»³¹⁶.

Фичино любит метафоры, и из цитированного отрывка видно, что о «садах Академии», так же как и о ее прихожей, портике, внутренних покоях, он говорит в переносном смысле, не имея в виду никакого утопающего в зелени сооружения, в коем размещалось бы соответствующее учреждение. В данном тексте, в предисловии к публикации сделанного им перевода всего Платона, под «академией» Фичино разумел прежде всего учение этого античного мыслителя, изложенное в его трудах, ибо только такое толкование могут иметь слова, сказанные гуманистом чуть выше: «вступив в Академию, еще до кончины Козимо [Медици, т. е. до августа 1464 г.] я сделал из нее латинский перевод десяти диалогов нашего Платона [курсив мой – О.К.]»³¹⁷.

Сходный смысл в слово «академия» Фичино вкладывал и в письме к Бернардо Ручеллаи; прося у него (впрочем, безуспешно) денег на издание Платона, он сообщал, что «сия наша Академия, или библиотека, ежедневно производит на свет Платона на латинском языке, уже давно зачатого греческим семенем [курсив мой – О.К.]»³¹⁸. Однако соглашаться с Ханкинсом, будто у Фичино «слово «Академия» эквивалентно «Платоновскому корпусу», или «libri Platonici»³¹⁹,

316 *Ibid.* P. 1129-1130.

317 “...Academiam sum ingressus decemque ex ea Platonis nostri dialogos Cosmo priusquam nature concederet Latinos feci” (*Ibid.* P. 1129).

318 “...nostra haec sive academia sive bibliotheca Latinum Platonem graeco semine iamdiu conceptum parturit quotidie” (*Ficinus M. Negotiosum virum non esse temere interpellandum // Ep. lib. VII. P. 859. 2*).

319 *Hankins J. Cosimo de’ Medici and the “Platonic Academy”*. P. 154, 155, 159.

было бы опрометчиво. В этих и всех подобных случаях Академия – не столько сочинения Платона, сколько обозначенное его именем учение, направление философско-богословской мысли, школа. Адресуясь в 1496 г. к Никколò Валори, Фичино с похвалой отзывался о его старшем брате Филиппо, иждивением которого были изданы книги Платона и других платоников, переложенные на латинский язык гуманистом, и который тем самым «более других доселе оказал услуг Академии»³²⁰. И вполне определенно об «академии» как о «Платоновском учении» Фичино говорит в послании к архиепископу Иоанну Никколини, признаваясь, что к освоению оно, согласного с божественным, т. е. с христианским и Моисеевым, законом, его подвигли Августин и многие христианские святые³²¹.

В таком значении термин «Академия» был известен еще с древности³²² и широко использован в гуманистической литературе, как «Ликей» – для обозначения аристотелевского направления в философии, «Портик» – стоического³²³. Однако у Фичино он употребляется и в другом значении, причем очень часто его семантика не

320 “... optime omnium hactenus de Academia meritur” (*Ficinus M. Prooemium in commentaria in Platonem ad Nicolaum Valorem // Op. om. P. 1136*).

321 “Ego igitur divi Augustini primum autoritate adductus, deinde multorum apud Christianos sanctorum hominum testimonio confirmatus, operae pretium fore censeo quandoquidem mihi philosophandum esset, ut in academia praecipue philosopharer, verum ut doctrina Platonica, quae ad divinam legem, id est Mosaycam Christianamque tanquam Luna quaedam se habet ad Solem latius refulgeret, libros Platonis omnes e Graeca lingua transtuli in Latinam” (*Ficinus M. Quod pia sit platonica disciplina // Ep. lib. VII. P. 855. 1*).

322 См. у Цицерона: “Nos autem universae philosophiae vituperationibus respondimus in Hortensio, pro Academia autem quae dicenda essent satis accurate in Academicis quattuor libris explicata arbitramur” (*Cicero. Disputationes Tusculanes. II. 4. 4; Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. Киев, 1889. С. 11*). Ср. у Диогена Лаэртского (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. II. 144. Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979. С. 149): “Теперь следует перейти к Платону, начинателю Академии...”.

323 Кристофоро Ландино в трактате “Об истинном благородстве”, превознося Флоренцию, писал, что в нее “переместились не только Академия, Ликей и Портик из Афин, но и вся Парижская школа” (“... non modo Academiam Lyceumque ac postremum Porticum ipsam Athenis migrasse, sed omnem Parisiensem scholam illuc convenisse putares”). См.: *Landino Chr. De vera nobilitate / A cura di M.T. Liaci. Firenze, 1970. P. 26*).

поддается однозначному истолкованию, будучи, по-видимому, сознательно «размыта» гуманистом. Фичино стремился, по справедливому наблюдению А. Делла Торре, в своей жизни, как мог, подражать Платону³²⁴: он сжег составленные в молодые годы комментарии к Лукрецию, как тот – свои ранние элегии и трагедии, особенно подчеркивал дружбу с Джованни Кавальканти, как тот – с Дионом, затем с Ксенократом, отдал собственную долю отцовского имущества братьям, оставив себе небольшое поместье на вершине холма Монтевеккьо, подаренное ему Медичи, напротив их роскошной усадьбы, подобно тому как афинский философ оделил братьев именем своим, кроме, замечает Фичино, «небольшой загородной усадьбы, именуемой Академией»³²⁵. Естественно, что и свою загородную резиденцию Фичино стремился именовать по аналогии с Платоновой³²⁶. В письме к Козимо Медичи от 4 сентября 1462 г. Фичино, благодаря патрона за оказанные милости, упоминает об «Академии, которую ты [Козимо] для нас приготовил в селении Кареджи, словно некий храм созерцания»³²⁷. П. Вити, один из издателей материалов о жизни Фичино, ссылаясь на документ, по которому домик и угодья в Кареджи переходили к Фичино только 18 апреля 1463 г., полагает, что Академия в цитированном письме обозначала не этот домик³²⁸; мнение Вити разделяет и Ханкинс, считающий, что и в этом случае под «Ака-

324 Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. P. 637-640. Немногим ранее А. Делла Торре сходные наблюдения были высказаны в работе: Rossi V. Op. cit. P. 316.

325 “Cum patrimonio ditissimus esset [Plato], fratribus largitus est omnia, praeter suburbanum praediolum, quam academiam nominabant” (Ficino M. De platonica philosophi natura, institutione, actione // Ep. lib. IV. P. 769. 1). Фичино опирался на Диогена Лаэртского (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. III. 7. С. 152).

326 О том, что Фичино подражал Платону, используя название “Академия”, см.: Kristeller P.O. The Platonic Academy of Florence. P. 93.

327 “...Academiam quam nobis in agro Caregio parasti veluti quoddam contemplationis sacellum” (SF. Vol. II. P. 88. См. мой перевод этого документа: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 260-261).

328 Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti stampe e documenti. 17 maggio-16 giugno 1984. Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984. P. 174-176 NN 139-140.

демией» Фичино разумел Платоновы сочинения³²⁹. Однако, что иное мог Козимо приготовить для Фичино в селении Кареджи в качестве «некоего храма созерцания», если не какое бы то ни было пристанище – на вилле самого ли Козимо или в упомянутом домике, в котором Фичино мог быть поселен уже в сентябре 1462 г. на правах гостя, а с апреля 1463 г. – на правах его владельца? И нет никакого сомнения, что об этой своей скромной обители в Кареджи он вел речь в письме, направленном Лоренцо Медичи ок. 1483 г., сообщая, что «праздник Козьмы [и Дамиана, покровителей Козимо, деда Лоренцо], насколько могли, сообразуясь с условиями времени, и нашими возможностями, мы радостно и счастливо справляли в Фебовой небольшой академии на Сатурновой горе [т.е. Монтевеккьо]»³³⁰. Наконец, Фичино вел речь, безусловно, о доме – неизвестно, правда, о том, что расположен в Кареджи или во Флоренции, – когда по просьбе Франческо Чези передавал ему изречения, написанные «на стенах Академии»³³¹. Впрочем, и в этих случаях Фичино опирался на давнюю традицию, ибо уже у Цицерона его Тускуланское поместье называется «академией» (*Academia*)³³², т.е. своего рода храмом муз, местом для литературных трудов. Подражая прославленному писателю древности, гуманисты XV в. могли использовать слово «академия» в том же значении. Поджо Браччолини, например, в письме к Никколò Никколи (21 октября 1427 г.) загородное свое имение называл «вальдарнской

329 *Hankins J. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy". P. 150; Idem. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 435, 455.*

330 “Atque solemnia Cosmica, qualiacumque pro tempore, pro loco, pro facultate potuimus, in Phoebe Saturnii montis academiola libenter feliciterque celebravimus” (*Ficinus M. Agriculture literarumque studia invicem feliciter coniunguntur // Ep. lib. VII. P. 844. 1*). Здесь же он еще раз упоминает о “небольшой Фебу посвященной академии” (*academiola Phoebo sacrata*). См. в этой связи: *Della Torre A. Op. cit. P. 640-642; Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М., 2001. С. 228-229.*

331 “Iussisti heri ut proverbium illud meum Academiae parietibus undique inscriptum tibi transcriberem” (*Ficinus M. Medicina corpus, musica spiritum, theologia animum curat // Ep. lib. I. P. 609. 2*).

332 *Cicero. Epistolae ad Atticum. I. IV. 3; Idem. Disputationes Tusculanes. II. III. 9 (Цицерон М.Т. Письма. Перевод В.О. Горенштейна. М., 1994. Т. I. С. 15; Он же. Тускуланские беседы. Киев, 1889. С. 19, 23).*

академией», рассказывая, как он ее, предназначенную стать местом отдохновения души, украшал древними изваяниями и надписями³³³.

«Академией», кроме того, могли именоваться учебные заведения; так, наряду со средневековыми терминами «universitas» или «studium», Парижский университет назывался «Academia Parisiensis (Parisiorum)»³³⁴, а Флорентийский – «nova academia»³³⁵; равным образом, частные гуманистические школы, например, учебное заведение Витторино да Фельтре в Мантуе, обозначались не только как «гимназия», но и как «академия»³³⁶. Сходно с этим собственно Плато-

333 “Habeo cubiculum refertum capitibus marmoreis, inter que unum est elegans, integrum, alia truncis naribus, sed que vel bonum artificem delectent. His et nonnullis signis, que procuro, ornare volo academiam meam valdarnianam, quo in loco quiescere animus est...” (Poggio Bracciolini. Lettere. A cura di H. Harth. Firenze, 1984. Vol. I. P. 83-84). В других случаях Поджо это же именьеце называл “моим садиком” (hortulum meum) или “моим маленьким гимнасием” (gymnasiolum meum). См. об этом: Della Torre A. Storia dell’Accademia Platonica... P. 539-540.

334 В выпущенных Жаком Лефевром д’Этаплем изданиях Аристотелевой “Этики”, представленной в различных латинских переложениях и с комментариями этого французского издателя, а также фламандского гуманиста и теолога Йозефа Клихтове (Decem librorum Moralium Aristotelis tres conversiones: prima Argiropuli Byzantii, secunda Leonardi Aretini, tertia vero antiqua... Parisiae, 1504-1505), место издания обозначено как “In alma Parhisorum Academia”. См. также в письме Робера Гагена к Фичино за сентябрь 1496 г.: “in nostra Academia Parisiensi” (SF. Vol. II. P. 242).

335 “...Laurentius [Medices] patritas et avitas virtutes secutus hoc celeberrimum gymnasium, hanc novam academiam constituit...” (Из речи, произнесенной 1 сентября 1473 г. ректором Лоренцо Липпи при возобновлении деятельности Флорентийского университета в Пизе. См.: Verde A. F. Lo studio fiorentino, 1473-1503: Ricerche e documenti. Firenze, 1985. Vol. 4. T. I. P. 75). Гуманистический кружок середины XV в. во главе с Донато Аччайуоли и Аламанно Ринуччини, известный как “Chorus Academiae Florentinae”, уже своим названием выдает связь с Флорентийским университетом, к которому самое прямое отношение имели и его участники, и его наставник – профессор университета грек Иоанн Аргиропул. См.: Marcel R. Op. cit. P. 287-290.

336 Франческо да Кастильоне, один из воспитанников Витторино да Фельтре, рассказывая о жизни наставника, находил даже, что – если принять во внимание деятельность Витторино, число его учеников и обилие книг, а, главное, характер и методы образования – казалось, будто в Мантуе “создана новая Платонова академия” (“altera que fertur Platonis academia

новскую академию преподносил как образовательное учреждение старший современник Фичино Франческо Филельфо³³⁷. По мнению Ханкинса, как раз эти значения термина «академия» у Фичино остались незамеченными в историографии. В одном из писем гуманист рассказывает о содержании фресок, находящихся, по его словам, «в моей гимназии» (*in gymnasio meo*), в другом вспоминает первое посещение его «гимназии» венецианским послом Бернардо Бембо³³⁸. Ханкинс настаивает на теснейшей близости слов «академия» и «гимназия» у Фичино, что само по себе и не вызывает возражений, ибо гуманист, следуя скорее всего Цицерону, мог рассматривать их как синонимы³³⁹; однако американский историк видит в этом последнем слове не обозначение места для ученых занятий или собраний, а указание на то, что Фичино содержал собственную школу, и что Фичинова академия была на деле всего лишь неформальным учебным заведением, одним из нескольких существовавших тогда во Флоренции частных училищ, которое посещали молодые люди, проходившие одновременно обучение в университете³⁴⁰. В подтверждение своей догадки Ханкинс ссылается на описание риторических упражнений в «гимназии» Фичино, сделанном Бенедетто Коллучи, и на несколько писем самого Фичино – в одном из них, к немецкому гуманисту Мартину Преннингеру (или Уранию), сооб-

constituta”). См. кроме этого свидетельства Франческо Прендилакка и Бартоломео Платины о школе Витторино: *Garin E. Il pensiero pedagogico dello umanesimo. Firenze, 1958. P. 546, 660, 674; Idem. Educazione umanistica in Italia. Bari, 1971 (1 изд. – 1949 г.). P. 191.* Русский перевод Н.В. Ревякиной см.: *Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников. М., 2007. С. 95, 165, 189.*

337 “Plato vero Atheniensis primus fuit, qui academicus dictus est, ab academia in qua versari docereque consuevit. Fuit autem academia ex tribus gymnasiis Athenarum unum. Reliqua enim duo et Lycium fuerunt et Cynofarges...” (*Philelphus Fr. Convivia. Lib. II. Coloniae, 1537. P. 177*).

338 *Ficinus M. Stultitia et miseria hominum // Ep. lib. I. P. 637. 1; Idem. Votum, Oraculum, Miraculum // Ep. lib. VI. P. 821. 2.*

339 Ср. у Цицерона: “Platonis... Academia, quod est alterum gymnasium” (*Cicero. Academicae quaestiones. I. IV. 17 // Opera omnia. Lugduni Batavorum, 1692. Pars 4. P. 1059B*). См. также: *Wind E. Pagan mysteries in the Renaissance. Oxford, 1980 (1 изд. – 1958 г.). P. 49 N 50.*

340 *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 448-449; Idem. Marsilio Ficino as a critic of Scholasticism // Vivens homo. Rivista teologica fiorentina. 1994. Vol. V. P. 325-334.*

щается об окружении гуманиста, – из которых будто бы явствует, что «академиками» (*academici*) он называл лишь тех из близких ему людей, которые относились к разряду его «слушателей» (*auditores*), т.е. были его прямыми учениками³⁴¹.

На самом деле никаких убедительных аргументов в подтверждение своей гипотезы Ханкинс не приводит, а свидетельства, на которые он ссылается, с бóльшим основанием могут быть истолкованы по-иному (их анализ впереди)³⁴². Часто американский историк пытается дать в удобной ему интерпретации документы, содержание которых его трактовке не отвечает. «... Как ради Академии, благодаря тебе процветающей, так и ради твоего отечества, которое тебе сего дороже, умоляю тебя, Лоренцо, заботиться о твоём здоровье»³⁴³, – писал Фичино своему покровителю в 1473 г., и Ханкинс, опираясь на истолкование «Академии» как «университета в Пизе» (*lo Studio Pisano*) в переводе XV в. первой книги Фичиновых «Писем»³⁴⁴, попытается выставить гуманиста в роли выразителя интересов университета, с которым его к тому времени уже ничего не связывало, а не того дела, которому он себя целиком посвятил. Скорее всего именно возрождаемую благодаря его собственным переводам и комментариям благочестивую мудрость Платона, платоников и «древних богословов» в данном и других подобных случаях Фичино обозначал словом «Академия». Ибо что иное (какой университет? какую еще свою гимназию?) мог иметь в виду гуманист, когда, обращаясь к Пьеро Медичи в 1464 г., вскоре после смерти его отца Козимо, в сходном контексте упоминал Академию: «Его кончину тяжело переносили бы и отечество, и Академия, если бы не остался Пьеро, весьма подобный отцу, на мудрость и благочестие которого возлагает надежду отечество и уповаet Академия»³⁴⁵. Конечно, гораздо логичнее ожидать,

341 *Idem*. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 442-445; *Idem*. The invention of the Platonic Academy of Florence. P. 15.

342 См. С. 130-132.

343 “... obsecro, mi Laurenti, cum per Academiam, quae per te floret, tum vero per patriam hanc tuam, quae tibi prae caeteris chara est, ut bonae valetudinis curam habeas” (*Ficinus M. Mirabilium auctor Deus est non homo // Ep. lib. I. P. 622. 1*).

344 *Hankins J.* The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 435 и N 22.

что Фичино будет более радеть о том, что ему ближе, т.е. о своем деле, и, стремясь обеспечить ему поддержку в лице Медичи, будет им постоянно напоминать об Академии. «Оный великий Покровитель наш Пьеро Медичи, – писал Фичино Филиппо Валори в ноябре 1492 г. о внуке Пьеро Подагрика и сыне Лоренцо, – дал нам твердую надежду на то, что вновь будет содействовать возрождению Платона. И он уже таким образом решительно убеждает, что наш Платон, доселе не имеющий пристанища, воздвигнет на этом Пьеро [по-лат.: Петре] свою академию»³⁴⁶. Конечно, здесь очевидна перефразировка знаменитого евангельского места: «Ты – Петр [т. е. камень], и на сем камне я создам Церковь Мою...» (Мф. 16. 18), – прибегая к ней, Фичино предлагает очередному Медичи стать надежной опорой возрождаемого им платонического учения, недвусмысленно обозначенного как «академия». И вполне закономерно, что камальдуленский монах Павел Орландини – один из тех, кто слушал Фичиновы толкования Платона, в сходном смысле писал о возвращении гуманистом Академии: «Наш Марсилиий... лучше, чем Орфей Евридику, Деметра свою Персефону, волшебница Самуила³⁴⁷, вывел из царства смерти к свету жизни саму Академию и самого Платона. Ведь он книги Платона перевел для нас с греческого на латинский. И ко всем его диалогам и сочинениям составил дивные пояснения»³⁴⁸.

345 “Cuius decessum graviter et patria et academia gemeret, nisi Petrus parenti quam simillimus superesset in cuius prudentia atque pietate patria spem suam firmet et academia conquiescat” (*Ficinus M. Praefatio in traductionem libri Xenocratis Platonici de morte ad cl. V. Petrum Medicem // Op. om. P. 1965*).

346 “Magnus ille Patronus noster Petrus Medices spem nobis firmam dedit se resurgenti Platoni rursus aspiraturum. Atque iam ita prorsus inspirat, ut Plato noster hactenus errabundus, sit iam super hanc Petram suam academiam fundaturus” (*Ficinus M. Cur semper eadem et antiqua tractem // Ep. lib. XII. P. 948. 2*).

347 Имеется в виду рассказ о том, как по просьбе Саула волшебница вывела Самуила из царства мертвых. См.: 1 Цар. 28. и далее.

348 “Marsilius noster... melius quam Orpheus Eurydicem, suamque Proserpinam mater, et Samuelem Phytonissa illam Academiam ipsam ipsumque Platonem ab inferis ad superos videtur revocasse. Quandoquidem ipse et Platonis libros nobis e grecis latinos fecit. Et pro omnibus eius dialogis atque opusculis mira quidem argumenta composuit”. Труд Орландини “Семикнижие” (*Eptathicus*), созданный в 1519 г. (рукопись его хранится во флорентийской библиотеке,

Так значит Академия для Фичино – это в основном платоновское наследие? Больше всего – оно, но – не только оно. Ибо сам Платон, по Фичино, наилучшим и наиболее полным образом суммировал всю богословскую мудрость древних, в фундаментальных своих положениях совпадающую с христианским вероучением и поэтому годную служить целям его апологетики. Академия, таким образом, не просто какое-либо учение, или школа; это – *собор благочестивой мысли древности*, прежде всего платонической, наставляющей тем же священным истинам, а, значит, и тому же пути ко спасению, что и книги Священного Писания. В послании к Браччо Мартелли «Согласие Моисея и Платона» (между 1484 и 1488 гг.) – наиболее важном для понимания того, что сам гуманист вкладывал в термин «Академия» – говорится: «Пифагореец Нумений..., прочитав книги Моисея и Платона, сказал, что в Платоне он узнал Моисея, и что Платон не кто иной, как второй Моисей, говоривший на аттическом наречии. *Вот почему те, которые тебя, превосходнейший Браччо, приглашают в Академию, побуждают тебя к изучению не столько Платоновой науки, сколько Моисеева закона.* Ведь как только ты вступишь в Академию, тебе явится Парменид, который будет доказывать, что существует один-единственный Бог... Тебе явятся Мелисс и Зенон, которые докажут, что только Бог воистину есть... Тебе повстречается Тимей и покажет, что мир был сотворен Богом... Наконец, во внутренних покоях Академии ты услышишь, как Критий, словно Моисеев оракул, будет вещать о том, что Бог, создав мир, сотворил в последнюю очередь также человека... До сих пор говорил Платон и те, которые пользовались его языком. Кроме этого, Плотин и Филон велят почитать божественный разум Сына Божьего, исходящий от самого Бога-Отца... Что подтверждает Ямвлих свидетельством египтян... Он перечисляет ангелов и силы, которых Прокл распределил в девятичном порядке; он приводит также Халдейские оракулы... Что мне сказать относительно Амелия? Вступление к Евангелию от Иоанна, которое постоянно читают во время богослужения, он содержит почти целиком; и этому удивляются. Обо всем этом

MS Magl. II. 158. Fols. 4v-5r), цит. по: Lackner D.F. The Camaldolese Academy: Ambrogio Traversari, Marsilio Ficino and the Christian Platonic tradition // MFTPL. 2002 (P. 15-44). P. 35 N 67; P. 31 N 51.

говорят платоники. И ты, Мартелли, вступив в Академию, воспримешь эти тайны от этих героев и еще многое другое и более значительное... (курсив мой – О.К.)»³⁴⁹.

Хотя Фичино в цитированном послании трактует прежде всего сочинения Платона и его именует «главой Академии» (*academiae dux*), к ней он относит также ряд других мыслителей и писаний из числа тех, которых он переводил и которые, на его взгляд, указывают созвучность положений богословской мудрости древних и христианской религии. И в таком случае Академия – это равно и *труды Фичино*, ибо в них она получает второе рождение и во всей своей полноте и грандиозности предстает латинскому миру.

Конечно, именно эту свою деятельность имел в виду Фичино, когда в известном предисловии к латинскому переводу Плотина (подготовлено в 1490 г., 1 изд. – 1492 г.) писал о «некоей Академии» (*academiam quandam*), которую будто бы замыслил создать при первой возможности Козимо Медичи еще во время объединительного собора католической и православной церквей во Флоренции (1438-1439 гг.), вдохновленный беседами «о тайнах Платонического учения» (*de mysteriis Platonis*) с византийским философом Гемистом Плифоном; к осуществлению задуманного им «столь великого дела» (*tanto operi*) Козимо, дескать, и предназначил Фичино, тогда еще ребенка³⁵⁰. Относительно полной достоверности сообщаемых сведений можно усомниться, но очевидно то, что в данном случае свое ученое призвание гуманист понимал как воссоздание Академии³⁵¹, не названной им, впрочем, «платоновской»³⁵², хотя контекст такое уточнение и

349 *Ficinus M. Concordia Mosis et Platonis // Ep. lib. VIII. P. 866-867.* Приведенная в тексте цитата воспроизводит с некоторыми уточнениями выполненный мной русский перевод этого письма, опубликованный в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 265-267.

350 *Ficinus M. In Plotini Epitomae, seu Argumenta... Prooemium // Op. om. P. 1537.*

351 Ханкинс считает, что поскольку Академия у Фичино эквивалентна «трудам Платона», постольку в предисловии к латинскому переводу Плотина под Академией могла разумеаться их рукопись, полученная Козимо каким-то образом от Плифона и позже переданная гуманисту для перевода на латинский язык (*Hankins J. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy"... P. 156-159*).

352 А. Шастель совершает недопустимую вольность, переводя "*academiam quandam*" как "*une Academie ptatonicienne*" (*Chastel A. Marsile Ficin et l'art. P. 8*).

допускал; ибо, как уже говорилось, по замыслу Фичино, она должна была возродить не только учение Платона, но и до- и послеплатоновскую мысль древности, согласную с христианским Откровением.

Но если Академия – это также и труды Фичино, благодаря которым она оживает, то все, кто в них участвует, или им помогает, или с ними солидарен, оказывается причастен к Академии. Не случайно в переписке и в своих произведениях Фичино то и дело кого-то из близких ему людей называет «академиком», а иных наделяет высокопарными званиями, вроде «светоч Академии», «покровитель Академии» или «столп Академии»³⁵³. Не стоит вслед за Ханкинсом полагать, что «академиками» Фичино именовал только своих прямых учеников, которые будто бы посещали его гимназию³⁵⁴ (само существование

353 “Академиками” представлены Франческо Берлингьери (“academicus noster” // Ep. lib. VII. P. 855. 3), Антонио Ланфрендени (“egregius academicus” // Ep. lib. VIII. P. 864. 1), Пьеро Содерини (Ep. lib. VIII. P. 884. 4), Филиппо Валори (In Commentaria Platonis... Prooemium. P. 1130), Джованни Кокки (“academicus noster” // Ep. lib. VII. P. 857. 3); “академиками” также названы Якобо Браччолини, Биндаччо Риказоли, Джованни Кавальканти вместе с какими-то другими людьми (“aliique academici multi” // Ep. lib. I. P. 657. 2); привет “академикам” велено передать Филиппо Валори и Пьеро дель Неро (Ep. lib. VII. 859. 4-5); “светочем Академии” (Academiae lumen) провозглашен кардинал Виссарион (Ep. lib. I. P. 617. 1), Аламанно Донати – “Марсом Академии” (“academiae Mars” // Ep. lib. IX. P. 894. 2), Мильоре Креши – “защитником Академии” (“academiae tutor” // SF. Vol. II. P. 88-89), Антонио Пеллотти – “Аполлоновской красой нашей академии” (“Apollineus Academiae postrae Iepos” // Ep. lib. X. P. 907. 2), как “радетельнейший почитатель Академии” (Academiae studiosissimus cultor) охарактеризован Филиппо Кардуччи (Ep. lib. XI. P. 935. 3), Иоанн Антон Кампано – “столпом Академии” (“Academiae columen” // SF. Vol. I. P. 89), Каниджани, Каначчи и Корсини – “псами Академии”, то есть ее защитниками (“canes Academiae” // Op. om. P. 574-575). Подробный материал на эту тему приведен в работе: *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 444-447.*

354 *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 443, 455.* В произведении Бенедетто Колуччи, описывающем ученые занятия (риторические упражнения) Фичино с молодежью – на него любит указывать Дж. Ханкинс в подтверждение своей гипотезы – с именем “академики” глава платоников обращается не к юным друзьям, но к маститым гуманистам Нальдо Нальди, Алессандро Браччези, Никколò Микелоцци и Анджело Полициано, призванным, чтобы выслушивать произносимые перед ними речи молодежи: “Vos autem, Academici, animadvertistis quanta arte haec iuventus usa sit...” (Colucci B. *Scritti di Benedetto Colucci da Pistoia. A cura di A. Frugoni.*

которой недоказуемо). Ибо в подобных случаях мы имеем дело со свидетельствами о том, что можно было бы назвать «социальной составляющей» Академии, своего рода ученым товариществом, или братством, образовавшимся вокруг гуманиста³⁵⁵. И похоже, что к нему он в некоторых случаях тоже прилагал имя «Академия». «Многие ваши и вашего кардинала божественные вещи иные возглашают, а Баччо Уголино очень часто декламирует в Академии, – говорится в письме Фичино к Иоанну Антону Кампано, которое сопровождало отправку ему «Комментария на «Пир» Платона...», – так что вы теперь всем нашим известны как «столп Академии»³⁵⁶. Если в первом случае под «академией» может подразумеваться как некоторое место, так и собрание единомышленников, то во втором, учитывая контекст высказывания, речь скорее всего идет именно об этом собрании.

То же самое в письмах к Бернардо Бембо. В одном из них сказано «вся Академия препоручает тебе себя тысячу раз», и не очень понятно, имеет ли Фичино в виду свое дело или свой ученый кружок, о котором он пишет несомненно в другом письме (конец 1476 - начало 1477 гг.) к послу венецианской республики: «Ты спрашиваешь, мой Бернардо, что делает Академия? Она любит Бембо. Что еще? Академия чтит Бембо. И все ученые мужи вокруг нас единодушны в том, что он должен быть очень любим и почитаем»³⁵⁷. В письме к Франческо Бер-

Firenze, 1939. P. 47). Также и Каллимах, прося в письме к Фичино рекомендовать его не только “всем академикам” (*Achademicisque omnibus*), но и понтифику, мог иметь в виду, разумеется, не каких-то юных учеников Фичино, но людей его круга (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum // SF. Vol. II. P. 224-225*); см. его же другое письмо к Фичино, в котором Каллимах недвусмысленно причисляет к “академикам” Дзаноби Аччайуоли и Анджеоло Полициано, прося передать привет им и “прочим академикам” (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum // SF. Vol. II. P. 229*).

355 В некоторых случаях к своим друзьям-академиками Фичино обращается как к “братьям нашим во Платоне” (“*fratres in Platone nostri*” // Ep. lib. IX. P. 894. 2) или как к “собратьям” (“*confratres*” // Ep. lib. VII. P. 859. 5).

356 “*Multa enim de te et Cardinali tuo divina cum alii predicant tum Baccius Ugolinus sepissime in Academia cantat ut iam a nostris omnibus Academie columen appellemini*” (*Ficinus M. Epistola ad Ioannem Antonium Campanum // SF. Vol. I. P. 89; Idem. Commentaire sur le Banquet de Platon. Ed. par R. Marcel. Paris, 1956. P. 266*).

357 “*Vale feliciter una cum felicissimo senatu vestro, Bernarde clarissime, academia omnis millies se tibi commendat*” (*Ficinus M. De sufficientia, fine, forma,*

лингьери (между октябрем 1481 г. и началом 1484 г.) Фичино говорит, как представляется, о круге разделяющих его увлечения лиц, желая своему адресату «так здравствовать, как – вообрази себе – тебе пожелали бы здравствовать не только Марсилию, но также вся Академия, чрезвычайно тебя любящая (курсив мой – О.К.)»³⁵⁸. То же самое, похоже, подразумевает Фичино, поздравляя Иоанна Никколини с вступлением в сан архиепископа Амальфийского, когда предлагает ему вспомнить о том, что, будучи еще ребенком, он вместе со своим наставником Керубино Кварквали «приветствовал нашу Академию»³⁵⁹.

Впрочем, и в этом случае Фичино не изобретает ничего нового, ибо подобное значение слова «Академия» было уже знакомо гуманистической литературе. Поджо Браччолини в надгробной речи на похоронах Леонардо Бруни Аретино (1444 г.) называл его «участником как бы возрождавшейся некогда академии», имея в виду последователей Колуччо Салютати на рубеже XIV-XV вв.³⁶⁰. Сходство с древней

materia, modo, condimento, autoritate convivii // Ep. lib. III. P. 740. 1); "Rogas quidnam agat Academia, mi Bernarde? Amat Bembum. Quid rursus? Veneratur Academia Bembum. Omnes apud nos in hoc consentiunt literati, hunc esse apprime amandum et venerandum..." (Idem. Gratiae et Musae à Deo sunt, atque ad Deum referenda // Ep. lib. III. P. 730. 1).

О визитах Бернардо Бембо во Флоренцию и его отношениях с Фичино см.: *Della Torre A. La prima ambasceria di Bernardo Bembo // GSLI. 1900. Vol. 35. P. 258-334; Kristeller P.O. Marsilio Ficino e Venetia // Miscellanea di studi in onore di Vittore Branca. Vol. 3. Pars 2: Umanesimo e Rinascimento a Firenze e a Venezia, 475-92. Firenze, 1983 (P. 475-492). P. 477-483.*

358 "... ita salve, ut salvere ipsum non à Marsilio tamen, sed etiam ab academia tota amatissima tui accepisse te putes" (*Ficinus M. Prooemium. Ep. lib. VII. P. 841. 1*).

359 "Memini, cum adhuc puer esses atque una cum Cherubino Quarqualione, doctissimo praeceptore tuo, nostram academiam salutare" (*Ficinus M. Institutio brevis episcopi // Ep. lib. I. P. 668. 1*).

360 "Nam primo communem doctorum omnium parentem Colucium Salutatum humanissimum, ac doctissimum virum, tum Robertum cognomento Rufum, deinde Nicolaum Nicolum, viros omni litterarum genera, et humanitatis studiis praestantissimos, deinceps omni virtute virum celebrem Laurentium de Medicis, pluresque alios summa mihi amicitia conjunctos eripuit nobis. Restabat hic unus [Леонардо Бруни – О.К.] veterum studiorum, et quasi renascentis olim academiae socius..." (*Poggius Bracciolinus. Oratio funebris in obitu Leonardii Aretini // Bruni L. Epistolarum libri VIII. Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741. Vol. I. (P. CXIII-CXXVI). P. CXVII.*

Академией и Ликеем находил Лапо да Кастильонкио в беседах, устроившихся с участием греков, которые прибыли на Ферраро-Флорентийский собор (1438-1439 гг.), гуманистами папской курии³⁶¹. Равным образом академией именовались действовавшее в третьей четверти XV в. «Сообщество Флорентийской академии» (*Chorus Academiae Florentinae*) в переписке его участников³⁶² и кружок людей, близких к кардиналу Виссариону³⁶³; известны были, кроме того, «Римская Академия «во главе с Помпонием Лэтом»³⁶⁴ и неаполитанская академия Панормиты-Понтано³⁶⁵.

Хотя название «Платоновская академия» применительно к группе лиц, причастных к деятельности Фичино, дано историками, спровоцированными буквальным пониманием некоторых требующих метафорического истолкования его высказываний, тем не менее оно небезосновательно, ибо обозначает определенную, пусть и не очень четко выраженную, социально-культурную реальность, порожденную деятельностью гуманиста, и находит соответствие с теми смыслами, в которых он сам использовал термин «Академия»³⁶⁶.

361 “*Horum ego sermonibus cum intersum, quod saepissime contigit, in Academia illa veteri ac Lycio versari videor*” (*Lapus Castelliunculus. De curiae commodis dialogus. V. 4 // Celenza Chr. S. Renaissance humanism and the Papal Curia. Lapo da Castiglionchio the Younger’s “De curiae commodis”. Ann Arbor, 1999 (P. 102-227). P. 152*).

362 См. тексты, приведенные в кн.: *Maylender M. Storia delle accademie d’Italia. Bologna, 1927. Vol. II. P. 84-93*.

363 Как “*Bessarionea academia*” кружок кардинала-византийца назван в письме Николая Перотти к Франческо Гварнерио за 1471 г., приложенном к изд.: *Perottus N. Cornucopia. Tusculani, 1522. Col. 933*. См. подробнее источники об этой академии: *Della Torre A. Storia dell’Accademia Platonica di Firenze. P. 11-15*.

364 “*Sacerdotes Romanae Academiae*”, – так называли себя участники академии Помпония Лэта в одной из надписей в римских катакомбах, относящейся к 1475 г. (*Maylender M. Op. cit. Vol. IV. Bologna, 1929. P. 323*). Самого Помпония Лэта Николай Перотто в предисловии к своему труду, адресованному герцогу Урбинскому Федерико да Монтефельтро, величал “главой Римской академии” (“*Romanae academiae princeps*”. *Perottus N. In Cornucopiae... ad Illustrem Principem Federicum ducem... Prooemium // Perottus N. Op. cit. P. 2*).

365 См. упоминание о ней в документах XV в.: *Maylender M. Op. cit. Bologna, 1929. Vol. IV. P. 329, 332*.

366 Ср. в этой связи наблюдения: *Lackner D.F. The Camaldolese Academy:*

§3. Платоновская Академия: состав участников и занятия

Указать точно, когда вокруг Фичино складывается ученое товарищество, интересующееся его трудами и принимающее в них участие, не представляется возможным. Скорее всего гораздо ранее 1462 года, к которому по установившейся в историографии традиции было принято относить основание Платоновской академии, поскольку именно в 1462 г. в письме к Козимо Медичи Фичино впервые упоминает об «Академии, которую ты [Козимо – О.К.] для нас приготовил в селении Кареджи»³⁶⁷, и не вызывает сомнений, что с этого времени правитель Флоренции взял гуманиста под прямое покровительство и тем самым обозначил свою непосредственную причастность к делу, которому тот себя посвятил. Сохранилось ценное свидетельство о высочайшем авторитете, которым еще прежде пользовался Фичино в качестве толкователя Платона и древних авторов у своих современников, – это анонимный отзыв о его деятельности переводчика на итальянский язык трактата «О божественном неистовстве»; в нем гуманист назван «новым явлением Платонова ума», усилиями коего было возрождено множество мыслей древних мудрецов. Документ можно датировать концом 1457-началом 1458 гг.³⁶⁸. Он позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что уже в это время возле Фичино собираются определенные культурные силы Флоренции.

Круг Фичиновых единомышленников никак формально не организован. У него есть своя идеология, даже своя этика, но нет ни уставов, ни магистратов. Он создан деятельностью одного человека и существует лишь постольку, поскольку этот человек считает возможным его к ней привлекать. Платоновская академия как социально-культурное явление есть сообщество посвященных, ее труды – это пропаганда в важнейших своих положениях согласной, как считалось, с христианством и наиболее развернутым образом обнару-

Ambrogio Traversari, Marsilio Ficino and the Christian Platonic tradition // MFTPL. (P. 15-44). P. 29-39.

³⁶⁷ См.: SF. Vol. II. P. 88.

³⁶⁸ Prooemium ignoti interpretis in epistolam de furore divino vulgarium // SF. Vol. I. P. 68-69. О нем см. выше гл. I. С. 37-38.

женной у Платона мудрости древних, осуществляемая Марсилием Фичино, которого современники именовали «отцом Платонического семейства» (*pater Platonicae familiae*)³⁶⁹.

а. Состав участников

По просьбе Иоганна Штрелера, одного из молодых немцев, обучавшихся во Флоренции, между июлем и августом 1492 г. Фичино направил в Германию Мартину Преннингеру (Уранию), перечень своих друзей, подобравшихся «по общности занятий свободными науками»³⁷⁰. Этот перечень и есть основной состав лиц, которых можно причислить к участникам Платоновской академии³⁷¹, иными словами – сложившееся вокруг Фичино ученое товарищество. Он называет поименно 80 человек³⁷². Сам гуманист делит их на несколько групп. К первой, так называемому роду героев (*genus heroicum*), Фичино относит восемь представителей семейства Медичи: «Козимо Великого, двойню Козимо – его замечательных сыновей Пьеро и Джованни, а также рожденную от Пьеро двойню – Лоренцо Великого и славного Джулиано, трех детей Лоренцо – великодушного Пьеро, кардинала Иоанна, достойного превеликого почтения, Джулиано,

369 См. письмо Джованни Пико делла Мирандола: *Picus Mirandolanus l. Iocosa ex eo quod salutaturus non salutavit* // Ep. lib. VII. P. 889. 4. Заметим, что в данном контексте словами «Платоническое семейство» обозначался именно круг тогдашних приверженцев флорентийского гуманиста, потому что главой «семейства» всех платоников, живших в разное время, мог быть назван только сам Платон.

370 “Nihil a me iustius postulare poteris, quam quod per Ioannem Streler congermanum tuum iam saepe requiris, amicorum videlicet nostrorum catalogum, non ex quovis commertio vel contubernio confluentium, sed in ipsa duntaxat liberalium disciplinarum communiione convenientium” (*Ficinus M. Catalogus familiarium atque auditorum* // Ep. lib. XI. P. 936. 2).

371 Ниже будет указано, кого из близких ему людей Фичино не включил в этот список.

372 В монографии о Преннингере В. Целлер насчитывает в этом перечне 90 лиц (*Zeller W. Der Jurist und Humanist Martin Prenninger gen. Uranius (1450-1501)*. Tübingen, 1973. S. 72-73), ошибочно усматривая в некоторых трех-или двухчастных именах указания на разных людей.

наделенного блестящими дарованиями»³⁷³. Всех их он именует его покровителями (*patroni nostri*).

Оставшихся он разбивает, в свою очередь, еще на две категории. В одну из них входят те, кого нельзя назвать ни «слушателями» (*auditores*), ни учениками (*discipuli*), ибо это, так сказать «друзья-собеседники» (*familiares confabulatores*), с которыми гуманист обсуждает и советуется по проблемам, касающимся «свободных наук». Он называет двадцать три человека, следуя хронологии знакомства с ними: «друга с ранних лет» поэта-гуманиста Нальдо Нальди, еще одного поэта-гуманиста Пеллегрино Альби, с которым Фичино сошелся в юности; гораздо старших по возрасту известных гуманистов Кристофоро Ландино, Леона Баттиста Альберти, Бенедетто Аккольти; богатых и влиятельных патрициев, покровительствовавших ему, Пьеро Пацци (у которого Фичино в свои юные годы был наставником), Бартоломео Валори и Антонио Каниджани; несколько позже Фичино привлек к себе представителя старинного флорентийского рода Джованни Кавальканти, ставшего ближайшим его другом, каноника из Ареццо, а затем секретаря папской курии Доменико Галлетти, юриста Антонио Кальдерини, монаха-доминиканца Иеронима Росси (или Росци) из Пистойи, торговых агентов дома Медичи, принимавших активное участие в трудах гуманиста Америго Бенчи и его племянника Томмазо Бенчи, грамматика, поэта и музыканта Керубино Кварквальи, поэта и музыканта Антонио Серафико, друга юности, принявшего монашеский постриг, Микеле Меркати (и Серафико, и Меркати, уточняет Фичино, из Сан Миньято), священника и дипломата происходившего из богатой флорентийской семьи, Франческо Бандини, профессора поэзии и риторики Пизанского университета Лоренцо Липпи, секретаря канцелярии Флорентийской синьории и профессора поэзии и риторики Флорентийского университета Бернардо Нуцци, преподавателя грамматики Коммандо Комманди, поэта и музыканта, епископа Газеты Баччо Уголино и давнего своего товарища, ставшего священником Петра Фанни. В конце этого списка Фичино замечает, что «многие из указанных в нем иногда слушали его первые лекции, исключая

373 “Magnus Cosmus, Gemini Cosmi, filii viri praestantes Petrus atque Joannes, Gemini quoque Petri nati, Magnus Laurentius et inclytus Iulianus, tres Laurentii liberi, magnanimus Petrus, Ioannes Cardinalis, plurimum venerandus, Iulianus egregia indole praeditus” (*Ficinus M. Catalogus...* P. 936).

Ландино, Леона Баттиста Альберти и Бенедетто Аккольти»³⁷⁴. Далее он добавляет еще один перечень из четырнадцати лиц, с которыми сошелся в зрелом возрасте, не относящихся к его «слушателям». Это епископ Фьезоле, а затем Вольтерры Антоний дельи Альби, священник и богослов Риккард из Ангиари, римский гуманист Бартоломео Платина, профессор естественной философии Пизанского университета Оливьеро Ардуини, двоюродный брат Фичино и его секретарь, священник и богослов Себастьяно Сальвини, философ, астроном, поэт и одновременно солдат удачи Лоренцо Бонинконтри, Бенедетто Билиотти, о коем не сохранилось никаких других сведений (возможно, брат или родственник Агостино Билиотти, занимавшегося заморской торговлей, тесно связанного с Лоренцо Медичи), знатоки классической словесности Георгий Антон Веспуччи, Джован Баттиста Бонинсенци, Деметрий-византиец (Халкондил) и Джованни Витторио Содерини, прославленные гуманисты Анджеоло Полициано и Джованни Пико делла Мирандола, а также Пьер Леоне да Сполето, врач Лоренцо Медичи³⁷⁵.

374 “Praeter patronos, duo sunt nobis amicorum genera. Alii enim non auditores quidem omnes, nec omnino discipuli, sed consuetudine familiares, ut ita loquar, confabulatores, atque ultro citroque consiliorum, disciplinarumque liberalium communicatores. Alii autem, praeter haec, quae dixi, nos quandoque legentes et quasi docentes audiverunt, etsi ipsi quidem quasi discipuli; non tamen revera discipuli; non enim tantum mihi adrogo, ut docuerim alios, aut doceam, sed (Socratico potius more) sciscitor omnes, atque hortor, foecundaque familiarum meorum ingenia ad partum adsidue provoco. In primo genere sunt Naldus Naldius, a tenera statim aetate mihi familiaris. Post hunc in adolescentia nostra Peregrinus Allius, Christophorus Landinus, Baptista Leonus Albertus, Petrus Pazius, Benedictus Accoltus Aretinus, Bartholomeus Valor, Antonius Canisianus; paulopost Ioannes Cavalcantes, Dominicus Galectus, Antonius Calderinus, Hieronymus Rossius, Amerigus et Tommas ambo Bencii, Cherubinus Quarqualius Geminiatensis, Antonius Seraphicus, Michael Mercatus ambo Miniatenses, Franciscus Bandinus, Laurentius Lippius Collensis, Bernardus Nuthius, Commandus, Baccius Ugolinus, Petrus Fannius presbyter. Horum plurimi, exceptis Landino et Baptista Leone et Benedicto Accolto, primas lectiones nostras nonnunquam audiverunt” (*Ficinus M. Catalogus...* P. 936-937). О том, кем были названные в письме Фичино персоны, см. подробнее: Монье Ф. Указ. Соч. С. 313-314; *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Passim; Marcel R. Op. cit. Passim; The Letters of Marsilio Ficino. London, 1975-1997. Vol. I-VI (См. в этом изд.: Notes on Ficino's Correspondents).*

375 “In aetate vero mea iam matura familiares, non auditores. Antonius Allius,

В последнюю категорию гуманист включает имена 35 молодых людей, «которые слушали, когда мы читали и как бы учили, то есть были как бы учениками; однако не настоящими учениками, ибо – как поясняет тут же Фичино, – не настолько я возгордился, чтобы учить или обучать других, но скорее Сократовым способом я разубаю всех, увещаю и постоянно склоняю близких мне людей к тому, чтобы они произвели на свет плоды своих дарований». В составе последней группы отпрыски богатейших и наиболее влиятельных семей Флоренции Никколò и Филиппо Валори, Аньоло и Филиппо Кардуччи, Джованни и Пьеро Гвиччардини, Пьеро дель Неро, Пьеро Содерини, Биндаччо Риказоли, Америго Корсини, Бернардо Каниджани, Джованни Каначчи, Франческо Ринуччини, Алессандро Альбицци, Бернардо Медичи, Пьеро Кампаньи, Антонио Ланфредини, Бернардо Веттори, личный секретарь Медичи (Лоренцо и Пьеро) Никколò Микелоцци и его брат, воспитатель Иоанна Медичи Бернардо Микелоцци, Матвей Рабата и некий священник Себастиан, представители нового поколения гуманистов и людей науки Карло Марсуппини, Джованни Нези, Франческо Берлингьери, Пьеро ди Марко Паренти, Франческо Гадди, Аламанно Донати, а также Франческо Каттани Дьяччето, после смерти Фичино считавшийся продолжателем его дела, профессор философии и медицины Пизанского университета Джованни Розати, ученик Фичино и Пико крещеный еврей Фортуна Эбрео и еще четыре лица, о роде занятий и социальном положении коих ничего не известно, – Бьяджо да Биббиена, Алессандро Борси (или Бонси), Андреа Корси и Франческо Пьетрасанта³⁷⁶.

Ricciardus Anglariensis, Bartholomeus Platina, Oliverius Arduinus, Sebastianus Salvinus amitinus noster, Laurentius Bonincontrus, Benedictus Biliottus, Georgius Antonius Vespuccius. Ioannes Baptista Boninsegni, Demetrius Bizantius, Ioannes Victorius Soderinus, Angelus Politianus, Pierleonus Spoletinus, Ioannes Picus Mirandula” (*Ficinus M. Catalogus...* P. 937).

³⁷⁶ “In secundo genere, id est, in ordine auditorum sunt, Carolus Marsupinus, Petri quinque Nerus, Guicciardinus, Soderinus, Compagnius, Patentus [Parentus], Philippo duo, Valor scilicet et Carducius, Ioannes quatuor Canacius, Nesius, Guicciardinus, Rosatus, Bernardi quatuor, Victorius, Medices, Canisianus, Michelectius, Francisci quatuor, Berlingierius, Rinucinus, Gaddus, Petra sancta, Amerigus Cursinus, Antonius Lanfredinus, Bindacius Recosolanus, Alamannus Donatus, Nicolaus Michelotius, Matthaesus Rabatta, Alexander Albitius, Fortuna Hebraeus, Sebastianus Presbyter, Angelus Carduccius, Andreas Cursius, Alexander Borsius, Blasius Bibienus, Franciscus Diacetus, Nicolaus Valor” (*Ficinus M. Catalogus...* P. 937).

Таким образом, состав Фичинова кружка весьма разнообразен, среди его участников не только выдающиеся гуманисты Флоренции и Италии, философы, богословы, знатоки древних языков, историки, юристы, космографы, преподаватели школ, университетские профессора, врачи, поэты и музыканты, но также церковные иерархи, священники, монахи, флорентийская политическая и деловая элита, представители семей, которые вместе с Медичи сосредоточили в своих руках контроль за государственными институтами и огромные материальные богатства. И тем не менее далеко не все те, кто имел прямое отношение к ученому сообществу, известному теперь под именем Платоновской академии, указаны ее руководителем – Фичино – в составленном им списке из 80 человек. Не назван Якопо ди Поджо Браччолини, сын прославленного гуманиста, близко общавшийся с Фичино, в 1478 г. казненный за участие в антимадичейском заговоре Пацци, из-за чего, по-видимому, ему не нашлось места в передаваемом огласке перечне друзей «главы платоников»; не упомянут состоятельнейший Джованни Ручеллаи, хотя известно, что Фичино ему толковал о том, что такое фортуна и можно ли ей противостоять (сохранилось послание на эту тему 1462 г.³⁷⁷), равно как и представитель следующего поколения этой семьи Бернардо Ручеллаи, который не стал финансировать издание Платона 1484 г. и поэтому, разумеется, не мог попасть в число лиц, причастных Фичинову делу; не значатся среди них, по непонятной причине, поэт-платоник Джироламо Бенивьяни, одно время очень дружный с Фичино, и венецианский посол, известный гуманист Бернардо Бембо, участник беседований и пиров Платоновской академии второй половины 70-х гг. XV в, а также Бернардо дель Неро и Антонио ди Туччо Манетти, хотя им Фичино посвятил основные свои переводы на итальянский язык и беседе-

Имя Франческо Каттани Дьяччето было добавлено позже, о чем свидетельствует единственная сохранившаяся рукопись, содержащая приведенный выше список. Первые контакты Фичино с Дьяччето можно датировать сентябрем 1492 г., то есть после того как именитый флорентийский философ уже составил первоначальную версию перечня своих друзей. См. подробнее: *Kristeller P.O. Francesco Diaceto and Florentine Platonism in the sixteenth century // SRTL (P. 287-336). P. 297.*

³⁷⁷ *Epistola di Marsilio Ficino a Giovanni Rucellai... che cosa è fortuna // SF. Vol. II. P. 169-172.* См. русский перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 261-263.

вания на темы политики; пропустил Фичино – опять же неизвестно, почему, – Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи, с которым сохранял до последних своих дней тесные и добрые отношения; в списке Фичино нет имен иноземных гуманистов и студентов, которых он общал к своим трудам. Наконец, особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в Фичиновом товариществе не было ни одного представителя художественной культуры Флоренции – живописца, ваятеля, зодчего, а ведь их произведения, в которых, как показано исследованиями историков искусства XX в., заметно влияние религиозно-философских идей и эстетических концепций главы флорентийских платоников³⁷⁸, высоко ценились его высокопоставленными друзьями-покровителями (прежде всего Медичи, Бенчи, Ручеллаи), да и сам он не был обойден вниманием мастеров искусства, будучи при своей жизни запечатлен Доменико Гирландайо (он создал портрет Фичино, находящийся сейчас в Антверпене и изобразил его на фреске «Патриарх Захария во храме» в церкви Санта Мария Новелла), Козимо Росселли (на фреске «Шествие со святыми дарами» в церкви Сант’Амброджо), на медали Никколò Фьорентино, а также на многих миниатюрах рукописей с его работами³⁷⁹.

б. Беседы и чтения. Пирь.

Вольное ученое товарищество, которое в историографии именуют флорентийской Платоновской академией³⁸⁰, возникало из бесед и чтений Фичино своих трудов с друзьями и покровителями, желавшими с его помощью приобщиться к давней и благотворной, как они верили, для души религиозно-философской традиции древ-

378 Укажем тех авторов, работы которых, посвященные этой теме, стали классическими: Warburg A. *Gesammelte Schriften*. Leipzig, 1932. Bd. 1-2; Panofsky E. *Studies in iconology*. New York, 1939; Chastel A. *Marsile Ficin et l'art*. Genève; Lille, 1954; Он же. [Шастель А.] *Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме*. М., 2001 (1 изд. на франц. языке – 1959 г.).

379 См. репродукции в изд.: MFRP. Vol. I.. N 1-17.

380 Ср., как характеризует Платоновскую академию Арсеньев: “Что же она представляла собой? – Не школу, не научное учреждение, связанное уставом и определенными функциями, а свободное общение друзей, что интересовались платоновской философией и собирались вокруг Фичино” (Арсеньев Н.С. Указ. соч. С. 49).

ности. В письме к Микеле Меркати, предварявшем «Сумму философии» (*Summa philosophiae*), ранний труд Фичино, по-видимому, 1454 г., – сам гуманист его называл «компендием диалектики и философии, составленным вкратце, который я решил тебе [Меркати – О.К.] направить, дабы посвятить, насколько возможно, в те науки, коими наш Платон предписывает заниматься в нашем возрасте» – дважды упомянут «сладчайший и божественный обычай наш» дружеских бесед³⁸¹.

Эти юношеские ученые прения в кругу друзей имели развитие. В сочинении «Богословский диалог Бога с душой», адресованном тому же Меркати и созданном скорее всего в 1457 г., Фичино напоминал об их философствованиях на темы морали, естествознания и богословия³⁸². И, словно продолжая состоявшийся разговор, он посылал товарищу свой труд по интересовавшему их предмету³⁸³. Так же появилось на свет, если верить Фичино, еще одно небольшое сочинение – «Трактат о Боге и душе», посвященный Франческо Каппони: гостя летом 1457 г. на вилле Камполи по приглашению Джованни Каниджани и его сына Антонио, гуманист читал на берегу речушки в тени книгу Платона о божественной и человеческой природе³⁸⁴, и вопрос молодого Каниджани, о чем идет речь в этой книге, спровоцировал дискуссию³⁸⁵,

381 “*Huius autem opusculi confectia hoc maxime mihi iocunda fuit, quod tempus dulcissime consuetudini nostre diversi generis negotius sepe numero interruptum atque decisum huiusmodi lectione supplendum fere censebam, atque absentes amicos tantos, ut verissime dixerim, omnium amicissimos huius lectionem presentes simulque disserentes die noctuque officere posse, ut nec noctium vicissitudines, nec varie fortune ictus, neque ulla unquam negotiorum impedimenta suavissimam ac divinam consuetudinem nostram intercipiat*” (SRTL. P. 55-56).

382 “*Saepe de moralibus naturalibusque una philosophati sumus, dilecte Michael, sepius de divinis...*” (*Ficinus M. Dialogus inter Deum et animam theologicus // Ep. lib. I. P. 609. 3*).

383 “*Hunc audi, si placet, quavis existimem te forte propius iam quam nos alloqui Deum*” (*Ibid.*)

384 Скорее всего диалог “Тимей”.

385 “*Essendo la state preterita a Champoli villa di Giovanni Chanigiani huomo di somma prudenzia e amatore di philosophia, mi trovassi un di appresso d’un fumicello allombra con un libro di Platone nostro el quale tractava della divina et humana natura. Allora da te dimandato ti risposi di che materia Platone in chesto libro tractassi, et dicendomi tu che cosa è questa divina et umana natura, credo ti ricordi che ti dissi...*” (*Ficino M. Tractatus de Deo et anima // SF. Vol. II. P. 129*).

по следам которой Фичино будто бы и создал свое произведение (1458 г.). Невольно бросается в глаза сходство с платоновским диалогом «Федр» (229a-b), в нем повествуется, как Сократ у реки под сенью платана вел беседу с афинским юношей, именем которого названо произведение. Фичино, конечно же, стремился подражать Платону не только создавая сходный с платоновским зачин диалога, но и стараясь подчеркнуть актуальность своих работ ссылкой на то, что их тематика обусловлена учеными обсуждениями, которые проводил гуманист в кругу своих друзей и единомышленников. «Давай вспомним, что когда я находился с тобой у тебя в Камполи, мы, под впечатлением как от необыкновенной красоты сей местности, так и от сладости всякого рода фруктов, коими это селение особенно изобилует, завели беседу о наслаждении, [изложение – О.К.] каковой ты от меня требовал, а я, как только представился досуг, ее записал»³⁸⁶, – подобным образом читателю опять внушается, что очередной труд гуманиста – трактат «О наслаждении» (декабрь 1457 г.) – родился тоже из дружеских беседований.

Фичино в такого рода заявлениях почти не лукавил – его беседы с друзьями на самые разные философские и богословские темы действительно должны были иметь место, но скорее они отражали то, над чем работал гуманист, нежели определяли тематику и направление его трудов. Фичино, по крайней мере среди близких ему людей рано стяжавший славу выдающегося платоника (вспомним о нем отзыв анонима 1457-1458 гг.), стал уже в молодые годы выступать своего рода воплощением новых духовных веяний эпохи и поэтому центром притяжения захваченных ими культурных и общественных сил. Уже в 50-самом начале 60-х гг. круг лиц, участвовавших в дискуссиях по поводу предметов, которыми занимался Фичино, был достаточно широк, в их числе не только гуманисты, прежде всего его сверстники Нальдо Нальди или Микеле Меркати, но и люди, занимавшие подчас очень высокое положение в общественно-политической, экономической и церковной иерархиях Флоренции. В 1496 г., под конец

³⁸⁶ “Memini cum adessem una tecum in Campolitano vestro, et cum illius praecipua amoenitate tum variorum pomorum quibus ea villa imprimis abundat suavitate duceremur, nos in voluptatis disputationum incidisse, quam ipse a me requisisti et cum primum daretur otium literis traderem”, – сказано в предисловии посвященного Каниджани трактата “О наслаждении”. См.: *Ficinus M. De Voluptate. Prooemium* // *Op. om.* P. 986).

своей жизни, Фичино, вспоминая о многочисленных и давних связях с семьей Валори, одной из богатейших и влиятельнейших во Флоренции, сообщал, что «Бартоломео Валори, муж весьма образованный и, так сказать, любимец нашего города, вместе со своим тестем Пьеро Пацци, славнейшим рыцарем, часто присутствовал при наших толкованиях и обсуждениях Платона и со всем усердием в них принимал участие»³⁸⁷.

Отношения с Пьеро Пацци у Фичино установились с самой ранней юности (в 1451 г. начинающий гуманист был у Пацци домашним наставником³⁸⁸) и продолжались вплоть до августа 1464 г., когда этот Пацци умер. Таким образом, занятия с названными здесь представителями верхушки флорентийского патрициата могли иметь место скорее всего во второй половине 50-х-начале 60-х гг. И, как справедливо замечает Р. Марсель, число их участников должно было быть значительно больше; французский историк называет Кристофоро Ландино, одобрявшего платоновские штудии Фичино, Пеллегрино дельи Альи, Бенедетто Аккольти и представителей младшего поколения Медичи – Лоренцо и Джулиано³⁸⁹.

Круг лиц, активно интересовавшихся в начале 60-х гг. XV в. трудами Фичино, был действительно весьма широк, но важнее всего то, что к нему так или иначе принадлежали ведущие представители гуманизма и политического «истеблишмента» Флорентийской республики. Сейчас уже известно благодаря изысканиям С. Джентиле, что Фичиновы переводы псевдо-пифагорейских «Символов» и «Золотых стихов» привлекли внимание такого выдающегося гуманиста, как Леон Баттиста Альберти, который на их основе сочинил «Пифагорейские речения»³⁹⁰. Вероятнее всего в 1462 г. могущественный Джованни Ручеллаи, владелец одного из крупнейших состояний города, обратился к Фичино, начинающему, но уже весьма авторитетному

387 “Bartholomeus Valor vir admodum elegans, et (ut ita dixerim) urbis nostrae delitiae, una cum socero suo Petro Paccio clarissimo Equite enarrationibus disputationibusque in Platonem nostris frequenter interfuit, atque omni studio celebravit” (*Ficinus M. Prooemium in commentaria in Platonem ad Nicolaum Valorem* // *Op. om.* P. 1136).

388 См. гл. I. С. 29-30.

389 *Marcel R.* *Op. cit.* P. 300.

390 *Gentile S.* *Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino* // *Rinascimento. Il serie.* 1990. Vol. XXX. P. 73-80.

философу с вопросом о том, что такое фортуна и можно ли ей противостоять; полученный ответ Ручеллаи подшил к своим записным книжкам (Zibaldone)³⁹¹.

Эта интеллектуальная мода на молодого и успешно работающего адепта платонизма, «спрос» на его труды, который выказывали не только люди науки, но и наиболее известные и уважаемые фамилии Флоренции – Пацци, Валори, Ручеллаи, – не могли пройти мимо внимания Козимо Медичи, знающего цену культуре и умеющего поставить ее себе на службу. Не случайно не позже сентября 1462 г. он берет Фичино под прямое покровительство, сделав фактически своим домашним философом.

Козимо был большой любитель философских диспутов. Как сообщает Веспасиано да Бистиччи, грек Иоанн Аргиропул в дни, когда он не читал лекции в университете, вместе с несколькими своими учениками навещал Козимо, который постоянно его расспрашивал о различных вещах: о бессмертии души или о каких-то иных предметах богословия или философии³⁹²; из другого источника известно, что, прийдя выразить Козимо соболезнование по поводу смерти его сына Джованни (1463 г.)³⁹³, Аргиропул вместе с Аламанно Ринуччини и другими гостями был втянут хозяином в дискуссию о том, кто важнее в государстве (*in civili societate*), командующий войсками или глава гражданской власти³⁹⁴. Фичино не имел, по крайней мере при жизни Козимо, учеников, и беседы гуманиста с ним носили более *приватный* характер: скорее всего это были чтения с комментариями или же *пересказы* тех античных источников, над которыми ра-

391 См. выше С. 432-434.

392 “Messer Giovanni Argiropulo... spesso andava a visitare Cosimo perchè egli in questo tempo non andava fuori; e messer Giovanni il dì delle feste, che non leggeva, andava a visitarlo con alcuni de’ sua scolari. Cosimo sempre lo domandava di varie cose: ora della immortalità dell’anima, e quando d’altre materie, o di teologia o di filosofia; con lui non si perdeva mai tempo” (*Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Cosimo de’ Medici. XXVII. Bologna (1892-1893. Vol. 1-3). 1893. Vol. 3. P. 67*).

393 См.: *Gutkind C.S. Cosimo de’ Medici Pater Patriae. 1389-1464. Oxford, 1938. P. 139.*

394 См. посвященное Козимо Медичи предисловие Аламанно Ринуччини к переводу “Утешения” Плутарха: *Fossi F. Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexendam. Firenze, 1791. P. 35.*

ботал гуманист. Именно на такого рода чтение Платонова «Филеба» рассчитывал Козимо, призывая к себе 11 января 1464 г. своего юного подопечного Марсилия с только что выполненным латинским переводом этого произведения, дабы удовлетворить свое непреодолимое желание знать, «какой путь надежнее всего ведет к счастью»; и Фичино в ответ обещал ему прибыть «как можно скорее»³⁹⁵.

То, как проходили философские беседы с Козимо, позволяет представить предисловие к Псевдо-Платонову диалогу «Аксиох» (или «О смерти») ³⁹⁶, в котором Фичино дал почти протокольную запись одной из них, состоявшейся незадолго до смерти покровителя: «За двадцать дней до того, как чистая душа его порвала связь с телом, в час, когда солнце заходило, Козимо начал оплакивать ничтожество этой жизни, ополчась на людские заблуждения, так что смерть, по его словам, оказывалась своего рода преимуществом (*lucrum*), и поэтому он очень много, остро и пространно рассуждал о презрении к этой жизни как человек, уже алкающий небесного блаженства. Когда он кончил, я ему сказал: «Козимо, о том же самом в своей книге «О смерти» вел речь Ксенократ, святой человек и любимый ученик нашего Платона». Тогда он мне: «Передай по-латыни, Марсилию, о чем толковал Ксенократ по-гречески». Я передал. Он одобрил и повелел перевести»³⁹⁷. Описанная беседа имела место 11 июля; 20 июля, как явствует из этого же документа, Фичино закончил читать ему платоновские диалоги «Парменид» («о едином начале всех вещей») и «Филеб» («о высшем благе») ³⁹⁸; 1 августа 1464 г. Козимо Медичи скончался.

395 «Veni ad nos, Marsilii, quam primum, fer tecum Platonis nostri librum “De summo bono” quem te isthic arbitror iam e Graeca lingua in Latinam, ut promiseras, transtulisse: nihil enim ardentius cupio quam que via commodius ad foelicitatem ducat cognoscere» (*Medices C. De foelicitate desiderio // Ep. lib.. I. P. 608. 1*). “Veniam ad te cum primum potero quam libentissime”, – сказано в ответном послании (*Ficinus M. Quae sit ad foelicitatem via // Ep. lib. I. P. 608. 2*), которое, по-видимому, содержит резюме Фичиновой беседы с Козимо на тему счастья.

396 О нем см. гл. I. С. 58. Примеч.120.

397 *Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio // Op. om. P. 1965.*

398 “Cumque Platonis librum de uno rerum omnium principio et de summo boni (sic!) iam peregisset, duodecima deinde die, quasi ad id principium bonumque fruendum rediturus, ex hac vitae umbra ad supernam lucem revocatus accessit...” (*Ibid.*).

Возможно, приватные собеседования и чтения продолжались с сыном и преемником Козимо Старого в качестве правителя Флоренции Пьеро Медичи (1464-1469). Корси утверждает, что «Марсиль, часто посещая его [Пьеро – О.К.], излагал ему философское учение Платона»³⁹⁹; беседы Фичино с патроном на эти темы не исключает и Р. Марсель⁴⁰⁰; впрочем, никаких других свидетельств, которые подтверждали бы слова Корси, нет.

Похоже, что, наряду с этими собеседованиями в узком составе со своими главными покровителями, Фичино продолжал общение и с другими своими товарищами, интересовавшимися его трудами. Из письма гуманиста известно, что в августе 1464 г. он адресовал перевод платоновского диалога «Законы» Оттоне Никколини, Бенедетто Аретино (Аккольти), Бернардо Джюньи и Пьеро Пацци⁴⁰¹. В марте 1468 г., направляя собственное итальянское переложение трактата Данте «Монархия» Бернардо дель Неро и Антонио ди Туччо Манетти, Фичино вспоминал их «старинную дружбу» и «частые беседы», посвященные обсуждению поднятых в этом произведении предметов⁴⁰². Нет сомнения, что упомянутые диспуты были теснейшим образом связаны с занятиями Платоном, поскольку и Данте преподносился Фичино прежде всего как мыслитель платоновского толка⁴⁰³.

По-видимому, новые переводы Платона, которые Фичино выпускал в 60-е гг., сопровождались их чтениями и обсуждениями с близкими людьми, круг которых – то есть лиц, становившихся причастными «платоновской мудрости» и в качестве таковых могущих быть причисленными к Платоновской академии – постоянно расширялся. Одновременно рос и авторитет гуманиста, в нем видели наиболее аутентичного излагателя мыслей Платона. Именно таким он представлен в «Камальдоленских беседах», трактате Ландино,

399 “Ad eum [Petrum] frequenter cum Marsilius adiret Platonicaeque philosophiae praecepta aperiret...” (Cursius J. Op. cit. VII. P. 683).

400 Marcel R. Op. cit. P. 300, 322.

401 Ficinus M. Lex et iustitia // Ep. lib. I. P. 611. 2.

402 “L’antiqua nostra amicitia et disputatione di simili cose intra noi frequentata (в другой версии – frequentate) richiede, che prima con voi questa traduzione comunichi et voi agli altri di poi se vi pare ne facciate parte” (Ficinus M. Dantis de Monarchia liber in linguam vulgarem translatus. Prooemium... // SF. Vol. II. P. 185).

403 Об этом см. выше главу I. С. 61.

завершенном до 1474 г.⁴⁰⁴. Словами автора, сообщающими о визите Альберти в Филлине к Марсилию Фичино, этот последний назван «бесспорно первенствующим среди платоников нашего времени»⁴⁰⁵; в уста самого Альберти вложена характеристика Фичино как «наивернейшего толкователя загадок, заданных оракулом Академии»⁴⁰⁶; наконец, Лоренцо Медичи в этом же произведении признается, что рассуждения Платона ему понятнее в изложении Фичино, который «лучше других владеет учением столь великого философа»⁴⁰⁷.

Участниками переданных Ландино бесед были представители двух направлений во флорентийском гуманизме – платоновского, к которому, кроме Фичино, можно отнести его давнего друга Антонио Каниджани, Альберти, Лоренцо и Джулиано Медичи, самого Ландино, и аристотелевского, к коему принадлежали Аламанно Ринуччини, кузены Пьеро и Донато Аччайуоли и Марко Паренти⁴⁰⁸, входившие в возглавляемый Аргиропулом кружок, известный с 50-х гг. под именем Собрания Флорентийской академии (*Chorus Achademiae Florentinae*). Именно перед такой разнородной и взыскательной аудиторией выступил Фичино в свой черед, излагая положения собственного комментария к «Филебу». Конечно, все эти собеседования, представленные в «Камальдоленских беседах», – литературная фикция, которая, однако, по справедливой оговорке А. Делла Торре, вполне соответствует реальной действительности⁴⁰⁹. Они могут слу-

404 См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXIX; Marcel R. Op. cit. P. 311-314; Брагина Л.М. Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины XV в. Кристофоро Ландино (по его трактату “Диспуты в Камальдоли”) // Вестник Московского университета. 1965. Серия IX. N 5 (С. 48-65). С. 49; Гл. IV. С. 261.*

405 “... et cum via aretina in Fighinensi [Albertus] apud Marsilium Ficinum virum nostra tempestate inter platonicos facile principem divertisset...” (*Landinus C. Disputationes Camaldulenses. I. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980. P. 9; SF. Vol. II. P. 251*).

406 “... eorum aenigmatum, quae ex Academiae oraculo solvenda sunt, illum [Ficinum] verissimum interpretem omnes fateamur...” (*Ibid. II. P. 64; SF. Vol. II. P. 251-252*).

407 “... cum, quaecunque a Platone dicuntur, ea mihi ex ore Marsilii, qui praeter omnes tanti philosophi mentem tenet...” (*Ibid. I. P. 12; SF. Vol. II. P. 251*).

408 На эту тему см.: *Marcel R. Op. cit. P. 311, 318.*

409 *Della Torre A. Storia dell’Accademia Platonica di Firenze. P. 580.*

жить иллюстрацией того, как Фичино в качестве пропагандиста Платонова наследия и традиции «древнейшего богословия» становится объектом пристального интереса со стороны всех ведущих гуманистов Флоренции.

Следующим после переводов Платона предметом ученых бесед в кругу Фичино должен был стать обширный трактат «Платоновское богословие», над которым гуманист работал с 1469 по 1474 гг. И действительно его биограф Корси сообщает, что у себя дома в течение почти трех лет Фичино излагал этот труд многим из своих друзей⁴¹⁰. По мнению Р. Марселя, беседы о «Платоновском богословии» могли вестись, начиная с 1475 г., то есть после завершения гуманистом следующего своего трактата «О христианской религии» и перевода его на итальянский язык⁴¹¹. Вместе с тем, в письме к своему другу Джованни Кавальканти (апрель 1474 г.) Фичино упоминал о том, что по поводу ложных взглядов Аверроэса они вдвоем предостаточно говорили в имении Реньяно, принадлежавшем Кавальканти, когда Марсилиий, «будучи его гостем, создавал сей том Богословия»⁴¹². То есть Фичино посвящал друзей в свой труд уже по ходу его написания. Еще одним свидетельством этого может служить рассуждение Леона Баттиста Альберти в «Камальдоленских беседах» Ландино о Платиновой концепции души и ссылка в данной связи на «еще не завершенную» (*nondum expolitum*) книгу Фичино, разумеется «Платоновское богословие», и их посвященный проблеме души разговор в Фильине⁴¹³; поскольку Альберти умер в 1472 г., то эта его встреча с Фи-

410 “Platonis Theologiam, quam mox amicorum plerisque toto fere triennio domi interpretatus est...” (Corsi J. Op. cit. X. P. 684).

411 Marcel R. Op. cit. P. 433.

412 “Satis superque haec in agro tuo Regnano ego actu invicem disputavimus, quando Marsilius hic hospes illic tuus, grande illud componebat Theologiae volumen” (Ficinus M. Contra Averroëem scilicet, quod non sit unicus hominum intellectus // Ep. lib. I. P. 628. 2). Ср. в “Платоновском богословии” начало кн. XV (Op. om. P. 327).

413 “... censet Plotinus omnium hominum animas ad eundem vitae habitum redituras. Haec igitur et qualia sint et quanti, facienda facile ex eo libro percipies, quem nondum expolitum in manibus hic noster Marsilius habet, hec adhuc edidit. Verum ego cum apud ipsum in Fighinensi divertissem, casu in eum incidens aperui, locosque quosdam summa cum voluptate percurri” (Landinus C. Disputationes Camaldulenses. IV. P. 260; SF. Vol. II. P. 252-253).

чино могла состояться до указанного срока, то есть в период работы «главы платоников» над его основным трудом⁴¹⁴.

Подобного рода обсуждения продолжались и после завершения текста «Платоновского богословия» и в ходе его доработки в 1480-1482 гг. В самом трактате есть упоминание, относящееся к 1480 г., о дружеской дискуссии о природе души, развернувшейся между несколькими ее участниками в упомянутом уже поместье Кавальканти: «Вот, что я обсуждал некогда в селении Реньяно у Джованни Кавальканти, особенного моего друга, в мартовские календы под сенью лавра. В этих беседах принимали участие три ближайших наших товарища Кристофоро Ландино, Бернардо Нуцци, Георгий Антон Веспуччи, мужи выдающейся добродетели и учености. Выслушав их с превеликим вниманием, Джованни сказал: «Марсилиий Фичино, невозможно выразить, как я доволен предыдущим обсуждением. Но кроме этого, я хочу, чтобы ты более обстоятельно рассмотрел»⁴¹⁵, – и далее следует рассуждение о бессмертии души, будто бы произнесенное Кавальканти и спровоцировавшее Фичино в следующих главах дать свой ответ. С некоторой долей условности можно утверждать, что здесь описано типичное заседание того, что принято именовать Платоновской академией. Фичино руководил на нем об-

414 Впрочем, время проведения бесед, описанных Ландино, отнесено к 1468 г. (см. в этой связи: *Marcel R. Op. cit.* P. 314), хотя, как известно, Фичино приступил к «Платоновскому богословию» не ранее середины 1469 г. Это несоответствие дает повод усомниться в надежности сообщаемых Ландино сведений.

415 «Haec olim in agro Regnano apud Ioannem Cavalcantem, unicum amicum nostrum, Kalendis Martiis sub Lauro disputaveram. Quibus disserendis interfuerunt praecipui familiares nostri tres, Christophorus Landinus, Bernardus Nuthius, Georgius Antonius Vespucius, viri probitate et doctrina clarissimi. His autem Ioannes summa cum attentione auditis: “Marsili Ficine, inquit, dici non posset quantum superiori disputatione fuerim delectatus. Sed hoc insuper cupio ut...”» (*Ficinus M. Theologia platonica. VI. 1. P. 156*). Слова “sub Lauro” Р. Марсель перевел как “во времена Лоренцо” “au temps de Laurent” (*Ficin M. Théologie Platonicienne de l’immortalité des ames. VI. 1. Paris, 1964. T. I. P. 223*). Намек на правление Лоренцо Медичи в них, конечно, присутствует, как, впрочем, и другие смыслы, связанные с лавром; но если следовать Марселю, то перевод будет выглядеть нелепо – “в мартовские календы во времена Лоренцо”, при этом год правления Лоренцо не уточнен!

суждением темы, осветить которую призвано было его главное произведение. Состав участников невелик, среди них ведущие гуманисты Флоренции.

Подобно своему деду, ученые собеседования с главой флорентийских платоников очень ценил Лоренцо Медичи. Приобщиться к ним он должен был еще в юности при дворе Козимо Старого. Они имели продолжение и засвидетельствованы как в сочинениях Лоренцо, так и Фичино. Одну из подобных бесед, посвященную выяснению вопроса о том, что такое счастье, Лоренцо воспроизвел в поэме «Спор» («Altercazione», 1473-1474)⁴¹⁶; Фичино также вспоминал об этом их разговоре в адресованном Лоренцо письме-трактате: «После нашего недавнего и подробного обсуждения в имени Кареджи разных аспектов счастья, ведомые разумом мы, в конечном итоге, пришли к одному и тому же заключению. Ты тогда умело привел некоторые новые аргументы в пользу того, что счастье заключается скорее в действии воли, чем в действии интеллекта. Ты пожелал изложить этот диспут стихами, меня же просил записать его прозой. Ты уже погасил свой долг элегантною поэмой; теперь и я, с Божьей помощью, как можно более кратко выполняю мое задание»⁴¹⁷. Сведе-

416 В своем произведении Лоренцо излагал нравственное учение Фичино, которого он называл “новым Платоном” (il novel Plato); характерно, что появление Фичино предвозвещают звуки лиры, на которой он играл: *Medici Lorenzo. de'. L'Altercazione. Cap. II. 109 –V. 108 // Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. 1. P. 44-62.* О тех местах в поэме Лоренцо, которые свидетельствуют о его близком знакомстве с “Платоновским богословием” Фичино, см.: *Buck A. Op. cit. S. 87-91.*

417 “Cum ego actu nuper in agro Charegio multa de foelicitate utro citroque disputavissemus, tandem in sententiam eadem duce ratione convenimus. Ubi tu novas quasdam rationes, quod felicitas in voluntatis potius quam intellectus actu consistat, subtiliter invenisti. Placuit autem tibi ut tu disputationem illam carminibus ego soluta oratione conscriberem. Tu iam eleganti Poemate tuum officium implevisti, ego igitur nunc, aspirante Deo, munus meum exequar quam brevissime” (*Ficino M. Quid est felicitas, quod habet gradus, quod est aeterna // Ep. lib. I. P. 662-665.* См. перевод О.Ф. Кудрявцева в изд.: *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Составитель Л.М. Брагина. М., 1985. С. 222-228.* О том, что эта дискуссия Лоренцо с Фичино и их произведения были спровоцированы “Камальдуленскими беседами” Ландино, см.: *Wadsworth J.B. Landino's “Disputationes Camaldulenses”, Ficino's “De Felicitate” and I’ ”Altercazione” of Lorenzo Medici // Modern Philology. 1952. Vol. I. N 1 (P. 23-31). P. 29-30.*

ния о другой такой встрече содержатся в письме Фичино, адресованном в мае 1492 г., уже после смерти Лоренцо, его сыну Пьеро и сопровождающем издание латинского перевода «Эннеад»: «Ноябрьскими идами [1491 г. – Авт.], когда мы прогуливались в имении Кареджи с Великим Лоренцо Медичи и толковали друг с другом многие Платоновы тайны...»⁴¹⁸, – далее сообщается коротко об их беседе, связанной с переводом Плотина, наиболее значительным трудом Фичино этого периода, публикацией коего он был занят. Этими двумя дискуссиями участие Лоренцо в философских обсуждениях, имевших место в кругу флорентийских платоников, дело не ограничилось. Филиппо Валори, передавая Лоренцо Фичиновы переводы Альбина, Спевсиппа и Пифагора, в сопроводительном письме вспоминал о состоявшемся между ними ученом собеседовании: «Прежде, когда мы вели речь о Плотине, книги коего ты, покровитель Академии, позаботился напечатать, пойдя на большие издержки, мне показалось, не знаю почему, что ты, при твоих великих способностях, отчаиваешься постичь самые глубокие тайны Плотина; словом, ты интересовался, неужели нет краткого, ровного, доступного пути к Академии [т. е. к учению Платона и его последователей, включая Плотина – О.К.]? И тогда я сказал: «Путь сей проложил платоник Альбин», – и после этих слов Валори рекомендовал Лоренцо ознакомиться с трудом Альбина, который и направлял ему⁴¹⁹.

С таким же основанием можно говорить и об ученых беседах Фичино с Анджело Полициано и Джованни Пико делла Мирандола. Их содержание развернул Полициано в одной из своих элегий 1473 г., адресованной Бартоломео Фонцио; из нее явствует, что «великий Марсилиус» (*Marsilius ingens*) просвещал своего еще юного друга в вопросах естествознания, медицины, философии и богословия и даже, случалось, пел, подыгрывая себе, словно Орфей, на лире⁴²⁰. Что

418 “Cum Idibus Novembris in agro Caregio una cum Magno Laurentio Medice deambularem, multa que Platonis mysteria ultro citroque interpretarem...” (*Ficinus M. Magnanimo Petri Medici // Op. om. P. 1538*).

419 Письмо, датировать которое, судя по ссылке на готовящееся издание Плотина, можно 1491 или началом 1492 г., опубликовано в работе: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years // MFRP. Vol. I (P. 15-196). P. 32. О Фичиновом переводе Альбина см.: Гл. I. С. 57-58. Примеч. 115.*

420 *Politianus A. Ad Fontium. 155-192 // Fontius B. Carmina. Appendix. Ed. I. Fogel, L. Juhasz. Lipsiae, 1932. P. 27; SF. Vol. II. P. 282-283. Подробнее см.: Гл. IV. С. 271.*

касается Пико, то именно его настояниями Фичино объяснял свой перевод Плотина⁴²¹. Значит разговоры между гуманистами на эту тему велись и, вполне естественно, что по ходу переложения Платиновых текстов его результатами Фичино должен был делиться со своим младшим товарищем. Корси называет Пико в числе тех, кто часто навещал Марсилию и даже поселился на три года поблизости от его жилища, надо полагать, для того, чтобы иметь возможность постоянно с ним видеться⁴²². Сохранились и другие свидетельства о дискуссиях, проходивших с участием и Фичино, и Пико, имеющих, впрочем, косвенное отношение к Платоновской академии. В письме к Джироламо Бенивьени, поэту-философу, человеку их круга, Фичино вспоминал о том, как они вместе были свидетелями часто проводившихся в доме Пико ученых прений Ильи и Абрама, «евреев, медиков, перипатетиков», считавших, что в предсказаниях пророков нет речи о Христе, против Вильгельма Сицилийца, крещеного иудея, состоявшего на службе у папы Сикста IV⁴²³. Скорее всего, в конце 80-90-е гг. XV в. проходили упомянутые Корси едва ли не ежедневные встречи Фичино

421 *Ficinus M.* In Plotini Epitomae, seu argumenta, commentaria et annotationes. Prooemium // Op. om. P. 1537. См. также: *Cursius J.* Op.cit. XI. P. 684.

422 “... accedebant undecumque quotidie ad eum videndum atque audiendum viri ingenio atque doctrina praestantissimi, in quibus ... Pico Mirandula, natura miraculum... Hic quum Florentiam venisset, aedes Marsilio vicinas conduxit humiles admodum, quos tamen totum triennium habitavit...” (*Cursius J.* Op. cit. XXII. P. 689).

423 “Interfuisti et tu disputationibus, quae in aedibus Ioannis Pici Mirandulensis ante alios admirandi, saepe tractatae sunt atque tractantur, ubi Helias et Abraam Hebrei, Medici atque Peripatetici adversus Gulielmum Siculum disserunt, Oracula Prophetarum ad Iesum minime pertinere” (*Ficinus M.* Prophetae et interpretes prophetarum // Ep. lib. VIII. P. 873. 2).

О еще одном, подобном описанному выше, мероприятии, на котором присутствовали, среди прочих, Фичино, Джованни Пико, Анджело Полициано, проведенном уже в доме Лоренцо Медичи, сообщал доминиканец Николай де Мирабилибус из Семиградья (Трансильвании) в опубликованной им по свежим следам брошюре (Флоренция, 1489 г.), излагающей богословский диспут между ним и неким Джованни Витторе де Камерино на тему “Грех Адамов не самый тяжкий из всех грехов” (См. переизд. брошюры: *Nicolaus de Mirabilibus.* Disputatio nuper facta in domo magnifici Laurentii Medices // Két magyarszági iró a XV. századbol. *Adreas Pannonius.- Nicolaus de Mirabilibus.* Ed. V. Fraknói, J. Abel. Budapest, 1886. P. 353-367).

в числе прочих с Бернардо Ручеллаи, Джованни Каначчи и Биндаччо Риказоли, с коими он «имел обыкновение часто толковать и обсуждать, иногда в шуточной форме, трудные места из философии»⁴²⁴.

Ученые собеседования и чтения, в ходе которых Фичино общался с кругом духовно близких ему людей к своим трудам и изысканиям, продолжались до последних лет жизни гуманиста. В ноябре 1496 г. в письме к Павлу Орландино, камальдуленскому монаху, Фичино ссылался на состоявшуюся накануне между ними дискуссию, высказывая свою точку зрения на роль воли и интеллекта в стяжании человеком Божества⁴²⁵.

Конечно, до нас дошли сведения о небольшой толике бесед, проводимых Фичино со своими философскими единомышленниками (*conphilosophi*). Сам Фичино в известном письме к Мартину Уранию указывал гораздо большее число лиц, имевших отношение к его занятиям, значительная их часть никак не отражена в приводимых выше документах с известиями об ученых прениях (тем более, что на них, как явствует из этих же документов, могли выступать не только «платоники»). Никакого регулярного характера, никакого закрепленного и даже просто установленного состава участников эти прения не имели. Тем не менее, начавшись с ранних студенческих обсуждений, в которых Фичино задавал тон, они продолжались на протяжении всей его жизни и привлекали все новых лиц разного звания, общественного положения и рода занятий, интересовавшихся философско-богословскими идеями гуманиста и пополнявших возглавляемое им «платоническое братство».

Особой формой научных обсуждений, принятых во флорентийской Платоновской академии, стали пиры, о которых часто

424 “Sed conveniebant hominem inter alios quotidiano prope convictu Bernardus Oricellarius, Ioannes Canaccius et Bindacius Ricasolanus... Cum iis viris Marsilius locos saepe graves ex philosophia tractare interdum et joculari solitus et confabulari” (*Cursius J. Op. cit. XX. P. 687-688*).

425 “Postquam heri multa mecum de divinis, ut soles, subtiliter disputati, quaesisti denique cur ego in Philebo, tanquam ex Platonis sententia intellectum voluntati praefecerim, cur in epistola de felicitate praeferam voluntatem? Equidem respondere possem...” (*Ficinus M. Paulo Orlandino in Angelorum aede Monacho Philosopho suo // Op. om. P. 1425*. Этот документ воспроизведен также в изд.: *Ficino M. The “Philebus” Commentary*. Ed. M.J.B. Allen (P. 486-488). P. 487). См. также работы: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino*. Frankfurt a. M., 1972. S. 257-258; *Lackner D.F. Op. cit. P. 37*.

вспоминают в историографии Возрождения. Фичино написал целую апологию пира, характеризуя его как «отдохновение от трудов и забот, пищу для ума, побуждение к любви и великолепию, приманку доброжелательности, усладу дружбы, стимул к взаимосогласию, утеху жизни»⁴²⁶. Назначение пира – на что, по замечанию Фичино, указывает само его имя – «не совместная трапеза и попойка, но сладостная жизни общность»⁴²⁷, поскольку при этом совместном питании тела «мы наслаждаемся одним и тем же благом ума и жизни и общим желанием»⁴²⁸.

Корси утверждает, что пиршественные застолья устраивались часто, хотя и очень скромные, самым гуманистом или кем-то из его друзей, и особенно Медичи⁴²⁹. Громкую известность получил пир, организованный 7 ноября 1468 г.; о нем сохранилось несколько упоминаний в сочинениях Фичино. Гуманист подчеркивал, что организаторы этого пира имели в виду восстановить обычай, чтимый Платоном и древними платониками: «Платон, отец философов, – говорится в начале «Комментария на «Пир» Платона, о Любви», созданном по свежим впечатлениям от состоявшегося философского застолья, – умер во возрасте восьмидесяти одного года, в день своего рождения седьмого ноября, возлежа на пиру, после окончания трапезы. Такой же пир, в котором, соединяя, праздновали дни рож-

426 “Convivium laborum requies, remissio curarum, ingenii pabulum, amoris et magnificentiae argumentum, esca benevolentiae, amicitiae condimentum, fomentum gratiae, vitae solatium” (*Ficinus M. De sufficientia, fine, forma, materia, modo, condimento auctoritate convivii // Ep. lib. III. P. 739. 2*).

427 По-латыни “пир” передается словом “convivium”, которое может быть воспринято как производное от “convivo”. См., как объяснял это слово Цицерон (О старости. XIII. 45): “bene maiores nostri accubationem epularem amicorum, quia vitae coniunctionem haberet, convivium nominarunt, melius quam Graeci, qui hoc idem tum comotationem, tum concoenationem vocant...” («Встречу друзей, возлежащих за столом во время пиршества, предки наши удачно называли “жизнью вместе”, так как она, по их мнению, соединяет людей на всю жизнь; это лучше названий “общая попойка” или “общий обед, данных греками...». Перевод В.О Горенштейна: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. С. 19).

428 *Ficinus M. De sufficientia, fine, forma... P. 739. 2*.

429 “Convibatur apud se aut apud amicos frequenter quidem, sed modestissime, apud Medices praesertim, a quibus saepissime accipiebatur” (*Cursius J. Op. cit. XVII. P. 686*).

дения и отмечали дни годовщины смерти Платона, устраивали ежегодно древние платоники, вплоть до времени Плотина и Порфирия. Но после Порфирия в этих торжественных пирах наступил перерыв, продолжавшийся тысячу двести лет. Наконец, в наше время прославленный муж Лоренцо Медичи, пожелавший возобновить платоновские пиры, назначил главой их Франческо Бандини. Когда же Бандини решил праздновать день седьмого ноября, он с царской роскошью прии́нял в вилле Кареджи девять платоновских сотрапезников...»⁴³⁰. В написанном гораздо позже этого комментария послании к Якопо ди Поджо Браччолини (ок. 1475 г.) речь идет, правда, уже о двух чествованиях, по словам Фичино, «организованных теперешними платониками, в городе и за его пределами; в нашей книге «О любви» рассказано о том, которое произошло за городом, в имении Лоренцо Кареджи; в городе же Флоренции празднование с королевским размахом организовал Франческо Бандини, муж выдающегося ума и великолепия; здесь были ты, и Биндаччо Риказоли, и наш Джованни Кавальканти, и многие иные академики, а также я»⁴³¹. В другом послании еще более позднего времени уточняется, что Бандини в обо-

430 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. I. 1* // Op. om. P. 1320-1321. См. также изд. Р. Марселя (*Commentaire sur le Banquet de Platon. Ed par R. Marcel. Paris, 1955. P. 136*), П. Лорана (*Commentaire sur le Banquet de Platon, de l'Amour. Ed. Par P. Laurens. Paris, 2002. P. 5*) и итальянский перевод самого Фичино (*El libro dell'amore. A cura di S. Niccoli. Firenze. 1987. P. 5*). Русский перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка цит. по изд.: Эстетика Ренессанса. Составитель В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 144.

О том, каково наилучшее число сотрапезников, Фичино рассуждал в послании к Бембо, соглашаясь с Варроном, что их должно быть «не менее, чем три грации, и не более, чем девять муз...» (“*Qua in re Varronis illud probatur, ut neque pauciores sint quam tres gratiae, neque plures quam musae novem...*”). *Ficinus M. De sufficientia, fine, forma...* // Ep. lib. III. P. 739. 2). Соответствующие слова Варрона приведены у Авла Геллия: *Aulus Gellius. Noctes Atticae. XIII. 11. 2. Lipsiae, 1835. P. 288.*

431 “*Platonici veteres urbana Platonis natalitia quotannis instaurabant. Novi autem Platonici, Braccioline, et urbana et suburbana nostris temporibus celebrarunt. Suburbana quidem apud magnanimum Laurentium Medicem in agro Careggio, culta in libro nostro de amore narrantur. Urbana vero Florentiae sumptu regio celebravit Franciscus Bandinus, vir ingenio magnificentiaque excellens. Ubi tu et Bindaccius Ricasolanus et Ioannes Cavalcantes noster aliique Academici multi discubuerunt. Ego quoque interfui*” (*Ficinus M. Anime natura et officium. Laus historie* // Ep. Lib. I. P. 657. 2).

их этих празднованиях принадлежала основная роль: «... Счастливо живет сей мой Бандини, который некогда по-королевски и из своих средств чествовал божественного Платона во Флоренции; и он был первым вне пределов города, когда такой же пир был задан у наших славнейших Медичи»⁴³².

Первое из упомянутых писем свидетельствует, что до пира среди приглашенных развернулась дискуссия о природе души, ибо «для человека нет ничего важнее, нежели исследовать, что такое душа, и это же предписывает оракул Аполлона в Дельфах – «познай самого себя»...»⁴³³. Затем, уже на самом пиру, его участники будто бы стали комментировать одну за другой речи платоновского диалога «Пир», избранного для обсуждения не случайно, ибо он более всего подходил в качестве парадигмы для организованного флорентийскими платониками – несомненно по предложению Фичино – действия. Несомненно также, что гуманист, как уже не раз отмечалось в историографии, в «Комментарии на «Пир»...» дал собственное толкование платоновского диалога, выраженное в речах всех участников пиршества 7 ноября 1468 г.⁴³⁴.

Неизвестно, продолжал ли Фичино с единомышленниками в последующие годы отмечать эту дату. Если и продолжал, то уж во всяком случае не так торжественно, как в 1468 г., иначе невозможно

432 “...feliciter vivit Bandinus ille meus, qui divi Platonis natalia quondam Florentiae suis sumptibus et apparatus regio celebravit in urbe, atque etiam extra urbem, dum convivium idem apud clarissimos Medices nostros instauraretur, primus interfuit” (*Ficinus M. Prooemium Marsilii Ficini in opusculum eius de vita Platonis // Ep. lib. IV. P. 782. 2*). О том, что первоначально Лоренцо Медичи не был представлен Фичино не только как возобновитель угасшей традиции, но даже в качестве участника пира, см.: *Gentile S. Per la storia del “Commentarium in Convivium” di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1981. Seconda serie. Vol. XXI (P. 3-27). P. 10-17*. Все подобные “разночтения” в первоисточниках побуждают некоторых современных историков усомниться в том, что описанный Фичино пир вообще имел место. См.: *Kraye J. Lorenzo and the philosophers // Lorenzo the Magnificent. Culture and politics. London, 1996 (P. 152-166). P. 165-166* (здесь же см. библиографию на указанную тему).

433 «... tibi libenter recensebo, quod ante epulas de anime natura conclusimus. Nihil enim magis ad hominem pertinet quam quae de anima disputantur; sic et Delphicum preceptum illud impletur “nosce te ipsum”...» (*Ficinus M. Anime natura et officium. Laus historie // Ep. lib. I. P. 657. 2*).

434 См.: *Della Torre A. Op. cit. P. 604; Marcel R. Op. cit. P. 337*.

объяснить в дальнейшем полное молчание документов о пирах флорентийских платоников, приуроченных ко дню, как считалось, рождения и смерти Платона – 7 ноября.

Вместе с тем обычай устраивать философские застолья поминальным днем Платона не ограничивался. В шестой книге «Платоновского богословия» Джованни Кавальканти напоминал Фичино о пире, устроенном в 1480 г. у Бернардо Бембо, посла Венецианской республики, участники которого – а в их число входили также Антонио Кронико из Венеции и Деметрий Аттик, охарактеризованные как «острые полемисты», «прославленные перипатетики», Риккардо Анджеллеро д'Англиари и Оливьеро Ардуини из Флоренции, «три друга и ученейшие мужа» Нальдо Нальди, Бартоломео Фонцио и Джованни Баттиста Бонинсеня, а кроме того Пьер Леоне из Сполето, «блестяще соединивший доводы платоников и перипатетиков» – были заняты обсуждением вопроса о бессмертии души⁴³⁵. О пире, устроенном в 1489 г. Лоренцо Медичи вместе с диспутом на тему первородного греха, с участием Фичино, Джованни Пико, Анджело Полициано и других ученых мужей упоминал трансильванский доминиканец Николай де Мирабилибус, давший описание этих богословских прений⁴³⁶.

Философские обсуждения, организованные как пиры, стали одной из форм деятельности сообщества флорентийских платони-

435 “Id vero non mihi solum videtur sed etiam superioribus diebus apud Bernardum Bembum tuum, clarissimum equitem atque hoc tempore Veneti senatus oratorem, convivio discumberemus, meministi, ut arbitror, idem Antonio Chronico Veneto ac Demetrio Attico disputatoribus argutissimis visum fuisse, mox etiam a Richardo Angellerio Anglariensi et ab Oliviero Arduino Florentino insignibus Peripateticis similiter esse conclusum ubi affuerunt tres amici, Naldus Naldius, Bartholomaeus Fontius, Ioannes Baptista Boninsegnius, viri doctissimi. Eadem esse sententiam nostri Petri Leonis Spoletini qui Platonica Peripateticis praeclarissime iunxit” (*Ficinus M. Theologia Platonica. VI. 1. P. 156*).

А. Делла Торре приурочивал упомянутый в письме пир у Бембо к первой дипломатической миссии венецианского дипломата во Флоренцию – 1475 г. (*Della Torre A. La prima ambasceria di Bernardo Bembo. P. 288 и след.*). П.О. Кристеллер, вслед за А. Гаспаро, более убедительно датирует застолье у Бембо его вторым визитом во Флоренцию, то есть 1480 г. См.: *Gaspari A. Geschichte der italienischen Literatur. Berlin, 1888. Bd. II. S. 659; Kristeller P.O. Introductio. P. LXXX-LXXXI.*

436 Автор характеризует Лоренцо как “principem et auctorem tam convivii quam disputationis nostrae” (*Nicolaus de Mirabilibus. Op. cit. P. 353*).

ков⁴³⁷; и хотя число подобных мероприятий было скорее всего весьма ограничено, тем не менее их примеру подражали научные и художественные ассоциации последующих веков, а их название на греческом – *συμπόσιον*, *symposion* (так именуется и платоновский «Пир») – широко вошло в современный обиход науки для обозначения определенного типа ученых форумов.

в. Лекции и проповеди

Фичино ни в коем случае не имел в виду добытое и возрождаемое им богомудрие древних, предвосхищающее, по его убеждению, христианство и способное, поэтому, направить людей на путь спасения, таить и делать достоянием лишь немногих избранных. Совсем наоборот, к своим изысканиям он стремился приобщить самый широкий круг современников. С этой целью он выступал с открытыми лекциями и проповедями. Корси связывает начало Фичиновых публичных выступлений с инициативой Пьеро Медичи, который, будучи наставлен гуманистом платоническому знанию, «так сильно был впечатлен этим, что побуждал Марсилию издавать переводы Платона и их принародно толковать и объяснять, дабы его граждане были также просвещены новым светом столь возвышенного учения и великой философии»; по утверждению Фичинова биографа, именно «в это время Марсилиус при большом стечении слушателей публично толковал «Филеб» Платона»⁴³⁸.

Р. Марсель вполне обоснованно считает, что Пьеро Медичи мог быть участником беседований Фичино о «Филебе», однако

437 Подобные застольные собрания были одной из форм деятельности Платоновской академии, но далеко не единственной; ср. точку зрения И. Пузино, который полагает, что «философские беседы о красоте, любви, счастья» «за чашей вина, изысканным ужином» «и являлись «академией», которую Фичино постоянно прославлял в своих письмах» (Пузино И. Указ. Соч. С. 87).

438 «... iis mirum in modum affectus Petrus Marsilium compulit ad publicandas in Platonem traductiones easque publice interpretandas atque praecipendas, quo tam sublimis doctrinae tantaque philosophiae novo splendore sui quoque cives illustrarentur... Publice itaque eo tempore Marsilius magna auditorum frequentia Platonis “Philebum” interpretatus est...» (*Cursius J. Op. cit. VII. P. 683*).

маловероятно, чтобы он, попечитель Флорентийского университета, стал вне его стен устраивать публичные лекции, которые могли нанести урон этому заведению. Скорее всего, по весьма правдоподобной догадке французского историка, друга и благодетеля Фичино, с которыми он наверняка обсуждал тему высшего блага, разрабатываемую в «Филебе», должны были выступить организаторами публичных чтений, посвященных этому диалогу Платона⁴³⁹. В ватиканской рукописи «Комментария на «Филеб» Платона о высшем благе» во введении к этому труду сохранилась открытая ссылка гуманиста на настоящие «лучших граждан» как на причину того, что он согласился излагать «философию божественного Платона»; в заключительной части введения, которое, вероятнее всего, являлось конспектом вступительной лекции, содержится прямое обращение к аудитории: «Я очень признателен вам, наиславнейшие мужи, кои удостоили сию мою речь своим присутствием...»⁴⁴⁰.

Эти лекции с объяснениями Платонова «Филеба» были, по видимому, первыми публичными выступлениями гуманиста уже в качестве поддержанного общественным признанием главы платоновской школы. Состоялись они, как считает Р. Марсель, в 1465 или в самом начале 1466 г.; правда, М. Аллен и Ч. Вазоли датируют первую редакцию «Комментария на «Филеб» Платона...», положенного в основу его прилюдных толкований гуманистом, второй половиной 1469 г.⁴⁴¹. Как бы

439 Marcel R. Op. cit. P. 307, 322-323. А. Филд, правда, настаивает на том, что эти публичные лекции читались Фичино как университетский курс, ставший, если верить американскому историку, первым в Европе, в основу которого были положены тексты не Аристотеля, а Платона: *Field A. The Platonic Academy of Florence // MFTPL (P. 359-376). P. 360-363.*

440 “Cum optimis civibus placuerit, ut celebri hoc in loco sacram divi Platonis philosophiam, opere pretium fore censui... – и в заключении. – Vobis autem viri praestantissimi qui meam hanc orationem vestra praestantia honestare dignati estis, ingentes gratias habeo” (цит. по: *Marcel R. Op. cit. P. 307 N 3; см.: Ficino M. The “Philebus” Commentary. Ed. By M.J.B. Allen. P. 8, 522*). По предположению Р. Марселя (*Ibid. 322*), этими “лучшими гражданами”, упросившими Фичино выступить с публичными лекциями о “Филебе”, должны были быть хотя бы частично лица, изображенные как участники ученых прений в “Камальдоленских беседах” Ландино (см. выше С. 148).

441 *Marcel R. Op. cit. P. 322, 350; Allen M.J.B. Introduction // Ficino M. The “Philebus” Commentary. P. 48-56; Vasoli C. Marsilio Ficino // DBI. 1997. Vol. 47 (P. 378-395). P. 384.*

то ни было, начало этих лекций приходится на годы правления Пьеро. Местом платоновских чтений Фичино была церковь камальдуленского монастыря Санта Мария дельи Анджели или же примыкающая к нему Ротонда (Rotunda), возведенная (но так и не завершенная) Брунеллески в 1434-1437 гг.⁴⁴².

В определенном смысле эти и дальнейшие Фичиновы лекции можно рассматривать как академические собрания в расширенном (открытом всем желающим) составе. В самом деле комментирование «Филеба» в церкви последовало за беседами о нем с «лучшими гражданами», которые и настояли на их публичном характере. Так же, по-видимому, обстояло дело и с «Комментарием на «Пир» Платона...»: известное философское застолье, якобы, изображенное в нем, случилось в ноябре 1468 г., а в письме к Аламанно Донати, датированном ок. 1480 г., Фичино упоминает о недавнем (nuper) изложении, или публичном чтении, этого своего произведения⁴⁴³. Тем же порядком Фичино, если верить его первому биографу, приступил к предназначенным широкой аудитории толкованиям своего трактата «Платоновское богословие», о котором прежде, в течение почти трех лет, он беседовал только с друзьями; и эти его лекции посещал Пико делла Мирандола и первые по знатности люди города⁴⁴⁴.

Больше известий сохранилось о прилюдных толкованиях Фичино, посвященных только что переведенным «Эннеадам» Плотина. Начаться они должны были в первые месяцы 1486 г.; вместе с ними, как видно, рождался текст «Комментариев на «Эннеады» Плотина», введение к которым имеет заглавие «Увещевание Мар-

442 Marcel R. Op. cit. P. 309-310; Allen M.J.B. Introduction // Ficino M. The "Philebus" Commentary. P. 8, 522-523 N 31; Lackner D.F. Op. cit. P. 31-32. О Ротонде Брунеллески см.: Argan G.C. Brunelleschi. Milano, 1955. P. 131; Waddy P. Brunelleschi's design for S. Maria degli Angeli in Florence // Marsyas. 1972. N 15. P. 36-46; Данилова И.Е. Брунеллески и Флоренция. Творческая личность в контексте ренессансной культуры. М., 1991. С. 130-132.

443 "Siquidem in exponendis nuper commentariis nostris in ipsum Platonis convivium de amore compositis..." (Ficinus M. Qualis est amor talis amicitia // Ep. lib. II. P. 716. 2).

444 "...Platonis Theologiam, quam mox amicorum plerisque toto fere triennio domi interpretatus est, et post etiam publice, Pico Mirandula et primis ex nobilitate audientibus" (Cursius J. Op. cit. X. P. 684).

силія Фичино Флорентийца к слушателям лекций, посвященных Плотину, а равно и к читателям» и открывается словами: «В начале всех вас, пришедших сюда внимать божественному Плотину я предупреждаю...»⁴⁴⁵. В конце 1487 г. в письме к Джованни Пико дела Мирандола Фичино среди прочего упоминал о том, что «был целиком погруженным в чтение публичных лекций»⁴⁴⁶. В них он излагал, опираясь на комментарии к «Эннеадам» Плотина, учение Платона. Введением к курсу, читаемому Фичино, являлась, по-видимому, «Речь к началу лекций», помещенная среди «Эпистол» гуманиста. В ее зачине обращение к Богу с парафразами из Псалмов «Молю, помоги нам, милостивый Боже, буду возвещать имя Твое братьям моим, посреди собрания восхвалять тебя [Пс. XXI. 23], пред Ангелами пою тебе [Пс. CXXXVIII. 1]. Возлюбленнейшие братья, те, кто в избытке получал от Бога испрашиваемые плоды, имел обыкновение Ему воздавать первинки (*primitias*). Пифагорейцы, коим подражали наши платоники, чтобы отблагодарить Бога за мудрость, ими испрошенную и божественным путем полученную, созерцали в храмах божественные тайны философии и наставляли им. Мы, по мере наших сил сохраняющие наследие древних мудрецов, исследуем религиозную философию нашего Платона (*religiosam Platonis nostri Philosophiam*) в этой церкви. В этом обиталище Ангелов будем созерцать божественную истину...»⁴⁴⁷. Речь имеет подзаголовок «О священной философии Платона должно читать в священных местах (*Philosophia platonica tamquam sacra legenda est in sacris*)». В тексте речи есть прозрачные указания на то, в какой именно церкви Фичино выступал с лекциями: слова «в присутствии Ангелов» и «в этом

445 “Principio vos omnes admoneo qui divinum audituri Plotinum huc acceditis” (*Ficinus M. Exhortatio ad auditores in lectionem Plotini et similiter ad legentes* // Op. om. P. 1548. См. в этой связи: Пузино И. Религиозные искания в эпоху Возрождения. С. 73-74; *Kristeller P.O. Introductio*. P. CXXVI; *Saffrey H.D. Florence 1492: the reappearance of Plotinus* // RQ. 1996. Vol. XLIX. N 3 (P. 488-508). P. 495-496.

446 “Robertus Salviatus noster nunciat mihi dum publicae lectioni ardentem incumberem, te sospitem pervenisse Bononiam” (*Ficinus M. Juppiter et Venus, Martem domant* // Ep. lib. VIII. P. 886. 4).

447 *Ficinus M. Oratio in principio lectionis* // Ep. lib. VIII. P. 886. 2. См. также: Пузино И. Религиозные искания в эпоху Возрождения. С. 117-119; *Della Torre A. Storia dell'Accademia platonica...* P. 618-620.

обиталище Ангелов» можно отнести к церкви монастыря Санта Мария дельи Анджели, расположенной, кстати заметить, неподалеку от дворца Медичи⁴⁴⁸.

Скорее всего именно об этих Фичиновых лекциях, посвященных Платону, вспоминал в начале XVI в. камальдуленский монах Павел Орландини, уподобляя их «ежедневному хлебу», который получала братия его обители⁴⁴⁹. В совершенно другом тоне, похоже, о них же свидетельствовал Петр Дольфин, генерал ордена камальдулов, в письме от 7 декабря 1487 г. настоятелю монастыря Санта Мария дельи Анджели Гвидону Лоренци: «Слышал я уже давно, что учнейшие мужи, сведущие в различных дисциплинах, публично преподают в монастыре Ангелов..., – и далее он раздраженно выговаривал. – Итак, войдя туда, я был весьма удивлен тем, что скамьи в доме Божьем заполнены светским собранием, молельня превращена в гимнасий, место у алтаря, предназначенное священнику во время торжественных отправлений святейшей мессы, отдано философу [Фичино – О.К.], наконец, помещение, отведенное для молитв и пения псалмов, сделано школой и аудиторией для мирян»⁴⁵⁰.

Однако, несмотря на подобные настроения руководства ордена камальдулов, Фичино продолжал свои публичные выступления и дальше. Впрочем, их характер, предмет и направленность теперь уже вполне гармонировали с учреждением, в котором они проходили. Из книги записей Флорентийского собора, каноником коего был Фичино, известно, что в декабре 1488 г. гуманист ежедневно проповедовал в той же самой церкви монастыря Санта Мария дельи Анджели⁴⁵¹;

448 См. об этом: *Marcel R. Op. cit. P. 309-310; Allen M.J.B. Introduction // Ficino M. The "Philebus" Commentary. P. 8-9; Lackner D.F. Op. cit. P. 31-32.*

449 "De Reverendi praeceptoris nostri, Marsilii scilicet Ficini mandato, nudius tertius mihi indicto, id instituti servabimus, ut in singulis quaestionibus Platonem suum citemus, ac si cotidianum panem pro omni lectione assumendum in isto contubernio. Neque id iniuria. Nostis enim venerandi fratres, praeceptorem iam dictum affici quam plurimum Platoni, quae ipse e greco latinum fecit: denique tenebris ad lucem, atque ab inferis ad superos ferme revocavit" (*Orlandini P. Eptathicum. Fol. 140. Цит по: Lackner D.F. Op. cit. P. 35 N 62.*)

450 *Delphinus P. Epistolae. I. Ep. 74. Venetiis, 1524. См. также этот текст: SF. Vol. II. P. 233-234. См. в этой связи: Kristeller P.O. Lay religious traditions and Florentine Platonism. P. 111 N 45; Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Vol. I. P. 348.*

451 См.: *Picotti G.B. Anedotti Polizianeschi // Miscellanea di studi in onore di Pio Carlo Faletti. Modena, 1914. P. 433-449; Lackner D.F. Op. cit. P. 31-32.*

о тематике его выступлений позволяет судить сохранившаяся «Речь о милосердии», произнесенная перед народом в коллегии флорентийских каноников⁴⁵², а также сообщение Корси о том, что ко времени получения гуманистом канониката (март 1488 г.) относится «публичное чтение [им] божественных Евангелий при большом стечении народа и великой благодарности всех»⁴⁵³.

Последние прилюдные лекции, собиравшие, по утверждению Корси, много народа, были посвящены изложению посланий ап. Павла, работу над комментариями к ним гуманисту помешала завершить смерть⁴⁵⁴. Скорее всего именно эти комментарии и были публично оглашены Фичино; в их тексте то и дело встречаются обращения к аудитории, подтверждающие, что они служили гуманисту своего рода конспектом его выступлений⁴⁵⁵.

По ряду признаков публичные лекции Фичино можно отнести к жанру проповедей. Читал он их с церковной кафедры, прибегая к приемам, характерным для проповедников (например, воззвания к Богу с мольбой о помощи) и, по крайней мере с 1473 г., имея сан священнослужителя; предметом их в ряде случаев были произведения Священного Писания – Евангелия, Послания ап. Павла; но даже тогда, когда гуманист трактовал учения языческих мудрецов, он имел в виду, в конечном счете, доказать слушателям истинность христианской веры и наставить их на путь, ведущий ко спасению души. Носителями «благой вести» в его лекциях выступали не только библейские тексты, но и произведения древних авторов, просвещенных, как он считал, божественной истиной.

Как и в беседах в узком кругу близких людей, в публичных курсах, рассчитанных на самую широкую аудиторию, Фичино популяри-

452 *Ficinus M. Oratio... de charitate habita in collegio canonicorum Florentinorum ad populum* // Ep. lib. VIII. P. 881-882.

453 “Tunc divina Evangelia frequenti populo ac ingenti omnium gratia publice enarravit” (*Cursius J. Op. cit. XI. P. 684*).

454 “Nec minus etiam hoc quoque temporis [Речь идет о времени публикации Фичиновых комментариев к “Пармениду”, “Тимею”, “Теэтету”, “Филебу”, “Федру” и “Софисту”, то есть о 1496 г. – О.К.] Divi Pauli epistolas in magna frequentia publice exposuit, in quas et commentaria aggressus, morte interea praeventus, reliquit imperfecta” (*Cursius J. Op. cit. XIV. P. 685*).

455 *Ficinus M. In Epistolas D. Pauli Prooemium* // Op. om. P. 425. См. в этой связи: *Kristeller P.O. Lay religious traditions and Florentine Platonism. P. 116.*

зировав свои труды. Хронология его открытых лекций показывает, что они, как правило, совпадали с основными, этапными его работами, которые, таким образом, еще на ступени их подготовки к печати становились, пусть в устной форме, доступными всем, кто проявлял к ним интерес. Благодаря, в частности, этому идейные искания Платоновской академии быстро усваивались общественным сознанием эпохи, образуя одно из важнейших направлений его развития.

г. Риторические упражнения

В особый вид деятельности возглавляемого Фичино кружка можно выделить риторические упражнения, или произнесение по правилам ораторского искусства речей на заранее установленную тему. Этим флорентийская Платоновская академия, конечно же, напоминала древнегреческие гимнасии и римские риторические школы; и все же гораздо ближе она к современным ей религиозным братствам мирян, а также к академическим сообществам XVI-XVII вв., в которых широко практиковалось выступление с речами не столько в образовательных целях, сколько для обсуждения актуальных проблем морали, религии, философии, политики, литературы и науки.

Сохранилось всего лишь одно описание собрания Фичинова кружка, посвященного заслушиванию речей, и принадлежит оно Бенедетто Колюччи, учителю грамматики, давнему, еще школьному другу главы флорентийских платоников. В сочинении «Упражнения в красноречии» (*Declamationes*), которые датируют 1474 г.⁴⁵⁶, Колюччи рассказывает о будто бы состоявшемся на Рождественские праздники 1473 г. трехдневном заседании под руководством Фичино группы гуманистов, на котором было заслушано пять выступлений с призывами к государям Италии соединиться для борьбы с Мехмедом II, османским султаном. Разумеется, «Упражнения в красноречии» – не протокольная запись мероприятия, о коем в ней повествуется; это, прежде всего, авторский текст самого Колюччи, однако нет осно-

⁴⁵⁶ Della Torre A. *Storia dell'Accademia platonica...* P. 706-712, 805-808; Marcel R. *Op. cit.* P. 395. О Колюччи см. подробнее: Chiti A. *Alcune notizie su Benedetto Colucci // Bulletino storico pistoiese.* 1900. Vol. II. P. 81-98; Frugoni A. *L'umanista Benedetto Colucci da Pistoia // Momenti della Rinascità e della Riforma cattolica.* Pisa, 1943. P. 37-48; Ristori R. *Colucci // DBI.* Vol. 27. P. 494-498.

ваний считать, что его содержание целиком вымышлено⁴⁵⁷; скорее всего, Колюччи, дав собственную трактовку и используя свои уже готовые материалы, описал реально имевшее место событие, свидетелем коего он, по-видимому, был. Согласно Р. Марселю, правда, событие это должно было произойти не в 1473 г., а в 1472 г., когда проблема организации крестового похода против турок-османов стояла гораздо острее, его инициатором выступил папский Рим, его активно пропагандировал кардинал Виссарион⁴⁵⁸. Как бы то ни было, по словам Колюччи, в день Рождества Христова в «гимнасии» Фичино сошлись славные красноречием Нальдо Нальди и Алессандро Браччези и близкие к Медичи Никколò Микелоцци и Анджело Полициано; все они – друзья Фичино, организатора и руководителя (*principes*) этого мероприятия, «наивторитетнейшего философа» (*philosophus gravissimus*), вместе с ним они составили ту ученую аудиторию, перед которой надлежало выступить «пятерым прекрасным молодым людям, представителям знати этого города, – Паоло Антонио Содерини, Джованни Кавальканти, Биндаччо Риказоли, Франческо Берлингьери-младшему и нашему Карло Марсуппини»⁴⁵⁹. Тема выступлений была установлена Фичино заранее, за пятнадцать дней до назначенного дня. Жребий определил в первый день держать речь Джованни Кавальканти с обращением к папе, во второй – Биндаччо Риказоли и Паоло Антонио Содерини адресоваться соответственно королю Неаполя и сенату Венецианской республики, в третий – Франческо Берлингьери и Карло Марсуппини выступить с призывом

457 Политическая проблематика не была исключена из сферы интересов Фичинова кружка. У самого гуманиста в его “Эпистолах” имеется сочиненьице, тема которого точно соответствует тому, чему посвящены “*Declamationes*” Колюччи: *Ficinus M. Exhortatio ad bellum contra Barbaros* // *Ep. Lib. III. P. 721-722* (написано в 1480 г.).

458 *Marcel R. Op. cit. P. 396.*

459 “...*Foelicissimo namque die, quo immortalis regum Regis natalitia celebrantur, cum Marsilio principe nostro in gymnasio suo convenerant Naldus ac Alexander Braccius duo eloquentissimi viri, Nicolaus Michelotius et Angelus Politianus, foelices contubernales tui [то есть Джулиано Медичи]; eos adiere quinque praestantes ex nobilitate huius civitatis iuvenes: Paulus Antonius videlicet Soderinus, Joannes Cavalcantes, Bindaccius Ricasolanus, Franciscus Berlingherius iuniior et noster Carolus Marsupinus*” (*Colucci B. Declamationum liber* // *Scritti inediti di Benedetto Colucci da Pistoia. A cura di A. Frugoni. Firenze, 1939 (P. 1-47). P. 3).*

к герцогу Милана и к флорентийской синьории⁴⁶⁰. Чтобы слушания не были монотонны, стремясь во-время дать отдохнуть их участникам, Фичино брал лиру и декламировал под ее аккомпанимент стихи из «Энеиды»⁴⁶¹; а в конце первого дня тем, кому не предстояло держать речь, он предложил показать свое красноречие превознесением достоинств Лоренцо Медичи и первым выступил на сей предмет сам⁴⁶². Завершая заседания на третий день, Фичино произнес похвальное слово отсутствовавшим на них известным гуманистам Флоренции Донато Аччайуоли, Марко Паренти, Франческо Ринуччини, Бартоломео Скала, Кристофоро Ландино и предложил Колюччи запечатлеть все сказанное в течение этих дней в специальном сочинении, посвятив его Джулиано Медичи⁴⁶³.

Составленную им работу Колюччи действительно преподнес Джулиано Медичи; Фичино, ознакомившись с ней, в свою очередь, рекомендовал ее – вместе с поэмой Нальдо Нальди – Джулиано и Лоренцо Медичи как достойную чрезвычайного (*supra modum*) одобрения⁴⁶⁴. По мнению Дж. Ханкинса, произведение Колюччи дает единственное «живое описание деятельности группы, идентифицируемой как Фичинова академия», позволяя заключить, что эта академия – ни больше ни меньше, как частная школа, «гимназия», дававшая молодым людям, ее посещавшим, риторическую подготовку⁴⁶⁵. Согласиться с американским историком мешает то, что изображенное Колюччи заседание мало похоже на рутинные школьные занятия, которые обязательно должны быть регулярными и иметь постоянный состав: перед нами собрание по случаю, для разработки заранее поставленной темы, политически очень актуальной – борьба с нависшей над Италией и Европой османской угрозой; в этом собрании нет строгого разграничения ролей, и в итоге с речами, пусть и на иную тему, выступают другие его участники, включая Фичино, его руководителя,

460 *Ibid.*

461 *Ibid.* P. 15, 47.

462 *Ibid.* P. 15-19.

463 “*Tu vero, Benedicte Pistoriensis, si quid apud te Marsilium posse censes, quae tribus his diebus dicta sunt colligas (non enim difficile memoriae tuae), et opusculum conficias; illudque cuivis, praeterquam Juliano Medici, dedicandum cures*” (*Ibid.* P. 47).

464 *Ficinus M. Laus opificis non a verbis, sed a opere // Ep. lib. I. P. 618. 3.*

465 *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 445-446, 458.*

который, кроме того, развлекает гостей игрой на лире, что, как известно, он имел обыкновение делать и во время разного рода встреч со своими друзьями и покровителями⁴⁶⁶; наконец, ничто не позволяет заключить о стабильном контингенте молодых людей, посещавших подобные занятия, как и о том, что риторические упражнения под присмотром Фичино имели постоянный характер⁴⁶⁷. Мы можем лишь с некоторой уверенностью предполагать, что выступления с речами в возглавляемом Фичино вольном товариществе не ограничились лишь теми, кои передал Колюччи, что должны были быть и другие, подобные описанному этим гуманистом заседания, и на одном из них скорее всего и был прочитан сохранившийся среди «Эпистол» Фичино «Призыв к войне против варваров»⁴⁶⁸.

Опираясь на результаты проделанного П.О. Кристеллером исследования, теперь можно привести другие свидетельства выступлений Фичино с речами в кругу единомышленников, близкими, как полагает американский историк, по своей тематике и характеру проповедей, которые были приняты в религиозных братствах мирян⁴⁶⁹. «Как-то в собрании друзей у нас родилась речь на тему морали, – писал Фичино кардиналу Рафаэлю Риарио и Франческо Сальвиати, – ... Я видел, как некоторые из слушавших, пока я рассуждал о моих глупостях, открыто смеялись и одновременно оплакивали собственное бедственное положение, когда говорилось о нем»⁴⁷⁰. Похоже, именно эта речь была включена гуманистом в пятую книгу

466 О магиико-астрологическом содержании орфических песнопений Фичино см.: Walker D.P. *Le chant orphique de Marsile Ficin // Musique et poésie au XVI-e siècle*. Paris, 1954 (P. 17-33). P. 17-23; *Idem*. *Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella*. London, 1958. P. 19-23; Йейтс Фр.А. *Джордано Бруно и герметическая традиция*. М., 2000. С. 74-75.

467 Ср. наблюдения А. Филда, который тоже отмечает “экстраординарный” характер описанного Колюччи собрания и ни в коей мере не считает его подлинным образом того, что принято именовать “Платоновской академией”: Field A. *The Platonic Academy of Florence*. P. 165.

468 См. выше (С. 166. Примеч. 457).

469 Kristeller P.O. *Lay religious traditions and Florentine Platonism*. P. 116-120.

470 “Orta nobis est nuper in ipso familiarum cetu moralis declamatio quedam... Vidi equidem nonnullos audientium dum declararem ineptias quidem meas aperte ridentes ac simul propriam de qua verba tunc agebantur miseriam lacrimantes” (*Ficinus M. Epistola ad Raphaelem Riarium Cardinalem et Franciscum Salviatum // SF. Vol. II. P. 48*).

его «Эпистол» под заглавием «Нет в бедствиях иного убежища кроме высшего блага»; адресованное друзьям (*familiaribus suis*), это произведение содержит жалобы на тяготы человеческого существования и характерные для устного обращения призывы искать спасение в высшем благе, то есть в Боге⁴⁷¹. По тематике с ним сходятся три письма из первой книги, озаглавленные «Глупость и ничтожество людей» (*Stultitia et miseria hominum*); причем первые два, направленные нескольким лицам каждое, своим построением и особенно содержащимися ближе к их концу призывами, вроде «Молю, друзья, чтобы мы возревновали о том,...» (*Queramus, amici, obsecro, hes...*), или «Вознесемся же к вершинам умного созерцания, презрев низменную телесную пыль» (*Ascendamus in altam mentis speculam infimo corporis pulvere derelicto*)⁴⁷², свидетельствуют, что создавались они скорее всего для публичного прочтения.

Показательно, что эти три письма вместе с некоторыми другими были выбраны Фичино из его переписки, переведены на родной язык и в качестве «Нравственных проповедей о глупости и ничтожестве людей» (*Sermoni morali della stultitia et miseria degli uomini*) преподнесены в 1478 г. Якопо Гвиччардини. Вся подборка состоит из двенадцати произведений риторическо-назидательного характера, каждое из которых могло быть оглашено (что, по-видимому, и делалось) в собрании близких людей. Среди них есть одна небольшая великопостная речь (*quadragesimalis declamatiuncula*), составленная – по-видимому, как дополнение к великопостным проповедям священников – из двух писем «Эпистол», в которой гуманист взывал к друзьям бежать от ничтожества этой жизни, дабы стяжать высшее благо⁴⁷³.

471 “... si Deus est ipsum bonum, ipsa lux boni, ipse boni lucentis amor, amemus, o amici, amemus obsecro, ante alia bonum lucidum lucemque benigna... Agite, amici, maneamus in eo, quod recedit nusquam, et permanebimus” (*Ficinus M. Nullum in malis refugium est, nisi ad summum bonum // Ep. lib. V. P. 785*).

472 *Ep. lib. I. P. 636-638*.

473 По предположению П.О.Кристеллера (*Kristeller P.O. Lay religious traditions and Florentine Platonism. P. 117 и сн. 79*), в тексте этой речи Фичино использовал свое послание к Лоренцо Медичи “*Animus mortalibus non impletur quoniam aeterna requirit*” (*Ep. lib. III. P. 749. 2*), содержание которого гуманист прямо относит к великопостным проповедям (“*Si tibi nunc quadragesimalem declamatiunculam quondam recitavero, Laurenti...*”), а также послание к Нези “*Quod animus immortalis sit. Atque cur cum sit divinus saepe tamen agit bestiae similem*” (*Ep. lib. IV. P. 774-776*).

Близкие ей по морализаторской направленности краткие речи, передающие содержание выступлений Фичино среди его приверженцев, как видно, были обработаны гуманистом в качестве писем и направлены разным адресатам – не только конкретным лицам⁴⁷⁴, но и человечеству, философам и софистам, друзьям и даже себе самому⁴⁷⁵. В основном по этим письмам сейчас возможно восстановить тематику и стилистику риторических упражнений Платоновской академии.

474 См. соответствующие упоминания о “небольших выступлениях” в письмах Фичино к Джулиано Медичи (“*declamatiuncula quaedam... quadragesimalis his forsitan diebus accomodata*”. См.: *Ficinus M. Si perspicue cerneremus, quam turpis, et quam aeger sit, pravus animus non peccaremus* // Ep. lib. III. P. 747. 2), Бернардо Каппони (“*Composui declamatiunculam quondam ad genus humanum de vitae institutione breviter disputantem... Transcripsi tibi illius exemplar, lege feliciter*”. См.: *Ficinus M. Felix est, qui vere gaudet...* // Ep. lib. V. P. 806. 5), Филиппо Кардуччи (“*Declamatiunculam nostram qua ad pietatem charitatemque amicos diebus superioribus cohortabor*”. См.: *Ficinus M. Charitas potius quam scientia transfert ad Deum*. Ep. Lib. VII. P. 862. 3), а в послании к кардиналу Иоанну Арагонскому гуманист вел речь о трех подготовленных им выступлениях на темы морали: «*Scripsi tres superioribus diebus declamationes... Platonicas potius quam Tullianas, quibus familiares meos à vitiis deterrerem, ad virtutem pro viribus cohortarer*” (*Ficinus M. Cognosce alias ut te cognoscas...* // Ep. lib. VI. P. 812. 4). По мнению П.О. Кристеллера (*Kristeller P.O. Lay religious traditions and Florentine Platonism*. P. 118 Сн. 82), Фичино имел в виду следующие три текста, сохранившиеся в качестве писем среди его “Эпистол”: один, посланный Лоренцо Медичи, озаглавлен «*Pura neque impure queas, neque postquam inveneris, impuris communia facias*” (Ep. lib. IV. P. 755-756), другой, адресованный Лоренцо Медичи и Бернардо Бембо, “своим друзьям”, - “*Pictura pulchri corporis et pulchrae animae*” (Ep. lib. V. P. 807. 1), третий, направленный опять же “своим друзьям” – “*Nullum in malis refugium est, nisi ad summum bonum*” (Ep. lib. V. P. 784-785).

475 1. “*Dilige omnes, elige et ama unicum. Soli confide Deo*”. Marsilius Ficinus homini (Ep. lib. III. 735. 3); 2. “*Omnia mundi bona illi mala sunt, qui immundus vivit in mundo*”. Marsilius Ficinus hominum generi (Ep. lib. III. P. 738. 1); 3. “*Nihil turpius illo, apud quem praeter animum pulchra sunt omnia*”. Marsilius Ficinus hominum generi // Ep. lib. III. P. 747. 3; 4. “*Frustra nimium in rebus his, quae sibimet nequaquam sufficiunt, nostram sufficientiam affectamus*”. Marsilius Ficinus hominum generi (Ep. lib. IV. P. 772. 3); 5. “*Praestat malam valetudinem bene ferre, quam male bonam*”. Marsilius Ficinus Amicis suis (Ep. lib. IV. P. 761. 1); 6. “*Nullum incontinens potest sapiens esse*”. Marsilius Ficinus Philosophis et Sophistis (Ep. lib. V. P. 786. 1); 7. “*Benefacta male locata, malefacta arbitror*”. Marsilius Ficinus Marsilio Ficino (Ep. lib. III. P. 735. 4);

д. Переписка

Круг лиц, которых можно отнести к участникам Платоновской академии, был связан с ее главой, Марсилием Фичино, не только совместными учеными мероприятиями – обсуждениями, чтениями, лекциями, риторическими упражнениями, но и перепиской, игравшей огромную роль в популяризации, прежде всего среди единомышленников, затем и более широко – в образованных слоях Италии и Европы, философско-богословских начинаний и разработок флорентийского гуманиста. Его письма, по точному наблюдению С. Джентиле, были своего рода информационными сообщениями о трудах, в тот или иной момент им проводимых; он постоянно ставил в известность своих друзей, чем занят, насколько продвинулся выполняемый им перевод или комментарий, когда завершено очередное его сочинение. В эпистолах Фичино можно обнаружить цитаты из переводимых авторов (иногда отличные от окончательного, опубликованного впоследствии их варианта) парафразы и резюме текстов, с которыми он работал⁴⁷⁶. Претендуя на миссию духовного наставника, в письмах он посылал своего рода *благую весточку* возрождаемой им богословско-философской мудрости древних, согласной, по его убеждению, с христианским вероучением и, поэтому, спасительной для человека; не случайно, как подчеркивал сам гуманист, в них «всегда наличествует какая-либо сентенция морального, натурфилософского или богословского содержания»⁴⁷⁷.

Многие письма Фичино теснейшим образом были связаны с его собственными сочинениями, в иных случаях предвосхищали или сопровождали их выход в свет, являясь по сути извлечениями (подчас дословными) или краткими изложениями их текстов. Так, два значительных фрагмента из введения к «Комментарии на «Филеб»

476 Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere. Firenze, 1990. Vol. I (P. XIII-CCXCIX). P. LXIV.

477 “Sed facile hoc signo scripta nostra discernes ab alienis: in epistolis meis sententia quaedam semper pro ingenii viribus aut moralis aut naturalis est aut theologica...” (Ficinus M. Laus brevitatis // Ep. lib. I. P. 618. 1).

Платона о высшем благе», сохранившегося в ватиканской рукописи (первый вариант «Комментария...»), были использованы Фичино без изменений в посланиях к Джованни Франческо Ипполити, графу Гаццольдо «О платонической природе, образованности и деятельности философа» и к Франческо Бандини «О жизни Платона»⁴⁷⁸. К этому же «Комментария...» относились и «Апологии наслаждения», полностью изъятые из него весной 1491 г. и с посвящением Мартину Уранию (Преннингеру) направленные ему в качестве отдельного послания; их же Фичино поместил в конце десятой книги своей подборки «Эпистол»⁴⁷⁹. Есть и другие примеры. Заключительная часть главы VIII «Поощрение к любви. О любви простой и взаимной» из второй речи «Комментария на «Пир» Платона, о Любви» была переработана Фичино в послании к Америго Корсини «Что является причиной взаимной любви»⁴⁸⁰. Точно так же ряд писем из первой книги имеют заметные текстуальные и смысловые совпадения с некоторыми разделами «Платоновского богословия»⁴⁸¹. Из этого произведения были исключены несколько разделов, тематически связанных с основным его содержанием, и преобразованы в самостоятельные трактаты; один из них

478 *Ficinus M. De platonica philosophi natura, institutione, actione // Ep. lib. IV. P. 761-763; Idem. De vita Platonis // Ep. lib. IV. P. 763-771. См. в этой связи: Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIII; Marcel R. Op.cit. P. 307 N 3; Allen M.J.B. Introduction // Ficino M. The "Philebus" Commentary. P. 8.*

479 "Leges igitur alter ego hic iam in calce decimi [Epistolarum libri] nonnullos de voluptate Apologos, dedicatos tibi quidem hodie, iamdiu autem a nobis excogitatos, dum Philebum Platonicum tractantem commentaremur, commentarium Laurentio Medici destinatum" (*Ficinus M. Prooemium in Apologos de voluptate // Ep. lib. X. P. 921. 2. И в целом "Апологии наслаждения" см.: Ibid. P. 921-924*).

480 Ср.: *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. II. 8. P. 1328; Idem. Vicissitudo amoris unde nascantur // Ep. lib. I. P. 673. 1. См.: Marcel R. Introduction // Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon. Ed. par R. Marcel. Paris, 1956. P. 46.*

481 Ср.: *Ficinus M. Dialogus inter Deum et Animam theologicus // Ep. lib. I. P. 609-611 – Theologia platonica. IX. 3. P. 204-206 (Далее – Th. pl.); Contra Averroem, scilicet quod non sit unicus hominum intellectus // Ep. lib. I. 628. 2 – Th. pl. XIV. 2, XV. 14. P. 307-309, 355; Quod est felicitas, quod habet gradus, quod est eterna // Ep. lib. I. P. 663 – Th. pl. XIV. 10. P. 324-325; Laus philosophiae oratoria, moralis, dialectica, theologica // Ep. lib. I. P. 670. 1 – Th. pl. XIII. 3. P. 297.*

оформлен в 1476 г. как послание «Компендий «Платоновского богословия», адресованное философам-единомышленникам (*comphilosophis suis*)⁴⁸²; введение к другому – «Рассуждению против мнений астрологов», выделенному в 1477 г., – также вошло в состав Фичиновых «Эпистол», сохранив заглавие всего труда, посвященное Франческо Ипполити, графу Гаццольдо⁴⁸³. В адресованном в 1474 г. письме к Якопо Браччолини Фичино возвращался к концепции срединного положения человеческой души в иерархии сущего, о чем он пространнее толковал в только что завершённом главном своем труде⁴⁸⁴.

В ряде случаев письма направлялись не одному, а нескольким адресатам; иные распространялись широко, являясь своего рода «циркулярными», или открытыми, посланиями⁴⁸⁵ – не даром то же самое письмо встречается в подборках Фичиновых эпистол, принадлежавших разным людям. Таким образом, благодаря письмам Фичино его идейные искания становились известными за пределами кружка лиц, с которыми он поддерживал тесное общение, и находили отклик в Италии и далеко за ее пределами – в Германии, Венгрии, Польше, Франции, Англии, – способствуя превращению флорентийской Платоновской академии в наиболее влиятельный центр духовной жизни католической Европы⁴⁸⁶.

482 *Ficinus M. Compendium Platonicae Theologiae // Ep. lib. II. P. 696-697.*

483 *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum // Ep. lib. IV. P. 781-782.*
См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXXI.*

484 См об этом в главе «"Земной бог", или человек-художник» (С. 317-320).

485 Например, адресованное друзьям (*familiaribus suis*) письмо “*Nullum in malis refugium est, nisi ad summum bonum*” (*Ep. lib. V. P. 784-785*).

486 См. в этой связи: *Gentile S. Introduzione. P. LXIV-LXV.*

ж. Места собраний

Когда ведут речь о конкретной академии, то всегда разумеют не только учреждение или, как в нашем случае, ученое товарищество, но и то место, где оно располагалось. А. Делла Торре академией Фичино называл помещение, где он «одновременно жил, обучал и собирал своих близких людей для ученых бесед»⁴⁸⁷. Чаще всего таковым в историографии считали домик в селении Кареджи поблизости от виллы Медичи, почему и саму Фичинову академию порой именовали «Академией Кареджи» (*Achademia Charegiana*)⁴⁸⁸. По мере того, как выяснялось из документов, что встречи и застолья сообщества флорентийских платоников происходили по большей части у приятелей Фичино, Платоновскую академию переставали жестко привязывать к определенному месту. «Особенно любил Фичино загородные собрания друзей, у себя или на вилле Медичи, Пико, Кавальканти..., – писал русский историк И. Пузино. – Там за чашей вина, за изысканным ужином, протекали философские беседы о красоте, любви, счастья. Собрания эти и являются «академией», которую Фичино постоянно прославлял в своих письмах»⁴⁸⁹. На самом деле мы не знаем, как были обставлены эти академические встречи и какое место в них занимали винные возлияния и чревоугодие; мы даже не располагаем сведениями, принимал ли Фичино в своем загородном домике друзей⁴⁹⁰, хотя их гостеприимством – кратким, на один день, или гораздо более продолжительным – он, несомненно, пользовался. Впрочем, отождествлять именно собрания друзей Фичино с его академией нам не дают основания ни имеющиеся документы, ни характер подобных товарищеских встреч, чаще всего случайный и бессистемный, и само историографическое понятие «Платоновская академия», если имеет право на существование, то только по отношению ко всему кругу близких гуманисту лиц, интересовавшихся его трудами и принимавших в них участие. И ни в коем случае общение

487 *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. P. 639.*

488 *Chastel A. Marsile Ficin et l'art. Genève; Lille, 1954. P. 7.* Он же. [Шастель А.] Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. С. 76, 228.

489 *Пузино И. Религиозные искания в эпоху Возрождения. С. 87.*

490 Сомнения на этот счет см. в работе: *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 455-457.*

«главы платоников» со своими приверженцами не ограничивалось сельскими их резиденциями, поскольку риторические занятия, описанные Бенедетто Колюччи, он проводил скорее всего в городском доме (и, по-видимому, не в том, который ему пожаловали Медичи, а в том, который принадлежал его отцу Диотифечи⁴⁹¹), и Франческо Бандини устраивал знаменитое застолье в честь Платона у себя во Флоренции, равно как и Бернардо Бембо должен был организовать философский пир с участием Фичино и других гуманистов во флорентийских апартаментах, отведенных ему как послу Венеции.

Таким образом, Фичино мог делиться своими разработками со всеми, кто проявлял к ним интерес, в самых разных местах, преимущественно в частных жилищах своих друзей, хотя не исключено, что некоторые его ученые собеседования протекали на вольном воздухе во время прогулок по флорентийской сельской округе⁴⁹². Было, правда, одно общественное место – церковь камальдуленского монастыря Санта Мария дельи Анджели, в которой гуманист в течение многих лет выступал с публичными лекциями, знакомившими с его трудами и имевшими, по-видимому, более регулярный характер; однако заключить из этого, что именно она давала приют его Академии⁴⁹³, означало бы целиком отождествить эту Академию с публичными курсами, читаемыми Фичино, а не с им возглавляемым кружком взыскивающих древней философско-богословской мудрости лиц, с которыми он поддерживал иные, кроме лекций, формы связи и ученого общения.

3. Моральные нормы

Постольку, поскольку Фичинова академия не была никоим образом конституирована и в качестве некоего целого – в нашем случае ученого братства – может быть выделена весьма условно, как круг лиц,

491 К такому выводу приходит Дж. Ханкинс (Ibid. P. 457).

492 См. письмо к Пьеро ди Лоренцо Медичи (сопровождающее латинское издание “Эннеад”), в котором Фичино вспоминает о беседах с Лоренцо Медичи во время их прогулки “in agro Caregio” (Ficinus M. Magnanimo Piero Medici // Op. om. P. 1538).

493 См., что пишет на сей счет Д.Ф. Лэкнер: «The locus of this “Academy” was the Camaldolese house of the S. Maria degli Angeli» (Lackner D.F. Op. cit. P. 30).

приобщенных гуманистом разными способами к его философскому делу, она не имела и не могла иметь ни устава, ни программы своей деятельности. Впрочем, в определенном смысле ее программой была концепция развития древнейшей богословско-философской мудрости, определявшая порядок трудов Фичино⁴⁹⁴ и, соответственно, тематику его ученых занятий со всеми, кто стремился быть посвящен в нее. Равным образом, вместо устава с четким определением внутреннего строя и форм функционирования в таком рыхлом образовании, как Платоновская академия, можно обнаружить некие нравственные установки, пропагандируемые ее главой, в качестве норм жизни и поведения среди тех, кого уместно причислить к ее участникам.

Подражая, как и Пождо Браччолини, по-видимому, Цицерону, стены своей «Академии», в данном случае кабинета для ученых занятий, Фичино снабдил нравоучительными латинскими изречениями, или пословицами⁴⁹⁵, которые образовывали свод самых общих правил житейской мудрости, наиболее согласный, надо полагать, с моральными постулатами воскрешаемой им древнеязыческой философско-богословской традиции. Эти изречения он воспроизвел в письме Франческо Музано из Йези за 1475 г., помещенном в первой книге «Эпистол»: «Вчера ты попросил, чтобы я переписал для тебя эти мои пословицы, начертанные на всех стенах Академии. Получи их: «Все направляется от добра к добру. Радуйся настоящему. Не цени

494 Об этом см. главу “Мудрость язычников на службе Божественного провидения...”

495 Оправдывая желание украсить свою “вальдарнскую академию” надписями и статуями, Поджо в письме к Анджемо Джустиниани (22 января 1431 г.) приводит в качестве примера для подражания Цицерона: “Culpent nonnulli quantum volunt hanc meam inanem, ut aiunt, curam, dum meo me modo esse curiosum permittant. Quamquam video Ciceronem quoque nostrum harum rerum cura scribere ad Atticum, ut signa perquirat quibus ornet Academiam suam; cui quamvis multa licuerint, tante auctoritatis viro, quae non item nobis, tamen in eo imitari solertiam suam minime absurdum duco. Afferunt enim nobis excellentium virorum imagines quasi incitamenta quedam ad representandam illorum vitam ac mores, et simul ungeni animi puto delectari eis rebus, in quibus artificis manus spirantis ferme naturae similitudinem expresserunt” (Poggio Bracciolini. Lettere. Firenze, 1984. Vol. II. P. 108-109) Об изображении и надписях в загородной резиденции самого Поджо см. выше С. 124.

имущества, не гонись за почестями, сторонись крайностей, сторонись торговых предприятий, радуйся настоящему»⁴⁹⁶.

Кроме того, одну из стен кабинета украшала картина назидательного характера, изображение на ней Фичино передавал в своем письме к Пьеро Ванни, Керубино Кваркальи и Доменико Галетти следующим образом: «Вы видели в моей гимнасии изображения земного шара и с двух сторон от него Демокрита и Гераклита, одного – смеющегося, другого – плачущего. Над чем смеется Демокрит? Что оплакивает Гераклит? Чернь, это отвратительное, безумное и ничтожное животное»⁴⁹⁷. В письме, расположенном по соседству с этим, к Риккардо Анджельери, Оливьеро Ардуини и Антонио Серафико Фичино давал еще одно толкование этих двух фигур, впрочем, не расходящееся с первым, но, скорее, его уточняющее: «Что заставляет Демокрита так сильно смеяться, а Гераклита – плакать?

496 “... iussisti heri ut proverbium illud meum Academiae parietibus undique inscriptum, tibi transcriberem. Accipe. A bono in bonum omnia diriguntur. Laetus inpraesens. Neque censum existimes, neque appetas dignitatem, fuge excessum, fuge negotia, laetus inpraesens (*Ficinus M. Medicina corpus, musica spiritum, theologia animum curat* // Ep. lib. I. P. 609. 2).

Поскольку большая часть первой книги “Эпистол” была затем переведена Андреа Камбини, человеком из окружения Фичино, на итальянский язык (см. об этом: *Gentile S. Introduzione. P. CCLXX-CCLXXII*), то в рукописи (*Biblioteca Casanatense, N 1297*) сохранилась и итальянская стихотворная версия этих моральных максим, не вполне соответствующая латинскому оригиналу: “In ogni cosa, et perciò vivi lieto, / Da epso bene al bene sempre si corre. / La degnita appetire anchor ti vieto / Ne’n cuor d’or certo numero ti preporre / Schifa le superflue facende / Al troppo il fine si conviene porre / Et si lieto vivrà chi il vero intende”. П.О. Кристеллер опубликовал эти стихи под заглавием “Надписи Академии Кареджи” (*Inscriptio Academiae Caregianae* // *SF. Vol. I. P. 70*), коего, как заметил Дж. Ханкинс (*Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 456 N 90*), в оригинале рукописи нет. О датировке этого письма, которое в издании “Эпистол”, подготовленном С. Джентиле, идет под N 47, см.: *Gentile S. Introduzione. P. CCLXI*.

497 “Vidistis pictam in gymnasio meo mundi sphaeram et hinc atque illinc Democritum et Heraclitum. Alterum quidem ridentem, alterum vero flentem. Quidnam ridet Democritus? Quod luget Heraclitus? Vulgus, videlicet animal monstrosus, insanum et miserabile” (*Ficinus M. Stultitia et miseria hominum* // Ep. lib. I. P. 637. 1).

Один, полагаю, смеялся над глупостью людей, другой же оплакивал их ничтожество»⁴⁹⁸.

Как надписи на стенах, так и картина заявляли о чуждости, если не противоположности, этики, которую должны культивировать участники Фичинова вольного ученого товарищества, нравам мира сего. По мнению Дж. Ханкинса, эти морализующие изречения и картина помещались отнюдь не в загородном жилище гуманиста, а там, где проходили его занятия с молодежью – в одной из комнат отцовского дома⁴⁹⁹; впрочем, это только гипотеза, потому что для их точной локализации имеющихся свидетельств недостаточно.

В качестве положительной нормы отношений в образовавшемся вокруг него ученом товариществе Фичино пропагандировал разработанную древними философами концепцию совершенной дружбы и общности, лежащую также в основе его социального идеала⁵⁰⁰. Высказывая гуманисту Франческо Берлингьери не только от себя, но и от «всей наилюбезней тебе [то есть Берлингьери – О.К.] Академии» пожелание здравствовать, Фичино далее таким образом оправдывал взятую им миссию выступать от общего имени: «Все у нас (по обычаю пифагорейцев) общее. Что я хочу, то же хотят все. Что желает каждый, то очень желаю и я. И не нужно этому дивиться, ведь все мы едины в Том, Кто один лишь воистину един. Все мы пребываем в Том, Кто, единственный, должен быть любим ради Него

498 “Quid tantum ridebat Democritus? Quid lugebat Heraclitus? Alter quidem, ut opinor stultitiam hominum, alter vero miseriam” (*Ficinus M. Stultitia et miseria hominum // Ep. lib. I. P. 636. 2*).

Изображение Демокрита и Гераклита, описанное Фичино, характерно для гуманистической литературы и отразилось в иконографии произведений ренессансного и барочного искусства. См.: *Wind E. The Christian Democritus // Journal of the Warburg Institute. 1937. Vol. 1. N 2. P. 180-182; Idem. Pagan mysteries in the Renaissance. Oxford, 1980 (1 изд. – 1958 г.). P. 48-49.* Сам сюжет о смеющемся над глупостью Демокрите и ее оплакивающим Гераклите заимствован из Ювенала: Сатиры. X. 28-35. Перевод Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. М.;Л., 1937. С. 75.

499 *Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 457.* На том, что надписями и картиной был украшен кабинет Фичино в Кареджи, настаивал А. Делла Торре (*Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. P. 639-640*).

500 См. подробнее: *Кудрявцев О.Ф. гуманистический идеал общежития // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 67-77.*

самого»⁵⁰¹. Фичино обыгрывает в цитируемых словах приписываемое Пифагору и его последователям изречение «У друзей все общее», к которому он не раз возвращался в своих сочинениях, прежде всего в посланиях. В ответ на просьбу Анджеоло Полициано прислать перечень своих трудов, Фичино ему их направлял, «поскольку у друзей все общее»⁵⁰². В другом послании к Полициано он говорил о любви, общей для них⁵⁰³, само собой разумеется, как для друзей. Наконец, еще в одном письме тому же адресату Фичино подчеркивал, что правило общности, введенное Пифагором для друзей, а Платоном для граждан, есть восстановление Божьей правды, попранной людьми, этими несчастными существами⁵⁰⁴ (по-видимому, той самой чернью, глупость и ничтожество которой осмеивал Демокрит и оплакивал Гераклит).

В пояснениях к пятой книге «Государства» Платона Фичино замечает, что «законы дружбы, предписывавшие друзьям иметь все общим», нацелены на приведение людей к «согласию, единству, счастью»⁵⁰⁵. К этому же он стремился и в своем небольшом ученом сообществе, известном в историографии как Платоновская академия⁵⁰⁶. Конечно, общность, которую Фичино пропагандировал среди своих последователей, меньше всего подразумевала совместное владение материальными благами, ибо гуманист имел в виду преимущественно достижение некоего согласного бытия в качестве проекции, как видно из цитированного выше письма к Берлингьери, более высокого, Божественного единства, совокупающего в себе все человечество.

501 *Ficinus M. Franciscum Berlingherio filio, litteris et moribus ornatissimo // Ep. lib. VII. Prooemium. P. 841. 1.*

502 “An potius ut mea apud te habeas omnia. Quoniam amicorum omnia communia sint, utcunque sit, accipe quod petieras” (*Ficinus M. Bona scribere prestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3*).

503 “... ego enim communis vestrum Amor sum, utcunque colo, ab utroque color” (*Ficinus M. Laudare praestat benevolentiam, quam ingenium // Ep. lib. I. P. 639. 4*).

504 *Ficinus M. Quis dives iniustus sit, quis iustus // Ep. lib. I. P. 642. 3.*

505 *Ficinus M. In dialogum quintum de Justo, epitome // Op. om. P. 1406.*

506 См. также наблюдения: *Semprini G. I platonici italiani. Milano, 1926. P. 66; Kieszkowski B. Studi sul platonismo del Rinascimento in Italia. Firenze, 1936. P. 56-57; Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 265-269; Лосев А.Ф. Указ. Соч. С. 342.*

ГЛАВА III. ТАЛАНТ И ПОКЛОННИКИ

Тщедушный, физически слабый, болезненный, Фичино отличался необыкновенными умственными способностями, упорством воли и устремленностью духа. Благодаря своим познаниям в весьма ранней молодости, только еще начинающим студентом он был приглашен для ведения частных занятий с патрициями, намного превосходящими его летами; и совсем не юным, когда возникла необходимость, в немногие годы он овладел древнегреческим языком и в дальнейшем в невероятно короткие сроки выполнял сложнейшие и объемные труды; но не менее поразительно и то, что он заставил поверить в свое призвание и свои силы самый широкий круг современников, включая и многих сильных мира сего, оказавших ему внимание и поддержку. Живший своими трудами, Фичино нуждался не только в моральной и интеллектуальной, но также и в материальной помощи, которую стремился получать от всех, кто готов был ему ее предоставить.

§ 1. Меценатство как политика и как призвание: Фичино и Медичи

Наибольшей удачей для Фичино стало покровительство, оказываемое ему фактическими правителями Флоренции – Медичи. Четыре поколения этого могущественного и богатейшего семейства поддерживали, хотя и не в одинаковой мере, философа-гуманиста, воспринимавшегося многими и тогда и после как медичейская креатура. Отношения начались при Козимо Старом.

а. Козимо Старый

О том, как завязывались и складывались эти отношения до 1462 г. между молодым гуманистом с еще не определившимися интересами и зрелым, умудренным большим жизненным опытом политиком, судить можно предположительно, опираясь на гораздо более поздние заявления самого Фичино. В заметках, предварявших издание 1492 г. осуществленного гуманистом перевода Платиновых «Эннеад», он замысел академии, имевшей целью возродить учение Платона, целиком приписывал Козимо Медичи, увлеченному пылкими речами византийского платоника Георгия Гемиста Плифона, который находился во Флоренции во время объединительного церковного собора в 1439 г.; и «дабы осуществить такой замысел, сей Великий Медичи предназначил для столь важного дела меня, тогда еще юнца, сына своего лучшего врача; – писал Фичино, – имея в виду эту цель, он воспитывал меня изо дня в день»⁵⁰⁷. Издание «Эннеад» было предпринято на средства Лоренцо Великолепного, в предисловии к нему Фичино хотел подчеркнуть преемственность патронажа разных поколений Медичи над направлением богословско-философской мысли, которое он представлял и как бы возрождал в своих трудах, и тем самым внушить, прежде всего самому Лоренцо, что он, Фичино, является продолжателем и исполнителем воли Козимо, авторитет которого во Флоренции был чрезвычайно высок; не случайно Фичино в цитированном отрывке называет его не иначе, как «Великий» (Magnus).

Сведения, содержащиеся в цитированном выше отрывке, требуют проверки и уточнений. Их стоит сравнить с тем, что сказано в предисловии к переводам Платона, посвященном опять же Лоренцо Медичи и опубликованном впервые в 1484 г.; Фичино и здесь дело возрождения Платоновского наследия объявлял инициативой Козимо Медичи и о себе, с юных лет будто бы предназначенном к исполнению воли своего покровителя, писал почти в тех же словах, что и в заметках, предваряющих его переводы Платина⁵⁰⁸; правда, о Плифо-

507 *Ficinus M. In Plotinum Ad magnanimum Laurentium Medicem patriae servatorem Prooemium // Op. om. P. 1537.*

508 «...Cosmus Italiae decus, et insignis pietate vir, Platoniam lucem, religioni admodum salutarem, a Graecis ad Latinos propagare contendens, me

не и о его влиянии на правителя Флоренции нет еще ни слова. Надо полагать, что действительно появление византийского богослова и философа-платоника Плифона, сребробородого степенного старца, говорившего языком Платона и всем своим видом словно воплощавшего великую древнюю мудрость, не могло не произвести впечатления во Флоренции, центре тогдашней ренессансной культуры, направлявшей огромные усилия на освоение античного наследия⁵⁰⁹. Следует также думать, что и Козимо был, как сказано, «вдохновлен и воодушевлен его пылкими речами», о чем, вполне вероятно, он в последующем не раз рассказывал Фичино, также не избежавшему влияния и обаяния идей византийского платоника. Однако вряд ли стоит, опираясь на слова Фичино, утверждать вслед за Паскуале Виллари и другими историками, будто именно Плифон внушил Козимо «мысль о воссоздании во Флоренции той древней Академии, которая стяжала Греции столько славы и была так полезна для философии Платона»⁵¹⁰.

potissimum intra suos lares plurimum educatum, tanto operi destinavit. Ego autem etsi a tenera aetate nominis Platonici cultor...» (*Ficinus M. In commentaria Platonis ad Laurentium Medicem, virum magnanimum. Prooemium // Op. om. P. 1128-1129*).

О том, что он вырос на хлебах Козимо Медичи, который готовил его к философским трудам, Фичино сообщил еще раньше, в 1474 г., в адресованном все тому же Лоренцо Медичи предисловии к трактату «О христианской религии» («*Avus tuus, magnanime Laurenti, magnus Cosmus, Petrus deinde, pius genitor, me a teneris annis, quo philosophari possem, suis opibus aluerunt...*»). *Ficinus M. De christiana religione. Prooemium // Opera. P. 1*), а в письме к кардиналу Павии Иакову Амманати, датированному февралем 1477 г., он рекомендовал себя как «очень давнего воспитанника дома Медичи»: «... *arbitror audisti... Marsilium scilicet Ficinum esse antiquissimum Medicae domus alumnum*» (См.: *Ficinus M. Nunquam ad infima cadit, qui constitutus in summo et acute et clementer prospicit infima // Ep. lib. III. P. 745. 2*).

509 См. об этом: *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 436-438; Masai Fr. Plethon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956. P. 315-346*.

510 *Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 1995 (1 изд. на итальянском языке – 1859, 1861 гг.). С. 46; Della Torre A. Op. cit. P. 456, 457, 530; Gutkind C.S. Cosimo de' Medici Pater Patriae. 1389-1464. Oxford, 1938. P. 241; Schevill F. The Medici. N.Y., 1949. P. 90; The Letters of Marsilio Ficino. L., 1975. Vol. I. 227.*

Козимо и без Плифона имел возможность познакомиться с творчеством афинского философа, труды которого начали осваивать уже гуманисты первой половины XV в.⁵¹¹, а один из них – Леонардо Бруни Аретино – даже посвятил Козимо свой перевод Платоновых «Писем» (выполнен между 1423 и 1427 гг.)⁵¹². Важно также отметить, что Козимо оказывал поддержку не только платоновскому направлению во флорентийском гуманизме середины XV в., но и аристотелевскому, организовавшемуся в 50-е гг. в кружок, Сообщество Флорентийской акаде-

Сомнения в достоверности подобных утверждений высказали: Uzielli G. *La vita e i tempi di Paolo dal Pozzo Toscanelli*. Roma, 1894. P. 78 и далее; Chastel A. *Marsilio Ficino et l'art*. Geneve; Lille, 1954. P. 8; Garin E. *Marsilio Ficino e ritorno di Platone // MFRP. Vol. I (P. 3-13)*. P. 7, 8. «Зная Фичинову манеру излагать, я не решаюсь принять его рассказ в буквальном смысле, как это делали многие историки, но ядро истины в нем есть», – замечал в этой связи П.О.Кристеллер (*Kristeller P.O. Renaissance Thought and its Sources*. New York, 1979. P. 161).

511 Леонардо Бруни Аретино перевел «Федон», «Апологию Сократа», «Критон», «Горгий», «Письма» и фрагменты «Федра» и «Пира» (речь Алкивиада); Георгий Трапезундский – «Законы» и «Послезаконие»; Уберто Дечембрио и его сын Пьер Кандидо Дечембрио – «Государство» (еще один перевод «Государства» был выполнен Антонио Кассарино), Пьер Кандидо Дечембрио переложил также диалог «Лисид»; Франческо Филельфо – «Евтифрон» и некоторые из «Писем»; Ринуччо Аретино – «Критон», «Евтифрон» и псевдоплатоновский диалог «Аксиох» (этот же диалог перевел Чинчо Романо); Лоренцо Липпи – «Ион». Кроме того, еще в XII в. Генрихом Аристиппом были переложены на латинский язык диалоги Платона «Федон» и «Менон», а в XIII в. Вильгельмом из Мёрбеке – первая часть «Парменида»; с античных времен были известны фрагментарные переводы диалога «Тимей», выполненные Цицероном и Халкидием. См. подробнее: *Bruni Aretino L. Humanistisch-philosophische Schriften/ Hrsg. H. Baron*. Leipzig; Berlin, 1928. S. 161, 163, 172-174; *Kristeller P.O. Introductio*. P. CLVI; *Idem. Marsilio Ficino as a Beginning Student of Plato // Scriptorium*. Vol. 20 (1966). P. 41-54; *Idem. Renaissance Thought and its Sources*. New York, 1979. P. 57; *Garin E. Ricerche sulle traduzioni di Platone nella primà meta del sec. XV // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi*. Firenze, 1955. Vol. 1. P. 339-374; *Baron H. Humanistic and Political Literature in Florence and Venice at the Beginning of the Quattrocento*. Cambridge (Harv.), 1955. P. 114-125; *Bertalot L. Zur Bibliographie der Uebersetzungen des Leonardus Brunus Aretinus // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. Bd. 27 (1937). P. 180-184.

512 Текст этого посвящения см. в работах: *Della Torre A. Op. cit.* P. 446, 447; *Bruni Aretino L. Humanistisch-philosophische Schriften*. S. 135-138; *Garin E. Ricerche sulle traduzioni di Platone nella prima metà del sec. XV*. P. 365, 366.

мии (*Chorus Achademiae Florentinae*); что глава этого ученого кружка, приглашенный во Флоренцию византийский грек Иоанн Аргиропул, который получил от Козимо задание переводить Аристотеля⁵¹³, вместе с тем занимался со своими друзьями и учениками комментированием платоновских текстов, в частности, диалога «Менон»⁵¹⁴. Однако обо всем этом Фичино в данном контексте предпочитал не говорить⁵¹⁵, приписывая Козимо исключительную роль в утверждении сообщества взыскующих «платонической науки» и в определении своей собственной судьбы. Вторую тему он еще раз поднял в предисловии к своему медико-астрологическому трактату «О жизни», увидевшему свет в 1489 г.: «Я имел двух отцов, – писал он, обращаясь опять же к Лоренцо Великолепному, – Фичино-медика и Козимо Медичи. Тот меня поручил Галену как медику и как платонику, этот же посвятил божественному Платону. Равным образом и тот и этот определил [меня], Марсилио, к медику. Ведь Гален врачеватель тел, Платон же – душ»⁵¹⁶.

513 См. в этой связи работу: Brown A.M. The humanist portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // *JWCI*. 1967. N 24 (P. 186-221). P. 195-196. В приложении к ней даны посвящения Козимо Медичи Аргиропуловых переводов “Физики”, “О душе”, “Аналитики” и “Этики” Аристотеля (*Ibid*. P. 214-221).

514 См.: *Garin E. Ricerche sulle traduzioni di Platone nella prima meta del sec. XV*. P. 371 N 46; *Hankins J. Cosimo de' Medici...* P. 147-149.

515 Именно в данном контексте. Потому что гораздо раньше, в предисловии к переводу псевдо-Платонова диалога «Аксиох» (который переведен гуманистом под заглавием «О смерти» и приписан Ксенократу; см. об этом ниже), составленном сразу после кончины Козимо Медичи в 1464 г., когда у всех еще свежи были в памяти его деяния, Фичино из боязни показаться небеспристрастным не мог все же не сказать и о том, что по настоянию этого Медичи «ученейший муж Иоанн Аргиропул перевел некоторые книги Аристотеля; и тот их внимательно читал» (*Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio* // *Op. om.* P. 1965). Правда, Фичино и здесь умалчивал о роли Аргиропула в популяризации учения Платона и в разработке тех идей, на которые он сам обратит преимущественное внимание в своем творчестве (см. подробнее: *Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Ricerche e documenti*. Firenze, 1979. P. 102-108).

516 “Ego... patres habui duos, Ficinum Medicum, Cosmum Medicen. Ex illo natus, ex isto renatus. Ille quidem me Galeno, tum medico, tum Platonico commendavit, hic autem divino consecravit me Platoni. Et hic similiter atque ille Marsilium Medico destinavit: Galenus quidem corporum, Plato vero medicus animorum” (*Ficinus M. In librum de Vita Ad Magnanimum Laurentium Medicen...* *Epistola dedicatoria* // *Op. omn.* P. 493).

Эти слова Фичино дали повод первому его биографу Джованни Корси вскоре создать красивую легенду, ставшую общим местом ренессансной историографии, о том, как Козимо угадал высокую провиденциальную миссию, которая была уготована тогда еще молодому Марсилио: «Ты, Фичино, – будто бы сказал Козимо своему медику, – послан нам небом для врачевания тел, сын же твой Марсилиус – для врачевания душ»⁵¹⁷.

Итак, во многих местах своих сочинений Фичино настаивает на том, что был взят под покровительство Козимо «с нежных лет» (*a tenera aetate, a teneris annis*). С каких именно, нигде не уточняется. Но, конечно же, не раньше, нежели он мог попасть в поле зрения «великого» Козимо. А это едва ли случилось в 1439 г., когда во Флоренции проходил собор и жители города дивились речам и облику приехавшего к ним с греческого Востока старца – Плифона. Ибо Марсилиус появился в этом городе около середины 40-х гг XV в., скорее всего после переезда туда отца, от которого, ставшего лекарем семьи Медичи, Козимо и должен был узнать о его поразительных способностях сыне-подростке. Вполне возможно, уже в 40-е гг XV в. Марсилиус вместе с отцом навещался в дом Козимо Медичи, который, ценя любые проявления дарований в человеке, мог привечать чудо-ребенка. Однако ни о каких целенаправленных отношениях покровительства и даже о более или менее регулярном общении между Козимо и юным Фичино в это время речь идти не может. Более того, известно, что в 1451 г. Фичино был репетитором в доме Пацци⁵¹⁸; сам гуманист признавался, что «вел с ним [Козимо] философские беседы более двенадцати лет»⁵¹⁹, то есть по крайней мере с 1452 г., считая от смерти Козимо в 1464 г. Однако какой характер имело их общение в первые десять лет, то есть до 1462 г., сказать невозможно. И хотя в более поздних воспоминаниях Фичино отводил именно Козимо решающую роль в своем выборе в пользу платонизма, с гораздо большей уверенностью следует предположить, что первоначальный импульс к занятиям «платонической наукой», определивший

517 “Tu, inquit, Ficine, corporibus, at Marsilius hic tuus animis medendis coelitus nobis demissus est” (*Cursius J. Op. cit. V. P. 682*).

518 Об этом см. глава 1 С. 29 и ниже в настоящей главе С. 231.

519 «Ego... una cum illo annos plures quam duodecim foeliciter philosophatus sum» (*Ficinus M. Imitatio potior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 649. 1*).

в дальнейшем его судьбу, исходил не от Медичи, а от флорентийских гуманистов, в среде которых как раз в 50-е гг. XV в. заметно оживление интереса к Платону. В 1455 г. Маттео Пальмиери приступил к созданию поэмы «Град жизни», целиком пронизанной платоновскими мотивами⁵²⁰. Толкованием платоновских писаний первое время занимался с учениками прибывший во Флоренцию в 1456 г. грек Иоанн Аргиропул. Не чужд интереса к платонизму был и Кристофоро Ландино, подвигший в 1456 г. Фичино составить четыре книги «Наставлений в платоновской науке» (*Institutiones ad Platonicam disciplinam*)⁵²¹; их, по признанию гуманиста, читали и будто бы даже одобрили Кристофоро Ландино и Козимо Медичи, посоветовавшие ему тем не менее не публиковать это сочинение, доколе он не освоит греческий язык и не обратится к первоисточникам⁵²².

В историографии бытовало убеждение, основывавшееся на сообщениях Корси, что в 1458-1459 гг. Фичино находился в Болонье, обучаясь по настоянию своего отца в тамошнем университете медицине и перипатетической философии, а в 1459 г. произошла знаменательная встреча с Козимо Медичи, круто изменившая его жизнь: правитель Флоренции, увидев в нем великую страсть к наукам, назначил его к исследованию Платоновой философии и пообещал ввиду этого материальную поддержку⁵²³. Однако, как убедительно

520 Завершена поэма в 1464 г. Подробнее о некоторых ее идеях см.: Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.) М., 1983. С. 28-59; Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». С. 142-148.

521 “Ad quas quidem componendas adhortatus est Christoforus Landinus», – сообщал Фичино в письме к Филиппо Валори, датированном ноябрем 1491 г. (*Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones // Ep. lib. XI. P. 929. 2*). Скорее всего, это же сочинение упоминал Фичино в первом каталоге своих трудов, содержащемся в письме к Анджело Полициано, под заглавием «*Declarationes Platonicae disciplinae ad Christophorum Landinum*» (*Ficinus M. Bona scribere praestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CLXIII, CLXIV*).

522 «Cum autem ipse [Landinus], et Cosmus Medices perlegissent [в оригинале – perelegissent] eas, probaverunt quidem, sed ut penes me servarem consuluerunt, quoad Graecis literis erudirer, Platonicaeque tandem ex suis fontibus haurirem» (*Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones // Ep. lib. XI. P. 929. 2*).

523 «...Verum divino, ut patet, beneficio quum Florentiam aliquando diver-tisset atque a patre ad Cosmum salutandum duceretur, ferunt Cosmum, visa

показал П.О. Кристеллер, оба сообщения Корси недостоверны, поскольку в 1458-1459 гг. Фичино не мог обучаться в Болонье, находясь во Флоренции, документальные же свидетельства о поощрении платоновских штудий Фичино со стороны Козимо Медичи относятся не к 1459 г., а к 1462 г.⁵²⁴. Конечно, Фичино и Козимо в эти годы были уже хорошо знакомы и, по-видимому, иногда могли встречаться и обсуждать то, чем занимался молодой гуманист, но скорее всего эти их отношения до поры до времени носили нерегулярный и ни к чему не обязывающий характер.

Каким образом Фичино, который на исходе третьего десятилетия своей жизни уже не мог выглядеть подающим большие надежды юношей, который к тому же еще не прославил себя никаким громким трудом или переводом древних текстов, сумел внушить Козимо Медичи высокое мнение о себе и добиться от него не просто расположения, но и весьма ощутимой поддержки, остается загадкой. Скорее всего Фичино удалось увлечь своими планами дряхлеющего правителя Флоренции, усмотревшего в них какую-то важную для себя, а, возможно, и для духовных запросов времени, к которым он был всегда очень чуток, перспективу. Как бы то ни было, в своем выборе Козимо не ошибся. Дело, которому он стал покровительствовать в лице Фичино, умножило его славу и укрепило авторитет семьи Медичи во Флоренции. Самый ранний документ, фиксирующий наличие близких отношений между ним и Фичино, датируется сентябрем 1462 г. Это письмо к Козимо, в котором Фичино излагает содержание орфического гимна космосу, то есть миру, обыгрывая, как это уже имело место в гуманистической литературе его времени, созвучие слова «космос» (*Cosmos*) и имени «Козимо»

juvenis indole cognitaque per eum ingenti studiorum, quibus flagrabat, cupiditate, mirifice laetatum, quasi jam penitus animo concepisset hunc dubio procul futurum, quem pro illustranda Platonis philosophia jampridem destinaverat. Postmodumque, Ficino ad se vocato, hominem hortatum ut ultro Marsilii studiis accurreret, nisi invita Minerva, agendum, nec esse quare rei domesticae angustias accusaret, numquam se illi ulla in re defuturum, suppeditarum largissime omnia» (*Cursius J.* Op. cit. V. P. 682). См. в этой вязи работы: *Della Torre A.* Op. cit. P. 524-531; *Пузино И.* Религиозные искания в эпоху Возрождения. Вып. 1. Марсилиус Фичино. Berlin, 1923. С. 61-63; *Gutkind C.S.* Op. cit. P. 242; *Chastel A.* Marsile Ficino et l'art. P. 8.

524 *Kristeller P.O.* Per la biografia di Marsilio Ficino. P. 195-198.

(лат.: *Cosmus*)⁵²⁵, и прославляет своего покровителя, льстиво объявляя «Козимо Медичи жизни моей [Фичиновой] благотворнейшим медиком»⁵²⁶; далее он упоминает о преогромных благодеяниях, полученных им от Медичи, в частности о томах Платона⁵²⁷ и имени в

525 Речь идет о «Гимне IV. К Урану». См. перевод О.В. Смыки «Орфических гимнов» по изд.: Античные гимны. М., 1988. С. 184. Существует еще два варианта Фичинова перевода этого же гимна. См.: SF. Vol. II. P. 97, 98. О том, кем еще из современников Фичино имя Козимо сопоставлялось с космосом см.: Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М., 2001 (1 изд. на франц. языке – 1959 г.). С. 228, 327 N 163.

526 «*Cosmus Medices vite mee saluberrimus medicus*» (SF. Vol. II. P. 87; см. русский перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языков XVI века. М., 2004. С. 260).

527 Фичино получил полное рукописное собрание сочинений Платона, чрезвычайно редкий и дорогой манускрипт, цена которого могла превышать, по правдоподобию предположению Дж. Ханкинса, и стоимость полученного гуманистом дома во Флоренции, и стоимость имения в Кареджи. Эту рукопись, изготовленную с греческого оригинала, которым располагал член византийской делегации Георгий Гемист Плифон, Медичи приобрел, по-видимому, во время Ферраро-Флорентийского собора 1438-1439 гг., вполне возможно, в обмен на финансовую помощь, которую, как известно, правитель Флоренции оказал делегации с Востока. См.: Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti e documenti, 17 maggio-16 giugno 1984. Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984. P. 28-31; Hankins J. Cosimo de' Medici and the "Platonic Academy" // JWCI. 1990. Vol. 53 (P. 144-162). P. 157-159; Lackner D.F. The Camaldolese Academy: Ambrogio Traversari, Marsilio Ficino and the Christian Platonic tradition // MFTPL. P. 24-25.

Наряду с сочинениями Платона Фичино уже тогда от Козимо Медичи получил также рукопись с трактатами Плотина – во всяком случае в предисловии к их переводу, увидившему свет, правда, в 1492 г., он вспоминал: «[*Cosmus*] operam praeterea dedit, ut omnes non solum Platonis, sed etiam Plotini libros Graecos haberem» (*Ficinus M.* In Plotini Epitomae, seu argumenta... ad Laurentium Medicem... Prooemium // Op. om. P. 1537). В распоряжении Фичино было два экземпляра «Эннеад»: один – греческая рукопись XIII в., от Никколò Никколи доставшаяся Козимо Медичи, другой – сделанная, по-видимому, на деньги Козимо Иоанном Скутариотом в 1460 г. ее копия, на которую опирался в своих трудах гуманист, свидетельством чему являются его многочисленные заметки на ее полях. См.: Henry P. Les manuscrits grecs de travail de Marsilio Ficino, le traducteur des Ennéades // Congrès de Tours et Poitiers. Actes du congrès. Paris, 1954. P. 323-328.

Кареджи⁵²⁸. Место – селение Кареджи – выбрано не случайно: там находилась вилла самого Козимо Медичи⁵²⁹, желавшего, как видно, испоместить Фичино поблизости от себя⁵³⁰. Мотивы такого решения Козимо правильно объяснены уже первыми его историками. «Козимо любил людей, искушенных в изящной словесности, и оказывал им покровительство... – сказано в «Истории Флоренции» Никколò Макиавелли (который прервал работу над ней в 1525 г.). – В доме его жил на хлебах Марсилио Фичино, второй отец платоновской философии, к коему Козимо был горячо привязан. А чтобы друг его мог с удобством предаваться литературным занятиям, а он сам имел возможность легче видаться с ним, он подарил ему в Кареджи имение неподалеку от своего собственного»⁵³¹. Кроме ценных греческих манускриптов и имения Фичино получил от Козимо также дом во Флоренции, о чем упоминают Антонио дельи Альи, Веспасиано да

528 По мнению С. Джентиле, в 1462 г. Козимо лишь поселил Фичино в одном из загородных своих домов в Кареджи, но подарил его (с юридическим оформлением сделки) в 1463 г. (*Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere. Firenze, 1990. Vol. I. P. XLIV-XLV N 82; см. также: Laurens P. Introduction // Ficino M. Commentaire sur le Banquet de Platon, de l'Amour. Ed. Par P. Laurens. Paris, 2002. P. XIX*). В документах дарения это имение описано как “*unum predium cum domo pro labore et hoste et terris laboratis, vineatis et olivatis*” (*Catalogo. P. 175-176 N 140*).

О книгах и имении, подаренных Фичино, упоминает в энкомии Козимо Медичи, составленном в 1464 г., один из близких и тому, и другому людей Антонио Бенивьени: “*Testis sit Marsilius Fecinus phylsophus eruditissimus qui cum Platonis spiritum ab inferis usque excitasset, eum ipse [Cosmus] libris agro villaque ditavit*” (*Benivieni A. ΕΓΚΩΜΙΟΝ Cosmi ad Laurentium Medicem. Riproduzione dell'autografo con proemio e trascrizione. A cura di R. Piattoli. Firenze, 1949. P. 31*).

529 *Carocci G. La villa medicea di Careggi. Firenze, 1888.*

530 Именьице Фичино, называемое им «Академией», находилось на Монте Веккьо, как раз напротив виллы Медичи, перестроенной архитектором Микелоццо Микелоцци. В письме своему другу Грегорио Епифанио (Грегорио ди Пьеро Бефани) он упоминает о нем как о даре «великого Козимо» (*Ficinus M. Solitariae vitae utilitas. // Ep. lib. I. P. 616. 3*). См.: *Della Torre A. Op.cit. P. 538*.

531 *Макьявелли Н. История Флоренции. VII. 6. Перевод Н.Я. Рыковой. Л., 1973. С. 267.*

Бистиччи и Корси⁵³². Как явствует из документов, опубликованных Р. Марселем, имение, дом и, соответственно, доходы с них⁵³³ были переданы Фичино пожизненно⁵³⁴. В такое же пожизненное пользование он получил и греческие кодексы, с которыми работал⁵³⁵. То есть все эти, а, возможно, какие-то еще, нам не известные пожалования⁵³⁶

532 В нотариальном документе передаваемый Козимо Старым дом в распоряжение Фичино описан как “*unam domum cum curia, puteo, volta, salis et cameris et aliis suis habituris, positam Florentia in populo Sancti Michaelis Vicedominorum...*” (*Marcel R. Op. cit. Pieces justificatives. N 11. P. 738*).

Антонио дельи Альи в письме к Пьеро Медичи с соболезнованиями в связи со смертью Козимо Старого писал о благодеяниях, оказанных Фичино покойным: “*ei [Fecini] et domus in urbe ab eo coempta, fundus autem dono datus ut nulla inopia sollicitudine anxius litteris operam dare iugiter valeat*” (письмо хранится в: *Biblioteca Laurenziana. LIV. 10. Collectiones Cosminiana. Fol. 132r. Цит. по: Hankins J. Cosimo de' Medici... P. 146 N 6*). См. также соответствующие свидетельства Веспасиано да Бистиччи и Корси: «... *messer Marsiglio, figliuolo di maestro Ficino, sendo uomo di buono ingegno, e volto alle virtù, e dotto in greco e latino, e avendo mediocre facultà, a fine che non avessi andare a quello ultimo extremo della povertà, gli comperò [Cosimo] una casa a Firenze, e donogliela; e dettegli dell'altre cose per sovvenire alle sua nicistà*» (*Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Cosimo de' Medici XXVIII. Bologna, 1893. Vol. III. P. 68*). «*Quamobrem praedio avito Caregiano in ipsis prope suburbiis, necnon domo urbana, libris quin etiam graecis egregie scriptis, Platone et Plotino, magni quidem precii, illis praesertim temporibus, munere prorsus amplissimo ab eo donatus est*» (*Cursius J. Op. cit. VI. P. 682*).

Дом, упомянутый в этих свидетельствах, располагался на ул. Св. Эгидия и передавался Марсилию, как сказано, “обучающемуся философии” (“*studens in philosophia*”) 4 декабря 1462 г. в совместное владение с его матерью Сандрой, поэтому доход от его сдачи в наем они делили пополам. См.: *Della Torre A. Op. cit. P. 538 N 2; Catalogo. P. 174-175 N 139; P. 193 N 167*.

533 Есть данные о доходе с имения в Кареджи, который был весьма скромен: 12 четвериков зерна, 4 бочонка вина и пара каплунов (*Catalogo. P. 176*). Поэтому недоверие вызывают слова Веспасиано да Бистиччи о том, что Козимо “даровал ему [Марсилию] имение в Кареджи с таким доходом, что он мог жить [там] сам и два [его] товарища и [даже] больше” (“*e donogli uno podere a Careggi, e di tanta entrata, che egli potessi vivere lui e dua compagni e più*”). См.: *Vespasiano da Bisticci. Op. cit. P. 68*

534 *Marcel R. Op. cit. Pieces justificatives. N 9, 11, 13. P. 736-739.*

535 См.: *Marcel R. Op. cit. N 11, 13, 15. P. 738-739, 741.*

536 Сказав о пожаловании Фичино дома во Флоренции и имения в Кареджи, Веспасиано говорит, что Козимо своему подопечному “даровал

являлись как бы платой за труды Фичино на ниве возрождения древней мудрости, поскольку должны были избавить гуманиста от необходимости искать помощи у родителей или добывать средства к жизни какими-либо другими способами, например, уроками в семьях богатых флорентийских патрициев.

Итак, в 1462 г. Фичино были созданы необходимые условия для работы над переводами и комментированием античных текстов, сам он также вполне к ней подготовился, освоив древнегреческий язык и, что, пожалуй, не менее важно, наметив программу своей деятельности. По-видимому, именно эта программа обещанием грандиозных свершений и примирения древнеязыческой мудрости с христианством⁵³⁷ могла возбудить живейший интерес Козимо, пожелавшего принять в ней непосредственное участие. Очень похоже, что на решение Козимо взять под свое покровительство молодого гуманиста повлияли Фичиновы переводы с греческого на латынь «Гимнов» и «Аргонавтики» – апокрифических сочинений поздней античности, автором которых традиция считала легендарного поэта древности Орфея, а также гимнов Гомера и Прокла и Гесиодовой «Теологии» (то есть «Теогонии»)⁵³⁸. Скорее всего эти переводы убедили Козимо в способности Фичино справиться с амбициозным замыслом, нацеленным на освоение всей богословской мысли древних, а для гуманиста явились своего рода испытанием, экзаменом, выдержав который, он получил материальную поддержку мецената, или «целевой грант» в характерной для его эпохи форме условного пожалования ренты⁵³⁹.

и другие вещи, чтобы помочь ему в нужде” (“e dettegli dell’altre cose per sovvenire alle sua nicistà. См.: *Vespasiano da Bisticci*. Op. cit. P. 68). Речь скорее всего идет о более мелких и частных дачах натурой (например, съестными припасами) или деньгами, которые Фичино как клиент Медичи вполне мог получать от них.

537 См. Гл. I. С. 52-53.

538 «*Argonautica et hymnos Orphei et Homeri atque Proculi Theologiamque Hesiodi, quae adolescens (nescioquo modo) ad verbum mihi soli transtuli*», – писал в 1492 г. Фичино Мартину Уранию (*Ficinus M. Opiniones non temere divulgandae. Item Orphei carmina // Ep. lib. XI. P. 733. 2*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXLV*.

539 Мысль о том, что Фичино должен был пройти некое испытание, доказав Козимо Медичи свои способности справиться с переводами античных текстов, поддерживает А. Филд, впрочем, полагая, будто таким экзаменом явилось сделанное чуть позже переложение герметических трактатов на

Как бы то ни было, а переложение одного из орфических гимнов на латынь Фичино послал в упомянутом выше письме к покровителю, сообщая в нем же о том, что «прилежно сидит за томами Платона»⁵⁴⁰. Казалось бы, следующими на очереди должны были стать сочинения афинского философа. Однако, как вспоминал гуманист в более поздние годы, Козимо обратился к нему с просьбой прежде перевести цикл гностических трактатов, получивших общее название «Поймандр» и приписываемых Гермесу Трисмегисту. Перевод «Поймандра» занял месяцы и был готов в апреле 1463 г. В предпосланном ему пояснении (*argumentum*), адресованном Козимо Медичи, Фичино еще раз упоминал об оказанных благодеяниях (средствах к жизни и книгах), позволивших гуманисту заняться изучением эллинских источников, и как первый плод (*primitias*) этих трудов Фичино считал своим долгом преподнести своему благодетелю посвященный ему перевод Герметического корпуса⁵⁴¹. Это пояснение проливает свет на несколько неожиданный порядок работы Фичино, а равно и на концепцию всей его деятельности. В нем Фичино формулировал тезис о «единой и повсюду согласной с собой школе древнего богословия», начало которой положил Гермес Трисмегист и продолжили которую Орфей, Аглаофем, Пифагор, Филолай, а до полного совершенства довел Платон⁵⁴².

Трудно сказать, действительно ли просьба перевести герметические сочинения исходила от Козимо Медичи; скорее всего сам

латынь, за что Фичино был награжден (в 1463 г.) приготовленным ему ранее (1462 г.) именем в Кареджи (*Field A. The Platonic Academy of Florence // MFTPL (P. 359-376). P. 374*).

Дж. Ханкинс слишком упрощает ситуацию, считая, что Козимо помогал Фичино с целью получить полный перевод трудов Платона, и только (*Hankins J. Cosimo de' Medici... P. 152*). Но тогда трудно понять, почему Козимо ему разрешал и даже предлагал (если верить Фичино) переводить античные сочинения, которые не принадлежали Платону, в частности «Герметический свод» («Поймандр»).

540 «*Platonicis voluminibus... sedulus incumbam*» (*SF. Vol. II. P. 88*).

541 «*Nam cuius ipse adiutus opibus, librisque affatim refertus, studiis Graecis incumbui, eidem studiorum Graecorum me decet offerre primitias*» (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurij Trismegisti, ad Cosmum Medicem // Op. om. P. 1836*).

542 *Ibid.*

гуманист, развернув перед своим покровителем величественную панораму постоянной, от поколения к поколению продолжавшейся передачи древнейшей, по его убеждению, богословской мысли, мог внушить тому мысль осваивать ее в таком же порядке, в каком она исторически развивалась.

Однако, если роль Козимо Медичи в определении занятий Фичино вряд ли стоит преувеличивать, то все же никоим образом нельзя отрицать его искреннюю и чрезвычайную заинтересованность в трудах, которым тот себя посвятил. Сделав усадьбу в Кареджи местом уединения, удаленным от мирской суеты, последние два года жизни он самым тесным образом общался с Фичино, почти домашним своим философом, призванным исследовать и разъяснять ему великие тайны древней мудрости. Такому вниманию к своему творчеству со стороны столь могущественного покровителя мог бы позавидовать любой гуманист или человек искусства, нуждающийся в поддержке. Козимо был для Фичино не просто щедрым меценатом, но и фактически единомышленником, которому тот поверял свои труды и замыслы. Именно отношения самого тесного сотрудничества этих двух людей, возникшие в связи с деятельностью Фичино в качестве переводчика и толкователя сочинений античных мыслителей, и прежде всего Платона, явились основой философского сообщества, которое приобрело широкую известность под именем Платоновской академии.

Более конкретно представить себе, что это были за отношения, позволяют некоторые сохранившиеся документы. Козимо внимательно следил за тем, чем занимался его подопечный, требуя от него не столько отчета, сколько философски аргументированного наставления по вопросам, которые представляли для него мировоззренческий интерес. «Приходи к нам, Марсилиий, как можно быстрее, – писал ему Козимо. – Принеси с собой книгу нашего Платона «О высшем благе», которую, я полагаю, ты, как и обещал, уже перевел с греческого на латынь. Ибо ничего другого я не желаю сильнее (*ardentius*), чем знать, какой путь вернее ведет к счастью. Будь здоров и приходи, захватив с собой орфическую лиру». В опубликованном Фичино ответном послании он обещал приехать «по возможности быстрее», ибо «что может быть приятнее, чем находиться в

Кареджи, земле граций⁵⁴³, беседея с Козимо, отцом граций», а между тем направлял ему изложение того, что говорили платоники о «наиболее верном пути к счастью»⁵⁴⁴.

Стоит заметить здесь, что, по-видимому, вариантом этого послания явилось другое письмо к Медичи от 11 января 1464 г., опубликованное П.О. Кристеллером, которое Фичино не включил в свое собрание эпистол, то ли потому что посчитал его незрелым юношеским опытом, то ли потому что усмотрел в нем содержание, не так, как ему хотелось бы, рисуящее его отношения с патроном. Во всяком случае похоже, что написаны они в одно и то же время, оба посвящены платоновской концепции счастья и содержат сходный призыв к уподоблению души Богу. Письмо, опубликованное П.О. Кристеллером, ближе напоминает небольшое информационное сообщение о предпринятых трудах («я решил вкратце описать, что я делаю») с лаконичным пересказом ряда сочинений Платона по вполне определенной тематике и, по-видимому, с не дошедшими до нас выдержками

543 Обыгрывая название селения Кареджи (Careggi, Caregium), Фичино производит его от соединения греческих слов χάριτες, то есть «грации», и γῆ, то есть «земля».

544 Письмецо Медичи (De foelicitatis desiderio) и ответ Фичино (Quae sit ad foelicitatem via) опубликованы последним в составе его посланий (Ep. lib. I. P. 608. 1-2). Письмецо Медичи некоторые историки относят к лету 1462 г. (Gutkind C.S. Op. cit. P. 243; Chastel A. Marsile Ficin et l'art. P. 8), хотя скорее всего оно создано в 1464 г. (См.: Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. The Inner Dimensions of Patronage // Christianity and the Renaissance. Image and Religious Imagination in the Quattrocento. Syracuse. 1990 (P. 467-492). P. 477); Фичинов ответ на него можно датировать 11 января 1464 г.

Предположение Дж. Ханкинса о том, что письмецо Козимо на деле сочинено Фичино, не так уж невероятно (Hankins J. Cosimo de' Medici... P. 146 N 8; Idem. Cosimo de' Medici as a patron of humanistic literature // Cosimo il Vecchio de' Medici, 1389-1464. Ed. F. Ames-Lewis. Oxford, 1991 (P. 69-94). P. 74), хотя нельзя исключить, что Фичино лишь излагал правильной латынью то, о чем ему писал или даже говорил на родном наречии его покровитель. Во всяком случае, имея в виду положение, которое занимал Фичино при Козимо, следует признать, что письмецо дает вполне правдивое описание отношений, сложившихся между этими двумя людьми. См. также наблюдение Д. Кента о том, что письмецо вполне отражает умонастроение, характерное для Козимо (Kent D. Cosimo de' Medici and the Florentine Renaissance. New Haven; London, 2000. P. 132).

из них («я тебе посылаю краткий перевод и того и другого места»⁵⁴⁵), тогда как другое письмо, помещенное среди Фичиновых «Эпистол», по тональности и стилю является скорее увещанием, или наставлением, адресату, и из него невозможно понять как собственно идет у Фичино освоение Платонова наследия. Приведенное П.О. Кристеллером письмо, несомненно, достовернее передает отношения между гуманистом и его покровителем; интересно то, что в нем нет обещания приехать «по возможности быстрее» (*cum primum potero*), высказанного в другом письме Фичино, но, напротив, говорится о каких-то обстоятельствах (*iniquitas temporis*), не позволяющих ему обратиться к Козимо с речью, то есть встретиться с ним для личной беседы, и объяснимых необходимостью дополнить переведенные им девять сочинений Платона еще тремя⁵⁴⁶; какими именно, не сказано: «И лишь тогда я поспешу к тебе, дабы по установившемуся обычаю сообщить о том, что было сделано. Пока же читай благополучно недавно открытое мною положение Платона о счастье, которое я прилагаю к этому письму»⁵⁴⁷.

Итак, встречи и философские беседы, посвященные разным аспектам духовного наследия античности, возникающим по мере его разработки Фичино, несомненно, имели место и, более того, вошли в обычай между гуманистом и его покровителем, хотя, пожалуй, характер их был не столь пасторально-идиллический, какой подчас изображен в литературе по культуре Возрождения: «Когда старый Козимо подстригает свой виноградник на вилле Кареджи, – писал Ф. Монье, – он приглашает к себе юного Марсилио, который читает ему из Платона и играет на лире»⁵⁴⁸. Козимо направляется в Кареджи, по его признанию, чтобы «культивировать не имение, но

545 SF. Vol. I. P. 37. Здесь и далее в цитировании этого документа вынужден поправлять выполненный мной его перевод, который был опубликован в кн.: Сочинения итальянских гуманистов (XV век). С. 216.

Сам Фичино пометил письмо 11 января 1463 г., потому что флорентийцы этого времени новый год начинали не с 1 января, но с 25 марта.

546 «Novem hactenus opuscula Platonis convertimus. Tria preterea... transferemus» (SF. Vol. I. P. 37); Сочинения итальянских гуманистов (XV век). С. 216, 217.

547 Ibid. (Там же. С. 217).

548 Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кваттроценти. СПб., 1904. С. 318.

душу»⁵⁴⁹, однако Фичино оказывается не столь уж покладистым и услужливым и не торопится принять настойчивое приглашение патрона, откладывая на время свой визит к нему. Скорее всего именно подобные свидетельства творческой самостоятельности перед лицом «великого Козимо», верным сподвижником и чутким исполнителем воли которого Фичино стремился представить себя позже в глазах его наследников, побудили гуманиста не включить это письмо в первую книгу его «Эпистол», составленную между 1473 и 1475 гг.⁵⁵⁰ и посвященную Джулиано Медичи⁵⁵¹, внуку Козимо. Иначе трудно объяснить, почему для столь интересного документа Фичино не нашел в ней места при том, что он счел возможным поместить в этом собрании своих писем ничего не говорящее, отправленное по какому-то мало значительному поводу посланнице Козимо Медичи о многословии⁵⁵².

Помимо переводов на латынь Герметического свода и пифагорейских писаний, Фичино успел посвятить Козимо латинскую версию десяти диалогов Платона, сочинений Спевсиппа и Алкиноя⁵⁵³. Повествуя о последних днях жизни покровителя (который умер 1 августа 1464 г.) в предисловии к переводу псевдо-Платонова диалога «Аксиох», гуманист уверял, что возвещенные в десяти книгах «божественного Платона» все наставления жизни, все начала природы, все священные божественные тайны... – все это Козимо и внимательно прочитал, и вполне понял»; за двадцать дней до смерти, продолжал Фичино, то есть 12 или 13 июля, под вечер, Козимо начал оплакивать ничтожество сей жизни и нападать на заблуждения смертных, обстоятельно и резко рассуждая о презрении к миру, как человек, уже приближающийся к вышнему блаженству. Когда он кончил, Фичино ему заметил, что о том же самом в своей книге «О смерти» говорил Ксенократ, человек святой жизни и любимый ученик Платона. Тогда умирающий попросил передать по-латыни

549 «Contuli heri me in agrum Charegium, non agri sed animi colendi gratia», – писал он Фичино (Ep. lib. I. P. 608. 1).

550 Kristeller P.O. *Introductio*. P. XC-XCII.

551 Ep. lib. I. P. 607. 2.

552 *Ficinus M. Excusatio prolixitatis* // Ep. lib. I. P. 615. 2.

553 См. Гл. I. С. 57-58.

то, о чем толковал Ксенократ по-гречески. Фичино передал. Козимо «одобрил и повелел перевести»⁵⁵⁴.

Уникальность этого документа в том, что он дает по свежим следам не так давно состоявшейся встречи⁵⁵⁵ описание одной из философских бесед Фичино и Козимо, из которого видно, как гуманист в их ходе пересказывал или читал, скорее всего фрагментами, свои переводы на латынь древнегреческих авторов, и как у патрона появлялись новые творческие заказы. Нельзя, однако, сказать, будто эти заказы не были инспирированы его подопечным, что показывает и история с переводом псевдо-Платонова трактата «Аксиох».

Затем, как явствует из упомянутого выше предисловия к этому трактату, за двенадцать дней до кончины благодетеля Фичино читал ему книги «о едином начале вещей и о высшем благе», или диалоги «Парменид» и «Филеб» Платона⁵⁵⁶; причем в письме к Лоренцо Медичи Фичино называет его в качестве свидетеля предсмертных платоновских чтений со старым Козимо⁵⁵⁷.

Размышляя о значении в своей жизни этого человека, Фичино имел все основания заметить в письме Лоренцо Медичи: «Конечно, многим я обязан нашему Платону, но, признаюсь, не меньшим

554 «Die autem vigesima antequam corporis vinculis purus eius spiritus solveretur, sole iam occidente, coepit huius vitae miseriam deplorare atque ita in errores mortalium invehi, ut lucrum quoddam diceret esse mortem, ubi permulta et acute et copiose de huius vitae contemptu disseruit, utpote qui iam ad supernam beatitudinem adspiraret. Cum ille finem dicendi fecisset, «haec eadem, Cosme», inquam, «Xenocrates vir sanctus atque dilectus Platonis nostri discipulus in libro de morte tractavit». Tum ille: «Referas», inquit, «Latine, Marsili, quae Grece Xenocrates disputat». Rettuli, probavit. Transferri iussit» (Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio // Op. om. P. 1965). См. также: Гл. II. С. 146.

555 Перевод трактата и предисловие к нему Фичино завершил до конца 1464 г. См.: Kristeller P.O. Introductio. P. CXXXVII.

556 «Haec omnia Cosmus et accurate legit et absolute comprehendit. Cumque Platonis librum de uno rerum omnium principio et de summo bono iam peregrisset, duodecima deinde die, quasi ad id principium bonumque fruendum rediturus ex hac vitae umbra ad supernam lucem revocatus accessit...» (Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio // Op. om. P. 1965).

557 «Itaque postquam Platonis librum De uno rerum principio ac De summo bono legimus, sicut tu nosti, qui aderas, paulo post decessit tanquam eo ipso bono, quod disputatione gustaverat, re ipsa abunde iam potiturus» (Ficinus M. Imitatio potior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 649. 1).

– Козимо»⁵⁵⁸. По справедливому наблюдению американского историка М.М. Буллард, «в случае с Фичино было бы неправильно ограничиваться рассмотрением материальной поддержки, оказанной ему Медичи. От Козимо Фичино получил внушительные дары – имение из собственности Медичи в Кареджи и дом во Флоренции, – предоставившие ему возможность осуществить его переводы греческих философов; но вдобавок Козимо разделял Фичиново увлечение Платоном, поддерживая его занятия также и по этой причине. Фичино, со своей стороны, отвечал взаимностью, даря Козимо дружбой, наставлениями и философскими беседами»⁵⁵⁹. Фичино, по-видимому, не слишком преувеличивал, утверждая, что «не было человека для меня ближе и дороже, чем великий Козимо»⁵⁶⁰. Десятилетия спустя после смерти этого патрона Фичино в качестве до конца преданного ему клиента продолжал справлять праздник святых Косьмы и Дамиана, небесных покровителей Козимо, о чем сообщал его внуку Лоренцо⁵⁶¹.

Невозможно, конечно, отрицать, что поддержку Фичино Медичи использовали для укрепления своей власти во Флоренции; однако – и здесь прав П.О. Кристеллер – не нужно это понимать в том смысле, что, поощряя «платоновские штудии», правящее городом семейство имело в виду «отвлечь внимание граждан от дел государства в сторону умозрительных спекуляций, как многократно говорилось» в литературе⁵⁶². Покровительство со стороны Медичи

558 «Multum equidem Platoni nostro debeo, sed Cosmo non minus debere fateor» (Ibid.).

559 Bullard M.M. Op. cit. P. 476.

560 «Nemo Magno Cosmo me familiarior fuit. Nemo carior». – сказано в письме к Никколò Микелоцци, сыну известного архитектора, человеку, близкому Лоренцо Медичи (*Ficinus M. Laudes Laurentii Medicis mire // Ep. lib. I. P. 622. 2*).

561 «Solemnia cosmica... in Phoebea Saturnii montis [Montevecchio] academiola libenter feliciterque celebravimus» (*Ficinus M. Agriculture literarumque studia invicem feliciter coniunguntur // Ep. lib. VII. P. 844. 1*).

562 Kristeller P.O. *The Platonic Academy of Florence // Idem. Renaissance Thought. II. Papers on Humanism and the Arts. N. Y.; Evanston; London, 1965* (первое изд. работы: 1960 г.) (P. 89-101). P. 90.

Подобная точка зрения на цели культурных предприятий флорентийских Медичи возникла очень давно и имеет приверженцев и по сию пору. Уже известный политический писатель и друг Макиавелли Франческо Веттори

Платоновской академии, несомненно, повышало их престиж, увеличивало их славу меценатов. Правда, непосредственно Козимо от успехов покровительствуемого им культурного начинания мало что успел получить, ибо широкая известность Платоновская академия приобрела при его преемниках, когда были завершены и опубликованы основные переводы и труды Фичино, стяжавшего фактическое признание в качестве крупнейшего философского авторитета своего времени. Уже в силу этого следует согласиться с тем, что безусловно свойственный Козимо точный расчет делового человека, распознавшего в Фичино мыслителя, который своими идеями вскоре будет во многом определять духовный облик эпохи, и поддержка которого позволит обеспечить семье Медичи не только политическое, но и культурное преобладание, был дополнен искренней увлеченностью великими целями, провозглашенными движением за возрождение платоновского наследия, личной потребностью в освоении античной религиозно-философской мысли. Заказывая переводы древних текстов, Козимо, конечно же, ожидал большего, чем удовлетворения своих честолюбивых желаний, – с помощью Фичино он надеялся обрести высшее знание, дабы, по свидетельству гуманиста, «не быть в неведении относительно сокровеннейших тайн мудрости»⁵⁶³, в которых должно было содержаться разрешение самых глубоких мировоззренческих вопросов.

в первой трети XVI в. утверждал, что политика Лоренцо Медичи поощрения искусств и народных увеселений (“*ridurre gli uomini all’arte et a’piaceri*”) носила охранительный характер (*Vettori Fr. Scritti storici e politici. A cura di E. Niccolini. Bari, 1972. P. 307*). С ним полностью согласен историк конца XX в.: “Искусства и увеселения для Лоренцо, метафизические и богословские спекуляции для Козимо – все это было направлено на то, чтобы отвлечь внимание молодежи от дел общественных” (*Niccolini E. Prefazione. P. 17*).

⁵⁶³ «*Deinde ne intima sapientiae ipsius arcana sibi deesent, divi Platonis libros decem et unum Mercurii e greca in latinum a nobis transferri iussit. Quibus omnia vitae praecepta, omnia naturae principia, omnia divinarum rerum mysteria sancta panduntur*» (*Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio. P. 1965*).

6. Пьеро Подагрик

В не раз цитированном выше предисловии к псевдо-Платонову трактату «Аксиох» Фичино, обращаясь к Пьеро Медичи, в пример ему ставил недавно почившего Козимо, «гордость Италии», «стяжавшего себе удивительную славу не только благоразумием в делах человеческих, но и мудростью в божественных, который, даже будучи очень занят, находил время для наук и искусств, в старости же целиком предался преимущественно философии и священным предметам. Его кончину тяжело переживали бы и отечество, и академия, если бы не остался Пьеро, весьма похожий на отца; на его благоразумие и благочестие возлагает свои надежды отечество и рассчитывает академия»⁵⁶⁴. Расчеты эти оправдались лишь отчасти. Преемник Козимо не оставил своим попечением главу академии, хотя в сравнении со своим отцом он явно проигрывал, будучи не столь щедрым и не столь участливым к тому, что делалось Фичино, в воспоминаниях которого о Пьеро нет ни теплоты, ни чувства привязанности, присущих всему, сказанному им впоследствии о «великом Козимо». Поэтому следует осторожно подходить к словам Корси, характеризующим Пьеро как деятельного и, более того, инициативного участника Фичинова кружка: «Его [Пьеро] часто навещал Марсилиий, открывая ему положения платоновской философии, которая произвела на Пьеро столь сильное впечатление, что он подвиг (compulit) Марсилию к изданию переводов Платона, их прилюдному толкованию и преподаванию, дабы его сограждане также были просвещены новым светом столь возвышенного учения и такой замечательной философии; он подарил Марсилию много томов на греческом и латинском языках великой ценности, которые оказались весьма полезными для изложения и объяснения уче-

564 “Cosmus Italiae decus Petro Medices... non modo rerum humanarum prudentia, verumetiam sapientia divinarum miram sibi gloriam comparavit. Qui cum nullum vitae tempus, vel in summis negotiis absque consortio musarum transegerit, in senectute praecipue philosophiae studiis sacrisque literis totum se tradidit... Cuius decessu graviter et patria, et academia gemeret, nisi Petrus parenti quam similimus superesset in cuius prudentia atque pietate, patria spem suam firmet, et academia conquiescat” (*Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio. P. 1965*).

ния Платона»⁵⁶⁵. Последнее сообщение Корси о получении Фичино от Пьеро каких-то книг не находит подтверждения ни свидетельствами самого Фичино, ни другими документами⁵⁶⁶. Если к преподаванию Фичино во Флорентийском университете в 1466 г. Пьеро мог иметь какое-то отношение⁵⁶⁷, то более чем сомнительным выглядит утверждение Корси, будто Пьеро «подвиг» Фичино к изданию переводов Платона, которые вышли в свет только через пятнадцать лет после смерти Пьеро. Эту неувязку биографа Фичино отмечает французский исследователь А. Рошон, впрочем, допуская, что Пьеро все же мог побудить Фичино к осуществлению перевода всех оставшихся сочинений Платона⁵⁶⁸.

Последнее маловероятно. В предисловии к комментариям на труды Платона сам гуманист уточнял, что после смерти Козимо его сыну Пьеро «давал читать» (*legendos dedi*) лишь девять диалогов⁵⁶⁹, хотя до смерти последнего (1 декабря 1469 г.) завершил перевод всех трудов афинского философа⁵⁷⁰. Скорее всего с какого-то момента философские беседы между Пьеро, прозванным за болезнь, которая свела его в могилу, Подагриком, и доставшимся ему по наследству от отца подопечным Фичино сошли на нет. Любопытно, что если вскоре после смерти Козимо Фичино, обращаясь к Пьеро Медичи, с несомненной надеждой именуется его «столпом Академии» (*academiae columen*),

565 *Cursius J. Op. cit. VII. P. 683.*

566 Ошибочно основывающееся на этих словах Корси утверждение А. Делла Торре (*Della Torre A. Op. cit. P. 566*), будто Пьеро снабдил Фичино трудами Спевсиппа и Альбина-Алкиноя, которые на самом деле были переведены еще при жизни Козимо (См.: *Marcel R. Op. cit. P. 307*).

567 Недавно опубликованы платежные документы, из коих явствует, что с большим опозданием, только в 1469 г., Фичино получил причитавшиеся ему 160 лир (40 флоринов) за чтение годового курса философии (“*a messer marsilio dimaestro fecino persua lettura infiloxofia peruno anno 1466*”). См.: *Davies J. Marsilio Ficino: Lecturer at the Studio fiorentino // RQ. 1992. Vol. XLV. N 4. P. 785-790*). Сумма более чем скромная (Ландино получал 200 флоринов в год), Фичино, по-видимому, читал “экстраординарный” курс. Тем не менее, вполне возможно, что место это исхлопотал для Фичино в качестве “приработка” Пьеро Медичи, который был попечителем университета Флоренции.

568 *Rochon A. La jeunesse de Laurent de Medicis (1449-1478). Clermont-Ferrand, 1963. P. 295, 296.*

569 *Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1129.*

570 См. об этом: Гл. 1. С. 000.

то есть платонической философской традиции, то уже в апреле 1466 г. громкое имя «покровителя Академии» (*academie tutor*) гуманист присваивает некоему Мильоре Креши⁵⁷¹; и это может служить признаком приостановки, или полного прекращения, в 1465-начале 1466 гг. платоновских чтений Фичино с преемником Козимо Старого.

Воспитанный Карло Марсуппини в традициях аристотелевской философии, столь популярной во флорентийском гуманизме первой половины и середины XV в., Пьеро отдавал предпочтение Иоанну Аргиропулу, переводившему по его прямому заказу труды Стагирита и Порфирия и посвятившему ему собственный свой трактат, и участвовал с 1456 г. в кружке лиц, сложившемся возле ученого византийца и известном как Сообщество Флорентийской Академии (*Chorus Academiae Florentinae*)⁵⁷². Справедливой выглядит также мысль Р. Марселя о том, что Пьеро не выступал инициатором публичного комментирования «Филеба», предпринятого Фичино ок. 1468 г., поскольку, будучи официальным попечителем университета (*Studio*), правитель Флоренции не должен был организовывать публичные курсы, которые могли повредить этому учреждению⁵⁷³.

Как бы то ни было, следует признать, что роль Пьеро в трудах Фичино была весьма скромна и ни в коей мере не сравнима с той, какую сыграли его отец Козимо и сын Лоренцо⁵⁷⁴, не без стараний Фичино в благодарность за оказанные гуманисту милости прозванный Великолепным.

в. Лоренцо Великолепный

Прямые контакты Фичино с Лоренцо начались довольно рано, по крайней мере с 1462 г., когда гуманист на положении фактически «домашнего» философа стал близким Козимо Медичи человеком. Однако документально зафиксированы первые контакты Фичино с Лоренцо к исходу жизни Козимо: в письме Лоренцо, составленном в сентябре 1474 г., гуманист вспоминает, как он в его присутствии

571 См.: *Ficinus M. In traductionem libri Xenocratis Platonici praefatio*. P. 1965; SF. Vol. II. P. 88-89.

572 Подробнее на эту тему см. материал в работе: *Marcel R. Op. cit.* P. 301-311; *Hankins J. Cosimo de' Medici...* P. 148.

573 *Ibid.* P. 322.

574 См. в этой связи работу: *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici*. P. 478.

читал лежавшему на смертном одре Козимо платоновские диалоги «Парменид» и «Филеб»; вскоре после окончания чтения больной преставился⁵⁷⁵. Это случилось 1 августа 1464 г., Лоренцо тогда было пятнадцать лет. Вряд ли Фичино проводил с Лоренцо какие-то особые занятия (это входило в обязанности Джентиле Бекки), хотя его встречи и беседы с Лоренцо, подобные тем, которые гуманист имел со старшими представителями семьи Медичи, Козимо и Пьеро, при их жизни, не вызывает сомнений⁵⁷⁶. Обсуждаться там могли не только диалоги афинского философа и позднеантичные писания герметического, орфического, зороастрийского толка, но и теоретические проблемы науки, искусства, политики, морали, богословия⁵⁷⁷. Сообщения по данному поводу, пусть и косвенного характера, содержатся в «Камальдоленских беседах» Ландино; время действия этих диалогов отнесено к 1468 г., созданы они до конца 1469 г., а опубликованы после смерти Альберти в 1472 г.; в них Лоренцо в качестве персонажа произведения несколько раз упоминает – надо полагать, имея в виду реальные события, – о том, что Фичино разъяснял ему Платона, что вместе они изучали диалог «Тимей», что сам он, наконец, даже читал ранний Фичинов трактат «О наслаждении»⁵⁷⁸.

575 *Ficinus M. Imitatio potior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 649. 1.* О приобщении Лоренцо к философии Платона и Аристотеля их переводчиками, соответственно Фичино и Иоанном Аргиропулом, упоминал в адресованном Лоренцо предисловии к своей “Смеси” Анджеоло Полициано: “*Quoniam rectae coenae speciem, vicemque graviora illa occupant, qualia tibi multa vel Marsilius Ficinus Platonis, vel Aristotelis interpres Argyropylus Byzantius e philosophiae pene congesserunt*” (*Politiani A. Miscellaneorum Prefatio // Opera omnia. Basileae, 1553. P. 217*). См.: Marcel R. Op.cit. P. 375.

576 См.: *Rochon A. La jeunesse de Laurent de Médicis (1449-1478). Clermont-Ferrand, 1963. P. 30-40.*

577 Флорентийский гуманист Кристофоро Ландино в предисловии к трактату “Об истинном благородстве” (не ранее 1487 г.), адресованном Лоренцо Медичи, напоминал ему о подобного рода диспутах, проводившихся в доме его деда Козимо и отца Пьеро именитыми учеными из Флоренции и других мест и посвященных самым разным предметам, – от управления государством и норм гражданской жизни до естествознания, математики и пределов божественного ведения (*Landino Cr. De vera nobilitate. A cura di M.T. Liaci. Firenze, 1970. P. 26.* См. здесь же: *Liaci M.T. Introduzione. P. 16, 17*).

578 См. публикацию соответствующих отрывков: *SF. Vol. II. P. 251-252. (Landino Ch. Disputationes Camaldulenses. I-IV. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980. 12, 82, 222).* См. также: *Marcel R. Op. cit. P. 314-321.*

Полициано также свидетельствует о том, что Лоренцо к философии приобщал Фичино, переводчик Платона, наряду с Аргиропулом, переводчиком Аристотеля⁵⁷⁹. О том, что между Фичино и юным Лоренцо уже сложились добрые и даже близкие отношения говорит приписка к посланию Франческо Берлингьери за 1466 г., в которой гуманист просит этого Медичи поддержать ходатайство их друга, Берлингьери, о получении одного их освободившихся церковных приходов⁵⁸⁰.

Безусловно, в раннем возрасте Лоренцо стал проявлять активный интерес к делу, которому предназначил себя Фичино, – возрождению и освоению великой древнеязыческой богословской традиции, наиболее полным образом обобщенной и истолкованной, как считалось, Платоном и его продолжателями. Не случайно еще при жизни Пьеро Медичи Фичино посвятил перевод некоторых диалогов Платона, например «Иона», не ему, а Лоренцо⁵⁸¹. В «Комментарии на «Пир» Платона, о Любви», в латинском варианте, завершенном не позднее лета 1469 г., инициативе «прославленного мужа Лоренцо Медичи» (*vir clarissimus Laurentius Medices*) Фичино приписывал «возобновление платоновского пира» 7 ноября 1468 г., которым по примеру древних платоников был отмечен день рождения и смерти афинского философа; устройство праздника Лоренцо будто бы возложил на Франческо Бандини, собравшего девять сотрапезников на вилле в Кареджи⁵⁸². В предисловии к выполненной скорее всего в том же 1469 г. итальянской версии «Комментария на «Пир» Платона...» Фичино само появление этого своего произведения объяснял опять же настоянием Лоренцо: «Для пользы латинян я перевел книгу Платона [«Пир». – О.К.] и, побуждаемый нашим вели-

579 “... quoniam rectae coenae speciem vicemque graviora illa occupant, qualia tibi multa vel Marsilius Ficinus Platonis vel Aristotelis interpres Argyropylos Byzantius e philosophiae penu congesserunt” (*Politianus A. Praefatio Miscellaneorum* // *Op. om. Basileae, 1553. P. 217*).

580 “Obsecro ut honestis eius [Берлингьери] votis sis propitius” (*SF. Vol. II. P. 96. См. также: Della Torre A. Op. cit. P. 666; Catalogo. P. 74 N 57*).

581 См.: *Kristeller P.O. Introductio* // *SF. Vol. I. P. CLI*.

582 *Ficino M. Commentarium in Convivium Platonis de Amore. I. 1* // *Op. om. P. 1321. Итальянскую редакцию см.: Ficino M. El libro dell’Amore. A cura di S. Niccoli. Firenze, 1987. P. 5. Русский перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка см.: Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. I. С. 144.*

колепным Лоренцо Медичи, прокомментировал наиболее трудные таинства, в ней содержащиеся»⁵⁸³.

Еще раз о присутствии Лоренцо великолепии – купно с необыкновенным человеколюбием – гуманист заявил в эпистоле, адресованной в январе 1474 г. непосредственно своему покровителю⁵⁸⁴. Фичино видел или хотел видеть в нем образец социального поведения, достойный того, кто призван воплощать собой эту добродетель⁵⁸⁵. Прежде всего он оценил, конечно, поддержку и прямое участие Лоренцо в делах и начинаниях Платоновской академии. Заинтересованный в сохранении этих отношений, Фичино на правах наставника – роль, которую он сохранял и после прихода Лоренцо к власти во Флоренции, – старался не только приобщать его к своим трудам и идеям, но и ориентировать на подражание Козимо или, как он писал в послании к Лоренцо, «великого Козимо, твоего деда, моего покровителя» (*Magnum Cosmum, ... avum tuum, Patronum meum*), рисуя нравственный портрет которого, гуманист не забыл тут же упомянуть о справедливости и великолепии, проявляемых им в отношении людей (*erga homines iustum, atque magnificum*)⁵⁸⁶. Быть, как Козимо, продолжать его дело означало, среди прочего, проявлять заботу о Платоновской академии, основателем и не-

583 “Io per remedio de’Latini el libro di Platone di greca lingua in latino tradussi e, confortato dal nostro magnifico Lorenzo de’Medici, e mysterii che in decto libro erano più difficili commentai...” (*Ficino M. El libro dell’Amore. Proemio di Marsilio Ficino fiorentino sopra El libro dell’Amore, a Bernardo del Nero e Antonio di Tuccio Manetti... P. 4*). См. об этом: *Della Torre A. Op. cit. P. 602-604; Kristeller P.O. Introductio. P. CXXIII, CXXIV.*

Впрочем, по заключению С. Джентиле, в первоначальной версии «Комментария на “Пир” Платона...» Лоренцо скорее всего даже не был упомянут и уже задним числом в окончательной редакции трактата гуманист приписал молодому Медичи решающую роль в восстановлении древнего обычая платоников, а заодно и в составлении этого труда (*Gentile S. Per la storia del testo del “Commentarium in Convivium” di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1981. Vol. 21 (P. 3-27). P. 16-18*).

584 “Agere gratias innumerales hortatur singularis humanitas et magnificentia tua...” (*Ficinus M. Mirabilium auctor Deus est, non homo // Ep. lib. I. P. 622. 1*).

585 См. в этой связи: С. 444.

586 *Ficinus M. Imitatio potior quam lectio // Ep. lib. I. P. 648-649*. Послание следует датировать концом сентября 1474 г. См.: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere I. Epistolarum familiarium liber I. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. P. CCLXIII.*

усыпным попечителем которой представлял Фичино этого Медичи в трудах, адресованных Лоренцо⁵⁸⁷.

Смерть Пьеро Медичи (3 декабря 1469 г.) внесла в планы Фичино серьезные коррективы. В долгий ящик пришлось отложить окончательную доработку перевода всех сочинений Платона, завершеного в 1468 или в 1469 г. Предстояла еще их сверка и исправление. Как раз на этом этапе дело затормозилось. «После ухода из жизни Пьеро, – сетовал Фичино Лоренцо Медичи, – фортуна... вопреки моей воле отрывала меня от занятия переводами [Платона. – О.К.]. Ты же, почитатель религии и покровитель философии, [своими] милостями и содействием вернул меня к ним»⁵⁸⁸. Трудно сказать, были ли какие-нибудь другие обстоятельства, препятствовавшие Фичино довести до конца дело с переложением Платона на латинский язык, кроме тех напряженных ученых занятий, которым предавался гуманист в 70-начале 80-х годов. Трудно также сказать, чем конкретно обязан был Фичино Лоренцо Медичи, внуку Козимо и сыну Пьеро, в освоении Платонова наследия, хотя, как сообщает Никколò Валори, первый биограф Лоренцо, этот молодой Медичи, пройдя курс обучения у грека Аргиропула перипатетической науке, обратился к освоению Платонова наследия под руководством Марсилия Фичино, «с которым тесно общался и благодаря которому очень преуспел в постижении глубин и тайн Платонова учения», «стремясь, лишь только был свободен от общественных дел, как можно больше внимать ему и беседовать с ним»⁵⁸⁹. И вполне закономерно, что в первом печатном

587 Подробнее см.: Кудрявцев О.Ф. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 37-39.

588 “Postquam uero Petrus è uita decessit, fortuna praeclaris saepe operibus inuida, inuitum me à traductionis officio distrahebat. Verum tu et religionis cultor, et philosophiae patronus, me ad inceptum omni fauore et auxilio reuocasti” (Ficino M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1129).

589 “Post Aristotelem Academiae amore incensus Marsilio Ficino familiarissime utebantur, sub quo maxime profecit, ut etiam Platonis sensus intimus et reconditus quosque penetraret... Quare... quotiescumque a publicis negotiis vacabat, semper Academiae inhaerebat, cupiens maxime audire et alloqui Ficinum, qui... post tot secula primus Academiae fores non solum aperuit, sed intima quoque adita se duce penetravit” (Valori N. Vita di Lorenzo de’ Medici. A cura di E Niccolini. Vicenza, 1991. P. 49). Труд Валори создан вскоре после смерти Лоренцо в 1492 г.

издании Платона (1482 г.) все его произведения – включая диалоги, посвященные ранее Козимо и Пьеро Медичи, а также собственное сочинение гуманиста «Комментарий на «Пир» Платона...» – он преподнес Лоренцо Медичи⁵⁹⁰.

Следующие за переводами Платона значительные труды гуманиста, латинская редакция «О христианской религии» и фундаментальное «Платоновское богословие о бессмертии душ», были также адресованы Лоренцо Медичи. Фичино писал своему патрону в направляемом ему предисловии к «Платоновскому богословию»: «Я посчитал необходимым посвятить тебе, Великодушный Лоренцо, предпочтительно перед другими сей труд не для того, чтобы сообщить тебе философские [истины], в коих ты давно уже сведущ – ибо не столько тебе, сколько другим я хочу открыть тайны древних, тебе уже известные, – но потому что по твоей милости мы обрели досуг, облегчивший нам возможность заниматься философией, и потому еще, что наш Платон, мне кажется, весьма порадовался бы, увидя в тебе то, чего очень желал великим людям прошлого: соединение философии с наивысшей гражданской властью»⁵⁹¹. Фичино недвусмысленно признавал первостепенную роль представителя третьего поколения правившего Флоренцией семейства Медичи в создании необходимых условий для того, чтобы можно было целиком предаться делу, к которому считал себя предназначенным. Но, кроме того, гуманист изображал Лоренцо воплощением платоновского

590 В конце оглавления к этому изданию сказано: “Primi decem libri ad Cosmum Medicem, ex reliquis autem novem quidem ad Petrum Medicem, septem vero atque triginta, immo vero cuncti ad Laurentium Medicem” (Цит. по: *Kristeller P.O. Introductio. P. CLI*). Это же посвящение подтверждено в адресованном Лоренцо предисловии к переводам Платона (Op. om. P. 1129).

591 “Opus autem ipsum tibi Magnanime Laurenti iudicavi prae caeteris dedicandum, non ut philosophica tibi aperiam, de quibus iamdiu ita disputas, ut non tam tibi qui haec iam videris miro quodam ingenio consequutus, quam caeteris priscorum arcana videar editurus, sed quod et nos beneficio tuo id otium [в оригинале – odium] quo facilius philosophari possemus, consecuti simus, et Plato noster hoc nostro erga te officio gratulaturus admodum videatur, quoniam quod ille in magnis quondam viris potissimum exoptabat, ipse philosophiam una cum summa in rebus publicis auctoritate coniunxeris” (*Ficino M. Prooemium in Platonicam Theologiam de animorum immortalitate. P. 78*).

идеала государя-философа⁵⁹², мудреца во власти – тех самых качеств, сочетание которых необходимо, по его мнению⁵⁹³, для возвращения «золотого века», не случайно приурочиваемого медичейской пропагандой к правлению Лоренцо⁵⁹⁴.

Равным образом все последующие крупные свои работы Фичино полагал необходимым посвящать Лоренцо⁵⁹⁵, не упуская случая идентифицировать себя с новой гуманистической культурой Флоренции⁵⁹⁶, с идеями Платоновской академии, оказавшими сильнейшее влияние на направление духовных исканий в Италии и других европейских странах. 12 ноября 1490 г. Лука Фабиани, писец и друг Фичино, изготовил для Лоренцо Медичи кодексы с Фичиновыми переводами и толкованиями Платона, украшенные иллюстрациями; оплатил работу Филиппо Валори⁵⁹⁷. А вот типографские расходы по изданию Платиновых «Эннеад» в переводе Фичино и с его же комментариями взял на себя сам «покровитель Академии» Лоренцо Медичи⁵⁹⁸, которому оно было посвящено. Правда, вышло в свет оно через месяц после его смерти, в мае 1492 г.⁵⁹⁹,

592 Платон. Государство. 473d. Генезис этого образа Лоренцо в писаниях Фичино прослежен в работе: *Gentile S. Per la storia del "Commentarium in Convivium" di Marsilio Ficino*. P. 16-18.

593 См. подробнее: раздел «Патент на благородство...». С. 386-387.

594 Кудрявцев О.Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // *Личность, идея, текст в культуре Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2001 (С. 84-92). С. 89.

595 См. открытое признание в этом в письме к Филиппо Валори, которому только с разрешения Медичи (!) Фичино осмелился посвятить небольшой перевод Прискиана Лида: "*Medices vero nostri, quibus tanquam Platonis dare omnia, immo reddere consuevimus, consentiunt proculdubio munusculum hoc unum e multis meo dedicari Valori...*" (*Ficinus M. Prooemium in Theophrasti de anima* // Ep. lib. XI. P. 897. 1).

596 См в связи с этим см. наблюдения: *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici*. P. 474-475.

597 *Kristeller P.O. Introductio*. P. CXXVIII.

598 "... cuius [Plotini] libros tu patronus Academie magnifico sumptu formis exprimi curavisti", – сказано в письме Филиппо Валори к Лоренцо. Опубликовано Кристеллером: *MFRP. Vol. I*. P. 32. См. об этом также письмо Фичино за ноябрь 1491 г. Мартину Уранию (Преннингеру): *Gratiarum actio* // Ep. lib. XI. P. 929. 3.

599 См.: *Kristeller P.O. Introductio*. P. CLVIII.

с приложением письма, обращенного к Пьеро Медичи, сыну и наследнику Лоренцо⁶⁰⁰.

В конце 1489 или в начале 1490 гг. Лоренцо был посвящен кодекс с переводами всех крупнейших представителей языческого неоплатонизма III-VI вв. Порфирия, Ямвлиха, Прокла, раннехристианского философа-неоплатоника Синезия и византийского платоника Михаила Пселла, а, кроме того, Прискиана Лида⁶⁰¹. В то же почти время, осенью 1489 г., иждивением Филиппо Валори был подготовлен хорошо иллюстрированный миниатюрами кодекс с «Тремя книгами о жизни», созданными в значительной мере по мотивам комментариев к Плотину, а уже в начале декабря 1489 г. это произведение, посвященное все тому же Лоренцо Медичи, вышло во Флоренции из печати; и снова финансировал это издание Филиппо Валори.

Получая все эти посвящения, Лоренцо афишировал свою исключительную роль в отношениях с главой Платоновской академии; чтобы претендовать на нее, мало было быть фактическим главой Флорентийского государства; нужно при этом, по примеру Козимо Старого, проявлять активную заинтересованность в том духовном предприятии, которое олицетворяла собой Платоновская академия, и оказывать ему поддержку; но Лоренцо сумел пойти дальше предшественников – в определенный момент он стал соучастником философского дела Фичино⁶⁰², в собственных поэтических сочинениях популяризируя идеи своего наставника. В поэме «Спор» (или:

600 *Ficinus M. Magnanimo Petro Medici // Op. om. P. 1538.*

601 “*Sinesius atque Psellus, et Iamblicus ac Porphyrius Proclusque Platonici iam pridem amplissimas tuas aedes ingressi, ingenuos filios tuos salutauerunt... Comitantur praeterea hos quinque philosophos Priscianus Lydus, simul et Theophrastus*”, – сказано в предисловии к направленному Лоренцо кодексу (*Ficinus M. Prooemium in libros primo quidem missos ad Laurentij filios et Valorem, deinde ad Laurentium Medicem // Ep. lib. X. P. 905. 4).*

602 Конечно, Фичино и его труды были не единственным предметом внимания Лоренцо Медичи, по справедливому замечанию Дж. Ханкинса, покровительствовавшего также Флорентийскому и Пизанскому университетам, многим деятелям науки и искусства, однако не стоит вслед за американским историком преуменьшать степень близости между этими людьми, выставляя главу платоников в качестве почитаемого, но по преимуществу маргинального участника культурного окружения властителя Флоренции (*Hankins J. Lorenzo de' Medici as a patron of philosophy // Rinascimento. 2 Ser. 1994. Vol. 34 (P. 15-53). P. 32-35).*

«Препирательство», «L'Altercazione»), написанной в 1473-1474 гг., по свидетельству Фичино, после их совместного и «подробного обсуждения в Кареджи разных аспектов счастья», Лоренцо вложил в уста главы Академии, этого «нового Платона», пространное рассуждение, которое воспроизводит трактовку этой темы, данную гуманистом в одном из его писем к патрону⁶⁰³. Другие произведения Лоренцо

603 *Medici Lorenzo de'. L'Altercazione. Cap. II. 109 –V. 108 // Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. 2. P. 44-62. Здесь же см. поэтический ответ Лоренцо на речь Фичино. Послание Фичино Лоренцо, излагающее обстоятельства беседы и концепцию счастья, ставшую предметом обсуждения, см.: Ficinus M. Quid est felicitas, quod habet gradus, quod est aeterna // Ep. lib. I. P. 662-665 (мой перевод этого послания см.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 222-228). Р. Фубини, присоединяясь ко мнению П.О. Кристеллера (*Kristeller P.O. Lorenzo de'Medici platonico* (1-е изд. – 1938 г.) // *Idem. SRTL* (P. 213-219). P. 214-217), считает, что послание Фичино было не ответом на присланную ему поэму, а тем текстом, которым, наоборот, Лоренцо руководствовался при создании своего произведения, намереваясь будто бы сопроводить им должным образом подготовленную публикацию Фичинова “Платоновского богословия” (*Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico. P. 267-268*). По мнению же С. Джентиле, поначалу, в сентябре 1473 г., Лоренцо прислал Фичино стихотворное сочинение в трех частях “О высшем благе” (“*De summo bono*”), но после марта 1474 г. он его расширил философскими пассажами, в основе которых лежит Фичиново письмо о счастье, а также парафразами еще одного послания этого гуманиста, озаглавленного “Богословская речь к Богу” (*Ficinus M. Oratio ad Deum theologica // Ep. lib. I. P. 665-667*), составившими шестую главу поэтического произведения Лоренцо “L'Altercazione” (*Medici Lorenzo de'. Op. cit. P. 65-70. См. также: Gentile S. Introduzione. P. XLVIII-LI*). Об обстоятельствах появления Фичинова письма о счастье, на которое опирался Лоренцо в своей поэме, см.: *Wadsworth J.B. Landino's "Disputationes camaldulenses", Ficino's "De felicitate" and "L'Altercazione" of Lorenzo de' Medici // Modern Philology. 1952. Vol. L. N 1. P. 23-31.**

Кроме Лоренцо Медичи, на Фичиново письмо о счастье отреагировал доминиканец Винцент Банделло. В 1474-1475 гг. он адресовал Лоренцо специальное сочинение, посвященное опровержению точки зрения Фичино о преимуществе воли перед интеллектом в стяжании небесного блаженства, доказывая правоту томистского тезиса о превосходстве в подобном деле интеллекта над волей; при этом он был уверен, что подобная полемика не помешает ему сохранить дружбу главы флорентийских платоников (*Bandellus V. Opusculum... quod beatitudo hominis in actu intellectus et non voluntatis essentialiter consistit // Kristeller P.O. Le Thomisme et la pensée*

также излагают мысли и положения, которые можно найти в трудах Фичино⁶⁰⁴. Надо полагать, что стремление Лоренцо быть на уровне интеллектуальных запросов времени, быстро реагируя своим творчеством на религиозно-философские разработки Фичино, не могло не способствовать росту престижа трудов и концепций этого мыслителя в глазах современников. Не случайно и Фичино, в свою очередь, подчеркнуто демонстрировал привязанность к Лоренцо и заинтересованность в нем. «Умоляю тебя, мой Лоренцо, – обращался к нему Фичино в письме от 21 января 1474 г., – как ради Академии, которая благодаря тебе процветает, так и ради твоего отечества, которое тебе дороже всего на свете, о том, чтобы ты заботился о твоём здоровье: ибо если не будет благополучно с твоим здоровьем, то с того же момента не будет благополучно и в Академии, и в отечестве»⁶⁰⁵.

В приведенных словах особенно акцентируется зависимость академии от Лоренцо. Однако вряд ли будет правильным заключать, опираясь на них, что главный побудительный мотив к изучению пла-

italienne de la Renaissance. Montréal; Paris, 1967 (P. 195-278). P. 195). Подробнее об этой полемике см.: *Kristeller P.O. Le Thomisme et la pensée italienne...* P. 104-123.

604 О влиянии на религиозную поэзию Лоренцо, его “*Capitoli religiosi*”, герметических сочинений, переводимых и популяризируемых Фичино, см.: *Bonardi C.M. Le orazioni di Lorenzo il Magnifico e l’inno finale della “Circe” di G.B. Gelli // GSLI. 1899. Vol. 33. P. 223-228; Gentile S. Introduzione. P. LI; Copenhaver B.P. Lorenzo de’Medici, Marsilio Ficino and domesticated Hermes // Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1994 (P. 225-257). P. 238-247. К Фичиновой концепции счастья Лоренцо возвращается еще раз во второй части “Лесов любви” (“*Selve d’amore*”). См.: *Kristeller P.O. Lorenzo de’Medici platonico. P. 214. Сходное с Фичино переживание быстротечности жизни и связанный с этим призыв “радоваться настоящему” содержится в “Вакхической песне” Лоренцо: “Qunt’è bella giovinezza, / che si fugge tuttavia! / Chi vuol esser lieto, sia: / di doman non c’è certezza”. См.: Medici Lorenzo de’. Opere. Vol. 2. P. 249 (“Помни, кто во цвете лет, – / Юн не будешь бесконечно, / Нравится – живи беспечно: / В день грядущий веры нет”. Перевод Е. Солоновича. См. изд. Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 81).**

Детальному исследованию платонических мотивов в творчестве Лоренцо Медичи, навеянных, в частности, трудами Фичино, посвящены работы: *Buck A. Der Platonismus in den Dichtungen Lorenzo de’ Medicis. Berlin, 1936. S. 72-94; Gentile S. Ficino e il platonismo di Lorenzo // Lorenzo de’ Medici: new perspectives. Ed. B. Toscani. New York, 1993 (P. 23-47). P. 24-27.*

605 *Ficinus M. Mirabilium author Deus est, non homo // Ep. lib. I. P. 622. 1.*

тонизма в то время исходил от Лоренцо⁶⁰⁶. Хотя бы потому, что сам Лоренцо смолоду был учеником Фичино и, несомненно, и в дальнейшем находился под сильным влиянием ученых увлечений наставника. «После Аристотеля, воспламенившись любовью к Академии⁶⁰⁷, он самым тесным образом общался с Марсилием Фичино с большой пользой для себя, – писал о Лоренцо Никколò Валори, – проникнув в самые глубокие и тайные мысли (*sensus*) Платона, о чем свидетельствует весьма часто в своих писаниях сам Фичино. Ведь, по его словам, Лоренцо имел обыкновение говорить, что без платонической науки (*Platonica disciplina*) никто не будет ни добрым гражданином, ни сведущим в христианском учении. Поэтому, рассуждая таким образом, Лоренцо всякий раз, когда был свободен от дел государственных, всецело посвящал себя Академии, горя желанием слушать Фичино и беседовать с ним... Итак, усердно занимаясь с Фичино, от которого он воспринимал некое тайное учение божественного Платона, для отдохновения ума он весьма охотно припоминал жизнь и нравы деда [своего] Козимо, при этом интересуясь, какими качествами он достиг столь высокого достоинства»⁶⁰⁸.

Конечно же, Лоренцо хотел походить на прославленного деда, и Фичино всячески поощрял в нем это стремление⁶⁰⁹. «Подобно тому, как Бог сотворил Козимо по образу мира, так же и ты, продолжая начатое, формируй себя по образу Козимо»⁶¹⁰, – взывал к Лоренцо гуманист. А в послании к Никколò Микелоцци, секретарю и близкому к Лоренцо человеку, Фичино в явном расчете на то, что адресат познакомит с ним своего патрона, писал: «Я находил в этом старце [Козимо. – О.К.] доблесть не человека, но героя. Теперь я ясно узнаю в этом молодом человеке [Лоренцо – О.К.] – узнаю целиком того старого, я вижу феникса в фениксе, свет в луче. Наш Лоренцо постоянно

606 Della Torre A. Op. cit. P. 585, 740; Saitta G. Marsilio Ficino e la filosofia dell'umanesimo (1-е изд. – 1923). Bologna, 1954. P. 6.

607 Здесь и далее в цитате Академия – это учение Платона и его последователей.

608 Valori N. Op. cit. P. 49-50, 100.

609 Подробнее на эту тему см.: Bullard M.M. Lorenzo Il Magnifico. P. 20-22; Gentile S. Introduzione. P. LXI-LXII.

610 “Vale, et sicut Deus Cosmum ad ideam mundi formavit, ita te ipse, quemadmodum coepisti, ad ideam Cosmi figura” (*Ficinus M. Imitatio potior quam lectio // Ep. lib. I. P. 648-649*).

и многообразно обнаруживает теперь эту блистательность Козимо, светоч для откровения латинским народам и славы Флорентийскому государству»⁶¹¹. Фичино стремился в этом молодом и честолюбивом, искушенном в политике и хорошо образованном Медичи обрести столь же равнодушного к нему и его делу, щедрого и участливого покровителя, какого он имел в лице Козимо Старого. Похоже, надежды Фичино оправдались. По отношению к Лоренцо, правда, он уже выступал не в роли подопечного воспитанника, как с Козимо, но в роли наставника, что, впрочем, не мешало им обоим в письмах, проникнутых мотивами платонической любви (*amatoriae*), признаваться друг другу в глубокой, сердечной привязанности. «Все, что исходит от тебя, благо; все, о чем ты помышляешь, праведно; поэтому все, что ты напишешь, для нас ценно и приятно», – обращался Лоренцо Фичино в январе 1474 г. и вскоре отправлял ему новое послание с уверениями: «ты принадлежишь уже не Марсилию, но Лоренцо, который не меньше твой, чем ты его»⁶¹². Фичино вторил ему в письме к его секретарю Никколò Микелоцци: «Лоренцо принадлежит мне по причине своей необыкновенной человечности. В свою очередь, я – Лоренцо из-за бесподобных дарований его души. Он заплатил за меня высокой ценой, то есть самим собой»⁶¹³. Обращенное к Лоренцо увещание рачительно обходиться со временем вынудило его признаться наставнику: «... ты первенствуешь в любви ко мне и намного превосходишь всех других в дружбе; ... ты способен в изобилии наделять такими дарами дружбы, какими другие не в состоянии... Ибо ничто не может просветить мое существование более, чем твои исполненные великого смысла и великой любви наставления, твои

611 “Cognovi in eo sene non humanam virtutem, sed heroicam. Agnosco nunc in isto adolescente penitus, agnosco totum illum senem, phoenicem video in phoenice, in radio lumen. Emicat iam ex Laurentio nostro foras Cosmianus splendor ille multis quotidie modis, lumen ad revelationem Gentium Latinarum, et Florentiae Reipublicae gloriam” (*Ficinus M. Laudes Laurentij Medicis mirae // Ep. lib. I. P. 622. 2*).

612 “Nihil ex te proficiscitur non bonum, nihil cogitas non rectum: nihil itaque scribi a te potest non nobis utile, non iucundum” (*Ficinus M. Invitatio ad scribendum // Ep. lib. I. P. 620. 2*). “Iam igitur non Marsilij es, sed Laurentij tui, non minus tui quam tu ipsius” (*Amatoria // Ibid. P. 621. 3*). См. также: *Medici Lorenzo de’*. Lettere. A cura di R. Fubini. Firenze, 1977. Vol. 1. P. 501, 503. N 155, 156.

613 *Ficinus M. Laudes Laurentii Medicis mirae // Ibid. P. 622. 2*.

сладчайшие речи»⁶¹⁴. Конечно же, Фичино спешил подтвердить свои чувства, намекая при этом на то, что их глубину не дано изведать, ибо он любит Лоренцо больше, чем хвалит его⁶¹⁵.

В подобных заявлениях много игры и риторики, рассчитаны они на то, чтобы создать образ совершенной платонической дружбы и любви, в котором, очевидно, находили выгоды и наставник, и его вознесенный к вершинам власти ученик. По мнению французского исследователя А. Рошона, ничто не подтверждает искренность чувств, высказанных этими людьми друг к другу, равно как их действительно тесные отношения; имя философа, например, почти не упоминается в частной корреспонденции Лоренцо, в его архиве мало документов Фичино⁶¹⁶. Еще дальше идет итальянский историк Риккардо Фубини, полагая, что между Фичино и Медичи никогда не было настоящей сердечности и близости, а после 1474 г. отношения главы Платоновской академии и Лоренцо серьезно испортились и на какое-то время (до 1487 г.) даже прекратились по причине разных политических установок, неодобрительного восприятия Фичино все более ужесточающегося режима личной власти, который Лоренцо навязывал Флоренции, а также по причине, будто бы, сочувствия философа заговору Пацци. Признаки охлаждения Фубини находит уже в их переписке за 1474 г., а в письме Фичино Лоренцо за 1476 г. с жалобой на небрежение благочестивым обычаем праздновать день Космы и Дамиана (27 сентября), в который отмечался заодно и день рождения Козимо Медичи, он усматривает доказательство тому, что «отношения Фичино с Медичи были тогда решительно плохими» (*decisamente cattive*)⁶¹⁷.

614 См. Фичиново послание и ответ на него Лоренцо: “*Tempus parce expendendum*”; “*Responsio ad epistolam de tempore parce expendendo*” (Ep. lib. I. P. 646-648; *Medici Lorenzo de’*. Lettere. Firenze, 1977. Vol. II. P. 37-39. N 178).

615 “*Ego Laurentium magis adhuc amo, quam laudem*” (*Ficinus M. Qua ratione sit quisque laudandus* // Ep. lib. I. P. 656. 4).

616 Rochon A. Op. cit. P. 298, 299, 334 N 59.

617 *Ficinus M. Qualis sit terreni conuiuii ornatus, coelestis conuiuii splendor, supercoelestis beatitudo* // Ep. lib. III. P. 728. 3. Таким же образом интерпретирует Фубини близкий этому письму по тематике фрагмент диалога (*Fragmentum dialogi*), в котором тоже обсуждается празднование дня Св. Космы. В нем звучит критика Лоренцо в адрес некоего жителя деревни (“рустика”), представляющегося другом Козимо (*amicus Cosmianus*) (SF. Vol. I. P. 47-48).

По мнению Фубини, именно это отчуждение от давних патронов отвлекло гуманиста от завершения переводов сочинений Платона⁶¹⁸. Наоборот, связи с противниками Медичи в эти же годы расширялись и крепили: в январе 1474 г. Фичино открыто заявлял в письме о поддержке кандидатуры Сальвиати⁶¹⁹ (казненного в 1478 г. за участие в заговоре Пацци) на замещение архиепископской кафедры в Пизе⁶²⁰; в январе 1478 г. Фичино назвал Сальвиати своим «покровителем», гарантирующим безопасность всех его начинаний⁶²¹. В письме другому участнику заговора, Якопо Браччолини, сыну известного гуманиста Поджо (январь 1477 г.), Фичино, по мнению Фубини, прибег «к совсем необычным» для гуманиста выражениям, больше подходящим для сообщников: «Свиреп волк в овчарне, но гораздо свирепее человек среди людей. Наихудшим из животных является наихудший из людей... Наимудрейшим, мой Браччолини, является тот, кто наиболее осторожен»⁶²². Но самым компрометирующим (*più compromittente*) документом, изобличающим прямо-таки антимадичейскую позицию Фичино, Фубини считает отправленное гуманистом от имени флорентийцев и пизанцев послание Пьетро Гульельмо Рокка, архиепископу Салерно, с похвалами кардиналу Рафаилу Риарио – тем самым, дескать, гуманист признал «решающую роль короля [Неаполитанского. – О.К.] Фердинанда в поддержке заговора [Пацци. – О.К.]»⁶²³.

618 См.: *Fubini R. Ficino e i Medici...* P. 262-263; *Idem. Ancora su Ficino e i Medici // Idem. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura. Pisa, 1996.* P. 288 (1 изд. статьи – 1987 г.).

619 *Ficinus M. Quod soli virtuti Deoque confidendum et serviendum // Ep. lib. I.* P. 667. 1. См. также: *Fubini R. Ficino e i Medici...* P. 273.

620 Назначенный на эту церковную должность в октябре 1474 г., Сальвиати, однако, из-за сопротивления Медичи смог приступить к ее отправлению лишь в 1477 г.

621 “*Sed quidnam frustra diffidimus? Quasi sub amplo patroni mei Salviati mea minus tuta sint omnia*” (*SF. Vol. I. P. 49*).

622 *Ficinus M. Lupus est homo homini, non homo // Ep. lib. III.* P. 741. 2. Еще одно письмо к Якопо Браччолини, названному “упорнейшим защитником истины”, см.: *SF. Vol. I. P. 49*.

623 Сохранившийся отрывок см.: *SF. Vol. I. P. 49-50*. Ход мысли исследователя странен и, сознаемся, непонятен. Как этими похвалами кардиналу Риарио, адресованными другому лицу – архиепископу Салерно, который был доверенным представителем короля Фердинанда при римском дворе, Фичино мог обнаружить, что знает о заговоре, остается загадкой (*Fubini R. Ficino e i Medici...* P. 280).

На вопрос, который исследователь задает себе, – знал ли Фичино о том, что готовится во Флоренции против Медичи, он отвечает, что, хотя ни один документ не дает на это прямого указания, все же было бы наивно считать гуманиста таким уж простачком⁶²⁴.

Фубини всеми способами пытается изобразить Фичино неким диссидентом, готовым даже рисковать⁶²⁵, поддерживая заговорщиков, предпринявших 26 апреля 1478 г. попытку избавить Флоренцию от Медичи. Образ гуманиста подвергается решительному переосмыслению, к Фичино уже неприложимы дававшиеся прежде характеристики – вроде «способный всячески льстить своим могущественным покровителям» или «ученый-царедворец на службе государя, кой его употребляет не только для того, чтобы придать блеск своему дому, но и, несомненно, в тонких интересах политической пропаганды»⁶²⁶. В итоге глава Платоновской академии предстает в респектабельном, с точки зрения, разумеется, либерального сознания европейца последних десятилетий XX в., виде тираноненавистника. Перед обаянием этого образа не смогла устоять даже М.М. Буллард, которая на основе новых архивных документов (см. ниже) показала, что отношения Фичино и Медичи были гораздо более сложными, чем их изображает Фубини, что гуманист «никогда не отвергал патроната Лоренцо»; она не стала вслед за Фубини объяснять причины разлада между ними, произошедшего будто бы после 1474 г., только разницей в политических предпочтениях, предлагая искать более глубокие причины – несовпадение фундаментальных ценностей (*basic values*), на которые они ориентировались; в частности, как она полагает, «Фичино и другие современники, несмотря на их привязанность к Лоренцо, не принимали новый образ жизни, который подразумевал под патриотизмом лояльность Медичи»⁶²⁷. В итоге под ее пером Фичино предстает уже не вольнодумцем и почти инсургентом, а самостоятельным и нравственно ответственным мыслителем, «никогда не по-

624 *Fubini R. Ficino e i Medici...* P. 273-280.

625 “disposto ad esporsi e... persino a rischiare” (*Ibid.* P. 282).

626 *Garin E. Ritratto di Marsilio Ficino // Belfagor. 1951. Anno VI. N 3 (P. 289-301). P. 289-290; Idem. Medioevo e Rinascimento. Bari, 1974 (1 изд. – 1954 г.) P. 270-271. Сходные с Гарэном суждения высказаны также в работе: Niccolini E. Prefazione // Valori N. Vita di Lorenzo de' Medici. A cura di E Niccolini. Vicenza, 1991. P. 19*

627 *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. P. 480-483.*

падавшим в полную зависимость от своих благодетелей-Медичи»⁶²⁸. С последним утверждением стоит согласиться, как, впрочем, и с тем, что Медичи всегда оставались патронами Фичино, в чем сам гуманист признавался не раз⁶²⁹. А вот мысль об основополагающих мировоззренческих расхождениях Фичино с Лоренцо Медичи выглядит как половинчатая уступка концепции Фубини и ничем, никакими документами или ясно выраженными заявлениями подтверждена быть не может; ибо дело обстояло совершенно иначе, Фичино, точно улавливая настроения эпохи, формулировал новые культурные и нравственные ориентиры, которых старались держаться Медичи, заботясь об укреплении своего престижа и первенствующего положения во Флоренции.

Что же касается связей Фичино с людьми, принявшими участие в заговоре Пацци, то объяснение им следует искать не в переходе в скрытую фронду к режиму Медичи, – ибо эти связи имели давнюю историю⁶³⁰ – а во вполне понятном желании гуманиста, нуждавшегося в поддержке, расширить круг тех, кто мог бы, если не прямо ему покровительствовать и помогать⁶³¹, то, по крайней мере, с сочувстви-

628 Ibid. P. 484.

629 В письме к кардиналу Павии Иакову Амманати за февраль 1477 г. Фичино представлял себя в качестве “давнишнего питомца дома Медичи” (“Proinde si quid ab excelso de infimo hoc homunculo unquam audire potueris, hoc unum, ut arbitror audisti maxime quod in hoc maximum, Marsilium scilicet Ficinum esse antiquissimum Medicae domum alumnum. Ergo Medices utrique [то есть Лоренцо и его брат Джулиано – Авт.] Castor et Pollux patroni mei, suppliciter me tibi commendant”. См.: *Ficinus M. Nunquam ad infima cadit, qui constitutus in summo et acute et clementer prospicit infima* // Ep. lib. III. P. 745 N 2). В июне 1491 г., обещая своим коллегам из Германии посодействовать с устройством молодых немцев, приехавших для освоения наук во Флоренцию, Фичино гарантировал им помощь от имени Лоренцо Медичи, “клиентами коего мы [то есть Фичино] являемся” (“magnanimum Laurentium Medicem, cuius et ipsi clientes sumus”. См.: *Ficinus M. Pro adolescentibus à Svevia missis ad academiam Florentinam* // Ep. lib. XI. P. 926. 3).

630 Отношения Фичино с семейством Пацци восходят, по крайней мере, к 1451 г., когда Фичино занимался репетиторством с Пьеро Пацци (см. С. 30). Связи с Пьеро Пацци (ум. 1464 г.) сохранялись и позже. В письме Фичино за 1464 г. он упомянут в качестве одного из тех, кто, помимо Козимо Медичи, побуждал гуманиста к переводам Платона. Подробнее см. ниже С. 231-232.

631 В одном из писем Франциску Сальвиати Фичино признавался, что “многим ему обязан” (*Ficinus M. Quod soli virtuti Deoque confidendum*

ем и вниманием отнестись к делу, которому он посвящал жизнь и которым хотел просветить и облагодетельствовать современников.

Наконец, что побуждает нас считать, будто отношения Фичино и Лоренцо, начиная с 1474 г., ослабли и сошли на нет или хотя бы просто охладелись? Только сокращение корреспонденции между ними и несколько фраз из писем гуманиста, имеющих в интерпретации Фубини, антимедицейскую направленность. Но ведь надо признать, что Лоренцо Медичи, на котором реально лежала ответственность за управление Флорентийским государством со всеми проблемами его внешней и внутренней политики, а также надзор за делами и имуществом своей семьи и многие другие обязанности, не мог постоянно поддерживать столь же тесное общение с Фичино, хотя бы перепиской, каким оно было в 1473-1474 гг. Другие дела – и это естественно – требовали преимущественного внимания Лоренцо, но с 1474 г. от патроната Фичино он скорее всего не отказывался, а гуманист, похоже, его не избегал. Если бы отношения с Медичи были уже испорчены, едва ли Фичино обратился бы к нему с упомянутым Фубини письмом от 27 сентября 1476 г. Уместно сослаться здесь на еще одно послание Фичино (его оригинал опубликовал П.О. Кристеллер), написанное тогда же, к секретарю Лоренцо Никколò Микелоцци: в нем гуманист, рассказывая, как он преодолевал свою робость, чтобы писать Медичи, именовал его, не без желания выказать свою преданность, «единственным нашим покровителем» (*Magnanimum Laurentium unicum patronum nostrum*)⁶³².

Сходное обращение к Лоренцо – как к «единственному покровителю», более того, к «единственному отцу» – содержится в пись-

et serviendum // Ep. lib. I. P. 667. 1; С. Джентиле датирует его летом 1474 г. *Gentile S. Introduzione*. P. CCLXVI). Что конкретно Фичино подразумевал, какую материальную или моральную помощь, мы не знаем. Судя по письму к Якопо Браччолини в первой книге «Эпистол» (*Ficino M. Animae natura et officium, laus historiae* // Ep. lib. I. P. 657.2), он был близок к Платоновской академии и интересовался ее философскими исканиями, в которые (учение о душе) его этим самым письмом Фичино и посвящал.

632 “Ergo pulsa timiditate scripsi ad Medicem hodie” (*Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his works after five hundred years. Appendix I. N 11* // MFRP. Vol. I. P. 45. Опубликовано самим Фичино письмо см.: Ep. lib. III. P. 729. 2. Едва ли есть основания преподносить этот документ как свидетельство чрезвычайной напряженности в отношениях между Лоренцо и Фичино, на чем настаивает Фубини (*Fubini R. Ancora su Ficino e i Medici*. P. 288).

ме, отправленном гуманистом на следующий день после похорон его отца, врача Диотифечи (22 марта 1478 г.), которые по поручению Лоренцо почтил присутствием Пьеро Медичи⁶³³. Составленное накануне трагических событий, связанных с попыткой свержения Медичи и ее подавлением, происшедших всего лишь через месяц, 26 апреля 1478 г., это письмо обнаруживает участливость покровителя к делам и проблемам своего подопечного и ответную признательность со стороны Фичино. В этом контексте вполне естественным выглядит тот факт, что в декабре 1478 г., в условиях разгоревшейся после провала заговора Пацци войны, Фичино от имени всех участников его философского дела (*conphilosophi sui*) дважды обращался напрямую к папе Сиксту IV, выступившему против Флоренции, с увещанием даровать своей пастве мир как акт христианского милосердия⁶³⁴. Такой же демарш был предпринят и в отношении короля Неаполитанского⁶³⁵, союзника Сикста IV. Поскольку условия мира, предложенные папой в апреле 1479 г., оказались неприемлемыми для флорентийцев и война продолжалась, Фичино адресовал ему новое послание, своего рода открытое письмо, призывая к миру уже от имени «христианской паствы» (*Christiani gregis*) и указывая на общую для всех опасность турецкого завоевания⁶³⁶. Подобные дипломатические инициативы⁶³⁷ не могли исходить от человека, который сочувствовал бы замыслам Пацци и питал бы неприязнь к Медичи, их власти, их политике.

Не будем спорить: сердечность и близость между Лоренцо и Фичино в их преданной огласке философско-назидательной переписки

633 “Vale feliciter, unice patrone hactenus, nunc unice pater” (см.: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his works... Appendix I. P. 46, 47; Maiorem charitatem nemo habet, quam ut animam suam ponit quis pro amicis suis // Ep. lib. V. P. 799. 3*).

634 *Ficinus M. Spiritus ubi vult spirat; Feliciter vincit qui animos beneficio sibi devincit // Ep. lib. VI. P. 813. 2; 815. 2*.

635 Фичино как бы передавал королю Фердинанду пророчество его отца Альфонса Арагонского, предрекавшего ему счастливое будущее и нетленную славу, если он прекратит войну (*Ficinus M. Oraculum Alphonsi Regis, ad Regem Ferdinandum... in linguam humanam a Marsilium Ficinum translatum // Ep. lib. VI. P. 816-820*).

636 *Ficinus M. Oratio Christiani gregis ad Pastorem Sixtum, suadens ut ovibus suis dicat: Pax vobis // Ep. lib. VI. P. 808-810*.

637 О миротворческих призывах Фичино в ходе вооруженного конфликта, возникшего после подавления заговора Пацци, подробнее см.: *Della Torre A. Storia dell' Academia... P. 607-608; Marcel R. Op.cit. P. 447-451*.

ске действительно преувеличены, однако нельзя отрицать, что для того, чтобы настойчиво демонстрировать взаимное расположение, и у того и у другого имелись серьезные основания. Продолжая дело своего деда, Лоренцо разными способами оказывал поддержку наставнику. Как можно заключить из предисловия к трактату «О христианской религии», Лоренцо подвиг Фичино принять священнический сан в декабре 1473 г. и, почти сразу, уже в январе 1474 г., помог ему получить в управление церковь Сан Кристофоро в г. Новоли⁶³⁸. Из благодарственного письма, направленного Фичино Лоренцо 13 января 1474 г., явствует, что гуманист еще прежде имел от юного покровителя «много и больших благодеяний»⁶³⁹; в числе прочего он, возможно, подразумевал церковь Сан Бартоломео в Помино⁶⁴⁰. Стоит обратить внимание на то, в первом и, похоже, во втором случаях Лоренцо оделял Фичино не своим имуществом; законным патроном церкви в Новоли была семья Риньери, находившаяся в свойстве с изгнанным из Флоренции неприятелем Медичи Диетисальви Нерони;

638 “Tu [Laurentius] nuper volens philosophandi studium in me, quoad posses, sicut in alijs nonnullis consuevisti, cum pietatis officio copulare. Marsilium Ficinum tuum sacerdotio, et quidem, honorifice, decorasti” (*Ficinus M. De Christiana religione liber. Prooemium. P. 1-2*). См. также: *Kristeller P.O. Introductio. P. LXXVII; Marcel R. Op.cit. P. 409-412*. 18 сентября 1473 г. Фичино был поставлен в дьяконы, а 19 декабря – рукоположен в священники. Приходским священником церкви в Новоли Фичино был избран 6 января 1474 г. (См.: *Marcel R. Op. Cit. P. 404*); *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years. P. 174*.

639 “Multa abs te quondam et magna accepī beneficia, Laurenti, nuper uero maximum atque gratissimum, uidelicet diui Christofori templum...” (*Ficinus M. Gratiarum actio // Ep. lib. I. P. 621. 2*).

640 Корси говорит, что ходатайством Медичи Фичино были переданы в управление церкви Сан Бартоломео в Помино (диоцезе Фьезоле) и Сан Кристофоро в Новоли, ежегодный доход от которых он оценивает как “порядочный”: “ex duobusque sacerdotis, quorum curam per Laurentium Medicem susceperat, proventus annuos satis honesta capiens, patrimonium omne fratribus relinquit” (*Cursius J. Op. cit. VIII. P. 683*). Церковь Сан Бартоломео Фичино получил по флорентийскому стилю в январе 1472 г., т. е. в 1473 г. (см.: *Della Torre A. Op. cit. P. 594, 595, 635; Marcel R. Op. cit. P. 404, 405, 409-412; Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years. P. 173-174*) или даже раньше – 13 марта 1470 г. (*Fubini R. Ficino e i Medici... P. 257. N 51; Catalogo. P. 178 N 145*).

Лоренцо очевидным образом нарушал права этой семьи и подрывал ее благосостояние и власть, передавая эту церковь своему человеку; Фичино понимал, за чей счет он получил приход: «... мне стало известно, – писал он Медичи 13 января 1473 г., – ... что [церковь] была дана одному тебе семьей Риньери, ты же ныне уступил [ее] мне»⁶⁴¹. Что же касается церкви в Помино, то, по крайней мере формально, она должна была быть пожалована Фичино его другом фьезоланским епископом Антониом Альи, в юрисдикции которого (диоцез Фьезоле) она находилась; хотя без содействия Лоренцо Медичи его подопечному, к тому времени еще не посвященному в духовный сан, получить ее в бенефиций было весьма проблематично. Наконец, ходатайством Лоренцо Фичино обрел много лет спустя третий церковный бенефиций. Архивные документы, изученные М.М. Буллард, показывают, что Лоренцо в октябре-ноябре 1487 г. неоднократно требовал от Джованни Ланфредини, флорентийского посла к папе, исхлопотать для Фичино, храня это в тайне от него, место епископа Кортонь, которое должно было вот-вот освободиться. «Это моя идея, – наставлял Лоренцо посла, – ее я не обсуждал с ним [Фичино. – О.К.] и очень хочу, чтобы дело уже было решено, прежде чем он или кто-нибудь другой о нем услышит»⁶⁴². Проблема заключалась в том, что Фичино располагал двумя приходами, а по каноническому праву новых бенефициев, связанных с попечением о душах мирян, он без специального разрешения папы иметь не мог. Папское согласие было достигнуто, однако Фичино, в конце концов, получил совсем другой бенефиций – место каноника кафедрального собора Флоренции Санта Мариа дель Фьоре. Избрание Фичино в марте 1489 г. на это место,

641 “cognoui... quod tibi unico a Reneriis datum fuerat, mihi abs te nunc fuisse concessum” (*Ficinus M. Gratiarum actio // Ep. lib. I. P. 621. 2*). “...facemo lezione della chiesa di San Christofano a Nuovoli in messer Marsilio di m Fecino medicho... E a detto messer Marsilio la demo a preghiera e stanza di Lorenzo di Cosimo de’Medici e sopra la sua coscienza...” (*Ricordanze di Bernardo di Stoldo Rinieri // ASF. Conv. Soppr., 95, N 212, c. 166 r. Цит по: Fubini R. Ficino e i Medici all’avvento di Lorenzo il Magnifico. P. 266 N 73. См также: Idem. Ancora su Ficino e i Medici. P. 298*).

642 “...questo pensiero è mio senza haverlo conferito con lui, et vorrei volentieri la cosa fussi facta che lui o altri non ne havessi ad intendere prima”. Депеша от 6 октября 1487 г. Цит. по: *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. P. 486 N 7. См. также: Ibid. P. 486. N 9, 10.*

которым по традиции располагала семья Медичи, стало возможным после отказа от него Иоанна, сына Лоренцо; ежегодные поступления от этой должности не превышали 40 флоринов⁶⁴³.

На этот раз Лоренцо наделил Фичино не чужим, а находившимся в его распоряжении имуществом. Стоит отметить еще одно обстоятельство: Лоренцо, вопреки собственному обыкновению, проявил несвойственную ему скромность, избегая привлекать широкое внимание к этому своему благодеянию⁶⁴⁴. Такое поведение патрона свидетельствовало о том, что он, несомненно, дорожил отношениями с Фичино и был готов всячески содействовать его материальному благополучию. После выхода в свет в первой половине 80-х гг. «Платоновского богословия» и сочинений Платона в Фичиновом переводе престиж флорентийского философа резко возрос, в качестве главы платоновского направления он стал авторитетом первой величины между мыслителями эпохи. Последующими трудами он должен был закрепить за собой этот статус. Среди итальянских и европейских интеллектуалов началось повальное увлечение идеями Платоновской академии, повысился – если уместно так сказать – «спрос» на того, кто выступал их хранителем и популяризатором. В этих условиях Лоренцо поспешил приблизить и «обласкать» Фичино, который готовил ему посвящение новых трудов. Для демонстрации их тесных отношений Лоренцо в мае 1490 г. пригласил в свой дворец на чествование венецианского гуманиста Эрмолао Барбаро в узком кругу, помимо Джованни Пико делла Мирандола и Анджело Полициано, также Фичино⁶⁴⁵. Тогда же, в 1490 г., по-видимому, не без помощи Медичи Фичино был освобожден от налогов на клир, установленных в пользу университета

643 У Корси сказано: “... *Canonicis Florentinis, quae haud parva est dignitas, per Laurentium Medicem adscriptus est*” (*Cursius J. Op. cit. XI. P. 684*). См. благодарственное письмо Фичино (18.03.1488) к Иоанну Медичи: *SF. Vol.. I. P. 57-58*. Об этом деле Фичино упоминал также в письме Иоанну Медичи от 15 апреля 1492 г.: “*Tuo iamdiu canonicatu me ornasti*” (*Ep. lib. XI. P. 930 N 4*). См.: *Della Torre A. Op. cit. P. 620 N 1; Marcel R. Op. cit. P. 481-483; Picotti G.B. La jeunesse de Léon X le pape de la Renaissance. (1-е изд. на итальянском яз., 1927). Paris, 1931. P. 53-54.*

644 См. наблюдения: *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. P. 469.*

645 См. работу Буллард, в которой приведены соответствующие документы: *Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. P. 470, 486 N 14.*

Пизы⁶⁴⁶. В 1491 г. Лоренцо оплатил издание выполненного Фичино перевода «Эннеад» Плотина⁶⁴⁷.

Со своей стороны Фичино, по крайней мере публично, подчеркивал особые отношения с Медичи. В письме немецкому гуманисту Мартину Уранию он назвал их первыми и наибольшими своими друзьями⁶⁴⁸. Отзывавшийся благодарностями на всякую оказанную ему милость, глава флорентийских платоников вместе с тем избегал злоупотреблять ролью просителя, стараясь не докучать Лоренцо Медичи⁶⁴⁹, который, по заверению самого Фичино, без всякой инициативы с его стороны по собственному почину то и дело щедро его⁶⁵⁰ одаривал; впрочем, временами он жаловался патрону на аппетиты своей родни, не оставлявшей его в покое бесконечными требованиями материальной поддержки. «В самом деле, Лоренцо, философия велит мне жить, довольствуясь тем, что я некогда получил от тебя; однако племянники в моем доме не в состоянии удовольствоваться немногим», – признавался Фичино в марте 1487 г.⁶⁵¹. А получил он от

646 См. письмо Фичино, адресованное Бернардо Довици да Биббиена, секретарю Лоренцо Медичи: *Petitio auxilij in publicis oneribus* (Ep. lib. X. P. 912-913). См. также: *Della Torre A. Op. cit. P. 571; Marcel R. Op. cit. P. 506-507.*

647 *Ficinus M. Gratiarum actio* // Ep. lib. XI. P. 929. 3. См. также: *Della Torre A. Op. cit. P. 626-627; Kristeller P.O. Introductio. P. CLVIII; Marcel R. Op. cit. P. 504-508.*

648 “*Primum summumque inter amicos locum patroni nostri Medices iure optime sibi uendicant*” (*Ficinus M. Catalogus familiarium atque auditorum* // Ep. lib. XI. P. 936. 2).

649 “*Caeteri quidem amici Medicum, nondum quantum uoluerant, acceperunt, ego uero quantum uoluissem, si modo petissem, et habeo certe quantum uolo. Illi plerunque praecario, ego gratis*”, – писал Фичино Филиппо Валори (*Philosophia cum fortuna et diuitiis coniungitur* // Ep. lib. XI. P. 943. 3).

650 “*Quantum ergo e multis iam diu ex te inditiis colligo, – писал Фичино к Лоренцо, – auspicio equidem statuiste te aliquid sponte mihi iterum quandoque largiri, quod preces nulle preveniant. An ergo precibus donum ullis anticipabo? Nequaquam*” (SF. Vol. I. P. 57).

651 “*Me quidem Laurenti philosophia iubet his que olim abs te accipi contentum vivere. Mihi vero domi nepotes contenti paucis esse non possunt*” (Ibid.). Фичино имел в виду племянника и племянницу, детей его брата Керубино, после смерти отца оставшихся на его попечении.

Фичино, конечно же, отдавал себе отчет в том, что подобного рода признания, дойдя до покровителя, будут звучать убедительнее всяких открытых просьб о помощи. См. в данной связи датированное январем 1485 г., то есть 1486 г., послание к Пьер Леоне, которое гораздо полнее

Лоренцо, судя по всему, гораздо больше того, что нам известно по сохранившимся документам и свидетельствам, ибо вел он существование безбедное, не обремененное постоянными заботами о хлебе насущном⁶⁵², проживая в своем доме во Флоренции или на вилле в

разворачивает идею только что цитированного письма к Лоренцо и его в определенном смысле предвосхищает: “Я жил и доселе живу, как всего более пристало философу, довольствуясь невеликим достатком (*tenui facultate*), однако, не довольствуясь тем же самым, живут в [моем] доме сироты-племянники и племянницы, находящиеся на выданье; мои домашние, мои враги. По примеру философствующих жил я всегда, и никогда до сего дня не думал о завтра. Но сейчас множество домашних вынуждает меня, того не хотящего, думать о завтра (что Бог возбраняет). Я склонялся (*tentavi*) в этом году не раз открыть нашему Лоренцо мои обстоятельства (*fortunam meam*), полагая, что не подступаться к нему с просьбами надо, а показать ему мое положение, однако стыдливость деревенщины от [этого] меня многократно удерживала; но письмо или друг, пожалуй, меньше будут краснеть” (*Ficinus M. Inimici hominis domestici eius // Ep. lib. VII. P. 874 N 3*). И Фичино действительно обращается к Лоренцо с письмом, приведенным выше в тексте.

В послании к Филиппо Валори Фичино гораздо определеннее говорит, что его домашние недовольны тем содержанием, которое обеспечили Медичи ему, с давних пор очень близкому им человеку: “*Inimici hominis domestici eius, domestici quidem mei, qui mihi sunt multi, multumque molesti, quoniam neque philosophici, neque philosophico victu suppellectilique contenti, frequenter obijciunt, caeteros Medicae domus clientes atque clientulos, paucis annis inde, quam plurimum accepisse, me vero amplissime huius familiae familiarissimum, ac (ut ita dixerim) clientissimum, multis annis reportasse non multum*” (*Ficinus M. Philosophia cum fortuna et divitiis coniungitur // Ep. lib. XI. P. 943. 3*).

652 См. в этой связи: *Rochon A. Op. cit. 296-297*. Ср. также суждение А. Делла Торре, писавшего о “почтительной дружбе и щедром покровительстве” Лоренцо по отношению к Фичино (*Della Torre A. Op. cit. P. 586*). Точка зрения Р. Марсея о том, что Фичино будто бы постоянно испытывал финансовые трудности, вносящие тревогу в его жизнь (*Marcel R. Op. cit. P. 382*), не подтверждается данными источников. М.М. Буллард оценивает материальное положение Фичино более осторожно, утверждая, что он, “как кажется, предпочитал жить скромно на небольшой (*small*) доход” (*Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. P. 483*). В этих словах историка заметно влияние того представления, которое гуманист стремился внушить о себе окружающим, постоянно подчеркивая ограниченность своего достатка, привычку “довольствоваться немногим” (“*Deus humilem mihi fortunam dedit, – писал он Никколини. – Fortunam olim tenuem, nunc tenuissimam facultatem. Deo pareo, fortunae cedo, consentio facultati, exigua sum sorte contentus modo tuta.*

Кареджи, помогал родне, пользовался услугами переписчиков.

Отношения Фичино с Лоренцо, как и его отношения с Козимо Медичи, не ограничивались материальной поддержкой, созданием для его ученых занятий необходимых условий. Внимание Лоренцо к трудам и идеям Фичино стимулировало творчество гуманиста, повышало общественный престиж его философского дела, того «древне-го богословия» и «платонического учения», которое он взялся возродить. Именно Лоренцо, по уверениям гуманиста, побудил его после перевода диалога «Пир» составить знаменитый комментарий к этому произведению, поощрял и помог вернуться к переводам наследия Платона, чтобы довести их до конца, подвиг к написанию трактата «О христианской религии», проявлял интерес к работе над «Платоновским богословием».

Помощь, которую оказывал Лоренцо гуманисту, была далеко не бескорыстна; правда, извлекаемая им выгода имела не материальный характер. Многие положения философской доктрины Фичино, почерпнутые из его трудов, наставлений и бесед, отразились в произведениях самого Лоренцо. В итоге ему посвятил гуманист главные труды своей жизни – перевод всех сочинений Платона, а также «Эннеад» Плотина, трактаты «Платоновское богословие», «О христианской религии», «О жизни», а его брату Джулиано Медичи – первую книгу своих «Эпистол»⁶⁵³. Подобного рода посвящениям в эпоху Возрождения придавалось великое значение, их ценили тем больше, чем

Fortunatus cui fortuna obtigit mediocris! Felix qui sua est fortuna contentus. Ergo certe idcirco paucis contentus sum” (*Ficinus M. Nihil est occultius, quam humana voluntas // Ep. lib. VI. P. 816. 1*). Ибо жизнь в скромном достатке, какую ведет он сам, гуманист считал наиболее подобающей философу (“*fortuna nobis... – сказано в послании к Антонио Альи, – tenuis et humilis est vulgi quidem iudicio, qualis esse ferme semper Philosophantibus consuevit*”. См.: *Ficinus M. Perversis animis adversa sunt omnia // Ep. lib. III. P. 729*). Впрочем, этот же “скромный достаток” ни в коем случае не стоит понимать как скудость, или нужду, но скорее как некое “среднее имущественное состояние и умеренное обладание благами”, являющееся, по мнению Фичино, высказанному в письме к Валерио Романо, не только наиболее безопасным, приятным и прочным, но и наиболее подходящим для занятий науками и искусствами (“*Tam maxime rerum omnium copia genus hominum impedit, quam inopia. Mediocris rerum possessio et temperatus fortunae status ut securior est, et iucundior, et stabilior, sic et Minervam et Musas accomodatior*”. См.: *Ficinus M. Foelix qui sua contentus est sorte // Ep. lib. III. P. 727. 1*).

⁶⁵³ См. посвящение: *Ep. lib. I. P. 607*.

солиднее был авторитет сочинителя, от которого их получали, в них видели средство не только прославить себя среди современников, но и обессмертить свое имя в веках, предварив им произведение, которому, как считалось, суждено не изгладиться в памяти человечества.

Лоренцо, материально и нравственно поддерживавшего Фичино на протяжении всего периода, когда он правил Флоренцией, с полным основанием можно назвать продолжателем культурной политики своего отца и особенно деда. Правда, в отличие от них, он уже не только «вкладывал» в дело, осуществляемое Фичино, но и пожинал плоды долгого покровительства семейства Медичи Платоновской академии, ибо европейская известность ее главы, огромный и повсеместный интерес к ее трудам и идеям, несомненно, повышали общественный и международный престиж Лоренцо, служили укреплению его власти и авторитета⁶⁵⁴. Сообразуясь с новыми моральными постулатами, выдвигаемыми ренессансным неоплатонизмом, Лоренцо – недаром уже современниками прозванный Великолепным⁶⁵⁵ – сумел соединить свое имя со всеми крупными свершениями Платоновской академии и благодаря, в частности, этому как бы претворить в своей персоне образ мудрого государя-мецената, щедрого и чуткого к новым духовным веяниям, и в силу этого имеющего право претендовать на главенство в обществе не только гражданское, но также нравственное и культурное.

2. Пьеро и Иоанн Медичи, сыновья Лоренцо

С сыновьями Лоренцо Пьеро и Иоанном Фичино завязал отношения гораздо раньше смерти их отца, приключившейся 8 апреля 1492 г. Как уже отмечалось, в марте 1489 г. Иоанн Медичи, будучи произведен в кардиналы, передал Фичино место каноника кафедрального собора, которым в качестве патронов распоряжалось семейство Медичи⁶⁵⁶. В то же самое время в виде своего рода ответного дара Фичино преподнес новоиспеченному князю церкви, имевшему лишь тринадцать лет от роду, перевод Ямвлиха «О мистериях египтян,

654 См. в связи с этим: *Della Torre A. Op. cit. P. 818-820; Garin E. Ritratto di Marsilio Ficino. P. 290; Chastel A. Marsile Ficin et l'art. Genève; Lille, 1954. P. 13-14; Rochon A. Op. cit. P. 301.*

655 См. также наблюдения: *Bullard M.M. Lorenzo il Magnifico. P. 22-23.*

656 *Catalogo. P. 186. N 156; Marcel R. Op. cit. P. 481-482.*

халдеев, ассирийцев»⁶⁵⁷, а чуть позже, в марте или апреле, переводы фрагментов «Комментариев на «Алкивиад I» и «О жертвоприношениях и магии» Прокла, а также «Исходные пункты для восхождения к умопостигаемому» Порфирия⁶⁵⁸. Почти одновременно, 15 апреля 1484 г., Пьеро Медичи получил посвящения переводов Пселла «О демонах» и Синезия «О сновидениях»⁶⁵⁹.

С уходом Лоренцо Фичино надеялся в его детях найти неравнодушных к своим трудам покровителей. И, что касается кардинала Иоанна Медичи (в будущем стал папой под именем Льва X), по видимому, ему это удалось. Едва успели предать Лоренцо земле, через неделю после его кончины, 15 апреля 1492 г., Фичино объявлял кардинала Иоанна своим «наибольшим покровителем» (*patronus maximus*). Поводом к такой угодливости послужило пожалование очередного бенефиция – церкви Св. Михаила на Монте Марчиано, расположенной в пяти км от Террануова (округа Ареццо). От хрестоматийного клиента-приживальщика, готового безмерно льстить патронам за всякую полученную от них выгоду, Фичино отличало в данном эпизоде то, что он тут же не преминул язвительно заметить покровителю, что «наибольшим» ты являешься постольку, поскольку «даешь мне не чужое, но свое»⁶⁶⁰; на сыне Иоанне Фичино таким образом отыгрался за его отца Лоренцо, который одаривал гуманиста не своими, но чужими владениями, и это, надо полагать, создавало

657 См.: *Ficinus M. Prooemium in Iamblichum* // Ep. lib. IX. P. 897.2.

658 “Accepisti quidem venerande patrone nuper quos ex pratis Iamblici flores legeram, quos vero modo ex agris Porphyrii Proculique carpsi, feliciter accipe, quibus apium more libatis vel in hortis academiae fingas” (*Ficinus M. Prooemium in Proculum et Porphyrium* // Ep. lib. IX. P. 898. 2). См. также письмо к Иоанну Медичи, предпосланное переводу Ямвлиха: *Ficinus M. Reverendissimo Patri Ioanni Medici* // Op. om. P. 1873.

659 *Ficinus M. Prooemium in Synesium atque Psellum* // Ep. lib. IX. P. 898. 3. См. также письмо к Пьеро ди Лоренцо Медичи, предпосланное переводу Синезия: Op. om. P. 1968. В этой связи см.: *Kristeller P.O. Introductio*. P. CXXXIV-CXXXV; *Marcel R. Op. cit.* P. 491-492, 517.

660 “Cum quartum Medici gradum maximum arbitrentur, tu vero quartus a Cosmo in generosa Medicum familia mihi sis patronus, es procul dubio maximus. Quod quidem hinc plane perspicio, quod non aliena mihi das, sed tua. Tuo iamdiu canonicatu me ornasti. Aede nunc Martiana tibi dono concessa, subito me donasti” (*Ficinus M. Actio gratiarum. Item de ostentis in obitu principis* // Ep. lib. XI. P. 930. 4). См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 513-514.

определенные неудобства для «облагодетельствованного». За оказанную милость Фичино отблагодарил, по-видимому, посвящением в конце 1492 г. кардиналу Иоанну перевода и комментариев двух трактатов, приписываемых Дионисию Ареопагиту⁶⁶¹.

Пьеро Медичи, старший из братьев, обучавшийся латыни и древнегреческому под руководством Анджело Полициано, слагавший стихи на родном языке, отважный участник турниров и соревнований в верховой езде, обещал быть продолжателем культурной политики своего отца, от которого унаследовал власть во Флоренции. На него, несомненно, рассчитывал и Фичино, успевший в последний момент, в конце апреля-мае 1492 г., снабдить издание перевода Платиновых «Эннеад», уже посвященных Лоренцо Медичи, еще одним письмом, которое было адресовано Пьеро⁶⁶². В послании Фичино к Филиппо Валори за ноябрь 1492 г. говорится о полученной от Пьеро Медичи «твердой надежде», что на нем, Пьеро (полатыни Петре, или Камне), Платон «воздвигнет свою академию»⁶⁶³. Никаких конкретных сведений о поддержке, оказанной Пьеро трудам Фичино, не сохранилось, поэтому сложно судить, в какой мере новый хозяин Флоренции до того, как 9 ноября 1494 г. был изгнан из города, оправдал возложенные на него надежды. Фичино, со своей стороны, по традиции посвящал ему как главному своему патрону завершённые в его правление свои произведения. Таковых, впрочем, оказалось немного. Летом-осенью 1492 г. Фичино подготовил два связанных между собой содержанием трактата «О Солнце» и «О свете» и преподнес их, изданных в январе 1493 г., Пьеро Медичи⁶⁶⁴.

661 *Ficinus M. Reverendissimo Patri et Domino Ioanni Medici // Op. om. P. 1013. См. также: Kristeller P.O. Introductio. P. CXV-CXVI; Гл. I. С. 128.*

662 См.: *Ficinus M. Magnanimo Petro Medici // Op. om. P. 1538.*

663 *Ficinus M. Cur semper eadem et antiqua tractem // Ep. Lib. XII. P. 948. 2. См. также Гл. 2. С. 128.*

664 См.: *Ficinus M. In librum de Sole ad Magnanimum Petrum Medicem Prooemium // Op. cit. P. 965; Idem. In librum de Lumine ad Magnanimum Petrum Medicem Prooemium // Op. om. P. 976. См. также: Marcel R. Op. cit. P. 522-530; см. выше Гл. 1. С. 103.*

д. Лоренцо ди Пьерфранческо

Тесные контакты установились у Фичино с представителем другой ветви рода Медичи – Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи (1463-1503 гг.), троюродным братом Лоренцо Великолепного. Братья не очень ладили между собой, тем не менее Фичино был близок к обоим. Лоренцо ди Пьерфранческо известен как покровитель людей искусства, он заказывал произведения Боттичелли («Весна», «Рождение Венеры», «Афина и кентавр», иллюстрации к Данте), поддерживал Микеланджело⁶⁶⁵. Немалое число сохранившихся писем Фичино этому Медичи⁶⁶⁶ заставляет предположить, что гуманист также входил в круг его подопечных. Между 1477-1478 гг. Фичино направлял юному Лоренцо ди Пьерфранческо (ему было 14 лет) пространное послание астролого-морализаторского содержания, наставляя в том, как свойства и расположение небесных тел должны быть согласованы с собственным нравственным выбором адресата⁶⁶⁷. Сходное по тематике послание было написано Фичино в 1481 г., в нем речь шла о трех грациях как персонификациях светил, влияющих на определенные черты людских характеров⁶⁶⁸. И в том, и в другом случаях можно говорить о своего рода гороскопах, предназначенных для Лоренцо ди Пьерфранческо. Неизвестно, как «отблагодарил» он за них именитого ученого (ибо за подобные «услуги» полагалось платить) и в целом – что он для него сделал. Но сомневаться в том, что он опекал Фичино и был ему полезен, не позволяет завещание гуманиста: этим документом на Лоренцо ди Пьерфранческо возлагается обязанность позаботиться о погребении «своего друга» и – в признание великих заслуг перед умершим – передавался ему «греческий кодекс со всеми диалогами Платона на доброй бумаге»⁶⁶⁹.

665 См.: Frey K. Michelangelo Buonarroti, sein Leben und seine Werke. Berlin, 1907. S. 221 и далее; *Idem.* Michelangelo Buonarroti. Quellen und Forschungen. Berlin, 1907. S. 34 и далее; Gombrich E.H. Botticelli's mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // JWCI. 1945. Vol. 8 (P. 7-60). P. 14 и далее.

666 См.: Op. om. P. 805, 812, 834, 845, 905, 908.

667 Ficinus M. Prospera in fato fortuna, vera in virtute felicitas // Ep. Lib. V. P. 805-806.

668 *Idem.* De tribus gratiis et Genio // Ep. Lib. VII. P. 845-846.

669 “Expensam vero huiusmodi sepulture, quam omnimodo humilem construi mandavit, rogavit Magnificum Laurentium Pierfrancisci de Medicis amicam

Здесь можно подвести черту под тем, что известно об отношениях Фичино с основными его покровителями – Медичи, четыре поколения которых опекали гуманиста. Эти отношения переросли рамки, характерные для традиционных связей между патронами и клиентом, каковым Фичино всегда оставался для Медичи. В лице Фичино гуманистическая культура заставила правящее городом семейство признать свою самооценку и, как никогда прежде, дорожить собой. Ведь что бы ни говорили в историографии о Фичино и Медичи, невозможно не признать, что он был окружен вниманием и попечением несравненно больше, чем любой другой гуманист или представитель мира искусства. Но дело не только в этом. Став для Медичи духовным вождем и наставником, обещая указать наивернейший путь ко спасению души через приобщение к благочестивой мудрости древних, Фичино обрел в них единомышленников, спешествующих успеху его предприятия. Несомненно, он служил украшению их «двора», прирастанию их славы и авторитета, но и они, в свою очередь, стремились отождествить себя с делом, к которому флорентийский платоник находил себя призванным.

§ 2. Власть культуры. Почитатели близкие и далекие

Медичи были покровителями Фичино главными, но не единственными. Как человек науки, не обеспеченный благами земными, он нуждался во внимании сильных мира сего, и уже с молодых лет он пользовался такой репутацией, которая заставляла искать его внимания людей разного звания и состояния в надежде то ли при его посредничестве добыть ответы на самые важные мировоззренческие проблемы, то ли стяжать отблеск славы, которой все более и более был окружен этот мыслитель. Несомненно, от Петrarки и до Эраз-

suum, quod pro eius solita erga dictum testatorem benignitate huiusmodi impensam subire velit de eius propria pecunia... Item mandavit librum Platonis in greco in carta bona cum omnibus dyalogis existentem in domo sue habitationis consignari debere Magnifico Laurentio Pierfrancisci de Medicis tamquam de se bene merito et ob certas iustas causas animum et conscientiam suam moventes” (Testamentum Ficini // SF. Vol. II. P. 194-195). См. также: Marcel R. Op. cit. P. 577, 740-741.

ма Роттердамского не было в Европе гуманиста именитее Фичино. И близость к Медичи только повышала интерес к нему. Используя его, Фичино стремился максимально расширить круг своих приверженцев и благодетелей, судя по всему, от них получая поддержку не только морального, но и материального свойства. Эту последнюю проследить довольно трудно, ибо оказывалась она часто в натуральной форме или в виде услуг и не оговаривалась, как правило, в документах. Мы не знаем, например, получал ли Фичино и сколько за посвящение какому-либо лицу своих произведений или отдельных рукописей с ними, хотя вернее всего такие знаки его внимания не оставались без вознаграждения.

а. Флорентийский патрициат

Сейчас с полной уверенностью можно говорить, что уже с юных лет, еще до того, как он попал в поле зрения Медичи, Фичино, по-видимому, в силу необыкновенных способностей и не по летам великой образованности обратил на себя внимание флорентийского патрициата. Из документа, опубликованного С.Дж. Хау, известно, что в октябре 1451 г., едва достигнув восемнадцати лет, Марсилиус был наставником (*ripetitore*) у Пьеро Пацци⁶⁷⁰, представителя одного из могущественнейших и богатейших семейств Флоренции. Ничего необычного в этой подработке репетиторством юного студента не было бы, если не иметь в виду, что его подопечному было тридцать пять лет (!) и что он, собравший прекрасную библиотеку и уже прежде получивший хорошую образовательную подготовку⁶⁷¹, не нуждался в обучении элементарным дисциплинам. Похоже, Фичино был взят Пацци на содержание в качестве обещающего большие свершения духовного «самородка», чтобы делить с патроном интеллектуальный досуг, ведя с ним ученые беседы. П.О. Кристеллером издана одна из ранних эпистол Фичино к Пьеро Пацци, датировать ее следует 1457-1458 гг., поскольку в ней чувствуется влияние эпикурейской философии, коей гуманист увлекался как раз в этот период⁶⁷². Обращаясь

670 Hough S.J. An early record of Marsilio Ficino // RQ. 1977. Vol. 30 (P. 301-304). 301.

671 См. в этой связи Гл. 1. С. 29-30.

672 Kristeller P.O. Introductio. P.CXLII.

к Пацци, Фичино признает себя «его клиентом»⁶⁷³. Следовательно, Медичи «увели» Фичино от Пацци между 1458 и 1462 гг. и, надо полагать, к этому времени гуманист стал не просто заметной, но престижной фигурой ученого мира Флоренции. Вместе с тем, связи с Пьеро Пацци Фичино продолжал вплоть до смерти своего первого покровителя в конце августа 1464 г.⁶⁷⁴. С другими представителями этого семейства гуманист сохранял добрые отношения и дальше, вполне возможно, продолжая от них получать поддержку. В ноябре 1473 г. он направлял письмо к Антонио Пацци, содержащее призыв приобретать знания, в котором имея, по-видимому, на то основания, говорил о щедрости (*liberalitas*) адресата, о его «благодетельности в отношении ученых» (*erga doctos magnificum esse*)⁶⁷⁵. В письме, адресованном Анджело Никколини, Фичино передавал привет Ренато Пацци, характеризуя его как «справедливого и ученого гражданина» (*civem iustum atque doctum*)⁶⁷⁶. Вполне понятно, что отношения с Пацци должны были сойти на нет после антимагической заговора 1478 г.

Под стать Пацци были почитатели молодого Фичино из семейства Бенчи. Америго Бенчи, второй по богатству человек Флоренции, связанный с Медичи банковским делом, коллекционер произведений искусства и рукописей с текстами классических авторов, следуя то ли примеру, то ли пожеланию своего могущественного компаньона Козимо Медичи, сделал, как и тот, в 1462 г. ценный, несомненно, подарок Фичино в виде греческого кодекса «с диалогами нашего Пла-

673 SF. Vol. II. P. 84.

674 В письме за август 1464 г. Фичино сообщает Пацци, а также Оттоне Никколини, Бенедетто Аккольти и Бернардо Джюньи о завершении перевода Платоновых “Законов” и называет всех поименованных лиц его инициаторами (*Ficinus M. Lex et iustitia // Ep. lib. I. P. 611. 2; см. также: Гл. 1. С. 59*). В предисловии к собственным комментариям на Платона 1496 г. Фичино вспоминает о своих беседах и толкованиях, посвященных этому античному философу, в обществе Бартоломео Валори и Пьеро Пацци (*Ficinus M. Prooemium in commentaria in Platonem // Op. om. P. 1136*).

675 *Ficinus M. Exhortatio ad scientiam // Ep. lib. I. P. 617. 2.*

676 Эти слова с приветствием Ренато Пацци отсутствуют в печатном издании “Эпистол” (*Ficinus M. Iurisconsulti bonitas et dignitas // Ep. lib. I. P. 641. 1*) и приведены по рукописи из Риккардианской библиотеки в примечаниях к их английскому переводу (*The Letters of Marsilio Ficino. London, 1975. Vol. 1. P. 121*).

тона на греческом»⁶⁷⁷. Другой Бенчи, Томмазо, приходящийся Америго племянником, названный Фичино в письме Леонардо ди Тоне за август 1462 г. вместе с его братом Джованни Бенчи «философом-единомышленником»⁶⁷⁸, в сентябре 1463 г. переложил на итальянский язык с латинской версии Фичино, завершённой в апреле этого же года, корпус герметических трактатов «Поймандр» (в латинском переводе – «Pimander», в итальянском – «Pimandro»). Если верить Бенчи, Фичино, «одолеваемый просьбами некоторых своих друзей, не сведущих в латыни», перевести на их родной язык сочиненьице (operetta) легендарного Гермеса Трисмегиста и «занятый более важными трудами», чтобы удовлетворить их желанию, повелел ему, Томмазо, «не как самому ученому, но как лицу, к которому он испытывал, пожалуй, самое большое расположение», переложить это сочинение на народный язык; и хотя я, скромно замечает Томмазо, был мало привычен к подобным делам, «занимаясь тем, что наукам противно», и не вполне подходил для этого поручения, тем не менее «решил взяться за такой труд, увещиваемый гуманистом, чтобы выказать ему послушание и сделать приятное друзьям»; что он и осуществил, не прерывая своих занятий торговлей⁶⁷⁹.

677 “Accepi hodie tuo nomine Graecos Platonis nostri dialogos, munus certe magnificum, animo tuo dignum, meo gratissimum. Gratias tibi ago magnas: utinam immortalem gratiam quandoque coelestes tibi referant gratiae! Imitari in hoc, sicut in plerisque aliis, magnum Cosmum, ut arbitror, voluisti: is enim superioribus diebus bibliothecam meam graeco ornavit Platone” (*Ficinus M. Imitatio utilior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 609. 1*). По заказу этого Бенчи Леонардо да Винчи написал портрет его дочери Джиневры (между 1474 и 1480 гг.) и оставил в его доме в 1482 г. незаконченное “Поклонение волхвов”, отправившись в Милан. См.: *Renouard Y., Ragni E. Benci Amerigo // DBI. Roma, 1966. Vol. 8 P. 182.*

678 “Saluta Tomaso e Giovanni Benci nostri conphilosophi” (*SF. Vol. II. P. 169*; см. выполненный мной перевод этого письма: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 260).

679 См. предисловие к переводу, который Томмазо посвятил Франческо дель Неро: “[Marsilio] fu pregato da certi suoi amici non docti della latina lingua di dovere quella ancora a loro nella nostra comunicare. Ma lui da maggiori studii occupato et nondimeno senza invidia desideroso di compiacere a quelli m’impuose non come a più docto, ma come a persona a cui egli per sua benignità forse maggiore affectione portava, che io dovessi farla volgare. Et benchè a me paressi, per esser poco a tali cose usato, essendo etiamdio occupato dal

Итальянский перевод «Поймандра» имел распространение в многочисленных рукописях.

В эти же ранние годы, возможно, накануне перехода Фичино с осени 1462 г. под прямое покровительство Медичи, интерес к молодому гуманисту проявлял еще один представитель верхушки флорентийского патрициата Джованни Ручеллаи, человек не чуждый ученых интересов и друг Альберти⁶⁸⁰. В его «Записных книжках» («Zibaldone», составлены между 1457 и 1476 гг.) сохранилось письмо о фортуне, написанное по его заказу, вполне возможно чем-то оплаченное, и помещенное вместе с посланием Джованни Мартини да Сан Джиминьяно на эту же тему, которая, как видно по многочисленным суждениям о фортуне древних и средневековых авторов, приведенным в заметках делового человека, очень его волновала⁶⁸¹. Связи с этим семейством Фичино сохранял и позже. Об этом свидетельствуют его переписка с Бернардо Ручеллаи, сыном Джованни⁶⁸². В 1483 г., изыскивая средства на издание перевода сочинений Платона, он адресовал Бернардо эпистола «Делового человека нельзя зря обременять просьбами» в надежде получить от него поддержку, но

mio exercitio molto agli studii contrario, non essere ad tale opera sufficiente, nondimeno da lui confortato mi disposi pigliare tale fatica: si per ubbidire a lui, et si per fare cosa grata agli amici. Nel numero dei quali reputandovi [Francesco del Nero]... m'è paruto, avendo già quella al fine ridotta, cosa debita et conveniente, exercitandomi ancora ne' traffici mercantili, a voi principalmente addirizzarla...” (*Mercurio Trismegisto. Il Pimandro. Tradotto da Tommaso Benci in lingua Fiorentina. Firenze, 1549; предисловие Бенчи без пагинации. Перепечатано в: SF. Vol. I. P. 99*). См. также: *Marcel R. Op. cit. P. 258*.

680 См. о Джованни Ручеллаи: *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica...* P. 412-413, 548-550.

681 *SF. Vol. II. P. 169-172* (выполненный О.Ф. Кудрявцевым русский перевод см.: *Гуманистическая мысль... С. 261-263*). Материал о фортуне, собранный этим Ручеллаи, см.: *Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960. P. 103-116*. А. Пероза датирует Фичиново послание о фортуне 1460-1462 гг. (*Ibid. P. 176*), П.О. Кристеллер – 1457-1462 гг. (*Kristeller P.O. Introductio. P. CLX*). Первую публикацию Фичинова письма и его связь с иконографией фортуны в итальянском искусстве середины XV в. см.: *Warburg A. Francesco Sassettis letzwillige Verfügung // Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. I (S. 127-158). S. 146-148*.

682 *Ficinus M. Oratio ad Deum theologica // Ep. lib. I. P. 665-666*.

успеха не имел⁶⁸³. Отзывчивее оказался представитель другого влиятельного патрицианского дома – Филиппо Валори.

С семьей Валори Фичино связывали многолетние отношения. Их участие в трудах гуманиста на деле было едва ли меньше, чем Медичи, но эти последние как хозяева Флоренции, заявлявшие на него особые права, получали посвящения львиной доли его работ, даже тех, которые оплачены были Валори. В предисловии к «Комментариям на Платона», адресованном в издании 1496 г. Никколò Валори, Фичино утверждал, что сорок лет, то есть с 1456 г., философствовал о Платоне с представителями старшего поколения этой семьи, и первым из них был Бартоломео, приходившийся отцом Никколò, вместе со своим тестем Пьеро Пацци часто присутствовавший при том, как гуманист излагал и толковал афинского мыслителя; затем Фичино переходит к Филиппо Валори, старшему брату Никколò, «лучше всех послужившему Академии», именно его «благодетельными издержками» были изданы в переводе гуманиста писания не только Платона, но и платоников⁶⁸⁴. Здесь нужно пояснить, что в сентябре-октябре 1484 г. вышли из печати все Фичиновы переводы Платона, оплаченные Филиппо Валори, но посвященные Лоренцо Медичи, а кроме того вторая итальянская публикация трактата «О христианской религии», осуществленная на деньги опять же «великолепного мужа» Филиппо в Пизе⁶⁸⁵; за счет этого Валори были изготовлены в конце 1489

683 *Ficinus M. Negotiosum virum non esse temere interpellandum // Ep. lib. VII. P. 859. 2.*

684 “*Maiores profecto tui optime, mi Nicolae, quadraginta iam annis sub Platone philosophati, Platonica opera nobis elaborata summpere coluerunt. Primus quidem pater tuus Bartholomeus Valor vir admodum elegans, et (ut ita dixerim) urbis nostrae delitiae, una cum socero suo Petro Paccio clarissimo equite enarrationibus disputationibusque in Platonem nostrum frequenter interfuit, atque omni studio celebravit. Deinde frater tuus Philippus, natu maior, vir profecto magnanimus more paterno disciplinam Platoniam prosecutus, non solum Platonem ipsius, sed Platoniorum quoque omnium libros nostra interpretatione Latinos magnifico sumptu in lucem è tenebris eruit optime omnium hactenus de Academia meritorum*” (*Ficinus M. Prooemium in commentaria in Platonem // Op. om. 1136. См. также письмо Фичино неизвестному другу в конце второго издания итальянской версии трактата “О христианской религии” (1484 г.): SF. Vol. I (P. 12-15). P. 13.*

685 “*Philippo [Valori] come magnifico viro, senza avere rispetto alcuno di spesa o di fatica, facendo formare tutte l’opere di Platone, da me tradocete al*

или начале 1490 г. кодекс с переводами позднеантичных языческих и христианских неоплатоников Прискиана Лида, Синезия, Пселла, Порфирия, Ямвлиха и Прокла, а несколько позже, в конце 1490 г., кодекс с переводом комментариев на Плотина, и тот и другой были, как водится, преподнесены Лоренцо; с тем же посвящением на деньги Валори была вначале заказана хорошо иллюстрированная рукопись «Трех книг о жизни», а затем, в декабре 1489 г., осуществлено ее типографское издание⁶⁸⁶. Оплатой публикаций работ Фичино – рукописных и печатных – помощь Филиппо Валори ему не ограничивалась. Известно, например, что гуманист гостил в его имении Майано (in agro Maiano), создавая первый вариант «Комментария к «Тимею»» летом 1483 г. и завершая в том же году работу над редактированием перевода Платона⁶⁸⁷; в данном случае Фичино, надо полагать, был на полном содержании хозяина, который, помимо прочего, мог субсидировать своего подопечного и непосредственно, но никаких сообщений на сей счет до нас не дошло. Известно, кроме того, что за помощью и защитой к Филиппо Валори, бывшему в то время флорентийским послом в Риме, Фичино обратился в начале 1494 г., опасаясь гонений за публикацию своего трактата «О Солнце», который мог вызвать те же нарекания, что и несколькими годами раньше его же трактат «Три книги о жизни»⁶⁸⁸. В знак признательности этому благодетелю Фичино посвятил не многие и не самые важные свои труды: в марте 1489 г. он преподнес ему – с разрешения Медичи – в качестве «небольшого подарочка» (munusculum) перевод Прискиана Лида⁶⁸⁹, чуть позже вместе с переводами других неоплатоников направленный Лоренцо Медичи; в августе того же года – трактат

magnanimo Lorenzo de' Medici, ha dimostro la sua gratiosa volontà et opera inverso di Platone e di noi e degli altri platonici. Costui nel medesimo tempo fa diligentemente formare el nostro libro della Religione cristiana”, – сказано в письме неизвестному другу, помещенном в приложении ко второму изданию трактата “О христианской религии” (увидело свет в Пизе в 1484 г. См.: SF. Vol. I. P. 13; Kristeller P.O. *Introductio*. P. LXXIX).

686 См.: Гл. 1. С. 99. Kristeller P.O. *The First Printed Edition of Plato's Works and the Date of its Publication (1484) // Science and History: Studies in Honor of Edward Rosen (Studia Copernicana. XVI)*. Wrocław, 1978 (P.25-35). P. 35 N 58.

687 См. Гл. 1. С. 64,65, 69.

688 См.: Marcel R. *Op. cit.* P. 527-530.

689 Ficinus M. *Prooemium in Theophrasti de anima // Ep. lib. XI*. P. 896-897.

«О долголетию», вошедший в качестве второй части в посвященное Лоренцо сочинение «Три книги о жизни»⁶⁹⁰; в ноябре 1491 г. – свое юношеское произведение 1456 г. «Наставления в платонической науке»⁶⁹¹. И на бóльшие ответные дары в адрес Филиппо Валори Фичино был не способен, ибо все главные его труды могли предназначаться только Медичи; вместе с тем, гуманист, похоже, был искренен, уверяя Лоренцо в своей чрезвычайной близости и привязанности к Филиппо: «Если Валори и Марсилиус в защите Платона и в любви к тебе [то есть Лоренцо – О.К.] суть одно и то же, то они, несомненно, суть одно и то же друг по отношению к другу... – и как вывод из выше сказанного звучит призыв: – В имени же Марсилиуса Фичино подразумевай также равным образом именование нашего академика Филиппо Валори»⁶⁹².

Далее в посвященном Никколò Валори предисловии к изданию комментариев на Платона 1496 г. Фичино упоминает Франческо Валори, приходящегося адресату дядей, как о человеке наичестнейшем, имеющем заслуги перед Флорентийским государством, который помогал гуманисту в трудных обстоятельствах и обеспечил досугом⁶⁹³. Узнать конкретно, что имел в виду Фичино под оказанной ему этим лицом помощью и каким образом он был обеспечен досугом, к сожалению, не представляется возможным; в другом месте, отзываясь высоко о нравственных качествах этого Валори, гуманист находит его похожим и своим видом, и речами на Козимо Старого⁶⁹⁴.

690 *Ficinus M. Prooemium in librum de vita longa // Ep. lib. IX. P. 903. 2.* Подробнее см.: гл. 1. С. 81-83.

691 *Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones // Ep. lib. XI. P. 929. 2.*

692 “Dum vero Marsilium Ficinum nomino, Philippum quoque Valorem Academicum nostrum intellige pariter nominatum. Nam si Valor atque Marsilius in Platone defendendo, et in te amando idem sunt, proculdubio inter se quoque sunt idem” (*Ficinus M. In commentaria Platonis ad Laurentium Medicem. Prooemium // Op. om. P. 1130*).

693 “Franciscus interea patruus vester, aequè meritis de republica, vir omnium integerrimus... in omnibus meis meorumque perturbationibus pio nos semper officio fovens, iam pridem nobis haec otia fecit” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1136*).

694 “Franciscus Valor... patruus est Philippi, atque Nicolai, et mihi aetate quidem frater, sed reverentia pater. Vir profecta prudentia, integritate, auctoritate summa, quem quotiens aspicimus et audimus, quod et quotidie facimus quasi magnum illum Cosmum Medicem, quem vultu verbisque refert, spectare et audire videmur” (*Ficinus M. Laus nobilis et optimi civis // Ep. lib. X. P. 906. 4*)

Последним в этом предисловии назван в качестве Фичинова благодетеля сам адресат Никколò Валори, который, проявляя по отношению к Платону и самому Марсилию милости, облегчает постоянные заботы гуманиста о делах семейных и усерднейшим образом изучает платоническую науку; ему, взявшему на себя издание комментариев на Платона, Фичино посвящает оное как знак любви к семейству Валори, как памятник оказанных ими гуманисту услуг и вернейшее свидетельство для потомства их достоинств⁶⁹⁵.

Тесные связи на протяжении долгих десятилетий Фичино поддерживал еще с одним представителем флорентийского патрициата Джованни Кавальканти, прямым потомком известного поэта и друга Данте Гвидо Кавальканти. Судя по всему Фичино, претендовавший на то, чтобы по отношению к Джованни выступать в роли философского наставника, выделял его из круга всех своих почитателей и сотоварищей. Он называл его «особенным другом» (*amicus unicus*), «Марсилиевым сердцем» (*Marsilianum cor*), писал о том, что они «уже давно соединены божественной любовью»⁶⁹⁶; Кавальканти адресовано тридцать шесть писем – больше, чем кому-либо другому. В «Комментарии на «Пир» Платона, о Любви» Кавальканти введен в число участников изображенного философского застолья и более того «за доблесть души и высокие способности провозглашен героем пира»⁶⁹⁷; Фичино посвятил ему, названному в другом месте уже «бо-

695 “ Tu denique tuorum erga Platonem atque Marsilium secutus officia curis me familiaribus et his quidem frequentibus, quotidie levas, disciplinamque Platoniam studiosissime colis... Quamobrem haec tibi optime, mi Nicolae, potissimum dedicare decrevi, tam amoris erga Valores mei pignora, quam vestri erga me officii monumenta, certissimaque virtutum vestrarum apud posteros argumenta...” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium. P. 1136*).

696 См. письмо, предпосланное рукописи «Комментария на “Пир”...», которая была направлена Кавальканти (*SF. Vol. I. P. 87*), и другие послания гуманиста этому же лицу: *Ficinus M. Laus Philosophiae oratoria, moralis, dialectica, theologica; Idem. Vicissitudo amoris unde nascitur // Ep. lib. I. P. 670. 1; 673. 1*. Подробнее об отношениях Кавальканти и Фичино см.: *Marcel R. Op. cit. P. 342-345*.

697 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de Amore. I. 1 // Op. om. P. 1321* (Фичино М. Комментарий на “Пир” Платона, о Любви. I. 1 // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. I. С. 144). О роли, которую играет Кавальканти в этом произведении, см.: *Allen M.J.B. Cosmogony and love. The role of Phaedrus in Ficino’s “Symposium commentary” // JMRS. 1980. Vol. X (P. 131-153). P. 135-150*.

жественным героем» (*divus heros*), собственноручно выполненный список этого произведения⁶⁹⁸. Подарок был сделан от души и трудно сказать, полагалось ли в таком случае вознаграждать дарителя. Как бы то ни было, любимый сотоварищ главы флорентийских платоников не остался в долгу: из писем, адресованных ему, известно, что Фичино создавал «сей огромный том» «Платоновского богословия», гостя в его имении Реньяно⁶⁹⁹; конечно, следует думать, что все содержание гуманиста легло на плечи хозяина, но нет никаких сведений о том, сколь долго Фичино жил на хлебах своего близкого друга – едва ли все годы, которые он провел, работая над своим главным произведением (конец 1469-начало 1474 гг.). Осенью 1476 г. Фичино завершил и скорее всего тогда же посвятил Джованни Кавальканти небольшое богословское сочинение «О восхищении Павла до третьего неба и бессмертия души»⁷⁰⁰; помещено оно во второй книге «Эпистол». Трудно установить, когда Фичино посвятил Кавальканти свои ранние переложения на латынь текстов, приписываемых Алкиною, Спевсиппу, Пифагору⁷⁰¹; П.О. Кристеллер говорит неопределенно – после 1467 г.⁷⁰²; они вышли из печати вместе с трудами ряда платоников, переведенных также Фичино, в 1497 г. у Альда Мануция в Венеции и, вполне возможно, незадолго перед этим нашли своего адресата.

Последним в ряду постоянных друзей-покровителей Фичино следует назвать близкого к Медичи флорентийского патриция *Бернардо дель Неро*. В послании Пьеро дель Неро около 1475 г. гуманист признавался в своей привязанности (*proximi sumus*) к его дяде *Бернардо*⁷⁰³, которому он адресовал все важнейшие свои итальянские переводы. В 1468 г. ему и *Антонио ди Туччо Манетти*, «наимудрей-

698 SF. Vol. I. P. 87.

699 *Ficinus M. Contra Averroem, scilicet quod non sit unicus hominum intellectus; Idem. Idee secundum Platonem in divina mente sunt* // Ep. lib. I. P. 628. 2; 629. 2. См. также «Второе жизнеописание» Фичино, в котором говорится: «*Racconta egli stesso [то есть Фичино] d'havere al Ponte a Regnano a poderi di Giov. Cavalcanti composto buona parte della sua Theologia...*» (*Vita di Marsilio Ficino. 56* // *Marcel R. Marsile Ficin. P. 725*).

700 См.: Гл. 1. С. 84.

701 О сочинениях, относимых к этим авторам, см.: Гл. 1. С. 47, 48, 56. Примеч. 115.

702 *Kristeller P.O. Introductio. P. CXXXVIII.*

703 *Ficinus M. De officio civis* // Ep. lib. I. P. 643. 5. См. также: *Marcel R. Op. cit. P. 331.*

шим гражданам Флоренции», была посвящена выполненная Фичино итальянская версия Дантовой «Монархии», а в 1470 г. им же была преподнесена итальянская редакция его собственного труда «Комментарий на «Пир» Платона, о Любви»⁷⁰⁴. Позже, в 1474 г., Фичино посвятил Бернардо итальянский вариант своего трактата «О христианской религии», а в 1477 г. – еще одно итальянское переложение другого своего трактата «О восхищении Павла до третьего неба»⁷⁰⁵. Направляя Бернардо указанные работы, Фичино никак не задевал интересы Медичи, поскольку сочинения на итальянском, или простонародном (*volgare*), наречии, ценились гораздо меньше, чем на латыни, языке высокой культуры, дарующем, как считалось, славу в веках. Что получал Фичино в ответ на эти посвящения, неизвестно, но связи между ним и семейством Дель Неро установились довольно прочные. В 1489 г. он прибег к покровительству – в числе прочих своих высокопоставленных друзей – Пьеро дель Неро, когда ему грозили неприятности из-за публикации «Трех книг о жизни», а в 1493 г. с помощью Пьеро издал трактаты «О Солнце» и «О свете»⁷⁰⁶.

Названными выше лицами круг благодетелей Фичино из среды флорентийского патрициата скорее всего не ограничивался. Имелись и другие, попечение коих о трудах гуманиста было, как видно, гораздо скромнее. Но и Фичино упоминает их меньше и реже⁷⁰⁷.

б. Церковные иерархи

Люди духовного звания были не только среди участников Фичинова кружка, но и в числе тех, кого следует отнести к покровителям гуманиста. С кардиналом Виссарионом Фичино связывали скорее отношения товарищества, поскольку оба выступали с защитой и пропагандой идейного наследия платонической традиции, а вот в лице

⁷⁰⁴ Ficino M. Prohemio sopra la Monarchia di Dante... a Bernardo del Nero et Antonio di Tuccio Manetti prudentissimi cittadini Florentini // SF. Vol. II. P. 184; *Idem*. Proemio sopra il libro dello amore a Bernardo del Nero et Antonio di Tuccio Manetti cittadini fiorentini amici suoi carissimi // SF. Vol. I. P. 89-90.

⁷⁰⁵ Ficino M. Libro della Cristiana religione ad Bernardo del Nero clarissimo fiorentino // SF. Vol. I. P. 10-12; *Idem*. Come Sancto Pagolo fu rapito al terzo cielo // SF. Vol. I. P. 71.

⁷⁰⁶ См.: Гл. 1. С. 101-102.

⁷⁰⁷ м. в этой связи: *Hankins J.* Plato in the Italian Renaissance. Vol. I. P. 305.

гуманистически образованного кардинала Франциска Пикколомини, архиепископа Сиены, Фичино искал не столько единомышленника, сколько заступника, на помощь которого он мог бы рассчитывать. В 1469 г., озабоченный, как предполагают историки, неясной политической ситуацией в родном городе и судьбой Медичи⁷⁰⁸, Фичино предпринял усилия, чтобы сблизиться с Пикколомини в надежде найти у него, если понадобится, пристанище. Действуя, как видно, в этом направлении, тогда же, в 1469 г., из первых трех копий «Комментария на «Пир»...» Фичино направил одну кардиналу Пикколомини, а вторую – его секретарю Иоанну-Антону Кампанскому⁷⁰⁹. В 1475 г. благодаря содействию кардинала Пикколомини Фичино и его родители смогли получить от папы индульгенции с отпущением грехов в связи с объявленным юбилейным годом, причем гуманисту разрешено было не являться самолично в Рим, что требовалось от всех, кто добивался подобной милости⁷¹⁰.

Сам папа Сикст IV, даровавший гуманисту отпущение грехов, тоже должен быть отнесен к кругу его покровителей. Этот жест, имевший большое моральное значение, свидетельствовал о том, что Фичино замечен и по достоинству оценен Святым Престолом. Корси даже уверяет, будто Сикст IV и многие прелаты из его окружения всячески уговаривали Фичино перебраться в Рим⁷¹¹. Скорее всего, опираясь на эти слова Фичинова биографа, никакими свидетельствами более не подкрепленные, Р. Марсель утверждает, что, приглашая гуманиста в Рим, папа имел в виду восстановить академию, уничтоженную его предшественником Павлом II⁷¹². Добрые отношения с папой позволили Фичино в условиях войны между Римом

708 Kristeller P.O. Marsilio Ficino and the Roman Curia // *Humanistica Iovaniensia*. 1985. Vol. 34A (P. 83-98). P. 86-87; Fubini R. Ancora su Ficino e i Medici. P. 290; Gentile S. Introduzione. P. LIX.

709 Kristeller P.O. *Introductio*. P. CXXV; Marcel R. *Op. cit.* P. 40-2.

710 См. обмен посланиями между Пикколомини и Фичино: *Ep. lib. I.* P. 670. 2-671. 1.

711 “Fuit Marsilii, dum viveret, celebris fama per totum fere terrarum orbem, quo factum est, ut Xystus IV, Pontifex Maximus, vir magni animi ac singularis doctrinae, et ex amplissimo Romanae Curiae senatu Patres plerique magnis pollicitationibus contenderint, ut Romam Marsilius accersiretur” (*Cursius J. Op. cit.* XXII. P. 688).

712 Marcel R. *Op. cit.* P. 449.

и Флоренцией, вызванной провалом 26 апреля 1478 г. заговора Пацци, обращаться к нему с призывом к миру⁷¹³.

Тесные связи наладились у Фичино с близкими к папе кардиналом *Рафаилом Риарио* и архиепископом Пизанским *Франциском Сальвиати*, принявшими самое непосредственное участие в заговоре Пацци, что стоило Сальвиати жизни, а Риарио нескольких тревожных месяцев, проведенных в заключении. Намекая на свою преданность юному кардиналу, обучавшемуся в Пизе, Фичино направлял ему в начале 1478 г. письмо «Никто истинно не служит, если не по своей воле...»⁷¹⁴ с приложением небольшого сочинения назидательно-аллегорического характера «Истина о наставлении государя»⁷¹⁵. Гораздо более прочными были отношения с Сальвиати, приверженность которому Фичино выказывал еще в 1474 г.⁷¹⁶ В январе 1478 г., адресуясь к нему не как к архиепископу Пизанскому, а как к «кардиналу Сиенскому» (*Francisco cardinali Senensi*), каковым Сальвиати в действительности не являлся, Фичино заискивающе объявлял его своим «возлюбленным патроном» (*amabilissime mi patrone*)⁷¹⁷; тогда же в качестве надежного покровителя этот прелат был представлен в послании, направленном Фичино к гуманисту Якопо Браччолини⁷¹⁸, наставнику кардинала Риарио, с явным расчетом на то, что подобная характеристика дойдет до Сальвиати. Было бы неоправданной поспешностью полагать, исходя из рассмотрения такого рода документов, будто Фичино в 1477-1478 гг. отвернулся от Медичи и открыто перешел под патронат Франциска Сальвиати⁷¹⁹. Фичино, как уже говорилось, скорее всего имел в виду иную цель –

713 Подробнее см.: *Ibid.* P. 447-451; *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and the Roman Curia.* P. 90-91; *Tröger U. Marsilio Ficanos Selbstdarstellung.* S. 341-371.

714 *Ficinus M. Nemo vere servit nisi qui servit volens, nemo dominatur nisi qui volentibus dominatur // Ep. lib. V. P. 795. 2.*

715 *Idem. Veritas de institutione principis // Ep. lib. V. P. 795-798.* См. также: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and the Roman Curia.* P. 90-91.

716 См.: С. 215.

717 *Ficinus M. Solus feliciter dominatur qui volentibus dominatur // Ep. lib. V. P. 792. 3.*

718 “*Sed quidnam frustra diffidimus? Quasi sub amplo patroni mei Salvati tecto mea minus tuta sint omnia*” (*SF. Vol. I. P. 49*).

719 Именно в таком виде изображены отношения Фичино и Сальвиати в работах: *Fubini R. Ficino e i Medici... P. 273-280; Idem. Ancora su Ficino e i Medici. P. 292-295; Gentile S. Introduzione. P. LIX.*

расширить круг своих благодетелей⁷²⁰, ибо целиком зависел от их милостей. Впрочем, что конкретно сделали для Фичино Сальвиати или Риарио, неизвестно.

Епископа Антония Альи⁷²¹ трудно без оговорок отнести к категории покровителей гуманиста, потому что одновременно он был и его другом-единомышленником, который не только испытывал воздействие идей Фичино, но и сам, в свою очередь, влиял на направление духовных исканий своего подопечного⁷²². Отношения между ними восходят к весьма раннему времени, ибо уже в 1455 г. (или чуть позже) Альи посвятил Марсилию, еще студенту, увлеченному Платоном, работу «О таинственном статире» (*De mystica statira*), избрав его в ней участником бесед⁷²³. Как один из наиболее близких Фичино друзей Антоний Альи введен в число сотрапезников-платоников знаменитого «Комментария на «Пир»...»⁷²⁴. В его лице Фичино нашел строгого ревнителя своих интересов. В письме Пьеро Медичи около 1464 г. Антоний Альи рекомендовал «нашего Марсилия Фичино» в качестве «молодого человека великих дарований» (*Marsilius Fecinus noster magna indole iuvenis*)⁷²⁵. В марте 1470 г., как отмечалось выше⁷²⁶, именно от него получил Фичино свой первый бенефиций – церковь Сан Бартоломео в Помино. В эпистоле, написанной незадолго до смерти Альи (1477 г.), гуманист имел полное основание назвать его своим «давним покровителем» (*patronus meus antiquus*)⁷²⁷.

Приведенный выше перечень Фичиновых благодетелей из среды высшего клира, возможно, неполон, в нем представлены лишь

720 См.: С. 217.

721 Антоний Альи с 1465 г. поставлен архиепископом Рагузы (Дубровника), с 1467 г. – епископом Фьезоле, с 1470 г. – Вольтерры. См.: *D'Addario A. Agli Antonio // DBI. Roma, 1960. Vol. 1. P. 400.*

722 См. об этом: *Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979; Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton, 1988. P. 180-185; Fubini R. Ficino e i Medici... P. 256-257.*

723 Рукопись сочинения Альи хранится в Неаполитанской национальной библиотеке, П.О. Кристеллером опубликовано адресованное Фичино предисловие к ней (*SF. Vol. II. P. 369-371*).

724 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis de amore. I. 1 // Op. om. P. 1321 (C. 144).*

725 См.: *SF. Vol. II. P. 204.*

726 См.: С. 220-221.

727 *Ficinus M. Perversis animis adversa sunt omnia // Ep. lib. III. P. 729. 3.*

фигуры, о содействии коих гуманисту сохранились какие-то, пусть отрывочные, сведения. Вместе с тем, круг прелатов, состоявших в дружеских отношениях с Фичино, был значительно шире; автор «Второго жизнеописания», помимо названных в этом разделе, упоминает также архиепископа Амальфийского Иоанна Никколини, кардинала Арагонского Иоанна, кардинала Марка Венецианского, кардинала Павийского, патриарха Аквилейского Эрмолао Барбаро, о связях с которыми свидетельствует переписка гуманиста⁷²⁸. Однако нет никаких данных о том, что они выступали в роли его покровителей.

в. Светские государи

После того, как слава Фичиновых свершений на поприще возвращения к жизни древней философско-богословской традиции, связанной с именем Платона, шагнула далеко за пределы Флоренции, имя гуманиста стало привлекательным для владетельных особ Италии и Европы; не случайно среди адресатов его посланий короли Неаполя, Венгрии и Франции, герцог Урбино и граф (позже – герцог) Вюртемберга. Иные из них стремились иметь с главой флорентийских платоников отношения и более тесные.

Известный меценат и собиратель рукописей герцог Урбинский Федерико да Монтефельтро не мог не проявить интереса к трудам Фичино. Скорее всего весной 1482 г. ему было посвящено краткое пояснение (*epitome*) к платоновскому диалогу «Политик»⁷²⁹. В начале этого же года Фичино направил ему два послания, одно астрологического характера «Божественный закон не может устанавливаться небесами, но может, пожалуй, ими обозначаться», другое представляло герцогу выполненное Франческо Берлингьери поэтическое переложение на итальянский язык «Географии» Птолемея⁷³⁰. Как видно, Фичино был чем-то обязан герцогу Федерико или очень дорожил отношениями с ним, если вопреки собственному обыкновению раз-

728 *Vita secunda*. 50. P. 719.

729 *Ficinus M. In librum Platonis de Regno ad Federicum ducem semper invictum Apologus* // *Op. om.* P. 1294. Датировку см.: Marcel R. *Op. cit.* P. 458-459.

730 *Ficinus M. Divina lex fieri a caelo non potest, sed forte significari; Idem. Apologus ad Federicum Urbini Ducem in librum Cosmographiae Francisci Berlingerii* // *Ep. lib. VII.* P. 849.2; 855.3.

решил, уступая домогательствам этого страстного коллекционера манускриптов, изготовить для него копию своих переводов Платона: «Ваш непобедимый герцог, – писал он герцогскому юристу Дульци, – настойчиво уговаривал меня и письмами, и беседами доверить мои книги Веспасиано, дабы он [сделанные с них копии] направил к нему в Урбино... Итак, Веспасиано их отдал переписчикам, работающим за плату. Но, не получив ее, они уже долго держат эти книги в плену»⁷³¹. В последние месяцы 1481 г. или чуть позже Фичино передал свои тексты Веспасиано да Бистиччи, державшему мастерскую по переписке книг; работа была завершена, но не оплачена из-за смерти герцога в сентябре 1482 г. Все материалы оставили у себя ремесленники, непосредственно выполнявшие заказ. Дело тянулось два года⁷³², и только в 1484 г. благодаря урбинскому послу Иерониму Кантиано Фичино была возвращена его рукопись с переводами Платона, с которой была изготовлена копия для герцога четырнадцати диалогов с пояснениями к ним гуманиста и «Комментарием на «Пир»...»⁷³³.

Ширящаяся известность гуманиста делала свое дело: престижно было получить посвящение какого-либо из созданных им трудов, гораздо престижней – его самого. Фичино, по мере распространения его переводов и писаний ставший наиболее заметной фигурой интеллектуального ландшафта своего времени, мог служить украшением любого европейского двора. Если достоверность сообщения Корси о желании папы Сикста IV переманить Фичино в Рим остается под вопросом, то такого же рода его информация о венгерском короле *Матвее Корвине* подтверждается иными документами.

731 “...nempe dux ille vester invictus, et epistola, et voce vehementer me rogavit ut meos Vespasiano libros crederem Urbinum ad se mittendos... Vespasianus igitur tabellariis eos tradidit perferendos mercede conductis. At illi illos cum accepissent, non accepta mercede, captivos mihi iamdiu retinent” (*Ficinus M. Honesta simul et vehemens librorum commendatorum exactio // Ep. lib. VII. P. 858. 4*).

732 См. письмо к Кантиано: “Platonis autem liberi cum relicta Graecia a Barbaris occupata sese in Italiam contulissent, in carcerem forte coniecti sunt, integrumque biennium, proh nefas! in vinculis detinentur” (*Ficinus M. Obsecratio ut Platonis libri in Latinum a nobis translati ex eius manibus, qui occuluerat redimantur // Ep. lib. VII. P. 862. 2*).

733 По предположению Р. Марселя, речь идет о рукописи “Urb. lat. 185”. См.: *Marcel R. Op. cit. P. 460-464*.

По словам Фичинова биографа, и этот государь, и другие (какие именно, он не уточняет) добивались, обещая ему немалые награды, чтобы «Марсилий покинул Флоренцию и занимался пропагандой платонического учения у них»⁷³⁴. Действительно, Фичино в 1478 или в начале 1479 г. был зван в Венгрию находившимся там его давним приятелем Франческо Бандини и епископом Вацким Николаем Батори, обещавшими ему, что монархом он будет принят милостиво; но в июне 1479 г. Фичино отклонил это приглашение⁷³⁵, которое было вызвано скорее всего желанием венгерских почитателей гуманиста дать ему убежище, в тревожный момент, переживаемый Флоренцией после заговора Пацци в разгар эпидемии чумы⁷³⁶. Пользуясь добрым расположением короля, в октябре 1480 г. Фичино направил ему воззвание с призывом к войне против варваров⁷³⁷, под которыми разумелись, конечно же, османы, высадившиеся в этом году на Апеннинском полуострове в Отранто и тем самым заставившие власти итальянских государств спешно искать союзников для противодействия им; дипломатический демарш гуманиста, несомненно, отражал эти устремления политиков. В 1482 г. королю были преподнесены списки III-IV и I-VIII книг Фичиновых «Эпистол» (указанное выше воззвание предвзварило III книгу)⁷³⁸. Связи с Матвеем Корвином сохранялись вплоть

734 “... et Mathias, Pannoniae Rex, vir ingentis spiritus ac nominis, et Principes alii adnisi sunt, non parvis sane propositis praemiis, ut Marsilius, relicta urbe Florentia, ad Platonica praeepta propaganda ad illos accederet” (*Cursius J.* Op. cit. XXII. P. 688). Ср. сходную информацию во “Втором жизнеописании” гуманиста: “... il Re Mattia d’Ungheria lo chiamo con honoratissimo stipendio, che sen’ andasse da lui... Il quale Re fu grandissimo e honoro molto e innalzo sempre tutte le buone arti e scienze et amo in particolare fuor’ di modo gl’ huomini Italiani di valore e fra gl’altri tutti il Ficino...” (*Vita secunda.* 40. P. 713).

735 “Cum accipi tuas Bandinique literas, – писал Фичино епископу Вацкому, – quibus vehementer suadetis ut in Pannoniam proficiscar, gratissimus Mathiae, serenissimo Pannoniae regi futurus...” (*Ficinus M.* Montes non separant animos montibus altiores // Ep. lib. IV. P. 782. 3). См. в связи с этим: *Husztli J.* Tendenze platonizzanti alla Corte di Mattia Corvino // GCFI. 1930. Vol. XI (P. 1-37, 135-162, 220-236, 272-287). P. 272-273; *Gentile S.* Marsilio Ficino e l’Ungheria di Mattia Corvino // Italia e Ungheria all’epoca dell’umanesimo corviniano. Firenze, 1994 (P. 89-110). P. 96-97.

736 См.: *Marcel R.* Op. cit. P. 452-453.

737 *Ficinus M.* Exhortatio ad bellum contra barbaros // Ep. lib. III. P. 721. 1.

738 Подробнее об обстоятельствах этого дарения Фичино см.: *Husztli J.* Op. cit. P. 225-228.

до смерти венгерского короля. В начале февраля 1489 г. Фичино ему послал новые свои переводы Прискиана Лида, Пселла «О демонах» и Синезия «О сновидениях», выполненные накануне, а в июле посвятил, предварительно испросив согласие Лоренцо Медичи, трактат «О стяжании жизни с небес»⁷³⁹, созданный в ходе работы над комментариями к Плотину и чуть позже в качестве последней части включенный в состав «Трех книг о жизни»⁷⁴⁰. Подобные подношения не полагалось оставлять без ответа и скорее всего венгерский монарх каким-то образом отблагодарил главу флорентийских платоников⁷⁴¹.

С графом Эберхардом Вюртембергским у Фичино отношения завязались скорее всего благодаря немецким гуманистам Мартину Уранию и Иоганну Штрелеру, по делам своего государя наведывавшимся в Италию. Эти отношения, по-видимому, выходили за рамки простого заочного знакомства, если в сентябре 1492 г. Фичино посвятил графу Эберхарду первую редакцию своего трактата «О сравнении Солнца с Богом», отправив ее адресату вместе со Штрелером⁷⁴². Однако получил ли Фичино что-либо в обмен на свой дар и имели ли их связи продолжение, мы не знаем.

739 *Ficinus M. Amicus in amico. Item excusatio de itinere non suscepto // Ep. lib. VIII. 896. 2; Idem. In librum tertium de vita coelitus comparanda, ad Serenissimum Pannoniae regem epistolare prooemium // Op. om. P. 529 (Abel E. Op. cit. p. 289, 290). Предисловия Филиппо Валори к выполненным на его деньги кодексам “Писем” Фичино и переводов Синезия и Прискиана Лида, направленным венгерскому королю, см.: SF. Vol. I. P. 65-66, 95. См. в связи с этим: Huszti J. Op. cit. P. 230-231; Kristeller P.O. The First Printed Edition of Plato's Works... P. 35 N 58; Gentile S. Marsilio Ficino e l'Ungheria... P. 105-106.*

740 См.: Гл. 1. С. 96-97.

741 Хусти, а вслед за ним Т. Кланицай утверждают, что Фичино “не получал от венгерского короля никаких пожалований” и что в источниках нет упоминаний о них (*Huszti J. Op. cit. P. 232; Klaniczay T. Mattia Corvino e l'umanesimo italiano. Roma, 1974. P. 3*). Упоминаний о королевских пожалованиях в документах о жизни и творчестве Фичино действительно нет. Но наивно думать, что гуманист за собственный счет мог заказать для короля (как и для других своих покровителей) дорогие манускрипты со своими трудами; средства на это и, вполне возможно, на гонорары автору должны были давать либо те, кому предназначались списки с работами Фичино, либо какие-то другие заинтересованные особы (например, из итальянского окружения венгерского монарха).

742 См. Фичиново предисловие к трактату: *Ficinus M. Prooemium in comparationem Solis ad Deum // Ep. lib. XI. P. 944. 2; 949. 3*).

Широкий круг покровителей и поклонников из числа сильных мира сего, готовых участвовать в трудах гуманиста, помогать и жертвовать ему, лучше всего может свидетельствовать о том, что дело, которому он себя посвятил, получило общественное признание и поддержку. Марсилий Фичино один из первых и редких в эпоху Возрождения примеров того, как интеллектуал получает возможность содержать себя благодаря своим ученым изысканиям (не преподаванию и не службе). Меценаты одобряют и ободряют его, оказывают ему материальную помощь. Однако не только все ее источники, но даже приблизительный ее объем очертить невозможно, ибо сведения, конечно же, неполные, сохранились лишь о том, что не могло не получить документального оформления, то есть прежде всего о недвижимости. О «дачах» же деньгами, натурой (продуктами и вещами), услугами почти ничего не известно. И тем не менее не подлежит сомнению, что имущественное положение гуманиста улучшалось. Средств, располагаемых им, стало хватать не только на его собственное проживание и помощь родне, на аппетиты которой он жаловался, но и на основательные приобретения. В сентябре 1497 г. Фичино купил на «виа Ларга» дом с земельным участком за 162 флорина⁷⁴³. Из кадастра следующего 1498 г. известно, что в качестве недвижимого имущества он владел, во-первых, имением в Кареджи, во-вторых, пополам с матерью домом на улице Св. Эгидия, сдаваемым в наем (и то и другое он получил еще от Козимо Медичи), в-третьих, другим домом, арендованным в Филлине и сданным в наем, в-четвертых, четыремя имениями в коммуне Монтеварки⁷⁴⁴. В итоге, помимо держателя чужих имуществ, после его смерти подлежащих возврату прежним владельцам – а это церковные бенефиции, пожалованные Медичи имение и дом и даже греческие кодексы с сочинениями античных авторов, переданные гуманисту для работы, – он стал владельцем собственности, которой был волен распоряжаться по своему усмотрению. На закате своих дней Фичино уже совсем не тот скромный труженик науки, не обеспеченный средствами к существованию, каким он был в начале своего поприща, но стяжавший громкую известность духовный авторитет, которому его почитателями созданы необходимые условия для творчества.

743 *Catalogo*. P. 192 N 165.

744 *Ibid*. P. 193. N 167.

ГЛАВА IV. INTER PARES

Среди тех, кого Фичино в перечне близких ему людей, образующих основной состав его кружка, причислял к «друзьям-собеседникам» (*familiares confabulatores*)⁷⁴⁵, следует выделить небольшую группу гуманистов, отношения которых с главой флорентийских платоников заслуживают специального внимания. Каждый из них стяжал прочную славу среди современников и в потомстве, представляя собой самостоятельную культурную величину. Тем важнее узнать, что их могло связывать с трудами Платоновской академии.

§ 1. Леон Баттиста Альберти

Упоминания имени Леона Баттиста Альберти⁷⁴⁶ в сочинениях Фичино единичны. Он назван в каталоге его друзей, причем Фичино уточнил, что вместе с Аккольти и Ландино Альберти не принадлежал к тем, кто слушал его первые лекции (*primas lectiones*)⁷⁴⁷. На то, когда же начались их отношения и сколь тесными они были, в сочинениях

⁷⁴⁵ См. выше Глава II. С. 137.

⁷⁴⁶ Подробнее о жизни и творчестве Альберти см.: Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. СПб., 2001 [работа подготовлена в 1946 г.]; Леон Баттиста Альберти. М., 1977 (сборник со статьями об Альберти В.Н. Лазарева, Л.М. Брагиной, В.П. Зубова, В.Н. Гращенкова); Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 151-202; Брагина Л.М. Социально-политические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 120-174; Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 184—230; Данилова И.Е. Альберти и Флоренция. М., 1997; Michel P.H. Un ideal humain au XVe siècle. La pensée de L.B. Alberti. Paris, 1930; Santinello G. Leon Battista Alberti. Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962; Gadol J. Leon Battista Alberti. Universal man of Early Renaissance. Chicago-London, 1969; Ponte G. Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1991.

⁷⁴⁷ См. Глава II. С. 137-138.

обоих гуманистов нет прямых указаний. Зато в «Камальдоленских беседах» Ландино есть описание их встречи и участия в философских прениях вместе с Лоренцо и Джулиано Медичи, Аламанно Ринуччини, Пьеро и Марко Паренти и Антонио Каниджани, спасавшихся, если верить Ландино, от нестерпимой жары в основанном еще Св. Ромуальдом в XI в. загородном монастыре. Леон Баттиста, как сказано, «недавно покинул Рим и, направившись по аретинской дороге, заехал в Фильине к Марсилию Фичино, безусловно, первенствующему среди платоников нашего времени. По общей договоренности, они вернутся во Флоренцию не раньше, чем проведут все самое знойное время в Казентинской долине. Находясь уже там и оставив своих лошадей, они не спеша направились в нашу сторону, сопровождаемые Мариоттом, настоятелем монастыря, достойным уважения как за свое благочестие, так и за свою ученость. Новость об этом наполнила всех нас радостью, – пишет Ландино, – и горя нетерпением их принять и говорить с ними, мы пошли к ним навстречу и, увидев их, обменялись приветствиями. Остаток дня, когда Солнце уже садилось, мы провели, слушая Баттиста [Альберти]. [Как никто другой] за многие века он преуспел во всех науках и достиг аттической утонченности в словесности, его познания и его увлечения простираются на все, что доступно изведать человеку»⁷⁴⁸.

Фичино и Альберти, охарактеризованные как выдающиеся люди своего времени, представлены довольно близкими друзьями: один навещает другого, они вместе собираются проводить летние каникулы и сообща же идут к собравшимся в монастыре своим флорентийским знакомым. В ходе самих бесед Альберти несколько раз с большим почтением говорит о Фичино. На вопрос Донато Аччайуоли, почему Альберти, назвав его и Аламанно Ринуччини аристотеликами, не причислил к ним же и Фичино, Леон Баттиста, улыбнувшись этому последнему, ответил: «Что иное, если не зависть, полагаешь ты, Донато, удержала меня от этого? Хотя я не

748 “Ad que cum ego iam respondere coepissem, subita res orationem interrupit. Nunciatum enim est Leonem Baptistam Albertum paulo post affuturum. Vererat enim nuper Roma et, cum via Aretina in Fighinensi apud Marsilium Ficinum virum nostra tempestate inter Platonicos facile principem divertisset, stauerunt communi consilio non prius Florentiam ire, quam totam caniculam inter Casentinatiam Tempe declinassent” (*Landinus Chr. Disputationes Camaldulenses*. I. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980. P. 9; SF. Vol. II. P. 251).

сомневаюсь, что он широко черпал из Ликейского источника, однако мы все считаем его наиболее точным толкователем тех загадок, которые изречены оракулом Академии, и неужели ты думаешь, что меня можно заставить признавать за ним и то и другое [принадлежность к Ликейю и к Академии –О.К.]:»⁷⁴⁹. Таким образом за Фичино признана и закреплена роль главного выразителя точки зрения платоновского направления.

Далее Альберти по ходу своего выступления подошел к вопросу о Высшем Благе, отождествляемом с Богом христианами, а еще гораздо раньше Платоном, об этом, по словам гуманиста, можно узнать из Фичинова «Комментария на «Филеб», о коем он отзывается как о произведении глубоком, но более всего ясном и простом⁷⁵⁰. По настоянию Альберти, Фичино вынужден был дать изложение основных мыслей своего комментария. В следующий раз ссылается Альберти на Фичино уже как на автора «Комментария на «Пир» Платона...», обсуждая вопрос об озарении души в четвертой книге диалогов Ландино⁷⁵¹. Наконец, последнее упоминание звучит в связи с «еще не отделанным» главным сочинением Фичино «Платоновским богословием», которое Альберти, заехав к своему товарищу в Фильине и будто бы «случайно обнаружив, раскрыл и отдельными местами с великим удовольствием прочитал»; среди прочего, Альбер-

749 «“Verum illud admiror, cur, dum nominatim nos Aristotelicis annumeras, Ficinum silentio praeterieris”. Hic Baptista cum Marsilium subridens aspexisset “Quid aliud censes”, inquit, “o Donate, nisi me invidia, ne hoc facerem impediri? Nam etsi haec quoque quae e Lycii fonte fluxerunt illum abunde hausisse non dubitem, tamen, cum eorum aenygmatum, quae ex Academiae oraculo solvenda sunt, illum verissimum interpretem omnes fateamur, putas a me extorqueri posse, ut utrunque illi concedam?”» (Ibid. II. P. 64; SF. P. 251-252).

750 «Dicunt enim deum summum esse bonum, quod et ante Christum et hominem natum Platonem sensisse constat. Cuius quidem opinionem facile, cum voles, vel iis commentariis quos Marsilius non modo gravissime, verum etiam in primis perspicue et enucleate in Platonis “Philebum” conscripsit, cognoscere poteris...» (Ibid. II. P. 68; SF. Vol. II. P. 252).

751 “Sed haec te, Laurenti, latere minime puto. Sunt enim non solum docte ac distincte, sed omnino dilucide a Marsilio nostro in iis dialogis explicata, quos ille in Platonis “Symposium” conscriptos sub tuo nomine edidit” (Ibid. IV. P. 214; SF. Vol. II. P. 252).

ти характеризует его как «вещь во всех отношениях значительную и плод великих дарований ума»⁷⁵².

Итак, если верить Ландино, Альберти был довольно близко связан с Фичино и относился к нему, весьма молодому по сравнению с собой человеку (Альберти родился в 1404 г., Фичино – в 1433 г.), с превеликим почтением. Возникает, правда, вопрос о том, насколько можно полагаться на сообщения Ландино; ведь его «Камальдоленские беседы» – не протокольная запись ученых прений, а литературно-философское произведение, и, имея это в виду, можно усомниться даже в том, происходила ли на самом деле описанная Ландино встреча в указанном им составе наиболее видных гуманистов Флоренции. Судя по намекам на некоторые обстоятельства, встреча эта должна была состояться летом 1468 г., до того, как здоровье Пьеро Медичи резко ухудшилось⁷⁵³. Но тогда как быть со ссылкой Альберти на «Платоновское богословие» Фичино, начатое не ранее середины 1469 г., или с упоминанием «Комментария на «Пир» Платона...», к работе над которым глава флорентийских платоников приступил не ранее поздней осени 1468 г.⁷⁵⁴. Налицо явное несоответствие между сведениями, приводимыми у Ландино, и действительностью, объясняемое тем, что книга создавалась незадолго до смерти Пьеро Медичи (1 декабря 1469 г.) и, по-видимому, продолжала редактироваться вплоть до ее издания, которое не датировано, но, по-видимому, было осуществлено в 1474 г.⁷⁵⁵. И тем не менее сто-

752 “...Censet Plotinus omnium hominum animas ad eundem vitae habitum redivituras. Haec igitur et qualia sint et quanti facienda, facile ex eo libro percipies, quem nondum expolitum in manibus hic noster Marsilius habet nec adhuc edidit. Verum ego cum apud ipsum in Fighinensi divertissem, casu in eum incidens aperui locosque quosdam summa cum voluptate percurri. Res omnino magna est Laurenti et magnis ingenii viribus tractata et prorsus digna, in qua labores. Poterit enim non solum maxima ac pulcherrima et homini se ipsum nosse cupienti pernecessaria te docere, sed in summam quoque admirationem rapere. Scribit enim non physice, ut plerique solent, sed metaphysice de animorum nostrorum immortalitate, ut plane possit de ea re omnem dubitationem amovere” (Ibid. IV. P. 260; SF. Vol. II. P. 252-253).

753 См. подробнее об этом: *Marcel R. Marsile Ficin. 1433-1499. Paris, 1958. P. 197, 314.*

754 См.: Глава I. С. 67-68.

755 См. об этом: *Marcel R. Op. cit. P. 311, 328. 393.* Впрочем, есть и другая датировка 1 изд. “Камальдоленских бесед” – 1480 г. и времени их окончательного

ит прислушаться к суждению давнего исследователя флорентийской Платоновской академии А. Делла Торре: даже если рассказанное в диалогах Ландино не является действительностью, тем не менее оно вполне соответствует ей⁷⁵⁶. В самом деле, хотя летом 1468 г. Альберти не мог знать «Комментария на «Пир» Платона...» и «Платоновского богословия», с этими сочинениями Фичино он имел возможность познакомиться позже, когда они в принципе были доступны ему, и, похоже, суждения, близкие к тем, какие по их поводу должен был высказывать Альберти, Ландино воспроизвел в своих диалогах.

В историографии вызывало смущение то обстоятельство, что Альберти в своих педагогических и моральных сочинениях отдававший предпочтение жизни деятельной перед созерцательной, у Ландино выставлен защитником именно этой последней⁷⁵⁷. Соглашаясь, что к концу жизни Альберти мог переменить свои взгляды на эту проблему, Р. Марсель все же считает, будто в данном случае он представлен выразителем мысли самого Ландино, который, изображая его в подобной роли, хотел тем самым воздать честь умершему (1472 г.) к моменту выхода в свет книги гуманисту⁷⁵⁸. Скорее всего, однако, в данном случае Альберти представляет точку зрения не одного Ландино, а всего платонического движения, идеалы которого он, похоже, уже разделял и к которому он был приобщен Марсилием Фичино гораздо раньше 1468 г., описанного в «Камальдоленских беседах». Подобное предположение с большой долей уверенности позволяет высказать одно сравнительно недавно сделанное наблюдение С. Джентиле: оказывается «Пифагорейские речения» (*Sentenze pitagoriche*), небольшое сочинение Альберти, подготовленное им для его племянников на Рождество 1462 г., имело своим главным

создания – до 1474 г. См.: Lohe P. *Datierung der "Disputationes Camaldulenses" des Cristoforo Landino // Rinascimento. Seconda serie. 1969. Vol. IX (P. 291-299). P. 294; Idem Introduzione // Landino Chr. Disputationes Camaldulenses. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980 (P. IX-XXXVIII). P. XI-XVII; Брагина Л.М. Социально-этические взгляды... С. 211, 216 (Сн. 105).*

756 "... se non sono [Disputationes] realmente accadute, è certo che sono conforme alla realtà, sono in altre parole verosimili" (*Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 580*).

757 См.: Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. С. 64; Брагина Л.М. Социально-этические взгляды... С. 217 (Сн. 110).

758 Marcel R. Op. cit. P. 317.

источником Фичинов перевод на латынь приписываемых Пифагору «Золотых стихов» и «Символов»⁷⁵⁹. Альберти пользовался рукописью перевода (впервые издан он был только в 1497 г.), несомненно, с дозволения его автора, что может свидетельствовать о сложившихся между ними доверительных, если не дружеских, отношениях уже в начале 60-х гг. Очевидно, что Фичино к своим изысканиям в области так называемой древнеязыческой богословской мудрости сумел привлечь внимание прославленного земляка. И поэтому совсем небезосновательными выглядят реплики Альберти в «Камальдоленских беседах» о трудах Фичино середины 60-х, начала 70-х гг., с которыми как лицо, к нему очень близкое⁷⁶⁰, он должен был иметь возможность тем или иным способом познакомиться.

Исследуя отношения Фичино и Альберти, нужно обязательно указать на черты идейного сходства, которое также могло связывать этих двух мыслителей. В особенности бросается в глаза, сколь единокоренны они были в восприятии времени. Для Альберти время, наряду с душой и телом, является подлинным достоянием человека,

759 См.: *Ficinus M. Pythagorae aurea verba. Symbola* // *Op. om.* P. 1978-1979 (их переиздание: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1990. Seconda serie. Vol. XXX (P. 57-104). P. 86-95*); *Alberti L.B. Sentenze pitagoriche // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1966. Vol. II. P. 297-300.* См. об этом: *Tateo F. Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1981. P. 44*; *Trenti L. "Nihil dictum quin prius dictum". La fenomenologia sentenziosa in Leon Battista Alberti // Quaderni di rettorica e poetica. 1986. N 2 (P. 51-62). P. 60-61,*

Джентиле на основе текстологического анализа «Пифагорейских речений» показывает, что Альберти имел перед глазами именно Фичинову латинскую версию «пифагорейских» писаний, которой, впрочем, следовал не буквально, позволяя себе отступления от нее и изменения, в первую очередь, для того, чтобы приглушить языческое содержание некоторых частей, имеющих ссылки на богов, героев, демонов. См.: *Gentile S. Sulle prime... P. 76-80.*

760 Утверждение В.П. Зубова (Указ. соч. С. 63) об «отсутствии крепких и прочных связей Альберти с Флорентийской [Платоновской] академией» после того, как С. Джентиле опубликовал свои наблюдения об источнике Альбертиевых «Пифагорейских речений», нужно признать ошибочным; равным образом невозможно согласиться с Э. Гарэном, заявившим, что «на самом деле Альберти далек от Фичино» (Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 199).

тогда как все другое, или «внешние блага», вроде богатства, власти, общественного положения, принадлежит по-настоящему только фортуне; поэтому со временем нужно обходиться бережно и рачительно. Как это делать, Альберти подробно объясняет устами одного из персонажей третьей, «хозяйственной» книги (*Liber economicus*) диалогов «О семье» (созданной в 1432-1434 гг.). «Что касается времени, – наставляет престарелый Джанноццо Альберти своих молодых сородичей, – то я стараюсь употреблять его умело, никогда не трата попусту. Использую время, насколько в моих возможностях, для похвальных занятий, не уделяю его вещам малозначительным; на любое дело я расходую времени не больше, чем требуется, чтобы исполнить оное как следует. И дабы не терять ни малейшей доли времени, представляющего великую ценность, я установил себе за правило никогда не сидеть без дела... я бегу сна и безделья, постоянно чем-то занимаясь. Дабы дела не путались и по этой причине не оказалось потом, что, начав несколько, я не закончил ни одного, или же при таком образе действий мне не привелось бы осуществить то, что похуже, и пренебречь лучшими занятиями, знаете, дети мои, что я делаю? Утром, прежде чем встать, я задаю себе такой вопрос: чем предстоит мне сегодня заниматься? Такими-то вещами; перебираю их в памяти, обдумываю и каждой определяю время: это – утром, то – днем, а вот то другое – вечером. Так, по порядку, я исполняю всякое дело почти без напряжения... И запомните, дети мои, любую вещь, сколь обильна и легкодоступна она ни была бы, крайне сложно будетзаполучить, если пропущен подходящий для этого момент. Злаки, травы, ягоды, цветы, плоды и все другое ты легко достанешь, когда наступает их время; когда оно проходит, ты их можешь обрести с превеликим трудом. Посему, дети мои, нужно учитывать время, соответствующим образом его распределяя так, чтобы для дела никогда не пропадало ни часу. Я мог бы вам рассказать, сколь драгоценно время, но об этом следовало бы вести речь в другом месте, располагая более изысканным слогом, более сильным умом, более основательной образованностью, нежели моя. Я только призываю вас не терять времени. Поступайте так же, как и я. Утром устанавливаю себе распорядок дня, днем выполняю, что мне положено, а затем вечером, прежде чем отправиться на отдых, припоминаю совершенное за день. И если обнаруживается, что какая-то вещь сделана не так и можно было бы сейчас же ее поправить, я немедленно этим за-

нимаюсь; ибо готов пожертвовать скорее сном, чем временем, подходящим для дел. Сон, еду и тому подобное можно наверстать, взяв свое и завтра, а вот упущенное время не вернешь»⁷⁶¹.

В том, чтобы правильно использовать время, рационально его организуя, Альберти видит главное условие самосозидания человека, ибо – как говорит все тот же Джанноццо в диалогах «О семье», – «кто знает, как распорядиться временем, не теряет его, тот может практически все, может овладеть, чем только пожелает».⁷⁶² Примером и доказательством такого рода безграничных возможностей человека в формировании им собственного «я» предстает сам Альберти в его анонимном словесном описании, которое скорее всего является его собственной автобиографией: стремясь приобрести все возможные знания и умения, достичь успехов во всех науках, искусствах, в самых разных видах физического и нравственного воспитания, он посвятил этому все силы и время и стал, если верить его словесному портрету, олицетворением человеческого всесовершенства. Экзистенция им ощущается как постоянное напряжение; все время трудясь, даже по ночам, что приводило к болезням уже в молодом возрасте, он не позволял себе расслабляться и отдыхать: «Выходя для отдыха на прогулку по улицам и видя, как все ремесленники без усталости работают в своих мастерских, он, как будто по приказанию строгого судьи часто немедленно возвращался домой, говоря: «Надо и нам продолжать начатую работу»... Когда же осенью смотрел он на отягченные созревшими колосьями нивы и на деревья, усеянные плодами, он впадал в такое глубокое уныние, что случалось видеть его иной раз горько плачущим и слышать, как он шептал про себя: «Вот, Леон, сколько со всех сторон свидетелей и обвинителей нашего нерадения!»...»⁷⁶³.

⁷⁶¹ Alberti L.B. Della familia. III // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 1. P. 176; Альберти Л.Б. О семье. III. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. М., 1996. С. 400-401.

⁷⁶² Ibid. P. 214 (С. 410). См. в связи с этим: Брагина Л.М. Социально-политические взгляды... С. 159; Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991. С. 173-174.

⁷⁶³ [Alberti L. B.] De Albertis vita. Ed. R. Fubini, A.M. Gallorini // Rinascimento. Seconda serie. 1972. Vol. XII (P. 68-78). P. 77; [Альберти Л.Б.]. Фрагмент анонимной биографии Леон-Баттисты Альберти. Перевод Ф.А. Петровского // Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. I (С. XIX-XXIX). С. XXIX. О принадлежности этой биографии перу самого Альберти см.: Watkins R. The authorship of the "Vita Anonyma" of Leon Battista Alberti // Studies in the Renaissance. 1957.

Подобное отношение ко времени отразилось и в упомянутых выше «Пифагорейских речениях», выступающих у Альберти в роли своего рода моральных заповедей. В их состав он включил следующее наставление: «Из отведенных живущему сроков, постоянно теряются те, которые не используешь. Вчера прошло, завтра неизвестно. Итак, живи сегодня»⁷⁶⁴. Этого изречения нет в Фичиновых переводах так называемых пифагорейских писаний – «Золотых стихов» и «Символов», на которые Альберти опирался. Обыгрывая в цитированных словах мысль, сформулированную Марциалом, Альберти самочинно ее ввел в то, что можно было бы назвать сводом пифагорейской мудрости. Ее многочисленные отзвуки легко найти в сочинениях морального характера гуманистов флорентийской Платоновской академии.

Для Фичино характерно такое же острое переживание текучести, быстротечности времени, как и для Альберти. У него звучат – как показано в другом месте⁷⁶⁵ – те же самые призывы, адресованные близким ему людям, и прежде всего – Лоренцо Медичи, жить настоящим, радоваться сегодняшнему дню, и ни в коем случае не полагаться на будущее, неверное и обманчивое. Более того, по аналогии с тем, как Альберти изображал представителя старшего поколения своей семьи, умудренного собственным и своих сородичей жизненным опытом, проповедником принципа умелого, служащего к наибольшей выгоде для человека обращения со временем, так и Фичино в роли главного авторитета, показывающего собой пример того,

Vol. 4 (P. 101-112). P. 110-112; Idem. L. B. Alberti in the mirror: an interpretation of the "Vita" with a new translation // *Italian Quarterly*. 1989. Vol. 117 (P. 5-30). P. 5; Fubini R., Menci Gallorini A. L'autobiografia di Leon Battista Alberti: studio e edizione // *Rinascimento*. Seconda serie. 1972. Vol. XII (P. 21-78). P. 27 и далее; Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 181. Недавно, впрочем, было высказано мнение, с которым, однако, трудно согласиться, будто автором биографии является все же не Альберти: Эненкель К. Происхождение ренессансного идеала "uomo universale": "Автобиография" Леона Баттиста Альберти // *Человек в культуре Возрождения*. М., 2001. С. 79-86.

764 "Delle ore concesse a chi vive, continuo si perdon quelle che tu non adoperi. Ieri passò, doman non ha certezza. Vivi tu adonque oggi" (Alberti L.B. *Sentenze pitagoriche* // *Opere volgari*. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 2. P. 300).

765 О трактовке времени в нравственном учении Фичино и его кружка см.: Глава XI. С. 429-431.

сколь надо дорожить временем, выставлял, обращаясь к Лоренцо, его деда Козимо Медичи.

Все сведения, которые удалось собрать о личных отношениях и идейных связях Альберти с Фичино, убеждают в несомненной близости этих выдающихся гуманистов своего времени. Несмотря на значительную разницу в возрасте между ними, Альберти был очень внимательным к духовным свершениям своего молодого сотоварища по ученым занятиям, увлеченного «возрождением» древнеязыческой мудрости. Вместе с тем, и концепции Альберти, разработанные им задолго до появления кружка единомышленников, известного как Платоновская академия, если и не оказали непосредственного воздействия на некоторые стороны ее идеологии, то, по крайней мере, – и это очевидно на примере поучений о том, как относиться ко времени – были чрезвычайно близки им.

§ 2. Кристофоро Ландино

Среди коллег из ближайшего окружения Фичино не было, пожалуй, более пылкого ревнителя его дела и преданного сподвижника, нежели Кристофоро Ландино. На девять лет старше Фичино Ландино (родился в 1424 г.), как и тот, был всем обязан Медичи. Хороший знаток латинского и греческого языков, он, начиная с 1458 г., в течение многих десятилетий занимал кафедру риторики и поэтики во Флорентийском университете и приобрел известность своими поэтическими произведениями, комментариями к творениям Горация, Вергилия, Цицерона, Ювенала, Персия, «Божественной комедии» Данте, сонетов Петрарки, а также философскими диалогами⁷⁶⁶.

⁷⁶⁶ Подробнее о жизни и творчестве Ландино см.: *Marcel R. Op. cit.* P. 190-197; *Брагина Л.М.* Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины XV в. Кристофоро Ландино (по его трактату “Диспуты в Камальдоли”) // *Вестник МГУ.* 1965. Серия IX. N 5. С. 48-65; *Она же.* Трактат “Об истинном благородстве” итальянского гуманиста XV в. Кристофоро Ландино // *Вестник МГУ.* 1969. Серия IX. N 5. С. 82-92; *Она же.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 211-231; *Она же.* Проблема нравственного идеала в этике Кристофоро Ландино // *Культура эпохи Возрождения.* Л., 1986. С. 94-107; *Lentzen M.* Studien zur Ante-Exegese Cristoforo Landino. Mit einem Anhang bisher unveröffentlicher Briefe und Reden. Köln; Wien, 1971. S. 1-26.

Когда состоялось первое знакомство Фичино с Ландино, а тем более когда между ними сложились тесные отношения, установить точно невозможно. Наверняка еще до 1456 г., ибо в этом году Фичино, двадцати трех лет от роду, по его свидетельству, «побуждаемый дружески расположенным к нему учнейшим мужем Кристофоро Ландино», подготовил свое первое изложение Платоновского учения («*Institutiones ad Platonicam disciplinam*»), опираясь на латинские источники; ознакомившись с трудом Фичино, Ландино и Козимо Медичи посоветовали его не публиковать, доколе молодой гуманист не овладеет греческим языком в такой степени, чтобы «черпать из собственных источников платонического учения».⁷⁶⁷ Итак, в 1456 г. Ландино был одним из самых близких к Фичино представителей ученого мира Флоренции, вместе со своим покровителем он осуществлял заинтересованный надзор за деятельностью своего юного, но уже, по видимому, подававшего большие надежды товарища, осуществляя критическую оценку его трудов; не случайно именно Ландино начинающий платоник посвятил свой первый опыт по освоению «платонической науки»⁷⁶⁸.

Дружеские отношения двух гуманистов сохранялись и в последующем. Небезосновательным выглядит предположение Р. Марсея о том, что с Ландино в числе прочих Козимо должен был держать совет, вознамерившись в 1462 г. взять Фичино под прямое покровительство⁷⁶⁹. Однако очень быстро роли поменялись, и Ландино подпал под сильное влияние Фичиновых идей, популяризатором коих он стал в своих произведениях⁷⁷⁰.

Во вступительном слове, произнесенном публично, по видимому, в 1458 г., когда Ландино начинал в университете курс

767 “Ad quas [*Institutiones ad Platonicam disciplinam*] quidem componendas adhortatus est Christophorus Landinus amicissimus mihi, vir doctissimus. Cum autem ipse, et Cosmus Medices peregrissent (=perlegissent) eas, probaverunt quidem, sed ut penes me servarem consuluerunt, quoad, Graecis literis erudirer, Platonicaque tandem ex suis fontibus haurirem” (*Ficinus M. Prooemium in Platonis institutiones* // Ep. lib. XI. P. 929. 2 – письмо к Филиппо Валори за ноябрь 1491 г.).

768 См. письмо к Полициано 1475 г., в котором “*Institutiones ad Platonicam disciplinam*” названы “*Declarationes Platonicae*” (*Ficinus M. Bona scribere praestat quam multa* // Ep. lib. I. P. 619.3).

769 *Marcel R. Op. cit.* P. 240.

770 См.: *Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese...* S. 56-58.

лекций о «Божественной комедии» Данте, он выступил с концепцией поэзии как искусства, обязанного своим происхождением не собственным способностям человека, его уму, но божественному неистовству, которое он сподобился получить свыше; концепция эта и в целом и в некоторых своих деталях была заимствована из небольшого трактата Фичино, оформленного как письмо к Пеллегрино Альби от 1 декабря 1457 г. и названного «О божественном неистовстве»⁷⁷¹. Идею божественного происхождения поэтического вдохновения Ландино воспроизводил также в последующих своих трудах, посвященных прежде всего выдающимся стихотворцам прошлого – во вступительной речи к лекциям о Вергилии (1462 г.)⁷⁷², в комментариях к Данте (1481 г.), Горацию (1482 г.), Вергилию (1488 г.)⁷⁷³, – а также во введении к третьей книге «Камальдоленских бесед» и в рассуждении о «Поэзии и поэте»⁷⁷⁴. Влияние более широкого спектра платоновских

771 “Né si può, si come el divino Platone nel Fedro et il platonico Tullio nelle Tuscolane afferma, senza divino furore da’ cieli nelle menti humane infuso per huomo mortale tale arte [poesia – O.K.] possedere...” ([*Landino Chr. In expositione di Dante*] // Lentzen M. *Reden Cristoforo Landinos*. München, 1974 (P. 22-35). P. 23). Далее у Ландино идет довольно близкий пересказ пространного отрывка из письма Фичино: *Ficinus M. De divino furore* // Ep. lib. I. (P. 612. 2-615). P. 613. См. также в другом месте у Ландино: “Havete veduto che cosa sia poesia et come non da mortale ingegno, ma di divino furore nell’humane menti infuso trae...” (*Landino Chr. In expositione...* P. 27). В связи со сказанным см. также: *Lentzen M. Reden...* S. 11-16, 20.

В комментариях к “Божественной комедии” Данте (Ад. IX. 38) Ландино отзывался о “нашем платонике Марсилие Фичино” как о “превосходном толкователе божественного неистовства, описанного у Платона”: “... furore divino,... cosa discripta da Platone, et optimamente interpretata dal nostro Platonico Marsilio ficino” (*Landino Chr. Comento sopra la comedia di Dante alighieri poeta fiorentino* // Dante. *Comedia*. Vinegia, 1491. Sig. H2v.).

772 [*Landinus Chr.*] Praefatio in Virgilio habita in gymnasio Florentino // Lentzen M. *Studien zur Dante-Exegese...* (S. 234-242). S. 235; Ландино Кр. Вводная лекция о Вергилии. Перевод Ю.А. Шичалина // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)*. М., 1985 (С. 194-201). С. 195-196. См. в этой связи: *Cardini R. Il Landino e la poesia* // *La Rassegna della letteratura italiana*. 1970. Vol. 74. N 2-3 (P. 273-297). P. 278, 283.

773 См. об этом: *Lentzen M. Reden...* S. 12.

774 *Landino Chr. Che cosa sia poesia et poeta, et della origine sua divina, et antichissima* // Dante. *Con lespositione di Christoforo Landino*. Venetia, 1564 (без пагинации).

идей в их интерпретации, данной Фичино, особенно сильно ощущается, как показало исследование М. Лентцена, в комментариях Ландино к «Божественной комедии» Данте и «Энеиде» Вергилия⁷⁷⁵.

Упомянутые выше «Камальдоленские беседы» Ландино также являются в значительной мере откликом на Фичинов перевод и комментарий к «Филебу» Платона и на посвященные этому произведению публичные чтения; не случайно в Ландиновых диалогах обсуждается та же, что у Платона и Фичино, проблема высшего блага⁷⁷⁶. Ранее уже говорилось, как Ландино, представляя Фичино в качестве персонажа своих диалогов, называл его «первенствующим среди платоников нашего времени», и подобные слова, несомненно, свидетельствуют об авторитете, которым Фичино располагал в глазах Ландино. Этой характеристике вторит реплика, произнесенная Лоренцо Медичи по поводу Фичино в «Камальдоленских беседах»: «... что бы Платоном ни говорилось, это мне становится яснее из уст Марсилия, который лучше кого бы то ни было владеет мыслью столь великого философа»⁷⁷⁷. Впечатляет и перечень трудов Фичино, на которые ссылаются в тексте произведения участники описанных в нем бесед, а это, помимо упомянутого уже «Комментария на “Филеб”», «Платоновское богословие» и трактат «О наслаждении», написанный, как сказано, «в юном возрасте, но являющий седую ученость и мудрость старца»⁷⁷⁸. Понятно, что все эти труды были известны Ландино, который, таким образом, пристально следил за творчеством своего становящегося от произведения к произведению все более знаменитым друга.

О том, сколь основательно Ландино изучал тексты, вышедшие из-под пера Фичино, позволяет судить следующий его диалог «Об истинном благородстве», созданный не ранее 1487 г.⁷⁷⁹; описан-

775 См. подробнее: *Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese...* S. 59-137.

776 Подробнее см.: *Marcel R. Op. cit.* P. 310-314, 322.

777 *Landino Chr. Disputationes Camaldulenses. I. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980.* P. 12; *SF. Vol. II.* P. 251.

778 «“Est quidem”, inquit Antonius [Canisianus], “in iuvenili aetate cana doctrina et senili prudentia conscriptus”» (*Ibid.* II. P.82). См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 321.

779 О датировке этого произведения см.: *Liaci M.T. Introduzione // Landino Cr. De vera nobilitate. A cura di M.T. Liaci. Firenze. 1970* (P. 7-20). P. 16-17; *Cardini R.A. A proposito di “De vera nobilitate” landiniano // La rassegna della*

ный в нем пир с участием многих флорентийских гуманистов – в их числе Фичино, Альберти, Лоренцо Медичи – а также знатного и богатого византийца Филотима и сопровождавшего его философа Аретофила (оба персонажа – литературная фикция) будто бы имел место в декабре 1469 г., вскоре после смерти Пьеро Медичи. По ходу застольных бесед Аретофил отзывается в высшей степени похвально по поводу трактата «О христианской религии» (хотя он был создан гораздо позже времени, коим датирован пир, – в 1474 г.), доставленного ему, как сказано, Никколò Микелоцци в Константинополь, и автора оногo Марсилиа Фичино, «мужа достойного величайшего восхищения и весьма послужившего на пользу христианству, ибо благодаря своему пронзительному уму и мудрому суждению он смог сочетать с нашей религией это древнее, нами именуемое изначальным, богословие, основы которого заложил и которое по большей части создал Меркурий [Гермес] Трисмегист, а до полного совершенства довел Платон»⁷⁸⁰. Кроме комплиментов в адрес Фичино обращает на себя внимание очевидная смысловая и терминологическая близость к тексту его пояснения (*Argumentum*) к переводу «Герметического свода» («Поймандра») ⁷⁸¹,

letteratura italiana. 1971. Vol. 75. N 3 (P. 451-459). P. 453-454; Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese... S. 19-20; Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). С. 215, 226.

780 “Nam ut alios omittam, quid Marsilius iste vester in suo illo divinissimo “De religione christiana” libro, quod aut ad illam corroborandam esset non corroboravit? aut quid quod extruendum esset non penitus profligaverit? vir profecto et summa admiratione dignus et qui de christiano nomine optime meritus sit, quique acutissimo ingenio atque sapientissimo iudicio *priscam illam quam nos archeam theologiam appellamus, quam a Mercurio Trismegisto inchoatam magnaue ex parte perfectam Plato penitus absolvit, nostrae coniunxit; quem quidem librum a Nicolao Michelotio, cive vestro probo litteratoque viro Constantinopolim usque delatum, cum secum propter linquae latinae studia familiaritatem contraxissem, libenter accepi et acceptum avidissime legi pellectumque vehementer obstupui* (курсив мой –О.К.)” (*Landino Chr. De vera nobilitate*. P. 77-78; SF. Vol. II. P. 254).

781 Ср. со словами, выделенными в предыдущей сноске, следующее место в пояснении к “Герметическому своду”: “Itaque una priscae theologiae ubique sibi consona secta, ex theologis sex miro quodam ordine conflata est, exordia sumens a Mercurio, a divo Plato penitus absoluta” (*Ficinus M. Argumentum in librum M. Trismegisti ad C. Medicem // Op. om.* P. 1836).

выдающее хорошее знакомство Ландино и с этой Фичиновой работой, которая была подготовлена еще в 1463 г., а не к трактату «О христианской религии», что следовало бы ожидать, ибо именно об этой последней идет речь в цитированном отрывке: дело в том, что основоположником древнейшего богословия Гермес Трисмегист назван в пояснении к «Герметическому своду», тогда как в трактате «О христианской религии» в этой роли представлен Зороастр⁷⁸².

Со стороны Фичино, судя по всему, и в зрелые годы отношение к своему старшему товарищу оставалось столь же уважительным и дружеским, как и в раннюю пору их знакомства. С симпатией отзывался Фичино о «Камальдоленских беседах», рекомендуя их для прочтения гуманисту Бартоломео Скала⁷⁸³. В диалогах Колюччи Фичино произносит перед молодыми людьми, обучавшимися ораторскому искусству, речь, в которой между прочими гуманистами характеризует Ландино как «славнейшего поэта и святейшего наставника»⁷⁸⁴. И в том, что этот отзыв не пустое измышление автора, но вполне отражает отношение одного гуманиста к другому, убеждает обращение Фичино за советами к Ландино как знатоку греческого языка при окончательной сверке переводов Платона (1484 г.) перед тем, как их отправить в печать; в слове к читателю (*Ad lectorem*), предваряющем издание Платона, Ландино вместе с Бартоломео делла Скала назван «славнейшим мужем» (*vir clarissimus*)⁷⁸⁵. В трудный момент своей жизни, осенью 1489 г., когда надо было оборониться от обвинений тех, кто порицал его увлечение астрологией и магией (в связи с публикацией «Трех книг о жизни») Фичино просил о заступничестве некоторых своих влиятельных знакомых⁷⁸⁶, предлагая им, если нужно связаться с готовыми вступить за него его друзьями-гуманистами,

782 См. в этой связи Главу VII. С. 346. Примеч. 1059.

783 “*Legi quaestiones Christofori Landini Camaldulenses. In iis libris Maronis adyta penetrat, Ciceronis dialogos imitatur ad unguem, felicem virum fabricat felicissime. Lege illos et tu, scio, mecum senties*” (*Ficinus M. Saepe magna est laus quam brevis est // Ep. lib. I. P. 667. 3*).

784 “*Landinus clarissimus vates, vesterque sanctissimus praeceptor*” (*Colucci B. Declamationum liber // Colucci B. Scritti inediti. A cura di A. Frugoni. Firenze, 1939. P. 47*).

785 См.: Глава I. С. 65.

786 См. подробнее: Гл. I. С. 98-99.

в их числе с Ландино, «оратором и поэтом... , этим нашим Амфионом, ... умеющим смягчить каменные сердца наших врагов»⁷⁸⁷.

Подразумевая, что схожие нападки на него может спровоцировать другой его трактат «О солнце», созданный в середине 1492 г., Фичино адресовался на случай, если понадобится защита, к флорентийскому послу в Риме Филиппо Валори и уже ему рекомендовал в качестве соратников по борьбе тех же самых своих друзей-гуманистов вместе с Ландино, обозначенным, как и прежде, именем Амфиона⁷⁸⁸. Письмо датировано началом января 1494 г. (1493 г. по флорентийскому стилю). Таким образом, Ландино (который умер незадолго до Фичино в 1498 г.) оставался среди ближайших сподвижников и единомышленников теперь уже признанного главы флорентийских платоников и в последний период их жизни.

§ 3. Бенедетто Аккольти

Сведений об отношениях Фичино с Бенедетто Аккольти⁷⁸⁹ сохранилось немного. В перечне Фичиновых друзей он упомянут вместе с Альберти и Ландино, которые не слушали его первые лекции⁷⁹⁰. В жизнеописании Фичино, составленном П. Капонсакки, сказано, что гуманист, будучи двадцати четырех лет от роду, т. е. в 1457 г., по просьбе Оттоне Никколини и Бенедетто Аккольти выполнил перевод

787 "... addito Petre mi Nere Amphionem illum nostrum Landinum Christophorum oratorum et poetam. Ille noster Amphion suavitate mira celeritate lapidea hostium nostrorum corda demolliet" (*Ficinus M. Apologia in qua de Medicina, Astrologia, Vita mundi ...* // Op. om. P. 574). По античному преданию, сообщаемому Гомером, Павсанием, Гигином, когда Амфион с братом своим Зетом – оба были сыновьями Зевса и Антиопы – строил нижний город в Фивах, звуки его лиры заставляли камни ложиться в установленное место. См.: Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 72.

788 *Ficinus M. Apologia in librum suum de Sole, et lumine* // Ep. lib. XII. P. 949. 2. См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 527-530.

789 О Бенедетто Аккольти см. работы: *Rossi V. Il Quattrocento. Milano, 1973* (1 изд. – 1898 г.). P. 43, 110, 168, 220, 256; *Petrucci A. Accolti Benedetto* // *DBI. Vol. 1. P. 99-101*; *Black R. Benedetto Accolti and the Florentine Renaissance. London; New York, 1985.*

790 См. С. 249.

«Законов» Платона⁷⁹¹. Сообщение это неточное, оно основывается на письме Фичино, адресованном, помимо упомянутых выше Никколини и Аккольти, также Пьеро Пацци и Бернардо Джюньи, которое следует датировать августом 1464 г.⁷⁹². Оно позволяет заключить, что Аккольти принадлежал к довольно близкому кругу друзей Фичино, непосредственно причастных к его трудам⁷⁹³. Отношения между двумя гуманистами были прерваны в сентябре того же года смертью Аккольти. Но их наличие важно подчеркнуть, ибо Аккольти был не только известным гуманистом, но и с 1458 г. канцлером Флорентийской республики, получившим эту должность по рекомендации своего предшественника Поджо Браччолини. Аккольти являет собой еще один пример того, как Фичино в довольно молодые годы сумел привлечь к своему делу именитых и гораздо старших его по возрасту (Аккольти родился в 1415 г.) представителей ученого мира Флоренции.

Не исключено также, что некоторые мысли, высказанные Аккольти, были усвоены и развиты далее Фичино. По крайней мере в одном случае подобную идейную преемственность можно проследить. В трактате «О превосходстве мужей настоящего времени», посвященном Козимо Медичи, Аккольти отстаивает довольно смелое и необычное для его времени положение о том, что не во всех науках и искусствах античности следует отдавать пальму первенства (*palmas*), что люди его времени не уступают древним в воинских и гражданских доблестях, в соблюдении морали и уважении к религии⁷⁹⁴. В полном соответствии с мыслью своего предшественника Фичино в знаменитом послании «Похвалы нашему веку как золотому веку...» (1492 г.) писал не только о возрождении некогда процветавших наук и искусств, но и о новых открытиях и культурных свершениях, древним неизвестных, о мудрости и воинском искусстве гер-

791 *Caponsacchi P. Sommario della vita di Marsilio Ficino // Marcel R. Marsile Ficin (P. 731-734). P. 731.*

792 *Ficinus M. Lex et iustitia // Ep. lib. I. P. 611. 2. Подробнее об этом документе см.: Гл. I. С. 59.*

793 Р. Блэк предполагает даже, что Аккольти с друзьями помог Фичино добиться расположения Козимо Медичи (*Black R. Op. cit. P. 214-215*). Впрочем, никаких определенных указаний на этот счет в источниках нет.

794 *Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus. Lugduni Batavorum, 1723.*

цога Федеригио да Монтефельтро⁷⁹⁵. Таким образом, идея Аккольти о превосходстве современности над античностью в каких-то областях культуры и духа, пусть и не сформулированная концептуально, отразилась у Фичино⁷⁹⁶.

§ 4. Антоний Альби

Намного превосходивший Фичино летами, Антоний Альби (родился ок. 1400 г.)⁷⁹⁷, несомненно, входил в число ближайших сподвижников и благодетелей⁷⁹⁸ гуманиста. На самом раннем этапе деятельности юного еще Фичино Альби, известный поэт, философ и богослов, был для него, по-видимому, наряду с Ландино, духовным авторитетом, с мнением которого он считался. В диалоге «О таинственном статире» («*De mystica statera*», ок. 1455 г. или чуть позже), посвященном Фичино, Альби предупреждал Марсилию против увлечения писаниями языческих мудрецов, призывая «оставить Платона и иных, ему подобных» философов, на это собеседник, то есть Марсилиус, будто бы отвечал, что знакомится с их лживыми измышлениями (*mendacia*), дабы с надлежащим знанием дела и красноречием дать отпор тем, кто им обучается. В диалогах Лоренцо Пизано Антоний Альби охарактеризован как «строгий и прирожденный цензор». Вполне правдоподобной выглядит догадка А. Филда о том, что не архиепископ Флоренции Антонин, как стали писать в историографии начала XVI в., скорее всего перепутав похоже звучащие имена, а Антоний Альби, в то время священник и старший товарищ Фичино, предостерегал его против язычески писателей, заставив на время отойти от Платона⁷⁹⁹.

795 *Ficinus M. Laudes seculi nostri tanquam aurei ab ingeniis aureis* // Ep. lib. XI. P. 944. 3.

796 См. гл. IX. С. 393-394.

797 См. о жизни и трудах Антония Альби: *Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana*. Firenze, 1807. Т. VI. Pt. 1. P. 313-314; *Della Torre A. Op. cit.* P. 775-776; *D'Addario A. Agli Antonio* // DBI. 1960. Vol. 1. P. 400-401; *Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano*. Firenze, 1979. P. 111-113.

798 См. выше: Глава III. С. 243.

799 *Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence*. Princeton, 1988. P. 180-184. Здесь же см. отрывки из неопубликованных трудов Альби и Лоренцо Пизано. Посвящение трактата «О таинственном статире» Фичино см.: SF. Vol. II. P. 369-371.

В другом своем сочинении «Об основаниях веры» («De rationibus fidei», 1467-1470 гг.), посвященном папе Павлу II, Альи отказывался в разуме искать подтверждение веры (ибо разумно обоснованная вера уже не является верой) и несравненно выше всего языческого Богомудрия ставил истину Откровения. Такая точка зрения, несомненно, полемически заострена против установки Фичино обращаться для обоснования христианского вероучения к разумным доказательствам философии, и более всего платоновской⁸⁰⁰. Вместе с тем, уже в этой работе Альи высказывал мысль, характерную для Фичино (еще ранее для Николая Кузанского), о сущностном единстве различных проявлений религиозной веры и форм богопочитания, о согласии с некоторыми догматами христианства языческих мудрецов⁸⁰¹.

Впрочем, расхождение во взглядах, сколь бы значительным оно ни было, как видно, не расстроило товарищеские отношения между Фичино и Альи. В «Комментарии на «Пир» Платона...» (1469 г.) Антоний Альи, уже епископ Фьезоле, первым поименован в качестве участника застолья, устроенного в память Платона⁸⁰². Несколько позже в письме назовет его Фичино своим «старым покровителем» (*patrono meo antiquo*), прося помочь ему получить разрешение не платить подати, которыми предполагалось обложить священников⁸⁰³. Наконец, заслуживает внимания то, что в одной из последних своих работ, «Всеобщей истории» («*Historia universalis*»), созданной после 1470 г., когда он стал епископом Вольтерры, Альи уже совсем в духе Фичино усматривал в учении Платона предвосхищение истин христианства, с большим почтением отзываясь не только о нем, но также о Пифагоре и Гермесе Трисмегисте, считавшихся его предше-

800 См. полемику с Иоанном Паннонием в Гл. I. С.77-78.

801 См. исследования, а также фрагменты неопубликованных работ Альи: *Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. P. 112; Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico // Idem. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura. Pisa, 1996 (P. 235-282). P. 256-257.*

802 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. I. 1 // P. 1321 (P. 144).*

803 *Idem. Perversis animis adversa sunt omnia // Ep. lib. III. P. 729. 3. См также: Della Torre A. Op. cit. P. 776.*

ственников⁸⁰⁴. А это означает, что и он, в конечном итоге, так или иначе воспринял идеологию Платоновской академии.

§ 5. Анджело Полициано

Анджело Полициано, безусловно, принадлежал к возглавляемому Фичино кружку, известному как Платоновская академия, хотя платоником в строгом смысле его назвать невозможно. Он переводил афинского философа, но гораздо больше внимания уделял Аристотелю, которому посвящал комментарии и лекции во Флорентийском университете. У современников Полициано пользовался репутацией знатока философии, литературы, юриспруденции, медицины и даже ботаники, популярны были его стихотворные произведения на итальянском, латинском и древнегреческом языках. Однако широкую и прочную славу, в особенности среди гуманистов, ему стяжали переводы из «Илиады», выполненные в весьма молодом возрасте и посвященные Лоренцо Медичи⁸⁰⁵. Фичино, трепетно относившийся ко всему, что считалось памятниками богословской мудрости древних, не мог не оценить этого труда и уважительно обращался в письмах к своему сотоварищу, которого намного превосходил летами (Полициано родился в 1454 г.), как к «гомеровскому поэту» (*poete Homericо*), а в послании к Лоренцо Медичи, приютившему у себя «этого гомеровского юношу», восхищаясь выполненным им переводом, он даже писал, что если не знать, что Гомер был греком, то трудно решить, где оригинал, а где перевод – латинский или греческий текст «Илиады»⁸⁰⁶.

⁸⁰⁴ См. в связи с этим: *Della Torre A. Op. cit. P. 776; Fubini R. Op. cit. P. 253 N 51.*

⁸⁰⁵ Подробнее о жизни и трудах Полициано см.: *Il Poliziano e il suo tempo. Atti del IV congresso internazionale di studi sul Rinascimento. Firenze, 1957; Maïer I. Ange Politien. La formation d'un poète-humaniste (1469-1480). Genève, 1966; Bigi E. La cultura del Poliziano e altri studi umanistici. Pisa, 1967; Хлодовский Р.И. Анджело Полициано // История всемирной литературы. М., 1985. С. 104-108; Он же. У истоков зрелого Возрождения: Анджело Полициано // Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988. С. 48-76.*

⁸⁰⁶ “*Nutris domi Homericum illum adolescentem Angelum Politianum, qui Graecam Homeri personam latius (Latinis?) coloribus exprimat. Exprimit iam, atque id quod mirum est, in tam tenera aetate exprimit, ut nisi quis Graecum fu-*

Когда завязались отношения между Фичино и Полициано, точно сказать невозможно. Их первые дошедшие до нас письма друг к другу датируются 1473 г. Однако в воспоминаниях более поздних лет, содержащихся в собрании филологических заметок, опубликованном по настоянию Лоренцо Медичи в 1489 г. и названном «Смесь», Полициано признавался, что еще «в нежном возрасте» предавался занятиям философией с двумя выдающимися мужами – «флорентийцем Марсилием Фичино, коего кифара гораздо успешнее, чем у фракийца Орфея, вызвала из подземного царства... истинную Эвридику, сиречь платоновскую мудрость, и византийцем Аргиропулом, наиславнейшим из перипатетиков его времени»⁸⁰⁷. О каких занятиях здесь идет речь – об университетских лекциях Аргиропула и публичных выступлениях Фичино или же о толкованиях ими соответственно философии Аристотеля и Платона в узком кругу, непонятно. Возможно, и о тех, и о других. Ясно лишь, что с Аргиропулом Полициано мог общаться до 1471 г., ибо в этом году византийский гуманист переехал в Рим; следует предположить, что и с Фичино первое, еще ученическое, знакомство Полициано состоялось в конце 60-самом начале 70-х гг. Обращает на себя внимание в цитированном отрывке и то, что Полициано не отдает Фичино никакого предпочтения, подчеркивая свою равную заинтересованность как наследием Платона, так и Аристотеля, популяризатором которого выступил Аргиропул.

Эта интеллектуальная независимость переводчика Гомера, его прочное положение в качестве самостоятельной культурной личности заставляло Фичино особенно с ним считаться. Уже в самом раннем из сохранившихся посланий к Полициано, едва достигшему девятнадцати лет (документ следует датировать 1473 г.), Фичино оправдывается перед ним, уверяя, что не он автор распространяемых от его имени писем, составленных скорее в духе Аристиппа и Лукреция (по-видимому, скабрязного содержания), нежели Платона,

isse Homerum noverit, dubitaturus sit, e duobus uter naturalis sit, et uter pictus Homerus” (*Ficinus M. Quantum utile sit alere doctos // Ep. lib. I. P. 618. 2*).

807 “Etenim ego tenera adhuc aetate sub duobus excellentissimis hominibus Marsilio Ficino Florentino, cuius longe felicior quam Thracensis Orphei cithara veram (ni fallor) Euridicen hoc est amplissimi iudicii Platoniam sapientiam revocavit ab inferis, et Argyropilo Byzantio Peripateticorum sui temporis longe clarissimo dabam quidem philosophiae utrique operam...” (*Politianus A. Miscellanea // Opera omnia. Basileae, 1553. P. 310; SF. Vol. II. P.281*).

что он «с юных лет был последователем божественного Платона»⁸⁰⁸, утаивая, впрочем, что в молодые годы он увлекался также Эпикуром и Лукрецием и излагал Аристиппа⁸⁰⁹.

В следующем своем письме, относящемся к сентябрю 1474 г., Фичино выслал первый из составленных им перечней своих трудов – переводов и оригинальных сочинений. «Почему ты столь часто требуешь от меня названий моих книг, Анджело? Уж не для того ли, чтобы воспеть меня в твоих стихах?», – шутливо вопрошал Фичино. Тот факт, что он согласился сообщить еще совсем юному поэту и переводчику Гомера полный каталог своих трудов, говорит об уважении, которое к нему питал, и даже более – об установившихся между ними доверительных, дружеских отношениях. «А не потому ли ты хочешь иметь у себя все мое [то есть названия всех трудов – О.К.], – продолжал Фичино в том же тоне, – что у друзей все должно быть общим?»⁸¹⁰.

Полнее о дружеской общности как основе идеальных отношений между людьми сказано в другом послании к Полициано того же года⁸¹¹. Что же касается конкретно Фичино и Полициано, то они объединены, как явствует из этого письма, общими покровителями – Медичи⁸¹². В данном контексте вполне закономерно то, что именно к Полициано Фичино обращается с просьбой прочесть Лоренцо одно из следующих его писем, причем «прочитать красиво то нежным, то звучным голосом»⁸¹³. Излиянием во взаимной любви (*communit Amorem nostrum*), конечно, платонической, посвящено еще одно письмо Фичино, датированное мартом 1474 г., и, по-видимому, ответное послание ему Полициано на ту же тему⁸¹⁴. Если верить элегии Полициано, адресованной в 1473 г. Бартоломео Фонцио, то поэт-гуманист был связан с Фичино не только перепиской: живя во дворце

808 *Ficinus M. Laus brevitatis // Ep. lib. I. P. 618. 1.*

809 См.: Гл. I. С. 30-33.

810 *Ficinus M. Bona scribere praestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3.*

811 *Idem. Quis dives iniustus sit, quis iustus // Ep. lib. I. P. 642. 2.* Подробнее см.: С. 360.

812 “Fortunate nimium adolescens, qui tales nuper nactus es patronos. Ego tales nactus sum iamdiu” (*Ficinus M. Quis dives iniustus sit, quis iustus. P. 642. 2.*)

813 *Ficinus M. Novum opus nimium placet opifici // Ep. lib. I. P. 650. 2.*

814 *Ficinus M. Laudare praestat benevolentiam quam ingenium // Ep. lib. I. P. 639. 4; Politianus A. Epistolarum liber VI // Opera omnia. Basileae, 1553. P. 84; SF. Vol. II. P. 277.*

Медици на Виа Ларга, по соседству с главой флорентийских платоников, Полициано вел с ним беседы, из которых узнавал о законах астрономии и астрологии, о причинах естественных явлений, о медицинских средствах для предотвращения болезней, о безбожных учениях Лукреция и Эпикура, о том, как душа, вдохновленная свыше, устремляется к Богу; случалось, в его собеседнике музыкант сменял философа: тогда Фичино брал в руки лиру и, подобно Орфею, пел под ее аккомпанемент⁸¹⁵. Отдавая должное заслугам своего старшего товарища и учителя, Полициано прославлял в нем счастливое сочетание нравов, ума, наук и высшей мудрости⁸¹⁶. Прямое или косвенное влияние Фичино, как показал В. Бранка, прослеживается в творчестве Полициано вплоть до конца 70-х гг., в особенности в «Стансах на турнир», целиком проникнутых неоплатоническими мотивами⁸¹⁷.

В дальнейшем, в 80 и 90-е гг. характер отношений между этими двумя гуманистами, по наблюдению Бранки, изменился: в трудах Полициано уже не найти ни увлечения идеями Фичино, ни даже сколько-нибудь ясного выражения сердечности по отношению к нему, тогда как глава флорентийских платоников продолжал восторгаться своим высоко ученым товарищем, обращаясь к нему за советами и помощью⁸¹⁸. В 1488 г. Фичино прикрылся именем «нашего Анджело Полициано, мужа пронциательнейшего ума», чтобы защитить свое право уточнять дефектный греческий текст Феофрасто-

815 *Politianus A. Ad Fontium. 155-192 // Fontius B. Carmina. Appendix. Ed. I. Fogel, L. Juhasz. Lipsiae, 1932. P. 27. См. также: Maier I. Op. cit. P. 34-36, 80-81. Элегия некоторыми исследователями приписывалась, впрочем безосновательно, венгерскому неолатинскому поэту Яну Паннонию (см. об этом: SF. Vol. II. P. 282).*

816 “*Mores, ingenium, musas, sophiamque supremam/ Vis uno dicam nomine? Marsilius*” (*Politianus A. Liber epigrammatum // Opera omnia. P. 594*).

817 *Branca V. Tra Ficino “Orfeo ispirato” e Poliziano “Ercole ironico” // MFRP. Vol. II (P. 459-475). P. 460-464. О присутствии в произведениях Полициано идей Фичино писал также Э. Биджи (Bigi E. Op. cit. P. 72-78, 93-94): он справедливо указал на следы Фичинова учения о “божественном неистовстве” в концепции поэтического творчества у Полициано, хотя явно переоценил зависимость антропологии поэта-гуманиста от концепции человека, выдвинутой главой флорентийских платоников (об этом см. ниже в настоящем разделе).*

818 *Branca V. Op. cit. P. 467-475 (см. в особенности: P. 468, 474).*

ва трактата «О душе», который он переводил (в действительности речь идет о комментариях Прискиана Лида к этому сочинению)⁸¹⁹.

Из слова к читателю, предпосланному второму изданию переводов Платона (1491 г.), известно, что в ходе их сверки, по-видимому, в 1482-1484 гг., Фичино обращался за профессиональной помощью, в числе прочих, к Полициано, признанному знатоку древнегреческого языка⁸²⁰. В сентябре 1489 г., взывая о заступничестве к своим влиятельным друзьям, дабы оборониться от обвинений в занятиях астрологией и магией, спровоцированных трактатом «Три книги о жизни», Фичино предлагал им в случае необходимости опереться на близких ему гуманистов, наряду с Ландино и Пико, на Полициано, уподобленного Геркулесу (*Politianum Herculem*)⁸²¹. В сходной роли три гуманиста – Полициано, именуемый Гераклом, Пико – Фебом и Ландино – Амфионом – представлены в письме 1494 г. к Фичинову другу и покровителю Филиппо Валори, своего рода апологии, сопровождавшей публикацию трактата «О Солнце» из опасения, что он подвергнется нападкам вроде тех, которые вызвали «Три книги о жизни»⁸²².

Прозвища, которыми Фичино награждал близких ему друзей, были широко приняты в гуманистических кружках-академиях. Полициано он стал именовать Гераклом, по-видимому, желая подчеркнуть значение предпринятой тем историко-филологической критики классических текстов в связи с публикацией первой центурии «Смеси» в 1489 г.; по словам Фичино, Полициано, подобно Гераклу, «извел, растерзал, истребил варварских чудовищ, ныне опустоша-

819 “... emendare hoc atque resarcire diligentissime studui. Et Angelus Politianus noster, acerrimo vir iudicio plurimaque doctrina, nostram hanc diligentiam approbavit” (*Ficinus M. Prooemium in Theophrastum de anima // Ep. lib. XI. P. 897. 1*).

820 *Ficinus M. Ad lectorem // Plato. Opera. Venetiis, 1491. P. 4v; SF. Vol. II. P. 105.*

821 *Ficinus M. Apologia in qua de Medicina, Astrologia, Vita mundi // Op. om. P. 574. Подробнее см.: Marcel R. Op. cit. P. 497-500.*

822 “Itō nunc alacer mi Valor in praelium propugnatores enim illic (scio quid loquar) tres saltem invictos habebis. Politianum Herculem inquam, Phoebeumque Picum, Amphionemque Landinum. Hi profecto quam strenue pro mea vita iam triennium certaverunt, tam feliciter deinceps pro hoc meos (quantuscunque est) splendorem pugnabunt” (*Ficinus M. Apologia in librum suum de Sole, et lumine // Ep. lib. XII. P. 949. 2*). Подробнее см.: *Marcel R. Op. cit. P. 526-530.*

ющих Лаций»⁸²³. По поводу присвоения ему этого имени Полициано писал: «В своей книге «О жизни» ты зовешь меня Гераклом, потому что я изгоняю чудовищ, имея в виду, как я полагаю, тех чудовищ, которые в большом числе заполняют книги древних, над их [книг] освобождением [от этих чудовищ] я давно и много работаю. Великолепная похвала, в особенности от того самого философа, который стоит во главе главной школы (*qui sit princeps in secta principe*). Однако тяжесть такого имени выдержать я не могу... Лучше называл бы ты меня Иолай, если уж тебе нравятся красивые имена...»⁸²⁴. Но Фичино, как мы убедились, и в дальнейшем продолжал обращаться к Полициано, называя его Гераклом⁸²⁵.

В 1494 г. Полициано, как видно, выступил примирителем, взявшимся урегулировать очередное недоразумение между Фичино и Пико. Вызвано оно было публикацией трактата Пико «Рассуждения против прорицающей астрологии», в котором Фичино нашел не прямо, но косвенно адресованные ему обвинения в приверженности этой науке. Чтобы оправдаться, Фичино посчитал нужным направить специальное послание Полициано, в нем он отмежевывался от веры во всякого рода «астрологические знамения», отвергнутые Пико, которые он, Фичино, нигде не одобрял⁸²⁶. Скорее всего ответом на это письмо явилось уверение Полициано в том, что ему доставляет большую радость и наслаждение видеть «согласие Пико и Марсилиа Фичино, которые не только желают одного и того же в жизни, но и в ученых трудах проявляют единомыслие»⁸²⁷.

Дружеское расположение между Фичино и Полициано сохранялось и дальше вплоть до смерти в сентябре 1494 г. поэта-гу-

823 *Ficinus M. Apologia in qua de Medicina, Astrologia, Vita mundi...* P. 574.

824 *Politianus A. Epistolarum liber VI.* P. 85; SF. Vol. II. P. 278.

825 См. также в письме Полициано к Фичино за 1493 г.: “*Illud vero nescio satisne probem, quod Herculem vocare me pergis*” (*Politianus A. Epistolarum liber X.* P. 135; SF. Vol. II. P. 279).

826 *Ficinus M. Quid sentiat de astrologia* // Ep. lib. XII. 958. 1). Подробнее см. ниже: С. 422-425.

827 “*Quanta me voluptate quantoque putas affici gaudio, Marsili Ficine, cum te Picumque meum sic esse concordem video, non modo ut idem velitis in vita, sed et idem sentiatis in studiis*” (*Politianus A. Epistolarum liber X.* P. 135; SF. Vol. II. P. 278).

маниста, который в последний год своей жизни подпал под сильное влияние Савонаролы⁸²⁸.

Философское умозрение Фичино и Полициано в ряде важных вопросов развивалось в сходных направлениях, однако «чрезмерно преувеличивать влияние фичиновского неоплатонизма на Полициано», по справедливому замечанию Р.И. Хлодовского, вряд ли будет правильно⁸²⁹. Ибо идеям, которые были в центре внимания флорентийской Платоновской академии, Полициано умел дать характерное для него – для его ученых занятий и интересов – звучание и толкование. Как и Фичино, мудрецов древности Полициано считал богословами, однако первыми в их ряду он называл не Гермеса Трисмегиста и Зороастра, а, вместе с легендарным поэтом и музыкантом Орфеем, старейших греческих поэтов Гомера и Гесиода и уже вслед за ними – Пифагора и Платона, никак, впрочем, не подчеркивая значение этого последнего в суммировании всего развития древней богословской традиции; зато в полном согласии с характерной для гуманистической мысли, начиная с Боккаччо и Колюччо Салютати, установкой на повышение статуса поэзии и литературы в целом он писал в предисловии к посвященному Лоренцо Медичи переводу платоновского «Хармида» о том, что сии «верховные жрецы муз и истинной мудрости передавали все многообразные знания этой философии под покровом и оболочкой вымысла и иносказания и словно ограждали заборами и решетками, дабы религиозные таинства Элевсинских богов некоторым образом не осквернялись и, как говорится, бисер не метал перед свиньями»⁸³⁰.

Есть сходство между Фичино и Полициано в превознесении человека, выступающего и у того и у другого в роли венца творения, своего рода земного бога, повелевающего миром. В «Даре кормили-

828 См. об этом: *Marcel R. Op. cit.* P. 543.

829 Хлодовский Р.И. У истоков зрелого Возрождения: Анджело Полициано. С. 52.

830 "...prisci illi theologi Homerus, Orpheus, Hesiodus, Pythagoras item, et hic ipse de quo agimus Plato, aliique quam plurimi musarum, veraeque sapientiae antistites, multiplicem illam totius philosophiae cognitionem per quaedam fabularum, atque aenigmatum involucra, integmentaue tradiderint, et quasi sepibus quibusdam cancellisque obstruxerint, ne religiosa quodammodo Eleusinarum dearum mysteria profanarentur, et quasi suibus (quod dici solet) margaritae objicerentur" (*Politianus A. In Platonis Charmidem praefatio // Opera omnia.* P. 448).

це» Полициано описывает человека как «священное живое существо, которое устремляет взоры к высям эфира, острым умом обзирает все, произведенное природой, обнаруживает сокрытые причины вещей, постигает верховного Творца времени, одним мановением управляющего землями, морями, звездами; которое все подчинило себе одной лишь силой разума и, приручивши домашних животных и укротивши диких зверей, отводит старость от обленившегося мира, не позволяя, чтобы он прозябал в бездеятельности вялой, болезненной жизни...»⁸³¹. Вместе с тем, в приведенном славословии человеку, пронизанном герметическими мотивами и выдающем хорошее знакомство поэта-гуманиста с античными писаниями, популярными в кругах Платоновской академии, нет никаких признаков его знакомства с антропологией главы флорентийских платоников, с онтологическим обоснованием достоинства и особого положения человека в мироздании, с признанием его свободы не только в преобразовании наличной действительности, но и в формировании самого себя⁸³².

§ 6. Джованни Пико дела Мирандола

Наряду с Фичино другой столь же значительной, яркой и самобытной фигурой флорентийского «платонического братства» был Джованни Пико, синьор Мирандолы и граф Конкордии. Э. Гарэн имел основания писать, что, будучи другом Фичино, Пико тем не менее не являлся его убежденным последователем (*seguace persuaso*)⁸³³.

⁸³¹ *Politianus A. Sylva. Nutricia //Opera omnia. P. 531-532. См. также: Хлодовский Р.И. У истоков зрелого Возрождения: Анджело Полициано. С. 51-52.*

⁸³² См. об этом: С. 325-326.

⁸³³ *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. Vita e dottrina. Firenze, 1937. P. 223. См. также другие работы, посвященные жизни и творчеству Джованни Пико дела Мирандола: Sempri G. La filosofia di Pico della Mirandola. Milano, 1936; Anagnine E. Giovanni Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. Bari, 1937; Dulles A. Princeps Concordiae. Pico della Mirandola and the scholastic tradition. Cambridge (Mass.). 1941; Baron G. L'umanesimo filosofico di Giovanni Pico della Mirandola. Milano, 1949; Monnerjahn E. Giovanni Pico della Mirandola. Ein Beitrag zur philosophischen Theologie des italienischen Humanismus. Wiesbaden, 1960; Кассирер Э. Джованни Пико дела Мирандола. К истолкованию истории идей Ренессанса (1 изд. работы – 1942 г.) // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С. 227-268.*

Более того, этот с юных лет поражавший современников необыкновенными дарованиями философ-гуманист представлял в роли главного и постоянного оппонента своего товарища, которому очень сильно уступал в возрасте (Пико родился в 1464 г.).

Первое знакомство Пико с Фичино и другими флорентийскими знаменитостями состоялось, по-видимому, в 1479 г. В письме Фичино, написанном в конце 1482 г., он вспоминал о том, как повлияла на него, пятнадцатилетнего, эта их первая встреча: «... твои увещевания несколько лет тому назад, когда я был у тебя, меня весьма сильно вдохновили и воодушевили и никогда прежде с большим рвением я не занимался науками, чем с того времени и по сей день. – Ниже он добавлял, – Уже три года, Марсилиий, я изучаю перипатетиков, и по мере моих сил ничего не оставляю без внимания, дабы быть допущенным в покои аристотеликов в качестве достойного члена их семьи»⁸³⁴. И так, сам Пико признавал влияние на него Фичино, подстегнувшего его к научным занятиям; однако согласимся с Гарэном⁸³⁵, что преувеличивать это влияние не следует, ибо юный философ-гуманист, который произвел необычайное впечатление, как можно судить по отзывам о нем Джироламо Бенивьени⁸³⁶, на ученый мир Флоренции,

834 “...excitarunt tamen summopere atque inflammarunt cum apud te essem superioribus annis adhortationes tuae nec unquam ardentem magis quam ex illa in hanc usque diem me totum litteris addixi. Iam tres annos Marsili apud peripateticos versatus sum nec omisi quicquam quantum in me fuit, ut Aristotelicis aedibus quasi unus ex eorum familia non indignus admitterer...” (Pico della Mirandola G. Opuscula. Bononiae, 1496. Sig. TT4v; SF. Vol. II. P. 271). О роли этой первой встречи Пико с Фичино см. подробнее: Della Torre A. Op. cit. P. 750-751; Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. P. 5-7; Marcel R. Op. cit. P. 468-469; Euler W.A. “Pia philosophia” et “docta religio”. Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola. München, 1998. S. 31-32. О датировке писем Пико к Фичино см.: Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979. P. 255.

835 Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. P. 7

836 Джироламо Бенивьени (1453-1542), ставший наиболее преданным Пико его почитателем, в “Буколической песне” (Bucolica. Egloga. II, VII), созданной в 1479 г. и опубликованной в 1482 г., говорит о “пламенной любви и особенной привязанности к несравненному князю Джованни Пико, человеку поистине дивному во всем” (“lo ardentissimo nostro amore e singolare affettione inverso lo incomparabile Principe Johanni Pico Mirandolano, huomo veramente da ogni parte mirabile”) и обращается к нему как источнику вдохновения: “Per te s’infiamma sol, per te s’accende / Signor la mente, in te si

надолго обратился к освоению аристотелевского наследия, а совсем не тех античных источников, которыми занимался Фичино.

Впрочем, уже тогда, в декабре 1482 г., Пико убеждал своего старшего товарища снабдить его только что отпечатанным «Платоновским богословием», аргументируя эту просьбу намерением сочетать платоновскую философию с аристотелевской: «Словом, как прежде ты был моим наставником, так теперь нужно, чтобы ты был моим помощником, и доказательством твоего ко мне благоволения будет то, что ты не откажешь в содействии моему замыслу., прилав твою книгу «О бессмертии душ», благодаря которой, словно благодаря некоему путеводителю, я твердо рассчитываю, как того хочу, преуспеть в Платоновской науке»⁸³⁷. Ответное письмо Фичино показывает, что он был в курсе научных интересов своего молодого сотоварища и, обещая ему всяческую помощь, как видно, одобрял установку, характерную для всей его жизни, на доказательство сущностного единства двух величайших философских систем древности. «После занятий красноречием, – писал ему Фичино, – у перипатетиков ты исследовал причины природных вещей, а теперь ты хочешь приблизиться к божественным тайнам нашего Платона... Итак, продолжай, мой замечательный Джованни, как ты и начал; я же, если для исполнения твоего благородного намерения ты будешь, как ты говоришь, нуждаться в моих трудах, обещаю тебя ими снабдить»⁸³⁸.

Второй приезд Пико во Флоренцию совпал с началом работы Фичино над переводом «Эннеад» Плотина. Корси утверждает даже, что Фичино подвигнут был на этот труд просьбами Пико⁸³⁹. Скорее всего Корси опирался на свидетельство самого Фичино в его предисловии к комментариям на Плотина: «Рожденный в тот самый год, когда я приступил к [переводу] Платона, затем прибыв во Флорен-

nutre el foco / Che talhor lieto in me reflexo splende». Более того, уже здесь Пико предстает вместе с Лоренцо Медичи, философствующим о любви: “*Così Lauro tacea contento quando / Pico cantava, e come Pico tace / Lauro così gli rispondea cantando*” (*Benivieni G. Opere. Venetia, 1522. P. 83r-v, 105r-v*).

837 *Pico della Mirandola G. Opuscula. Sig. TT4v; SF. Vol. II. P. 271.*

838 *Ficinus M. Qua in re praecipue disciplina platonica peripateticam superat // Ep. lib. VII. P. 858. 2.* См. в этой связи работу: *Акопян О.Л. Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем // Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии). М.; СПб., 2013. Т. 2. С. 320–340.*

839 *Cursius J. Vita Marsilii Ficini. XI // Marcel R. Op. cit. P. 684.*

цию в тот день и почти в тот час, когда я издал Платона, он [Пико] сразу после первых приветствий спросил меня о Платоне. Ему я ответил, что сегодня наш Платон покинул мои покои. Тогда он меня горячо поздравил с этим и тотчас – не знаю, какими словами, и он сам не знает – не побудил, но скорее заставил переводить Плотина»⁸⁴⁰. Инициативе Пико, которая, без сомнения, соответствовала интенциям самого Фичино, он давал провиденциальное истолкование: «Действительно, кажется свыше было устроено так, что тогда, когда как бы возродился Платон, родился герой Пико под знаком Водолея – под которым, тоже при владычестве Сатурна, на тридцать лет раньше родился я сам – и, прибыв во Флоренцию в день, когда наш Платон был издан, сие давнее желание героя Козимо [перевести] Плотина, мне совершенно неведомое, но ему [Пико] небом внушенное, он чудесным образом внушил также и мне»⁸⁴¹. Итак, сам Пико представлял ни больше, ни меньше, как орудие Божественного промысла, который руководит, что не раз подчеркивал Фичино, всеми его трудами⁸⁴². И совсем не случайно в данном контексте Пико вместе с Козимо назван героем, то есть существом особого рода, выдающимся по сравнению с обычными людьми, выступающим в роли своего рода посредника между миром небесным и земным⁸⁴³.

840 *Ficinus M. In Plotini epitomae, seu Argumenta... Prooemium // Op. om. P. 1537.*

841 “Divinitus profecto videtur effectum, ut dum Plato quasi renasceret, natus Picus, heros sub Saturno Aquarium possidente, sub quo et ego similiter anno prius trigesimo natus fueram ac perveniens Florentiam, quo die Plato noster est editus, antiquum illud de Plotino herois Cosmi votum mihi prorsus occultum, sed sibi caelitus inspiratum, idem et mihi mirabiliter inspiraverit” (Ibid.).

842 Об этом см.: С. 55 и в разных местах.

843 “...все люди ведь почитают в этой жизни в качестве божественных замечательнейшие и наилучшим образом послужившие человеческому роду души, а когда они расстаются с телами, то им поклоняются в качестве богов, наимилейших для высшего Бога, коих древние именовали героями” (*Ficinus M. Theologia platonica. XIV. 8 // Op. om. P. 317*). Главным источником, на который опирался Фичино в своей концепции героев, был, несомненно, Ямвлих. Ср. в трактате Ямвлиха, который он перевел, раздел “De ordine superiorum”: *Iamblichus De mysteriis Aegyptiorum, Chaldaeorum, Assyriorum. Genève, 1607. P. 10-12.*

См. в этой связи также: *Gandillac M. de. Astres, anges et génies chez Marsile Ficin // Umanesimo e esoterismo. Padova, 1960. P. (P. 85-109). 86,*

Упомянутое выше в цитатах издание Платона, как убедительно показал Р. Марсель, надо понимать не в том смысле, что он был уже отпечатан, а в том, что он был только отдан в типографию. Случилось это в конце января 1484 г. и, значит, тем же временем следует датировать появление Пико во Флоренции, и оставался он в ней всю весну⁸⁴⁴. В этом городе он нашел множество заинтересовавших его работ на греческом и латыни и, по его собственному признанию, даже удалился от Аристотеля с целью направиться к Академии, правда, «не в качестве перебежчика, но разведчика»; в Платоне его поразило богатство красноречия и высокий, совсем не прозаический стиль рассуждений, также полное единство с Аристотелем (*cum Aristotele omnino communionem*), пусть не в выражении мыслей, а в их существовании⁸⁴⁵. Итак, во время визита 1484 г. во Флоренцию Пико еще теснее сошелся с Фичино и ближе познакомился с его творчеством, вне всякого сомнения, с его переводами и толкованиями Платона и, надо думать, с первыми опытами по переложению Платона на латынь.

После этого визита отношения между Фичино и Пико установились дружеские и, как видно, весьма короткие. В письме, похожем за 1485 г., Пико как одолжение просил Фичино прислать ему на непродолжительное время Ямвлиха, весьма необходимого для его ученых занятий (*ad mea studia plurimum necessarius Jamblicus Platonicus*)⁸⁴⁶. А в другом письме скорее всего конца 1486 г.⁸⁴⁷, в котором Пико подробно рассказывал об изучении им восточных языков – наряду с еврейским, также арабского и халдейского – и трудов мудрецов Востока, он уверял Фичино, что для него, «пифагорейца, нет ничего святее

102-104; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 110-111.

844 Marcel R. Op. cit. P. 472-475.

845 См. письмо Пико к Эрмолао Барбаро от 6 декабря 1484 г.: *Pico della Mirandola G. Epistolae // Opera omnia*. Basileae, 1557. P. 368-369.

846 *Pico della Mirandola G. Opuscula*. Sig. SS4v; SF. Vol. II. P. 272. Впрочем, в этой просьбе Фичино отказал Пико. См.: *Ficinus M. Excusatio obsequij non collati // Ep. lib. VIII*. P. 869. 2.

847 Датировку этих двух писем см.: Garin E. Introduzione // *Pico della Mirandola G. De hominis dignitate*. Neptapulus. De ente et uno. Firenze, 1942. (P. 1-59). P. 27-28 N 2.

дружбы», и заявляя о всегдашней своей приверженности старшему товарищу, просил его дружеской любви⁸⁴⁸.

Эти слова больше, чем риторика; пожелание Пико было удовлетворено, он получил то, о чем просил: в сложившихся непростых для него ситуациях глава флорентийских платоников проявил солидарность с ним, выказав ему публичную поддержку. Первые крупные неприятности для Пико произошли из-за романтической истории с дерзким похищением им 10 мая 1486 г. в Ареццо прямо на улице Маргариты, жены Джулиано Мариотто деи Медичи; по дороге Пико с умыкаемой им дамой, которая, по некоторым подозрениям, «следовала с ним добровольно», и свитой были настигнуты посланными им вдогонку людьми, в завязавшейся схватке он был дважды ранен и схвачен и, в итоге, оказался в городской темнице. На выручку поспешил Лоренцо Медичи, который, замяв дело, сумел освободить незадачливого графа. Фичино, в свою очередь, желая помочь другу и реабилитировать его в общественном мнении, сочинил два варианта «Апологии о похищении нимфы Маргариты героем Пико», в которой давал полное оправдание случившемуся. «Даровитый и прекрасный герой Пико, рожденный Меркурием и Венерой», оказывается, не творил беззакония, вырывая из рук людей «Маргариту, нимфу замечательной красоты, дочь Аполлона и Венеры»; ибо «по божественному праву нимфы – супруги героев, не людей»; но «жестокие демоны Марса вопреки божественному праву с помощью силы нечестиво отняли нимфу у героя и вернули человеку»⁸⁴⁹. Та же мысль о невозможности судить героя, то есть Пико, по законам людей, поскольку он руководствуется своей правдой, высказана в другой апологии, адресованной Фичино Пьеру Леоне: ведь если нимфа оказалась во власти человека, – рассуждает Фичино, – то «вернуть ее или даже захватить – не значит похитить, а, напротив, освободить от похитителей»⁸⁵⁰.

848 “Pythagoricus sum, apud quos nihil sanctius amicitia... Vale et me ama, qui tuus sum eque atque olim fui” (Pico della Mirandola G. *Opuscula*. Sig. TT2r; SF. Vol. II. P. 273). Это письмо было ответом на послание Фичино: Ficinus M. *Honesta exactio ab amico* // Ep. lib. VIII. P. 879. 3.

849 Ficinus M. *Apologus de raptu Margarite nymphe ab heroe Pico* // SF. Vol. I. P. 56. См. также работы: Della Torre A. *Op. cit.* P. 758-759; Garin E. *Giovanni Pico della Mirandola*. P. 25-26; Баткин Л.М. Указ. соч. С. 109-110.

850 “Nympham occupatam ab homine et inde rapti volentem recipere vel etiam comprehendere non est rapere, immo a raptoribus liberare” (Ficinus M. *Apologia ad Petrum Leonem* // SF. Vol. I. P. 56-57).

В следующий раз Фичино поддержал Пико через два года. Молодой философ, замышлявший провести в Риме грандиозный диспут по самым разным отраслям знания и обещавший оплатить путевые издержки всем желающим принять в нем участие, за несколько месяцев до планируемого мероприятия, в декабре 1486 г., опубликовал «900 тезисов», которые выносил на публичное обсуждение. Однако они вызвали подозрения у церковных властей одобрительными отзывами о магии, астрологии, каббале, о таких мыслителях, как Ориген, Аверроэс, Александр Афродизийский, некоторыми утверждениями о Священном Писании и вере. В феврале 1487 г. папа Иннокентий VIII для проверки тезисов нарядил специальную комиссию: во время собеседований с ней Пико вел себя вызывающе и даже обвинил ее участников в невежестве. В марте семь тезисов подверглись осуждению, в отношении еще шести были высказаны сомнения в их ортодоксальности. В ответ Пико наскоро сочинил «Апологию», посвященную Лоренцо Медичи, в которой в основном отстаивал свои позиции, повторяя выпады в адрес комиссии, и издал ее в мае 1487 г. Результатом было папское бреве от 5 августа с осуждением всех тезисов целиком; опубликованное только 15 декабря, оно заставило Пико бежать из Рима и Италии. С требованием арестовать мятежного философа как еретика папа обратился не только к церковным, но и к светским властям. В январе 1488 г. Пико был схвачен недалеко от Лиона и затем препровожден в Венсеннский замок. Его спасло заступничество высоких покровителей – владетельных государей Милана, Феррары и, конечно, Лоренцо Медичи; впрочем, к нему благоволил и французский король Карл VIII, который, дождавшись подходящего момента, в марте 1488 г. освободил его и выслал из своих владений⁸⁵¹. Фичино, еще прежде высказавшийся одобрительно о тезисах Пико⁸⁵², принял его сторону, когда над их автором нависла угроза преследований. В августе 1487 г. он привлек для поддержки Пико Лоренцо Медичи, поведав властителю Флоренции об опасности, исходящей для общего друга от его недоброжелателей в Риме⁸⁵³; позже, когда в декабре 1487 г. Пико, по сообщению Роберто

851 См. подробнее: *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola*. P. 30-36.

852 *Ficinus M. Laus ingenis // Ep. lib. VIII*. P. 880. 3.

853 Фичино писал Пико: “*Robertus Salviatus amicus fidelis et strenuus, hesterno vespere mihi legit epistolam tuam, qua certis argumentis adversariorum*

Сальвиати, проезжал Болонью, Фичино выражал радость, что тому удалось «невредимым вырваться из рук негодяев»⁸⁵⁴. Но радость была преждевременной. Пико еще ждали испытания. Когда же они были преодолены и Пико возвращался в Италию, Фичино, выступая от имени не только себя, но и Лоренцо, звал гонимого философа во Флоренцию: «Сатурн... во время моего рождения головой касался Водолея, и тридцать лет спустя, когда ты появился на свет, повторил то же самое. Из-за этого и происходит, как я полагаю, что Лоренцо, среди людей сатурнийского склада наидостойнейший, и меня опекает, и Пико зовет во град Флоренцию. И хотя всякая земля для отважного человека родная, тем не менее Сатурнова судьба повелевает Пико принять сию [нашу] землю как свою и уже давно она ему назначила приехать во Флоренцию для жительства, как только случится эта великая конъюнкция. Будь счастлив, будь флорентийцем (*Esto felix, Florentinus esto*)»⁸⁵⁵. Пико ответил около середины 1488 г. эпистолой, переполненной выражениями наисердечнейших чувств к Фичино, коего он почтил громким званием «отца Платонического семейства» (*pater Platonicae familiae*), уверяя, что «всегда жаждет и алчет его как радости своей жизни, удовольствия ума, воспитателя нравов, наставника в науках»⁸⁵⁶.

И Пико действительно перебрался во Флоренцию, поселившись на фьезоланской вилле, предложенной ему Лоренцо, неподалеку от своих друзей-гуманистов. Вместе с Фичино и Полициано он

istic tuorum maledicta refellis. Convenimus igitur ut haec magnanimo Laurenti recenserem... Recensui ergo libens atque ille libenter audivit. Unde coniiicimus nullum latere in eius animo erga te odium sed amore” (Ficinus M. Commendandus ante omnes, qui sapientiam toto orbe perquirat // Ep. lib. VIII. P. 885. 2).

854 “...gaudeo te ex iniquiorum manibus incolumen evasisse” (*Ficinus M. Iuppitert et Venus Martem domant // Ep. lib. VIII. P. 886. 4*). Впрочем, Э. Гарэн относит это письмо ко времени, когда Пико после ареста во Франции возвращался в Италию, то есть к весне 1488 г. (*Garin E. Introduzione. P. 28*).

855 *Ficinus M. Cur viris magnis discrimina magna immineant // Ep. lib. VIII. P. 888-889*.

856 Цитируемое письмо Пико известно по его публикации среди эпистол Фичино: “...te solatium meae vitae, meae mentis delitias, institutorem morum, disciplinae magistrum et esurio semper et sitio” (См.: *Ep. lib. VIII. P. 889. 4*). О роли, которую сыграл Фичино в защите Пико от преследований со стороны церкви, см. также: *Marcel R. Op. cit. P. 484-486*.

совершал прогулки по окрестным холмам, предаваясь беседам; содержание одной из них, посвященной преимуществам загородного жилища, построенного в благоприятной для здоровья местности, изложено в эпистоле Фичино, открывающей девятую книгу «Писем»⁸⁵⁷. Полициано же в послании Фичино (1494 г. ?) упоминает о дружеских пирушках, устраиваемых Пико во время их пребывания за городом, «исполненных приятных бесед и шуток»⁸⁵⁸. В 1489 г. Пико было даровано флорентийское гражданство. Скорее всего в 1491 г. в самой Флоренции Пико, как сообщает Корси, приобрел весьма скромные апартаменты также поблизости от Фичино и прожил в них три года⁸⁵⁹. Он продолжал следить за трудами своего старшего друга и даже пригодился ему, когда Фичино, в свою очередь, потребовалась поддержка, чтобы избежать инквизиционного преследования, которым угрожала ему публикация «Трех книг о жизни»: обращаясь за помощью к влиятельным покровителям, Фичино указывал им, наряду с Ландино и Полициано, на Пико, готового выступить в его защиту, уподобляя этого своего друга-гуманиста Фебу, поражающего Пифона выстрелом из лука⁸⁶⁰. В другой раз Фичино назвал Пико в числе этих же своих трех заступников в письме Филиппо Валори за январь 1494 г., указывая, на кого можно будет опереться, если понадобится отстаивать трактат «О Солнце» от нападок, подобных тем, которые спровоцировали «Три книги о жизни»⁸⁶¹.

Фичино, постоянно подчеркивавшему в своих сочинениях преемственность богословской мудрости разных времен и народов, было понятно и близко стремление Пико искать и доказывать фундаментальное единство всего духовного опыта человечества, всех известных философских учений, поэтических преданий, видов научного знания, религиозных систем. Имея в виду эту установку

857 “Cum superioribus diebus ego et Picum noster Mirandulanus vir virtute mirandus, Fesulanus, imo Subfesulanus colles perageramus... Fingebamus igitur in colle domus...” (Ficinus M. Descriptio ville salubris // Ep. lib. IX. P. 893-894).

858 Politianus A. Epistolarum liber X. P. 135.

859 “... Picus ille Mirandula... quum Florentiam venisset, aedes Marsilio vicinas conduxit humiles admodum, quas tamen totum fere triennium habitavit...” (Cursius J. Op. cit. XXIII. P. 689).

860 Ficinus M. Apologia in qua de Medicina, Astrologia, Vita mundi. P. 574.

861 Ficinus M. Apologia in librum suum de Sole, et lumine // Ep. lib. XII. P. 949. 2.

своего молодого товарища и обыгрывая его титул графа Конкордии (в переводе с латыни *Concordia* – это согласие), Фичино писал, что тот по праву «должен величаться не графом, но герцогом (*dux*, буквально: вождем, главой) Согласия», ибо «стремится постоянно примирять иудеев с христианами, перипатетиков с платониками, греков с латинянами»⁸⁶². Первым и важнейшим шагом в решении подобной задачи, по замыслу Пико, должна стать демонстрация единомыслия крупнейших философских авторитетов древности – Аристотеля и Платона, ибо, как сказано в «Тезисах», «нет ни одного ни естественного, ни божественного вопроса, в котором Аристотель и Платон не были бы согласны по смыслу и существу [предмета], хотя и различаются по изложению»⁸⁶³; даже в этой своей начальной части проект был весьма амбициозен, согласовывая Аристотеля с Платоном, Пико не без кичливости обещал выполнить то, к чему безуспешно подступали многие до него⁸⁶⁴. Продолжая проект, в перспективе он намеревался создать «Поэтическое богословие»⁸⁶⁵, чтобы показать близость сокровенной истины, таящейся под оболочкой баснословия, и богословско-философской мудрости.

Идея сходства доктрин Платона и Аристотеля, которые могут различаться не по существу мысли, но по тому, как она выражена,

862 См. письмо Фичино к Роберто Сальвиати и Джироламо Бенивьени: “Solent multi scribentes Pico inscribere Concordiae Comiti, hactenus quidem recte admodum appellatus est Concordiae Comes, utpote qui et concordiam ipse quaerebat, et libenter concordantes homines sequebatur. Posthac autem non comes quidem sed dux concordiae extra controversiam est appellandus. Iam enim hunc velut ducem concordia sequitur... adeo ut solus hic valeat quod olim tantavere nonnulli, et hic agit assidue, tum Iudaeos Christianis, tum Peripateticos conciliare Platonicis, Graecos Latinis” (*Idem. De tribus gratiis et concordia // Ep. lib. VIII. P. 890. 3*). См. в связи с этим: Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кватроченто. СПб., 1904. С. 397.

863 “Nullum est quaesitum naturale aut divinum in quo Aristoteles et Plato sensu et re non convenient, quamvis verbis dissentire videantur” (*Pico della Mirandola G. Conclusiones paradoxae numero XVII secundum propriam opinionem. 1 // Opera omnia. Basileae, 1557. P. 83*).

864 “Proposuimus primo Platonis Aristotelisque concordiam a multis autem hac creditam a nemine satis probatam” (*Pico della Mirandola G. Apologia // Opera omnia. Basileae. P. 119*).

865 См.: *Pico della Mirandola G. Oratio // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptapulus. De ente et uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942. P. 150*.

целиком разделялась и Фичино⁸⁶⁶. По его словам, «совершенно заблуждаются те, которые считают, что учение перипатетиков противоположно Платонову, так как дорога не может быть противоположна цели. Кто основательно поразмыслит, тот обнаружит, что учение перипатетиков есть путь к Платоновой мудрости; от вещей естественных поднимаются к божественным, вот почему никто не сможет никогда постичь высокие тайны Платона, если прежде не был посвящен в перипатетическую науку»⁸⁶⁷. Говоря о близости двух учений, Фичино, однако, отнюдь не подразумевал их равенства: учение Аристотеля – путь, завершение которого – учение Платона и как таковое оно превосходит учение Аристотеля. Подобный вывод напрашивается сам собой и содержит в себе момент полемики с точкой зрения Пико. Не случайно, кстати заметить, в великой цепи древних мудрецов, носителей богословских истин, созвучных христианским, Фичино никогда не помещал Аристотеля, тогда как Платону неизменно отводил в ней почетное место. И подобного рода расхождений между двумя наиболее значительными участниками флорентийской Платоновской академии – расхождений, иногда не афишируемых, иногда, наоборот, проявлявших себя в виде острой, особенно со стороны Пико, полемики, можно обнаружить немало. По этому поводу Корси кратко заметил: «Порой Пико выражал открытое несогласие с Фичино»⁸⁶⁸.

Установка Пико согласовывать и примирять все знания, учения и религии подразумевала право на истину и за теми направлениями человеческой мысли, которые вызывали подозрения и противодействие даже у такого открытого разным веяниям и традициям философа, как Фичино. Глава флорентийских платоников основным оригинальным трудом своей жизни – «Платоновским богословием» – имел в виду опровергнуть, как он считал, атеистические или ведущие к безверию учения эпикурейцев и аверроистов. И это было извест-

866 См.: “...tantos inter se philosophos non sententia quidem dissentire, sed verbis eandemque de anima Platonis, Aristotelis, Theophrasti, sub diversis verbis esse sententiam...”, – приводит Фичино слова Темистия в письме Филиппо Валори, предваряющем перевод Прискиана Лида (*Ficinus M. Philippo Valori // Op. om. P. 1801*).

867 *Ficinus M. Signa legitimi platonici, atque de ideis // Ep. lib. XII. P. 952. 1.* См. в связи с этим: *Монье Ф. Указ. соч. С. 336-342; Marcel R. Op. cit. P. 638-640.*

868 “Picus a Marsilio aperte quandoque dissentire” (*Cursius J. Op. cit. XXI. P. 688*).

но Пико, близко знакомого с работой своего старшего товарища. Тем не менее Пико, который хорошо изучил наследие Аверроэсса по переводам и комментариям, выполненным специально для него Элиа дель Медиги, ученым евреем, преподававшим в Падуе, весьма часто обращался к этому арабскому мыслителю и ссылаясь на него в своих сочинениях как на бесспорный философский авторитет⁸⁶⁹. Впрочем, хотя отношение к Аверроэсу у Фичино и Пико было совершенно противоположным⁸⁷⁰, предметом полемики между ними это обстоятельство не стало.

В открытый спор с Фичино Пико вступил в «Комментарии к канцоне о любви Джироламо Бенивьени», созданной в 1486 г. (1 изд. 1519 г., Флоренция), то есть как раз в тот момент, когда старший товарищ взял под защиту Пико, попавшего в трудное положение из-за дерзкого похищения им замужней женщины. Однако это выражение дружеского к нему участия не помешало Пико с юношеским рвением указать на все сомнительные или ложные, с его точки зрения, положения Фичинова «Комментария на «Пир» Платона, о Любви». «Меня удивляет, однако, Марсилий, – читаем в «Комментарии к канцоне о любви...», – который считает, что, согласно Платону, наша душа была непосредственно создана Богом, что отвергает как школа Прокла, так и Порфирия»⁸⁷¹. Дальше – резче: «Итак, читатель, ты можешь понять, сколько ошибок допускает наш Марсилий только по этому разделу, когда, говоря о любви, все смешивает и перепутывает. Кроме того, он допустил ошибки по всем затронутым в каждой части его трактата [«Комментария на «Пир»...» – О.К.] вопросам, что я собираюсь показать в последующем изложении»⁸⁷². С дотошностью пред-

869 Из работ Пико сошлемся: *Pico della Mirandola G. Heptaplus. Esp. II. 4 // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De ente et uno. P. 238* и в др. местах; *Idem. Expositiones De ente et uno. II // Opera omnia. Venetiis, 1557. P. 53rB-53vA*. Опровержение Аверроэса у Фичино см.: *Ficinus M. Theologia platonica de immortalitate animorum. XV. 2 // Op. om. P. 330-335*.

870 *Garin E. Op. cit. P. 12-14, 22, 57-59, 65-68, 83* и в других местах.

871 *Pico della Mirandola G. Commento sopra una canzone de amore composta da Girolamo Benivieni. I. 4 // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De ente et uno (P. 442-581). P. 466* (см. перевод Л.М. Брагиной: *Пико делла Мирандола Дж. Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени. I. 4 // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. I (С. 266-299). С. 268*).

872 *Ibid. II. 2. P. 488 (С. 278)*.

взятого оппонента, неизменно называя Фичино по имени, Пико беспощадно «обличает» его, где только может⁸⁷³.

Отклика Фичино на эту критику не последовало; возможно, она до него не дошла. Не отреагировал он и на выпад Пико в его знаменитой «Речи» (конец 1486 г.) против той антропологической доктрины, к которой он имел все основания отнести и себя. «Я прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, – сказано у Пико, – что, когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, он ответил: ничего нет более замечательного, чем человек. Этой мысли соответствуют и слова Меркурия: «О Асклепий, великое чудо есть человек!». Когда я размышлял о значении этих изречений, меня не удовлетворили многочисленные аргументы, приводимые многими в пользу превосходства человеческой природы: человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу пронизательности ума, ясности мышления и пытливости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы, Гименей, стоящий немного ниже ангелов, по свидетельству Давида»⁸⁷⁴. Под «многими», аргументы коих «в пользу превосходства человеческой природы», не удовлетворяли Пико, прежде всех других он разумел, конечно, Фичино, доказывавшего и посредническую роль человека во вселенском порядке, и его пограничное положение между вечным, нетленным и подвижным, протекающим во времени бытием, и необыкновенные способности его ума, и его мирозидательную функцию «скрепы мира»⁸⁷⁵. Впрочем, помимо Фичино, Пико

873 Ibid. II. 3; II. 11; P. 489, 499 (С. 278, 283). См. также: *Pico della Mirandola G. Commento particolare. 4 // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptaplus. De ente et uno. P. 556, 559.* В связи с этим сошлемся на работы: *Wind E. Pagan mysteries in the Renaissance. Oxford, 1980 (1 изд. – 1958 г.). P. 62-63; Allen M.J.B. The second Ficino-Pico Controversy: Parmenidan Poetry, Eristic, and the One // MFRP. Vol. II (P. 417-455). P. 418-421; Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб., 2017 (1 изд. на французском языке – 1984). С. 146-150.*

874 *Pico della Mirandola G. Oratio de hominis dignitate // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Neptaplus. De ente et uno. P. (102-164). P. 102.*

875 См. тексты на эту тему: *Фичино М. Платоновское богословие о бессмертии душ. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Чаша Гермеса. С. 176-211. Подробнее об антропологии Фичино см.: С. 321.*

пренебрежительно отзывался и о давней и хорошо разработанной традиции философской антропологии, представленной Филоном Александрийским, герметическими писаниями, Иоанном Скотом Эриугеной, Николаем Кузанским⁸⁷⁶, которой он с несомненным вызовом, переоценивая собственную оригинальность, противопоставил свою концепцию человека как полновластного творца собственного «я»⁸⁷⁷.

Фичино, не названный по имени, имел полное право оставить выпад, сделанный Пико в адрес его учения о человеке, без внимания; впрочем, возможно, о новом разногласии с ним Пико он какое-то время не догадывался. Иначе трудно объяснить, почему в этом случае Фичино промолчал, а в 1492 г., едва его младший товарищ завершил трактат «О сущем и едином», он, усмотрев – и вполне обоснованно – в этом произведении противоречие со своей и всей неоплатонической традиции онтологией и интерпретацией «Парменида», в середине своего комментария к этому платоновскому диалогу выстрелил в Пико едкой тирадой: «Пусть бы только сей дивный юнец (*mirandus ille iuvenis*), – писал Фичино, обыгрывая еще один титул Пико сеньора Мирандолы (*Mirandola*), – внимательно поразмыслил над выше [у меня] приведенными доводами и рассуждениями, прежде чем так заносчи-

876 См. подборку основных текстов по антропологии поздней античности и средних веков в кн.: Чаша Гермеса. С. 30-99, 112-118.

877 *Pico della Mirandola G. Oratio de hominis dignitate*. P. 104-110 (С. 248-250). О концепции человека и полемике Пико с предшествовавшими антропологическими учениями см.: *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola*. P. 202 и далее; *Гарэн Э. Платонизм и достоинство человека // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения*. М., 1986 (С. 110-148). С. 130; *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino*. Frankfurt a. M., 1972 (1 изд. – Нью Йорк, 1943). S. 104-108; *Monnnerjahn E. Op. cit.* S. 26-33; *Colomer E. Individuo e cosmo in Nicolò Cusano e Giovanni Pico // L'Opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'umanesimo*. Firenze. 1965. Vol. 2 (P. 53-102). P. 88-90; *Брагина Л.М. Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола // СВ. М., 1965. Вып. 28. С. 129-139; Она же. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков*. М., 1977. С. 225-227; *Она же. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.)*. М., 1983. С. 243-244; *Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения*. М., 1978. С. 350; *Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения*. М., 1980. С. 97-98; *Баткин Л.М. К истолкованию итальянского Возрождения: антропология Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы // Из истории ренессансного искусства Запада*. М., 1980. С. 33-37; *Он же. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. М., 1989. С. 192, 209-212; *Кудрявцев О.Ф. Самовластье человека...* С. 180-181.

во выступить против наставника и так самоуверенно заявить вопреки общему мнению платоников, о том, что божественный «Парменид» – сугубо логический труд и что Платон и Аристотель Единое и Благое считали равными Сущему»⁸⁷⁸. По тону высказывания видно, что Фичино был очень раздражен очередной полемической выходкой своего друга, которого он – не столько, чтобы подчеркнуть их разницу в возрасте, сколько, чтобы побольше задеть – назвал юнцом, причем дивным, то есть внушающим надежды юнцом (то, что называется вундеркиндом), хотя Пико уже шел двадцать девятый год, и он своими познаниями и трудами в ученом мире Италии и Европы приобрел высокий и прочный авторитет. Отрицая сверхсущее Единое неоплатоников, стоящее выше всякого бытия, Пико⁸⁷⁹ вступил в спор с Плотиним и Проклом, а также с Фичино и, как показал Э. Гарэн, с Виссарионом⁸⁸⁰; постольку поскольку Фичино вслед за Проклом и другими своими предшественниками апеллировал к платоновскому «Пармениду», доказывая, что «содержание его в основном богословское», Пико, наоборот, утверждал, что этот диалог есть лишь «упражнение в диалектике»⁸⁸¹.

878 *Ficinus M. Commentaria in Parmenidem. 49 // Op. om. P. 1164.*

879 *Pico della Mirandola G. De ente et uno. Passim (Пико делла Мирандола Дж. О сущем и едином. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Сочинения итальянских гуманистов (XV век). М., 1985 (С. 263-280). В разных местах).*

880 *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. P. 76 и далее.* Впрочем, в предисловии к своему сочинению Пико говорит, что спровоцировано оно будто бы было спором о Сущем и Едином между Лоренцо Медичи и Полициано и именно для этого последнего он собрал аргументы, чтобы опровергнуть доводы платоников, приводимые Лоренцо (*Pico della Mirandola G. De ente et uno. Prooemium. P. 386-388 (С. 263)*). Таким образом, оказывается, трактат был направлен непосредственно против Лоренцо, которого в то время, когда Пико работал над своим сочинением, уже не было в живых, и всем было понятно, что главным идейным антагонистом Пико являлась платоническая традиция, которую он связал с именем Лоренцо, хотя ее наиболее значительным представителем в то время был Фичино.

881 “*Materia igitur Parmenidis huius potissimum theologica est, forma vero praecipue logica*” (*Ficinus M. Commentaria in Parmenidem. Prooemium // Op. cit. P.1138*); “*Certe liber [Parmenides] inter dogmaticos non est censendus, quippe qui totus nihil aliud est quam dialectica quidam exercitatio*” (*Pico della Mirandola G. De ente et uno. II. P. 390 (С. 264)*). См. также: *Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. P. 75-80; Marcel R. Op. cit. P. 531-533; Allen M.J.B. The second Ficino-Pico Controversy. P. 421-434.*

После такого столкновения тем не менее отношения между гуманистами не разладились. Правда, вскоре обнаружилось еще одно расхождение в их мировоззренческих позициях. Фичино, увлекавшийся астрологией и охотно рассуждавший в своих писаниях⁸⁸² о связи небесных явлений с делами и судьбами людей, о звездных знаменьях, предрекавших земные события, обнаружил в подготовленной Пико в 1493 г. работе «Рассуждения против прорицающей астрологии» довольно определенную критику своих взглядов⁸⁸³. На этот раз реакция Фичино была совсем иной; отдавая себе отчет в том, что его астрологические воззрения не вполне совместимы с господствующим церковным учением, в отношении которого глава платоников стремился сохранить лояльность, он предпочел оправдаться в глазах своих друзей. В письме за август 1494 г., обращаясь к Полициано, а через него к их общему другу Пико, Фичино уверял в своем единомыслии с ними, в том числе и в отношении астрологии: он соглашался, что платоники упоминают некоторые небесные фигуры (*coelestes imagines*), описанные астрологами, не осуждая и не одобряя их; однако он в комментариях к Плотину, так же как и античный платоник, посмеивался над этими выкладками астрологов; если в работе «Три книги о жизни» ведется речь об этих фигурах, то, хотя он и понимал, что в них нет никакого определенного разумного основания, однако движимый «ревностнейшим попечением о человеческом здравии он тщательно указывал средства, не только по мнению знатоков верные, но и такие, которые многим представляются возможными»; что же касается книги «О Солнце», то в ней фигуры и знаки небесные, выступая в роли моральных наставлений и аллегорий, служили исследованию божественных вещей; наконец, он выражал радость, что «чудовищные вымыслы астрологов бесподобно опровергнуты нашим Пико из Мирандолы», что «лживые предрассудки вместе с тобой, Полициано, уничтожены им, словно Фебом, уничтожившим Пифонову отраву»⁸⁸⁴.

882 См. работы: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin, 1927. S.146 и далее; Walker D.P. Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella. London, 1958. P. 12-17; Euler W.A. Op. cit. S. 35.*

883 Подробнее см.: С. 422-423.

884 “*Astrologica portenta fuisse a Pico nostro Mirandula singulariter confutata. Quae enim ego nusquam affirmo, imo et cum Plotino derideo, explodi a*

Осенью 1494 г. два, несомненно, ярких и в то же время «проблемных» участника Фичинова кружка ушли из жизни. В сентябре умер Полициано, в ноябре – Пико, который был похоронен рядом со своим другом во флорентийском монастыре Св. Марка. В отправленном вскоре письме к Герману де Ганэ, епископу Кагора, Фичино отзывался о Пико как об «угасшем философском светоче» (*extincto philosophico lumine*), кончина которого, совпавшая со вступлением войск Карла VIII во Флоренцию, встречена ученым миром с великой печалью⁸⁸⁵. А через год после нее Фичино уверял Джованни-Франческо Пико, племянника и душеприказчика своего умершего товарища: «Во многих моих писаниях, и особенно в последних книгах «Эпистол», можно найти пространные и необычайные похвалы в адрес Пико»⁸⁸⁶. Конечно, Фичино замалчивал собственный недавний уничижительный отзыв о Пико и его трактате «О сущем и едином», как, впрочем, и задиристые выступления Пико по поводу своих работ. И в этом был определенный резон: расхождения по конкретным вопросам не должны были заслонить фундаментального мировоззренческого единства ведущих мыслителей флорентийской Платоновской академии, заставлявшего их искать общения и помогать друг другу в трудных обстоятельствах. Более всего другого их сближало восприятие человека как свободного и ответственного в своем выборе существа, стремление построить, примиряя различные духовные традиции, единый универсум культуры, способный служить обновлению и возрождению человечества.

Mirandula gaudeo, supersticiosam praeterea vanitatem ab illo tanquam a Phoebo Pithonicum virus extingui tecum Politiane congratulor” (*Ficinus M. Quid sentiat de astrologia // Ep. lib. XII. P. 958. 1*). См. об этом подробнее: *Marcel R. Op. cit. P. 538-540*.

885 *Ficinus M. Germano de Ganay, Parisii praesidenti // SF. Vol. II. P. 92*. В адресе Фичино ошибся, президентом парламента был не Герман, а его брат Жан (*Marcel R. Op. cit. P. 553 Сн. 1*).

886 *Ficinus M. Ioanni Francisco Mirandulae Concordiae comiti // SF. Vol. II. P. 93*.

ГЛАВА V. НАСТАВНИК ЕВРОПЫ

Интерес к деятельности Фичино за пределами Италии проснулся довольно рано, хотя общеевропейское признание гуманист получил после публикации своих главных работ – «Платоновского богословия» (1482 г.) и переводов Платона с комментариями (1484 г.). В 1488 г. с видимым удовольствием он приводил свидетельство флорентийского богослова Павла Аттаванти о том, что всю Европу заставил любить и почитать себя⁸⁸⁷. По собственному признанию гуманиста в 1491 г., его письма имели хождение не только в Италии, но и направлялись в Испанию, Францию, Германию, Венгрию⁸⁸⁸. В качестве популяризатора трудов Платона и всей, как считалось, им суммированной традиции древнего богословия Фичино привлекал к себе внимание участников набравшего силу гуманистического движения, а также не чуждых устремлениям ренессансной культуры государей и представителей правящего класса стран заальпийской Европы. Многих из них, сумевших сблизиться с флорентийским гума-

887 “*Gratissime mihi contigerunt literae tuae, quibus equidem intellexi, et te bene valere et me volare, quod enim (ut scribis), totam iam Europam in amatoriam mihi subegerim servitutem, facere quidem accessu non valui, ergo feci volatu*” (Ficinus M. *De Famae volatu. Et quod sua cuique charissima sunt* // Ep. lib. VIII. P. 891. 4). Об Аттаванти и его деятельности в качестве религиозного проповедника и писателя см.: DBI. 1962. Vol. 4. P. 531-532 (статья без указ. имени автора).

888 “*Quae [literae] tamen alibi feliciore fortuna fretae, non solum per omnem Italiam, sed etiam in Hispaniam iamdiu, Galliam, Germaniam, Pannoniam, pervolarunt...*” (Ficinus M. *Purgatio de literis non redditis* // Ep. lib. XI. P. 926. 2. Письмо адресовано кардиналу Рафаэлю Риарио).

Впрочем, как заметил Р. Марсель, ни одного письма Фичино в Испанию не обнаружено: *Marcel R. Marsile Ficin (1433-1499)*. Paris, 1958. P. 534.

нистом, даже если с ним поддерживалось только заочное общение, можно отнести к возглавляемому им философскому товариществу, известному в историографии как Платоновская академия.

§ 1. Венгрия

Самые ранние и прочные отношения установились у Фичино с людьми науки и культуры из Венгрии или с итальянцами, надолго обосновавшимися в этой стране. Первым, судя по всему, свел знакомство с Фичино Янош Варади, фигурирующий в их переписке под именем Иоанна Паннония⁸⁸⁹. В послании Фичино середины 80-х гг. он вспоминал, как, прибыв в Италию, он узнал от двух астрологов о намерении флорентийского гуманиста возродить философскую мысль древности; далее Иоанн уточнял, что еще до его приезда Фичино приступил к переводу Платона, а это означает, что на Апеннинах он появился не ранее лета 1463 г. По-видимому, между ними состоялось личное знакомство, иначе трудно объяснить, каким образом венгерский гуманист и богослов мог быть столь полно осведомлен о составе и порядке ранних трудов Фичино, о целях, обстоятельствах, сомнениях и колебаниях, которые им сопутствовали. И только на правах старого друга он мог обратиться к Фичино с предложением опасаться, как бы восставновление древних, коему был предан флорентийский платоник, не оказалось скорее суемудрием, нежели делом благочестия⁸⁹⁰.

В своем весьма пространным ответе Фичино доказывал обусловленность вышней волей его ученой миссии по возрождению древнеязыческой мудрости, панораму развития которой он обрисовал (в очередной раз) для Иоанна Паннония; более того, свою деятельность он преподносил как некое призвание, нацеленное – ни больше, ни меньше – на то, чтобы спасти христианскую религию от

⁸⁸⁹ См. о нем: *Хаванова О.В.* Варади Петер // КВЭ. Т. I. С. 290, 291.

⁸⁹⁰ “*Equidem te amice moneo, caveas, ne forte curiositas quaedam sit isthaec renovatio antiquorum, potius quam religio*” (*Ioannes Pannonius* Marsilio Ficino. *Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia* // Ep. lib. VIII. P. 871. 2; *Abel E.* *Analecta nova ad historiam Renascentium in Hungaria litterarum spectantia.* Budapestini, 1903. P. 278). См. выше: С. 55, 77.

угроз, обусловленных распространением двух нечестивых, с его точки зрения, школ перипатетической философии – александристов и аверроистов⁸⁹¹. На фоне всех других эпистол гуманиста письмо Иоанну Паннонию выделяется вполне откровенным и точным объяснением задач и смысла всех предпринимаемых Фичино трудов и поэтому может рассматриваться в качестве своего рода манифеста возглавляемого им направления мысли и ученого товарищества – Платоновской академии.

Иоанна Паннония, случается, путают с еще одним знакомым Фичино венгром, носившим сходное в латинском написании имя, – Яном Паннонием (по-латыни: *Ioannes Pannonius*), крупным церковным иерархом (епископом Печским) и известным неолатинским поэтом. Ему Фичино преподнес один из списков первой версии «Комментария на «Пир» Платона, о Любви»; в посвятельном письме, датированном августом 1469 г., флорентийский гуманист называя его платоником, говорил о его авторитете, который должен внушить доверие венграм к писаниям Фичино, и уверял в своей любви к нему, которую, если не сможет донести письмо, засвидетельствует Петр Гаразда, «муж ученый и приятель наших друзей»⁸⁹². Ян Панноний, в свою очередь, сделал Фичино комплимент в одном из стихотворных произведений, утверждая, что в нем живет душа Платона⁸⁹³.

891 *Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. lib. VIII. P. 871. 3; Abel E. Op. cit. P. 279-281.*

892 “*Commentarium in Platonis Convivium de Amore nuper a nobis editum tibi potissimum, vir clarissime, dicare constitui, qui et Platonicus es apprime, et nobis singulari quodam amore coniunctus; sic enim Platonica ad Platicum, amatoria ad amantissimum retulerimus. Dabit praeterea scriptis nostris fidem auctoritas tua non mediocrem... Amor in me tuus mea commendabit tibi, et auctoritas tua Pannoniis ipsa laudabit. Amorem vero in te meum, quando id mea non potest epistola, Petrus Garasda, vir doctus et utriusque nostrum familiaris, cum apud te fuerit, declarabit*” (Mátyás király levelei. Ed. Fr. Vilmos. Budapest, 1893. P. 202-203). Подробнее о связях Фичино с Яном Паннонием и о Петре Гаразде см.: *Huszt J. Tendenze platonizzanti alla corte di Mattia Corvino // GCFl. 1930. Vol. XI (Fasc. 1. P. 1-37; Fasc. 2. P. 135-162; Fasc. 3. P. 220-236; Fasc. 4. P. 272-287). Fasc. 1. P. 26-37.*

893 “*Nuper in Elisiis animam dum quero Platonis, / Marsilio hanc Samius dixit inesse senex*” (SF. Vol. II. P. 269).

Связи с венгерской интеллектуальной и политической элитой, прерванные смертью Яна Паннония (1472 г.), были восстановлены в 1477 г., когда давний друг флорентийского платоника Франческо Бандини – тот самый Бандини, который сыграл главную роль в организации знаменитого чествования Платона, будто бы описанного в «Комментарии на «Пир»...» у Фичино⁸⁹⁴ – обосновался при дворе Матвея Корвина⁸⁹⁵. Между 1477 и 1479 гг. своему сподвижнику в Венгрию Фичино направил собственное сочинение «О жизни Платона» и отдельно предисловие к нему⁸⁹⁶.

Через Бандини и близких к нему гуманистически образованных аристократов у Фичино сложились прочные отношения с двором короля Матвея. Венгерского монарха он восхвалял в упомянутом уже предисловии к жизнеописанию Платона за покровительство эллинской образованности, которая, изгнанная из Греции, нашла приют в Паннонии, его владениях⁸⁹⁷. Однако от предложения переселиться туда под покровительство Матвея, «наисиятельнейшего короля Паннонии», переданного ему Бандини и Николаем Батори, епископом Вацким, Фичино отказался. «Выдержать путь мне трудно, – оправдывался он в июне 1479 г. – Жить под этим небом, пожалуй, еще труднее»⁸⁹⁸. Впрочем, через несколько лет он станет предлагать

894 См.: С. 155-156.

895 *Huszt J.* Op. cit. Fasc. 2. P. 146-150; *Kristeller P.O.* An unpublished description of Naples by Francesco Bandini // *SRTL* (P. 395-410). P. 399; *Vasoli C.* Bandini Francesco // *DBI*. 1963. Vol. 5. P. 709-710.

896 *Ficinus M.* De vita Platonis; Prooemium in opusculum de vita Platonis // *Ep. lib. IV.* P. 763-770, 782. 2 (см. изд.: *Abel E.* Op. cit. P. 274). Текст “О жизни Платона” использовался Фичино в качестве вводной части «Комментария на “Филеба”», с которым гуманист выступал публично. См.: *SF*. Vol. I. P. 79.

897 “O ferrea secula, quibus Mars ille saevissimus Atticas diruit Palladis arces! Non igitur in miseram Graeciam, sed in Pannoniam, Marsili, me conferam. Ibi enim floret magnus rex ille Mathias, qui mira quadam potentia simul et sapientia fretus certis relabentibus annis aedem potenti sapientique Palladi, hoc est Graecorum gymnasia, reparabit” (*Ficinus M.* Prooemium in opusculum de vita Platonis. P. 782. 2; *Abel E.* Op. cit. P. 274)

898 “Cum accepi tuas [Николая Батори – О.К.] Bandinique litteras, quibus vehementer suadetis, ut in Pannoniam proficiscar, gratissimus Mathiae serenissimo Pannoniae regi futurus, perfeceram iam quinque Platonicae sapientiae claves... Venire autem me difficile est. Vivere deinde sub isto caelo forsitan difficilium...” (*Ficinus M.* Montes non separant animas montibus altiores // *Ep. lib.*

Бандини и епископу Вацкому послать вместо себя (*ferre alter ego*) своего родственника Себастиано Сальвини⁸⁹⁹.

В октябре 1480 г. Фичино, выполняя, по-видимому, поручение властей Флоренции и других итальянских государств, обнаруживших всю реальность угрозы турецкого захвата Апеннинского полуострова, обратился непосредственно к венгерскому королю с призывом возглавить войну против «страшного и ужасного» врага христианства⁹⁰⁰.

Король, пополнявший собственное библиотечное собрание трудами гуманиста, как видно, очень ценил их. Посредником между Фичино и монархом выступал все тот же Бандини, из письма к которому за май 1482 г. узнаем, что Фичино посвятил королю Матвею две книги своих эпистол, отданные для переписки на средства некоего Франциска Юния, а также намеревался направить и другие книги, как только они выйдут из печати⁹⁰¹; об их переделке он сообщал в следующем письме Бандини⁹⁰². Скорее всего самым концом 1484 г. или началом 1485 г. нужно датировать два письма по тому же адресу, извещающие о посылке в Венгрию Бандини переводов Платона, изданных осенью 1484 г. за счет Филиппо Валори⁹⁰³. В ряде писем се-

IV. P. 782. 3). См. также сообщение Корси: *Cursius J. Vita Marsilii Ficini*. XXII // *Marcel R. Marsile Ficini. 1433-1499*. Paris, 1958 (P. 680-689). P. 688. См. в связи с этим: *Husztai J. Op. cit. Fasc. 4*. P. 273; *Marcel R. Marsile Ficini. 1433-1499*. Paris, 1958. P. 452; *Klaniczay T. Mattia Corvino e l'umanesimo italiano*. Roma, 1974. P. 17; *Gentile S. Marsilio Ficino e l'Ungheria all'epoca dell'umanesimo corviniano // Italia e Ungheria all'epoca dell'umanesimo corviniano*. Firenze, 1994 (P. 89-110). P. 97.

899 *Ficinus M. Petitio commendatioque artificiosa // Ep. lib. VII*. P. 858. 1; *Idem. Multa quae stellae significant, demones persuadeant, nos agimus // Ep. lib. VIII*. P. 884. 2. См. также: *Kristeller P.O. An unpublished description...* P. 400.

900 *Ficinus M. Exhortatio ad bellum contra Barbaros // Ep. lib. III*. P. 721-722; *Abel E. Op. cit.* P. 271-273.

901 *Ficinus M. In solo Deo salus // Ep. lib. VII*. P. 856. 2; *Abel E. Op. cit.* P. 275-276. См. также: *Kristeller P.O. De traditione operum Marsilii Ficini // SRTL* (P. 123-138). P. 125.

902 *Ficinus M. Petitio commendatioque artificiosa*. P. 857. 4; *Abel E. Op. cit.* P. 276.

903 “*Accedit ad vos tandem Plato noster pia Philippi Valoris opera*” (*Ficinus M. Commendatio librorum platoniorum // Ep. lib. VIII*. P. 870. 3; *Abel E. Op. cit.* P. 277); “*Platonem, Bandine, quem expetistis, arbitror iam ad vos ante has litteras pervenisse...*” (*Ficinus M. Quod qua via ducit Deus pergendum sit // Ep. lib. VIII*. P. 871. 1; *Abel E. Op. cit.* P. 277). См. также: C. 64.

редины 80-х гг. XV в. Фичино информирует венгерского корреспондента о том, как продвигается его работа над переводом Плотина⁹⁰⁴. В последнем письме Бандини Фичино пишет, что вынужден был прервать комментирование Плотина на середине, так как занялся переводом Пселла, Синезия, Порфирия, Ямвлиха и Прискиана Лида. Послание датировано 6 января 1489 г.⁹⁰⁵ по флорентийскому стилю, то есть 1490 г. Далее переписка прекратилась, возможно, из-за смерти Бандини, о котором после этой даты никаких сведений более не сохранилось⁹⁰⁶.

Наиболее значительным знаком внимания венгерскому королю стало посвящение ему 10 июня 1489 г. трактата «О стяжании жизни с небес», который сложился по ходу комментирования Плотина; на это было получено согласие Лоренцо Медичи (*Laurentio quidem probante*)⁹⁰⁷, которому, впрочем, были преподнесены все «Три книги о жизни», в их составе и та, что адресовывалась Матвею Корвину⁹⁰⁸. 6 января 1490 г. Фичино сообщал венценосному венгерскому корреспонденту об отъезде Филиппо Валори, своего друга и покровителя, в Буду с направляемыми королю книгами Прискиана Лида, Михаила Пселла, частью комментария к Плотину⁹⁰⁹ – то есть незадолго перед тем выполненными гуманистом переводами с греческого. Более полный список сделанных им новых переложений на латынь древних авторов Фичино давал в упомянутом уже последнем письме к Бандини, в нем он упоминал и о Филиппо Валори, «наипреданнейшем вашему королю человеку, изготовившем для короля текст Плотина с комментариями в королевском формате (курсив мой – О.К.)»⁹¹⁰.

904 См.: Ep. lib. VIII. P. 871. 2; 879. 2; 879. 4; Abel E. Op. cit. P. 278, 282.

905 *Ficinus M. Satis ad unum scribit amicum qui cunctis simul scribit amicis* // Ep. lib. IX. P. 895-896; Abel E. Op. cit. P. 285-286.

906 *Kristeller P.O. An unpublished description...* P. 401.

907 *Ficinus M. Prooemium in librum De vita coelitus comparanda* // Op. om. P. 529; Abel E. Op. cit. P. 289-290. См. также: *Della Torre A. Storia dell'Accademia Platonica di Firenze*. Firenze, 1902. P. 622; *Huszt J. Op. cit. Fasc. 3. P. 228-230*; *Gentile S. Marsilio Ficino e l'Ungheria...* P. 105.

908 См.: C. 97-98.

909 *Ficinus M. Amicus in amico. Item excusatio de itinere non suscepto* // Ep. lib. IX. P. 896. 2; Abel E. Op. cit. P. 286-287.

910 "...Philippus Valor, valoris et gratiae plenus, regique vestro omnium deditissimus, Plotini textus commentariaque regi transcribit, volumine regio" (*Ficinus M. Satis ad unum scribit...*)

Как и две книги Фичиновых эпистол, так и незавершенный перевод Плотина, пополнившие библиотеку Матвея Корвина, копировались на деньги состоятельных людей⁹¹¹. Вполне возможно, какой-то доход от этих подношений его трудов имел и сам гуманист.

Кроме указанных выше произведений, Фичино тогда же передал для изготовления копии трактат Ямвлиха «О мистериях египтян, халдеев, ассирийцев», еще одно из переведенных им произведений; на этом настоял, возможно, следуя инструкциям патрона, Таддео Уголетто, библиотекарь короля Венгрии, находившийся тогда во Флоренции, хотя Фичино и выражал недовольство своим трудом, ибо из-за дурного качества оригинала давал не дословный перевод, но смысловой (*non ad verbum, sed ad sensum*)⁹¹².

Со смертью короля Матвея (1490 г.) и последовавшей за ней борьбой за престол Венгрии прочные связи, которые долгие годы сохранялись у Фичино с заинтересованными в его трудах королевским двором и гуманистически образованными представителями элиты этой страны, прекратились.

§ 2. Германия и Нидерланды

Тесные контакты установились у Фичино с гуманистами и учеными из Германии и Нидерландов. С ним должен был встречаться и завязать добрые отношения Иоганн Рейхлин во время своих посещений Флоренции в 1482 и 1490 гг., если в 1491 г. он вместе с Людвигом Науклером ему рекомендовал молодежь из Швабии (возможно, своего брата Дионисия и Иоганна Штрелера) для их обучения во Флоренции⁹¹³. От Фичино, за трудами которого Рейхлин внимательно

911 См. в связи с этим: *Kristeller P.O. De traditione operum Marsilii Ficini. P. 125-126.*

912 *Ficinus M. Tideo procuratori // Abel E. Op. cit. P. 288. См.: Huszti J. Op. cit. Fasc. 3. P. 232-233; Kristeller P.O. De traditione... P. 126.*

913 См. ответ Фичино немецким гуманистам: *Ficinus M. Pro adolescentibus e Suevia missis ad academiam Florentinam // Ep. lib. XI. P. 926. 3.* Маловероятно, что “Флорентийской академией” в этом письме Фичино назвал университет своего города, к которому он не имел уже прямого отношения; скорее всего он вел речь о гуманистических школах и кружках, посещать которые должны были молодые немцы. О Рейхлине и Фичино см. также: *Geiger L. Johann*

следил (см. в конце параграфа), он мог воспринять импульс к освоению древнейшей философско-богословской мудрости, в частности иудейской каббалы и учения пифагорейцев.

Главного сторонника и приверженца среди немцев Фичино нашел в лице Мартина Преннингера, известного южнонемецкого юриста, посетившего главу флорентийских платоников еще в 1476-1477 гг., но особенно активно общавшегося с ним в 1489-1493 гг. Сохранилось четырнадцать писем, направленных Фичино своему немецкому почитателю в эти пять лет (к сожалению, ответные письма Преннингера, которых должно быть не меньше, не сохранились)⁹¹⁴. Посвящением Преннингеру, датируемым июлем 1490 г., открывается девятая книга Фичиновых «Эпистол»: «Итак, прими охотно и читай счастливо, Ураний, мой небесный друг, Мартины, а равно и Марсилиевы письма. Будь счастлив, alter ego»⁹¹⁵. Обращает на себя внимание то, что в духе эпохи Преннингер взял (а, вполне возможно, был присвоен ему Фичино) гуманистический псевдоним «Uranus», «Ураний», то есть «небесный»⁹¹⁶; Фичино также называл его «alter ego», «вторым я», подчеркивая особое отношение к нему, и в последующем повторял это обращение не раз.

Самым ранним из сохранившихся писем к Преннингеру является послание Фичино за июнь 1489 г., в котором он, отвечая на просьбу адресата, приводил перечень своих трудов и переводов и указывал, какие сочинения латинян могут быть отнесены к платоновской традиции; в этом же письме, рассуждая о двух путях к счастью (ad felicitatem) – философии и религии, – он пояснял, что у Платона оба они объединены; наконец, Фичино сообщал о посылке Преннингеру текста Алкиноя и обещал в другой раз выслать «божественного

Reuchlin. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1871. S. 25, 29, 34; Marcel R. Op. cit. P. 534-535; Brod M. Iohannes Reuchlin und sein Kampf. Stuttgart; Berlin, 1965. S. 53-60. Неверно утверждение А.Н. Немилова (см. его кн.: Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979. С. 144), будто Рейхлин встречался с Фичино в Риме – городе, в котором флорентийский платоник никогда не бывал.

⁹¹⁴ Zeller W. Der Jurist und Humanist Martin Prenninger gen. Uranus (1450-1501). Tübingen, 1973. S. 18-20, 65-74.

⁹¹⁵ Ficinus M. Prooemium // Ep. lib. IX. P. 893. 1. См. также: SF. Vol. I. P. 2.

⁹¹⁶ См. подробнее об этом: Zeller W. Op. cit. S. 77-79.

Ямвлиха»⁹¹⁷. Приведенный документ интересен прежде всего тем, что обнаруживает сразу все основные направления того, что можно было бы назвать «внешней составляющей» деятельности флорентийской Платоновской академии: информацию о ее трудах, их популяризацию и распространение, а также наставления в «платонической науке» взыскивающих ее, но не имеющих возможности получить уроки ее непосредственно от главы Академии.

Как явствует из следующего письма за август 1489 г., Фичино, продолжая свою просветительскую деятельность, по просьбе Преннингера высылал ему собственные переводы Ямвлиха, Прокла и Синезия и указывал дату своего рождения и даже констелляцию небесных светил, при которой он появился на свет⁹¹⁸. В апреле 1490 г. Фичино информировал о выходе в свет «Трех книг о жизни» и обещал прислать в дар ее экземпляр – таким образом он благодарил за преподнесенные ему Преннингером кинжальные ножны, украшенные драгоценными камнями и золотом⁹¹⁹. В следующий раз Фичино сообщал, что письмо от 26 апреля 1490 г. с тремя рейнскими гульденами он еще не получил, тогда как другие письма Преннингера от 12 марта и 23 мая до него уже дошли. Впрочем, он тут же добавлял: «Не нужно мне от тебя, Мартин, ни золота, ни серебра, но только тебя; я удовлетворюсь одним тобой».⁹²⁰ Прямое отношение к Преннингеру имеет и предисловие к «Апологиям наслаждения», коими заканчивается десятая книга «Эпистол», в нем Фичино, используя символику чисел, рассуждает о платонической любви, связывающей его с «alter ego»⁹²¹.

Подобно Рейхлину, Преннингер направлял во Флоренцию к Фичино молодых немцев для прохождения наук; об этом известно из писем за июнь и июль 1491 г., в первом из них Фичино уверял сво-

917 *Ficinus M. Responsio petenti Platonicam instructionem et librorum numerum // Ep. lib. IX. P. 899. 1.* В тексте письма речь идет о работе позднеантичного платоника Альбина, которого в средние века именовали Алкином. См.: С. 56. Примеч. 115.

918 *Ficinus M. Responsio desideranti natalem suum et reliqua // Ep. lib. IX. P. 901. 2.*

919 *Idem. In librum de vita, de accepto dono // Ep. lib. IX. P. 908. 5.*

920 *Idem. Declaratio amoris amici // Ep. lib. X. P. 912. 2.*

921 *Idem. Prooemium in Apologos de voluptate // Ep. lib. X. P. 921. 2.* Фичино посвятил своему немецкому другу четыре из десяти апологий наслаждения (Ep. lib. X. P. 922-925). См.: *Marcel R. Op. cit. P. 323.*

его корреспондента в том, что позаботится о здоровье, воспитании и образовании своих подопечных, во втором – что они уже делают определенные успехи⁹²². Разузнав еще в 1489 г. о точной дате рождения флорентийского вождя платоников, его немецкий почитатель торжественно отметил этот день, 19 октября, в 1491 г. в Тюбингене «в собрании докторов и с большими издержками», о чем Фичино узнал от Штрелера, путешествовавшего вместе с Дионисием Рейхлиным по Италии, и по поводу чего горячо благодарил Преннингера⁹²³. В этом чествовании своего рода «живого классика», как бы нового воплощения платоновской мудрости, заметно подражание самому Фичино, описавшему в «Комментарии на «Пир» Платона...» празднование ученым миром Флоренции дня рождения и смерти афинского философа. Преннингер, увлеченный идеями Фичино, учившего о постоянном возобновлении в разные времена и у разных народов древней традиции «благочестивой философии», похоже, и в своем флорентийском наставнике поспешил увидеть возобновление этой традиции, создавая ему «настоящий культ»⁹²⁴.

Весной-ранним летом 1492 г., когда Преннингер по поручению герцога вюртембергского Эберхарда Бородатого, правил посольство к папе в Рим, он имел случай опять встретиться с Фичино, который упоминает об этом не раз⁹²⁵. Возможно, их беседами была спровоцирована посылка письма с «Гимнами Орфея», в котором Фичино сообщал о неопубликованных им ранних своих переводах и работах,

922 *Ficinus M. Charitas et pietas potissimum est sapientis officium // Ep. lib. XI. P. 926. 1; Idem. Rationes negotiorum suorum amico reddendae // Ibid. P. 928. 2.*

923 “Ioannes Streler ille vester, ac prope iam noster, legit mihi hodie partem epistolae ad se tuae, amoris erga nos ardentissimi plenam, qua praeterea significabas te natalem nostrum, et doctorum coetu, et magnifico sumptu celebravisse” (*Idem. Gratiarum actio // Ep. lib. XI. P. 929. 3* (письмо датировано ноябрем 1491 г.)).

924 *Marcel R. Op. cit. P. 535.*

925 См.: *Ep. lib. XI. P. 933, 937; XII. P. 949.* По мнению Р. Марсея (*Marcel R. Op. cit. P. 523-524*), Фичино встречался с Преннингером в апреле и июне 1492 г., когда немецкий посол ехал в Рим и обратно. 26 июня 1492 г. Фичино благодарил своего друга и покровителя Филиппо Валори, флорентийского посла в Риме, за великолепный прием, оказанный им вюртембергскому послу: “*Martinus Uranius, alter ego, ad nos reversus narravit hodie, quam amice, quamque magnifice eum exceperis*” (*Ficinus M. Causae prodigiorum in obitu principis contingentium // Ep. lib. XI. P. 932. 3*).

в том числе и о комментариях к Лукрецию⁹²⁶. В другом послании за август 1492 г. Фичино извещал о прибытии из Греции большой партии греческих рукописных книг, приобретенных Иоанном Ласкарисом еще по заказу Лоренцо Великолепного, но полученных уже его сыном Пьеро; в приложении к письму даны выдержки из перевода Проклова комментария к «Государству» Платона⁹²⁷.

Неоднократно через Штрелера Преннингер просил Фичино указать круг его друзей и учеников, что тот и сделал в специальном послании, назвав имена восьмидесяти лиц, которых с полным основанием можно отнести к товариществу, известному как флорентийская Платоновская академия⁹²⁸. Последнее из дошедших до нас посланий к Преннингеру посвящено звездам – излюбленной теме обсуждений обоих гуманистов⁹²⁹.

Переписка Фичино и Преннингера – имевшая не частный характер, но предназначенная к публичному распространению – стала наиболее важным средством прямого влияния идей и культурных устремлений флорентийского неоплатонизма на направление духовных исканий гуманистических кругов Германии⁹³⁰.

Помимо Преннингера, Фичино адресовал также письма лицам, близко с ним связанным. Герцогу Эберхарду Вюртембергскому, на службе у которого состоял Преннингер, он сообщал, как его подданный, находясь в Италии, превозносил доблести своего государя⁹³¹, или доказывал Фичино, что среди германских князей Эберхард занимает такое же выдающееся положение, какое Солнце среди других

926 *Ficinus M. Opiniones non temere divulgandae. Item Orphei carmina // Ep. lib. XI. P. 933-935. См.: Гл. I. С. 39-42.*

927 *Idem. Prooemium in compendium Proculi // Ep. lib. XI. P. 937-943.*

928 *Idem. Catalogus familiarum atque auditorum // Ep. lib. XI. P. 936. 2. Целлер насчитывает 90 персон в этом письме, вероятно, принимая иногда трех- или двухчастные имена за названия двух или трех разных лиц (Zeller W. Op. cit. P. 72-73).*

929 “Iuvat una tecum mi Uranie vir coelestis coelestia saepe tractare” (*Ficinus M. Saepe in coelestibus gemini sunt. Item Soles duo // Ep. lib. XII. P. 949-950*).

930 См. также: *Zeller W. Op. cit. P. 75.*

931 *Ficinus M. Laudes legitimi principis // Ep. lib. XI. P. 932. 4.*

светил⁹³². В этой связи вполне логичным было то, что летом 1492 г. Фичино посвятил Эберхарду первую, краткую редакцию своего трактата «О Солнце»⁹³³. Видимо, по рекомендации Преннингера Фичино завязал отношения с Георгом Хервартом из Аугсбурга, адресуясь к которому он в апреле 1491 г. как о близком друге отзывался об их общем знакомом: «Если ты любишь Марсилию, люби Мартина по фамилии Пнингер [Преннингер – О.К.]...»⁹³⁴. Это был ответ на полученные от Херварта ценный подарок – кубок из золота и серебра – и письмо, которое, надо полагать, из уважения к дарителю Фичино включил в свою переписку и в котором новый немецкий почитатель флорентийского платоника уверял, что день их встречи – самый радостный и счастливый в его жизни⁹³⁵.

Из переписки Фичино известно также о его добрых отношениях с кельнским каноником Менкением, которого, повредившего в пути ногу в январе 1494 г., в качестве врача он навел в Флоренции и который выразил желание следить за изданием (видимо, переизданием) «Трех книг о жизни»⁹³⁶. С Павлом Миддельбургским, нидерландским математиком и медиком, находившимся с 1482 г. на службе у герцога Урбинского Гвидобальдо да Монтефельтро, Фичино сошелся на почве их общего увлечения астрономической наукой, которую, по утверждению флорентийского платоника, тот усовершенствовал; об этом сказано в знаменитом письме о «золотом веке» (сентябрь 1493 г.), в нем, адресуясь к Павлу, Фичино вел

932 *Idem*. Prooemium in comparationem Solis ad Deum // Ep. lib. XI. P. 944. 2. См. об этом также: *Klibansky R.* The continuity of the Platonic tradition during the Middle Ages. Outlines of a corpus platonicum medii aevi. London, 1939. P. 43-48.

933 См.: *Kristeller P.O.* Introductio. P. CXI-CXIV.

934 “Quamobrem si Germani comiter omnes mihi sunt germani, quid dicam de viris amicisque inter vos egregiis? De Martino Uranio amico coelesti?... Ac si Marsilium amas ama Martinum cognomine Pnyngerum [Praenyngerum], si me cupis amore quodam coelesti complecti, Uranium Amorem meum tota mente complectere...” (*Ficinus M.* Responsio pro dono argentei calicis // Ep. lib. XI. P. 924-925).

935 См.: *Georgius Herivart Augustinensis* Marsilio Ficino Platonico Epistola de dono argentei calicis // Ep. lib.. XI. P. 924. 2.

936 *Ficinus M.* Menchen Sacerdoti Coloniensi praeclaro iuris canonici professori magnae Coloniae antistitis secretario // Ep. lib. XII. P. 955. 3.

речь о совершаемом в их время и с их, Павла и Фичино, участием грандиозном культурном перевороте⁹³⁷.

О том, сколь пристально ученый мир Германии следил за публикациями уже прославившегося своими трудами главы флорентийской Платоновской академии, свидетельствует Иоганн Штрелер. В послании к Иоганну Капниону (гуманистическое прозвище Рейхлина) за 1491 г. он, именуя Фичино «отцом нашим» (*pater noster*) (подразумевались, по-видимому, немцы, находившиеся во Флоренции под присмотром Фичино), сообщал, что Плотин еще не вышел из печати и будет он стоить два рейнских гульдена, что для него, Капниона, он уже купил Платона (конечно, в Фичиновом переводе) и «Платоновское богословие», недавно перед тем отпечатанное в Венеции. Позже, в июле 1492 г., тому же лицу он пишет о завершении издания Плотина и спрашивает, интересуется ли оно его, а также доводит до сведения адресата предложение Мартина Бремингера [Преннингера?] уступить по договорной цене (*de expensis tu cum eo convenias*) труды Платона, «Платоновское богословие» Фичино, «Гептапл» Пико и «Смесь» Полициано⁹³⁸.

Таким образом, на пике и к концу своей ученой карьеры Фичино нашел среди немцев немало приверженцев, которые, проявив чрезвычайный интерес к его трудам и религиозно-философским исканиям, обеспечили ему устойчивое и долговременное влияние на последующее развитие гуманистической мысли Германии и других стран заальпийской Европы.

§ 3. Франция

В сентябре 1496 г. Марсилий Фичино был, несомненно, ободрен свидетельством о его популярности на берегах Сены, присланным старейшим французским гуманистом Робером Гагеном: «Твоя доблесть и мудрость столь хорошо известны в нашей Парижской Академии, что имя твое почитают и прославляют как в собраниях

⁹³⁷ Idem. *Laudes seculi nostri tanquam aurei ab ingeniis aureis* // Ep. lib. XII. P. 944. 3 (См. перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 268-269).

⁹³⁸ См.: SF. Vol. II. P. 306.

ученых мужей, так и в школьных классах». Далее он говорит о широком использовании Фичиновых переводов Платона, о том, что славу флорентийского гуманиста умножили Плотин, переложенный им на латынь, и другие плоды его ученых бдений (*alia lucubrationis tue volumina*), а также опубликованная им переписка (*familiares epistole*), из-за которой многие парижские студенты воспылали желанием увидеть его воочию и познакомиться лично с человеком столь высокой учености. Заканчивает Гаген просьбой к Фичино принять и присмотреть за прохождением наук во Флоренции одного из своих молодых друзей и соотечественников⁹³⁹.

Завязались отношения Фичино с французскими интеллектуалами, интересовавшимися новейшими достижениями итальянского гуманизма, не позднее 1491-1492 гг., когда Жак Лефевр д'Этапль, совершая поездку по Италии, наведаясь во Флоренцию⁹⁴⁰. Там он, по видимому, встречался с Фичино и, вне всякого сомнения, с людьми из его окружения⁹⁴¹. Учитывая интересы французского гуманиста, богослова и издателя, оправданно предположить, что по возвращении из Италии в 1492 г. он участвовал в парижской публикации «Трех книг о жизни»⁹⁴². В начале следующего, 1493 г., он написал под влиянием этого Фичинова трактата и «Тезисов» Джованни Пико делла Мирандола сочинение «О натуральной магии» (*De magia naturali*), посвященное Герману де Ганэ, которое, впрочем, так и не напечатал⁹⁴³. Но самым большим вкладом Лефевра д'Этапля в популяризацию трудов Фичино стали публикации латинских переводов «Герметического свода», первым изданием вышедшего в Париже летом 1494 г. со скромными пояснениями (*argumenta*) самого Лефевра, признававшегося,

939 *Gaguinus R. Epistole et orationes. Ed. L. Thuasne. Paris, 1904. N 76; SF. Vol. II. P. 242.*

940 *Renaudet A. Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie (1494-1517). Paris, 1916. P. 135-145.*

941 *Vasoli C. Sugli inizi della fortuna di Ficino in Francia: Germain et Jean de Ganay // Les cahiers de l'humanisme. Vol. II. Marseille Ficino ou les mystères platoniciens. Actes du XLII Colloque international d'Etudes Humanistes. Tours, 1999 (P. 299-312). P. 300.*

942 *Renaudet A. Un problème historique: la pensée religieuse de Jacques Lefèvre d'Étaples // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi. Firenze, 1955. Vol. II (P. 621-650). P. 631; Vasoli C. Op. cit. P. 301.*

943 *Renaudet A. Un problème historique... P. 631; Vasoli C. Op. cit. P. 301.*

что предпринял сей труд, «движимый как любовью к Марсилию Фичино (который почитаем им как отец), так и величием Меркуриевой мудрости»⁹⁴⁴; впрочем, во втором издании «Герметического свода» (Париж, 1505 г.⁹⁴⁵) этого превознесения Фичино уже не было, а в обновленных пояснениях к нему открыто осуждалось магическое искусство⁹⁴⁶. Нет нужды доказывать, что Лефевр д'Этапль, как и другие пропагандисты трудов Фичино за Альпами, мог, руководствуясь своими установками, изменять, а то и прямо исказить мысль флорентийского платоника. И все же один пример... Публикуя Дионисия Ареопагита в переводе Амвросия Траверсари (1481 г., переизд. – 1498 г.), Лефевр в числе прочих свидетелей называл и Фичино, утверждая, что платоники – Нумений, Филон, Плотин, Ямвлих, Прокл – восприняли (*usurpaverunt*) от Иоанна, Павла, Иерофея, Дионисия Ареопагита все богословское учение, а затем присовокуплял: «Если бы сей Марсилиий не хотел быть снисходительнее ко врагам христианской мудрости, он бы открыто признался – украли»⁹⁴⁷. Разумеется, и содержание, и тональность этого замечания далеки от того, что писал о путях развития древнейшего богословия сам Фичино.

Еще более тесные отношения сложились у Фичино с Германом де Ганэ, каноником соборов Парижа и Буржа, а с 1497 г. – епископом Кагора, представителем той части служилой французской аристократии, которая живо интересовалась новейшими духовными веяниями эпохи и оказывало поддержку людям культуры; Герман де Ганэ покровительствовал, в частности, Лефевру д'Этаплю, позже – Шарлю

944 “Curavit libenter qua valuit diligentia Faber Stapulensis ex vitiato exemplari hoc opus reddere castigatum: tum amore Marsilii Ficini (quem tamquam pater veneratur), tum Mercuri sapientie magnitudine permotus” (*Mercurius Trismegistus. Liber de potestate et sapientia Dei. Parisiis, 1494, P. IIIv*).

945 *Idem*. Pimander. Asclepius. Crater Hermetis Lazarelo Septempedano. Parisiis, 1505.

946 См.: *Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol. I. P. LVII-LVIII, CXXX-CXXXI; Vasoli C. Op. cit. P. 301; Йейтс Фр.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.). С. 160.*

947 См.: *SF. Vol. II. P. 236. См. в этой связи: Walker D.P. The “Prisca Theologia” in France // JWCI. 1954. Vol. XVII. N 3-4 (P. 204-259). P. 217-221, 253-255; Tigerstedt E.N. The decline and fall of the Neoplatonic interpretation of Plato. Helsinki, 1974. P. 26-27; Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира. 1989-1990. М., 1993 (С. 46-63). С. 60. Сн. 45.*

де Бовелю. К весне 1494 г. он был уже близок с Фичино настолько, что флорентийский гуманист мог назвать его «дражайшим моим Германом», братом, рожденным общей матерью их Философией⁹⁴⁸; а постольку поскольку у братьев ничего не должно быть порознь, то Фичино решил предоставить ему все свои работы: «Итак, я пошлю тебе вначале уже переписанные для тебя книги Дионисия и многих платоников [по-видимому, Порфирия, Ямвлиха, Синезия, Прискиана Лида, Михаила Пселла – О.К.], которых ты давно домогаешься. Потом комментарии к «Пармениду», с которых для тебя сейчас готовится список, затем последуют, пожалуй, комментарии к «Тимею» и «Софисту»... и [мои] «Письма»; в заключении сказано, что Фичино готов предоставить и перевод Плотина, если у его французского «собрата» этого труда совсем нет⁹⁴⁹.

Документ этот ценен прежде всего тем, что показывает, сколь охотно Фичино шел на распространение своих трудов за пределами Италии и в сколь большом объеме они, подчас едва завершенные (ведь в цитированном письме речь шла о работах конца 80-первой половины 90-х гг.), становились достоянием ученого мира Европы. Мотивами такой готовности поделиться своими разработками были не только славолубие и надежда на какое-то вознаграждение (о котором можно лишь гадать), но и с первых лет «платонического служения» вдохновлявшее Фичино убеждение в благотворности для духовного здоровья человечества открываемой богословской мудрости древних.

В следующем, написанном полгода спустя письме (октябрь 1494 г.) Фичино выражал надежду на то, что адресат скоро получит обещанные тексты платоников, и сожалел, что не смог из-за нерасторопности переписчиков отправить ему трактаты Дионисия Ареопита, тут же уверяя, впрочем, в быстрой их пересылке вместе с собранием своих писем (которое, кстати сказать, в действительности выйдет только в 1495 г.); он также сообщал об изготовлении списка комментария к «Пармениду» и работе над списком комментария к «Тимею»⁹⁵⁰.

948 “Salve igitur iterum dilectissime mi Germane, quem mihi re vera germanum communis peperit Philosophia mater” (*Ficinus M. Sapientes filii sunt Minervae, haec Philosophiam parit, Philosophia Philosophos // Ep. lib. XII. P. 957. 2*).

949 Ibid.

950 *Ficinus M. Multifaciendum est laudari a laudato viro // Ep. lib. XII. P. 960. 2*.

Затем последовало вторжение французов во Флоренцию (17 ноября), едва не закончившееся разграблением города. В этих условиях Фичино ободряло то обстоятельство, что в составе французского войска находился брат Германа Жан де Ганэ, президент парламента и канцлер короля; получив рекомендательное письмо от Германа, между 12 и 24 декабря 1494 г. Фичино направился к его брату, которого застал у монарха, о чем и отписал Герману⁹⁵¹. Чтобы закрепить наладившиеся отношения, он одарил Жана де Гане и историографа короля Паоло Эмили списком своего недавно созданного трактата «О Солнце»⁹⁵².

Впрочем, связи с пришельцами из-за Альп Фичино начал налаживать еще раньше. Уже в сентябре 1494 г. Жан Матерон де Салиньяк, посланный французским королем Карлом VIII к Пьеро Медичи, дабы договориться об условиях прохода королевской армии через территорию Флорентийского государства, получил от Фичино копии его сочинений «О Солнце» и «О свете» с посвятителным письмом, в котором флорентийский гуманист, превознося «Фебову мудрость и блеск добродетели» французского посла, рассуждал об Аполлоне-Солнце, источнике света, тепла, гармонии, знания, начале красоты, дружбы и любви, образе небесного Бога; moreover, эти характеристики Аполлона-Солнца могли легко быть восприняты и как славословие королю⁹⁵³.

Самому французскому монарху, когда он вступил во Флоренцию, Фичино посвятил речь, в которой называл его Божьим посланцем, предназначенным освободить от владычества варваров Святую Землю, «королем-миротворцем», пришедшим в Италию вернуть себе наследственные владения и установить справедливый мир, а также оборонить не только своих подданных, но и весь круг земель Божьих от турок⁹⁵⁴. В своей речи Фичино повторял общие места про-

951 *Ficinus M. Gratulatio pro literis diu expectatis* // Ep. lib. XII. P. 963. 2. См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 547; *Vasoli C. Op. cit.* P. 305-306.

952 См. письма к Жану де Гане и Паоло Эмили: *Ficinus M. Pro libro de Sole* // Ep. lib. XII. P. 964. 2; *Idem. Pro libro de Sole* // Ep. lib. XII. P. 964. 3. См. также: *Marcel R. Op. cit.* P. 548; *Vasoli C. Op. cit.* P. 308.

953 *Ficinus M. De love amicabili et Apolline pro libro de Sole. Oratio ad Ioannem Matheronem magni Gallorum regis inclytum oratorem* // Ep. lib. XII. P. 959. 4.

954 *Ficinus M. Oratio ad Carolum magnum Gallorum regem* // Ep. lib. XII. P. 960-961.

французской пропаганды, развернутой в это время⁹⁵⁵; однако, как и в тех случаях, когда он обращался к венгерскому королю и к папе, так, похоже, и в этом он действовал не только в собственных видах, но и в интересах своей коммуны, в частности «подсказывая» французскому монарху антиосманское направление политики, выгодное прежде всего итальянцам.

Что, в итоге, дошло из обещанного Фичино до Германа де Гане, который при жизни флорентийского гуманиста из всех французов проявлял наибольшую заинтересованность в его трудах? П.О. Кристеллер нашел кодекс, принадлежавший Герману, в котором содержались комментарии к Павловым посланиям, выдержки из Фичинова перевода трактата Ямвлиха «О таинствах...» и заметки (*annotationes*) из комментария к «Пармениду»⁹⁵⁶. Скорее всего в нем представлены далеко не все труды Фичино, которыми он поделился со своим французским почитателем. В марте 1495 г. он оповестил Германа о смерти своих друзей – Джованни Пико, приключившейся в тот самый день, когда французские войска вошли во Флоренцию, и о смерти Анджело Полициано двумя месяцами раньше, – присовокупив краткие реестрики их трудов⁹⁵⁷. А позже в качестве своего рода утешения послал ему рукопись с переводом трактата Афинагора «О воскресении»⁹⁵⁸.

Последним из известных нам писем Герману де Ганэ стало обнаруженное П.О. Кристеллером в первом издании Фичинова перевода Афинагора (Париж, 1498 г.) послание, содержащее комментарий к орфическому гимну о природе⁹⁵⁹. Как видно из контекста, этот Де Гане еще прежде просил прислать ему сочинение, приписываемое

955 Об этом см.: *Vasoli C. Op. cit. P. 307-308.*

956 *Kristeller P.O. Introductio. Vol. I. P. CXXXII; Vasoli C. Op. cit. P. 308.*

957 *Ficinus M. Ad Germanum Ganaiensem // SF. Vol. II. P. 92-93.*

958 В кратком предисловии сказано: “Ego igitur ut te propter acebrum Politiani Picique virorum excellentium obitum moerentem pro viribus consolarer, statui ad te mittere quae ex libro Athenagorae Atheniensis philosophi excerpsti interpretatus e Graeco” (*Ficinus M. Athenagorae de resurrectione excerpta ad Germanum Ganaiensem // Op. om. P. 1871.*)

959 *Ficinus M. dilectissimo Germano // SRTL. P. 96-97.* Русский перевод О.Ф. Кудрявцева см.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского. М., 2004. С. 269-270. См. также: *Kristeller P.O. The scholastic background of Marsilio Ficino // SRTL (P. 35-101). P. 50-54; Vasoli C. Op. cit. P. 308-311.*

легендарному Орфею, переложение которого на латынь было выполнено Фичино в 1462 г., в числе его первых опытов перевода с древнегреческого. Любопытно, что Фичино, который ранние переводы не публиковал и никак не популяризировал, опасаясь прослыть пропагандистом языческих религиозных культов⁹⁶⁰, удовлетворил желанию своего французского почитателя и переправил ему выполненную им латинскую версию орфического сочинения, снабдив ее толкованием. Это, несомненно, свидетельствует об особом доверии, установившемся между главой флорентийских платоников и Германом де Ганэ. И увлеченный изучением древнейших богословских тайн французский последователь Фичино не обманул ожиданий наставника: опубликовав его письмо, текст самого источника он не напечатал.

§ 4. Англия

Отношения Фичино с гуманистическими кругами Англии должны были завязаться не позднее 1485-1486 гг., когда кентерберийский монах Уильям Шеллинг, которого можно отнести к первым тамошним гуманистам, наряженный послом к папе Иннокентию VIII, проезжал через Флоренцию (впервые Шеллинг посетил Италию в 1464 г., приобретя там ценные греческие рукописи)⁹⁶¹; в этом городе он оставил одного из лучших своих учеников Томаса Линакра (1485-1486 гг.), вслед за которым там появился Уильям Гроцин (1488-1490 гг.); и тот и другой изучали во Флоренции греческую словесность под руководством Анджело Полициано и других ее знатоков⁹⁶². Основываясь на ранних своих впечатлениях, Линакр в посвящении к изданию греко-латинского словаря Джулио Полидевка (Флоренция, 1521 г.) первым в числе тех, кои свидетельствовали собой о расцвете духовной жизни Флоренции времен Лоренцо Великолепного, называл «Марсилия Фичино, единственного, кто тогда учением и нравами подражал Платону»⁹⁶³.

960 См. С. 46.

961 Marcel R. Marsile Ficin. P. 535.

962 См. подробнее: *Idem*. Les découvertes d'Erasmus en Angleterre // *Mélanges Renaudet*. Genève, 1952 (P. 117-126). P. 119-120; *Осиновский И.Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978. С. 58.

963 “Floruerunt nostra aetate Florentiae bonae disciplinae cui rei testes sunt nobis eruntque posteritati Marsilius Ficinus solus sua aetate Platonem moribus et doctrina imitatus...” (Цит. по: Marcel R. Marsile Ficin. P. 248. N 2).

Более тесные отношения сложились у Фичино с близким другом Линакра и Гроцина Иоанном Колетом, который в 1492-1496 (?) гг. обучался богословию во Франции (Орлеан, Париж) и Италии (Рим)⁹⁶⁴ и в связи с этим интересовался трудами Фичино и Джованни Пико⁹⁶⁵. Нет никаких данных, подтверждающих принятое в историографии мнение⁹⁶⁶, будто Колет был знаком с Фичино⁹⁶⁷, более того, он сам выражал сожаление, что никогда не видел флорентийского платоника⁹⁶⁸; тем не менее сохранившиеся фрагменты переписки между ними свидетельствуют об определенной духовной близости этих двух гуманистов-богословов.

Первым, как видно, начал Колет⁹⁶⁹. В своем послании к Фичино (конец 1498 г.) Колет почтительно назвал его Солнцем. Польщенный Фичино мягко ему возразил в феврале 1499 г., обыграв одно из положений своей философии любви: сила любви – наставлял он своего юного английского корреспондента – проявляет себя в том, что любящий человек образ любимого в своем сознании делает совершеннее, чем он есть на самом деле; вот и «ты, любящий Иоанн, лишь только увидел свет духа нашего, сверкающий в писаниях [наших] так же, как Луна в воде, почти согласный с твоим духом, еще сильнее воспытал любовью и, одержимый ею, тотчас принял Луну за Солнце»⁹⁷⁰. В письме этом, обнаруженном в экземпляре венецианского издания «Эпистол» 1495 г., которое хранится в Оксфордской библиотеке, и впервые опубликованном Р. Марселем⁹⁷¹, обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, Фичино не случайно выбирает для себя

964 Jayne S. John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963. P. 16-21. О Колете, его жизни и трудах см. подробнее: Софронова Л.В. Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М., 2016. С. 124-135.

965 Miles L. John Colet and the Platonic tradition. London, 1961.

966 См.: Lupton J.H. A life of John Colet. London, 1909 (1 изд. – 1887). P. 51-55; Marcel R. Les découvertes d'Érasme en Angleterre. P. 122; Осиновский И.Н. Указ. Соч. С. 58.

967 См.: Jayne S. Op. cit. P. 17-20; Софронова Л.В. Джон Колет. С. 131, 132.

968 Jayne S. Op. cit. P. 20, 82.

969 Jayne S. Op. cit. P. 20, 82.

970 Текст письма см.: Ibid. P. 81. Анализ переписки и ее перевод на русский язык см.: Софронова Л.В. Проблема интеллекта-воли в переписке Д. Колета и М. Фичино // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Белгород, 2002. Ч. I. С. 96-103.

971 Marcel R. Marsile Ficin. P. 575. N 2.

образ Луны, ибо образ Солнца, само собой разумеется, по праву мог быть отнесен только к Платону, отражением которого – и в учении, и в жизни – хотел быть его ренессансный последователь; во-вторых, ясно сказано о знакомстве Колета с трудами (*scriptis*) Фичино.

Из трудов Фичино Колет определенно и очень хорошо знал «Эпистолы», оксфордский экземпляр которых испещрен его маргиналиями⁹⁷². По длинным заимствованиям из «Платоновского богословия» ясно, что Колет освоил и эту работу Фичино⁹⁷³. Возможно, ему был известен также трактат «О Солнце и свете», вышедший в начале 1493 г., чтение которого могло подсказать ему мысль сравнить Фичино с Солнцем⁹⁷⁴.

Варианты своего ответа – эти черновики и неокончателный текст только и сохранились – Колет писал весной 1499 г. на обороте скопированной им эпистолы Фичино. Именно в них Колет говорит о том, как он хотел бы повидать Фичино, а также к полученному письму просит прислать еще одно письмо⁹⁷⁵. И Фичино откликнулся. Летом 1499 г. он направил Колету послание, гораздо пространнее первого, доказывая в нем превосходство разума перед любовью, влечением и волей⁹⁷⁶.

Этими двумя письмами с философскими рассуждениями на темы, к которым Фичино часто обращался в своих произведениях, его заочное наставничество Колета в платонической науке и завершилось. Стоит отметить, что в этот же период увлечение английского богослова-гуманиста идеями афинского философа засвидетельствовано еще одним документом – письмом Эразма Роттердамского, отправленном из Лондона в декабре 1499 г. Роберту Фишеру. Восторженно отзываясь о своих английских знакомых Гроцине, Линacre, Море, о Колете Эразм писал: «Когда я слушаю моего Колета,

972 Эти маргиналии опубликованы в кн.: *Jayne S. Op. cit.* P. 84-132; *Софронова Л.В. Джон Колет. С. 189-214.*

973 *Jayne S. Op. cit.* P. 49-50. См. также: *Софронова Л.В. Джон Колет. С. 186-189.*

974 *Jayne S. Op. cit.* P. 18-19; *Софронова Л.В. Джон Колет. С. 214-216.*

975 “Te ipsum si iam videre et cernere potero, beatus erro [=ero]. Spe vivo videndi tui... Hunc annum tua epistola me tenuisti (=tenuisti) in vita. Ei alteram adde...” (текст письма см.: *Ibid.* P. 82)

976 См. текст этого письма: *Ibid.* P. 82-83.

мне кажется, что я слышу самого Платона»⁹⁷⁷. Обращает на себя внимание, что Колет выступал в Оксфорде с «Толкованиями на Послания Блаж. Павла к Римлянам» в 1498-1499 гг.⁹⁷⁸, то есть вскоре после того, как Фичино был занят публичным комментированием этого же произведения во Флоренции (1496-1497 гг.). И, вполне возможно, что такое совпадение – не простая случайность. Во всяком случае некоторые положения, высказанные Колетом, говорят об идейной близости двух мыслителей. Так, подобно Фичино, он обрушивается с критикой на принцип частного владения имуществом, узаконенный, как сказано в «Толкованиях на Послания апостола Павла...», правом народов (*jus gentium*), противный изначально установлениям благой природы, повелевающей всем иметь все сообща (*omnium rerum communione*). О предпочтении порядка общности, единства людей такому состоянию, когда они разделены собственностью, преследованием каждый своей выгоды (*proprium commodum*) он с осуждением пишет в другом своем произведении «О мистическом теле Христовом»⁹⁷⁹. Имея в виду, что позже, в «Утопии» Томаса Мора,

977 “Coletum meum cum audio, Platonem ipsum mihi video audire” (*Erasmus Roterdamus D. Opus epistolarum*. Ed. P.S. et H.M. Allen. Oxonii (1906-1958; T. I-XII), 1906. T. I. N 118. P. 273-274).

978 О новозаветной экзегезе Колета, о влиянии на нее итальянских платоников и проблемы ее датировки см.: *Seebohm Fr. The Oxford reformers. John Colet, Erasmus and Thomas More*. London, 1869. P. 29-42; *Duhamel P.A. The Oxford lectures of John Colet: an essay in defining the English Renaissance* // *JHI*. 1953. Vol. 14. N 4. P. 493-510; *Jayne S. Op. cit.* P. 29-55; *Григорьева И.Л. Оксфордский гуманизм рубежа XV-XVI вв. и контакты с ним Эразма* // *Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение*. Иваново, 1980 (С. 80-94). С. 85-87.

979 *Coletus J. Epistolae B. Pauli ad Romanos Expositio. IV* // *Opuscula quaedam theologica*. Ed. J.H. Lupton. London, 1966 (P. 197-281). P. 259-260; *Idem. De corpore Christo Mystico* // *Ibid.* (P. 185-197). P. 185-187 (1 изд. – 1876 г.). Соответствующие рассуждения Фичино см.: С. 358 и далее. Впрочем, Л.В. Софронова (Джон Колет. С. 217, 218) призывает более осторожно ценить возможную идейную близость Фичино и Колета, среди прочего, и по вопросу осуждения ими частного владения имуществом.

В идейном наследии Колета и Фичино есть другие черты сходства, заслуживающие внимания. По мнению Л. Майлза, на Колета также оказали влияние концепция любви как связующей силы универсума, как средства,

эти идеи и главы флорентийских платоников, и его английского корреспондента получают более полное и обстоятельное обоснование и выражение, творчество Колета с полным основанием можно рассматривать как необходимое звено в развитии общежительных идеалов ренессансного гуманизма⁹⁸⁰.

§ 5 Польша

Известно лишь одно лицо из Польши, с которым Фичино поддерживал на протяжении ряда лет активные и, пожалуй, дружеские отношения, хотя единомышленниками их назвать невозможно. Это – бежавший после разгрома в 1468 г. папой Павлом II римской академии Помпония Лэта сначала в Турцию, а с 1469-1470 гг. обосновавшийся в Польше Филиппо Буонаккорси, известный также под именем Каллимаха Римского и академическим псевдонимом Эсперiente. Он занимал высокие должности и был весьма влиятельным человеком при польском королевском дворе⁹⁸¹. Сохранилась переписка между Фичино и Каллимахом, по три письма с одной и с другой стороны⁹⁸². Первым ранее 1485 г. написал Фичино⁹⁸³, приветствуя своего «сотоварища-платоника Каллимаха» и восхищаясь его разносторонностью,

преобразующего любящего в объект его любви, интерпретация оправдания в понятиях взаимной любви между человеком и Богом и некоторые иные положения главы флорентийских платоников (*Miles L. Op. cit.* P. 168-169 и в др. местах).

980 См. подробнее: Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 125, 152-154.

981 См. о нем работы: *Uzielli G. Filippo Buonaccorsi, Callimaco Esperiente di San Gimignano // Miscellanea storica della Valdelsa.* 1898. Vol. VI. P. 114-136; 1899. Vol. VII. P. 81-112; *Забугин Вл. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование.* СПб., 1914. С. 22-29 и далее; *Kieszkowski B. Filippo Buonaccorsi detto Callimaco e le correnti filosofiche del Rinascimento // GCFl.* 1934. Vol. XV. P. 281-294; *Сассато D. Buonaccorsi Filippo // DBI.* 1972. Vol. 15. P. 78-83; *Лунатов А.В. Буонаккорси Филиппо // КВЭ. Т. I. С. 258, 259.*

982 См.: *Domanski J. La fortuna di Marsilio Ficino in Polonia nei secoli XV e XVI // MFRP (P. 565-567).* P. 566-567.

983 О вариантах датировки этой переписки см.: *Черняк И.Х. Polemica между Филиппом Каллимахом и Марсилио Фичино // Гуманизм и религия. Л., 1980 (С. 93-106).* С. 94-96.

объяснение которой он искал в популярной среди неоплатоников теории о том, что качества характера человека уже с рождения определены его демоном-покровителем⁹⁸⁴. Однако это дружеское обращение к нему как к «сотоварищу-платонику» не удержало Каллимаха от полемики⁹⁸⁵, в которой он указывал, что в человеке душа не оставляет места для какой бы то ни было другой духовной сущности⁹⁸⁶.

Затем Фичино писал Каллимаху в апреле 1485 г., сообщая, что он занят переводом Плотина⁹⁸⁷; на это письмо Каллимах отреагировал, по-видимому, в самом конце 1486 г. шутливо-игривым и в то же время исполненным почтения посланием Фичино, названному в нем «ученейшим восстановителем Академии» (*Achademie restitutor doctissime*) и «украшением нашего века» (*seculi nostri decus*). Из него мы узнаем, что состоялось личное знакомство двух гуманистов; Каллимах обещал своему флорентийскому другу обсудить кое-какие «вопросики» (*questiunculas*), когда тот закончит перевод Платона⁹⁸⁸. Кроме ответного письма, как явствует из прибавки к нему, сделанной гуманистом, представителем известной флорентийской купеческой семьи Латтанцио Тедальди, Каллимах через него направил Фичино также кое-какие «экзотические» подарки: «меховое обла-

984 *Ficinus M. Quomodo singuli angelos custodes habeant // Ep. lib. VIII. P. 865-866.*

985 *Appellando me conplatonicum preclusisti mihi aditum tendendi contra scripta tua, que non ex Platonis inventis educta sed ab ipso penitus prolata [probata?] videntur" (Callimachus. Libellus de daemonibus ad Ficinum // SF. Vol. II (P. 225-228). P. 225).*

986 *Ibid. P. 226-228.* Подробнее о полемике Фичино и Каллимаха см.: *Radetti G. Demoni e sogni nella critica di Callimaco Esperiente al Ficino // Umanesimo e esoterismo. Padova, 1960 (P. 111-121). P. 112-116; Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979. P. 281-282; Черняк И.Х. Указ. соч. С. 97-101; Domanski J. Op. cit. P. 568-569; Смирнова Т.И. Переписка Каллимаха Эсперiente с Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. N 1 (С. 18-28). С. 21-24.*

987 *Ficinus M. Excusatio quando brevius respondetur amicis // Ep. lib. VIII. P. 870. 5.*

988 *Callimachus. Epistola ad Ficinum // SF. Vol. II. P. 224-225.* В письме какое-то недоразумение: либо Каллимах не знал, что сочинения Платона в переводе Фичино увидели свет в конце 1484 г., что выглядит странным, либо произошла описка или опечатка и вместо Плотина, над которым Фичино работал в тот момент, появилось имя Платона.

чение из куницы, другое меньшего размера облачение из пуха какой-то птицы, меч с рукоятью из рога, похожего на камень яшму (вещь замечательнейшая) и пару обуви из скифской кожи»⁹⁸⁹.

Новый обмен письмами состоялся в 1488 г. уже по инициативе польского корреспондента, который сообщал Фичино о пожаре, уничтожившем все его имущество; погибли в огне и «вопросики», предназначенные им Фичино, коего он шутливо-уважительно именует «населником и строителем Платоновского сада» (*rigatorem et colonum Platonice silve*). Стоит обратить внимание, что за Фичино Каллимах признает право на учительство, за собой – учиться у него⁹⁹⁰. Стараясь найти философское утешение для своего друга, в ответном послании Фичино сослался на учение Орфея, согласно которому «все должно уничтожиться в огне»⁹⁹¹.

С этого времени никаких свидетельств о прямых контактах Фичино и Каллимаха не осталось. Тем не менее, по мнению некоторых исследователей, интерес итальянско-польского гуманиста к идеям Фичино сохранялся в последующие годы. Так, в его «Предисловии к соннику Леона Туска» (*Praefatio in Somniarum Leonis Tusci*), которое было создано в 1495 г., они усматривают скрытую полемику с Фичино (не названного по имени), доказывавшим, что во сне душа становится свободна от тела и всех с ним связанных действий; вопреки этой концепции в сочинениях Каллимаха отстаивалась неразрывная связь души с телом, которая проявлялась также во снах⁹⁹².

989 Каллимах подарил Фичино “*veste pellicea ex marturis, et item donavit illi parvam vestem pelliceam ex pelle cuiusdam avis et gladium cuius ansa erat ex cornu cuiusdam animalis lapidi jaspidi similis, munus quidem pulcherrimum, nec non et unum calciamentorum ex corio scytico*” (SF. Vol. II. P. 225).

990 “*Nam cum scribo ad te nil aliud quero quam doceri. Itaque ademptus est tibi labor docendi, mihi vero discendi occasio*” (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum* // SF. Vol. II. P. 228-229). О Латтанцио Тедалди см.: Юсим М.А. Семейство Тедалди и его связи с Россией // Россия и Италия. М., 1993 (С. 84-95). С. 87-90.

991 *Ficinus M. In ignem omnia resolvenda secundum Orpheum* // Ep. lib. VIII. P. 891. 2.

992 Подробнее в связи со сказанным см.: *Domanski J. Op. cit.* P. 567-568.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ

ГЛАВА VI. «ЗЕМНОЙ БОГ», ИЛИ ЧЕЛОВЕК-АРТИСТ

*«Из всех проявлений божественной
премудрости человек – величайшее
чудо: божественная сила сочетала в
нем три разные природы в единой
форме»*

Данте

Учение флорентийской Платоновской академии именно потому стало одним из наиболее заметных явлений ренессансной идеологии, что содержало в себе развернутое и разностороннее теоретическое осмысление проблемы человека, центральной для мирозерцания и культуры той эпохи. Никакой мыслитель или писатель ни до, ни после Фичино не уделял этой проблеме столько внимания, а главное – не дал ей такого прочного философского обоснования, как глава флорентийских платоников. Конечно, во многих отношениях Фичино итожил то, что было сделано для разработки антропологии его ближайшими предшественниками от Франческо Петрарки до Николая Кузанского и Джаноццо Манетти, но это не умаляет оригинальности и самостоятельности его концепции, как ее не обесценило дальнейшее продолжение антропологической тематики в трудах гуманистов XVI в., в значительной мере лишь развивавших идеи, уже сформулированные или хотя бы намеченные Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, его товарищем и – очень часто – оппонентом.

До сих пор в историографии не обращали внимания на то обстоятельство, что Фичино не имел в виду разработать учение о человеке как таковое, оно складывается в его трудах как производное исследований в области психологии. Доказывая бессмертие индиви-

дуальной человеческой души – чему он посвятил главный свой труд «Платоновское богословие», – Фичино привлекал разные аргументы, чтобы продемонстрировать ее величие и могущество, особое положение и предназначение в мироздании, побуждающие с неизбежностью заключить о ее неразрушимости и неуничтожимости. Прежде всего он настаивал на том, что она занимает ключевое, центральное место во вселенском порядке вещей: «Мы все сходимся в том, что разумная душа, – писал он в 1474 г. к Якопо Браччолини, сыну Поджо, – помещается на горизонте, то есть на рубеже времени и вечности, обладая природой промежуточной между временной и вечной; и в качестве промежуточной она наделена разумными силами и способностями, устремляющими [ее] к вечным сущностям, а также силами и способностями, обращающими ее к временным сущностям. И поскольку из различных природ рождаются различные склонности, постольку – так как мы видим, что душа склоняется то к вечному, то к временному – мы убеждаемся, что она создана из той и другой природы»⁹⁹³.

В этом письме – как можно видеть и во многих других, посвященных тем или иным философско-богословским вопросам его посланиях друзьям и покровителям, – Фичино дал краткое резюме (напоминающее те аннотации, коими новеллисты предваряли свои «повестушки») положений, развернутых им в полной мере в главном его труде, в котором в совершенном согласии с традицией платонизирующей философии, ближе всего напоминая рассуждения Николая Кузанского, писал о пограничности души человека между разными, даже противоположными, природами, ее роли связующего звена мироздания, своего рода микрокосма, заключающего в себе все сущности⁹⁹⁴: «Мы собираем все [сущее] на пяти ступенях, распо-

993 «Anima rationalis quemadmodum omnes ibi convenimus in orizonte, id est, in confinio aeternitatis et temporis posita est, quoniam inter eterna et temporalia naturam mediam possidet, et tanquam media rationales vires actionesque habet ad aeterna surgentes, habet quoque vires operationesque declinantes ad temporalia. Merito cum ex diversis naturis inclinationes diversae nascantur eo ipso quod animam videmus, tum ad aeterna, tum ad temporalia vergere, eam ex utrisque naturis constitutam esse cognoscimus” (Ficinus M. *Animae natura et officium, laus historiae* // Ep. lib. I. P. 657-658).

994 Укажем фрагменты в сочинениях Николая Кузанского, по мысли и образу очень похожие на Фичиновы: “Как прекрасно она [вечная и нерушимая премудрость – О.К.] поместила связующее звено универсума

лагая Бога и Ангела в верхней части природы, Тело и Качество – в нижней, Душу же в срединной между наиболее высокой и наиболее низкой; справедливо мы ее называем третьей, или, на манер платоников, срединной сущностью, поскольку по отношению ко всем [другим] она в середине и с любой стороны третья. Опускаясь от Бога вниз, ее обнаружишь на третьей ступени спуска; а равно, восходя вверх от Тела, – на третьей ступени восхождения. По нашему мнению, сущность подобного рода в высшей степени необходима в природе»⁹⁹⁵. В цитированном отрывке Фичино создает подчеркнуто

(*corpulam universi*) – человека, этот микрокосм, – на верхней ступени чувственной и на нижней ступени умопостигаемой природы, соединив в нем как в посреднике нижнее временное и верхнее вечное. Она дала ему место на горизонте (*in horizonte*) времени и вечности, как того требовал совершенный порядок” (Николай Кузанский. Об охоте за мудростью. 32. Перевод В.В. Библихина // Сочинения. М., 1980. Т. 2. С. 399; *Nicolaus Cusanus. De venatione sapientiae.* 32 // *Nicolaus von Kues. Philosophisch-theologische Schriften.* Wien, 1964. Bd. 1. P. 148); “Но именно человеческая природа, вознесенная над всеми созданиями бога и немного уступающая ангелам, свертывает в себе и разумную и чувственную природы, сочетает внутри себя все в мире и за то справедливо именуется древними философами микрокосмом, малым миром” (Он же. Об ученом незнании. III. 3. Перевод В.В. Библихина // Сочинения. М., 1979. Т. 1. С. 150; *Idem. De docta ignorantia.* III. 3 // *Ibid.* P. 438). Впрочем, вопрос о том, был ли Фичино знаком с сочинениями Николая Кузанского, остается открытым.

О соединении в человеке противоположных природ, смертной и бессмертной, временной и вечной, и в силу этого его пограничном положении писали также: Эрцугена Иоанн Скот. О разделении природы. II. 9 Перевод Т.Ю. Бородай // Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. С. 85; *Eriugena Ioannes Scotus. De divisione naturae.* II. 9 // *PL.* T. 122. Col. 536; Филон Александрийский. Об устройении мира. XLVI. Перевод Т.Ю. Бородай // Чаша Гермеса. С. 34 (*Philo Alexandrinus. De opificio mundi.* XLVI // *LCL.* 1981. N. 226. P. 106). На эту тему см. подробнее: *Garin E. La “dignitas hominis” e la letteratura patristica* // *La Rinascita.* 1938. N. 4. (P. 102-146). P. 137-138; *Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in Italian Humanist thought.* Chicago, 1970 (Vol. 1-2). Vol. I. P. 185; Кудрявцев О.Ф. Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в “Утопии” Томаса Мора // *СВ.* 1993. Вып. 56 (С. 174-190); 1994. Вып. 57 (С. 158-169)). Вып. 56. С. 186-188.

⁹⁹⁵ *Ficinus M. Theologia platonica de immortalitate animorum.* III. 2 // *Op. om.* P. 119 (Фичино М. Платоновское богословие о бессмертии душ. III. 2. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Чаша Гермеса. С. 176).

антропоцентрическую картину мироздания, демонстрируя, что срединное положение человеческой души объективно предопределено установленным порядком вещей, или сущностей иерархии бытия. С этой целью принятой Платином шестичастной модели иерархии, коей в некоторых случаях Фичино оставался верен, он предпочитает пятичастную⁹⁹⁶, чтобы, отдавая разумной душе третью позицию, акцентировать ее центральное место. Все сущности, расположенные выше и ниже Души, только вечные и только подвластные времени, противоположны друг другу и «при отсутствии связующего звена бегут друг друга»; расположенная в промежутке между ними Душа, являющаяся «третьей сущностью», выступает в роли «некоей связи (*vinculum*) того и другого»⁹⁹⁷; именно поэтому она, подчеркивает Фичино не раз, «в высшей степени необходима»⁹⁹⁸. «Помещенная между ними сия третья сущность будет в состоянии удерживать более высокие сущности, не покидая более низкие, и, таким образом, свяжет в себе одни с другими. Ибо она [одновременно] неизменна и изменчива: тем она сходствует с более высокими, этим – с более низкими сущностями. Поскольку она сходствует с теми и с другими, она устремляется и к тем, и к другим. Отчего неким природным побуждением она возносится к более высоким и опускается к более низким сущностям. А возносясь, она не покидает низких, опускаясь же, – не оставляет высших. Ибо, покинув те или другие, она стала бы клониться к одной из крайностей и более уже не являлась бы действительной связью мира»⁹⁹⁹.

996 См. в связи с этим: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 56-57; Idem. The philosophy of man in the Italian Renaissance // SRTL (P. 261-278). P. 268; Schiavone M. Problemi filosofici in Marsilio Ficino. Milano, 1957. P. 230-231.*

У Платина см.: *Plotin. Enneades. III. 4. 1 и далее (Ed. par É. Bréhier. Paris, 1925. T. 3. P. 64).* В трудах Прокла, еще одного античного неоплатоника, идеи которого оказали значительное влияние на Фичино, в иерархии сущностей душа также не занимала центрального положения. См.: *Прокл. Первоосновы теологии. Перевод А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. ИАЭ. Высокая классика. М., 1974. С. 458-536; Он же. Платоновская теология. III. 6. Перевод Л.Ю. Лукомского. СПб., 2001. С. 167-174. См. также: Лосев А.Ф. ИАЭ. Высокая классика. С. 440; Он же. ИАЭ. Последние века. М., 1988. Кн. II. С. 63.*

997 *Ficinus M. Theologia platonica... III. 2. P. 119 (С. 177-178).*

998 *Ibid. P. 119-120 (С. 176, 181).*

999 *Ibid. P. 119 (С. 178).*

Таким образом Душа, эта третья, или центральная, сущность (считать ли сверху, от Бога и Ангела, или снизу, от Тела и Качества), выполняет мирозидательную функцию, именно ей вселенная обязана своим единством, потому что, сочетая различные виды и уровни реальности, Душа стягивает собой и в себе противоположные начала бытия; мир как единство различных частей существует, по убеждению Фичино, только благодаря Душе, без ее *онтологического посредничества* их связь распалась бы. И закономерно он ее превозносит, обыгрывая славословия человеку из герметического трактата «Асклепий» (который рассматривался как запись древнейшей богословской мудрости), в качестве «величайшего чуда в природе. Ибо из всех прочих вещей под Богом, – продолжает он, – каждая является в себе чем-то одним, она же является сразу всем. Она содержит в себе образы божественных вещей, от которых сама зависит; [а также] – разумные основания и подобию низших вещей, которые определенным образом сама производит. И будучи средоточием всего (*media omnium*), она обладает способностями всего; а если это так, то она переходит во все. И поскольку она есть истинная связь всего – когда направляется к одному, не оставляет и другого, но, направляясь к отдельному, сберегает всегда также целое – то заслуженно может быть поименована центром природы, средоточием вселенной, цепью мира, ликом всех вещей, а также узами и скрепой мироздания»¹⁰⁰⁰.

1000 “Nos maximum est in natura miraculum. Reliqua enim sub deo unum quiddam in se singula sunt, haec omnia simul. Imagines in se possidet divinarum, a quibus ipsa dependet. Inferiorum rationes et exemplaria, quae quodammodo et ipsa producit. Et cum media omnium sit, vires possidet omnium. Quod si ita est, transit in omnia. Et quia ipsa vera est universorum connexio: dum in alia migrat, non deserit alia, sed migrat in singula, ac semper cuncta conservat, ut merito dici possit centrum naturae, universorum medium, mundi series, vultus omnium, nodusque et copula mundi” (Ibid. P. 121; C. 182). О разумной душе как центре и связующем звене всего мироздания см. также: Ibid. I. 1. P. 79.

Ср. “Magnum miraculum est homo” в герметическом “Асклепии” и далее рассуждения, в которых доказывается совмещение в человеке разных природ, а также его характеристику как сущности, которая “одновременно есть все и повсюду” (Asclepius. 6-10 // СН. Vol. II. P. 301-309; см. перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Чаша Гермеса. С. 49-54). См. также соответствующие места в “Герметическом своде”: Corpus Hermeticum. I. 12-15 // Ibid. Vol. I. P. 10-12 (русский перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Чаша Гермеса. С. 41-42). См. об этом: Garin E. La “dignitas hominis” e la letteratura patristica. P. 131-134.

Есть еще один важный аспект, вытекающий из причастности души разным природам и сущностям, – ее универсальность; сочетая все уровни и типы бытия, она их в себе заключает. Это открывает перед ней безграничные возможности как в познании мира, так и в формах ее наличного бытия. «[Слова] «Познай самого себя», как видно увещевают нас познавать душу, которая, будучи средоточием вещей, – писал Фичино в предисловии к трактату «О душе» Феофраста, адресованном Филиппо Валори, по своему обычаю используя собственные философские выкладки для нравственных наставлений, – несомненно является всем, поэтому, познав ее, мы легко сможем познать все»¹⁰⁰¹.

Но дух человеческий не удовлетворяется этим, ему недостаточно знать все, ибо, уподобляясь Богу, он претендует на то, чтобы быть всем, то есть, по словам Фичино, «ведет жизнь растения, поскольку заботится о теле, питая его; жизнь животного, поскольку угождает чувствам; жизнь человека, когда в делах человеческих обращается к разуму; жизнь героев, когда исследует природу; жизнь демонов, поскольку предается астрологическим созерцаниям (*prout mathematica speculatur*); жизнь ангелов, поскольку постигает божественные тайны; жизнь Бога, поскольку все творит по милости Божьей (*Dei gratia*). Душа любого человека испытывает все это в себе некоторым образом, хотя различные души по-разному; так род людской домогается стать всем, живя всеми жизнями. Дивясь сему, Меркурий [Гермес Тримегист] молвил: великое чудо есть че-

О затронутых выше аспектах Фичинова учения о человеке см. также: Dress W. *Die Mystik des Marsilio Ficino*. Berlin-Leipzig, 1929. S. 48-59; Saitta G. *Marsilio Ficino e la filosofia dell'umanesimo* (1-е изд. – 1923). Bologna, 1954. P. 137; Kristeller P.O. *Die Philosophie des Marsilio Ficino*. S. 103-104; Trinkaus Ch. *Op. cit.* Vol. II. P. 477-478; Баткин Л.М. К истолкованию итальянского Возрождения: антропология Марсилио Фичино и Пико дела Мирандолы // Из истории ренессансного искусства Запада. М., 1980 (С. 31-70). С. 32-34; Горфункель А.Х. *Философия эпохи Возрождения*. М., 1980. С. 86; Кудрявцев О.Ф. *Самовластье человека...* С. 183-184; Euler W.A. "Pia philosophia" et "docta religio". *Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola*. München, 1998. S. 45-47, 188-191; Ревякина Н.В. *Человек в гуманизме итальянского Возрождения*. Иваново, 2000. С. 130-135; Howlett S. *Marsilio Ficino and His World. Critical Political Theory and Radical Practice*. New York, 2016. P. 101-133.

¹⁰⁰¹ *Ficinus M. Prooemium in Theophrastum de anima* // Ep. lib. IX. P. 896. 3.

ловец, существо, достойное почитания и поклонения, коему известен род демонов, как если бы был родственной им природы, или же доступно превратить себя в Бога, как если бы он сам был Бог»¹⁰⁰². В словах Гермеса Трисмегиста из «Асклепия», на которые ссылается Фичино, больше акцентируется промежуточная, посредническая роль человека в мироздании, нежели универсальность его природы¹⁰⁰³. Гораздо ближе к главе флорентийских платоников его непосредственный предшественник Николай Кузанский, доказывавший, что человек есть единство бесконечной возможности, обладающее силой развернуть из своих глубин все сущее: «...область человечности (*regio humanitatis*) охватывает, таким образом, своей человеческой потенцией Бога и мир», утверждал Николай Кузанский, а это значит, что человек может быть Богом, хотя и не абсолютно, а человеческим образом, то есть человеческим богом (*humanus deus, deus humaniter*); так же, или по-человечески, он может быть ангелом, зверем, львом, медведем и чем-угодно другим, ибо «внутри человеческой потенции по-своему есть все»¹⁰⁰⁴.

Универсальность его духовной природы открывает перед человеком возможность обрести богоподобие, ибо, как и он, Бог является всем, «поэтому дух наш, – заключает Фичино, – может иногда стать некоторым образом всем, а, значит, сделаться Богом»¹⁰⁰⁵. Эта перспектива реализовать в своем естестве черты верховного существа, развернув в себе тотальность бытия от низших до высших его градаций, не пренебрегая никакой из них¹⁰⁰⁶, становится одной из доминант ренессансной антропологии, которая была нацелена на идеал всестороннего развития человека. Конечно, мыслители Возрождения не могли не признавать за людьми индивидуальные черты, а это означает, что если каждый человек заключает в себе всеобщность, то все же всеобщность по особенному оформленную. «Душа

1002 *Idem*. *Theologia platonica...* XIV. 3. P. 309-310 (С. 201).

1003 *Asclepius*. 6. P. 301 (С. 49).

1004 *Nicolaus de Cusa*. *De coniecturis*. II. 14 // *Nicolaus von Kues*. *Philosophisch-theologische Schriften*. Wien, 1966. Bd. II. S. 158-160 (см. перевод В.В. Бибихина: *Николай Кузанский*. Сочинения. М., 1979. Т. 1. 259-260).

1005 *Ficinus M*. *Theologia platonica...* XIV. 3. P. 311 (С. 204). См. также наблюдения: *Баткин Л.М.* Указ. соч. С. 46.

1006 Ср. в «Асклепии» постоянный мотив презрения ко всему земному и человеческому в человеке: *Asclepius*. 6. P. 301 (С. 49).

человека испытывает все это [разные виды бытия – О.К.] в себе некоторым образом, – писал Фичино и тут же оговаривался, – хотя различные души по-разному». Тем не менее основная установка была не на исследование и уж ни в коем случае не на культивирование в человеке своеобразного, неповторимого, а на то, чтобы, несмотря ни на какие свои частные свойства, явить собой вселенскую целостность бытия; поэтому, продолжая рассуждение, Фичино добавлял: «так род людской домогается стать всем, живя всеми жизнями»¹⁰⁰⁷.

Причастность всему, связь с целым открывает перед человеческой душой неограниченные возможности, воспользоваться которыми позволяет присущая ей свобода. Впрочем, душа, по Фичино, – не нечто единое и простое, поэтому свобода свойственна ей не как целому, а лишь особой части ее. Посредством ума, своей вершины, душа сочетается с более высокими умами и «находится в сфере провидения, подражая как бы высшим сущностям и вместе с ними управляя низшими», то есть собой, семьей, обществом, искусствами (или ремеслами – artes); посредством представления (*idolum*), коим управляется тело, она соединена с представлениями более высоких душ и пребывает с сфере рока; посредством природы своего тела, в котором заложено представление, она связана с природой земных тел, находящихся ниже рока. «Итак, этими тремя как бы канатами, – заключает Фичино, – мы скреплены со всем мирозданием (*toti machinae colligamur*): умом с умами, представлением с представлениями, природой со всей природой...»¹⁰⁰⁸. Однако кроме этих трех сил души, связывающих ее с общим порядком вещей, в ней есть еще одна, разум (*ratio*), расположенный «в середине между умом, вершиной души, и преставлением, ее подножием. Ведь ум наличествует в душе не постольку, поскольку является собственно душой, но как нечто ангельское, исполненное вышними умами. Представление души, то есть руководящая телом сила, также не является функцией души как таковой, но души, обращенной к телу»¹⁰⁰⁹. В отличие от них «разумная способность» и есть «подлинная природа души» и как таковая она «не определена к чему-то одному, поскольку свободно

1007 “Omnis hominis anima haec in se cuncta quodammodo experitur, licet aliter aliae: atque ita genus humanum contendit omnia fieri, cum omnium agat vitas” (*Ficinus M. Theologia platonica...* XIV. 3. P. 309-310; C. 201).

1008 *Ficinus M. Theologia platonica...* XIII. 2. P. 289 (C. 189).

1009 *Ibid.* P. 290 (C. 190).

перемещается вверх и вниз»¹⁰¹⁰. Благодаря именно этой срединной способности души человек выделяется среди всего другого и на сущностном уровне как отдельная, самостоятельная градация бытия, и в качестве конкретного лица: «Ведь поскольку срединная сущность есть то, посредством чего мы являемся людьми, даже более – являемся самими собой, следовательно все, что характерно для нее, очевиднейшим образом характерно для людей»¹⁰¹¹.

Итак, сущность человека – это свобода, обусловленная способностями разума, центральным и главным, то есть подлинно человеческим свойством его души; не приходится сомневаться, что эту разумную способность Фичино подразумевал главным образом всякий раз, когда утверждал, что человек – это душа или дух¹⁰¹².

Свобода, коренящаяся в разумной части души, реализуется двояко. И прежде всего в суверенном праве человека самому творить себя, жить той жизнью, какой он отдает предпочтение; ибо «посредством разума мы целиком властны над собой и вольны двигаться в любом направлении» по лестнице бытия, определяя, кем нам стать; иными словами, благодаря разуму мы зависим от себя и полностью принадлежим себе (*nostrique sumus omnino*)¹⁰¹³. Поэтому человек, по Фичино, не только совокупляет и растворяет в себе всякую сущность, выступая в силу своей универсальной причастности в качестве микрокосма, но и благодаря характерной только для него разумной способности души независим в выборе той или иной формы своего наличного бытия, которой, впрочем, он не может быть исчерпан до конца, ибо всегда сохраняет возможность стать иным. У Фичино уже намечена мысль, полнее развернутая Джованни Пико делла Миран-

1010 “Denique facultas illa rationalis quae proprie est animae verae natura, non est ad aliquid unum determinata. Nam libero motu sursum deorsumque vagatur” (Ibid. P. 290; C. 191).

1011 “Cum enim potentia media sit, per quam nos homines sumus, immo et quod ipsi sumus, quod pertinet ad eam, evidentissime ad homines pertinet” (Ibid.; C. 192).

1012 См. послание к Джованни Кавальканти: *Ficinus M. Homo est animus. Amantis animus est in amato* // Ep. lib. I. P. 626.2; или «Комментарий на “Пир” Платона...»: “homo solus est animus” (*Idem. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. IV. 3* // Op. om. P. 1332; Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 168).

1013 *Ficinus M. Theologia platonica... XIII. 2. P. 290* (C. 190-191).

дола, а в XVI в. Шарлем де Бовелем и Хуаном Луисом Вивесом, о том, что человек есть самовластный создатель самого себя, производное собственных усилий¹⁰¹⁴. Однако какое бы конкретное, особенное существование человек не предпочел, он в качестве вселенского посредника и скрепы мироздания обязательно удерживает в себе более фундаментальное всеобщее бытие, тем самым образуя каждый раз особенную всеобщность.

Еще одна сфера, где обнаруживает себя свобода человека, – это окружающий его мир, в отношении которого он столь же всевластен, сколь независим в качестве зодчего собственного «я». У Фичино человек предстает хозяином наличной действительности, поскольку ставит ее себе на службу, преобразует и оформляет, запечатлевает себя в ней. В этом интимно-творческом отношении к миру угадывается ощущение равновеликости человеческих потенций божественным. И не случайно разработанная отцами церкви и широко принятая в средние века доктрина о том, что мир произведен ради человека и пожалован ему во владение и пользование, для Фичино и ренессансного гуманизма в целом утратила актуальность по сравнению с производной от нее идеей соавторства человека и Бога в создании существующего порядка вещей. Человек не просто пользуется в своих выгодах тем, что находит вокруг; в дополнение к прежней он творит новую реальность.

Мысль эта, закономерно венчающая у Цицерона рассуждение о том, сколь покорен власти человека и освоен им мир природы¹⁰¹⁵,

1014 Близость концепций человека у Фичино и Пико особенно подчеркивается в работах: *Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in Italian Humanist thought. Vol. 1. P. 478-479, 490, 506, 512, 517; Брагина Л.М. Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола // СВ. М., 1965. Вып. 28 (С. 129-139). С. 130; Баткин Л.М. К истолкованию итальянского Возрождения... С. 33, 36. Об антропологии Пико, Шарля де Бовеля и Вивеса см.: Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 225-227; Она же. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 243-246; Кудрявцев О.Ф. Самовластье человека... С. 180-182, 190; Он же. "Множество мудрых – спасение миру". Антропология Шарля де Бовеля // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 187-192. См. также отрывки с переводами текстов трех указанных гуманистов в кн.: Чаша Гермеса. С. 212-223; 233-261, 286-294.*

1015 Цицерон. О природе богов. II. 151-153 (Цицерон. Философские трактаты. Перевод М.И. Рижского. М., 1985. С. 151-153).

выделялась и всячески подчеркивалась в сочинениях мыслителей эпохи Возрождения. Непосредственный предшественник Фичино флорентийский гуманист Джаноццо Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека» (1452-1453 гг.) превозносил человека прежде всего в качестве деятельного и мудрого устроителя своего земного обиталища, выступая, как веком раньше Франческо Петрарка, оппонентом графа Лотарио ди Сеньи (он же папа Иннокентий III), посвятившим в конце XII в. специальное сочинение живописанию ничтожества человеческого состояния¹⁰¹⁶. Исходный мотив мог быть подсказан Манетти, помимо Цицерона, также герметическим трактатом «Асклепий», в котором говорилось, что по воле Бога упорядоченность и совершенство земного мира (а это значит всего, что производится людьми и связывает их между собой, как, например, обработка земли, разведение скота, сооружение зданий и гаваней, кораблевождение, общественные отношения, взаимный обмен) обусловлены знанием и применением искусств и наук¹⁰¹⁷. Сохраняя основную линию этих рассуждений, Манетти вместе с тем представлял преобразование и совершенствование действительности скорее делом творческой инициативы самих этих людей: «...благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и незаконченного еще творения мира, видимо, нами все было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства. Ведь наше, то есть человеческое, поскольку сделано людьми, то, что находится вокруг». Он повествовал о новом, исторически возникшем мире, о созданных руками, усердием, талантом и потребностями людей цивилизации и культуре, искусствах и науках, средствах общения и орудиях труда. Миростроительство, начатое Богом, довершает человек, в результате его деятельности окружающая действительность становится упорядоченнее и прекраснее по сравнению с девственным, первобытным своим состоянием, превращается в раду-

1016 Подробнее в этой связи см.: *Trinkaus Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 193-196; *Девятаяйкина Н.И.* Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988. С. 130-134; *Она же.* Петрарка о достоинстве человека // СВ. 1981. Вып. 44 (С. 229-251). С. 242-247. Соответствующие фрагменты из сочинений Иннокентия III и Петрарки в переводах Н.И. Девятаяйкиной см. в кн.: Чаша Гермеса. С. 90-109.

1017 "... quae pars terrena mundi artium disciplinarumque cognitione atque usu servatur, sine quibus mundum deus noluit esse perfectum" (Asclepius. 8. P. 306; С. 52).

ющий глаза и душу ренессансный ландшафт: «Мир и его красоты, изначально созданные всемогущим Богом и предназначенные для пользования людей и принятые затем самими людьми с благодарностью, были сделаны ими значительно более прекрасными и изящными и с гораздо большим вкусом». И немногим ниже он продолжает: «Никто не будет отрицать, что бóльшая часть того, что видят в мире, была устроена и упорядочена людьми. Ведь люди, словно хозяева всего и возделыватели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами. Если бы мы могли увидеть и обозреть это как душой, так и глазами, то любой, охвативший все единым взором,... вовек не перестал бы восхищаться и изумляться»¹⁰¹⁸. Восторги Манетти вызывал не мир, предуготовленный для человека, но мир, устроенный человеком, обязанный своим существованием человеческой мудрости.

Не иначе мыслил мирское призвание человека и Марсилиус Фичино, славя универсальность и космический размах его способностей: «... повсюду человек обращается со всеми материями мира (*mundi materias*) так, словно все они ему подвластны. Он распоряжается, говорю я, стихиями, камнями, металлами, растениями и одушевленными существами, многообразно изменяет их форму и вид, что не могут сделать животные. И не довольствуется он какой-то одной стихией или несколькими, как животные, но использует их все, словно он господин надо всеми. Он попирает землю, бороздит воды, поднимается в воздух при помощи высочайших башен, не говоря уже о крыльях

1018 *Manectis J. De dignitate et excellentia hominis. III. Basileae, 1532. P. 131-132* (см. русский перевод Н.В. Ревякиной в кн.: *Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека. М., 2014. С. 86, 87*). Подробнее об антропологии Манетти см.: *Trinkaus Ch. In our image and likeness. Vol. 1. P. 246-248; Gentile G. Giordano Bruno e il pensiero del Rinascimento. Firenze, 1920. P. 175-178; Ревякина Н.В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джаночцо Манетти // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976 (С. 245-275). С. 264-268; Она же. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в. М., 1977. С. 126-128; Она же. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. С. 102-107; Она же. Человек и мир в трактате Джаночцо Манетти // Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека / Составитель Н.В. Ревякина. М., 2014. С. 3-23; Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 173-174.*

Дедала или Икара. Он добывает огонь – единственный, кто использует его для своих целей, находя в нем особенное удовольствие; ибо только небесному существу пристало находить удовольствие в небесной стихии. Благодаря небесной доблести поднимается он в небеса и измеряет их. Благодаря сверхнебесному разуму проникает он по ту сторону их. Человек не только использует стихии, но и придает им красоту, чего не делает ни одно животное. Сколь замечательно возделан круг земли! Сколь поразительно строение зданий и городов! Сколь искусно орошение водой! Подобно Богу действует тот, кто пребывает во всех стихиях и возделывает их все; и, находясь на земле, не отсутствует в эфире. Пользуется он не только стихиями, но и всеми существами, в них обитающими – земными, водными, летающими – для своего пропитания, удобства и наслаждения, а также существами высшими и небесными для познания и магических чудес»¹⁰¹⁹.

В человеке, каким он предстал в рассуждениях Фичино, трудно усмотреть одну из тварей Божьих, пусть даже наиболее взысканную милостями Создателя; ибо по отношению к объективной, природно-материальной действительности, где царит необходимость, сам человек, максимально уподобляясь Богу, выступает свободным, полновластным творцом¹⁰²⁰. Так, подчеркивал Фичино, в противоположность другим живым существам, либо не владеющим никаким искусством, либо если и владеющим, то каждое каким-то одним, осуществлять которое оно движимо не собственным побуждением, но непременно установленным законом, люди являются

1019 *Ficinus M. Theologia platonica...* XIII. 3. P. 296 (С. 196-197). Ср. близкий мотив в псевдо-платоновском диалоге “Аксиох”. 370b (*Платон. Диалоги.* М., 1986. С. 420).

1020 См. в связи с этим наблюдения: *Gentile G. Op. cit.* P. 141-145; *Dress W. Op. cit.* S. 79-83; *Saitta G. Marsilio Ficino e la filosofia dell’Umanesimo.* Bologna, 1954. P. 149-151; *Di Napoli G. L’immortalità dell’anima nel Rinascimento.* Torino, 1963. P. 162-164; *Trinkaus Ch. In our image and likeness.* Vol. 2. P. 482-486; *Idem. Marsilio Ficino and the ideal of human autonomy // MFRP. Vol. I* (P. 197-210). P. 205-210; *Allen M.J.B. Marsilio Ficino’s interpretation of Plato’s “Timaeus” and its myth of the Demiurge // Supplementum Festivum. Studies in honor of Paul Oscar Kristeller.* Binghamton; N.Y., 1987 (P. 399-439). P. 401-402, 436-438; *Баткин Л.М. К истолкованию итальянского Возрождения...* С. 42-46; *Vasoli C. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino.* Lecce, 1999. P. 81-844; *Григорова О.Д. Божественное неистовство в письме Фичино к Перегрино Аглии // ВРХГИ.* 2001. Вып. IV (С. 273-283). С. 282.

изобретателями бесчисленного множества искусств, каковые они используют по собственному разумению; каждый человек может освоить многие виды деятельности, менять их, и в результате продолжительных упражнений стать более умелым. Посредством же искусств создается все, что создает Природа, словно мы, замечал Фичино, «не слуги природы, но ее соперники». Эту мысль гуманист иллюстрирует взятыми у древних авторов историями о том, как художники и мастера своими творениями смогли обмануть природу, достигнув полного подобия с ней: Зевксид сумел так изобразить ягоды винограда, что к ним стали подлетать птицы; Апеллес так нарисовал кобылицу и самку собаки, что оказывавшиеся поблизости от них кони ржали, а псы лаяли; Пракситель изваял столь красивую Венеру, что она явилась объектом вожделений видевших ее похотливцев; Архит из Тарента сделал деревянного голубя, который мог летать; египтяне, по словам Гермеса Трисмегиста, создавали изваяния богов, умевшие говорить и двигаться; Архимед из Сиракуз смастерил медную модель неба, вращавшегося доподлинно так, как настоящее небо¹⁰²¹.

Имитацией окружающей его действительности, впрочем, возможности человека не ограничиваются, ибо, «подражая всем творениям божественной природы, творения низшей природы он приводит к совершенству, исправляет и улучшает. Ведь человек располагает почти такой же властью, что и божественная природа, поскольку человек сам, то есть своим усмотрением и искусством правит собой, будучи очень мало стеснен ограничениями смертной природы, и соревнуется со всяким творением более высокой природы»¹⁰²². Вполне закономерно после сказанного человек провозглашался «своего рода богом», который, имея в качестве владыки наличного мира попечение обо всем живом и неживом в нем, держит себя сходно с бессмертным Богом: «Он, без сомнения, бог животных, поскольку их все использует, всеми распоряжается, а многих обучает. Очевидно также, что он – бог стихий, поскольку населяет и возделывает их все.

1021 *Ficinus M. Theologia platonica...* XIII. 3. P. 295-296 (С. 194-195). Фичино заимствовал примеры у Плиния Старшего (Естествознание. XXXV. 65; XXXV. 95; XXXVI. 21-22. Перевод Г.А. Тароняна. М., 1994. С. 91, 97, 118-119), Авла Геллия (*Aulus Gellius. Noctes Atticae*. X. 12. 9-10. Lipsiae, 1835. P. 223), герметического трактата «Асклепий» (§ 23, 24, 37, 38 // СН. Т. I. P. 325-326, 347-349; Чаша Гермеса. С. 57).

1022 *Ibid.* P. 296 (С. 195).

Наконец, он – бог всех материй, поскольку их все употребляет, преобразует, оформляет». Еще более высокое соответствие Богу является забота о «человеческом управлении», поскольку «только человек обладает столь великим совершенством, что прежде он властвует над самим собой, чего не делает ни одно животное, затем управляет семьей, руководит государством, царит над народами, повелевает всем земным кругом»¹⁰²³.

В своей деятельности человек, по сути, имитирует Бога, но имитирует благодаря тому именно, что обладает внутри себя субстанцией, родственной божественной и делающей его самого существом богоравных способностей, для которого в этом мире нет ничего невозможного и недоступного. «Поскольку же человек познал строй небес, и как они движутся и в каком направлении, и каковы их размеры, и какое воздействие они производят, то кто станет отрицать, – заключал Фичино, – что обладает дарованием, так сказать, почти таким же, как и сам Создатель небес, и что он некоторым образом может создать небеса, если б заполучил [подходящие] орудия и небесную материю, раз он мастерит их сейчас, пусть из другой материи, однако очень похожими по строению?»¹⁰²⁴.

1023 “Universalis providentia, dei, qui est universalis causa, propria est. Homo igitur qui universaliter cunctis et viventibus et non viventibus providet, est quidam deus. Deus est proculdubio animalium: qui utitur omnibus, imperat cunctis, instruit plurima. Deum quoque esse constitit elementorum, qui habitat colitque omnia. Deum denique omnium materialium: qui tractat omnes, vertit et format. Qui tot tantisque in rebus corpori dominatur, et immortalis dei gerit vicem, est proculdubio immortalis. Sed artes huiusmodi licet materiam mundi figurent, et animalibus imperant, atque ita deum naturae artificem imitentur: sunt tamen artibus illis inferiores, quae regnum imitatae divinum, humanae gubernationis suscipiunt curam... homo autem unus tanta abundat perfectione, ut sibiipsi imperet primum, quod bestiae nullae faciunt, gubernet deinde familiam, administret rempublicam, regat gentes, et toti imperat orbi” (Ficinus M. Theologia platonica... XIII. 3. P. 296; C. 197).

1024 “Cum igitur homo caelorum ordinem unde moveantur, quo progrediantur, et quibus mensuris, quidve pariant, viderit: quis neget eum esse ingenio (ut ita loquar) pene eodem quo et auctor ille caelorum? Ac posse quodammodo caelos facere, si instrumenta nactus fuerit, materiamque caelestem, postquam facit eos nunc, licet ex alia materia, tamen persimiles ordine” (Ibid. P. 297; C. 198). См. также: *Trinkaus Ch.* Op. cit. Vol. II. P. 476, 482-491; *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. С. 89-90; *Ревякина Н.В.* Человек в гуманизме итальянского Возрождения. С. 140-145.

Подобного рода повторение божественного творчества – а во всякой направляемой духом человеческой деятельности, по Фичино, следует видеть его повторение – есть уже непременно и соревнование с ним¹⁰²⁵; эта мысль подразумевала признание за человеком присущей Богу абсолютности в качестве творческого субъекта. Как «бог на земле», или «земной бог», человек не стеснен пределами действительности, которую он сам свободно создает, ибо действует не по влечению слепого инстинкта, вроде остальных живых существ, этих покорных орудий природной необходимости, но руководствуясь умом, «изобретателем бесчисленных и разнообразных вещей»¹⁰²⁶. Благодаря такой продуктивности ума человек заключает в себе разумные основания и прообразы того, что существует или способно быть осуществлено, и, опираясь на них, в состоянии совершенствовать и реформировать имеющийся порядок, который не воспринимается единственно возможным. Другой, новый мир может быть возведен не только вместо прежнего, но наряду с ним, то есть мысленно, в сознании человека, будучи как произведение человеческого гения не менее реальным, нежели то, что получает свое практическое воплощение. Ведь созидание жизни, что бы человек не стремился в ней совершить, имеет предпосылкой безграничность его духа, свободу мыслить в качестве осуществимого все, даже находящееся за рамками наличного в настоящем, прошлом или будущем бытия. По словам Фичино, «ум не удовлетворяется, подобно чувствам, вещами какого-то рода; не только цветами, как зрение, не только звуками, как слух, ибо он объемлет все, причем все – говорю я, – которое не только есть, но которое было или будет. Ведь он многое помышляет, что, пожалуй, могло бы быть, хотя никогда не будет; и многое выдумывает, чего, возможно, никогда и не бывает. Впрочем, в природе вещей не в меньшей мере есть то, что ум изображает посредством себя в себе самом, нежели то, что он изображает речью в воздухе или рукой на

1025 См. в связи с этим у Фичино: “Ergo tot concipit mens [hominis] in seipsa intelligendo quot deus intelligendo facit in mundo. Totidem loquendo exprimit et in aëre. Totidem calamo scribit in chartis. Totidem fabricando in materia mundi figurat. Quapropter dementem esse illum constat, qui negaverit animam quae in artibus et gubernationibus est aemula dei, esse divinam” (Ibid. P. 298; C. 201).

1026 “Verum mens hominis infinitarum distinctarumque inventrix rerum...” (Ibid.; C. 200).

стене. Равным образом своей собственной силой и в некоем порядке он творит все новые лики вещей, прочие же все обновляет»¹⁰²⁷.

В неисчерпаемой мощи, присущей его духу, человек находит залог своей суверенности и абсолютности, то есть несвязанности любыми без его участия или санкции установленными формами и условиями жизни, не им самим положенным в их основу смыслом. Он чувствует себя свободным творцом, от которого существенным образом зависит все, что его окружает, своего рода вселенским художником, артистом, берущимся извести из себя целый мир, перевоплощая и преобразуя объекты и отношения действительности. С этим вместе он возлагает на себя полную меру ответственности за создаваемый мир, отрицая в нем какое-либо иное содержание, кроме того, что задают интересы и потребности самого человеческого субъекта.

Речь идет уже не о признании имманентности божественного начала человеку, а об обожествлении самого человека, который, по словам Фичино, «не желает ни высшего, ни равного себе и не терпит он, дабы оставалось что-то, ему неподвластное. Это – состояние одного только Бога»¹⁰²⁸. И душа человека, в чем, по уверению Фичино, выражается ее «дивное величие», удовлетворяется не каким бы то ни было, пусть и необыкновенным, уподоблением Богу, но только тем, что сама «делается Богом»¹⁰²⁹. Такое признание за душой возможности стать равновеликой Богу, означает, что никакие пределы не положены хотению и мощи человека; он способен покорить себе пространство, время, удачу, разведать все свойства и силы природы и превратить их в орудие собственных устремлений, интересов и благополучия¹⁰³⁰.

1027 Ibid. VIII. 16. P. 200-201; С. 185.

1028 Ibid. XIV. 4. P. 311; С. 205.

1029 “In quo apparebit mira animi magnitudo, cui non satis fuerit aemulari Deum iis, miris quos diximus modis, nisi etiam fiat Deus” (Ficinus M. *Theologia platonica...* XIV. 1. P. 305). См. также: Klutstein I. *L’interprétation ficinienne des Oracles chaldaïques // Il neoplatonismo nel Rinascimento*. A cura di P. Prini. Roma, 1993 (P. 53-64). P. 63.

1030 В связи со сказанным выше см. рассуждения: «... человек всегда стремится властвовать и над самим собой, и над всеми другими созданиями – людьми, а равно и животными... О необычайном величии нашего духа легко можно заключить из того, что ему будет мало повелевать этим миром, если, покорив его, он узнает о существовании другого мира, который

Философия человека флорентийской Платоновской академии больше, чем учение какой-то школы или направления; она стала своего рода идеологией эпохи, придав теме достоинства человека, постоянно возникавшей в сочинениях гуманистов, космический масштаб и выявив ее онтологические предпосылки. Она наиболее полно и глубоко выразила основную мировоззренческую установку на абсолютизацию человеческого субъекта, за которым признавались поистине безграничные возможности в созидании не только себя, своего духовного и нравственного облика, но и всей среды своего обитания, природной и социальной.

им еще не покорен. Так, когда Александр услышал от Анаксарха, последователя Демокрита, что миров бесконечно много, он воскликнул: “Горе мне, несчастному, не покорившему доселе и одного”... Бог, далее, есть повсюду и всегда, однако и человек стремится быть повсюду, ведь он, как мы говорили, пользуется четырьмя стихиями. Он измеряет землю и небо, а также исследует потаенные глубины Тартара. Ни небо не кажется ему слишком высоким, если воспользоваться словами Меркурия [Гермеса Трисмегиста], ни центр земли – глубоким. Временные и пространственные расстояния не мешают ему охватывать все, где бы и когда бы что-либо не было. Никакие заслоны не притупляют и не ослабляют его зрения. Никакие пределы его не устраивают. Всюду он хочет властвовать, всюду быть превозносимым. И таким образом он хочет быть вездесущим, как Бог. Стремится также существовать всегда, как Бог...» (Ibid. XIV. 4-5. P. 311-312; С. 205-206). Последний из цитированных отрывков очень близок следующему месту из герметического “Асклепия”: “Он [человек – О.К.] возделывает землю, быстротой своей [мысли] проникает стихии, прозорливостью ума испытует глубины моря. Все ему доступно: небо не кажется слишком высоким, ибо благодаря пронизательности мысли измеряет он его как нечто близкое; никакая воздушная мгла не смущает устремления его духа; твердость земли [, какая бы ни была,] не способна воспрепятствовать его трудам; глубина водной пучины не притупляет его взор, направленный на нее. Он одновременно есть все и повсюду” (Asclepius. 6. Т. II. P. 302; Чаша Гермеса. С. 49). Схожие мотивы имеются и в других герметических текстах. Ср.: СН. X. 25; XI. 19. Т. I. P. 126, 154-155; Чаша Гермеса. С. 46).

Глава VII. «PRISCORUM ARCANAE»: В ПОИСКАХ ИЗНАЧАЛЬНОГО ОТКРОВЕНИЯ

Приглашая Браччо Мартелли присоединиться к Платоновской академии, Марсилий Фичино в особом послании убеждал своего друга в необыкновенной близости философского учения Платона и платоников, с одной стороны, и Божественного откровения, запечатленного в Библии, – с другой¹⁰³¹. Здесь вполне отчетливо высказана мысль, к которой Фичино постоянно возвращался во всех своих трудах, начиная с самых ранних, о сущностном единстве религиозного опыта и богословских исканий разных веков и народов.

Ее первые формулировки содержатся в «Похвалах философии», сочинении, которое можно датировать серединой 50-х гг. XV в. и отнести к категории риторических упражнений, принятых в университетах; в нем юный Фичино рассуждал о «древнем богословии египтян и арабов», перенесенном Пифагором, Гераклитом и Платоном в Грецию, о том, что далее этим мудрецам наследовал Дионисий Ареопagit, «первоначально платоник, а затем христианин», а после него Иларий из Пуатье и Аврелий Августин, «наиглавнейшие из латинских богословов». Здесь нужно заметить, что Фичино опирался на перевод произведения Диогена Лаэртского, выполненный Амвросием Траверсари, который, исказив оригинал, вместо «персов» написал «арабы»¹⁰³²; позже Фичино все вернет на свои места и будет вести речь о «персидских магах». Как бы то ни было, но уже в этом раннем труде Фичино указанием на своего рода миграцию богословской му-

¹⁰³¹ *Ficinus M. Concordia Mosis et Platonis // Ep. lib. VIII. P. 866-867* (см. это послание в переводе О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. Избранные письма // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2004. С. 265-267*).

¹⁰³² В этой связи см.: *Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden; New York, 1990. Vol. II. P. 460-461.*

дрости от народа к народу подводил к убеждению о тождестве различных религиозных систем в важнейших вопросах вероучения¹⁰³³. В пояснениях к своему переводу корпуса герметических сочинений, объединенных под общим названием «Поймандр» (1463 г.), он идет дальше и выдвигает тезис о продолжающейся линии «единой и повсюду согласной с собой школы древнего богословия», начало коему положил Гермес Трисмегист, а до полного совершенства довел «божественный Платон»¹⁰³⁴. В «Предисловии» к собственным комментариям на Плотина (ок. 1490 г.) Фичино, несколько меняя детали, следующим образом описывал пути «благочестивой философии» (*phia philosophia*), о которой поведали древнейшие мудрецы и поэты, воспринятой Пифагором и Платоном и истолкованной неоплатониками: «Итак, не без вмешательства божественного провидения, желающего всех чудесным образом обратить к себе, то есть *сообразно разумению каждого* (курсив наш — О.К.), произошло так, что некая благочестивая философия зародилась некогда у персов при Зороастре, а также у египтян при Гермесе, и в том, и в другом месте согласная с собой; затем была вскормлена у фракийцев при Орфее и Аглаофе-

1033 “*Prisca vero Aegyptiorum et Arabum theologia tradidit Deum esse existendi cognoscendi agendique principium. Unde Pythagoras, Heraclitus atque Plato, eam theologiam in Graeciam transferentes, ab eodem ipso Deo principium esse naturae, veritatem doctrinae, vitae felicitatem disputaverunt... Secutus post eos veteres Dionysius Areopagita, Platonicus primo ac deinde Christianus, idem in libris suis latissime disputavit. Quod quidem diu postea Hylarius et Aurelius Augustinus inter Latinos theologos principes observavere*” (*Ficinus M. Oratio de laudibus philosophiae // Ep. lib. IV. P. 758*).

1034 «*Primus [Mercurius Trismegistus] igitur theologiae appellatus est autor: eum secutus Orpheus, secundas antiquae theologiae partes obtinuit. Orphei sacris initiatus est Aglaophemus, Aglaophemo successit in theologia Pythagoras, quem Philolaus sectatus est, divi Platonis nostri praeceptor. Itaque una priscae theologiae ubique sibi consona secta, ex theologis sex miro quodam ordine conflata est, exordia sumens a Mercurio, a divo Plato penitus absoluta*» (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurii Trismegisti ad Cosmum Medicem // Op. om. P. 1836*). В этом, как и в большинстве других подобных перечней, Фичино количество “древних богословов” ограничивает шестью ввиду скорее всего символического значения этого числа, обозначававшего совершенное количество (в частности, оно соответствует библейским шести дням творения мира). См. подробнее: *Allen M.J.B. Synoptic art. Marsilio Ficino on the history of Platonic interpretation. Firenze, 1998. P. 24-25.*

ме, после этого укрепля у греков и италийцев при Пифагоре и, наконец, доведена до совершенства у афинян божественным Платоном. Однако в обычае древних богословов было скрывать божественные тайны под покровом как математических фигур и чисел, так и поэтических образов, дабы по недомыслию они не стали общедоступными. Плотин же, как свидетельствуют Порфирий и Прокл, первый и единственный снял с богословия эти покровы и по вдохновению свыше проник в священные тайны древних»¹⁰³⁵.

Зависимость от «разумения каждого» (*pro singulorum ingenio*) оговорена не случайно: как подчеркнуто здесь же, «те, кто обладают острым умом (*acuta ingenia*), доверяются главным образом разумным доказательствам, и, встречая их у какого-либо благочестивого философа, они сразу же охотно принимают всеобщую религию (*religionem communem*)»¹⁰³⁶. Таким образом, непрерывная традиция «благочестивой философии», старательно вычерчиваемая Фичино, является, по сути, древней родословной «всеобщей религии», этой естественной для рода людского и присущей всем народам религиозности, которая обнаруживает себя в поклонении единому Богу, какими бы обрядами оно ни сопровождалось¹⁰³⁷, в «естественном и

1035 Ficinus M. *Prooemium in Plotini Epitomae, seu Argumenta...* // *Op. om.* P. 1537.

1036 *Ibid.* Эти рассуждения имеют близкое смысловое соответствие с посланием Фичино Иоанну Паннонию (*Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari* // *Ep. lib. VIII. P. 871-872*). Книга VIII, в которой оно помещено, составлена между 1484 и 1488 гг., то есть тогда, когда гуманист переведил и комментировал Плотина. В связи с этим см.: *Kristeller P.O. Introductio* // *SF. Vol. I. P. CII, CLVIII*; Черняк И.Х. *Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV века* // *Актуальные проблемы изучения истории религии. Л., 1976. С. 92-97.*

1037 “*Humana quippe mens natura sua tamquam ad Deum sentiendum colendumque ducitur et timendum... verumtamen per liberam suae consultationis electionem Dei colendi variat ritus... Superiori disputatione colligitur communem ipsam omnium gentium ad Deum unum religionem esse humanae speciei admodum naturalem*” (*Ficinus M. Theologia Platonica. XIV. 10. 2 objectio et solutio* // *Op. om. P. 314*). См.: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 301-303, 322-323; Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in Italian humanist thought. Chicago, 1970. Vol. II. P. 736, 737; Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино* // *Атеизм. Религия. Современность. Л., 1976. С. 57-59. Ср. сходную мысль у Роджера*

общем представлении о Боге», запечатленном изначально (т.е. Им самим) во всех¹⁰³⁸. Строго говоря, «всеобщая религия» есть религия вообще, или, по словам Фичино, «самый род религии» (*genus ipsum religionis*), проявляющийся в признании и почитании Бога правителем мира — «единственное, что среди всех трудов и страстей человеческих пребывает нерушимым»¹⁰³⁹.

Доказывая истинность и нетленность «всеобщей религии», гуманист основывался на характерном для ренессансного мировоз-

Бэкона о разных способах почитания Бога мудрецами прошлого: «*Philosophi enim magni, ut Plato, Aristoteles, et Avicenna, et hujusmodi, non coluerunt ydola sed despexerunt ea, et Deum verum more suo coluerunt secundum gratiam eis datam*» (*Bacon R. Introductio ad Secretum Secretorum. Cap. IV // Bacon R. Opera hactenus inedita. Fasc. V / Ed by R. Steele. Oxonii, 1920. P. 8*).

Разные обряды поклонения Богу, по Фичино, санкционированы свыше, ибо «ничто так не гневит Бога, как полное небрежение [Им], ничто так не радуется, как поклонение»; поэтому-то «божественное провидение не терпит, чтобы и на время какая-либо часть мира совершенно не ведала религии, и позволяет соблюдение многообразных форм богочитания в разные времена и в разных местах», – сказано в трактате «О христианской религии». И далее добавлено: «Пожалуй, сие разнообразие, предустановленное Богом, создает какую-то изумительную красоту во вселенной» (*Ficino M. De religione Christiana. 4 // Op. om. P. 4*. Существует авторский перевод этого сочинения на итальянский язык, выполненный сразу же после составления первоначального текста на латыни (1474 г.). См.: *Ficino M. Della religione Christiana. Firenze, 1568. P. 16* (далее в скобках — страницы итальянского издания). Русский перевод этого места Н.В. Ревякиной см.: Фичино М. О христианской религии // Гуманизм Возрождения и вызовы времени. Иваново. 2006. С. 45-46. См. также: Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения (1 изд. работы – 1927 г.) // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С. 77; Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991. С. 227-228.

1038 *Ficino M. De religione Christiana. 1. P. 2 (P. 11)*. Ср. в другом месте о прирожденности человеку «всеобщей религии»: «*Communem religionem neque a stellis, neque ab hominibus quibusdam, neque a morbo esse, sed a deo, atque humana speciei communi natura*» (*Ibid. 9. P. 12 (P.46)*). Подробнее см.: Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях Марсилио Фичино // Исторические известия. 1917. № 2. С. 94 и далее; Он же. Религиозные искания в эпоху Возрождения. Вып. I. Марсилио Фичино. Берлин, 1923. С. 93 и далее.

1039 См. в послании герцогу Федерико да Монтефельтро «*Divina lex fieri a coelo non potest, sed forte singificari*» раздел «*Communis religio non fit a stellis*» (*Ep. lib. VII. P. 849-850*).

зрения убеждения о внутренней близости всех верований, совпадении разных богопочитаний в отрицающем своеобразии форм каждого абсолютном тождестве их общего объекта¹⁰⁴⁰.

Речь, таким образом, идет о своего рода вечном откровении Бога, обретаемом природными способностями самого человека. Не случайно Фичино великое значение придавал разуму, основанному на нем философскому знанию, высоко ценя их авторитет в делах религии в настоящем¹⁰⁴¹ и особенно в прошлом, в те, по словам гуманиста, «счастливые времена, когда сохранялся неприкосновенным божественный союз мудрости и религии, особенно у иудеев и христиан»¹⁰⁴². Впрочем, не только у них, ибо, как, не скупясь на примеры, он показывал в предисловии к трактату «О христианской религии» (1474 г.), у разных племен и народов те же самые люди, которые занимались философией, исследовали причины вещей, одновременно были священниками, отправляли богослужение. Это справедливо и по отношению к пророкам евреев и ессеев, и персидских магов, и индийских брахманов, астрологов (*Mathematici*) и метафизиков у египтян, эфиопских гимнософистов; тот же обычай соблюдался у греков при Лине, Орфее, Мусее, Евмолпе, Мелампе, Трофиме, Аглаофеме и Пифагоре, в Галлии при друидах, у римлян при Нуме Помпилии, Валерии Соране, Марке Варроне и иных, а также у священнослужителей древних христиан, соединявших, как и евреи, мудрость с религиозным благочестием¹⁰⁴³.

1040 См. по этому поводу: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 331-334.

1041 «Placet autem divinae providentiae his seculis ipsum religionis suae genus auctoritate rationeque philosophica confirmare...», — утверждал гуманист в письме Иоанну Паннонию, признавая затем значение чудес для подтверждения «истиннейшего вида религии», т.е. христианства (*Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari. P.872. 1*).

1042 *Ficinus M. De religione Christiana. Prooemium. P. 1 (P.7)*. См. об этом: *Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in Italian humanist thought. Chicago, 1970. Vol. II. P. 735-742*.

1043 *Ficinus M. De religione Christiana. Prooemium. P. 1*. В итальянской редакции нет Мелампа и Трофима (P. 5-7). Что касается второго имени, Трофим, то едва ли Фичино имел в виду легендарного первого епископа Арелата; скорее всего оно появилось в результате описки или опечатки, у Фичино же в этом ряду стояло имя Трофония, в греческой мифологии храмостроителя и прорицателя, дававшего оракулы в Лейбадейской пещере. См.: *Paulus*

Отстаивая теснейшую связь между философией и религией вплоть до их, в конечном итоге, отождествления¹⁰⁴⁴, связь, которой, по собственному признанию гуманиста, он добивался в своих писаниях¹⁰⁴⁵, Фичино усматривал «золотой век священной философии»¹⁰⁴⁶ в набожной мудрости древних, «непременно соединявших, начиная уже с Зороастра, увлеченность философией с религиозным благочестием»¹⁰⁴⁷. «Отчего, – утверждал он в послании Антонио Цицилло Софронию, – вся философия древних есть не что иное, как ученая религия (*docta religio*), – и продолжал. – Разве не должна эта сатурнийская и золотая наука древних называться не столько мудролюбием (*philosophia*), сколько боголюбием (*Philothea*)? Ведь они всегда скорее пророчествуют, нежели рассуждают»¹⁰⁴⁸.

Образцом этой «ученой религии» была, в представлении гуманиста, философия Платона, не только продолжившего, но и наиболее совершенным образом обобщившего стародавнюю богословскую

Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1939. Bd. "Trib. Bis Tul". Col. 675-695.

1044 "Si philosophia veritatis sapientiaeque amor ac studium ab omnibus definitur, veritas autem et sapientia ipsa solus est Deus, sequitur ut neque legitima philosophia quicquam aliud, quam vera religio, neque aliud legitima religio, quam vera philosophia..." (См. письмо к Бернардо Бембо: *Ficinus M. Laus Philosophiae oratoria, moralis, dialectica, theologica* // Ep. lib. I. P. 668. 2). *Vasoli C. La prisca theologia e il neoplatonismo religioso* // *Il neoplatonismo nel Rinascimento*. A cura di P. Prini. Roma, 1993. P. 90-91.

1045 *Ficinus M. Quod pia sit Platonica disciplina* // Ep. lib. VII. P. 855. 1.

1046 *Ficinus M. Philosophia et Religio germanae sunt* // Ep. lib. VII. P. 854. 1 (см. русский перевод О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. Избранные письма* // *Гуманистическая мысль итальянского Возрождения*. М., 2004. С. 264).

1047 "...prisci theologi... philosophiae studium cum religiosa pietate iunxerunt. Principio Zoroastris philosophia... nihil erat aliud quam sapiens pietas cultusque divinus. Mercurii quoque Trismegisti disputationes omnes a votis incipiunt et in sacrificia desinunt. Orphei etiam Aglaophemique philosophia in divinis laudibus tota versatur. Pythagoras a matutino hymnorum sacrorum cantu philosophiae studia inchoabat. Plato non in dicendo solum, sed etiam in cogitando exordiri a Deo praecipiebat in singulis, atque ipse semper exordiebatur a Deo" (*Ficinus M. Theologia Platonica*. XII. 11. P. 268). По этому поводу см.: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino*. S. 304-307; *Гарэн Э. Платонизм и достоинство человека* // Он же. *Проблемы итальянского Возрождения*. М., 1986. С. 120-126.

1048 *Ficinus M. Philosophia et Religio germanae sunt*. P. 854. 1. (С. 264).

традицию: «Древнее богословие язычников, в коем были согласны Зороастр, Гермес, Орфей, Аглаофем, Пифагор, целиком содержится в книгах нашего Платона»¹⁰⁴⁹. Почему и сама доктрина Платона, увязывавшего, по словам Фичино, всякую философскую дисциплину с задачами благочестия, воспринималась как своего рода богословие¹⁰⁵⁰; недаром по примеру Прокла «Платоновским богословием» назвал Фичино главный труд своей жизни (1469-1474 гг.), в котором доказывал не только слияние всех религиозных учений древности в одну непрерывную традицию, синтезированную платонизмом (различий по сути между философией Платона и всех его последователей гуманист не делал), но и принципиальное согласие этой традиции прежде всего с христианством, а также с другими позитивными религиями откровения¹⁰⁵¹. В самом деле, поскольку «всеобщая религия» в качестве родового начала объемлет собой все действительно существовавшие культы и богословско-философские учения, то христианство уже более не может выступать религией абсолютной и исключительной, но лишь одним из ее проявлений, видов, пусть даже признаваемым, как у Фичино, наиболее истинным и совершенным¹⁰⁵².

1049 *Ficinus M. Philosophia et Religio germanae sunt*. P. 854. 1. (С. 264).

1050 “... et doctrina eius [Platonis] apud omnes Gentes Theologia nuncupatur, cum nihil usque morale, sive Dialecticum, aut Mathematicum, aut Physicum tractet, quin mox ad contemplationem cultumque Dei summa cum pietate reducat” (*Ficinus M. Theologia Platonica. Prooemium*. P. 78).

1051 “Plato igitur nihil prohibere videtur fidem adhibere theologiae Hebraeorum, Christianorum, Arabumque communi...” (*Ficinus M. Theologia Platonica. XVIII*. 1. P. 397). См. в связи с этим: *Гарэн Э. Платонизм и достоинство человека*. С. 126-128; *Euler W.A. “Pia philosophia” et “docta religio”*. *Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola*. München, 1998. P. 216-218.

1052 Нет сомнений, что, говоря о «наилучшем» или «самом истинном виде религии», Фичино имеет в виду христианство (см. в «Предисловии» к комментарию на Плотина или в послании к Иоанну Паннонию), которому он постоянно отдает предпочтение перед другими видами религии. В связи с этим явным преувеличением выглядит мысль Пузино, будто, «утверждая и доказывая истинность всеобщей естественной религии, Фичино враждебно относился к религиям богооткровенным и в их числе к христианству» (*Пузино И.В. Религиозные искания в эпоху Возрождения*. С. 102; *Он же. О религиозно-философских воззрениях...* С. 98). О месте христианства в философии религии Фичино см.: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino*. S. 15-17, 303-304; *Idem. La diffusione europea del platonismo fiorentino //*

Этим оно фактически ставится на один уровень с другими видами религии, образуя как бы необходимое звено в развитии ее форм. Отсюда стремление не столько противопоставлять христианство иным исповеданиям и богословским концепциям, сколько сопоставлять, сличать, наконец, искать общий для всех источник.

Всеми способами Фичино пытался доказать, что исстари богословие язычников развивалось не изолированно от Божественного откровения, сообщенного еврейскому народу. Первую ненавязчивую попытку установить подобного рода связь, пока еще чисто хронологически, являет «Предисловие» к «Поймандру», в котором со ссылкой на Августина сказано, что Моисей родился при жизни Атласа, прадеда старшего Гермеса; внуком этого последнего и был Гермес Трисмегист¹⁰⁵³. В последующих своих сочинениях Фичино не останавливается перед тем, чтобы, опираясь на мнения некоторых древних авторитетов, фактически согласиться с отождествлением Моисея и Гермеса Трисмегиста¹⁰⁵⁴ или даже отнести истоки традиции древней-

Il pensiero italiano del Rinascimento e il tempo nostro. Firenze, 1970. P. 32, 33; Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 90; Euler W.A. Op. cit. S. 66-67, 80.

1053 Впрочем, в этом же «Предисловии» говорится далее о том, что Цицерон и Лактанций ведут речь о пятерых Гермесах, последний из которых и был тем, кого египтяне называли Трисмегистом (*Ficinus M. Argumentum in librum Mercurii Trismegisti...* P. 1836). См. также: *Augustinus. De civitate Dei*. XVIII. 39 // PL. 1864. T. XLI. Col. 599; *Lactantius. Divinae institutiones*. I. 6 // PL. 1844. Vol. VI. Col. 138-139; Цицерон. О природе богов. III. 56 // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 175. О том, как почитание Гермеса Трисмегиста в святоотеческой литературе было усвоено Фичино, см.: Йейтс Фр.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.). С. 14-15, 18-21, 57-59, 78.

1054 “... homo idem Mercurius fuit atque Moyses, quod Artapanus historicus coniecturis multis ostendit” (*Ficinus M. Theologia Platonica*. XVIII. 1. P. 400). Вместе с Фичино о тождестве Моисея и Меркурия [Гермеса] Трижды-великого писал его близкий друг гуманист Кристофоро Ландино: “Verum prioribus saeculis Moises etiam vir et bello et doctrina praestantissimus, qui et Aegyptios ab Aethiopicis et ab Aegyptiis Hebraeos liberavit quique, cum primus, ut ait Epulemus Graecus scriptor, litteras adinvenisset, ab Aegyptiis Mercurius Trismegistus appellatus est” (*Landino Chr. Praefatio in Virgilio habita in gymnasio Florentino 1462* // *Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese Cristoforo Landinos. Mit einem Anhang bisher unveröffentlicher Briefe und Reden*. Köln; Wien, 1971. P. 236; Ландино Кр. Вводная лекция о Вергилии... Перевод

шего богословия ко времени в буквальном смысле слова допотопному. Указание на это можно встретить в трактате «О христианской религии»: «...Орфей говорил, что Господь был познан лишь неким халдеем, подразумевая Еноха, или Авраама, или Моисея. Платоники настаивают на том, что Орфей имел в виду Зороастра, который, по утверждению Дидима в комментариях к книгам Бытия, был сыном Хама, сына Ноя, и евреи звали его Ханаан; и был он, как подтверждает Евсевий, жив еще во времена Авраама. Следует помнить и то, что похвальные качества и достоинства иудеев легко могли перейти к египтянам, ибо они были соседями и очень перемешаны между собой. Артапан, что бы ни цитировалось из [писаний – О.К.] Гермеса Трисмегиста, показывает, что все это уже было у Моисея и от Моисея исходит, а также что он [Моисей. — О.К.] и был Гермесом и, сверх того, звался Мусеем. А в том, что от Моисея получило распространение (*incrementum*) учение язычников, не усомнится всякий, кто послушает Порфирия, утверждающего со ссылкой на давнее свидетельство Санкониатона, что Моисей был прежде первых греческих философов на тысяча пятьсот лет»¹⁰⁵⁵.

Этот отрывок — с неясной хронологией, путаной игрой с именами, при которой основатели языческих таинств соотнесены с библейскими персонажами, — интересен тем, что выдает стремление любыми способами связать воедино языческо-неоплатоническую генеалогию древнего богословия с ветхозаветной традицией, приоритет которой отстаивался в святоотеческих писаниях¹⁰⁵⁶. В этом плане немаловажно узнать, кого Фичино имеет в виду, говоря о «платониках». Ниже в тексте дана ссылка на Порфирия; не вы-

Ю.А. Шичалина // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 197). Ср. с тем, что сообщалось на эту тему в патристике: Eusebius Pamphilus. Praeparatio evangelica. IX. 27 // PG. 1857. Т. XXI. Col. 728-729. См. также: Йейтс Фр.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁰⁵⁵ Ficinus M. De religione Christiana. 26. P. 30 (P. 111-112). Сведения и хронология взяты главным образом у Евсевия: Eusebius Pamphilus. Op. cit. IX. 27; X. 9. Col. 729, 805-812. На давность ветхозаветной как доказательство ее преимущества перед языческой особенно упирал Августин: Augustinus. Op. cit. Col. 596, 599.

¹⁰⁵⁶ См.: Walker D.P. Orpheus the Theologian and Renaissance Platonists // JWCI. 1953. Vol. XVI. N 1-2. P. 100-111; Idem. The "Prisca Theologia" in France // Ibid. 1954. Vol. XVII. N 3-4. P. 210-212.

зывает сомнений, что уже в самых первых попытках наметить линию непрерывного развития примитивной теологии гуманист следовал за Проклом, а также за Ямвлихом — соответствующие их сочинения были ему хорошо известны, — считавших началом оной тайное учение Орфея¹⁰⁵⁷. Правда, сам Фичино называл основателем этой

1057 «Все богословие элинов ведет свое происхождение от орфических таинств, — сказано в “Платоновском богословии” Прокла. — Сначала Пифагор был посвящен Аглаофемом в божественные тайны. Затем Платон получил из записей пифагорейцев и орфиков знание обо всем, что касается богов» (*Proclus Diadochus. Theologia Platonica. I. 5. Ed. H.D. Saffrey, L.G. Westerink. Paris, 1968. P. 25; см. русский перевод Л.Ю. Лукомского: Прокл. Платоновская теология. СПб., 2001. С. 21*). Это место приведено в подборке О. Керна (*Orphicorum Fragmenta. Ed. O. Kern. Verolini, 1922. Test. 250. P. 77*) с другой нумерацией главы: 1.6 (ссылка здесь дана на первое и долгие века единственное издание этого произведения, осуществленное в 1618 г. Э. Порты).

Тенденция доказывать совпадение богознания древних мудрецов характерна для позднеантичного религиозного синкретизма. Прокл, как и его учитель Сириан, автор «Согласия Орфея, Пифагора, Платона», опирался в данном случае (см. соответствующий отрывок из его комментария к «Тимею» в: *Orphicorum Fragmenta. Test. 250. P. 77*) на неопифагорейское предание, зафиксированное в так называемом “Священном слове” (ἱερός λόγος), содержание которого сообщает Ямвлих. Здесь сказано, что Пифагор через Аглаофема (или: Аглаофама) был приобщен к тайному знанию Орфея, обученному мудрости своей матерью Каллиопой; этим объясняется явное сходство пифагорейского богословия, в числе искавшего определение сущности богов, и орфического (*Iamblichus. De vita Pythagorica. XXVIII. 145-151. Petropoli; Lipsiae, 1884. P. 106-111; см. русский перевод В.Б. Черниговского: Ямвлих. Жизнь Пифагора. М., 1998. С. 98-101*). Подробнее см.: *Thesleff H. An Introduction to the Pythagorean writings of the Hellenistic period. Abo, 1961. P. 104-105; Idem. The Pythagorean texts of the Hellenistic period. Abo, 1965. P. 164-165. Сообщения античных авторов об Орфее как родоначальнике поэзии и философии греков см.: Orphicorum Fragmenta. Test. 244-252. P. 74-78. О восприятии Фичино Орфея в качестве одного из древнейших богословов см.: Buck A. Der Orpheus-Mythos in der italienischen Renaissance. Krefeld, 1961. S. 16-23.*

Тот факт, что Фичино уже в «Предисловии» к «Поймандру» в основу своей концепции развития древнего богознания положил схему из «Платоновского богословия» Прокла, свидетельствует о раннем знакомстве гуманиста с этим сочинением или непосредственно в оригинале, или по латинскому переводу Петра Бальби (1462 г.) (Об этом переводе см. подробнее: *Saffrey H.D. Pietro Balbi et le première traduction latine de Proclus*

традиции не Орфея, а Гермеса Трисмегиста¹⁰⁵⁸ или, даже чаще,

// *Miscellanea codicologica F. Masai dicata*. Ghent, 1979. Vol. II. P. 425-437). Сохранился также греческий кодекс сочинений Прокла, в их числе и «Платоновское богословие», с маргиналиями и заметками Фичино, которые вопреки точке зрения Саффри, относившего их к последней декаде жизни гуманиста (не ранее 1490 г.) (См.: *Saffrey H.D. Sur la tradition manuscrite de la Théologie platonicienne de Proclus // Autour d'Aristote. Recueil d'études de philosophie ancienne et médiévale offert à monseigneur A. Mansion*. Louvain, 1955. P. 412; *Idem. Notes platoniciennes de Marsile Ficin dans un manuscrit de Proclus // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1959. Vol. XXI. N 1. P. 163-164, 182-184), составители Каталога трудов и документов Фичино с большим основанием датируют самым ранним (до 1463 г.) периодом его жизни (Catalogo. P. 37). Важно отметить, что в этих заметках Фичино выделяет, касаясь проблематики Прокла, тему преемственности древнего богословия, начатого Орфеем, и видит его естественное продолжение после Платона в трудах неоплатоников: “Proclus dicit quod quinque fuerunt principes theologie grecorum: primo Orpheus, a quo Aglaophemus, a quo Pythagoras, a quo Phylolaus, a quo Plato habuit. Hos quinque diversis verbis et modo diverso in unam penitus sententiam convenere... Quinque post ponit legitimos et veros interpretes illorum, qui etiam eodem modo exposuerint, scilicet Plotinum primo, post Amelium et Porphyrium, post Iamblichum et Theodorum”. Цитированный отрывок опубликован в работе: *Saffrey H.D. Notes platoniciennes...* P. 168.

Кроме того, гуманисту было, конечно же, хорошо известно «Священное слово». В послании к Полициано (ок. 1477 г.) Фичино называет в числе выполненных им переводов с греческого на латынь четыре книги «О пифагорейской школе» (*De secta Pythagorica*) Ямвлиха из Халкиды (*Ficinus M. Vona scribere praestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3*); одной из них и был трактат «О пифагорейской жизни», который содержал предание, возводившее пифагорейскую мудрость к Орфею. Впрочем, перевод этот так и остался неопубликованным. См.: *Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol.1. P. CXLV- CXLVI*.

1058 О Гермесе [в латинской традиции – Меркурии] Трисмегисте, “намного более древнем по времени, чем греческие философы, именуемом богом египтянами и греками за ум и бесконечные познания, превосходящие человеческие возможности”, писал Фичино уже в своем раннем трактате “О Боге и душе” (датирован 27 января 1457 г. по флорентийскому стилю, то есть 1458 г.), тут же указывая на единомыслие Гермеса с христианскими богословами (*Ficino M. De Dio et anima // SF. Vol. II. P. 132*). В послании к Пеллегрино Альи “О божественном неистовстве” (помеченном 1 декабря 1457 г.) Фичино характеризовал Гермеса Трисмегиста как “мудрейшего из всех египтян” (*Ficinus M. De divino furore // Ep. lib. I. P. 612. 2*). Наконец, в пояснении, предвещающем перевод на латынь “Герметического свода” (1463 г.),

Зороастра¹⁰⁵⁹. Первенство Орфея было отвергнуто уже раннехристианскими авторами, которые, используя сообщения античных писателей о путешествии Орфея и тех, кто числился в ряду его последователей, прежде всего Пифагора и Платона, в Египет¹⁰⁶⁰, доказывали, что прямо или опосредствованно (то есть через египетских жрецов) эллинские мудрецы были причастны божественному откровению, сообщенному Моисеем еврейскому народу¹⁰⁶¹. Гермес же Трисмегист мог быть прямо отождествлен с Моисеем, а этот

Фичино представил Гермеса Трисмегиста основателем “школы древнего богословия” (*Idem. Argumentum in librum Mercurii Trismegisti...* // *Op. om.* P. 1836).

1059 Первое упоминание о Зороастре содержится в раннем риторическом сочинении Фичино “Похвалы медицине” (ок. середины 50-х гг.), в котором сказано, что его и Залмоксида последователями были маги (*Ficinus M. Oratio de laudibus medicinae* // *Ep. lib. IV. P. 760. 1*).

Впервые Зороастра во главе “древних богословов” Фичино поставил в «Комментариях к “Филебу”» (не позднее 1469 г.) (*Ficinus M. In Philebum Platonis. I. 17, 26* // *Op. om. P. 1223, 1233*. См. в новейшем изд.: *Ficino M. The Philebus commentary. Ed. by M.J.B. Allen. Berkeley-Los Angeles; London, 1975. P. 181, 247*), затем в трактате “О христианской религии” (1474 г.) (*Ficinus M. De religione Christiana. 22. P. 25 (P. 96)*) и в “Платоновском богословии” (1469-1474 гг.) (*Ficinus M. Theologia Platonica. VI. 1; XVII. 1. P. 156, 386*). Но в “Предисловии к комментариям на Плотина” (1490 г.) Фичино назвал Зороастра родоначальником “благочестивой философии” уже наряду с Гермесом Трисмегистом (см. в начале главы С. 336). См. об этом: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino* // *Rinascimento. II serie. 1990. Vol. XXX (P. 57-104). P. 60*.

1060 См.: *Diodorus Siculus. Bibliotheca historica. I. 23, 69, 96; IV. 25; Плутарх. Об Исиде и Осирисе* // *Вестник древней истории. 1977. N 3. С. 253; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. III. 6-7. М., 1979. С. 151, 152*.

1061 Из ранних церковных писателей о прямом знакомстве с Моисеевыми книгами в Египте некоторых эллинов, в их числе Орфея, Пифагора, Платона, сообщает Юстин Мученик: *Justinus. Cohoratio ad Graecos. 14-15* // *PG. 1857. T. 6. Col. 268-272*. Так или иначе этой темы касаются: *Clemens Alexandrinus. Stromata. I. 15, 22, 25* // *PG. 1857. T. VIII. Col. 768-784, 893, 896, 912-913*; *Origenes. Contra Celsum. I. 15* // *PG. 1867. T. XI. Col. 681, 685*; *Cyrillus Alexandrinus. Adversus Julianum. I* // *PG. 1859. T. LXXVI. Col. 548*; *Eusebius Pamphilus. Op. cit. IX. 6; XIII. 12. Col. 693, 1097*; *Augustinus. De civitate Dei. VIII. 11. Col. 235-236*.

последний заодно и с Мусеем¹⁰⁶² (в котором языческое предание видело Орфеева ученика или учителя).

Выкладки отцов церкви были прочно усвоены гуманистической мыслью¹⁰⁶³. Не мог не считаться с ними и Фичино. Однако, упоминая Зороастра, он еще более удлинял линию древнейшего богословия; причем отождествляя основателя религии персов с внуком Ноя, гуманист подразумевал традицию, уходящую корнями в самые отдаленные времена существования человечества. Оставаясь, таким образом, в полном согласии с основной установкой патристики, Фичино в то же время обыгрывал идеи истории и философии религии своего непосредственного предшественника – византийца Георгия Гемиста Плифона. Именно к Зороастру возводил Плифон религиозные основоположения, которые исповедовали, хранили и передавали в порядке наследования древние богословы, вплоть до Пифагора, Платона¹⁰⁶⁴; вместе с тем византийский платоник предостерегал против того, чтобы в Зороастре видеть их учредителя — ибо «сии истинные догматы совечны миру» и в качестве общих понятий запечатлены богами в душах людей, — но лишь, как подчеркивал не раз, «древнейшего из известных нам толкователей этих верных положений»¹⁰⁶⁵.

1062 Eusebius Pamphilus. Op. cit. IX. 27. Col. 729.

1063 О зависимости первых языческих поэтов-теологов (Мусея, Лиана, Орфея) от Моисея и Пророков писал Боккаччо (“Генеалогия языческих богов”. XIV. 8), не исключая, впрочем, что Моисей и Мусей – одно и то же лицо (См.: Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 2. С. 29-30). Современник Фичино, сиенский гуманист Франческо Патрици, ссылаясь на Диодора, доказывал, что вся эллинская наука богословия – от Орфея, Мусея и до Пифагора, Платона и иных – была приобретена в Египте у тамошних жрецов; именно через них Орфей, и не только он, постиг “Моисееву мудрость” (*Patricius Fr. De regno et regis institutione*. II. 16. Argentinae, 1594. P. 139-142).

1064 *Extraits du commentaire de Pléthon sur les oracles de Zoroastre // Pléthon. Traité des lois*. Paris, 1858. Append. II. P. 279-280. См. в связи с этим: *Dannenfeldt K.H. The Pseudo-Zoroastrian Oracles in the Renaissance // The Studies in the Renaissance*. 1957. Vol. IV. P. 10-11; *Gentile S. Op. cit.* P. 60 и далее; *Allen M.J.B. Marsilio Ficino, Hermes Trismegistus and the Corpus Hermeticum // New Perspectives on Renaissance Thought*. London, 1990. P. 41; *Vasoli C. La prisca theologia e il neoplatonismo religioso*. P. 86; *Idem. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino*. Lecce, 1999. P. 25-26.

1065 *Pléthon. Traité des lois*. 43. P. 252. См. “Антихристианский трактат Георгия Гемиста Плифона” (Перевод И.П. Медведева) в кн.: *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976. С. 238-239. О великой древности*

Здесь же отчетливо сформулирована мысль, к которой в своих рассуждениях подводил и Фичино, о незапамятной древности, а по сути, безначальности богословской традиции. Поэтому вполне вероятно, что, упоминая «платоников», настаивающих на первоучительстве Зороастра, Фичино прежде всего имел в виду Плифона, пусть даже византиец в своих писаниях обходил молчанием Орфея¹⁰⁶⁶. Если при-

Зороастра, жившего будто бы за пять тысяч лет до Троянской войны, сообщает Плутарх (Об Исиде и Осирисе. 46. С. 233-234), на которого Плифон и ссылается (*Pléthon. Traité des lois. Append. II. P. 280; Append. VI. P. 297*). Таковую же датировку указывает Диоген Лаэртский (О жизни... 1. 2. С. 63).

Первая редакция «Законов», главного сочинения Плифона (1360-1452 гг.), была составлена до Флорентийского собора (1439 г.), вторая – в последние годы жизни. См.: *Masai Fr. Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956. P. 401 – 404.*

1066 Это обстоятельство обсуждается в работе Уолкера (*Walker D.P. Orpheus the Theologian... P. 107-109*), который указывает также, что Плифон не упоминал как Орфея, так и Прокла, хотя, несомненно, знал сочинения и того и другого: его рукой переписан один из орфических гимнов, по образцу коих Плифон сочинял свои; равно как и Прокл был не только главным источником для создания византийским платоником хронологии языческой мудрости, но и его собственной философии и теологии. «Пренебрежение» к Орфею можно объяснить общим пренебрежением Плифона к тому, что гуманисты называли «поэтической теологией» (поэтому он не упоминает Мусея, Лина, обычно ставившихся в один ряд с Орфеем), в особенности же к пророческому, богооткровенному знанию, «приходящему якобы от богов» (*Pléthon. Traité des lois. 2. P. 34*), а именно таковым, как известно, предание и наделяло Орфея.

Не совсем понятно, правда, что позволило Фичино, если он все же опирался в данном случае на Плифонову хронологию, ввести Орфея и связать его непосредственно с Зороастром. Ведь Плифон вторым упоминает Евмолпа (см. ниже). Впрочем, Евмолпа некоторые античные писатели называли отцом Мусея (*Диоген Лаэртский. О жизни... 1. 3. С. 63*), того самого Мусея, который у Фичино отождествляется с Моисеем. Но ведь отцом или наставником Мусея античное предание чаще всего называло Орфея. Если иметь в виду, сколь легко Фичино шел на замену одного лица другим, подходящим по роли, или на их отождествление, когда это нужно было для его историософских выкладок, то вполне возможным покажется предположение, что Евмолп, известный как отец Мусея, был заменен на Орфея, которому приписывалось отцовство в отношении того же лица и который, что особенно важно в этой ситуации, занимал высокое место в получившей широкое признание родословной древнего богосказания. Не исключено также,

нять высказанное предположение, будет объяснимо также, почему Фичино, обычно точный в указании источников сообщаемых им сведений или идей, прибегает в данном случае к собирательному названию «платоники»: дело в том, что имя Плифона имело дурную репутацию после того, как он был публично ославлен своими противниками в качестве провозвестника некой новой, грядущей на смену всем другим исповеданиям языческой религии¹⁰⁶⁷. Открытая ссылка на него была бы крайне неблагоразумна, особенно в рассуждениях об исходном единстве богоискательства древних, ибо могла бросить тень на концепцию «всеобщей религии», и без того сомнительную с точки зрения правоверного католика.

Есть и другая сторона проблемы. Как бы ни было велико влияние, которое оказал Плифон на направление духовных устремлений в ренессансном гуманизме¹⁰⁶⁸, все же путь решения религиозных про-

что Фичино дополнил сведения одного платоника, а именно Плифона, сведениями из другого – Плутарха, в одном из своих произведений упоминавшего теософское учение Зороастра наряду с Орфеевым (см.: *Plutarchus. De defectu oraculorum.* 10) – тем более, что византийский ученый сам постоянно ссылается на этого высокочтимого им писателя античности. Таким образом, в числе упоминаемых Фичино “платоников” вполне мог подразумеваться также и Плутарх.

1067 “Я сам слышал во Флоренции (речь идет, по-видимому, о 1439 г. – О.К.), куда греки приехали на собор, как он [Плифон – О.К.] утверждал, что вскоре все люди обратятся единым духом в единую веру. На мой же вопрос, будет ли это религия Христа или Магомета, он отвечал – ни та, ни другая, но такая, которая не будет отлична от язычества”, – доносил читающей публике Георгий Трапезундский в появившемся ок. 1455 г. (или 1458 г.) “Сопоставлении философий Платона и Аристотеля” (*Comparationes Phylosophorum Aristotelis et Platonis.* 1- изд.: Венеция, 1533 г.). И добавлял: «Percepi etiam a nonnullis Graecis... palam dixisse ipsum... non multis annis post mortem suam et Machumetum et Christum lapsum iri et veram in omnes orbes veritates perfulsuram». Отрывок о Плифоне целиком воспроизведен в кн.: *Legrand E. Bibliographie hellénique des XV et XVI-e siècles.* Paris, 1962. Т. III. P. 287.

1068 См. «Предисловие» к переводу Плотина, в котором Фичино сознательно акцентирует связь между пропагандистской деятельностью Плифона, этого «как бы второго Платона» (*quasi Platonem alterum*), сумевшего увлечь своими идеями Козимо Медичи, и собственным “платоническим” призванием гуманиста (*Ficinus M. In Plotini Epitome, seu Argumenta. Prooemium // Op. om. P. 1537*). См. в связи с этим: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P. XXXI-XXXIII.*

блем, избранный мыслителями Возрождения, отличался существенным своеобразием. Несомненно, развернутая панорама постоянной рецепции древнего богословия, единственным основанием коего служит разум, не могла не поразить воображение флорентийского гуманиста настолько, чтобы не оставить следа в его трудах¹⁰⁶⁹. Как можно прочесть в одном месте Плифоновых «Законов», который вопреки стараниям противников избежал уничтожения, все люди выдающегося ума: и Зороастр, старейший из сохранных молвой толкователь божественных и иных вещей у мидян, персов и других народов Азии, и Евмолп, и Минос наряду с другими законодателями и учредителями священнодействий, индийские брахманы, мидийские маги, куреты эллинов, жрецы Додоны и разные прочие прорицатели, семь мудрецов и, разумеется, Пифагор с Платоном, а также самые прославленные философы их школы — Парменид, Тимей, Плутарх, Плотин, Порфирий, Ямвлих — словом, все эти «наиболее разумные люди всех времен» оказываются согласны между собой в большинстве главных вопросов¹⁰⁷⁰. Однако, представляя обширную стародавнюю традицию, Плифон никоим образом не стремится обосновать идею единой религии, объемлющей действительное многообразие верований; цель состояла в другом — в том, чтобы, всесторонне обзрев и сравнив эти сходные в основных пунктах учения и суждения, сделать выбор и присоединиться к наиболее основательному, а таковое, по утверждению Плифона, учение Зороастра, «с которым согласна философия Пифагора и Платона и которое, превосходя остальные совершенством, является вместе

1069 В историографии высказывалось мнение о том, что генеалогия древнего богословия у Фичино обязана своим происхождением прежде всего патристике, а не Плифону (Йейтс Фр.А. Указ. соч. С. 29; Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden; New York, 1990. Vol. II. P. 463). Однако невозможно в данном случае исключить или хотя бы преуменьшить влияние Плифона, а с ним неоплатонической традиции в целом, не рискуя упустить то, что является, как мы пытались показать, существенными компонентами философии религии флорентийского гуманиста. В связи с этим см.: Dannenfeldt K.H. Op. cit. P. 13; Schmitt Ch.B. Perennial Philosophy: from Agostino Steuco to Leibniz // JHI. 1966. Vol. XXVII. N 4. P. 507-511; Klutstein J. Marsilio Ficino et la theologie ancienne. Oracles chaldaïques. Hymnes Orphiques. Hymnes de Proclus. Città di Castello, 1987. P. 6.

1070 Pléthon. Traité des lois. 2. P. 30-34 (С. 179, 181).

с тем для нас [т.е. византийцев, греков. — О.К.] отечественным»¹⁰⁷¹. Речь идет, по сути, о формулируемой на почве неоплатонизма «эллинской теологии», своим рационализмом резко противопоставленной религиям откровения, хотя ее авторитет и мог быть использован для подтверждения правоты православия в догматических спорах с католической церковью¹⁰⁷². Поэтому нет оснований в планах религиозной реформы Плифона, вдохновленных идеей эллинского возрождения, искать те же универсалистские мотивы, которые в концепциях «мира исповеданий», «всеобщей религии»¹⁰⁷³ подразумевали отказ от конфессиональной замкнутости, от признания исключительности и абсолютности любой конкретной религии, подводили к идее веротерпимости.

Рационалистическое богословие Плифона дискредитировало идею откровения, идею уникального, полученного чудесным (сверхприродным) путем знания. Именно этим оно воздействовало сильнее всего на религиозную мысль Возрождения. В ней, правда, божественное откровение не отбрасывается, однако до такой степени утрачивает свой особенный характер, что в качестве вероосновы ничем существенным не выдается по сравнению с тем знанием, которое может быть приобретено естественными способностями. Не случайно Виссарион, кардинал католической церкви и — что весьма показательно — ученик Плифона, призывает «не отрицать того, что у Платона была некая идея нашей [т.е. христианской. — О.К.] религии, выявленная умом с помощью света природы (курсив мой. — О.К.); а Творец и Владыка оной [т.е. природы. — О.К.] затем полнее ее раскрыл и, по милости своей, очевиднее засвидетельствовал в божественном учении своего Сына... Из сего становится ясно, что

1071 Ibid. 2, 43. P. 34, 255 (С. 180, 239, 240). См.: *Masai Fr.* Op. cit. P. 130-143.

1072 *Pléthon. Traité sur la procession du Saint-Esprit // Pléthon. Traité des lois. Append. VII.* P. 302. См. подробнее: *Schultze F. Georgios Gemistos Pleton und seine reformatorische Bestrebungen.* Jena, 1871. Th. I. S. 37-39, 61-63.

1073 А именно к этому склоняется Гарэн (см.: *Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения.* С. 157-159), ссылаясь в подтверждение на свидетельство Георгия Трапезундского. Вопрос о том, насколько адекватно переданы взгляды Плифона его противником, нуждается в самостоятельном специальном рассмотрении.

некоторые основоположения истинного богословия берут начало и как бы истекают из Платоновых писаний»¹⁰⁷⁴.

Ренессансные мыслители охотно признают положение, усвоенное в свое время раннехристианскими авторами в апологетических целях из некоторых эклектических систем эллинизма, гласящее о том, что языческая мудрость заимствована из священных текстов, содержащих откровение¹⁰⁷⁵. Цитируя отцов церкви, Фичино не уста-

1074 *Bessarion. In calumniatorem Platonis. II. 5. 9. Paderborn, 1927. P. 102-103.* О том, в чем усматривал Виссарион близость Платона к христианству, см.: Садов А. Виссарион Никейский, его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883. С. 219-230.

1075 Виссарион, ссылаясь на известные места из Кирилла и Евсевия (см. выше С. 346. Примеч. 1061.), доказывал связь «платоновского богословия» со Священным Писанием, поскольку-де Платон, как и Пифагор, будучи в Египте, не обошел своим усердным вниманием и Моисеево учение (*Bessarion. In calumniatorem Platonis. III. 8. 2. P. 245*). Фичино, по-вторявший эти же сведения для подтверждения мысли общего плана — о том, что всякое достойное внимания мнение, положение, священное установление язычников позаимствовано у иудеев, — называет в трактате «О христианской религии» более широкий круг источников, не ограничиваясь только раннехристианскими авторами. См.: *Ficinus M. De religione Christiana. 26. P. 30 (P. 110)*.

Обратим внимание также на то место у Полидора Вергилия (1470-1555), где, разбирая сведения об истоках эллинской философии, итальянский гуманист, основная литературная деятельность которого протекала в Англии, утверждал, опираясь на Евсевия, что «философия, а равно почти все прочие науки ведут свое происхождение от евреев» (*Polydorus Vergilius. De rerum inventoribus. 1. 16. Amstelodami, 1671. P. 51*).

Первые защитники христианства приводили в подтверждение своего тезиса свидетельства разных древних авторов. Ориген ссылался на биографа Гермиппа (III-II вв. до н. э., последователь Каллимаха из Александрии), писавшего о том, что «Пифагор свою философию принес грекам от иудеев» (*Origenes. Contra Celsum. I. 15. Col. 681*). Более популярны среди отцов церкви, а затем, в эпоху Возрождения, у гуманистов стали сообщения эллинизированного иудея, перипатетика Аристобула (Ш-П вв. до н.э.) и пифагорейца Нумения из Апамеи (II-III вв.): первый доказывал в специальном сочинении, длинные выдержки из которого приводят Климент и Евсевий, зависимость философии греков (речь идет о Пифагоре и Платоне) от иудейских источников; второй в цитированных отцами церкви отрывках из его произведений стремился сблизить пифагорейско-платоновскую традицию с восточными культами и философскими системами и особенно подчеркивал родство

вал повторять по разным поводам сохраненную ими мысль пифагорейца Нумения о том, что «Платон не кто иной, как второй Моисей, говоривший на аттическом наречии», и доказывал в специальном сочинении «согласие Моисея и Платона», то есть основных положений афинского философа и законодателя еврейского народа, подчеркивая, что в такого рода истолковании платонизма состоит цель предпринятых им трудов¹⁰⁷⁶. Главное свое произведение, «Платоновское богословие», гуманист также преподносил как комментарий (*quasi commentarium*), «в котором по мере сил мы излагаем сокрытое учение Платона и, следуя скорее духу его, чем букве, совлекаем поэтические покровы, дабы показать созвучие платоновских мыслей с божественным законом»¹⁰⁷⁷. Речь шла не только о Ветхом Завете, причастность которому древнего мудреца считалась давно установленной и не подлежащей сомнению, но и о Новом, ибо, как пишет Фичино, ссылаясь на Августина, Платон подошел ближе всех к истине христианства, а платоники, коим этот отец церкви отдавал предпочтение перед другими философами, могли бы стать христи-

между учением эллинических мудрецов и Библией. См.: Лосев А.Ф. ИАЭ. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 132; Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино. С. 63-64.

1076 “Numenius Pythagoricus quem Origenes non solum Pythagoricis, verum etiam philosophis pene omnibus anteponebat, cum et Mosaicos et Platonicos legisset libros, ait se in Platone Mosem agnovisse, nihilque aliud esse Platonem quam alterum Mosem Attica lingua loquentem” (*Ficinus M. Concordia Mosis et Platonis*. P. 866. 3 (С. 265)). В небольших вариациях это положение провозглашается в послании к Иоанну Николлини (*Ficinus M. Quod pia sit platonica disciplina // Ep. lib. VII. P. 855. 1*), в трактате «О христианской религии» (*Ficinus M. De religione christiana*. 26. P. 31 (P. 110)) и в «Комментарии к “Тимею”» (*Ficinus M. In Timaeum commentarium. XXIV // Op. om. P. 1449*). В связи с этим см. исследование: *Allen M.J.B. Marsilio Ficino’s interpretation of Plato’s “Timaeus” and its myth of the Demiurge // Supplementum Festivum. Studies in honor of Paul Oscar Kristeller. Binghamton; New York, 1987. P. 419-421.*

Слова Нумения, цитированные Фичино, приводят Климент Александрийский (*Clemens Alexandrinus. Stromata*. I. 22. Col. 893, 896) и, со ссылкой на Климента, Евсевий Кесарийский (*Eusebius Pamphilus. Praeparatio evangelica*. IX. 6-7. Col. 693, 696). Мнение Оригена о Нумении см.: *Origenes. Contra Celsum*. I. 15; IV 51. Col. 681, 1112.

1077 *Ficinus M. Quod pia sit platonica disciplina*. P. 855. 1.

анами, изменив лишь немного: ведь начало Евангелия от Иоанна у них можно найти почти целиком¹⁰⁷⁸.

Указания на такого рода связь и заимствования не столько подрывали доверие к языческой мудрости¹⁰⁷⁹, сколько, напротив, ее

1078 “...asseritque [Augustinus] Platonicos mutatis paucis Christianos fore” (Ficinus M. *Theologia Platonica. Prooemium.* P. 78). См. послание к Николини, где эта мысль развернута полнее (Ficinus M. *Quod pia sit platonica disciplina.* P. 855. 1), и послание к Якову Рондони «Plato multa Christianis consentanea dixit. Platonici multi Christiana sunt imitati» (Ep. lib. XII. P. 956. 2). Соответствующие места у Августина: *Augustinus. Confessio.* VII. 9. 13-14 // PL. 1845. T. 32. Col. 740-741; *Idem. De civitate Dei.* VIII. 1-13. Col. 223-238. См.: Purnell Fr. *The theme of philosophic concord and the sources of Ficino’s platonism* // MFRP. T. 2. P. 398-401; Allen M.J.B. *The second Ficino-Pico controversy. Parmenidan poetry, eristic, and the one* // MFRP. Vol. II (P. 417-455). P. 449-450; Allen M.J.B. *Marsilio Ficino’s interpretation of Plato’s “Timaeus”...* P. 421-434; Черняк И.Х. *Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности* // *Античное наследие в культуре Возрождения.* М., 1984. С. 35-36.

У Виссариона по поводу близости платонических и евангельских текстов ссылака дана не только на Августина, но также на Фому Аквинского: *Bessarion. Op. cit.* II. 16. 1. P. 296-297. Ср.: Thomas Aquinas. *Summa theologica.* Ia. Q. 32. Art. 1. Ad 1. Ср. у Роджера Бэкона, другого светоча высокой схоластики, мысль о близости философии древних и христианства: “Multaque hic allegare possunt de dictis philosophorum que saltem sunt in consolatione fidei nostre” (Bacon R. *Opera hactenus inedita.* Fasc. V / Ed by R. Steele. Oxonii, 1920. P. 37. Речь идет о комментарии к сочинению – *Secretum secretorum.* I.1)

Старший друг и покровитель Фичино епископ Антоний Альи соглашался с ним в том, что Платону, поскольку он путешествовал в Египет, могло быть известно Священное Писание, но при этом, явно метя в своего молодого товарища, замечал, что “Августин не утверждает, будто в книгах платоников можно обнаружить начало Евангелия от Иоанна” (См.: Fubini R. *Ficino e i Medici all’avvento di Lorenzo il Magnifico* // *Idem. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura.* Pisa, 1996. P. 257 N 51).

1079 Правда, были и компрометирующие обвинения в плагиате. С ними выступил Лефевр д’Этапль в предисловии к трудам Псевдо-Дионисия (в переводе Амвросия Траверсари), в котором в числе прочих свидетелей он называл и Фичино, утверждавшего, что платоники — Нумений, Филон, Плотин, Ямвлих, Прокл — богословское учение усвоили (*usurpaverunt*) от Иоанна, Павла, Иеротея, Дионисия Ареопагита (Ficinus M. *De religione Christiana.* 22. P. 25 (P. 96)); при этом издатель Псевдо-Дионисия добавлял: если бы Фичино «не хотел быть снисходительнее к врагам христианской мудрости, он сказал бы прямо — украли» (*Faber Stapulensis I. Piis lectoribus* // *Dionysius*

уравнивали с библейской и христианской, способствовали небывалому до тех пор повышению престижа всей античной философии и культуры. Оказывается, что в сказаниях поэтов, рассуждениях философов, произведениях искусства содержатся те же поучения, которые сообщены в текстах Священного Писания. Авторитет и роль иных язычников в делах религии не менее значимы, чем тех, кто выступал ее основателем или обновителем. Не случайно у Фичино читаем, что «закон Моисеев, не вполне совершенный... исправил не только Господь в Евангелии, но также Сократ и Платон»¹⁰⁸⁰.

По существу здесь мы находим иллюстрированную примерами идею вселенского согласия, одним из важнейших аспектов которого является единство, раскрывающееся в религиозных учениях.

Areopagita. Coelestis Hierarchia, Ecclesiastica Hierarchia. Venetiis, 1551). Позиция, занятая Лефевром д'Этаплем, характерна для целого ряда представителей «христианского гуманизма». См. Walker D.P. The «Prisca Theologia» in France. P. 217-221, 253-255.

1080 “Item legem Mosaicam quasi non penitus absolutam, sed pro capacitate suscipientium datam, non solum Dominus in Evangelio emendavit, sed Socrates etiam atque Plato” (Ficinus M. In Epistolas D. Pauli. 5 // Op. om. P. 424).

С этим утверждением вполне созвучно, как пишет Фичино, “весьма вероятное предположение о том, что философы, жившие далеко в прошлом [то есть до прихода Христа, тем не менее] могут быть спасены, если не нарушали десяти заповедей Закона, данного Богом Моисею, повиноваться коим Господь обязал весь род людской на все времена”. Оказывается, постичь эти заповеди можно и без Откровения благодаря одной только “естественной способности суждения” (per naturale discretione). Следствием указанного “весьма вероятного предположения” является мысль о том, что могут быть “не осуждены на ад те, кто не был крещен прежде, чем было предписано креститься...” (см. письмо Фичино к неизвестному другу, опубликованное в конце второго издания итальянской версии трактата “О христианской религии” (1484 г.): SF. Vol. I. P. 13-14). О той же “естественной способности суждения” как средстве постичь некоторые Моисеевы законы, предписывающие, в частности, культ единого Бога и устои нравственной жизни и открытые уже Пифагором, Сократом, Платоном и им подобными мудрецами древности, – которые за это, даже не будучи крещены, избежали царства мертвых и оказались в лимбе в ожидании прихода Мессии, – см. в послании Фичино гуманисту, канцлеру венецианского дожа Антонио Ивани (Ficinus M. De salute Philosophorum ante Christi adventu // Ep. lib. V. P. 806. 3). См. в связи с этим: Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1897. Т. II. С. 152-153.

«Истина истине противоречить не может», в какой бы оболочке она ни заключалась – поэтической, богословской, философской и любой другой. Опираясь на это положение, гуманисты защищали право изучать языческих поэтов, доказывали, как, например, Колюччо Салютати, «удивительное согласие» внутреннего смысла их творений с богословской истиной¹⁰⁸¹ или же – и эту мысль мы встречаем не только в сочинениях Фичино – демонстрировали совпадение основных положений светочей древней философии с христианством, им еще не ведомым, а заодно и с мусульманством¹⁰⁸². В отличие от продолжателей схоластической традиции, вроде Иоанна Доминичи, стремившихся отстоять исключительную, монопольную привилегию христианства на истинность¹⁰⁸³, Фичино, как и другие ренессансные мыслители, исхо-

1081 См. полемическое послание Салютати к фра Иоанну да Сан-Миньято: “... sique voluerimus ad intrinseca vatum et poetarum intima debite curiositatis diligentia penetrare, nonne miras et latentes veritates inueniemus, ut sensus intrinsecus, licet secundum corticem laudant carmine poetarum et velit foliorum umbraculis delilescant, miram habeat cum verus sit, cum theologica veritate concordiam, nec sit ab eius penetrabilius excludendus? inter veritates etenim et veritates nulla dissensio nihilque quod se mutuo destruant vel repugnet adiuvant atque fovent se vicissim aut omnino non nocent». *Salutali C. Epistolario*. A cura di F. Novati. Roma (Vol. I-IV, 1891-1911), 1905. Vol. IV. Pt. I. P. 183-184. Подробнее см.: *Trinkaus Ch.* Op. cit. Т. II. P. 689-704; *Горфункель А.Х.* Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения // *Античное наследие в культуре Возрождения*. С. 12-13; *Ревякина Н.В.* Миф о Геракле в толкованиях гуманиста Салютати. Бахрушинские чтения. Вып. III. Вопросы всеобщей истории. Новосибирск, 1973. С. 37.

1082 «Socrates et Plato et Aristoteles Philosophorum principes, de mundi regimine, de immortalitate animarum, de Deo eadem crediderunt, quae Christiani, quamvis aliqua novae legis arcana quae nondum aedita erant ignoraverunt», — убеждал Эней Сильвио Пикколомини султана Мехмеда II в своем послании к нему (1461 г.) и далее подводил к мысли, что если проанализировать, то и положения мусульманского вероучения окажутся не противоречащими этим (*Aeneas Sylvius Piccolomini. De fide Christianorum ad Turcam* // *Opera omnia*. Basileae, 1571. P. 879).

1083 Отсюда враждебное отношение к античной философии и поэзии, всякому вне откровения возникшему знанию вообще, пагубному, по мнению схоластов, для христианского благочестия. См. в связи с этим известный полемический трактат Иоанни Доминичи «Светляк в ночи», адресованный Салютати (*Dominici G. Lucula noctis*. 13, 15, 18, 26, 33, 39, 46. Notre Dame, 1940.

дил из убеждения, что «единый свет истины» заключен во всем¹⁰⁸⁴; а из этого следует, что всякая вера, всякое учение, направление человеческого духа вообще содержит в себе черты универсальности и, как таковое, обладает основой для синтеза с другими.

Налицо своего рода философия культуры, заключающая в теории единой истины мысль о действительном единстве совокупного духовного опыта человечества. В общем виде она присутствует у Николая Кузанского¹⁰⁸⁵, у Фичино уже вырисовываются ее основные контуры, однако в полной мере ее развернул только «вождь Согласия» (*dux Concordiae*) — так дружески глава флорентийских платоников именовал Джованни Пико дела Мирандола, обыгрывая в звучании его титула синьора Конкордии (*«concordia»* — по латыни «согласие») стремление «постоянно примирять иудеев с христианами, перипатетиков с платониками, греков с латинянами»¹⁰⁸⁶.

Р. 119, 129-131, 147, 212, 265, 339, 412, 413). Более подробно о нем и ему подобных гонителях светских наук см.: Горфункель А.Х. От «торжества Фомы» к «Афинской школе» // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 148-149; Он же. Полемика вокруг античного наследия... С. 7-17.

1084 «*Quamvis autem varias sapientiae, scientiae, prudentiaeque doctrinas contuearis: in cunctis tamen unicam esse veritatis lucem existimato...*» (*Ficinus M. In Convivium Platonis, De Amore. VI. 18* // *Op. om.* P. 1354. См. также: *Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon, de l'Amour. Ed. Par P. Laurens. Paris, 2002. P. 201*; Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви. Перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Ренессанса. Составитель В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 216).

1085 О философии религии Николая Кузанского см. подробнее: *Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения. С. 31-33*; *Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». С. 229-230, 252-254.*

1086 См. послание Фичино Роберто Сальвиати и Джироламо Бенивьени: *Ficinus M. De tribus gratiis et concordia* // *Ep. lib. VIII. P. 890. 3.* Подробнее о концепции Пико см.: *Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма* // *Религии мира. 1989-1990. История и современность. М., 1993. С. 53-54; см.: С. 283-284.*

ГЛАВА VIII. «СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНИ ОБЩНОСТЬ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Фичино не оставил сколько-нибудь пространных рассуждений по социальной проблематике. Возможно, поэтому, вплоть до настоящего времени в многочисленных исследованиях, посвященных творчеству гуманиста, о его общественных воззрениях не упоминали даже вскользь¹⁰⁸⁷. И напрасно, поскольку по разным поводам высказанные мысли Фичино о наилучшем общественном устройстве были восприняты и развиты в социальной теории следующего XVI в.¹⁰⁸⁸.

Фичино любил ссылаться на древнюю поговорку «у друзей все общее» как на принцип отношений, которым следует руководствоваться в возглавляемом им ученом товариществе, известном теперь под именем Платоновской академии. «Поскольку у друзей все должно быть общим, получи во всяком случае то, что ты просил», – писал Фичино Анджело Полициано, направляя ему перечень названий всех завершенных к тому времени (сентябрь 1476 г.) своих трудов¹⁰⁸⁹. Фичино настаивал на том, что общность между друзьями должна стать всеохватывающей, «ибо не может быть ничего частного

1087 Исключением являются несколько работ автора этих строк: Кудрявцев О.Ф. Идея “общности” у Марсилио Фичино // ИСУ. М., 1982. С. 226-235; Он же. Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV-XVII веков и утопии // ИСУ. М., 1984. С. 228-229; Он же. Гуманистический идеал общежития: Фичино и Эразм // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 67-77.

1088 См. об этом: Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 102-128.

1089 “Quoniam amicorum omnia communia sint, utcunque sit, accipe quod petieras” (*Ficinus M. Vona scribere prestat quam multa* // Ep. lib. I. P. 619. 3). О датировке этого письма см.: *Gentile G. Introduzione* // *Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P. CCLIX*. См. также в связи с затронутой темой наст. изд. С. 178-179.

там, где душа общая»¹⁰⁹⁰. На самом деле, конечно, речь, в первую очередь, шла об общности интересов, устремлений, ученых занятий, или о некоей «философской общности». Ее трактовку Платоном гуманист пояснял в знаменитом послании Мартину Уранию (Преннингеру)¹⁰⁹¹, приводя длинный список своих друзей, соединенных «общностью занятий свободными науками»¹⁰⁹². Ее же подразумевал он и в послании к Ипполито Гаццольдо, сообщая, что «нашего Франческо Берлингьери в качестве философского друга я приобщил к этому [платоническому учению об истинном назначении философа; курсив мой – О.К.]»¹⁰⁹³.

Говоря о пирах, принятых в ученом товариществе флорентийских платоников¹⁰⁹⁴, Фичино упирал на то, что их цель – «не совместная трапеза и попойка, но *сладостная жизни общность*», или «наслаждение в этом совместном питании тела одним и тем же благом ума и жизни и общим желанием (курсив мой. – О.К.)»¹⁰⁹⁵. Как может обнаружиться это единство воле, видно из письма к Франческо Берлингьери, в нем гуманист, высказывая адресату пожелание «всей Академии» здравствовать, замечает: «Все у нас (по обычаю пифагорейцев) общее. Что я хочу, то же хотят все. Что желает каждый, то очень желаю и я. И не нужно этому дивиться, ведь все

1090 *Ficinus M. Nihil potest esse proprium ubi communis animus // Ep. lib. V. P. 783. 2.*

1091 “*Idem [Plato] in epistolis ait, philosophicam communionem omni alia non solum benevolentia, sed etiam necessitudine praestantiorum stabilioremque existere*” (*Ficinus M. Catalogus familiarum atque auditorum // Ep. lib. XI. P. 936. 2*).

1092 “... *amicorum videlicet nostrorum catalogum, non ex quovis commertio vel contubernio confluentium, sed in ipsa duntaxat liberalium disciplinarum communiione convenientium*” (*Ibid. P. 936. 2*).

1093 “*Haec ego Francisco Berlingherio nostro tanquam amico philosophico communia feci*” (*Ficinus M. De Platonica philosophi natura, institutione, actione // Ibid. IV. P. 763. 1*).

1094 См. С. 155-159.

1095 “*Huius autem finis esse videtur, quod eius indicat nomen non commensatio, non compotatio, ut est apud graecos, sed dulcis vitae communio. Ut quemadmodum in eo communi vescimur corporis alimento ita eodem mentis vitaeque bono et communi voluntate fruamur*” (*Ficinus M. De sufficientia, fine, forma, materia, modo, condimento auctoritate convivii // Ep. lib. III. P. 739. 2*).

мы едины в Том, Кто один лишь воистину един. Все мы пребываем в Том, Кто, единственный, должен быть любим ради Него самого»¹⁰⁹⁶.

Как видим, Фичино описывает некое согласное бытие, зиждущееся причастностью к неизмеримо более высокому, Божественному единству. По Фичино, который опирался на давнюю христианскую традицию¹⁰⁹⁷, именно Богом был установлен для всего живого закон общности, но его нарушили люди, заявившие частные права на обладание «внешними» благами, что стало причиной всевозможных зол и раздоров, укоренившихся в мире; и не иначе как восстановление Божьей правды на земле преподносилось Фичино правило общности, введенное Пифагором для друзей, а Платоном для граждан¹⁰⁹⁸.

Таким образом, принцип общности рассматривается Фичино как универсальная норма межчеловеческих отношений, годная дать совершенный строй жизни не только небольшим объединениям, вроде его «платонического братства», но и более крупным социальным образованиям и даже государствам.

Преимущества этого принципа Платон раскрывал мало-помалу, как тайну – пишет Фичино в пояснении к четвертой книге его «Государства» – и заключаются они в том, что, когда все у всех общее, и одни не имеют больше, а другие – меньше, тогда нет места среди людей зависти, обману, воровству, а равно изнеженности, гордыне,

1096 “... ita salve, ut salvere ipsum non à Marsilio tamen, sed etiam ab academia tota amatissima tui accepisse te putes. Omnia inter nos (Pythagoricorum more) communia. Quod ipse volo cuncti volunt, quod cupiunt singuli et ipse percipio. Neque id quidem mirum videri debet, nam omnes in eo unum sumus, qui ipse re vera solus et unus. Omnes in eo stamus, qui sua virtute permanet solus, omnes in eo amamus invicem, qui solus est propter seipsum amandus” (Ficinus M. Franciscum Berlingherio filio, litteris et moribus ornatissimo // Ibid. VII. Prooemium. P. 841. 1).

1097 См. в связи с этим: Кудрявцев О.Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья (до Фомы Аквинского) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 76-86.

1098 «Deum aquam universam aquaticis singulis, terram terrenis voluit esse communem; solus homo infelix animal, que Deus coniunxerat separavit. Imperium suum, quod natura fuerat amplum, cohibuit in angustum: “meum” in orbem introduxit et “tuum”, dissensionis totius malique initium; quapropter non iniuria Pythagoras statuit inter amicos, Plato inter cives omnia esse communia» (Ficinus M. Quis dives iniustus sit, quis iustus // Ep. lib. I. P. 642. 3).

лености; кроме того, замечает далее Фичино, и избыток имущества, и его недостаток неблагоприятны не только для нравов и согласия в обществе, но также для дарований и искусств¹⁰⁹⁹. Получалось, что именно строй общности обеспечивает нравственную чистоту и способствует раскрытию заложенных в человеке талантов, расцвету духовной культуры. Конечно, именно это делало его наиболее привлекательным для ренессансных гуманистов, и Фичино был одним из первых среди них, кто выступил с его открытой защитой¹¹⁰⁰.

Свои пояснения к пятой книге Платонова «Государства» Фичино открывает заявлением: «Мне ведомо, что найдутся люди, ожидающие от нас апологию, которой бы мы защитили от наветов как злопыхателей, так и невежд сей пятый диалог, устанавливающий в государстве полную общность. Однако пусть почитают самого Платона, и причем почитают внимательно, и поразмышляют без предубеждения. И никакая апология (я убежден) им не потребуется...»¹¹⁰¹.

1099 “Unde sensim descendit ad mysterium suum, ut omnia videlicet sint communia, ne alii minus, alii vero plus habeant, et inde invidiae, mendacia, furta, et hinc luxuria, superbia, pigritiaque nascantur. Adde quod possessio rerum tam excedens, quam deficiens, non solum moribus et concordiae, sed ingenio etiam et artibus obest” (*Ficinus M. In dialogum quartum, de Justo, epitome // Op. om. P. 1402*).

Эту же мысль о вреде для наук и искусств как избыточного, так и недостаточного имущественного состояния повторял Фичино в письме к Валерию Римлянину, подводя, впрочем, не к идее общности, но предпочтительности среднего достатка: “Tam maxime rerum omnium copia genus hominum impedit, quam inopia. Mediocris rerum possessio et temperatus fortunae status ut securior est, et iucundior et stabilior, sic et Minervam et Musas accommodatior” (*Ficinus M. Foelix qui sua contentus est sorte // Ep. lib. III. P. 727. 1*).

1100 По-видимому, немногим раньше, чем Фичино, с симпатией о строе общности, характерном, как считалось, для изначальной жизни и изображенном Платоном в его идеальном государстве, писал другой флорентийский гуманист Маттео Пальмиери в сложной дантовскими терцинами поэме “Град жизни” (*Città di vita, 1454-1464 гг.*). См.: *Palmieri M. Libro del poema chiamato Città di vita composto da Matteo Palmieri Fiorentino. Ed. M. Rooke // Smith college studies in modern languages. 1928. Vol. IX. P. 141-143, 198-199 (Lib. III. Cap. XI, XXII)*. Подробнее на эту тему см.: *Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и “Утопия”*. С. 143-147.

1101 “Non sum nescius fore nonnullos, qui Apologiam a nobis expectent, qua quintum hunc dialogum communionem omnium in civitate ponentem,

Слова эти сказаны не случайно. Предостерегая против односторонних, предвзятых и некомпетентных суждений, интерпретатор Платона приводит далее аргументы и примеры в пользу идеала «жизни сообща». Фактически вопреки своему обещанию Фичино пишет апологию, хотя и не слишком пространную. Она обращает на себя внимание содержанием и пафосом и, первая в ряду других подобных документов, заставляет присмотреться к тем явлениям, без учета которых будет непонятно или истолковано превратно такое выдающееся произведение ренессансной эпохи, как «Утопия» Томаса Мора, венчающее гуманистические размышления о совершенном общественном порядке.

Кого имеет в виду Фичино, с абсолютной достоверностью указать невозможно; несомненно лишь, что обращается он прежде всего к гуманистам, к той аудитории избранных и посвященных, в которой дискуссии о наилучшем общественном порядке приобрели особую актуальность.

Поворот к Платону, его пониманию справедливости и наилучшего государственного устройства произошел в среде гуманистов не сразу и не просто. Популяризатор наследия Платона и один из первых переводчиков его «Государства» Леонардо Бруни Аретино отмежевывался от учения об общности в идеальном государстве жен, детей и всего прочего. Опираясь на авторитет Аристотеля, он указывал на несовместимость такого строя со сложившимся укладом жизни и принятыми обычаями¹¹⁰². Аристотелевы возражения против обобществления имущества и чрезмерного единства государства оставались главным аргументом сторонников противоположной точки зрения и без значительных изменений повторялись из века в век на протяжении двух тысячелетий. Средневековые апологеты частной собственности особенно упирали на нерадивость, которую порождает совместное владение, и возникающую из этого в качестве последствия неустроенность социальной жизни¹¹⁰³.

defendamus contra calumnias, tum maledicorum, tum etiam ignorantium. Verum legant Platonem ipsum praecor, legant diligenter, ac sine invidia iudicent, Apologiam (scio quid loquar) nullam desiderabunt” (*Ficinus M. In dialogum quantum, de Justo, epitome. P. 1406*).

1102 *Leonardo Bruni Aretino. Vita Aristotelis // Idem. Humanistisch-Philosophische Schriften. Leipzig; Berlin, 1928. S. 45.*

1103 См. у Жана Буридана, почти дословно воспроизводящего Аристотеля

Их идеи нашли питательную почву в тех кругах и тех слоях общества, которые были заинтересованы в сохранении существующих отношений собственности и общественных порядков. Свидетельством тому могут быть «Записные книжки» купца Джованни Ручеллаи, одного из богатейших людей Флоренции середины XV в. В них содержатся те же доводы, которые были общим местом томистской схоластики, излагались в сочинениях самого Фомы Аквинского и его последователей, в их числе Антонином Флорентийским, современником Ручеллаи и Фичино, автором «Богословской суммы», этой энциклопедии хозяйственной практики и этики позднего средневековья¹¹⁰⁴. «Земля, владения и имущество... – пишет Ручеллаи,— общие у людей в соответствии с природными основаниями. Но поскольку оные общие вещи оказались в небрежении и запущении, став причиной нескончаемых раздоров, люди измыслили и установили между собой власть над вещами для того, чтобы эти раздоры и нерадивость прекратились»¹¹⁰⁵.

Как видим, Фичино имел основания для предостережений. Он не мог не знать, что пропаганда идеи общности найдет сочувствие не у всех гуманистов, вызовет недовольство, а возможно, и решительное сопротивление схоластов и тех, кто заинтересован в незыблемости противоположных воззрений. Правда, говоря о «злопы-

(Политика b 30-35): "... minime enim cure sortitur, quod plurimum commune est; de propriis autem maxime curant, de communibus autem minus, quam quantum unicuique attinet". Фрагмент комментария к гл. 10 кн. V "Никомаховой этики" (*Buridanus J. Questiones super decem libros ethicorum Aristotelis ad Nichomachum. Parisiis, 1518. Questio 27*) см.: Kisch G. Erasmus und die Jurisprudenz seiner Zeit. Basel, 1960. S. 487.

1104 Указанная зависимость и чрезвычайное сходство объясняются скорее всего тем, что архиепископ Флоренции Антонин, хранитель и продолжатель томистской традиции в богословии и философии, был фактически одним из идеологов торгово-ростовщической городской верхушки. Более чем вероятно прямое знакомство с весьма любознательным, но полубразованным купцом (Джованни Ручеллаи не владел латынью), которому высокоученый прелат мог разъяснять интересующие его вопросы, знакомя с выкладками Аквината и своими собственными. Об Антонине Флорентийском см.: Ilgner K. Die volkswirtschaftlichen Anschauungen Antonins von Florenz (1389-1459). Paderborn, 1904; Pfister A. Die Wirtschaftsethik Antonins von Florenz (1389-1459). Freiburg in der Schweiz, 1946.

1105 Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. London, 1960. P. 12.

хателях» и «невеждах», Фичино едва ли подразумевал персонально своего именитого предшественника Леонардо Бруни, с которым его должна была связывать общность в занятиях и культурных устремлениях, а также архиепископа Антонина и купца Ручеллаи, с которыми Фичино был лично знаком и, по-видимому, находился в добрых отношениях¹¹⁰⁶.

Впрочем, как указывает Фичино, были и такие, которые ожидали от него выступления в защиту идеального государства, обрисованного у Платона. Имел ли он в виду только подобных себе приверженцев Платонова наследия, или также гуманистов, высказывавших сходные взгляды, однако с опорой на иную традицию,— утверждать с определенностью невозможно. Важно подчеркнуть, что Фичино был не одиноким мечтателем, который цеплялся за поверья, представлявшие лишь антикварный интерес. Духовное наследие античности имело для ренессансных мыслителей, мнивших себя его реставраторами и единственными законными распространителями, чрезвычайную идеологическую актуальность и столь высокий авторитет, каковым оно не располагало ни в средние века, ни позже. Переводы и изучение Платона, особенно его «Государства», явились основательным поводом к пересмотру господствующих воззрений на отношения собственности и существующего порядка, стимулировали разработку в кругах гуманистов концепций новой социальности¹¹⁰⁷.

Излагая идею, которая вдохновляла Платона в его «Государстве», Фичино поясняет: «Словом сознавая, что род людской ничего не приобрел за столько веков от законов, производящих разделение вещей в собственность, более того, день ото дня клонится к худшему, он (Платон. – О.К.) не без основания обратился к законам дружбы, предписывающим друзьям иметь [все] общим, дабы, устранив разделение, а также причину разделения и бедствий, мы обрели со-

1106 О связях Фичино с Антонином см.: *Marcel R. Marsile Ficin (1433-1499)*. Paris, 1958. P. 204-212, 408, 409. Об отношениях с Джованни Ручеллаи говорит тот факт, что Фичино стал одной из “жертв” любознательности купца, который просил гуманиста разъяснить, что такое фортуна и как ей можно противостоять. См.: *SF. Vol. II*. P. 169-172.

1107 См. в связи с этим: *Surtz E. The praise of pleasure: philosophy, education and communism in More’s Utopia*. Cambridge (Mass.), 1957. P. 152, 161.

гласие, единство, счастье...»¹¹⁰⁸. Фичино подчеркивает, что в основе Платонова идеала общности лежит принцип совершенных отношений дружбы. Его формулировка повторялась как общее место в античной и раннехристианской литературе¹¹⁰⁹. Но особую популярность эта максима приобрела в сочинениях ренессансных мыслителей. Она стала своего рода девизом самого гуманистического движения, которое, хотя и испытывало потрясения от распрей школ и личной вражды, провозглашало в качестве истинной нормы отношений общность и единство друзей.

Эразм, открывший ею собрание пословиц («Адагии» 1 изд. – Париж, 1500г.), пояснял: «Τὰ τῶν φίλων κοινὰ» означает «у друзей все общее». Поскольку нет другой поговорки более поучительной и прославленной, чем эта, то пусть ею счастливо возвестится сие обозрение адагий. Ибо если бы она укоренилась в душах людей столь же прочно, как у всякого в речах, то, несомненно, из нашей жизни ушла бы бóльшая часть ее тягот»¹¹¹⁰. Эразм приводит целый

1108 “Cognoscens ergo genus humanum per leges distribuentes propria tot seculis nihil proficere, imo vero in deterius quotidie labi, non iniuria ad amicitiae se transtulit leges, communia inter amicos fore iubentes, ut divisione divisionisque, miseriae sublata causa, concordiam, unionem, felicitatemque consequeremur...” (Ficinus M. In dialogum quintum, de Justo, epitome. P. 1406).

1109 См., например: *Еврипид. Андромаха.* 376 // Еврипид. Трагедии. М., 1980. Т. 1. С. 305; *Платон. Законы.* 739c // Сочинения. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 213; *Он же. Государство.* 424a // Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 212; *Аристотель. Никомахова этика.* 1159b 31 // Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 232; *Теренций. Братья.* 803 // Теренций. Комедии. М., 1985. С. 483; *Менандр. Фрагменты.* 10(9) // Менандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982. С. 302; *Цицерон. Об обязанностях.* I. XVI. 51 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 71; *Он же. О законах.* I. 33-34 // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 99; *Марциал. Эпиграммы.* 11. 43. 1 // Марциал. Избранные эпиграммы. М., 1937. С. 37; *Диоген Лаэртский. О жизни, изречениях и учениях знаменитых философов.* 8.10. М., 1979. С. 335; *Plutarchus. De fraterno amore.* 20. 490e // *Plutarch's Moralia (LCL).* London; Cambridge (Mass.), 1962. Vol. VI. P. 314. Из раннехристианских писателей, приводивших известное пифагорейское речение, укажем: *Clemens Alexandrinus. Cohortatio ad gentes.* 12 // PG. Т. 8 (1857). Col. 254; *Hieronimus. Apologia adversus libros Rufini.* III. 39 // PL. Т. 23 (1865). Col. 507.

1110 *Erasmi Roterodami D. Opus Adagiorum.* N 1. (далее: Adagia) // *D. Erasmi Roterodami Opera omnia.* Т. 2. Lugduni Batavorum, 1703. (Repr. Hildesheim, 1961). Col. 13-14.

ряд писателей древности, у которых встречается эта поговорка. Он цитирует Еврипида, Теренция, Менандра, Цицерона, Марциала, Теофраста (по Плутарху), Тимея (по Диогену Лаэртскому), Авла Геллия, Пифагора (по Цицерону), Аристотеля и, разумеется, Платона. Комментируя высказывание афинского философа, содержащееся в его «Законах» (739с), Эразм подчеркивает благотворность для государства осуществления принципа «у друзей все общее»; ибо счастливо и благополучно такое государство, в котором не слышно слов «мое» и «твое», добавляет Эразм, обращаясь уже к другому диалогу Платона¹¹¹¹. При этом голландский гуманист делает оговорку, заставляющую вспомнить начало Фичиновых разъяснений к «Государству»: «Однако, – пишет он, – поразительно, сколь не по душе, более того, сколь ненавистна для христиан эта Платонова общность, хотя ничего более согласного с Христовыми речениями никогда не было сказано языческим философом»¹¹¹².

Именуя противников принципа общности «христианами», Эразм имел в виду, разумеется, не просто верующих, к числу коих принадлежал и сам, и не христианскую традицию или христианских писателей в целом, но тех из них, кто, беря под защиту частную собственность и частный интерес, отступился и извратил, по его мнению, истинные, изначальные основы учения Христа. Речь шла, как и у Фичино, о христианских теологах высокой и поздней схоластики, опиравшихся при разработке социальных доктрин на аргументы Аристотеля. Не случайно в своих пояснениях Эразм подчеркивает иной смысл пословицы «у друзей все общее» в учении Аристотеля¹¹¹³, который, замечает Эразм, «умеряет мысль Платона»¹¹¹⁴; в другом месте «Адагий» он открыто обрушивает на Аристотеля огонь полемики, указывая, что мнения этого высочайшего для христианских теологов авторитета, и среди прочего его утверждение, будто бы доказывающее невозможность благополучия для государства, в котором все общее, столь же совместимы с Христовым учением, как огонь с водой¹¹¹⁵. Иные язычники, жившие еще до рождения Христа, как бы предвос-

1111 Государство. 426с (С. 260).

1112 Adagia. Col. 13.

1113 См. в связи с этим: *Аристотель. Политика*. 1263а 25-40 // *Сочинения*. Т. 4. С. 410.

1114 Adagia. Col. 13.

1115 Ibid. N 3001 “Dulce bellum inexpertis” (Col. 961).

хищая, пришли ко многому из того, что Он завещал, и прежде всего к идее совершенного общежития. Эразм вслед за античными писателями возводит ее к Пифагору¹¹¹⁶. Он подчеркивает, опираясь на Авла Геллия, что «Пифагор был не только автором изречения, но и творцом такого рода общности жизни и имуществ, каковую Христос желал ввести среди христиан. Ведь каждый, кого он, Пифагор, принимал в число своих учеников, отдавал в общее распоряжение деньги и имение, какими кто владел; это в полном смысле римского слова зовется *κοινῶνιον*, или *ценобиум* (*coenobium*) – конечно же, от общности жизни и имуществ»¹¹¹⁷.

Финал этих толкований является отзвуком и кратким воспроизведением темы, заданной во введении к «Адагиям». То, что Эразм уже в нем акцентирует внимание на проблеме, которую более обстоятельно комментирует позже, лучшее свидетельство ее принципиальной важности для гуманиста и круга читателей, кому в первую очередь он предназначал свое произведение. «Если кто с тщанием и глубже осмыслит пифагорейское «у друзей все общее», – убеждает Эразм, – то нет сомнений, он поймет, что в столь кратком речении заключена вся суть человеческого счастья. И разве Платон в стольких сочинениях не склоняет к общности и созидателю ее – дружбе... Разве что-нибудь иное имел в виду основоположник нашего верования Христос? Бесспорно, он завещал миру по крайней мере это удивительное учение любви, напоминая, что ею одной определяется смысл Законов и Пророков. А разве любовь не побуждает к тому, чтобы все для всех было общим?»¹¹¹⁸. Аргументы, к которым обращается Эразм, защищая идею общности, по сути те же, которые приводит Фичино, хотя имени своего старшего современника голландский гуманист в данном контексте не упоминает: если бы смертных удалось склонить к общности, тотчас прекратились бы распри, не-

1116 Он ссылается на Цицерона (О законах. I. 33-34; С. 99) и Диогена Лаэртского, у которого читаем: «Он (Пифагор. – О.К.) первый, по словам Тимея, сказал: “У друзей все общее” и “Дружба есть равенство”. И впрямь, его ученики носили все добро воедино». Несколько ниже приведено другое предписание: “Ничего не мнить своею собственностью” (Диоген Лаэртский. Указ. соч. VIII. 10. 23. С. 335, 338).

1117 *Adagia*. Col. 14EF. Пересказ Эразма близок античному источнику. Ср.: *Aulus Gellius. Noctes Atticae*. I. IX. 12. Lipsiae, 1835. P. 17.

1118 *Adagia* (Introductio). VI. Col. 6-7.

доброжелательство, обман и человеческое существование стало бы свободным от всех тяготящих его зол¹¹¹⁹.

Три имени, упомянутые в начале «Адагий» – Пифагор, Платон, Христос, – символизировали традицию, незамутненные истоки которой разыскивали гуманисты. Без устремленности к ней немислимо понять то, что изображено в «Утопии»¹¹²⁰. И вполне закономерно, что тема, предложенная Эразмом, была подхвачена в письме Гийома Бюде Томасу Лупсету, предпосланном в качестве своего рода введения¹¹²¹ ко второму (Париж, 1517 г.) ее изданию¹¹²².

Ссылаясь на начало четвертой книги «Государства» (423e-424a), где Сократ, держащий нить беседы, упоминает пословицу о дружеской общности и утверждает, что хорошее (правильное) обучение и воспитание помогут стражам рисуемого им государства разобраться во всем, включая брак и деторождение, Фичино подчеркивает, что, по Сократу, наилучшее воспитание возможно лишь при условии «общности жен, детей, вещей»¹¹²³. Далее он указывает, что в начале пятой книги диалогов разговор возвращается к «более откровенному рассмотрению и твердому обоснованию» этой мысли – «для многих новой и неслыханной». И здесь же, комментируя, он спешит сгладить ту реакцию неприятия и протеста или, в лучшем случае, настороженности, которую Сократовы слова должны были вызвать у абсолютного большинства читателей, воспитанных в убеждении незыблемости установленных отношений и в безграничном доверии к освященным веками авторитетам. Фичино ведал, что творил.

1119 “Quae (communitas) si mortalibus persuaderi queat, illico facessant è medio, bellum, invidia, fraus: breviter universum malorum agmen semel è vita demigret” (Adagia. Col. 6).

1120 См. об этом подробнее: *Осиновский И.Н.* Томас Мор в истории ренессансного гуманизма // Томас Мор, 1478-1978: Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981. С. 18.

1121 *Карева В.В.* Начало французской истории “Утопии” Томаса Мора: Г. Бюде – первый французский интерпретатор “Утопии” // ИСУ. М., 1982. С. 204-225.

1122 См.: [More Th.] The complete works of St. Thomas More. Vol. 4. New Haven; London, 1965. P. 8.

1123 “Socrates in principio quarti, disciplinam educandae iuventutis cunctis legibus anteponebat, raptim attigit, videri optimam disciplinam fore si uxorum, filiorum, rerum communio fiat” (*Ficinus M.* In dialogum quintum, de Justo, epitome. P. 1406).

Воскрешая наследие Платона, переводами и толкованиями делая его доступным всей образованной Европе, он восстанавливал и его идеал государства, двусмысленный в глазах властей уже в силу того, что в нем могло быть усмотрено хотя бы отдаленное сходство с обобщительными тенденциями, которые проявились в еретических и народных движениях, каждый раз представлявших тяжелое испытание для существовавшего идеологического и социального порядка.

Конечно, Фичино не ставил подрывных целей. Он защищал Платонов идеал, находя ему оправдание в том, что были и есть его прототипы и аналоги, что жизнь общиной можно обнаружить повсюду и в разные времена. «Узнав из «Крития» и «Тимея», – подчеркивает, обращаясь к читателю, Фичино, – что подобный порядок уже некогда был в греческих и египетских Афинах¹¹²⁴, ты не будешь чрезмерно дивиться ему как необычайному, не откажешься выслушать о нем, не веря в его достижимость, не воспротивишься ему, считая его несправедным»¹¹²⁵.

Затем Фичино приводит название некоего города у богемцев, управляющегося подобным же образом, сведения о котором — а он нем «сообщают многие» — он, однако, считает нужным опустить¹¹²⁶. То ли потому что они хорошо известны? То ли потому, что эти сведения чем-то неудобны? Похоже, что Фичино оказался в положении, когда невозможно вовсе умолчать о факте, который и без того всем известен, но и пользоваться им в силу каких-то обстоятельств крайне неловко, затруднительно. Упоминание о богемском городе среди свидетельств античных авторов наводит на мысль, что данные о нем гуманист почерпнул из этих же источников. Однако писатели древности повествуют не о богемцах, а о бóях – кельтском племени (или союзе племён), обитавшем одно время на территории, включавшей

1124 Фичино здесь ссылается на приводимую в “Тимее” (23b-25d // Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 464-466) легенду, которую будто бы поведал Солону египетский жрец, о порядках, бытовавших в Афинах и в аналогичном городе в Египте в столь давние времена, что память о нем стерлась у греков, хотя и сохранилась на берегах Нила. В другой раз об укладе этого древнего государства речь заходит в “Критии” (110с-112е // Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 550-551).

1125 *Ficinus M. In dialogum quintum...* P. 1406.

1126 “Mitto quod multi tradunt apud Boemos Placam urbem aliquando similiter gubernatam” (Ibid.).

также современную Чехию, откуда и пошло ее латинское наименование Богемия (Bohemia); и при этом ничего не говорят о порядках, какие привлекали внимание Фичино. Гуманист же ссылается на свидетельство «многих». Значит, речь идет о событиях более близких, скорее всего – совсем недавних: о гуситских войнах, таборитском опыте и сектантских движениях в Богемии; сообщения о них, еще свежие и многочисленные в период работы Фичино над Платоном, будоражили умы. Передавались они не только изустно; были и письменные источники, в частности сочинения гуманиста Энея Сильвио Пикколomini (он же папа Пий II, 1458-1464 гг.), который вкратце сообщил о том, что табориты все имели общим¹¹²⁷.

Возникает, однако, сомнение, таборитов ли имеет в виду Фичино. Ведь в тексте назван не Табор; говорится о Placa urbs. Среди известных географических имен такое не встречается. О чем же идет речь? Ведь Фичино, подчеркнем, приводит не какие-то редкостные сведения, но ссылается на то, что «многие сообщают». Перелавший Фичиновы комментарии на итальянский язык сто с лишним лет спустя после их написания некий Спонтоне дает в переводе «Прага»¹¹²⁸. Но латинские написания Праги совсем иные. Скорее всего «догадливый» переводчик усмотрел в этом слове опечатки и выправил их в предложенном итальянском варианте на близкое по звучанию название, которое ему было хорошо известно. События первой половины XV в. в Богемии уже утратили злободневность, сведения о них стирались в памяти обитателей далекой Италии, так что он мог и не знать, что в Праге общность имуществ и прочего никогда не вводилась.

Впрочем, опечатки действительно не исключены. Иначе трудно понять, что за странное имя употреблено Фичино. Ведь оно должно было современникам что-то говорить, пусть иносказательно. Если же допустить, что в дошедшем до нас названии города выпала буква и первоначальное его написание было не Placa urbs, но Placea urbs (т. е. в аккумулятиве Placeam urbem), тогда смысл этого места мо-

1127 А также то, что принцип сей применялся в отношении военной добычи: “Taboritae vero haereditates alienas expilabant, et quae violenta manu rapuerunt haec tantum in commune dederunt” (Aeneas Sylvius Piccolomineus. Dialogus contra Bohemos et Thaboritas de sacra communione sub una specie. Epist. CXXX // Opera omnia. Basileae, 1571. P. 662).

1128 I commenti di Marsilio Ficino sopra i dieci dialoghi di Platone del Giusto tradotti dal lingua latina nella volgare italiano dal Spontone. Verona, 1590. P. 216.

жет быть удовлетворительным образом истолкован. Ибо «Placea» по-латыни означает «военный лагерь», «крепость», «укрепленное место»¹¹²⁹. Разумеется, это имя нарицательное могло использоваться в иных случаях как собственное для названия поселений, возникших из военных лагерей (крепостей) или как военный лагерь (крепость)¹¹³⁰. Словом, если верно то, что речь идет об «укрепленном граде», крепости или военном лагере, ставшем городским поселением и давшем ему обозначение, но тогда скорее всего имеется в виду Табор¹¹³¹. Правда, Фичино не мог не знать это название. Но он, как видно, воспользовался другим, отличным по звучанию, хотя по смыслу вполне соответствующим тому, что некоторые источники периода гуситских войн именовали «Городищем», употребляя это название как синонимичное «Табору»¹¹³². Избегая, с одной стороны, одиозного, пугающего современников названия, упоминание о котором не только не рассеяло бы подозрительность и настороженность в отношении Платонова учения об общности, но, напротив, усугубило бы страхи и неприятие самой идеи, а с другой – будучи не в состоянии и не вправе обойти молчанием всем известный недавний пример, Фичино в ино-сказательно-описательной форме, подчеркнуто мимоходом, отстраняясь («я опускаю»), говорил о нем.

Примеры различного рода общности у древних Фичино дает кратко, почти без деталей, практически сведя все лишь к перечислению. Но характерно, что в этом ряду упомянуты только те описания, содержащиеся в античной литературе, которые воспринимались как достоверные (или, во всяком случае, претендовали на это); никаких

1129 См. в словаре Дюканжа: “Placea, Arx, castrum, locus munitus”.

1130 Ср. в русском и других славянских языках слово “острог”, ставшее названием ряда городов.

1131 Важно подчеркнуть, что гуманисты, в частности, по описанию Энея Сильвио Пикколомини имели представление о том, как из военного лагеря возник город-крепость Табор: “Cumque civitatem quam incoleret muro cinctam non haberet, locum natura munitum ad eundem amnem elegit (речь идет о действиях Яна Жижки. – О.К.) vix octo stadiis ab Auscha separatum. Hunc moenibus cinxit, et ut quinque tentoria fixerat ita aedificare sibi domos imperavit, civitati Thabor indidit nomen... Civitas quamvis altis difensa rupibus, muro tamen et antemuralia cincta est” (Aeneas Sylvius Piccolomineus. De ortu et historia Bohemorum. Cap. XL // Opera omnia. P. 109).

1132 См.: Мацек И. Табор в гуситском революционном движении. М., 1959. Т. 2. С. 99 и ниже.

ссылок на мифы, легенды, поверья, в частности на очень популярный в античности, средние века и в эпоху Возрождения образ «золотого века», когда, как считалось, все у всех было общим, здесь у Фичино нет. Сам подбор примеров, довольно-таки полный, свидетельствует о пристальном внимании к идеалам жизни сообщества и дает представление о других, помимо Платона, античных источниках, которые были известны и использовались ренессансными мыслителями.

Первым из них Фичино называет описание общинного быта обитателей Счастливого острова, которое приводит в «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский. «...Помимо прочего, они владеют сообществом также женами и, – подчеркивает гуманист важную для него и его круга деталь, – весьма усердны в занятиях философией и астрологией»¹¹³³. Затем привлекается Помпоний Мела, свидетельствующий, что у жителей окраинной Африки, гарамантов, все было общим¹¹³⁴. «Кроме того, нами установлено, – продолжает Фичино, – что подобная же общность имуществ была у философов брахманов, гимнасофистов, ессеев, пифагорейцев и, наконец, у святых основателей христианского сообщества. И в наши времена мы видим, что приближаются к добродетели и счастью по крайней мере те монахи, у которых нет никакой собственности»¹¹³⁵.

Фичиново изложение кажется сумбурным. Его интресуют примеры, свидетельства, описания общности безразлично к тому, в чем она проявляется. В один ряд попадают не просто разнородные, но даже несовместимые явления, например, упоминания о народах, практиковавших общность жен, и о христианских монахах, которые

1133 *Ficinus M. In dialogum quintum...* P. 1406. См. рассказ Диодора, сведения для которого взяты, по-видимому, из сочинений Ямбула: *Diodorus Siculus. Bibliotheca historica. II. 55-60 // Diodorus of Sicily (LCL). London; Cabridge (Mass.), 1985. Vol. II. P. 64-82. Сошлемся в связи с этим на работу: Трофимова М.К. К пониманию “утопии” Ямбула у Диодора Сицилийского // ИСУ. М., 1982. С. 236-251.*

1134 У Помпония Мелы речь идет об общности жен: *Pomponius Mela. Libri tres de situ orbis. I. 8. 48. Franekerae, 1700. P. 54-59.*

1135 “*Similem praeterea bonorum fuisse communionem inter philosophos Brachmanas, Gymnosophistas, Essaeos, Pythagoricos, et denique inter sanctos, quondam Christianae reipublicae fundatores, compertum habemus. Videmus quoque seculis nostris illos duntaxat religiosos ad virtutem foelicitatemque accedere, inter quos nihil est proprium*” (*Ficinus M. In dialogum quintum...* P. 1406).

кроме того, что отказывались от собственности, принимали обет безбрачия; наименования замкнутых, эзотерических, отгороженных от внешнего мира философских или религиозных общин и ссылка на устроителей государства. Годилось все, что так или иначе утверждало саму идею общности. Этим объясняются неточности, натяжки или же не подтверждаемое источниками расширительное толкование фактов, как, например, сообщения Помпония Мелы. Нуждается в проверке ссылка на брахманов и гимнософистов¹¹³⁶. Похоже, что на них Фичино распространил характерный для литературы поздней античности риторический топос, употребимый при описании быта преданных любомудрию общин, прежде всего ессеев и пифагорейцев, о которых он упоминает тут же. У Фичино обеим общинам уделено скромное место. Вместе с тем, кроме краткой справки у Плиния Старшего, сообщения о ессеях имеются у Филона Александрийского, Иосифа Флавия и раннехристианского писателя Ипполита¹¹³⁷. Соответствующие места

1136 У авторов, писавших о брахманах и гимнософистах, не удалось обнаружить подобных сведений. Не исключено, что отказ от имущества и иных благ, а также от жен, детей, о чем упоминает Порфирий, описывая жизнь саманеев, буддийских аскетов, в которых античные и опиравшиеся на них раннехристианские авторы (например, Климент Александрийский) видели одну из групп гимнософистов, Фичино воспринял по аналогии с обычаями хорошо известных ему общин, когда вступающий в братство отказывался в его пользу от всего личного достояния. См.: *Porphyrius. De abstinentia ab esu animalium*. IV. 17. *Deventriae*, 1767. P. 355-359. Укажем также вскользь брошенное замечание об индусах у Филострата, доступное различным толкованиям: “Увидел я мужей, ... ничем не владеющих и всем обладающих” (*Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского*. VI. 11. Пер. Е. Г. Рабинович. М., 1985. С. 126). Другие упоминания о гимнософистах у древних авторов: см.: *Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / Подбор, перевод и комментирование текстов Г.А. Тароняна*. М., 2007. С. 382-383.

1137 *Plinius Secundus. Naturalis historia*. V. 15. 73 // *Pliny. Natural history (LCL)*. London; Cambridge (Mass.), 1969. Vol. II. P. 276; *Philo. Quod omnis probus liber sit*. XII. 75-87 // *Works (LCL)*. London; Cambridge (Mass.), 1941. Vol. IX. P. 54-60; *Idem. Apologia pro iudaeis*. 11. 1-14 // *Ibid.* P. 436-442; *Иосиф Флавий. Иудейские древности*. XVIII. 1. 5. Перевод Г.Г. Генкеля. Минск, 1994. Т. 2. С. 433-434; *Он же. Иудейская война*. II. 8. 2-13. Перевод Я.Л. Чертка. Минск, 1991. С. 151-156; *Hippolytus. Refutatio omnium haeresium*. IX. 18-29 // *PG*. 1860. Т. 16. Pars 3. Col. 3393-3409 (трактат издан среди сочинений Оригена). Все эти отрывки опубликованы в переводах И.Д. Амузина и М.М. Елизаровой в кн.: *Тексты Кумрана*. М., 1971. Вып. 1. С. 339-375.

из сочинений Филона дословно приведены другим христианским писателем – Евсевием Кесарийским¹¹³⁸. Трудно сказать, на чьи сведения Фичино опирался; все названные произведения могли быть ему доступны. Существенно другое: описание общинного быта ессеев (равно и пифагорейцев), находит ряд параллелей в «Утопии»¹¹³⁹ и тем самым позволяет не только лучше обозреть уходящие в глубокую древность ее идейные истоки, но и вдумчивее отнестись к исходному замыслу, философски обоснованному и хранимому давней традицией, того общественного идеала, который представлен в этом произведении Томаса Мора. И прежде всего, следует иметь в виду, что как для Фичино, так и для гуманистов следующего за ним поколения – Эразма и Мора – общность имуществ важна не сама по себе, но в качестве условия для достижения более высокой общности самой жизни, такого ее состояния, когда нет места разладу и в отношениях между людьми царят гармония, согласие, единство мыслей и чувствований.

1138 См.: *Eusebius Pamphilius. Praeparatio evangelica. VIII. 11-12* // PG. 1857. T. 21. Col. 641-649.

1139 См.: *Duncan J., Derrett M. Gemistus Plethon, the Essenes, and More's Utopia* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1965, 27 (3). P. 591-600.

ГЛАВА IX. ПАТЕНТ НА БЛАГОРОДСТВО: АКТУАЛИЗАЦИЯ МИФА О «ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»

Миф о «золотом веке» сыграл особую роль в ренессансной культуре. Усвоенный в качестве одного из популярных сюжетов, завещанных литературой античности, и подвергнутый переосмыслению гуманистами Возрождения, он в данном ими истолковании способствовал становлению историко-культурного самосознания новой эпохи. Важнейшее место в этом ренессансном «осовременивании» мифа принадлежало Марсилию Фичино, которому удалось преобразовать древнее предание так, чтобы иметь основания не только предъявить исключительные права на все античное наследие, но и провозгласить величие своего времени и самоценность его культурных достижений.

В сочинениях древних «золотой век» связывался с царствованием бога Кроноса (у римлян – Сатурна). Его черты проглядывают в концепции согласного с природой состояния человечества, когда, по словам Платона, «не существовало государств, не было также в собственности женщин и детей...», и люди «в изобилии получали плоды фруктовых и любых других деревьев, произраставших не от руки земледельца, но как добровольный дар земли»¹¹⁴⁰. В связи с генезисом этого мифа нужно вспомнить также описанную Гесиодом в поэме «Работы и дни» поэтапную деградацию человечества от первого «золотого рода» людей через серебряный, медный, род героев к железному¹¹⁴¹. Сообщенное им по своим истокам восточное предание, использовавшее символику металлов, легло в основу деления мифологического прошлого человечества на теперь уже четыре века, первый из которых, счастливый, когда царила справедливость, нарекался, по аналогии с первым родом у Гесиода, золотым.

¹¹⁴⁰ Платон. Политик. 272a // Сочинения. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 30-31. См. также: Платон. Законы. 713 ae // Там же. С. 185-186.

¹¹⁴¹ Гесиод. Работы и дни. 109-201. Перевод В. Вересаева. М., 1927. С. 43-45.

Таково происхождение легенды о «золотом веке», хотя само понятие «золотой век» появилось, по-видимому, только в литературе древнего Рима¹¹⁴². Им обозначали преимущественно изначальное, девственное состояние мира («Сатурново царство», «век Сатурна»), когда люди жили тем, что даровала им природа, не зная войны и вражды, собственности и производства, торговли, наживы, а равно и всех влечений и привычек, воспитанных цивилизацией¹¹⁴³. Утрачено оно, однако, не окончательно, ибо по завершении всего цикла развития от золотого через серебряный и медный к железному веку человечеству опять предстоит век золотой¹¹⁴⁴.

Миф о «золотом веке» был хорошо известен и в средние века. Достаточно указать на «Роман о розе», в котором воспеты минувшие времена, когда люди жили счастливыми, свободными от забот и тягот, равными, не зная над собой никакой власти, не накапливая сокровищ, не посягая на чужое, благостный закон устанавливал одинаковый для всех жребий, а земля являлась общим достоянием (*Le terre à tout était commune*)¹¹⁴⁵. К преданию о «золотом веке» обращались ранние гуманисты. О царствовании Сатурна, при котором «все у всех было общим» (*cunctis universa communia*), писал Джованни Боккач-

1142 См. подробнее: *Baldry H. C. Who invented the Golden Age? // Classical Quarterly. 1952. Vol. XLVI. N 1. P. 83-99*; *Veit W. Studien zur Geschichte des Topos der Goldenen Zeit von der Antike bis zum 18. Jahrhunderts. Köln, 1961. S. 24-72*; *Gatz B. Weltalter, Goldene Zeit und Sinnverwandte Vorstellungen. Hildesheim, 1967*; *Manuel F.E. The Golden Age: A mythic prehistory for Western Europe // Manuel F.E. Freedom from history and other untimely essays. London; New York, 1972. P. 69-88*; *Dodds E.R. The ancient concept of progress and other essays on Greek literature and belief. Oxford, 1973. P. 1-25*; *Чернышов Ю.Г. О возникновении понятия «золотой век» // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 124-132*; *Он же. Характерные черты греческой социальной утопии // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 7-8.*

1143 См.: *Вергилий. Энеида. VIII. 314-325. Перевод Ф. Петровского // Вергилий. Собрание сочинений. М., 1994. С. 268-269*; *Овидий. Метаморфозы. XV. 73-106. Перевод С. Шервинского. М., 1977. С. 365-366. Подробнее см.: Levin H. The myth of the Golden Age in the Renaissance. London, 1969. P. 19-25*; *Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991. С. 129-133.*

1144 *Овидий. Метаморфозы. XV. 259-261 (С. 370).*

1145 *Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose. Ch. XLVII. Ed. E. Langlois. Paris, 1924. Vol. V. P. 26-33.*

чо в «Генеалогии языческих богов»¹¹⁴⁶. «Первый век», «невиннейшее время, именуемое в поэтических славословиях золотым, или Сатурновым», Колюччо Салютати изображал как естественное состояние, когда люди имели лишь «самое необходимое для поддержания своего брэнного существования», не знали сутяжнических слов «мое» и «твое», возбуждающих среди смертных алчность и подстрекающих их к раздорам¹¹⁴⁷. Такой образ «золотого века» был широко распространен в литературе всего Возрождения, веком после Салютати его представит в «Лесах любви» Лоренцо Медичи, описывая счастливую жизнь под управлением Сатурна, когда в мир не вошло разделение на «мое» и «твое», среди людей царило единомыслие, их потребности оставались скромными, и земля, не тронутая плугом, щедро одаривала всех своими плодами¹¹⁴⁸.

Вместе с тем, сама логика мифа, в основе которого лежала концепция циклического движения истории, допускала возможность искать «золотой век» не только в утраченном прошлом, но и в грядущем и даже в настоящем. Его приход, после завершения последнего, т. е. наиболее упадочного периода, предрекал Вергилий:

*«Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнава ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится»¹¹⁴⁹.*

1146 Boccaccio G. Genealogia deorum gentilium. VIII. 1. Ed. V. Romano. Bari, 1951. Vol. I. P. 391.

1147 “Nec est illa innocentissima etas quam poete multis laudibus extollentes tum auream, tum Saturniam vocaverunt” (*Salutati C. De seculo et religione*. I. 35. Ed. B.L. Ullman. Florentiae, 1957. P. 80).

1148 Medici L. Selve d’amore. II. 84-85 // *Scritti scelti*. A cura di E. Bigi. Torino, 1971. P. 530-531. Подробнее о концепции “золотого века” в творчестве Лоренцо Великолепного и ее источниках см.: Buck A. *Der Platonismus in den Dichtungen Lorenzo de’ Medicis*. Berlin, 1936. S. 78-81.

1149 “Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo
Iam redit et virgo, redeunt Saturnia regna;
Iam nova progenies caelo dimittitur alto”
(*Вергилий. Эклога. IV. 4-9. Перевод С. Шервинского // Собрание сочинений. С. 38. См. также: Энеида. VI. 792-794 (С. 238)*).

Пророчество Вергилия накануне эпохи Возрождения воспроизвел Данте, связывая обновление времен, возврат к их началу с явленной небом новой породой людей¹¹⁵⁰. Немногим позже Франческо Петрарка подтвердит ожидание некоего совершенного состояния мира:

«Благие души, доблести подруги,
Заселят мир: он станет золотым,
Античными творениями полным»¹¹⁵¹

(Перевод А.М.Эфроса).

Первый ренессансный гуманист в цитированном отрывке говорит, конечно же, о «золотом веке», но понимание грядущего обновления человечества подвергается у него, по сравнению с Данте, секуляризации¹¹⁵², он сопрягает духовный переворот с реставрацией античного культурного наследия. «Благословенная древность», «изобретательница всех достойных искусств» противопоставляется Петраркой нелюбимому настоящему, темному времени духовного упадка и оскудения¹¹⁵³.

Из стародавнего предания о «золотом веке», столь популярного в средние века и в раннем гуманизме, сохранилось только представление о цикличности истории и соответственно о периодическом возвращении, или возрождении, – после этапов деградации – обозначаемого этим понятием времени. Само же понятие было

1150 “... Secol si rinnova;/ Torna giustizia e primo tempo umano/ E progenie discende dal ciel nuova”. Перевод М.М. Лозинского этого места не вполне надежен: “... Век обновленья ждет:/ Мир первых дней и правда – у порога,/ И новый отрок близится с высот” (Данте. Божественная комедия. Чистилище. XXII. 70-72).

1151 “Anime belle e di virtute amiche
terrano il mondo, e poi vedrem lui farsi
aureo tutto e pien de l’opre antiche” (*Petrarca Fr. Le Rime. CXXXVII*).

1152 См. на эту тему: Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004 (1 изд. статьи – 1910 г.). С. 67-68, 88-89 и в др. местах.

1153 *Petrarca Fr. Rerum senilium. V. 3 // Opera omnia. Basileae, 1581. T. II. P. 795*). См также: “Incubui unice inter multa, ad notitiam vetustatis, quoniam mihi semper aetas ista displicuit, ut, nisi me amor charorum in diversum traheret, qualibet etate natus esse semper optaverim, et hanc oblivisci, nisus animo me aliis semper inserere” (*Idem. Posteritatis // Ibid. T. 1* (письмо дано в качестве введения, без пагинации; см. также: Петрарка Фр. Сонеты, канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М., 1974. С. 396).

наполнено иным содержанием: «золотым веком» стали называть не первоначальное, невинное состояние общности, чуждое всякой цивилизации и культуре, а, наоборот, время подъема искусств и наук, расцвета человеческих дарований.

Петраркой была сформулирована программная установка создаваемой им новой культуры на усвоение античного наследия как средства, преобразующего все человеческое бытие. Сообразуясь с ней, станут оценивать духовные свершения ренессансной эпохи он и продолжатели дела прославленного поэта-гуманиста. О собственном призвании сам Петрарка скажет в «Африке», обыгрывая известный вергилианский мотив окончания старой и начала новой череды эпох, устами провидца Гомера: «Юноша сей у края времен призовет из изгнания/ долгого муз и песней своей приют Геликонский/ се-страм древним вернет средь смуты тысячелетней./ Будет он зваться Франциск...»¹¹⁵⁴. Его ближайший преемник Джованни Боккаччо начнет преподносить (1372 г.) деятельность своего учителя, «славного мужа Франческо Петрарки», как реставрацию античной словесности¹¹⁵⁵, а о Джотто напишет (ок. 1350 г.), что своим творчеством он «вернул к жизни искусство», до этого в течение многих лет мертвое и «погребенное»¹¹⁵⁶. Сходным образом будут оценивать деятельность флорентийских художников, «восстановивших искусство, утерянное и почти угасшее», Филиппо Виллани (конец XIV в.), особую роль в этом отводя Чимабуэ, а также Джотто, который «вернул живописи ее древнее достоинство и величайшую славу»¹¹⁵⁷. О возвращении к

1154 “Ille diu profugas revocabit carmine Musas/ tempus in extremum, veteresque Elicone Sorores/ Restituet, vario quamvis agitante tumultu;/ Francisco cui nomen erit... “ (*Petrarca Fr. L’Africa. IX. 229-232. Per cura di N. Festa. Firenze, 1926. P. 270; Петрарка Фр. Африка. IX. 229-232. Перевод Е.Г. Рабинович. М., 1992. С. 160*).

1155 См. письмо Боккаччо к Якопо Пиццинге: *Boccaccio G. Lettere edite e inedite. Ed. F. Corazzini. Firenze, 1877. P. 195-196*.

1156 Букв.: “вывел на свет” – “avendo egli quella arte ritornata in luce” (*Idem. Il Decameron. VI. 5. Vinegia, 1552. P. 262 r*).

1157 “... egregi dipintori fiorentini..., i quali quell’arte smarrita e quasi spenta suscitarono: tra’ quali il primo fu Giovanni chiamato Cimabue, che l’antica pittura, e dal naturale già quasi smarrita e vagante, con arte e con ingegno rivocò... Dopo lui fu Giotto di fama illustrissimo, non solo agli antichi pittori eguale, ma d’arte d’ingegno superiore. Questi restituì la pittura nella dignità

жизни литературы (*emerserunt studia litterarum*) Петраркой и Боккаччо, которые продолжили дело своих предшественников Альбертино Муссато и Джери д'Ареццо, ориентировавшихся в собственных трудах на античных авторов, сообщит одновременно с Виллани Колюччо Салютати (1395), усматривая в этом свойство его времени (*nostro seculo*)¹¹⁵⁸. В тех же словах представил миссию Петрарки, который, опираясь на труды Цицерона, «первым в силу дарований его ума познал и вернул к жизни (*riuscita in luce*) изящество древнего стиля, утерянное и угасшее», ученик Салютати Леонардо Бруни Аретино (1436 г.)¹¹⁵⁹. Его младшие современники-гуманисты Лоренцо Валла и Маттео Пальмиери заговорят уже не об отдельных достижениях, но представляют достаточно широкую панораму культурного подъема их эпохи. В предисловии к сочинению «О красотах латинского языка» (ок. 1440 г.) Лоренцо Валла писал о пробуждении и оживлении литературы, а с нею вместе «искусств, наиболее близких к свободным, то есть живописи, ваяния, лепки, архитектуры, очень долго находившихся в крайнем упадке и почти умерших»¹¹⁶⁰. По словам Маттео Пальмиери (1469 г.), живопись, омертвевшая, способная изображать фигуры, которые вызывают лишь смех, была восстановлена (*rilevata*) Джотто, а благодаря его ученикам и продолжателям она стала, насколько возможно, наиболее достойнейшей (*quanto più può degnissima*); ваяние и архитектура, долгое время занятые бесполовыми диковинками (*sciocche maraviglie*), в наш век (*in nella età nostra*) были возрождены и вернулись к жизни, отделаны и доведены до совершенства; словесность и свободные искусства восемь столетий были преданы забвению, и лишь трудами Леонардо Бруни Аретино, яркого светоча изящной латинской речи

antica, e in grandissimo nome...” (*Villani F. Vite d'illustri fiorentini. Giotto // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste, 1858. Vol. II. P. 450*).

1158 *Salutati C. Epistolae. A cura di F. Novati. Roma, 1896. Vol. III. P. 80-84*.

1159 *Bruni L. Vita di Petrarca // Idem. Humanistisch-philosophische Schriften. Lipsia; Berlin, 1928. P. 65*.

1160 “Et multae quidem sunt prudentium hominum, variae sententiae, unde hoc rei acciderit, quarum ipse nullam nec improbo, nec probo, nihil sane pronunciaré ausus: non magis quam cur illae artes, quae proxime ad liberales accedunt, Pingendi, Scalpendi, Fingendi, Architectandi, aut tam diu tantoque opere degeneraverint, ac pene cum literis ipsis demortuae fuerint, aut hoc tempore excitentur, ac reviviscant: tantusque tum bonorum opificum, tum bene litterarum proventus efflorescat (*Valla L. Elegantiarum latinae linguae libri sex. Praefatio. Lugduni, 1561. P. 13*).

(splendido lume della eleganza latina), они обрели красоту и привлекательность¹¹⁶¹. Подбирая подходящие выражения для описания происшедшего в разных искусствах и науках подъема, в числе прочих – «были восстановлены, возвращены к жизни,... отделаны и доведены до совершенства» (sono rilevate, tornate in luce, e... pulitesi e fatte perfette) – Пальмиери привел и такое, коему суждено было большое будущее: в одном случае он высказал мысль о том, что «благородные искусства... рождаются (nascere) по причине то ли благоволения, то ли прилежания, то ли постоянного радения о них того, кто утерянное искусство восстановил»; в другом заметил, что «утерянные искусства возрождаются, когда в том есть потребность» (naturale è rinascere l'arti perdute quando vuole l'uso)¹¹⁶². Производное от этого глагола имя закрепится со временем в качестве названия эпохи – *Возрождение*¹¹⁶³.

1161 Palmieri M. Vita civile. I. A cura di G. Belloni. Firenze, 1982. P. 43-45. О роли Джотто и его учеников в восстановлении искусств и наук после шести веков их упадка писал во второй части своих комментариев (1447-1448 гг.) Лоренцо Гиберти (*Гиберти Л. Комментарии. II. 1-3 // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 343-344*). Эта точка зрения на Джотто была впервые высказана еще в 1334 г. в «Хронике» Джованни Виллани и характерна для гуманистических сочинений XIV-XV вв., затрагивавших вопрос о зарождении нового, то есть ренессансного искусства. Подробнее см.: *Лазарев В.Н. Проблемы Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей» // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию академика В.П. Волгина. М., 1955. С. 131-133.*

1162 Palmieri M. Op. cit. P. 43, 46.

1163 Это случится не в последнюю очередь, потому что слово «возрождение», по сравнению с другими его эквивалентами, гораздо сильнее было насыщено христианскими смыслами, без учета которых останется непонятным самосознание культуры того времени, формулируемое ее идеологами. «Если кто не возродится от воды и Святого Духа, не может войти в Царствие Божие» (“Nisi quis renascitur ex aqua et Spiritu Sancto, non potest introire in regnum Dei”). См. в Синод. изд.: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие»), – сказано в Иеронимовом латинском переводе Евангелия от Иоанна (III. 5). Сходная установка на духовное обновление человечества вдохновляла творцов ренессансной культуры, переживавших свое дело как некоего рода высокую религиозную миссию, что, в конечном итоге, отразилось в термине, коим предпочтительно перед другими это их дело характеризовалось – «возрождение». См. в связи с этим наблюдения: *Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998 (1 изд. – 1944 г.). С. 37-38, 205-206.*

Довольно рано, уже у гуманистов третьего поколения, стала формулироваться мысль о том, что они являются продолжателями не только классической латинской, но и греческой культуры. Леонардо Бруни, вспоминая о преподавании эллинской словесности византийским греком Мануилом Хризолором, у которого он учился, во Флоренции в конце XIV в., писал в 1424 г., что его наставником греческая ученость возвращена была в Италию¹¹⁶⁴. Более актуальной тема эллинского наследия оказалась сразу после падения Византийской, или Восточно-Римской, империи, считавшейся его главной хранительницей. Вскоре после взятия османами Константинополя (1453 г.) флорентийский гуманист Донато Аччайуоли утверждал (1454 г.), что вместе с Грецией (т. е. Византией) почти угасла греческая наука¹¹⁶⁵. Взгляд на судьбу греческой культуры современников Аччайуоли был гораздо более оптимистическим. Подразумевая, вполне возможно, деятельность Аргиропула (во Флоренции с 1457 г.) и других наставников в греческой словесности, некий иноземный студент в выступлении, произнесенном на итальянском языке в соборе Санта Мария дель Фьоре перед жителями Флоренции, восхвалял этот «благороднейший город», свободными искусствами первенствующий среди других городов Италии, прежде всего за то, что он сберег и высоко вознес почти полностью утраченные навыки греческой и латинской речи, и считал возможным уподобить его древнему и преславному граду Афины¹¹⁶⁶. Развивая тему возрождения эллинского духовного

1164 “... Chrysoloras Byzantinus... disciplinam Graecarum litterarum in Italiam rettulit...” (*Bruni Leonardo Aretino. Praefatio in librum Platonis, qui dicitur Phaedrus // Idem. Humanistisch-Philosophische Schriften. Leipzig; Berlin, 1928. P. 125*). “Retulit autem graecam disciplinam ad nos Chrysoloras Bisantius...” (*Idem. Rerum suo tempore gestarum commentarii. Ed. C. di Piero. // Rerum italicarum scriptores. Vol. XIX. Pt. III. Città di Castello, 1926. P. 431*).

1165 Оговорка “почти” неслучайна: в это самое время Аччайуоли прилагал много сил к тому, чтобы пригласить грека Иоанна Аргиропула (1415-1487) для преподавания во Флоренции (См.: *Garin E. La giovinezza di Donato Acciaiuoli // Rinascimento. 1950. N 1. P. 66-68*).

1166 “Chi questa peritia del dire le lectere greche et le latine perdute et quasi morte ha substentata et in alto rilevata la nobilissima cicta vostra la quale di tutte le cicta d Italia dell arte liberali tiene il principato. Et quasi a questa cicta antiquissima d’Athene et illustrissima adguagliare si può” (*Oratione del scolaro forestiero in Santo Maria del Fiore di Firenze...*, хранящаяся в Библиотеке Лауренциана (N Red 130) во Флоренции, цит. по: *Брагина Л.М. Культурная*

наследия во Флоренции, Андже́ло Полициано, один из наиболее видных флорентийских гуманистов эпохи, предваряя свои пояснения к Гомеру (1485-1486 гг.), вел речь уже о тотальном переносе греческой учености во Флоренцию, где она ожила и расцвела настолько, что может показаться, будто «Афины не были разрушены и заняты варварами, но, сорвавшись по собственной воле со всей своей почвой и, так сказать, со всем своим скарбом, переместились во Флорентийский град и в нем целиком и полностью обосновались»¹¹⁶⁷. Сходная мысль в короткой метафоре – «Музы, покинув греческие источники, обитают теперь в Этрурии [т.е. Тоскане]» – высказана еще одним флорентийским гуманистом – Кристофоро Ландино в письме Лоренцо Медичи¹¹⁶⁸. В предисловии к своему трактату «Об истинном благородстве», адресованном тому же Лоренцо (не ранее 1487 г.), Ландино, рассуждая о заслугах предшественников Лоренцо, Козимо и Пьеро Медичи, перед науками, описывает их двор как некий собор мудрости, питомник великих умственных и научных сил (*optimum ingeniorum, atque eruditorum, vis*), ибо «под покровительство этого двора не только перебрались Академия, Лицей, наконец, Портик из Афин, но и съехалась вся Парижская школа»¹¹⁶⁹.

Широко распространенное в гуманистической мысли убеждение в том, что античная культура вновь ожила, давало законный повод превозносить свое время, восхищаться обнаруженными талан-

жизнь Флоренции первой половины XV в. в оценке современников // СВ. М., 1997. Вып. 60. С. 330, 331 N 32).

1167 “... vos hi estis Fl. V. quorum in ciuitate Graeca omnis eruditio, iam pridem in ipsa Graecia extincta, sic reuixerit atque effloruerit, ut et uestri iam homines Graecam publice literaturam profiteantur, et prime nobilitatis pueri, id quod mille retro annis in Italia contigit nunquam, ita sincere Attico sermone, ita facile, expediteque loquantur, ut non deletae iam Athenae, atque a Barbaris occupatae, sed ipse sua sponte cum proprio auulsae solo, cumque omni (ut sic dixerim) sua supellectile, in Florentinam urbem immigrasse, eique se totas, penitusque infudisse videantur” (*Politianus A. Oratio in expositione Homeri // Opera omnia. Basileae, 1553. P. 477*).

1168 “... Musae relictis Graecanicis fontibus, Etruriam incolant” (См.: *Bandinius A.M. Specimen literaturae florentinae saeculi XV. Florentiae, 1747. T. I. P. 110*).

1169 “... ut intra magnificos illos lares, non modo Academiam, Lyceumque, ac postremum Porticum ipsam Athenis migrasse, sed omnem Parisiensem Scholam illuc conuenisse putares” (*Landino Chr. De vera nobilitate. A cura di M.T. Liaci. Firenze, 1970. P. 26*).

тами, под стать древним. «Мне доставляет удовольствие гордиться тем, что выпало родиться в этом веке, который произвел едва ли не бесчисленное множество мужей, столь выдающихся в различных родах искусств и наук, что я посчитал бы возможным сравнить их с древними»¹¹⁷⁰, – писал Аламанно Ринуччини в 1473 г. в предисловии к посвященному Федерико да Монтефельтро, графу Урбинскому¹¹⁷¹, переводу Филостратовой «Жизни Аполлония Тианского». В полемически заостренном заявлении флорентийского гуманиста обращает на себя внимание не только похвала своей эпохе, но и подчеркнутое соотнесение светочей ее культуры с древними¹¹⁷².

Уместно предположить, что Аламанно Ринуччини вступил в открытую полемику со своими идейными предшественниками: в приведенном выше кичливом сопоставлении с древними деятелей наук и искусств его века слышится недвусмысленный вызов уничижительным оценкам своего времени, присущим ранним гуманистам¹¹⁷³.

1170 “Mihī vero contra gloriari interdum libet, quod hoc aetate nasci contigerit, quae viros pene innumerabiles tulit ita variis artium et disciplinarum generibus excellentes, ut putem cum veteribus comparandos” (*Rinuccini A. In libros Philostrati de vita Apollonii Tyanaei praefatio // Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam. Ed. F. Fossius. Florentiae, 1791. P. 44, 45*). Повторение этой мысли см. в послании Ринуччини к Роберто Сальвиато (1489 г.): “... si homini litterarum studioso de litterarum studiis nostrum utriusque communibus scriberem, in quo plurimum aetatis nostrae temporibus gratulor, quibus ita florent bonarum artium studia, ut possint etiam cum veteribus comparari” (*Rinuccini A. Lettere ed orazioni. A cura di V.R. Giustiniani. Firenze, 1953. N LXX. P. 188*). Подробнее о Ринуччини и его творчестве см.: *Giustiniani V.R. Alamanno Rinuccini. 1426-1499. Materialien und Forschungen zur Geschichte des florentinischen Humanismus. Köln, 1965*; *Брагина Л.М. Социально-политические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 92-119*.

1171 Титул герцога Федерико получил от папы в 1474 г.

1172 Этот второй момент, то есть сравнение культурных достижений своей эпохи с античными, совершенно упускает из виду в анализе посвященного письма Ринуччини к его переводу «Жизни Аполлония Тианского» В. Джустиниани (*Giustiniani V.R. Op.cit. S. 200-203*).

1173 См. отповедь Ринуччини хулителям своего времени: “Cogitanti mihi... et aetatis nostrae viros cum veteribus conferenti perabsurde videri solet eorum opinio, qui veterum quaeque dicta factave pro maximis celebrantes, non digne satis ea laudari posse arbitrantur, nisi temporum suorum mores accusent, ingenia damnent, homines deprimant, infortunium denique suum deplorent,

Не он первым начал славить свой век. Его старший современник и земляк Маттео Пальмиери в цитированном выше трактате «Гражданская жизнь» утверждал: «Пусть всякий мыслящий человек будет признателен Богу за то, что родился в такое время, когда процветают превосходнейшие дарования, каких не было тысячу лет»¹¹⁷⁴. Словно отвечая на его призыв, известный флорентийский купец и меценат Джованни Ручеллаи в помеченных 1464 г. заметках своих «Записных книжек» признавался: «Я должен благодарить Бога, который дал мне жизнь в настоящую эпоху, ибо людьми понимающими она почитается самой великой, какие только были в нашем государстве»¹¹⁷⁵. Слова Ручеллаи, человека, в силу невысокой образованности находившегося на периферии гуманистической культуры, важны как свидетельство уже, по-видимому, укоренившейся в сознании общества высокой оценки своего времени; ссылаясь на мнение людей понимающих (*intendenti*), он, без сомнения, имел в виду гуманистов, вроде Пальмиери и Ринуччини, превозносивших свою эпоху за то, что она обнаружила человеческие дарования, сравнимые с древними.

На реставрацию античности как признак наступления «золотого века» указывал еще Петрарка. Поэтому поэты медичейского круга, согласные в оценках своей эпохи с гуманистами, их современниками, всю заговорили о «золотом веке». Уголино Верино, имея в виду меценатство Козимо Медичи, писал, что он возвратил «золотые времена Цезаря Августа»¹¹⁷⁶; Нальдо Нальди ко времени того же Козимо относил новое обретение «благословенных золотых времен

quod hoc seculo nasci contigerit, in quo nulla probitas, nulla industria, nulla (ut ipsi putant) bonarum artium studia celebrentur” (*Rinuccini A. Op. cit. P. 43-44*). См. в связи с этим также: Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кватроченто. СПб., 1904. С. 288.

1174 “... riconosca da Dio chi ha ingegno l’essere nato in questi tempi, i quali più fioriscono d’ eccellenti arti d’ingegno, che altri tempi sieno stati già sono mille anni passati...” (*Palmieri M. Vita civile. I. P. 44-45*).

1175 “Anchora debbo ringraziarlo [Dio] che m’ha dato l’essere nell’età presente, la quale si tiene per li intendenti ch’ella sia stata e sia la più gioconda età che mai avessi la nostra ciptà” (*Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960. P. 118*).

1176 “aurea nobis Caesaris Augusti saecla redire dedit” (*Verini U. Eulogium in funere clarissimi viri Cosmi Medicis... 78 // Verino U. Flametta. Ed. L. Mencaraglia. Firenze, 1940. P. 107*).

старца Сатурна»¹¹⁷⁷. В правление Козимова внука Лоренцо Медичи уже ему приписывал возрождение «золотого века» Аурелио Липпи Брандолини¹¹⁷⁸. Бартоломео Фонцио, еще один поэт эпохи, в адресованных Лоренцо строках с ним связывал торжество «золотого века», подъем искусств и поощрение поэзии¹¹⁷⁹. Сам Лоренцо выступил на турнире 1468 г. во Флоренции на Пьяцца Санта Кроче под многообещающим рыцарским девизом «*le tems revient*», то есть «времена возвращаются»¹¹⁸⁰; в том, какие именно времена имелись в виду, не оставляют сомнений его «Леса любви», в них, вслед за Вергилием и Данте, он говорил о «возвращении первоначальных времен, золотого века, земного рая»¹¹⁸¹.

«Пришли, уже пришли эти времена, – обращался Фичино к кардиналу Виссариону осенью 1469 г., подхватывая мотив смены эпох, обыгранный Лоренцо Медичи, – коим должны весьма возрадоваться гений Платона, мы и все те, кто ему предан»; именно их приход через много столетий, когда «тайны богословия, словно золото в огне, пройдут очищение тщательнейшим исследованием», будто бы предсказал афинский философ в письме царю Дионисию Сиракузскому¹¹⁸². Величайшие тайны богословия, по убеждению Фичино, содержит

1177 “...redibant / aurea Saturni saecla benigna senis” (*Naldi N. Elegiarum libri III. Elegia 11. 349-350. Ed. L. Juhasz. Leipzig, 1934. P. 89*).

1178 “Aurea, Laurenti, redeunt te sospite saecla, / Aurea te nobis sospite vita redit” (*Brandolini A. De laudibus Laurentii Medicis // Roscoe W. Vita di Lorenzo de Medici. Pisa, 1816. Vol. III. Appendix VIII. P. XXIV*).

1179 “Tempora nunc tandem per te Saturnia surgunt /... Nunc surgunt artes, nunc sunt in honore poetae...” (*Fontius B. Carmina. Ed. I. Fogel, L. Juhasz. Lipsiae, 1932. P. 20*).

1180 См.: *Ross J. Lives of the Early Medici as Told in Their Correspondence. London, 1910. P. 125*.

1181 “d’oro è l’età, paradiso terrestre, / e quivi il primo secol si rinnova” (*Medici L. Selve d’amore. II. 120. P. 541*). Подробнее об использовании мифа о «золотом веке» медичейской пропагандой см.: *Gombrich E.H. Renaissance and Golden Age // JWCI. 1961. Vol. XXIV. P. 306-309*.

1182 “Hoc vaticinatus Plato: fore tempus multa post secula, regi Dionysio inquit, quo theologie mysteria exactissima discussione velut igne aurum purgarentur. Venerunt iam, venerunt secula illa, Bessarion, quibus et Platonis gaudeat numen et nos omnis eius familia summopere gratulemur” (*Ficinus M. De laude Platoniorum interpretem // Ep. lib. I. P. 617. 2. Ср.: Платон. Письма. II. 314a // Сочинения. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 512*).

учение Платона («платоническая наука»), возрождением которого и обусловлено обновление времен, возобновление блаженной жизни, или «золотого века»: «Платон предрек, что род людской тогда будет жить счастливо, когда ... в одном лице соединятся власть и мудрость; и тогда вновь наступит золотой век, – писал Фичино в посвящении Козимо Медичи перевода десяти Платоновых диалогов (1464 г.). – Итак, сие сочетание и того и другого он горячо желал узреть и сетовал, что оно в его время никогда не удавалось. И то, что при жизни Платону не дано было увидеть, он может увидеть умершим. Ибо живая в своих писаниях, душа его, чей голос дошел до нас на греческом, перенеслась уже из Византии во Флоренцию к Козимо Медичи. И дабы она могла беседовать с ним не только по-гречески, но и по-латыни, мне показалось нужным из многого, изложенного ею на греческом, перевести кое-что на латынь»¹¹⁸³.

В приведенном рассуждении Фичино звучит получившая широкое распространение в гуманистической мысли идея перемещения древней мудрости, конкретно Платонова учения, из Греции в Италию (из Византии во Флоренцию), обусловившее эпохальный

1183 “Verum tunc demum hominum genus beate victurum vaticinatus est Plato, cum non in duos tantum animos potestas et sapientia, verum etiam in unum eundem concurrerint, tunc enim rursus aureum seculum rediturum. Hanc igitur utriusque copulam cernere vehementer desiderabat eamque nunquam suo seculo contigisse conquerebatur. Quod vero videre non licuit viventi Platoni, defuncto denique licuit. Quippe iam pridem e Bizantia Florentiam spiritus eius ipsis in licteris vivens attica voce resonans ad Cosmum Medicem advolavit. Utque non greca solum sed etiam latina cum eo lingua dissereret, visum est opere pretium ut e multis que grece loquitur quedam latine interpretaremur” (Ficinus M. Prooemium in primos decem dialogos ad Cosmum Medicem // SF. Vol. II. P. 103-104. Ср.: Платон. Государство. 473d // Сочинения. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 215).

О том, что Господь Бог осуществил подобное, желанное Платоном соединение мудрости и власти уже во внуке Козимо Лоренцо Медичи, писал в 1489 г. поддерживавший общение с Фичино ученый доминиканец из Трансильвании Николай де Мирабилибус в посвящении правителю Флоренции описания богословского диспута с его участием; правда, в связи с этим он не говорил о наступлении “золотого века”: “... in quo [Laurentio] deus iuxta Platonem potentiam simul cum sapientia coniunxit” (Nicolaus de Mirabilibus. Disputatio nuper facta in domo magnifici Laurentii Medices // Két magyarországi író a XV. századbol. Adreas Pannonius.- Nicolaus de Mirabilibus. Ed. V. Fraknói, J. Abel. Budapest, 1886. P. 353).

переворот – возвращение «золотого века», который предстает как сочетание этой именно мудрости и власти. Фичино понимает, конечно же, власть Козимо Медичи, о коем и упоминает. Однако вот задача: как Козимо сможет овладеть Платоновой мудростью, если сочинения афинского философа попали к нему на языке оригинала, на греческом?! Здесь Фичино мимоходом упоминает о себе в качестве перелагателя Платонова наследия на латынь. И роль его совсем не второстепенна, ибо оказывается, что только благодаря его посредничеству власть совокупляется с мудростью и наступает, стало быть, «золотой век», счастливые времена человечества.

Еще раз о «золотом веке» как союзе власти и мудрости Фичино скажет в «Речи от имени христианской паствы к папе Сиксту» (1479 г.), убеждая великого понтифика, в коем на сей раз гуманист находит этот счастливый союз¹¹⁸⁴, прекратить войну против Флоренции, начавшуюся после разгрома заговора Пацци, устроенного для свержения Медичи. И в то же почти время в «Аллегорическом толковании золотого и иных веков» к Якопо Антикварио (между 1481 и 1484 гг.) он только реставрацию античности будет преподносить в качестве возрождения изначальной, благодной эры: «И чем иным, мы полагаем, является восстановление древности, если не возвращением этого счастливого золотого века, который был в правление Сатурна»¹¹⁸⁵. Таким образом, возрождение древних, – удобное, как уверял гуманист, Провидению¹¹⁸⁶, – в чем он и его сподвижники видели конкретную задачу всех предпринятых им трудов¹¹⁸⁷, было нацелено на эпохальный пере-

1184 *Ficinus M. Oratio Christiani gregis ad Pastorem Sixtum...* // Ep. lib. VI. P. 808.1. См. также: Troger M. *Marcilio Ficinos Sebbstdarstellung*, Berlin, Boston, 2016, S. 356-357.

1185 “*Quid autem esse aliud opinamur renovare antiqua, quam aurea illa saecula revocare, regnante quondam Saturno, foelicia*” (*Ficinus M. Expositio allegorica saeculi aurei atque aliorum* // Ep. lib. VII. P. 860. 3).

1186 См. об этом Гл. 1. С. 55,89.

1187 Восстановление древних (*veterum renovatio, renovatio antiquorum*) как удобное Богу дело Фичино отстаивал в полемике с Иоанном Паннонием (Ep. lib. VIII. P. 871. 2-3; в изд. Абеля: *Analecta nova ad historiam Renascentium in Hungaria litterarum spectantia*. Ed. E. Abel. Budapestini, 1903. P. 278-279). С восторгом о возрождении Марсилием Фичино почти утерянной античной философской мысли писал в конце 1457-начале 1458 г. один из первых его почитателей, переводчик трактата “О божественном неистовстве” (“*Quante antiche openioni già quasi perdute dal suo studio [Ficino] sono state*

ворот, за которым закрепилось имя «золотого века», на полное обновление времен с тотальным преобразованием культурного ландшафта.

Первый эскиз широкой панорамы достижений своего времени, прославленного новыми великими дарованиями (*gl'ingegni*), был намечен в 1439 г. флорентийским гуманистом Маттео Пальмиери, старшим современником Фичино¹¹⁸⁸. В гораздо более развернутом и величественном виде она представлена их земляком, гуманистом Аламанно Ринуччини в уже цитированном ранее предисловии к переводу «Жизни Аполлония Тианского» (1473 г.). Превознося таланты (*ingenia*) и свершения новой культуры, он упоминает заслуги перед скульптурой и живописью Чимабуэ, Джотто, Таддео Гадди, но особо выделяет мастеров современного ему искусства, которые по праву могут быть сопоставлены с древними (*cum veteribus conferrri merito possint*): Мазаччо, писашего наивернейшие подобия природных вещей, Доменико Венециано, Филиппо Монаха (Липпи), Иоанна из ордена проповедников (фра Анджелико), Донателло, Луку делла Роббиа, Лоренцо Гиберти, а также архитекторов Филиппо Брунеллески

risuscitate”. См.: SF. Vol. I. P. 68), а о возвращении им к жизни “Платоновой мудрости” – Анджело Полициано в послесловии к “Смеси”, опубликованной в 1489 г. (“... Marsilio Ficino Florentino, cuius longe felicior, quam Thracensis Orphei cithara veram (ni fallor) Euridicen, hoc est, amplissimi iudicii Platoniam sapientiam, revocavit ab inferis”. См.: *Politianus A. Miscellanea // Opera omnia. Basileae, 1553. P. 310; SF. Vol. II. P. 281*). Однако наиболее интересным документом в данном ряду является письмо Джованни Кавальканти Фичино середины 70-х гг. XV в., в котором сей молодой участник флорентийского кружка платоников в полном согласии со своим ученым наставником находил смысл его деятельности в просвещении Запада неведомой доселе мудростью, что позволило ему заключить об уникальности “этого нашего века”, покровительствуемого Сатурном; сам Фичино, рассуждая смелее и последовательнее своего юного друга, прямо назовет свое время, имея в виду среди прочего собственную культурно-реставраторскую миссию, “золотым веком”. См. у Кавальканти: “*Tulisti eos, quos attingere est nemo, atque Occidentalibus regionibus ostendisti, quorum tantum prius nomina acceperant, eaque tamen magnopere venerabuntur, atque ab eis omnem obscuritatem, quae circa eos erat, amovisti nostrosque oculos ab omni caligine abstersisti, ita ut etiam cor eorum inspicere possit, nisi penitus lippi simus. Denique per te eos inspexit haec aetas, quos nunquam viderat Italia*” (*Cavalcanti l. Mala non sunt ab astris proprie, sed ex defectu vel materie, vel consilii // Ep. lib. III. P. 732. 2*).

1188 См. в наст. главе выше С. 380-381.

и Леона Баттиста Альберти; в качестве выдающихся «грамматиков» (то есть филологов) он называет Лоренцо Валлу и его сподвижника, гуманиста Джованни Тортелли; успехи в науке о добродетельной жизни он связывает с Иоанном Аргиропулом; использование древнего красноречия и неискаженного латинского языка (*veteris eloquentiae et incorruptus latinae loquutionis usus*), начатое Колуччо Салютати, по словам Ринуччини, продолжено и доведено до совершенства Поджо Браччолини и Леонардо Бруни, «которые в своих письмах, речах, диалогах превосходно подражали Цицероновской манере речи»; далее названы Карло Аретинец (Марсуппини), преуспевший во всех благородных науках, флорентинец Джанноццо Манетти, человек острого ума, сведущий во многих предметах и даровитый писатель, монах Амвросий (Траверсари), великий знаток греческой словесности¹¹⁸⁹.

Свой обзор Ринуччини не заканчивает теми, кто, с его точки зрения, отличился в науках и искусствах; он считает необходимым показать, что век его славен дарованиями, проявившимися не только в духовной сфере, но и в практической деятельности, прежде всего в управлении государством и его защите¹¹⁹⁰. Он приводит большой список граждан Флоренции, обнаруживших такие важные для общественной жизни качества, как благоразумие (*prudencia*), добропорядочность (*integritas*), предусмотрительность (*consilium*), мудрость (*sapientia*), решимость (*auctoritas*), а затем дополняет его именами известных в то время полководцев и государей¹¹⁹¹. Сочетание перечисленных выше практических доблестей (*virtutes*), по словам Ринуччини, являет собой Федерико да Монтефельтро, воплощающий образ людей древности, коими принято восхищаться,

1189 *Rinuccini A.* In libros Philostrati de vita Apollonii Tyanaei praefatio. P. 44-49.

1190 “Ac ne quis intelligendi potius quam agendi virtutibus aetatis nostrae ingenia valuisse crediderit; qui convertat animum ad actionum studia consideranda, circumspiciatque res in Italia vel bello vel pace gestas, facillime hoc etiam laudis genere non caruisse nostrorum temporum homines iudicabit. Nam cum in agendis rebus duo praecipue virorum genera excellent; unum eorum, qui consilio et auctoritate Rempublicam regunt et moderantur; alterum eorum qui vi et armis a civitatibus bellum propulsant, aut illatas iniurias ulciscuntur; in utraque facultate tam multi tamque suo quisque genere excellentes reperiuntur ut eos etiam vidisse sit gloriosum...” (*Rinuccini A.* Op. cit. P. 49-50).

1191 *Ibid.* P. 50-52.

ибо на войне он стяжал славу отважного предводителя, в мирной жизни – благоразумнейшего и наилучшего государя, ценителя наук и философии¹¹⁹².

Настойчиво подчеркивая, что дарования его времени ни в чем не уступают древним, Ринуччини хотел выставить неопровержимый для его современников довод в пользу того, что он живет не в эпоху старения и упадка, но обновления и подъема искусств, наук и доблестей. Ринуччини, правда, не говорил в связи с этим о возврате «золотого века», о чем всю твердила медичейская пропаганда. Однако два десятилетия спустя, в 1492 г., основываясь главным образом на аргументации Ринуччини, пришествие «золотого века» будет доказывать Марсилиус Фичино в адресованном Павлу Миддельбургскому, медику и астроному герцога Урбинского Гвидобальдо да Монтефельтро, послании с много говорящим названием «Похвалы нашему веку как золотому веку, потому что он порождает золотые дарования». Вместе с другими гуманистами своей эпохи Фичино отошел от классической трактовки «золотого века» как состояния некой патриархальной общности, невинности и неискушенности. Подобно Пальмиери и Ринуччини, характер времени он определял качеством человеческих дарований (*ingenia*). Сославшись на древние поэтические сказания о четырех веках – свинцовом, железном, серебряном, золотом – и на Платона, подобным же образом делившего дарования людей, Фичино признал право именоваться «золотым веком» за временем, когда повсеместно появляются «золотые дарования» (*aurea ingenia*). О том, какие дарования характеризуют его время, позволяют судить, по Фичино, «преславные открытия» (*praecleara inuenta*), коими оно отмечено, ведь «этот наш век, как Золотой век, вернул к жизни почти уже угасшие свободные искусства, то есть грамматику, поэзию, риторику, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку, древнюю манеру пения под аккомпанемент орфической лиры – и все это во Флоренции»¹¹⁹³; также, здесь, во

1192 “... in te [то есть Федерико – О.К.] superius enumerate virtutes ita vigent, ut priscorum hominum quos tantopere omnes admirantur, imaginem referas, cum et in bello fortissimi imperatoris, et in pace prudentissimi et optimi Principis gloriam sis consequutus” (*Ibid.* P. 52 и далее до P. 54).

1193 “Hoc enim seculum tanquam aureum, liberales disciplinas ferme iam extinctas reduxit in lucem, grammaticam, poësim, oratoriam, picturam, sculpturam, architecturam, musicam, antiquum ad Orphicam Lyram carminum

Флоренции, «из мрака на свет была извлечена платоническая наука» (*Platoniscam disciplinam*)¹¹⁹⁴.

Славя культурные достижения своего времени, Фичино не забывает и о себе; ибо только на его счет можно отнести обновление как древнего искусства пения под аккомпанемент орфической лиры¹¹⁹⁵, так и «платонической науки». В полном согласии с установкой, выраженной в гораздо более ранних по времени обращениях к Козимо Медичи и кардиналу Виссариону, в письме Павлу Миддельбургскому он также подчеркивал свою роль в происходящем духовном перевооружении, или наступлении «золотого века».

За исключением двух «открытий», принадлежавших самому Фичино, перечень других свершений Флоренции его эпохи близок тому, который был детальнее, с указанием имен, развернут Аламанно Ринуччини¹¹⁹⁶. Сходство между сочинениями двух гуманистов еще

cantum. Idque Florentiae” (*Ficinus M. Laudes seculi nostri tanquam aurei ab ingeniis aureis* // Ep. lib. XI. P. 944. 3). Подробнее об этом документе см.: Кудрявцев О.Ф. Письмо Марсилио Фичино о Золотом веке // СВ. М., 1980. Вып. 43. С. 320-327. Его перевод, выполненный О.Ф. Кудрявцевым, см. в изд.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языков XVI века. М., 2004. С. 268-269.

1194 *Ficinus M. Laudes seculi nostri...* P. 944. 3.

1195 О том, что Фичино “первым возвратил свету преданные в роковые времена забвению звуки и напевы кифары и орфические песнопения”, писал в послании к нему Иоанн Панноний, ссылаясь на мнение неких “астрологов” (*Ioannes Pannonius Marsilio Ficino. Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia* // Ep. lib. VIII. P. 871. 2; *Analecta nova ad historiam Renascentium in Hungaria litterarum spectantia*. P. 278). См. в связи с этим: *Walker D.P. Le chant orphique de Marsile Ficin* // *Musique et poésie au XVI-e siècle*. Paris, 1954 (P. 17-33). P. 18.

1196 Нужно заметить, что Ринуччини и гуманисты его круга избегали упоминать о роли Фичино в духовном движении их времени. Так, Донато Аччайуоли в письме к Алонсо де Паленсия (сентябрь 1463 г.) связывал пробуждение великого интереса к учениям Платона и Аристотеля, дающее повод говорить о как бы возрождении Афинской академии во Флоренции, с деятельностью византийского грека Иоанна Аргиропула (*Fossi F. Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexendam*. Firenze, 1791. P. 60-63). Сам Ринуччини десятилетия спустя в письме Роберто Сальвиати (1489 г.), обсуждая философский ренессанс его времени, вспоминал о деятельности Джанозцо Манетти, Иоанна Аргиропула, Джованни Пико делла Мирандола и полностью обходил молчанием Фичино (*Rinuccini A. Lettere ed orazioni*. P. 188-190). См. также: *Field A. The origins of the Platonic Academy of Florence*. Princeton, 1988. P. 58.

более усилится, если принять во внимание, что герцог Урбинский Федерико да Монтефельтро превозносится у Фичино за сочетание благоразумия с военным искусством (*cum arte militari prudentiam*), то есть за достоинства, которые отмечал в нем Ринуччини.

Однако Фичино не ограничивает круг «открытий» только теми, которые были сделаны во Флоренции и Италии и направлены на возрождение наук и искусств, процветавших в древние времена; он дает более широкую картину культурных перемен, упоминая об изобретении в Германии неведомого в древности книгопечатания и изготовленных там же астрономических таблицах, о созданном во Флоренции устройстве, воспроизводящем ежедневные движения небес, об усовершенствовании астрономии Павлом Миддельбургским¹¹⁹⁷. Хотя сам гуманист открыто нигде не говорит, подобно одному из своих старших современников, о том, что «не во всем, касающемся искусств, которые приличествуют свободным людям, пальму первенства надо отдавать древним»¹¹⁹⁸, тем не менее упоминанием

1197 “In te quoque mi Paule perfecisse videtur astronomiam... In Germania temporibus nostris imprimendorum librorum inventa sunt instrumenta. Tabulae praeterea, quibus hora (ut ita dixerim) una, per omne seculum tota coeli facies aperitur, ut praetermittam machinam Florentinam, quotidianos coelestium motus agentem” (*Ficinus M. Laudes seculi nostri...* P. 944. 3.).

1198 “... vetustis seculis eiusmodi rerum [illarum artium quae ad liberos pertinent homines – O.K.] non omnino palmam concedi oportere”, – сказано в сочинении Бенедетто Аккольти, канцлера Флоренции [ум. 1464 г.] “О превосходстве мужей настоящего времени” (*Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus. Lugduni Batavorum, 1723* (1- изд.: Parmae, 1689). P. 1B), посвященном Козимо Медичи. Впрочем, у Аккольти речь идет о том, что люди его времени не уступают древним прежде всего в военных, гражданских и религиозных доблестях; и весьма сжато он говорит о не меньших, по его убеждению, чем у древних, свершениях его современников и ближайших предшественников на поприще искусств и наук – риторики, поэзии, философии, юриспруденции (*Ibid.* P. 19F-23D). Подробный источниковедческий анализ диалога Аккольти см. в работе Р. Блэка (*Black R. Benedetto Accolti and the Florentine Renaissance. London; New York, 1985.* P. 200-223). По наблюдению этого историка, мысль о том, что люди его времени ни в чем не уступают древним и даже превосходят их, Аккольти заимствовал у своего земляка-аретинца, с которым находился во враждебных отношениях, Франческо ди Мариотто Гриффолини, высказавшего эту идею в посвященном Козимо Медичи переводе восьмидесяти восьми гомилий Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, чтобы, опираясь на нее, произнести

открытий, сделанных только в его время, он поставит под вопрос связь «золотого века» исключительно с наследием античной культуры и цивилизации.

Мысль о том, что рецепция классической древности является подлинным призванием и единственной целью всего духовного движения его эпохи, не могла уже в полной мере удовлетворить Фичино, ибо не предусматривала места для новых свершений и открытий. Но и отказываться от нее он не стал, поскольку она служила обоснованием особой исторической роли гуманистической культуры, доказывала ее респектабельность в качестве истинной хранительницы завещанных древностью достижений искусства, мысли и духа. В мифе о «золотом веке» Фичино оставил идею циклического развития, подразумевавшую возрождение, или обновление, исходной традиции; при этом «золотой век» он целиком не отождествлял с определенной культурной эпохой, с античностью, например, как делали его предшественники-гуманисты, начиная с Петрарки, но, сославшись на учение Платона о четырех видах дарований, допускал самое широкое его толкование, сообразное как с установкой на продолжение давней великой традиции, так и с признанием новых достижений в науках и искусствах, новых проявлений человеческих талантов и доблести.

Идея возрожденного «золотого века» стала популярным мотивом гуманистической идеологии. Впрочем, кроме Фичино никто другой такого тщательного и развернутого обоснования ее уже не давал. Последователю гуманиста августинскому монаху Эгидию из Витербо достаточно было указать на согласие платонизма (а с ним вместе, конечно, и огромного пласта древнеязыческой мудрости) с христианством, которое отстаивал глава Платоновской академии, чтобы объявить о возвращении «Сатурнова царства, золотого века, столько раз возвещенного Сивиллой и пророками»¹¹⁹⁹.

похвалы своему адресату и покровителю; ту же цель преследовал и Аккольти с созданным между 1460 и 1463 гг. своим диалогом (*Black R. Op. cit. P. 185-186, 190-191*). См. также: *Гращенко В.Н.* Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. М., 1996. С. 73.

1199 “Hec sunt mi Marsilii Saturnia regna, hec toties a Sibylla et vatibus aetas aurea decantata...” (SF. Vol. II. P. 316). См. также: *Garin E.* L'età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo. Napoli, 1969. P. 89.

В середине XVI в. концепция Фичино была подхвачена Джорджо Вазари, который, чуть-чуть сместив в ней акценты, придал ей вид, надолго закрепившийся в историографии: в его «Жизнеописаниях наиболее именитых живописцев, ваятелей и архитекторов» речь шла не о «золотом веке», вернувшемся при Медичи, а о золотом веке Медичи. Приступая к рассказу о Боттичелли, он прямо называл «времена Лоренцо Великолепного» «золотым веком для людей воистину даровитых»¹²⁰⁰.

С тех пор «золотым веком» в исторической литературе стали именовать правление во Флоренции первых Медичи, мудрому попечению которых будто бы обязаны своим расцветом искусства и науки. Сама же гуманистическая культура, решительно переосмыслив миф о «золотом веке», формулировала с его помощью идею собственного исторического призвания восстановить утраченную связь времен, служа духовному обновлению человечества, и таким образом приходила к осознанию своеобразия своей эпохи. Эта интенция культуры отразилась в наименовании, которое прочно закрепилось за ней в историографии, – Возрождение.

1200 “Ne’ tempi medesimi del magnifico Lorenzo Vecchio de’Medici, che fu veramente per le persone d’ingegno un secol d’oro” (*Vasari G. Le vite de’ più eccellenti pittori, scultori e architettori. A cura di R. Bettamini. Firenze, 1973. Vol. III. P. 512. См. также: Chastel A. Vasari et la legende médicéenne: “l’Ecole du Jardin de Saint Marc” // Studi Vasariani. Atti del convegno internazionale per il IV Centenario della prima edizione delle Vite del Vasari. Firenze, 1952; Он же [Шастель А.] Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М., 2001. С. 16-29.*

ГЛАВА X. «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ»: МЕЖДУ ЗВЕЗДОЗАКОНИЕМ И АСТРАЛЬНОЙ МАГИЕЙ

Послание к Лоренцо Медичи за март 1486 г., которое не попало в тщательно собираемую Фичино подборку его «Эпистол», начинается словами: «По нашему обыкновению мы часто изучаем по звездам, что нам ждать от других людей; однако что ждать от тебя, великодушный Лоренцо, в течение уже многих лет я почтительно наблюдаю не по небу, а по тебе самому. Ибо знаю, что мудрый человек неподвластен звездам»¹²⁰¹. В этом письме флорентийский гуманист признается, что занимается астрологией с целью предугадать грядущие события, и одновременно утверждает, что звезды не властны над мудрецом. Налицо противоречие или, по крайней мере, непоследовательность мысли Фичино и не случайно некоторые историки отмечали колебания его позиции от неприятия и осуждения астрологии до обращения к ней, пусть и с оговорками, и использования ее в практических целях¹²⁰². И, действительно, с одной стороны, у Фичино,

1201 “Sepe que nobis ab aliis eventura sint in astris explorare solemus. Que vero mihi ex te magnanime Laurenti futura sint, non in celo quidem, sed in te ipso multis iam annis diligenter observo. Novi enim sapientem sideribus non esse subiectum” (*Ficinus M. Epistola ad Laurentium Medicem // SF. Vol. I. P. 57*).

1202 См.: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin, 1927. S. 149-155; Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972 (1 изд. – Нью Йорк, 1943). P. 293-295; Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G. Disputationes adversus Astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I. P. 11; Idem. Lo zodiaco della vita. La polemica sull’astrologia dal Trecento al Cinquecento. Bari, 1976. P. 70; Walker D.P. Ficino and astrology // MFRP. P. 341-342; Kaske C.V. Ficino’s shifting attitude towards astrology in the “De vita coelitus comparanda”, the letter to Poliziano, and the “Apologia” to the cardinals // MFRP. P. 371-381; Kaske C.V., Clark J.R. Introduction // Ficino M. Three books on life. Ed. by C.V. Kaske, J.R. Clark. New*

доказывавшего богоподобие человека, его свободу и суверенность в качестве самовластного творца собственного «я» и окружающей действительности, не могло не вызвать неприятия учение о непреложном законе звезд, коим определяются судьбы людей и всего, что происходит в мире. С другой стороны, отстаивая единство мироздания как живого, целостного организма, во всех своих частях населенного духами, Фичино должен был признавать постоянно происходящее взаимодействие этих частей¹²⁰³, а, значит, и влияния, идущие как от небесных тел на землю и на человека, так и в обратном направлении; и во всяком случае, исходя из убеждения в теснейшей взаимосвязи всего сущего, он имел основания в явлениях одной части вселенной, скажем, неба, видеть признаки, или знамения, того, что с необходимостью должно случиться в другой его части – на земле.

York, 1989. P. 59; Акоюн О. Л. Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 49. 2014. С. 66–88.

1203 Приведем несколько фрагментов из сочинений Фичино, в которых говорится о живом единстве мира: “Cum mundus sit unum animal, omnia corporea duobus modis sunt partes mundi: primo, quia singula corpora sunt, quaedam universi corporis portiones: secundo, quia in quolibet corpore est et ipsa mundi anima, et propria quaedam huius animae virtus efficacia dos huic corpori distributa. Quatenus ergo corporea singula sunt animalis mundani membra, facile tum a toto, tum invicem patiuntur: quippe cum etiam quae loco inter se distare videntur, sint propinqua, ob mirabilem naturae unius communionem” (*Ficinus M. Commentaria in Plotinum. IV. 4. 32* // *Op. om. P. 1745*); “Et quod maximum est, mundus animal in se magis unum est, quam quodvis aliud animal, si modo est animal perfectissimum” (*Idem. De vita. III. 2* // *Op. om. P. 533*); “... testantur sapientes Indi, dicentes mundum esse animal passim masculum simul atque foeminam, mutuoque membrorum suorum amore ubique coire secum, atque ita constare, vinculum vero membrorum inesse per insitam sibi mentem, quae totam infusa per artus agit molem, et magno se corpore miscet” (*Ibid. III. 26. 570*); “Iam vero si homunciones isti vitam minimis concedunt mundi particulis, quae tandem dementia est, quae invidia, nec nosse, nec velle totum vivere, in quo vivimus, et movemur, et sumus?” (*Idem. Apologia, in qua de medicina, astrologia, vita mundi... agitur* // *Op. om. P. 573*). Ср. у Платона о космосе как “живом существе” (*Тимей. 30b* // *Соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 471*). См. в связи с этим также: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Saturn and melancholy. Studies in the history of natural philosophy, religion and art. London, 1964. P. 263-264.*

Интересом Фичино к астрологической науке отмечены его первые шаги по освоению древней языческой мудрости. Около 1484-1485 гг. Иоанн Панноний, венгерский корреспондент и критик философского дела своего флорентийского друга, вспоминал, как, приехав во Флоренцию для освоения латинской и греческой словесности, судя по некоторым косвенным данным, в середине 60-х гг., он слышал от двух тамошних астрологов, что Фичино, сообразуясь с неким положением небесных светил, собирался возродить учения древних философов. «Что это было за положение светил, – писал далее Иоанн Панноний, – даже если я и слышал, помню недостаточно хорошо, но думаю, что ты знаешь постольку, поскольку ты его открыл. Для подкрепления своих утверждений ссылались эти астрологи на то, что ты в определенные судьбой сроки возвратил свету древние звуки и мелодии лиры и Орфические гимны, прежде преданные забвению. Затем ты перевел стародавнего Меркурия [Гермеса] Трисмегиста и много Пифагорейских писаний; а также изъяснил стихи Зороастра и, прежде чем я приехал во Флоренцию, приступил к переводу Платона, руководствуясь, как я подозреваю, все теми же астрономическими знаменами»¹²⁰⁴.

Последние слова были спровоцированы скорее всего тем местом из посвятительного письма к Лоренцо Медичи в публикации всего корпуса сочинений Платона (1484 г.), попавшей в руки Паннония, в котором флорентийский гуманист заявляет, что к переводу

1204 “Praeterea memini, cum olim in Italiam profectus Latinis literis et Graecis erudirer Florentiae, me a duobus vestrum astrologis audivisse, te ex quadam siderum positione antiquas renovaturum philosophorum sententias. Quamquidem positionem siderum etsi audiverim, non satis recolo, sed te arbitror meminisse, immo et per te invenisse. Adduxerunt item illi astrologi ad suum iudicium confirmandum, quod fatali quodam tempore antiquum cytharae sonum et cantum et carmina Orphica oblivioni prius tradita luci restituisses. Mox et Mercurium trismegistum antiquissimum traduxisti et Pythagorica multa; item carmina Zoroastris explanavisti et antequam Florentia huc redirem transferendo Platonis manum inieceras, iisdem (ut equidem suspicor) astronomicis auspiciis” (Ioannes Pannonius Marsilio Ficino. Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia // Ep. lib. VIII. P. 871. 2; Abel E. Analecta nova ad historiarum Renascentium in Hungaria litterarum spectantia. Budapestini, 1903. P. 278). См. подробнее об этом: Черняк И.Х. Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV века // Актуальные проблемы изучения истории религии. Л., 1976. С. 91-92.

античного философа приступил, побуждаемый «не моими, но деда твоего [дедом Лоренцо был Козимо Старый. – О.К.] благоприятными знаменами»¹²⁰⁵. Речь могла идти о каких-то небесных явлениях, в коих усматривали знаки – дурные или хорошие – имеющего совершиться на земле. И, по наблюдению С. Джентиле, свой первый труд, посвященный Платону, – «Наставления в платонической науке» (1456 г.) – Фичино соотносил с появлением кометы точно так же, как и Козимо Старый, подвигнутый прохождением над Флоренцией другой кометы с 4 по 31 октября 1433 г., то есть в то время, когда родился Марсилиус (19 октября 1433 г.), избрал именно его, отмеченного небесным знаменем¹²⁰⁶, для возрождения древнеязыческой богословской традиции; и воссоздание Академии, которую замыслил Козимо, вдохновленный на это проповедью платоновского учения Георгием Гемистом Плифоном на Флорентийском соборе (1439 г.), он осуществил, по признанию Фичино, «как только пришло подходящее время» (*opportuno primum tempore*)¹²⁰⁷, – «подходящее», надо полагать, с точки зрения астрологической науки¹²⁰⁸.

Ответ своему критически настроенному в отношении астрологии венгерскому корреспонденту Фичино использовал для того, чтобы, опираясь на ее данные, подчеркнуть провиденциальную роль своего ученого служения, удостоверенного будто бы звездами: «Постольку, поскольку ты, стремясь приписать року причину этого нашего труда [переводов Платона – О.К.], коснулся нашего рассуждения, то я не отрицаю, что в этой самой фигуре Сатурн, восходящий в знак Водолея, а также Солнце и Меркурий, [восходящие] в девятую об-

1205 “Ego autem etsi a tenera aetate nominis Platonis cultor, rem tamen adeo gravem, non meis quidem, sed avi tui Cosmi prosperis auspiciis sum aggressus...” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. P. 1128*).

1206 Эту комету наблюдал Паоло дель Поццо Тосканелли, с коим, как и с другими астрологами, Козимо, приверженный их науке, часто общался. См. свидетельство Веспасиано да Бистиччи: “Se erano astrologi, egli [Cosimo] n’aveva uno universale giudicio, per avere sempre praticato con maestro Pagolo [Toscanelli] e con altri astrologi; in qualche cosa vi dava fede, e usavala in alcuna sua cosa” (*Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Cosimo de’ Medici. XVIII. Ed. da L. Frati. Bologna, 1892-1893. Vol. III. P. 57*).

1207 *Ficinus M. In Plotinum Ad magnanimum Laurentium Medicem patriae servatorem Prooemium // Op. om. P. 1537*.

1208 См. подробнее: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P. P. XXXVI-XL*.

ласть неба, и положение других планет по отношению к этой девятой области знаменуют [появление] человека-обновителя древности, но отрицаю будто бы его производят»¹²⁰⁹. «Девятая область неба» считалась «домом» религии и философии¹²¹⁰ и, указывая на ее определяющую роль в гороскопе, относящемся ко времени его рождения, Фичино ссылаясь на небеса как на очевидное и неоспоримое свидетельство его призвания свыше возродить традицию древнейшей мудрости¹²¹¹, но видел в них лишь знаки (*signa*), сообщающие людям божественную волю. «Если бы ты внимательно прочитал нашу эпистолу «О звезде волхвов» и сходное с ней рассуждение в нашем «[Платоновском] богословии», а также книги Плотина, трактующие этот предмет, которые мы перевели, – продолжал Фичино в своем ответе Паннонию, – ты бы, конечно же, уразумел, что обязанности служения общественному благу, имеющие отношение к душам, зависят главным образом, как бы от общих и первых причин, от высших умов-служителей всемогущего Бога, а также некоторым образом происходят, словно от причин частных и последних, от усмотрения людей... Знаменуются же они фигурами и перемещениями небес, выступающими орудиями божественных умов»¹²¹². Не отрицая пользы астрологической науки, более того, сообразуясь в своих действиях с ее данными, Фичино, как видно, не был склонен абсолютизировать влияние небес и звезд и отводил им прежде всего роль вестника или проводника высшего, или Божественного, закона. Этой теме он посвятил специальное сочинение, в составе его «Эпистол» помещенное под названием «Божественный закон не может звездами производиться, но, пожалуй, знаменоваться»¹²¹³, и в том или ином контексте возвра-

1209 “Quod vero tu nostri huius operis causam in fatum referre volens de nostra genesi attigisti, non inficior equidem in hac ipsa figura Saturnum in Aquario ascendentem et Solem Mercurium que in nona coeli plaga aspectumque reliquorum Planetarum ad ipsam nonam significare hominem rerum antiquarum innovatorem, sed efficere nego” (*Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. lib. VIII. P. 872. 1; Abel E. Op. cit. P. 281*).

1210 См. об этом: *Gentile S. Op. cit. P. XXXVI-XXXVII*.

1211 См. на эту тему: Гл. I. С. 55.

1212 *Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari // Ep. Lib. VIII. P. 872. 1*.

1213 *Ficinus M. Divina lex fieri a coelo non potest sed forte significari // Ep. lib. VII. P. 849-853*.

щался к ней в других своих работах¹²¹⁴. Фичино, несомненно, опирался на Плотина, который, с одной стороны, отказывался признавать решающее влияние звезд и планет в их всевозможных сочетаниях на жизнь и судьбу человека, с другой, – рассматривал эти сочетания как знаки, своего рода начертанные на небе письма, предупреждающие о том, что происходит или должно произойти, в коих, однако, не следует искать причины того, что случается в подлунном мире¹²¹⁵. И подобный подход к астрологии, унаследованный Фичино, допускал, пусть и с существенными оговорками, обращение к ней. Но до определенного предела. Ибо Фичино ни в коей мере не склонен был жертвовать ей свободой человеческой воли и Божественным провидением и признавать тем самым абсолютность «звездозакония».

В 1477 г. он работал над трактатом, так, впрочем, и оставшимся незавершенным, «Рассуждение против прорицаний астрологов». Сочинение это представляет собой, по справедливому наблюдению Э. Гарэна, «собрание заметок и выписок», фрагментов текста, идентичных по содержанию «Платоновскому богословию», высказываний об астрологии святых отцов, античных, средневековых европейских и арабских мыслителей, причем многие обвинения, выдвинутые в нем против астрологов, аналогичны тем, с которыми выступали защитники этой науки, вроде Роджера Бэкона, обличая шарлатанов, паразитирующих на ней¹²¹⁶. Главная мысль труда, к которой гуманист возвращается постоянно, состоит в том, что ум и душа человека, неподвластны влиянию звезд, более того – сами его используют¹²¹⁷. «Небо прямо воздействует на тело, опосредствованно – на чувство,

1214 *Idem*. De religione Christiana. IX // Op. om. P. 12; *Idem*. Theologia platonica de immortalitate animorum. IX. 4 // Op. om. P. 209-210.

1215 *Plotin*. Enneades. II. III. 1, 7, 8; IV. IV. 42-43 (Ed. par E. Bréhier. T. 1-6, Paris, 1924-1931. См.: Т. 2 (1924). P. 28-29, 33-35; Т. 4 (1927). P. 149-151). См. в связи с этим: *Блонский П.П.* Философия Плотина. М., 1918. С. 111-113; *Лосев А.Ф.* ИАЭ. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 662-663; *Kristeller P.O.* Op. cit. S. 295; *Черняк И.Х.* Указ. соч. С. 97.

1216 *Garin E.* Introduzione. P. 11.

1217 “Ergo sidera non agunt in intellectus... Igitur anima dominatur astris, idest inclinationi que ab astris innascitur corpori” (*Ficinus M.* Disputatio contra iudicium astrologorum // SF. Vol. II. P. 29. В примечаниях к трактату указаны сходные с его текстом места в “Платоновском богословии”, а также в “Комментариях к Плотину”, для них Фичино, как видно, заимствовал материал из более раннего своего сочинения).

связанное с телом, и никоим образом – на интеллект. Однако интеллект и воля могут потворствовать дурному чувству. И пусть не говорят, что подобно тому, как тело наше подвластно небесному телу, так же и ум наш подвластен небу, ибо тело наше [происходит] от того, небесного тела, ум же – не от какого-либо тела и не от движущего небом ума, но от Бога»¹²¹⁸. Не отрицая вовсе возможности влияния небес на человека через материально-телесную составляющую его природы, Фичино настаивает на свободе человеческого духа, не определяемого ничем внешним по отношению к нему, движения которого, поэтому, не могут быть предсказаны никакими выкладками астрологов.

По мере создания трактата эти его основные положения гуманист популяризировал в письмах друзьям, что убедительно свидетельствует против не так давно выдвинутого Д.П. Уолкером предположения, будто антиастрологическое сочинение на самом деле писалось Фичино в 1493-1494 гг. с целью создать нечто сопоставимое с трудом Пико соответствующего содержания, удовлетворяющее позиции Савонаролы, осуждавшего, как известно, астрологическую науку¹²¹⁹. В послании за июнь 1479 г. к венецианцу Бернардо Бембо Фичино признавался: «Я сочиняю книгу о Божьем провидении и свободе человеческой воли, в коей по мере моих возможностей отвергаю суждения астрологов, умаляющие провидение и свободу. Ведь сколь тщательно проводят правильные расчеты астрономы, столь много лжи измышляют по поводу дел человеческих суетные астрологи»¹²²⁰. И сходным образом в письме того же времени к Франческо Марескалько: «Сочиняю книгу о провидении Божьем и свободе человеческой воли, в которой выступаю против звездозакония и прорицаний

1218 Ibid. P. 74. См. в связи с этим: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola. S. 156 и далее; Kristeller P.O. Op. cit. S. 293-294; Bullard M.M. The inward Zodiac: a development in Ficino's thought on astrology // RQ. 1990. Vol. XLIII. P. 688; Vasoli C. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino. Lecce, 1999. P. 286-287.*

1219 *Walker D.P. Ficino and astrology. P. 343.*

1220 "... compono librum de providentia Dei atque humani arbitrii libertate, in quo illa Astrologorum iudicia, quae providentiae libertatique detrahunt, pro ingenii facultate redarguo. Nempe quam diligenter coelestia vere metiuntur Astronomi, tam multum circa humana inanes Astrologi mentiuntur" (*Ficinus M. Quantum Astronomi metiuntur, tantum Astrologi mentiuntur // Ep. lib. IV. P. 771. 1).*

астрологов»¹²²¹. Последним в этом ряду является послание к графу Франческо Ипполито Гаццольдо, содержащее предисловие к самому антиастрологическому трактату: перечислив опасные заблуждения, спровоцированные верой в то, что «конкретные события с необходимостью производятся звездами» (*singula necessario fieri a stellis*), а это – отрицание Божественного провидения, обвинение ангелов, движущих небесными сферами, в преступлениях и несчастиях людей, отказ человеку, приравненному к скотам, в свободе воли и покое, – Фичино выдвигает следующий довод, лишаящий смысла все труды звездочетов: «Наконец, если нельзя избежать того, что предопределено роком, то бесполезно предвидеть и предсказывать это; если каким-либо образом этого можно избежать, то астрологи ложно отстаивают неизбежность рока»¹²²². А далее он призывает ополчиться на «нечестивых гигантов», которые, претендуя на «знание будущего, дерзают уравнивать себя с бесконечным Богом»¹²²³.

Словом, Фичино отвергал такую астрологию, которая давала основания ее служителям покушаться на всеведение, не оставляя места ни свободе человека, ни всемогуществу Бога, с чем Фичино, убежденный в своем призвании оборонить христианскую веру от любых угроз ей, категорически согласиться не мог. Но, признавая живое единство вселенной, он не мог не признавать и наличие каких-то связей между миром небесным и земным. Кроме того, что звезды и планеты играли роль знаков, или вестников Божественного провидения, они также в качестве объектов более высокого порядка должны были с необходимостью воздействовать на то, что расположено ниже их, на всякую земную тварь, включая людей, – на их телесное естество и тесно связанные с ним части души. А это означает, что астральные влияния ни в коей мере не упраздняют свободную

1221 “Compono librum de providentia Dei et humani arbitrii libertate, in quo agitur contra astrorum necessitatem fatumque Astrologorum (*Idem. Cum primum fatum impugnare nitimur, expugnamus* // Ep. lib. IV. P. 776. 3). См. также: Bullard M.M. Op. cit. P. 689.

1222 “Denique si fata vitari non possunt, frustra praevidentur et praedicuntur, si possunt aliqua ratione vitari, false ab Astrologis necessitas fati defenditur” (*Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum [Proemium]* // Ep. lib. IV. P. 781. 2).

1223 Ibid. См. также: Thorndike L. A history of magic and experimental science. New York, 1934. Vol. IV. P. 569; Walker D.P. Ficino and astrology. P. 345-346.

волю человека, сосуществуя с ней. В девятой книге «Платоновского богословия» Фичино сформулировал эту идею следующим образом: «Небеса не движут нашей волей с помощью некоего природного побуждения, но они движут нашими телами»¹²²⁴.

Более всего положения небес и светил воздействуют на стихии, то есть на процессы в материальных сферах жизни, а также могут провоцировать социальные, хозяйственные и прочие потрясения. Моровое поветрие, поразившее Италию в 1478-1479 гг., Фичино в специальном трактате «Советы, как противостоять чуме» (создан в 1479 г., 1 изд. – 1481 г.) объяснял неблагоприятным сочетанием небесных тел, призывая опасаться конъюнкций Луны с Солнцем, Сатурном или Марсом, или ее противостоянием Солнцу, или когда она образует фигуру квадрата с этими планетами, причем «чумная зараза сильно распространяется при восходе и заходе Солнца»¹²²⁵. В написанном почти одновременно (декабрь 1478 г.) послании к папе Сиксту IV он связывал чудеса, которые произвели незадолго перед тем вновь обретенные мощи Св. Петра в г. Вольтерра, с состоявшейся конъюнкцией Марса и Сатурна в созвездии Девы и другими небесными знаменами, что предвещало двухлетние бедствия, войну, чуму, голод, а также явление лжепророка¹²²⁶. В сентябре 1480 г. Фичино предупреждал Лоренцо Медичи об опасной для него констелляции¹²²⁷, а после смерти своего покровителя в 1492 г. в предисловии к «Комментариям на Плотина» гуманист уверял Пьеро Медичи, что кончина его отца была отмечена

1224 “Quamobrem coeli voluntatem nostram instinctu naturae non movent, movent tamen corpus” (Ficinus M. *Theologia platonica de immortalitate animorum*. IX. 4. P. 209). Место это дословно воспроизведено в антиастрологическом трактате: *Idem*. *Disputatio contra iudicium astrologorum*. P. 25. См. также: *Kristeller P.O.* *Die Philosophie des Marsilio Ficino*. S. 294-295; *Kaske C.V., Clark J.R.* *Introduction*. P. 59; *Bullard M.M.* *Op. cit.* P. 688; *Vasoli C.* *Quasi sit deus*. P. 80-81.

1225 “Voglio ti guardi bene quando la Luna si congiunge col sole et anco quando s’opponne, cioè quando è piena. Item quando si congiunge con Saturno, et più quando si congiunge con Marte. Item quando fa quadratura con detti pianeti. Et sappi chel veleno pestilente si muove forte nellevar del Sole et nel porre.” (Ficino M. *Consiglio contro la pestilenza*. VI. Firenze, 1532. P. 16r-v). В латинском переводе Иеронима Риччо с названием “*Epidemiarum antidotes*” (1516 г.) трактат опубликован в: *Op. om.* P. 576-606 (см.: P. 586).

1226 *Ficinus M.* *Spiritus ubi vult spirat* // *Ep. lib. VI*. P. 813-815.

1227 *Idem.* *Pius dominabitur astris* // *Ep. lib. VI*. P. 831. 2.

особыми небесными знаменами¹²²⁸. Другим своим знакомым он также направлял гороскопы¹²²⁹. В августе 1489 г. в составе коллегии экспертов Фичино определял наиболее подходящее время для закладки флорентийского дворца Филиппо Строцци¹²³⁰. Как видим, и сам гуманист действовал с оглядкой на данные астрологии, и информировал о них близких ему людей. И это было характерной чертой времени, ибо не только частные лица, но также государственная власть, например, флорентийская Синьория или должностные лица в папском Риме, консультировалась с астрологами о наиболее подходящем времени для начала каких-то важных предприятий¹²³¹.

Итак, Фичино не только признает, но даже настаивает на том, что человек подвержен астральным влияниям, хотя и до определенного предела постольку, поскольку звезды не могут лишить его свободы воли, или не властны над его умом. Ибо, как он пишет в книгах «О жизни», они воздействуют лишь на дух человека посредством мирового духа (*spiritus mundi*), некоего среднего звена между душой мира и его телом: «... во вселенной то, что мы зовем духом, является некой приманкой, или стимулом (*esca sive fomes*), для совокупления тел с душой»¹²³². Строго говоря, мировой дух, обеспечивающий связь небесных объектов с тем, что находится под Луной,

1228 *Idem*. Magnanimo Petro Medici // Op. om. P. 1538.

1229 *Idem*. Responsum de genesi quod iudicium sit fallacissimum // Ep. lib. VII. P. 857. 2; *Idem*. Positio aspectusque planetarum ingenio conferentium // Ep. lib. VIII. P. 894. 3; *Idem*. Fata viam invenient, aderitque vocatus Apollo // Ep. lib. X. P. 918. 2.

1230 “Ebbi tal punto (i. e. diem XVI. Augusti 1489 quo domus Stroctiana aedificari coepta est) dal soprannominato Benedetto Biliotti e Maestro Niccolò e Maestro Antonio Benivieni medici, el vescovo de’ Pagagnotti e M. Marsilio, tutti lo approvorono per buono” (Strozzi L. Vita di Filippo Strozzi. Ed. B. Bigazzi. 1851. P. 70. Цит. по: SF. Vol. II. P. 307).

1231 См. об этом подробнее: Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения (1 изд. статьи – 1952 г.) // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 340-344; Bullard М.М. Op. cit. P. 692-693; Юсим М.А. Семейство Тедалди и его связи с Россией // Россия и Италия. М., 1993 (С. 84-95). С. 89-90.

1232 *Ficinus M.* De vita. III. 26 // Op. om. P. 570. См. также название гл. 3 в III книге “О стяжании жизни с небес”: “Quod inter animam mundi et corpus eius manifestum, sit spiritus eius, in cuius virtute sunt quatuor elementa. Et quod nos per spiritum nostrum hunc possumus haurire” (Ibid. P. 534).

и, соответственно, – живое единство мира, заимствован Фичино, по-видимому, у стоиков, хотя в своей космологии он стремился предстать продолжателем Платона и Плотина¹²³³. Природа этого духа двояка: «Он есть тончайшее тело, как бы и не тело, а уже душа. И равно как бы не душа, но почти тело. В нем немного природы земли, больше – воды, еще больше – воздуха, намного больше – огненной и звездной... Он животворит всюду и все, будучи непосредственной причиной всякого порождения и движения»¹²³⁴. Сочетая в себе свойства четырех стихий, он в состоянии служить посредником между небесами и нижним миром, пронизывать его и воздействовать на его тела. Этим духом, коий можно «именовать небом и квинтэссенцией» (то есть пятой сущностью), мир порождает все вещи, включая звезды и четыре стихии¹²³⁵. Сродни ему дух человека, – называемый Фичино в «Платоновском богословии» «неким тончайшим и прозрачайшим тельцем»¹²³⁶, – коим можно уловить, «если он станет, насколько в его силах, небесным, или уподобится ему», дух, или дыхание, мира¹²³⁷. Значит, подобно тому как мир звездный и небесный воздействуют на человека и всю подлунную природу, так и человек, сообразуя свой дух с мировым, способен оказать обратное влияние.

Помимо этой, так сказать «духовной» связи всех частей вселенной есть еще одна, которую условно можно назвать «формальной». В той же книге «О жизни» Фичино говорит о «мировой душе», творящей с помощью логосов образы в надзвездных сферах и надевающей их определенными свойствами, о том, что в звездах – в их образах, полуобразах и свойствах – содержатся все виды, или формы, ниже расположенных сущностей и их свойства, и что от тех весьма упорядоченных форм зависят формы более низких объектов, ибо они устроятся свыше; словом, порождая особенные формы и силы более низких сущностей, душа воспроизводит их благодаря прису-

1233 См. наблюдения: Walker D.P. *Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella*. London, 1958. P. 12; Kaske C.V., Clark J.R. Introduction. P. 27.

1234 *Ficinus M. De vita*. III. 3. P. 535.

1235 *Ibid.*

1236 “*tenuissimum quoddam lucidissimumque corpusculum*” (*Idem. Theologia platonica*. VII. 6. P. 177).

1237 *Idem. De vita*. III. 4. P. 535.

щим ей логосам при помощи звезд и небесных форм¹²³⁸. Постольку поскольку объекты подлунного мира создаются при участии звезд и неба, которые запечатлены в них, то из этого с неизбежностью следует, что их «формальное» бытие обусловлено свыше и не может не быть подвержено влияниям, идущим оттуда. Более того, «семенными логосами вещей» оно связано с «идеями божественного ума» и таким образом каждая «материальная форма» через семенные логосы, присущие душе, находит соответствие в определенной идее, в связи с чем посредством этих логосов она может стяжать какие-то блага свыше, будучи сотворена свыше с помощью логосов: ибо если некоему виду вещей или отдельной форме, рассуждает Фичино, придать надлежащим образом то многое, что распределено между различными вещами, но что сообразно идее, то можно в материю, как следует приуготовленную, привлечь от идеи посредством семенных логосов души «необыкновенные дары»¹²³⁹.

Концепция «семенных логосов» (*rationes seminales*) как связующего звена между формами, запечатленными в материи, и идеями ума, или посредников между миром земным, небесным и занебес-

1238 “Наес [мировая душа – O.K.]... *rationibus suis aedificavit ultra stellas in coelo figuras... impressitque his omnibus proprietates. In stellis autem, figuris, partibus, proprietatibus, omnes rerum inferiorum species continetur et proprietates earum... A quibus formis ordinatissimis dependent inferiorum formae, illinc videlicet ordinatae... Quando igitur anima gignit speciales inferiorum formas viresque, eas per rationes efficit proprias, sub stellarum formarumque coelestium adminiculo”* (Ibid. III. 1. P. 531-532).

1239 “... *anima mundi totidem saltem rationes rerum seminales divinitus habet, quot ideae sunt in mente divina quibus ipsa rationibus totidem fabricat species in materia. Unde unaquaeque species per propriam rationem seminalem propriae respondet ideae, facileque potest per hanc saepe aliquid illinc accipere, quandoquidem per hanc illinc est effecta... ac si certe cuidam rerum speciei vel individuo eius rite adhibeas multa quae sparsa sunt, sed etiam ideae conformia, mox in materiam hanc ita opportune paratam singulare munus ab idea trahes, per rationem videlicet animae seminalem”* (Ibid. III. 1. P. 531). Ср. в другом месте трактата сходную мысль об обретении “даров свыше” посредством надлежащего соединения семенных логосов с формами, обретающимися в материи: “*Fieri vero posse quandoque, ut rationibus ad formas sic adhibitis, sublimiora quoque dona descendant, quatenus rationes in anima mundi coniunctae sunt intellectualibus eiusdem animae formis, atque per illas divinae mentis ideis”* (Ibid. III. P. 572).

ным, обнаруживает близость не только к онтологии Плотина¹²⁴⁰, но и к натурфилософскому учению Фомы Аквинского, который считал, что небесные объекты внедряют в материю субстанциальные, особенные формы, являющиеся источниками неких «тайных», не связанных со стихиями сил в вещах¹²⁴¹. Убежденный в существовании непрерывной связи материальных форм с божественными идеями через семенные логосы, Фичино считал, что благодаря определенным манипуляциям с этими формами человек способен получить в свое распоряжение энергии и силы высших миров. Речь идет об «астральной магии» как частной форме натуральной магии, или науке, которая, по справедливому наблюдению Фр. Йейтс, хотя и основывается на исследовании звезд и небес и их влияний на земной мир и человека, тем не менее учит, как человеку направить к своей пользе эти влияния и таким образом уклониться от астрологического детерминизма¹²⁴².

В сущности этой теме посвящена третья книга «О жизни», имеющая весьма говорящее название – «О стяжании жизни с небес» (*De vita coelitus comparanda*). В ней, рассуждая среди прочего о том, «как посредством объектов, ниже расположенных и подвластных выше расположенным, низводятся выше расположенные»¹²⁴³, Фичино выясняет способы извлечения и обретения сокрытых в природе сил: «Что касается природных воздействий, тех, которые идут свыше, тебе следует знать, что, в конечном счете, в нас и в наши материальные объекты их можно привлечь с помощью искусства постольку, поскольку природа предоставила нам и нашим материальным объектам при-

1240 Plotin. *Enneades*. IV. III. 10-11. P. 76-78. См. также: Kristeller P.O. *Introductio* // SF. Vol. I. P. LXXXIV; Garin E. *L'età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo*. Napoli, 1969. P. 425-429; *Idem*. *Lo zodiaco della vita*. P. 82; Copenhaver B.P. *Renaissance magic and Neoplatonic philosophy: "Ennead" 4. 3-5 in Ficino's "De vita coelitus comparanda"* // MFRP. P. 352-356.

1241 Подробнее см.: Copenhaver B.P. *Scholastic philosophy and Renaissance magic in the "De vita" of Marsilio Ficino* // RQ. 1984. Vol. XXXVII. N 4. P. 531-546; Copenhaver B.P. *Renaissance magic and Neoplatonic philosophy*. P. 352-355.

1242 Йейтс Фр.А. *Джордано Бруно и герметическая традиция*. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.). С. 59. См. также: Акоюн О. Л. *Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI вв.)* // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып. 57. 2016. С. 76–92.

1243 "Quomodo per inferiora superioribus exposita deducantur superiora" (*Ficinus M. De vita*. III. 26. P. 570).

манку для них... Разве природа, искусная производительница потомства, когда некоторым образом творит тельце (*corpusculum*) и придает ему вид, сразу же этим самым его внешним обликом, словно некой приманкой, не низводит [в него] дух вселенной [*spiritum ab universo*]? И этим способом оно не вбирает в себя и жизнь и душу? И, в итоге, благодаря определенному виду и устройению души тело, таким способом оживленное, оказывается достойным присутствия ума, дарованного свыше. Словом, повсюду природа является магом...»¹²⁴⁴.

В этой же роли мага выступает и человек, который умеет должным образом обращаться с материальными формами, чтобы привлечь в них небесные блага: подобно пахарю, возделывающему поле, готовя его к засеву семенами и получению небесных даров, прививающему деревья, чтобы продлить их жизнь и улучшить вид, а равно врачу, естествоиспытателю и хирургу, подобным образом поступающим с нашим телом, дабы сберечь нашу природу и полнее стяжать природу вселенной, точно так же, – пишет Фичино, – поступает «философ, сведущий в том, что касается природы и звезд, коего мы имеем обыкновение называть магом, благодаря некоторым приманкам и в подходящий момент сводя небесное в земное не иначе, нежели прилежный земледелец прививает к старому стволу молодой росток. И это весьма одобряет Птолемей, утверждая, что сей мудрец может так же использовать действия звезд, как земледелец добрые качества почвы. Маг делает покорным земное небесному, более того низшие области – высшим...»¹²⁴⁵. Итак, во власти этого мудреца-мага, или философа, эксплуатировать материальные объекты, оформлены ли они природой или искусством, и, узнав, какие идущие

1244 Ibid.

1245 “Quod sane animadvertentes agricultura, praeparat agrum seminaque ad coelestia dona, et insitionibus quibusdam vitam plantae prorogat, et ad speciem alteram melioremque perducit. Similia quaedam efficit et Medicus, Physicus, et Chirurgus in corpore nostro, tum ad nostram fovendam, tum ad universi naturam uberius comparandam. Idem quoque Philosophus, naturalium rerum astrorumque peritus, quem proprie Magum appellare solemus, certis quibusdam illecebris coelestia terrenis, opportune quidem, nec aliter inferens, quam insitionis studiosus agricola veteri recentem stipiti surculum. Quod et Ptolemaeus valde probat, affirmans eiusmodi sapientem sic astrorum opus adiuvarе posse, quemadmodum agricola terrae virtutem. Subijcit Magus terrena coelestibus, imo inferiora passim superioribus...” (Ibid.).

с неба воздействия они в состоянии принять, эти объекты подобрать, приугодить и настроить так, чтобы через них приобрести для себя небесные дары (*sibique per eas [materias] coelestia vendicat*)¹²⁴⁶ и даже – последствием этих последних – заполучить занебесные силы¹²⁴⁷.

Речь идет, в частности, об образах нижнего мира, способных уловить влияния сходных с ними образов, или фигур, которые расположены на небесах, поскольку и те, и другие принадлежат к иерархии форм, простирающейся от Ума через Душу и семенные логосы до материи. В главе 16-й третьей книги трактата, озаглавленной «О власти неба и силах лучей, от коих, как считается, образы получают силу»¹²⁴⁸, Фичино говорит о том, что материальный образ обретает свою силу из трех источников, из стихийной силы его материального тела, которая становится значительнее, если находит соответствие с другой силой, приданной формой той же материи, а сверх того – с еще одной, которую с помощью фигуры можно стяжать с небес¹²⁴⁹.

Для этого астральные фигуры запечатлеваются в образах, к которым прибегают, имея в виду достижение определенных целей. В главе 18-й той же третьей книги Фичино говорит о различиях в небесных фигурах, одни из них – знаки Зодиака – имеют красивые и хорошо известные глазу формы, многократно изображенные, как, например, Овен, Телец и т. д., другие же – не столь зримы, сколь вообразимы, они были постигнуты и открыты индийцами, египтянами и халдеями. Некоторые характерные черты этих небесных знаков и планет были зарисованы египтянами, они хотели, чтобы все подобного рода объекты были зафиксированы в образах. Среди небесных фигур есть прекрасная Дева, сидящая, держащая в руках два коло-

1246 Ibid. P. 571.

1247 “Per haec insuper confirmant nonnulli etiam illud magicum, pro inferiora videlicet superioribus consentanea posse ad homines temporibus opportunis coelestia quodammodo trahi, atque etiam per coelestia super coelestia nobis conciliari, vel forsan prorsus insinuari...” (Ibid. XV. P. 552).

1248 “De potestate coeli, de viribus radorum unde vim sortiri putentur imagines” (Ibid. III. 16. P. 553).

1249 “Praeterea imaginem efficaciorum fore si virtus in materia eius elementaris conveniat cum speciali eiusdem virtute naturaliter insita atque haec insuper cum virtute altera speciali per figuram coelitus capienda” (Ibid. P. 554). См. в этой связи: *Copenhaver B.P. Renaissance magic and Neoplatonic philosophy. P. 365-366; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 37.*

ска и кормящая младенца – таким предстает знак Девы в первом из своих обликов¹²⁵⁰. Чтобы показать, как можно получить некие блага от небесных тел, Фичино берет для примера планету Меркурий: для этого она должна находиться в знаке Девы, или, по крайней мере, там должна быть Луна, взирающая на Меркурия, и вот тогда нужно сделать из олова или из серебра образ со знаком Девы и с ее символами, а также с символами Меркурия¹²⁵¹. И в силу сходства форм земного тварного образа и небесных объектов, этот образ воспримет идущие от них влияния. Еще один пример: древние, желая иметь жизнь долгую, в час Сатурна, когда он восходил, производили в камне «Feurizech», сиречь сапфире, образ Сатурна в виде старого человека, сидящего на высоком кресле или на Драконе, с головой, покрытой лоскутом темной материи, держащего в поднятых над головой руках серп или рыбу и облаченного в черную одежду; можно было и другим способом попробовать стяжать долгую и счастливую жизнь с небес, изготовив образ Юпитера на светлом или белом камне в виде человека с короной верхом на орле или на Драконе, его возносящего к славе, одетого в платье шафранного цвета¹²⁵². Примеры эти Фичино продолжает и очевидно, что во всех них он, широко заимствуя материал из весьма популярного в его время трактата о симпатической и астральной магии «Пикатрикс»¹²⁵³, рассказывает об изготовлении магических талисманов, коими человек обращает себе во благо нужные ему планетные энергии.

В числе образов, аккумулирующих в себе небесные силы, Фичино называет крест, подчеркивая его особое положение и преимущества по сравнению со всеми другими возможными формами не-

1250 “... in prima facie Virginis virgo pulchra sedens, geminas manu spicas habens puerumque nutriens...” (Ficinus M. De vita. III. 18. P. 556). См. то же: Ficinus M. De stella magorum // Op. om. P. 491.

1251 Ficinus M. De vita. III. 18. P. 556.

1252 Ibid. P. 556-557.

1253 Трактат “Пикатрикс” создан на арабском языке в XII в. под сильным гностико-герметическим влиянием; в XIII в. повелением Альфонса Мудрого переведен с арабского на испанский и латинский языки; был хорошо известен Фичино, а также итальянским и европейским мыслителям, интересовавшимся астрологией, магией и герметическим учением. См.: Йейтс Фр. Указ. соч. С. 49-69; Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения. С. 339; [Он же]. Garin E. L’età nuova. P. 389-419.

бесных объектов и их конъюнкций. Ибо силы небес достигают своей наибольшей полноты, когда лучи светил, расположенных по четырем сторонам света, пересекаются под прямыми углами и тем самым образуют форму креста. «Поэтому-то древние и говорили, – продолжает Фичино, – что фигура креста сотворена силой звезд либо приемлет их силу и потому обладает высшей властью в образах и воспринимает силы и духи Планет». Далее Фичино ссылается на известность креста уже древним египтянам: изображая его на груди Сераписа, они символизировали им будущую жизнь; впрочем, замечает по этому поводу гуманист, признание египтянами еще до пришествия Христова важности креста свидетельствует не столько о его звездных дарах, сколько предвещает достоинство, которое он примет от Христа¹²⁵⁴.

Одной из главных целей этой талисманной магии, направленной на низведение определенных астральных токов и излучений в материальные тела, является восстановление или укрепление здоровья людей. Сын врача и сам врач, Фичино, как и большинство людей его класса и культуры, считал, что человеческий организм в целом и отдельные его части связаны с теми или иными зодиакальными знаками, а телесные темпераменты – с различными планетами. Элементом астральной терапии могут быть длительные прогулки на свежем воздухе, в спокойную и ясную погоду по возвышенной местности, ибо во время них «лучи Солнца и звезд беспрепятственно и легко отовсюду достигнут тебя и наполнят дух твой мировым духом»¹²⁵⁵. Этот миро-

1254 “Tunc enim stellae magnopere sunt potentes, quando quatuor coeli tenent angulos imo cardines, orientis videlicet occidentisque, et medii utrinque. Sic vero dispositae, radios ita conjiciunt in se invicem, ut crucem inde constituunt. Crucem ergo veteres figuram esse dicebant, tum stellarum fortitudine factam, tum earundem fortitudinis susceptaculum, ideoque habere summam in imaginibus potestatem, ac vires et spiritus suscipere Planetarum. Haec autem opinio ab Aegyptiis vel inducta est, vel maxime confirmata. Inter quorum characteres crux una erat insignis vitam eorum more futuram significans, eamque figuram pectori Serapidis insculpebant. Ego vero quod de crucis excellentia fuit apud Aegyptios ante Christum, non tam muneris stellarum testimonium fuisse arbitror, quam virtutis praesagium, quam a Christo esset acceptura...” (Ficinus M. De vita. III. 18. P. 556). См. также: Йеймс Фр. Указ. соч. С. 69, 432; Гарэн Э. Указ. соч. С. 342-343, 348-349; Chastel A. Il “signum cruces” del Ficino // MFRP. P. 216-217.

1255 “Inter haec diutissime diuturno tempore sub divo versaberis, quatenus tuto vel commode fieri potest, in regionibus altis et serenis atque temperatis.

вой дух можно также получить из вещей, кои им изобилуют, вроде отборных вин, белого сахара, золота, драгоценных камней, благовоний, из того, что источает наинежнейшие ароматы, что сверкает и т. п. Равным образом и энергии различных планет улавливаются теми объектами и состояниями, над которыми властвует каждая из них. Впрочем, пользоваться различными природными предметами и предпринимать какие-то действия нужно со знанием дела и осторожно, чтобы по недоразумению не навлечь злокачественных влияний, прежде всего Марса и Сатурна, и обращаться к таким растениям, травам, живым существам, минералам и металлам, запахам, цветам, природным и искусственным формам, приготовленным снадобьям и блюдам, формам душевных состояний и словам, которые обеспечивают приток благотворных, жизненных энергий, даруемых, в первую очередь, Солнцем, Юпитером, Венерой, а также Меркурием. Так, чтобы привлечь влияния, исходящие от Юпитера, нужно в период, когда эта планета царит, использовать то, что соответствует ее природе, – серебро, гиацинт, топаз, коралл, хрусталь, берилл, сапфир, вино, белый сахар, мед, свежее-зеленые и воздушные цвета, чувства постоянные, уравновешенные, благочестивые и законные. «Сила же Венеры улавливается горлицей, голубком, трясогузкой и иным, о чем стыд возбраняет говорить»¹²⁵⁶. Кроме подобных, данных природой средств низведения в подлунный мир планетных энергий могут быть применены и рукотворные, созданные искусством приспособления для этого. Например, с помощью составных вещей, как-то порошков, жидкостей, мазей, вытяжек (*electuaria*), которые изготавливают опытные в астрологии врачи, гораздо легче и быстрее обретают небесные влияния, нежели обычными веществами, из которых делают образы; более того, эти лекарственные препараты имеют много составляющих, ибо поскольку сотни свойств Солнца или Юпитера рассредоточены в сотнях растений, животных и тому подобных вещах, постольку эти сотни известных свойств можно свести вместе

Sic enim Solis stellarumque radii expeditius puriusque undique te contingunt, spiritumque tuum complent mundi spiritu per radios uberius emicante” (Ficinus M. De vita. III. 11. P. 544). См. в связи с этим: Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Saturn and Melancholy. P. 268-269.

¹²⁵⁶ *Ficinus M. De vita. III. 1. P. 532-533. См. также: Walker D.P. Spiritual and demonic magic... P. 13-14.*

и сделать из них некое изображение, в коем содержатся почти целиком Солнце и Юпитер¹²⁵⁷. Таким образом искусство приходит на помощь «низшей», то есть земной, природе, которая не в силах в одном предмете заключить все силы «высшей природы»¹²⁵⁸.

В главе 19-й третьей книги трактата Фичино берется создать образ вселенной, чтобы через него заполучить блага мира¹²⁵⁹. Работу следует начать, наставляет он, когда Солнце вступает в первый градус Овна, ибо это случается в день рождения мира; завершить же ее надо в пятницу, то есть в Венерин день, что должно знаменовать совершенную красоту произведения. Делать его нужно из меди в сочетании с золотом и серебром (металлами Юпитера, Солнца и Венеры), используя «вместе три универсальных и собственных цвета мира – зеленый, золотой и цвет сапфира, или голубой, посвященные трем Грациям небес», ибо зеленый – это цвет Венеры, золотой – свойственен Солнцу, но не чужд Юпитеру и Венере, что же касается цвета сапфира, или голубого, то он принадлежит по преимуществу Юпитеру, которому, как говорят, посвящен этот камень¹²⁶⁰. «В связи с чем полагают, что для получения даров небесных Граций, нужно как можно чаще видеть эти три цвета и, изготавливая модель мира, использовать цвет сапфира для мировой сферы; также полагают, что в звездные сферы по сходству с небом надо добавить золото и облачить в зеленые наряды Весту и Цереру, сиречь землю». И этот образ, или модель, мира почитатель Граций должен носить с собой или часто его созерцать помещенным напротив¹²⁶¹.

1257 Ibid. III. 13. P. 549.

1258 Ibid.

1259 “Sed cur nam universalem ipsam, id est, universi ipsius imaginem permittimus? Ex qua tamen beneficium ab universo sperare videntur. Sculpet ergo sectator illorum forte, qui poterit formam quandam mundi totius archetypam si placebit in aere, quam deinde opportune in argenti lamina imprimat aurata” (*Ficinus M. De vita. III. 19. P. 559*).

1260 “Sunt vero tres universales simul et singulares mundi colores, viridis, aureus, sapphyrinus, tribus coeli gratiis dedicati” (*Ibid. P. 559*).

1261 “Expedire igitur iudicabunt ad gratiarum coelestium munera capessanda, treis potissimum hos colores frequentissime contueri, atque in formula mundi quam fabricas, sapphyrinum colorem mundi sphaeris inserere. Operaeprecium fore putabunt aurea sphaeris ad ipsam coeli similitudinem addere, sidera, atque ipsam Vestam, sive Cererem, id est, terram, viridem induere vestem. Eiusmodi formulam sectator illorum, vel gestabit, vel oppositam intuebitur” (*Ibid.*).

В сущности, похоже, что в этом случае речь идет о некоем художественном изделии, наделенном свойствами талисмана и предназначенном для магических целей. Далее у Фичино дано, без сомнения, описание фрески с теми же образами и красками, имеющей то же назначение и находящейся как можно больше на виду у ее обладателя. «Затем он [почитатель Граций – О.К.] устроит комнату, где он часто проводит дни и ночи, в наиболее удаленных покоях своего дома со сводчатым потолком, расписанном и украшенном соответствующими фигурами и цветами. И, когда он будет выходить из дома, его внимание сосредоточится не на отдельных предметах, но на образе и цветах вселенной»¹²⁶².

Рассуждая о способах привлечения, или усвоения, влияний Солнца, Венеры и Юпитера, источников молодости, здоровья и бодрости, Фичино, как справедливо замечает Йейтс, такого рода звездозаконием имел в виду поправить прежде всего здоровье ученых, которые из-за чрезмерного усердия в их занятиях впадают в меланхолию и тем самым оказываются под влиянием Сатурна, планеты, ведающей созерцательной деятельностью и враждебной проявлениям жизненной энергии¹²⁶³. По собственному признанию гуманиста, он также страдал от меланхолии, будучи рожден под Сатурном, дурное влияние которого было усугублено другими неблагоприятными конstellациями: «... ты иногда застаешь меня в некоем состоянии, – обращался в 1476 г. Фичино к своему близкому другу Джованни Кавальканти, – поносимом мной как меланхолия, вещь, на мой взгляд, претягостная..., которую, мне кажется, с самого начала запечатлел во мне Сатурн, находившийся почти в середине моего асцендента Водолея и испытывавший влияние Марса, равно находившегося в Водолее, и Луны в Козероге, а также расположенный в квадратном аспекте к Солнцу и Меркурию, занимавшим девятый дом в Скорпионе. Но Венера в Весах и Юпитер в Раке, пожалуй, оказывали некоторое противодействие этой меланхолической природе»¹²⁶⁴.

1262 Ibid.

1263 *Ficinus M. De vita. I. 4. P. 496.* См. также: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 195; Йейтс Фр. Указ. соч. С. 60-61, 70-71.*

1264 “... quod interdum in me reprehendis, complexionem quandam accuso melancholiam, rem, ut mihi quidem videtur, amarissimam... quam mihi ab initio videtur impressisse Saturnus in medio ferme Aquario ascendente meo constitutus, et in Aquario eodem recipiens Martem, et Lunam in Capricorno,

Если верить приведенному гороскопу, Фичино была уготована не легкая, даже трагическая судьба, ибо злотворное действие Сатурна дополнялось таким же влиянием Марса и – что еще более осложняло положение – квадратным аспектом четырех светил Солнца, Меркурия, Сатурна и Марса, имевшим недобрую репутацию «четыреугольника смерти»¹²⁶⁵. Жалуясь в двух других письмах к Кавальканти на свою «сатурнийскую природу», Фичино исходил из принятой в традиционной астрологии оценки Сатурна как несчастливой звезды¹²⁶⁶. Впрочем, его влияние, а равно и Марса, еще одного светила, признаваемого опасным для человека¹²⁶⁷, умерялось, как сказано, Юпитером и Венерой. «Если вы опасаетесь Марса, противопоставьте ему Венеру, – поучал Фичино в трактате «О жизни», – если вы опасаетесь Сатурна, противопоставьте ему Юпитера»¹²⁶⁸. Сходным образом в другом сочинении Фичино «Комментарии на «Пир» Платона, о Любви», о Юпитере сказано, что он «весьма часто своим соединением или противостоянием, или восприятием при шестеричном или трояком восхождении обуздывает злое влияние планеты Сатурна»¹²⁶⁹, а о

atque aspiciens ex quadratura Solem Mercuriumque in Scorpio, novam coeli plagam occupantes. Huic forte nonnihil ad naturam melancholiam restiterunt Venus in Libra, Iupiterque in Cancro” (*Ficinus M. Omnes omnium laudes referuntur in Deum, principium omnium atque finem // Ep. lib. III. P. 733. 1*).

1265 См. об этом: *Saitta G. Marsilio Ficino e la filosofia dell’umanesimo. Bologna, 1954. P. 9; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 20-21; Bullard M.M. The inward Zodiac. P. 694.*

1266 См.: *Ficinus M. Deus omnia bonis convertit in bonum // Ep. lib. III. P. 731-732.* См. также: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 256; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 20-21, 34; Кассирер Э. Индивид и космос в культуре Возрождения // Он же. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000. С. 110, 121.*

1267 См. послание кардиналу Иоанну Арагонскому: “Duo potissimum inter planetas hominibus assidue pericula machinantur, Mars videlicet et Saturnus” (*Ficinus M. Saturni Martisque natura // Ep. lib. VI. P. 819. 2*). В другом своем сочинении “О Солнце” Фичино особенно акцентирует несчастливую природу Сатурна: “Saturnus atque Mars infortunati..., sed Saturnus magis infelix, quoniam maxime dissentire videtur a Sole, imo etiam magis quam Mars a Luna” (*Ficinus M. De Sole. VIII // Op. om. (P. 965-975). P. 970*). См. также: *Thorndike L. Op. cit. P. 567.*

1268 *Ficinus M. De vita. III. 6. P. 539-540.*

1269 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 12 // Op. om. P. 1341 (Ed. P. Laurens. Paris, 2002. P. 123; см. русский перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка: Фичино М. Комментарий на “Пир” Платона, о любви*

Венере, – «что она смягчает и подавляет Марса»¹²⁷⁰. В послании к Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи, троюродному брату Лоренцо Великолепного, датированном зимой 1477-1478 гг., Фичино убеждает своего юного еще корреспондента так настроить себя, чтобы избегать влияний дурных планет – «чрезмерной поспешности Марса и медлительности Сатурна» – и обратиться душой и телом к тем, которые несут благие дары, то есть постоянно лицезреть Солнце, или самого Бога, дающего жизнотворные лучи, Юпитера, источника законов божественных и человеческих, Меркурия, ведающего добрым советом, разумом, знаниями, наконец, Венеру, или человеколюбие¹²⁷¹. В связи с этим следует вспомнить, что три из указанных четырех дружественных человеку планет – обычно Венеру, Юпитера и Солнце – Фичино именовал «тремя Грациями Небес» (в буквальном переводе – «тремя благодатями небес»), драгоценные дары коих, ожидаемые и старательно отслеживаемые астрологами, сообщаются нижнему миру через Меркурия и Луну¹²⁷². Случалось, правда, Фичино указывал несколько другой перечень планет в качестве «Граций Небес»: «Прежде всего да будет тебе известно, – писал гуманист тому же Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи в 1481 г., – что три Грации, коих наши поэты изображают в виде трех девушек, обнимающих друг друга, являются среди небесных созданий тремя планетами – Юпитеровым Меркурием (то есть Меркурием, получающим благодать и милости от Юпитера), Солнцем и Венерой, – гармоничных и весьма расположенных друг к другу участников небесного танца. Равным образом эти три имени Граций – Юность, Свет и Радость (*Viriditas, Lux, Laetitia*) – наи-

// Эстетика Ренессанса. Т. I. М., 1981. С. 187). См. в другом месте об умеряющем действии Юпитера на Сатурна: *Idem. De vita. III. 12 и 22. P. 547, 565.*

1270 *Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 8. P. 1339* (Ed. P. Laurens. P. 113; см. русский перевод: С. 184). См. также: *Idem. Venus Martem Iupiter Saturnum domat // Ep. lib. III. P. 726. 3* (послание Ринальду Орсини, архиепископу Флорентийскому).

1271 *Ficinus M. Prospera in fato fortuna, vera in virtute felicitas // Ep. lib. V. P. 805. 2.* См. в связи с этим: *Gombrich E.H. Botticelli's mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // JWCI. 1945. Vol. VIII (P. 7-60). P. 15-17; Йейтс Фр. Указ. соч. С. 72-73.*

1272 *Ficinus M. De vita. III. 5. P. 536.* См. в другом месте о духе, вожделеющем “чудесных даров” Граций, которому для овладения ими надлежит быть к соответствующим планетам расположенным так же, как то, что им соответствует по природе: *Ibid. III. 11. P. 546.*

лучшим образом подходят указанным звездам, которые из небесных тел в наибольшей мере оказывают свое покровительство человеческим дарованиям... И если ты когда-нибудь услышишь, что первая Грация является Юпитером, то имей в виду, что это не столько Юпитер, сколько Юпитеров Меркурий, то есть Меркурий, находящийся в благоприятном аспекте к Юпитеру или получающий от него некие милости. Ибо именно Меркурий с присущей ему жизненной энергией и быстротой побуждает нас всегда искать суть вещей; Солнце же своим светом делает всякое открытие зримым для вас, его ищущих; наконец, Венера своей наиприятнейшей красотой делает изящным и привлекательным, что бы ни было открыто»¹²⁷³. Еще позже, в послании к Роберто Сальвиати и Джироламо Бенивьени о Джованни Пикотремья Грациями названы уже Солнце, Меркурий и Венера, идентифицируемые соответственно с мудростью, красноречием, добропорядочностью¹²⁷⁴. Однако как бы ни менялся состав небесных Граций¹²⁷⁵, они в астрологии Фичино символизировали благодатные небесные свойства, кои способны нейтрализовать пагубные воздействия неблагоприятных светил.

В этих же целях Фичино рекомендует использовать приятные запахи и ароматы, связанные с благотворными планетами, а равно – музыкальные звуки и песни, которые, если нежны, чарующи, прекрасны, то связывают их исполнителя с Грациями (Юпитером, Венерой, Солнцем) и Меркурием, если же унылы и пугающи, – с Марсом и Сатурном¹²⁷⁶. Подобно цветам, запахи и звуки, как следует подобранные, также обладают магическими способностями освободить душу от тяготящих влияний, подставив ее идущим свыше благотворным энергиям. Причем среди всех них пение располагает самым сильным действием, «ибо оно подражает желаниям и страстям души, а также словам, оно представляет равным образом действия и движения тела, поступки и нравы людей; и подражает этому с такой силой, что неожиданно побуждает и провоцирует слушателей подражать и делать то же самое. И в одинаковой мере, подражая

1273 *Ficinus M. De tribus Gratiis et Genio // Ep. lib. VII. P. 846. 1. См. также: Gombrich E.H. Op. cit. P. 34-35.*

1274 *Ficinus M. De tribus gratiis et concordia // Ep. lib. VIII. P. 890. 3.*

1275 См. наблюдения: *Gombrich E.H. Op. cit. P. 35-37.*

1276 *Ficinus M. De vita. III. 11. P. 546.*

вещам небесным, оно, с одной стороны, сообщает чудесным образом нашему духу небесные влияния, с другой, – подчиняет духу эти влияния»¹²⁷⁷. Музыкальное мелодическое пение адресовалось четверем благим светилам, трем другим – Сатурну, Марсу и Луне – произведения исполнялись только голосом, сообразные характеру небесного тела; Сатурну, например, полагались звуки медлительные, тяжелые, глухие, жалобные¹²⁷⁸. По весьма справедливой догадке Фр. Йейтс, орфические песнопения Фичино, о которых источники сообщают нам не раз¹²⁷⁹, должны были, как он считал, воспроизводить музыкальные лады планетных сфер и акустическими средствами служить целям астральной магии, низводя с помощью гимнов Солнцу, Юпитеру, Венере их благотворные влияния¹²⁸⁰ и рассеивая подавляющие жизненную энергию человека пагубные излучения.

Однако при всем его нездоровом воздействии на физическое состояние людей, на их нрав, склонность к одиночеству, замкнутость, угнетенность, Сатурн, начиная с Фичино, уже не рассматривается в качестве исключительно вредоносного светила, как он изображался в традиционной астрологии. У главы флорентийской Платоновской академии и у гуманистов его круга мы встречаем иные характеристики этой планеты, связанные прежде всего с признанием зависимости от нее высших и наиболее ценных форм человеческой деятельности – духовного созерцания и божественной интуиции. Сетуя в переписке с упомянутым выше Джованни Кавальканти на враждебное к нему самому положение Сатурна¹²⁸¹, гуманист в ответ услышал от своего друга не утешение даже, выговор за недооценку милостей, оказанных ему этой планетой: «Итак, остерегайся сотворить вину по отношению к этой наивысшей звезде, оказавшей тебе великие и неисчислимыя благодеяния. Не вдаваясь в ненужные подробности, спрошу, когда ты был послан для украшения Флорентийского града, благодаря тебе ставшего еще более цветущим, разве он [Сатурн – О.К.] не находился к тебе в том же аспекте, что и к Платону, когда он появился, чтобы прославить Афины? Прошу ответь мне, откуда

1277 *Ficinus M. De vita*. III. 21. P. 563.

1278 *Ibid.* См. также: *Walker D.P. Spiritual and demonic magic...* P. 15-18.

1279 См. Гл. II. С. 168.

1280 Йейтс Фр. Указ. соч. С. 74-75.

1281 *Ficinus M. Deus omnia bonis convertit in bonum* // *Ep. lib. III. P. 731. 3.*

[у тебя] дивный ум, коим можешь понять, что такое Сатурн?... Скажи мне, откуда это сильное и крепкое тело, коим ты прошел узкими и неторными дорогами всю Грецию и проник вплоть до Египта, принесся нам на собственных своих плечах этих наимудрейших старцев? Несомненно, отважное это дело!... Ведь ты привел тех, до кого раньше никто не добирался, и открыл их странам Запада, которых прежде лишь имена были ведомы и находились в великом почете и рассеял неизвестность, в которой они пребывали и явил нашим глазам, очистив от всякого тумана... Наконец, благодаря тебе сей век увидел тех, кого никогда не видела Италия. И все это даровано тебе им же [Сатурном – О.К.]. К этому еще хотел бы тебя спросить, откуда такая память, удерживающая столь много вещей, которая до такой степени цепка, что вспоминает в любой момент все когда-либо виденное или слышанное тобой, и не только помнит вещи, но и что, когда и где ими было сделано? Поэтому не жалуйся на Сатурна, по воле коего ты настолько превосходишь прочих людей, насколько он сам превосходит прочие планеты. Итак, верь мне, нужна палинодия, которую, если [все сказанное] правильно рассудишь, пропоешь как можно скорее»¹²⁸².

Сатурн, оказывается, стоит за всеми интеллектуальными подвигами Фичино, ибо содействием этой, прежде почитавшейся враждебной человеку звезды отмеченный ее печатью гуманист неведомым доселе знанием просветил народы Запада и прославил свой век; с этого момента она начинает терять свой зловещий ореол и фактически превращается в небесного сподвижника людей науки, погруженных в божественные тайны миропорядка и, в частности, выступает в качестве планеты-покровительницы флорентийской Платоновской академии, то есть философского дела Фичино и его ученого товарищества¹²⁸³.

1282 “Cave igitur posthac transferas culpam tuam ad supremum illud astrum, quod te forte innumeris atque maximis beneficiis accumulatum reddidit... Tu ne ergo Saturnum incusabis, qui te tantum caeteris homines superare voluit, quantum ipse caeteros planetas superat. Itaque opus, mihi crede est palinodia, quam si sapis, quam primum canes” (*Ficinus M. Mala non sunt ab astris proprie, sed ex defectu vel materie, vel consilii // Ep. lib. III. 732. 2*). См. также: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 257-258; Bullard M.M. Op. cit. P. 694; Biondi A., Pisani G. Introduzione // Ficino M. De vita. A cura di A. Biondi, G. Pisani. Padova, 1991. P. XV-XVII.*

1283 См. об этом: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 273.*

Едва ли цитированное письмо Кавальканти к Фичино – чистая мистификация и сочинено целиком главой флорентийских платоников от имени своего близкого друга; но нет сомнений, что по крайней мере главные его положения о благодетельной роли Сатурнова воздействия и меланхолии для духовного просвещения была «подсказана» или навеяна Кавальканти общением с гуманистом-наставником или содержанием его трудов. Так, в «Платоновском богословии» (завершено в начале 1474 г.) за меланхолией признавалась способность уводить душу от всего, внешнего ей, и сосредоточивать на себе, тем самым открывая путь пророческому дару¹²⁸⁴. Сходно с этим миссия Сатурна обрисована в 6-й главе первой книги трактата «О жизни»: он – наивысшая из планет – подвигает человека к исследованию самых высоких тайн, на что способны редкие философы, когда их душа, не отягощенная внешними движениями и собственным телом, становится божественным орудием (*divinum instrumentum*); исполненная божественными влияниями и высшими пророчествами, она открывает каждый раз что-то новое, неведомое и предрекает будущие события¹²⁸⁵. О том, что Сатурн обращает к самым возвышенным и сокровенным вещам и сам обозначает собой «божественное созерцание», писал Фичино в послании Якопо Антикварио¹²⁸⁶. «В обмен на земную жизнь, от которой он тебя удаляет, – сказано во второй книге трактата «О жизни», – Сатурн, сам чуждый ей, наделяет тебя жизнью небесной и вечной»¹²⁸⁷. Итак, сфера Сатурна – это чистая мысль, созерцание, отрешенное от всего земного, ему угодна жизнь уединенная, покровительствует он тем, кто предан изучению наибольших тайн философии и религии, и живут они так долго и счастливо, что почитаются не столько смертными людьми, сколько бессмертными богами (*immortales daemones*), коих многие называют героями, золотым родом, жившим беспечально в Сатурновом веке и царстве¹²⁸⁸.

1284 *Ficinus M. Theologia platonica de immortalitate animorum. XIII. 2. P. 287, 294. См. также: Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 195-196; Kaske C.V., Clark J.R. Op. cit. P. 22.*

1285 *Ficinus M. De vita. I. 6. P. 498.*

1286 *Idem. Expositio allegorica seculi aurei atque aliorum // Ep. lib. VIII. P. 860. 3.*

1287 “*Saturnus autem pro vita terrena, qua separatus ipse te denique separat, coelestem reddit atque sempiternam*” (*Idem. De vita. II. 15. P. 522*).

1288 *Ibid. III. 22. P. 565.* По теме золотого рода (поколения) людей у античных писателей см. работы: Кудрявцев О.Ф. Письмо Марсилио Фичино о

В этом контексте принадлежность к Сатурну становилась печатью избранности, особого положения среди людей, знаком высокой судьбы. Как раз об этом толковал Кавальканти в своем письме Фичино. И уж, конечно, был услышан – не случайно Фичино в разных своих писаниях отмечал, что и Платон, оказывается, был «сатурнской природы»¹²⁸⁹. Лоренцо Медичи, покровитель Фичино, тоже был причислен к сонму «сатурнцев» и назван в письме к Пико даже наиболее достойным из них¹²⁹⁰. Самому Пико, как видно, льстило именованное его «сыном высокого Сатурна», равно и сравнение с его названным небесным родителем¹²⁹¹.

Вместе с тем увлечение Фичино астрологическими изысканиями далеко не всегда находило понимание и одобрение его младшего друга. Своими «Рассуждениями против прорицающей астрологии», завершенными незадолго до собственной смерти (1494 г.), Пико, заинтересованный в их одобрении Савонаролой и в том, чтобы благодаря им с него были сняты обвинения инквизиции, вынудил главу флорентийских платоников публично заявить о неприятии астрологической науки. Впрочем, никаких открытых обличений не было, наоборот, в тексте трактата Пико объявил о своем единомыслии с «нашим Марсилием», который будто бы даже часто подбивал его взяться за этот труд, «открыто выступив против них [астрологов. – О.К.], следуя по стопам Плотина, толкуя и излагая которого он внес большой вклад в платоновскую науку, обогатил и прославил

Золотом веке // Св. М., 1980. Вып. 43. С. 320-327; Он же. Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 129 и далее. См. также: С. 375-376.

1289 См. гороскоп Платона в письме к Франческо Бандини (*Ficinus M. De vita Platonis* // Ep. lib. IV. P. 763. 2), а также послание к Пьер Леоне за август 1491 г.: *Idem. De simplicitate et integritate morum* // Ep. lib. XI. P. 928. 3.

1290 “Laurentius inter Saturnios praestantissimus” (*Idem. Cur viris magnis discrimina magna imminant* // Ep. lib. VIII. P. 888. 2).

1291 “Picum sublimis Saturni filium”, - сказано в письме к Пико (*Ficinus M. Astronomicum auspiciam pro libro de vita longa* // Ep. lib. IX. P. 901. 1). См. также письмо к Франческо Гадди: *Idem. Pauci negotia publica coniungunt cum studio literarum* // Ep. lib. VIII. P. 892. 2). См. на эту тему работы: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Op. cit. P. 273-274*; *Панофски Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009 (1 изд. – Нью Йорк, 1939). С. 134-139*; *Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб., 2017 (1 изд. на французском – Париж, 1984). С. 134-139.*

ее...»¹²⁹². Более того, Д.П. Уолкер убежден, что Пико даже воспроизводит в своем трактате Фичинову теорию астральных влияний¹²⁹³. Это наблюдение дало Фр. Йейтс повод утверждать, будто Пико имел в виду защитить Фичинову «астральную магию» и, в частности, третью книгу его трактата «О жизни» – «О стяжании жизни с небес»¹²⁹⁴. Однако уже Д.П. Уолкер заметил, что Пико далеко не во всем согласен с Фичино, например, он отвергал особенные планетные воздействия на объекты подлунного мира¹²⁹⁵. Еще дальше пошел Э. Гарэн, считая, что в своей работе Пико, выразив внешне вполне почтительное отношение к Фичино, подвергал критике прежде всего именно его астрологические воззрения.

Так, в трактате «О звезде волхвов» Фичино рассматривает разные свидетельства пришествия Спасителя, вместе с пророчествами сивилл, классических авторов привлекая также данные астрологов, а в трактате «О христианской религии» ссылается даже на гороскоп Христа, составленный Чекко д'Асколи (*Esculus Astrologus*), против которого Пико резко выступил как против

1292 “Porro noster Marsilius scripsit adversus eos aperte, Plotini vestigia secutus, in quo interpretando et enarrando magnopere rem platoniam iuvat, auxit et illustravit; quod si, valetudini consulens hominum, aliquando corrogat sibi de caelo quedam etiam auxilia, optat ille potius ita fieri posse quam credat. Testari hominis mentem fidelissime possum, quo familiariter utor, nec habui ad detegendam istam fallaciam qui me saepius et efficacius adhortaretur, nec quotiens una facetiamur uberius nobis occasio segesque ridendi quam de vanitate astrologorum, praesertim si tertius interveniat Politianus...” (*Pico della Mirandola G. Disputationes adversus Astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I. P. 60; SF. Vol. II. P. 274. См. Русский перевод фрагмента: Пико делла Мирандола Дж. Рассуждения против прорицательной астрологии. Книга Первая / Пер. О.Л. Акоюна // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. 9. 2014. С. 247–279 (переиздано в: Русская антропологическая школа. Труды. Выпуск 14 / Под ред. С.О. Зотова. М.: РГГУ, 2016. С. 321–360). См. также: Thorndike L. Op. cit. P. 571-572; Garfagnini G.C. La questione astrologica tra Savonarola e Giovanni Francesco Pico // Rinascimento. Seconda serie. 2004. Vol. XLIV (P. 17-47). P. 20-22.*

1293 *Pico della Mirandola G. Disputationes...* III. 4. См. в связи с этим: Walker D.P. *Spiritual and demonic magic...* P. 55.

1294 Йейтс Фр. Указ. соч. С. 110-111.

1295 Walker D.P. *Spiritual and demonic magic...* P. 56.

крайнего проявления нечестия¹²⁹⁶. В том же трактате «О звезде волхвов» Фичино упоминает декана Девы, уже описанного в астрологической литературе, и замечает, что если он и не был причиной Христа, то был его знаком¹²⁹⁷; по мнению Пико, «такое подтверждение астрологией, находящей среди небесных образов Деву и Христа, таинства воплощения Слова, излишне для христианской истины, не нуждающейся в подобных баснях и вздоре»¹²⁹⁸. Неприятие у Пико вызывают и утверждения Фомы Аквинского, которого очень охотно цитирует Фичино, о разнообразии небесных влияний на людей и телесный мир – ничтожность подобных воззрений он обещает показать в своем труде¹²⁹⁹. Этим разногласия Фичино с Пико не исчерпывались; Пико не принимал очень полюбившуюся его товарищу Плотину мысль о звездах как знамениях того, что происходит на земле, выступал против попыток признать роль небесных светил в определении судьбы или характера человека при его рождении или зачатии; так что стоит согласиться с Э. Гарэном – у двух гуманистов в подходе к астрологии было больше расхождений, чем точек схода¹³⁰⁰. И не случайно, когда с завершением труда

1296 *Ficinus M. De stella magorum*. P. 489-491 (См. перевод: Фичино М. «О звезде волхвов». «О Солнце» / Пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. 1. 2014. С. 446–485); *Idem. De religione Christiana*. X // *Op. om.* P. 14; *Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem*. V. 14. P. 612. См. также комментарии Э. Гарэна: *Ibid.* P. 668-669.

1297 “in prima Virginis facie, quae referat puellam virginem et pulcherrimam, sedentem puerumque lactantem” (*Ficinus M. De stella magorum* // *Op. om.* P. 491). См. также выше С. 411. Примеч.1250. О предшественниках этого образа в астрологической традиции см.: *Warburg A. Italienische Kunst und internationale Astrologie im Palazzo Schifanoja zu Ferrara. Anhang // Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. II. S. 638.*

1298 “Sic confirmari putant miraculum Verbi corporati per scientiam astrologiae, quae inter coeli imagines Virginem Iesumque repperit... Sed non eget his fabulis somniisque veritas christiana” (*Pico della Mirandola G. Op. cit.* V. 14. P. 604).

1299 “ostendemus nullam tamen idcirco futuram hanc artem” (*Pico della Mirandola G. Op. cit.* IV. 1. P. 424). См. у Фичино *Ficinus M. De vita*. III. 18. P. 558.

1300 Связи со сказанным см. подробнее: *Garin E. Introduzione*. P. 12-13; Акопян О. Л. От scientia naturalis к борьбе против предсказаний: астрологические воззрения Джованни Пико делла Мирандола (1486-1493) // *Валла: Историко-филологический журнал европейских исследований*. Т. 2. № 1. 2016. С. 77–92.

Пико об астрологии эти расхождения стали очевидны и позиции Фичино подверглись критике, он в послании к их общему другу Анджело Полициано (август 1494 г.) поспешил отречься от своих прежних увлечений этой наукой, представ в респектабельном виде философа, который, будучи, конечно же, сведущ в ней, не придавал ей никакого серьезного, самостоятельного значения, позволяя себе обращаться к ее данным как врач в целях психологических или как мыслитель – поэтико-аллегорических¹³⁰¹.

¹³⁰¹ См.: Ibid. P. 8-10; Гл. 4. С. 243.

ГЛАВА XI. «ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ

«Познай же цену срочных дней
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье:
Кто был счастливей, был умней»
Боратынский

Вопросы морали – одни из главных и часто обсуждаемых в философском наследии Фичино. И в них он стремился быть продолжателем давней традиции. Поэтому излагая учение о нравах, толкуя о добродетелях и пороках, он совсем не претендовал на самостоятельность. Тем не менее отдельные стороны его нравственных воззрений обращают на себя внимание, если не своей оригинальностью, то уж по крайней мере весьма точным выражением моральных устремлений его времени или представляемого им направления гуманистической мысли.

§ 1. Время

Для Фичино время представляет интерес прежде всего как такое условие земной жизни, отношение к которому определяет и обнаруживает нравственный облик человеческого субъекта. Онтологически время, по Фичино, не обладает абсолютной реальностью, оно переходит и растворяется в вечности¹³⁰². Другое дело если рассматривать его в аспекте человеческого существования, в качестве своего рода собственности, от распоряжения которой зависит все то, чего люди могут достичь в жизни, – и качества их собственной

¹³⁰² См. в связи с этим: *Ficinus M. Epistola ad Leonardo di Tone // SF. Vol. II. P. 169*; *Фичино М. Письмо к Леонардо ди Тоне. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 259.*

персоны, и обстоятельства их наличного бытия. Фичино очень похож на Альберти, так же, как и он¹³⁰³, проповедуя бережное, рачительное обращение со временем и с тревогой переживая его постоянное, ничем не остановимое движение. Это ощутимо в призывах дорожить текущим мгновением, ценить настоящее и ничего не откладывать на завтра, с которыми гуманист адресовался к близким ему людям. ««Нет, никогда, мне поверь, – увещевал Фичино осенью 1474 г. своего патрона Лоренцо Медичи цитатой из Марциала, – не скажет мудрец: ‘Поживу я’, – / Жизнью завтрашней жить – поздно. Сегодня живи!»... Да сгинет сегодня это завтра, да сгинет как можно быстрее, дабы ты не погиб; нет ничего лживее этого завтра, обманывавшего всех, кого рождала земля... Мы едва обладаем настоящим, ведь мы так непрочно его имеем, что не могли бы его задержать даже на короткий миг. Однако будущее – ничто, – повторяет гуманист снова и снова, – посему никто не владеет им... Будь счастлив сегодня; если ты рассчитываешь на счастье завтра, ты никогда не будешь счастлив»¹³⁰⁴. Эта же мысль – «радуйся настоящему» – закреплена в изречениях, начертанных «на стенах Академии»¹³⁰⁵, став таким образом одной из фундаментальных этических норм возглавляемого Фичино платонического сообщества.

1303 См. выше: С. 254-258.

1304 «"Non est, crede mihi, sapientis dicere 'Vivam'. / Sera nimis vita est crastina: vive hodie"... Pereat cras istud hodie, pereat quamprimum, ne tu pereas, nihil crastino isthoc fallacius, fefellit omnes quos terra protulit homines... Vix presens tempus habemus: nam ita leviter habemus, ut parumper retinere non valeamus. Futurum autem nihil est, futurum igitur nullus habet... Bene vale hodie, si cras valueris, valebis nunquam» (*Ficinus M. Tempus parce expendendum // Ep. lib. I. P. 646-647*). См. также: *Марциал. Эпиграммы. I. 15. 11-12. Перевод Ф. Петровского. М., 1968. С. 33.*

Ср. в письме к Джованни Кавальканти тот же призыв жить, предпочитая настоящее и не доверяя будущему, и такая жизнь преподносится в качестве согласной с Богом, в котором нет вчера и завтра, но есть сегодня: "Vivendum est autem hodie, qui enim cras vivit nunquam vivit. Si vis hodie vivere, vive Deo in quo heri et cras nihil aliud sunt quam hodie" (*Ficinus M. De tolleranda iniuria // Ep. lib. P. 632. 3*).

1305 "Laetus inpraesens" (*Ficinus M. Medicina corpus, musica spiritum, theologia animum curat // Ep. lib. I. P. 609. 2*). См. подробнее: Гл. II. С. 176-177. См. также: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 278-279.*

Исходя из убеждения о величайшей ценности времени, Фичино то и дело в своих посланиях обращался к близким ему людям с призывами дорожить временем и не терять его, в особенности когда заходила речь об овладении науками: «Но желаешь ли ты благоденствовать? [Тогда] учись хорошо и учись, прошу тебя, сегодня; кто учится завтра, не учится никогда»¹³⁰⁶, – наставлял он в ноябре 1473 г. Антонио Пацци, своего подопечного из могущественной флорентийской семьи. В письме к Джованни Кавальканти, одному из своих ближайших своих друзей, Фичино оправдывал настоятельную просьбу вернуть ему книги нежеланием терять время, по-видимому, для работы, ибо, по его словам, нет потери большей, чем эта¹³⁰⁷. Подобную же мысль он обыгрывал в письме Пьеро Ванни, Керубино Кварквальи и Доменико Галетти, рассуждая о глупости и убогости людской: «Кто задумывается о том, сколь вредна потеря времени? Расходуя деньги, мы очень скупы, расходуя время, – расточительны сверх меры»¹³⁰⁸.

Более подробно о недопустимости проводить время без дела писал Фичино в уже цитированном послании к своему еще юному покровителю: «В моей болезни, Лоренцо, ничто меня не угнетало так сильно, как память о бесполезно потраченном времени; напротив, ничто не могло меня как-то утешить, кроме воспоминания о том, чему я обучился, пусть выучил я немного... Поэтому я умоляю тебя, мой дражайший патрон, ради вечного Бога тратить благоразумно и расчетливо наидрагоценнейшее время, сколь немного его не было бы, дабы у тебя никогда не нашлось повода раскаиваться в напрасной расточительности и безвозвратной потере. Восьмидесятилетнего Феофраста потеря времени часто приводила к слезам¹³⁰⁹; и она

1306 “... sed visne valere bene? Bene disce, et disce precor hodie, qui cras discit, nunquam discit” (*Ficinus M. Exhortatio ad scientiam // Ep. lib. I. P. 617. 2*).

1307 “Temporis enim iactura me stimulat ut eos [libros] sepius exigam. Nulla est gravior iactura quam temporis (*Ficinus M. Gravis est iactura temporis // Ep. lib. I. P. 625. 3*).

1308 “Qui considerent quam gravis sit temporis iactura? In aere expendendo parcissimi sumus, in tempore erogando supramodum prodigi” (*Ficinus M. Stultitia et miseria hominum // Ep. lib. I. P. 637. 1*)

1309 Об отношении Феофраста ко времени древние авторы сообщали следующее: “И Феофраст, умирая, жаловался на природу, что воронам и оленям она дала долгую жизнь, которая им совсем не нужна, а человеку –

же заставляла великого Козимо, когда ему было за семьдесят, часто тяжело вздыхать в моем присутствии... То, о чем я прошу, Лоренцо, просто, ибо нетрудно проводить один час надлежащим образом и с пользой; употреби, молю тебя, ежедневно один час как следует, то есть для насыщения ума свободными науками, и пусть сие малое время живет счастливо для тебя»¹³¹⁰.

Примером того, сколь нужно дорожить временем, Фичино представлял Козимо Медичи, деда Лоренцо. «Козимо был столь же скуп и бережлив со временем, сколь Мидас с деньгами; – сказано в следующем послании к Лоренцо (осень 1474 г.), – и хотя он очень экономно расходовал дни, тщательно рассчитывая каждый час, сей человек, знающий цену мгновению, часто оплакивал впустую растратенное время»¹³¹¹. Мы не знаем, в какой мере образ Козимо, нарисованный Фичино, соответствовал действительности; важно, что таким его видел или хотел видеть гуманист, изображая как безукоризненный образец распорядительного хозяина времени, заботящегося о полезном употреблении каждого его мига. И этим образцом он призывал руководствоваться Лоренцо.

К увещаниям своего наставника молодой властитель Флоренции оказался восприимчив. Во всяком случае таким он изображал

такую короткую... если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук. Вот он и жалуется, что должен умереть как раз тогда, когда что-то завиднелось впереди” (Цицерон. Тускуланские беседы. III. 69. Перевод М.Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 291); “И не раз он [Феофраст] говорил, что самая дорогая трата – это время” (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979. С. 217). “”

1310 *Ficinus M. Tempus parce expendendum* // Ep. lib. I. P. 646. 2. Одновременно Фичино обращается с призывом побуждать Лоренцо быть радетьным в занятиях науками, чтобы в них он первенствовал, как первенствует среди граждан своим положением, к его секретарю Никколò Микелоцци: “Vale, [Micheloceti,] atque exhortare ad diligentiam Laurentium, ut brevi tantum doctrina superet Latina, quantum auctoritate cives suos sine controversia superat” (*Idem. Nemini recte volenti omnino ad bonum interclusus est aditus* // Ep. lib. I. P. 648. 2).

1311 “... tum avarus parcusque temporis erat Cosmus quam Mida pecuniae. Et quum parcissime suos dies expenderet, horasque impense dinumeraret, homo momentorum avarissimus, frequenter iacturam deplorabat horarum” (*Ficinus M. Imitatio potior est quam lectio* // Ep. lib. I. P. 649. 1).

себя. «Я был весьма обрадован твоим посланием, – писал (октябрь 1474 г.) он в ответ на новое обращение к нему Фичино, льстя ему и в то же время умея найти себе оправдание, – в котором ты обличал нас в бессмысленной потере времени таким образом, что совсем небесполезным оказывается сие наше безделье. Ибо обычная небольшая потеря времени спровоцировала тебя выступить с наставлениями, кои могли бы быть полезны не только нам, но и всем, страждущим от той же болезни»¹³¹². В конце письма еще раз одобрительно отзываясь о поучениях своего нравственного руководителя, Лоренцо воспроизводил излюбленную мысль того о времени, не знаящем никакого завтра¹³¹³.

Моральные уроки Фичино и мыслителей его круга были столь основательно усвоены Лоренцо Медичи, что он сам стал их активным пропагандистом. В знаменитой «Вакхической песне» (или иначе – «Триумф Вакха и Ариадны», 1489 г.), в которой речь идет о быстротечности жизни, он воспроизводит в двух стихах часто повторяемые Фичино заповеди – «радуйся настоящему» и «не доверяй завтра»:

*«Счастья хочешь, счастлив будь
Нынче, завтра – неизвестно».*¹³¹⁴ (Перевод В. Брюсова)

1312 “Periucunda mihi fuit epistola tua, quae ita praeteriti temporis iacturam in nobis arguit, ut non omnino inutile otium fuisse nostrum videatur. Factum est enim, privata parvi temporis iactura, ut ea ex te praecepta emanarint, quae non nobis modo, sed iis omnibus prodesse possint, qui eodem morbo laborant” (Medices L. Responsio ad epistolam de tempore parce expendendo // Ep. lib. I. P. 647. 3; *Idem*. Lettere. A cura di R. Fubini. Firenze, 1981. Vol. II. N 178. P. 35-37).

1313 “tempore, ut nullum cras habituro” (Ibid. P. 648. 1).

1314 “Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c’è certezza”

(Medici L. de’. Canti carnascialeschi. VII. Canzona di Bacco // Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. II. P. 249).

О. Вальцель считает, что между Фичиновым увещанием к Лоренцо “дорожить мгновением” (“carpe diem”) и призывом этого последнего жить радостно, дистанция огромного размера (Walzel O. Von Plotin, Proklos und Ficino // Vierteljahrschrift für Litteraturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1941. Vol. XIX. S. 429). Однако Вальцель не учитывает контекст, в котором Лоренцо высказал свой призыв и в котором речь идет о быстротечности жизни (именно ее моментом и следует наслаждаться), как он не принимает во внимание и то, что у Фичино можно найти точно такую же мысль, как и у Лоренцо, – “радуйся настоящему”, “laetus inpraesens”, (см. выше:

Призыв дорожить временем, столь характерный для моральных наставлений его ученого друга, является лейт-мотивом одной из «Плясовых песен» Лоренцо (1490-1491 гг.), получая точное и полное выражение в ставшей очень популярной максиме «время не ждет»:

«Тот, кто выжидает, время убивает,
Ведь оно не ждет, но прочь убегает»¹³¹⁵.

Своему сыну Иоанну, когда тот, четырнадцатилетний, был возведен в кардиналы (1489 г.), Лоренцо в поучениях, напоминающих назидания уже не столько Фичино, сколько Альберти, рекомендовал быть рачительным хозяином своего времени, уметь его должным образом организовать: «Одного правила прежде всего советую Вам держаться как можно строже, а именно: вставать каждое утро рано, чтобы – не говоря уже о большой пользе для здоровья – иметь возможность обдумать и сделать все, что нужно, за день; и в Вашем сане – поскольку Вам надлежит служить в церкви, учиться, давать аудиенции – Вы найдете это весьма полезным. Другое дело тоже в высшей степени необходимо в вашем положении, именно: обдумывать всегда, и в особенности вначале, вечером все, что Вы хотите сделать на следующий день, дабы не могло выйти ничего непредвиденного»¹³¹⁶.

С. 427 N 1305). О близости между Фичино и Лоренцо в этом вопросе см.: Dress W. *Mystik des Marsilio Ficino*. Berlin-Leipzig, 1929. S. 81; Kristeller P.O. *Lorenzo de' Medici platonico* // SRTL (1 изд. работы – 1938 г.). P. 218-219; Андреев М.Л. *Лоренцо Медичи // История литературы Италии*. М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 461.

1315 “*Chi tempo aspetta, assai tempo si strugge:*

E 'l tempo non aspetta, ma via fugge.

La bella gioventù giamai non torna,

Nè 'l tempo perso giamai riede indrieto;

Però chi ha 'l bel tempo e pur soggiorna,

Non ará mai al mondo tempo lieto;

Ma l'animo gentile e ben discreto

Dispensa il tempo, mentre che via fugge...,-

и несколько ниже, -

Io credo che non sia maggior dolore

Che del tempo perduto a sua cagione”

(*Medici L. de'.* Canzoni a ballo. IX // *Opere*. Ed. A. Simioni. Vol. II. P. 201).

1316 “Una regola sopra l'altre vi conforto ad usare con tutta la sollecitudine vostra; et questa è di levarvi ogni mattina di buona hora, perchè oltre al conferir molto alla sanità, si pensa et espedisce tutte le faccende del giorno, et al grado che avete, avendo a dir l'ufficio, studiare, dare audientia ec. ve 'l troverete mol

Приведенные выше рассуждения Фичино точно передают умонастроение эпохи, которое, лишив время сакрального ореола, полностью ответственным за распоряжение им сделало человека. Стоит заметить здесь также, что не руководствуясь Фичино сам своими же рекомендациями ближним о том, как надо ценить время¹³¹⁷ и каждый переживаемый момент его, несомненно, он не смог бы проделать ту колоссальную работу, результатом которой стали его многочисленные переводы мыслителей древности, комментарии к ним, собственные оригинальные трактаты и переписка.

§ 2. Фортуна

«Я прихожу к выводу, Пандольфо и Бернардо, что весьма полезным было бы дать вам знание того, что такое фортуна и что такое случай, и чтобы вы, узнав это, могли бы понять, в состоянии ли здравый смысл, благоразумие и должная человеческая предусмотрительность противостоять случайностям фортуны или нет, в полной мере или частично, – обращался богатый флорентийский патриций Джованни Ручеллаи к своим сыновьям в «Записных книжках» – собрании заметок и наблюдений, предназначенных сообщить потомству все накопленные им знания и житейский опыт, столь необходимые для делового человека его круга. – И поскольку мнения разнятся, ниже я вам приведу записи высказываний философов и других авторов, отделяя тех, кто держался одного мнения, от тех, кто держался другого»¹³¹⁸.

to utile. Un'altra cosa è sommamente necessaria a un pari vostro, cioè pensare sempre, et massime in questi principii, la sera dinanzi, tutto quello che avete da fare il giorno seguente, acciocchè non vi venga cosa alcuna immeditata” (*Roscoe Th. The life of Lorenzo de' Medici called the Magnificent. London, 1872. App. XXVII. P. 469*).

¹³¹⁷ О том, сколь бережно распоряжался Фичино временем, свидетельствует в письме к нему Каллимах: “*Achademie restitutor doctissime, vidi cum istic essem ea te parsimonia tempus dispensantem...*” (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum // SF. Vol. II. P. 224*).

¹³¹⁸ “*Io m'achordo, Pandolfo e Bernardo, che sia utilissima materia di darvi a intendere che chose è fortuna et che cose è caso; e appreso, inteso che è fortuna et che è il caso, che voi intendiate se e il senno et la prudenza e il buono*

Ручеллаи дает предлинную подборку рассуждений о фортуне, происхождение которых, впрочем, не всегда можно точно установить, много цитируя Аристотеля, Саллюстия, Сенеку, Боэция, Эпиктета, Цицерона, Бернарда Клервосского, Данте, Петрарку, Чекко д'Асколи и некоторых других, а из своих современников – известного тогда юриста Джованни Мартини да Сан Джиминиано и, как видно становящегося все более популярным философа-платоника Марсилиа Фичино¹³¹⁹. По мнению Ручеллаи, «большинство сходится в том, что фортуна есть лишь пустое имя» и что предусмотрительность, здравомыслие и благоразумие способны противодействовать случайностям фортуны (*casi fortuiti*), «так что они не смогут совсем или смогут мало повредить мудрому человеку, который в большинстве случаев сумеет защититься от них»¹³²⁰. Однако если фортуна всего лишь «пустое имя», «ничто», то почему ей у Ручеллаи уделяется так много внимания, более того – приписывается власть над «богатствами и благами мира»?¹³²¹ Потому что для него, носителя мироощущения ренессансной поры, фортуна в своей многоликости и непостоянстве становится неким собирательным образом текучести и изменчивости внешнего мира, чуждого, неподвластного человеку и в силу этого опасного для него наличного бытия¹³²². В хронологических записях, относящихся к 1456 г., «необычной и удивительной фортуной» (*maravigliosa e mirabile fortuna*) он называет конкретно чудовищной силы ураган, ставший причиной больших разрушений и многочисленных смертей людей и животных в нескольких местечках Тосканы; декабрем того же года помечено

governo dell'uomo può resistere a' casi della fortuna o non in tutto o in parte. E perchè gli oppenioni sono variati, vi farò qui di sotto nota di detti di più filosofi et altri autori, seperati l'uno dall'altro quelli che ànno tenuto una oppenione et quelli n'anno tenuto un'altra.” (Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960. P. 103).

1319 Ibid. P. 103-116.

1320 Ibid. P. 103.

1321 “Le ricchezze e i ben del mondo sono nelle mani della fortuna: e' non sono sicuri ch'ella nollì possa loro torre...” (Ibid. P. 110. См. также: Ibid. P. 111).

1322 В связи с этим см. подробнее трактовку фортуны в широком контексте культуры Возрождения: Кудрявцев О.Ф. Античные представления о фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 50-57.

письмо его брата Паоло Ручеллаи с описанием «страшной фортуны» (*terribile fortuna*) – землетрясения, жертвой которого стали Неаполь и его округа¹³²³.

Имя Фичино появляется у Ручеллаи в почетном ряду широко известных древних и средневековых философов, богословов и поэтов; но в отличие от них его мнение представлено достаточно пространственным посланием, которое было подготовлено между 1460 и 1462 гг. и специально посвящено состоятельному патрицию и, возможно, покровителю гуманиста, целиком включившему его в свои «Записные книжки»¹³²⁴. На вопрос Ручеллаи, можно ли каким-либо образом предотвратить случайности фортуны или противостоять им, Фичино поначалу в полном согласии с тем, как наставлял детей его адресат, писал, что «ударам фортуны не могут противостоять ни человек, ни человеческая природа, но человек благоразумный и человеческое благоразумие». Однако далее гуманист уточнял, что «человеческое благоразумие есть дар не просто природы, но гораздо больше – начала, источника и первопричины природы», иными словами Небес; поэтому, продолжал Фичино свое рассуждение, «благоразумный человек обладает силой для противодействия фортуны, но с той оговоркой, которую сделал мудрец: «Ты не имел бы этой силы, не будь она дана свыше»»; сама фортуна, оказывается, в конечном счете, творит волю Божью, ибо хотя она «есть ход событий, совершающийся вне порядка вещей, который нам обычно известен и желателен, тем не менее согласно порядку, о котором знает и который желает Тот, Кто знает и желает более, чем позволяет нам наша природа». За этим рассуждением следует нравственное заключение (*morale sententia*), мало согласующееся с установкой Ручеллаи на сопротивление фортуны: «Хорошо сражаться с фортуной оружием благоразумия, терпения и великодушия; лучше уклониться и бежать такой войны, в которой побеждают лишь немногие, да и те с невероятным трудом и обильным потом; лучше всего заключить с ней мир или перемирие, сообразовывая нашу

1323 Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. P. 55, 59-60. Подробный отчет Джованни Ручеллаи о зафиксированных им как очевидцем последствиях урагана над Тосканой см.: *Ibid.* P. 78-82.

1324 *Ibid.* P. 114-116, 176. См. также изд. этого документа Кристеллером: *SF. Vol. II. P. 169-172.*

волю с ее волей, и добровольно идти туда, куда она укажет, дабы она не повела нас туда силой»¹³²⁵.

В сущности Фичино формулировал здесь точку зрения, высказанную еще Платоном и широко принятую в средневековой богословской мысли, основывающуюся на том, что фортуна (судьба, случай) должна рассматриваться как производное божественного промысла, форма его реализации в наличном мире¹³²⁶. Из такого понимания фортуны логически вытекает рекомендация добровольно подчиняться ее велениям, поскольку в них, в конечном итоге, заявляет о себе божественная необходимость. Сходная мысль встречается и в эпистолах Фичино, изданных самим гуманистом, например, в послании к некоему Лоренцо Франческино (1477 г.): «И, наконец, пожалуй скажут, что дела наши направляются либо фортуной, либо

1325 Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. P. 114-116; SF. Vol. II. P. 169-172. См. русский перевод, выполненный О.Ф. Кудрявцевым: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 261-263. См. также работу: Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 219.

А. Варбург совершенно безосновательно утверждает, будто Ручеллаи принял вывод Фичино, предлагающий человеку полностью подчиниться велению фортуны: Warburg A. Francesco Sassetis letztwillige Verfügung (1 изд. работы – 1907 г.) // Warburg A. Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. I. S. 146-149.

1326 На зависимость Фичино от Платона обратил внимание Э. Ваинд: Wind E. Platonic Tyranny and Renaissance Fortuna of Ficino's Reading of Laws IV, 709a-712a // De artibus opuscula XL. Essays in honor of Erwin Panofsky. Ed. M. Meiss. New York, 1961. Vol. I. P. 491-492. См. соответствующее место у Платона: Законы. 709a-712a (Соч., М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 180). А. Дорен непоследователен в оценке концепции фортуны в рассматриваемом выше письме Фичино Ручеллаи, находя в нем, с одной стороны, “неоплатоническое преломление средневековой идеи”, с другой, – отказ от средневековой картины мира и “заявление человеком Возрождения своих прав” (sein Recht) (Doren A. Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. Berlin; Leipzig, 1922-1923. Bd. II. Teil. I. S. 121 N 99); непонятно, впрочем, что за права отстаивал “человек Возрождения” в цитированном письме. О средневековых оценках фортуны см.: Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 121; Doren A. Op. cit. S. 98-105; Patch H. The Goddess Fortuna in Mediaeval literature. London, 1967. P. 15-34; Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 180-185.

роком; [однако] Божественное провидение иррациональную фор-
туну приводит в порядок разумом, а также наименее образным
направляет ко благу неумолимый рок, дабы все оказалось упорядо-
ченным и благим для тех, которые охотно соглашаются с Божествен-
ной волей... Только они делают добровольно то, что необходимо,
воспринимают как благо то, что дурно»¹³²⁷.

Чаще, однако, Фичино выступает с совершенно иными оценка-
ми фортуны и рекомендациями о том, как обходиться с ней. Она изо-
бражается им в виде безрассудной, капризной, слепой владычицы
наличного, материального мира, завистливой к благим делам и лю-
дям¹³²⁸ и в качестве таковой не заслуживающей никакого доверия, в
особенности со стороны мудреца, которому не остается ничего дру-
гого, как затвориться с помощью добродетелей в высшей, умной ча-
сти своей природы и в ней обрести духовную свободу. Поучая своего
близкого друга Джованни Кавальканти тому, как обрести твердость
(*constantia*) против фортуны, Фичино писал: «...наши тела влекутся
вселенским телом с помощью силы рока, как маленькие частички
влекутся всей массой того, чему они принадлежат, движимые не-
ким мощным порывом. Сила рока не проникает в наш ум, доколе по
своей воле ум не погрузится сам в тело, которое подвластно року...
Всякая душа пусть сама освободит себя от чумного тела и сосре-
дочится в своем уме; тогда свою силу фортуна обратит на тело, не за-
тронув душу. Мудрый человек не будет напрасно сражаться с роком,
но отразит его бегством. Нельзя обратить в бегство беду, тогда беги
ее. Вот почему Платон советует нам «убежать отсюда туда», то есть
от телесных привязанностей и забот о внешних вещах к попечению

1327 “Denique sive fortuna res nostrae, sive fato provenire dicantur, divina providentia irrationalem fortunam in ordinem ratione disponit, immite etiam fatum ad bonum suavissime temperat, ut cuncta his ordinata bonaque eveniant, qui libenter cum divina voluntate consentiunt. His solis interna consentiunt et externa, caeteris autem utraque ubique dissentiunt. Hi soli quam necessaria sunt faciunt voluntaria, quae mala videntur bona” (*Ficinus M. Nemo est cui possit invidere, qui videre possit, quo omnes intus et extra furii agitamur // Ep. lib. IV. P. 751. 3*).

1328 См., как Фичино объясняет свой перерыв в работе над переводами Платона: “Postquam uero Petrus è uita decessit, fortuna praeclaris saepe operibus inuida, inuitum me à traductionis officio distrahebat.” (*Ficinus M. In commentaria Platonis Prooemium // Op. om. Vol. II. P. 1129*).

о душе и о Боге... Благодаря этому бегству душа заслуженно делается подобной Богу, ибо, будучи свободной от телесной заразы, она становится, словно бог. Сию свободу мы обретаем преимущественно тремя добродетелями благоразумия, справедливости, благочестия... Итак, благоразумный человек предает свое тело в качестве частицы мира волнениям этого мира, куда бы он его ни бросил; душу же, порождение Божье, он отделяет от общения с телом и препоручает руководству Божественного провидения»¹³²⁹.

Как видим, владычеству фортуны оставлен земной, телесный мир; речь уже идет не о подчинении ей как проводнице божественной воли, а о том, чтобы найти способ избежать ее власти, не искуиться ее дарами и не искать в них свое счастье, понимая, что фортуна как сила иррациональная, безрассудная не может не быть враждебной мудрости и добродетели. «Где мудрость в избытке, там мало нужды в случае [то есть фортуны – О.К.], где весьма мало мудрости, там большей частью господствует случай... Случай неблаговолит к добропорядочным мужам, всеми силами препятствуя тому, чтобы добропорядочный разум где бы то ни было правил... Случай часто одаряет многим тех, коих мало одарила природа или добродетель, – такие рассуждения находим в послании Фичино Бернардо Бембо (1476-начало 1477 г.), из них выводятся следующие моральные наставления. – Божественный муж не пожелает себе в вожди фортуны, ибо она слепа и часто подвержена превратностям. Не радуется он обещаниям фортуны, ибо ненадежна она даже для своих, коих не по заслугам возносит до высших почестей... Не боится он также угроз фортуны, ибо безосновательны они... Нет человека несчастнее, чем тот, кто истинное счастье полагает в фортуны. Нет человека счастливее, чем тот, кто не считает, что благополучие, дарованное фортуной, является действительным счастьем... «Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпеньем»»¹³³⁰. Поэтому от фортуны ничего не

1329 *Idem*. De constantia adversus fortunam comparanda // Ep. lib. I. P. 633. 1. Цитированное место у Платона см.: Платон. Тезет а-в (Соч. М., 1970. Т. 2. С. 270).

1330 *Ficinus M.* Malis quidem bona fortuna mala est, bonis autem mala fortuna bona // Ep. lib. III. P. 748. 2-749. 1. В конце отрывка приведена цитата из Вергилия (Энеида. V. 710. Перевод Ф. Петровского // Вергилий. Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 215). См. также: *Kristeller P.O.* Die Philosophie des Marsilio Ficino. S. 281-283.

стоит ждать – ни хорошего, ни плохого¹³³¹, и во всяком случае она не властна над человеком мудрым и добропорядочным, ибо он, полагаясь на разум и добродетель, живет далеко от той сферы, где господствует она.

В этой концепции мудреца, претендующего на автономию по отношению ко внешнему миру, олицетворенному непостоянной, переменчивой и, в конечном итоге, враждебной человеку фортуной, можно увидеть черты нравственного идеала¹³³², характерного не только для флорентийской Платоновской академии, но и для всего ренессансного гуманизма.

§ 3. Великолепие

Среди моральных добродетелей была одна, которую Фичино выделял и особенно превозносил: великолепие (*magnificentia*). В молодые годы ей он посвятил небольшое сочинение, адресованное Антонио Каниджани¹³³³ (датировано 1 июня 1457 г.); самим гуманистом не включенное в собрание его эпистол, оно было опубликовано лишь в XX в. П.О. Кристеллером. Перебирая все моральные добродетели, «самой важной» Фичино называет великолепие, проявляющееся «в широчайших общественных расходах» (*circa publicos sumptus amplissimosque*)¹³³⁴, ибо, радея «не только о частном, но и – намного

1331 “... coeci maxime omnium illi mihi videntur, qui fortunam ideo caecam ducunt, quia vel beneficiat malis, quibus revera nihil est bonum, vel male faciat bonis, quibus denique nihil est malum” (*Ficinus M. Fortuna neque benefacere potest malis, neque malefacere bonis // Ep. lib. IV. P. 778. 2*).

1332 См. наблюдения: Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 205-206.

1333 Антонио Каниджани – представитель семьи, входившей в правящую Флоренцией олигархию, друг Фичино и участник его кружка; ему Фичино адресовал и другие свои ранние работы – “О четырех философских школах”, “О наслаждении”. См.: *Giustiniani V.R. Canigiani Antonio // DBI. Vol. 18. P. 81-82; Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol. 1. P. CXXXIX*.

1334 В трактовке добродетели великолепия Фичино отталкивался от Аристотеля, хотя о буквальном следовании античному философу речь идти не может. Ср.: *Аристотель. Никомахова этика. 1122a18-1123a19* (Соч. М., 1983. Т. 4. С. 127-129). До Фичино об этой добродетели писал Франческо Филельфо, однако посвященный ей пассаж в его “Миланских застольях” (“*Convivia Mediolanensia*”, создано в 1443 г., изд. – 1537 г.) является прямым

больше – об общественном благополучии», оно лучше других «сохраняет общность человеческого рода»¹³³⁵; из всех добродетелей лишь его считает гуманист «соответствующим божественной природе» и уподобляющим людей Богу¹³³⁶; именно оно, по его словам, доставляет высшие почести, а также бессмертие имени и славу¹³³⁷. Речь идет, конечно, о земном бессмертии в веках, в памяти сменяющих друг друга поколений, а вот высшие почести подразумевают в качестве результата и награды за эту добродетель особое положение уже в настоящем. Итак, человек, обнаруживающий великолепие, должен выделяться, первенствовать в обществе – ему полагаются «высшие почести».

В Фичиновой эпистоле Антонио Каниджани отчетливо заявили о себе новые нравственные ориентиры, складывающиеся в условиях укрепления во Флоренции власти Медичи: вразрез с традицией гражданского гуманизма, представители которого еще во времена Фичино продолжали в публичных речах превозносить справедливость (*лат.* – *iustitia*; *итал.* – *giustizia*) как базисную добродетель,

переводом соответствующего отрывка “Никомаховой этики” Аристотеля. См. об этом: *Jenkins Fr. Cosimo de’ Medici’s patronage of architecture and the theory of magnificence // JWCI. 1970. Vol. XXXIII. P. 166-167.*

1335 “Preterea si virtutum proprium est societatem humani generis conservare, erit profecto potissima omnium magnificentia, que non modo privatam, verum etiam et multo magis publicam salutem exoptat” (*Ficinus M. De virtutibus moralibus // SF. Vol. II. P. 4*). Под названием “О великолепии” (*De magnificentia*) это сочинение упомянул Фичино в первом перечне своих трудов, помещенном в письме Анджеоло Полициано в первой книге “Эпистол” (См.: *Ficinus M. Vona scribere praestat quam multa // Ep. lib. I. P. 619. 3*).

Это письмо в моем переводе на русский язык публиковалось дважды: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Составитель Л.М. Брагина. М., 1985. С. 211-215; Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения. Составитель О.Ф. Кудрявцев // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 437-441.

1336 *Ficinus M. De virtutibus moralibus. P. 5.*

1337 “hec ex omnibus humanis rebus amplissimos honores atque immortalem laudem et gloriam consequitur” (*Ibid. P. 4*). Ср. сходное направление мысли, обнаруженное Леоном Баттиста Альберти еще в 30-е гг.: “Puossi colle ricchezze conseguire fama e autorità adoperandole in cose amplissime e nobilissime con molta larghezza e magnificenza” (*Alberti L.B. Della familia. II // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 1. P. 141*).

особенно необходимую для любого человеческого общежития¹³³⁸, этот гуманист в персональном послании, построенном тем не менее в строгом соответствии с правилами ораторского искусства¹³³⁹, выдвигал на первый план добродетель великолепия, предполагавшую большие траты на общественные нужды и благодаря этому социально значимую роль ее носителя¹³⁴⁰. Как представитель нового поколения гуманистов, связанного с Медичи или на них ориентированного, молодой Фичино (ему было полных 23 года), поднимая на щит добродетель великолепия, точно уловил и обозначил ею тот тип социального поведения, который помог Козимо Медичи, остававшемуся всю жизнь частным лицом, стать фактическим главой Флоренции и посмертно удостоиться от сограждан почетного звания «Отец отечества» (*Pater Patriae*)¹³⁴¹. Обязательной чертой такого поведения были широкие траты во славу и на благо общества и для демонстрации собственного величия, а также меценатство, поддержка ученых и людей искусства, в чем гуманисты, вроде Фичино, не обеспеченные собственными источниками существования, были весьма заинтересованы. Отражая их настроения, Фичино в послании Антонио Каниджани в качестве предпочтительного нравственного принципа описывал такой способ достижения социального превосходства, который с успехом применялся ранними Ме-

1338 Публикации этих речей см.: *Una prosa inedita di Matteo Palmieri*. Prato, 1850; *Santini E. La protestatio di justitia nella Firenze Medicea del secolo XV // Rinascimento*. 1959. Vol. X. N 1. P. 36-106. Мой перевод речей Джаноццо Манетти, Маттео Пальмиери и Донато Аччайуоли см.: *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения*. С. 138-151. Их анализ см.: *Santini E. Firenze e i suoi "oratori" nel Quattrocento*. Milano, 1922; *Брагина Л.М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов XV в. // СВ*. 1984. Вып. 47. С. 46-71.

1339 В конце эпистолы к Каниджани сам Фичино называет ее «речью» (*oratio*) и «словом» (*sermo*) (*Ficinus M. De virtutibus moralibus*. P. 5-6).

1340 См. в этой связи наблюдения: *Jenkins Fr. Cosimo de' Medici's Patronage of Architecture and the Theory of Magnificence // JWCI*. 1970. Vol. 33. P. 162-170; *Головин В.П. Мир художника Раннего Возрождения*. М., 2002. С. 142.

1341 Официально присвоено ему публичным постановлением 15 марта 1465 г. См.: *Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico // Fubini R. Quattrocento fiorentino: politica, diplomazia, cultura*. Pisa, 1996. P. 275 N 99 (1 изд. статьи – 1984 г.). См. также: *Gutkind C.S. Cosimo de' Medici Pater Patriae*. 1389-1464. Oxford, 1938. P. 246.

дичи. Вполне вероятно, что отмеченный принцип обсуждался или хотя бы затрагивался гуманистом и позже, в 60-е годы, в беседах с покровительствовавшими ему Козимо и Пьеро в присутствии юного Лоренцо, ставшего уже в глазах современников и потомков, как и Козимо, олицетворением самого этого принципа, за что он и был прозван Великолепным. Во всяком случае, не подлежит сомнению как соответствие нового нравственного идеала, провозглашенного Фичино, образу действий современных ему Медичи, прежде всего в сфере культуры, так и влияние, оказываемое этим гуманистом на духовную жизнь Флоренции в 60-90-е годы XV в.

Почти в одно время с Фичино в таком же духе и тоне, что и он, эту добродетель упоминал известный флорентийский гуманист Бенедетто Аккольти, называя граждан Венеции и Флоренции «великолепными в общественных делах и бережливыми и скромными – в частных», «ведь они хотели, чтобы священные обряды и поклонение Господу Богу и Его святым совершались с великой тщательностью, благочестием и великолепием – большими, чем где-либо»¹³⁴².

Другие гуманисты, современники Фичино, стали находить воплощение этой добродетели в делах Козимо Медичи: «Сам Козимо, славнейший муж, теперь воздвигает частные дома, священные постройки, монастыри как в городе, так и за его пределами, издерживая столь большие средства, что, кажется, все эти сооружения великолепием равны сооружениям древних императоров и королей», – писал Донато Аччайуоли в 1462 г. Алонсо да Паленсия¹³⁴³. А Иоанн Аргиропул в адресованном Козимо предисловии к переводу Аристотелевой «Физики» (после 1458 г.) указывал на «изобильное богатство» как условие, дающее правителю Флоренции возможность про-

1342 “Qui sacra caeremoniasque summi Dei et Sanctorum eius cum summa cura, religione, magnificentia magis quam alibi coli voluerunt. Qui in rebus publicis magnifici, in privatis parci ac tenues reperti sunt” (Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus. Lugduni Batavorum, 1723. P. 15AB).

1343 “Cosmus ipse clarissimus vir, nunc privatas domos, nunc sacras edes, nunc monasteria, tum in urbe tum extra urbem tot tantisque sumptibus condit, ut antiquorum vel imperatorum vel regum magnificentiam equare videantur” (этот архивный материал цит. по: Brown A.M. The humanist portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // JWCI. 1967. N 24. P. 193 N 35).

являть, наряду с прочими добродетелями, щедрость и великолепие, идя навстречу нуждам своего отечества¹³⁴⁴.

Фичино присоединился к этому хору славивших в Козимо великолепие, имея в виду, правда, «многие милости», оказанные ему его покровителем: «... я был приведен в изумление – писал он Козимо в сентябре 1462 г., – не только твоим величием (*magnificentiam tuam*), по отношению к нам весьма значительным, но также пророчеством древнего Орфея...», – и далее он уточнял, что получил от патрона «тома Платона» превеликой ценности и «Академию» (или домик) «в селении Кареджи»¹³⁴⁵. Сходным образом Фичино реагировал на другой подарок греческих рукописей, сделанный ему тогда же Америго Бенчи – человеком, близким к Медичи: «Сегодня я получил от тебя греческие диалоги нашего Платона, великолепный дар, достойный твоей души и для моей – наиприятнейший... В этом, как и во многих других делах, полагаю, ты хотел походить на великого Козимо, ибо ранее он украсил мою библиотеку Платоном на греческом языке»¹³⁴⁶. А в следующем, 1463 г., Томмазо Бенчи, племянник Америго и участник Фичинова кружка, в предисловии к выполненному им переводу на итальянский язык «герметического свода»¹³⁴⁷ прямо писал о «наивеликолепнейшем Козимо Медичи»

1344 “Accessit eodem [Cosmo] et externarum rerum prosperitas affluentiaque fortunae, quae partim amplissimis patrimoniis, partim providentia tua, tibi iuste atque honeste comparata est in tanta sane mensura, quo tantae prudentiae, tantae virtuti, tantae liberalitati, tantae magnificentiae suppeditare subministrareque possit... Tu namque praesens confestim succuris ipsi magnificentia temporis, nullamque pateris unquam commoditatem utilitatemque carissimae tuae patriae praeterire” (*Argyropulos I. Praefatio in libros Phisicorum ad Cosmum // Brown A.M. Op. cit. (P. 214-216. P. 216).*

1345 *Ficinus M. Ad Cosmum Medicem // SF. Vol. II. P. 88* (См. перевод О.Ф. Кудрявцева: *Фичино М. Избранные письма // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 260).*

1346 “Accepi hodie tuo nomine Graecos Platonis nostri dialogos, munus certe magnificum, animo tuo dignum, meo gratissimum... Imitari in hoc sicut in plerisque aliis magnum Cosmum, ut arbitror, voluisti: is enim superioribus diebus bibliothecam meam Graeco ornavit Platone” (*Ficinus M. Imitatio utilior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 609. 1).*

1347 См. Об этом: *Copenhaver B.P. Lorenzo de' Medici, Marsilio Ficino and the domesticated Hermes // Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1994. P. 236-238.*

(Magnificentissimo Cosimo de' Medici)¹³⁴⁸. Это же звание Фичино прилагал к Козимо и *post mortem*, рассказывая Лоренцо Медичи, коего он ориентировал на подражание своему деду, сколь тот был справедлив и великодушен в отношении людей (*erga homines iustum atque magnificum*).¹³⁴⁹

Как видим, великолепие среди прочего и в первую очередь трактовалось Фичино и гуманистами его круга как помощь людям культуры, благотворительность и щедрость в отношении их, проявляемая в значительных размерах, и человек, коему она присуща, нарекался великолепным. В адресованном неизвестному другу послесловии ко второму итальянскому изданию трактата «О христианской религии» (1484 г.) Фичино называл Филиппо Валори «великолепным мужем» (*magnifico viro*), ибо, невзирая на расходы и труды, он издал выполненный гуманистом перевод сочинений Платона¹³⁵⁰. Об этом же благодеянии Филиппо, его «великолепных тратах», Фичино вспоминал в предисловии к комментариям на Платона, обращенном к Никколò Валори (1496 г.)¹³⁵¹. У Фичино, по-видимому, имелись также основания говорить в письме к Антонио Пацци (1473 г.) о его щедрости, ибо, по свидетельству Лоренцо Медичи, которое приводит Фичино, Антонио проявлял «великолепие в отношении людей ученых» (*erga doctos magnificum*)¹³⁵². Наконец, вспоминая в 1475 г. о пире, с королевским размахом организованном Франческо Бандини в ноябре 1468 г. во Флоренции, чтобы по обычаю древних

1348 См.: SF. Vol. I. P. 99. «Великолепие» Козимо Медичи, подразумеваемая постройка им роскошного дворца, защищал от злохулителей проповедник Тимотео Маффеи; его трактат «In magnificentiae Cosmi Medici detractores libellus». См.: *Hankins J. Cosimo de' Medici as a Patron of Humanistic literature // Cosimo il Vecchio de' Medici, 1389-1464. Ed. F. Ames-Lewis. Oxford, 1991. P. 85; Jenkins Fr. Cosimo de' Medici's Patronage of Architecture and the Theory of Magnificence. P. 165-166.*

1349 *Ficinus M. Imitatio potior quam lectio // Ep. lib. I. P. 648-649.* Послание следует датировать концом сентября 1474 г. См.: *Gentile S. Introduzione // Ficino M. Lettere I. Epistolarum familiarium liber I. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. P. CCLXIII.*

1350 *Ficinus M. Epistola ad ignotum amicum secundae libri Della religione editioni in fine addita // SF. Vol. I. P. 13.*

1351 *Idem. Prooemium in commentaria in Platonem // Op. om. P. 1136.*

1352 *Idem. Exhortatio ad scientiam // Ep. lib. I. P. 617. 2.*

платоников отметить день рождения и смерти Платона, Фичино отзывался об устроителе этого действия как о «муже выдающегося ума и великолепия»¹³⁵³.

Однако чаще всего о великолепии Фичино говорил применительно к Лоренцо Медичи¹³⁵⁴. В предисловии к выполненной не позднее 1474 г. итальянской версии «Комментария на «Пир» Платона...» Фичино следующим образом характеризовал Лоренцо, настоянию коего, если верить гуманисту, это произведение обязано своим происхождением: «Для пользы латинян я перевел книгу Платона [«Пир». – О.К.] и, побуждаемый нашим великолепным (*magnifico*) Лоренцо Медичи, прокомментировал наиболее трудные таинства, в ней содержащиеся»¹³⁵⁵. В другой раз о присущем Лоренцо великолепии гуманист упомянул в эпистоле, адресованной в январе 1474 г. непосредственно своему покровителю¹³⁵⁶. В 1491 г. в письме Мартину Уранию он извещал о готовящемся весной следующего года выходе в свет своих переводов Платона, осуществляемом благодаря «великолепным издержкам Лоренцо Медичи» (*magnifico Medicis Laurentii sumptu*)¹³⁵⁷. Случалось другие современники тоже именовали Лоренцо Медичи «великолепным»¹³⁵⁸, однако настойчивое подчеркивание именно Фичино проявлений в правителе Флоренции качеств великолепия позволяет заключить, что прежде всего усилиями главы флорентийских платоников имя его патрона прочно срослось с названием этой добродетели, и он стал в сознании своей эпохи и в памяти истории Лоренцо Великолепным.

1353 *Idem*. *Anime natura et officium. Laus historie* // *Ep. lib. I*. P. 657. 2.

1354 См. в связи с этим: Гл. 3. С. 204-205.

1355 *Ficino M.* *El libro dell'Amore. Proemio di Marsilio Ficino fiorentino sopra El libro dell'Amore, a Bernardo del Nero e Antonio di Tuccio Manetti...* P. 4. См. также: *Della Torre A.* *Storia dell'accademia platonica di Firenze.* Firenze, 1902. P. 602-604; *Kristeller P.O.* *Introductio.* P. CXXIII, CXXIV.

1356 *Ficinus M.* *Mirabilium author Deus est, non homo* // *Ep. lib. I*. P. 622. 1.

1357 *Idem.* *Gratiarum actio* // *Ep. lib. XI*. P. 929. 3.

1358 См. переписку Иоанна Ласкариса и Серджо Стиссо да Цоллино, в которой Лоренцо назван по-гречески *μεγαλοπρεπής*, то есть “великолепным” (лат. – “*magnificus*”) (*Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe.* Ed. par É. Legrand. Paris, 1892. P. 361, 364). См. также: *Gentile S.* *Ficino e il platonismo di Lorenzo* // *Lorenzo de' Medici. New perspectives.* Ed. by B. Toscani. New York; S. Francisco, 1993 (P. 23-47). P. 45-46.

§ 4. Человечность

Хотя в осмысление проблемы человека, наиважнейшей для всей ренессансной культуры, Фичино внес вклад много больший, чем другие теоретики эпохи, человечности или человеколюбия (*humanitas*), моральному аспекту этой проблемы, гуманист уделял скромное внимание. Он вспоминал об этой добродетели, умоляя в письме Джованни Кавальканти вернуть книги¹³⁵⁹, а в письме Лоренцо Медичи характеризуя ее вместе с великолепием своего патрона¹³⁶⁰. Специально остановился он на ней в небольшом послании Томмазо Минербетти, названному «човеколюбивым мужем» (датировать документ следует весной 1474 г.). Трактую жестокость и бесчеловечность как проявление неполноты человеческой природы в силу разных причин – из-за несовершеннолетия, ущербности души, болезни тела, неблагоприятного положения светил – во всех тех, кто одержим этими пороками, гуманист находил ненависть и презрение к роду людскому как чему-то, им чуждому и постороннему. «Ибо люди в отдельности, созданные одной идеей и относящиеся к одному виду, суть один человек; по этой причине, – заключал свою мысль Фичино, – полагаю, из всех добродетелей мудрецы только ту называли именем самого человека, то есть человечностью, которая любит и печется обо всех людях, словно о братьях, рожденных долгой чередой поколений от одного отца. Итак, человечнейший муж, – теперь уже Фичино наставлял своего адресата, – упорствуй в служении человечности, для Бога нет ничего милее любви»¹³⁶¹.

1359 *Idem*. *Gravis est iactura temporis* // Ep. lib. I. P. 625. 3.

1360 “*Agere gratias innumerabiles hortatur singularis humanitas et magnificentia tua...*” (*Idem*. *Mirabilium author Deus est, non homo* // Ep. lib. I. P. 622. 1).

1361 «*Singuli namque homines sub una idea, et in eadem specie sunt unus homo. Ob hanc ut arbitror rationem, sapientes solam illam ex omni virtutum numero hominis ipsius nomine, id est, humanitatem appellaverunt, quae omnes homines quodammodo ceu fratres ex uno quodam patre longo ordine natos diligit atque curat. Ergo vir humanissime in officiis humanitatis persevera. Nihil Deo gratius, quam charitas*” (*Idem*. *De humanitate* // Ep. lib. I. P. 635. 4). См. также: *Paparelli G. Feritas, humanitas, divinitas. L'essenza umanistica del Rinascimento*. Napoli, 1973. P. 126-127. Анализ и полный перевод этого документа см.: Черняк И.Х. Термин *humanitas* у Фичино // *Культура эпохи Возрождения*. Л., 1986 (С. 89-94). С. 91.

Помимо любви к человеку термином «humanitas» обозначалась, по примеру Цицерона и Авла Геллия, также культура, или образованность, в частности круг дисциплин, призванных воспитать человека в человеке¹³⁶². Постольку поскольку естественным состоянием человека гуманисты считали не первозданную дикость, а культуру и образованность, то в человеколюбии, которое должно быть присуще людям по их природе, они видели свойство, выработанное приобщением к наукам человечности (*studia humanitatis*). Эти две стороны человечности (*humanitas*) – ее понимание как добродетели и как культуры и образованности, – тесно связанные между собой в гуманистической ее трактовке, можно найти в приписке к цитированному выше письму Фичино, содержащейся в некоторых ее рукописях: «Сохраняй также дружбу к нашему Карло Валгули [из Брешии], мужу выдающейся человечности, преуспевшему в науках о человеке, как греческих, так и латинских»¹³⁶³.

И уже не как отдельную, самостоятельную добродетель, а как собрание всех совершенных качеств души, образующее высокую нравственную культуру и эстетическую утонченность, представлял Фичино человечность, олицетворяемую античной богиней Венерой, в послании юному Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи (датированном 1477-1478 гг.), троюродному брату Лоренцо Великолепного: «Она [человечность – О.К.] служит нам увещеванием и напоминанием о том, что мы не можем обладать чем-то значительным на земле, не овладев самими людьми, ради коих сотворено все земное. Люди же не могут быть уловлены ни на какую другую приманку, кроме человечности. Поэтому остерегайся пренебрегать ею, думая, что она земного происхождения. Ибо сама человечность – это нимфа, за-

1362 См.: *Borinski K. Die Antike in Poetik und Kunsttheorie. Von Ausgang des klassischen Altertums bis auf Goethe und Wilhelm von Humboldt. Leipzig, 1914. S. 109; Jaeger W. Humanism and theology. Milwaukee, 1943. P. 20-23; Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в. М., 1977. С. 65. Сн. 168; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 6-7; Черняк И.Х. Указ. соч. С. 89-90.*

1363 “... persevera etiam in familiaritate Caroli Valgulii nostri [Brixienensis]: est enim vir humanitate humanitatisque studiis tam Grecis quam Latinis excellens” (*Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P.107. См. текст в примечании*). В связи с этим см.: *Черняк И.Х. Указ. соч. С. 92-94.*

мечательного сложения, рожденная в небесных высях эфира, более всего возлюбленная всевышним Богом. Ее душа и ум – это любовь и милосердие, ее глаза – достоинство и великодушие, руки – щедрость и великолепие, ноги – учтивость и воздержанность. Словом, она в целом – умеренность, добродетельность, очарование и величие. О, какая утонченная красота! Как любо ее созерцать»¹³⁶⁴. Восхищение и эстетические восторги гуманиста вызывает человечность, трактованная весьма широко, как разносторонне оформленная и отточенная нравственная природа, которая только и может создать основу подлинно человеческого бытия.

1364 “Est enim humanitas ipsa praestanti corpore nympa, coelesti origine nata Aetereo ante alias dilecta Deo. Siquidem eius anima spiritusque sunt amor et charitas. Oculi eiusdem gravitas et magnanimitas. Manus praeterea liberalitas atque magnificentia. Pedes quoque comitas et modestia. Totum denique temperantia et honestas, decus et splendor. O egregiam formam, o pulchrum spectaculum” (*Ficinus M. Prospera in fato fortuna, vera in virtute felicitas* // Ep. lib. V. P. 805. 2). См. в связи с этим: *Gombrich E.H. Botticelli's mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle* // *JWCI*. 1945. Vol. 8 (P. 7-60). P. 15-18.

ГЛАВА XII. МИР СПАСАЕТСЯ КРАСОТОЙ, или МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ И КРАСОТЫ

«Правда, князь, что вы раз
говорили, что мир спасет
«красота»? Господа, – закричал
он громко, – князь утверждает,
что мир спасет красота!»
Достоевский, «Идиот»

В письме к своему близкому другу Джованни Кавальканти, написанном ок. 1474 г., Фичино наставлял о том, как следует воспринимать красоту наличного мира: «Красота тела заключается не в материальной тени, но в ясности и грации формы, не в темной массе, но в некоторого рода ясной пропорции, не в косной и оцепенелой тяжести, но в числе и надлежащей мере. Свет, грация, пропорция, число и мера, которые мы постигаем мыслью, зрением и слухом, есть то, к чему устремляется подлинная страсть подлинного влюбленного. Желания прочих чувств, влекущих к материальному, грубому, тяжелому и бесформенному – к тому, что противоположно красоте и любви – не любовь, но тупая, угнетающая и совершенно безобразная похоть»¹³⁶⁵.

Фичино имел обыкновение письмами популяризировать идеи, полнее развернутые им в главных своих трудах¹³⁶⁶; в цитированном послании к Кавальканти он опирался на собственный «Комментарий

1365 “Pulchritudo corporis non in umbra materiae, sed in luce et gratia formae, non in tenebrosa mole, sed in lucida quadam proportione, non in pigro ineptoque pondere, sed in convenienti numero et mensura consistit. Lucem vero ipsam, gratiam, proportionem, numerum et mensuram, cogitatione, aspectu, auditu duntaxat attingimus. Hucusque igitur se extendit verus veri amantis affectus. Appetitus autem sensuum reliquorum, cum ad materiam, molem, pondus, deformitatemque formae amorive contrariam rapiat, non amor est, sed pruritus quidam ineptus, et onerosus nimiumque deformis” (Ficinus M. Legitimus amoris terminus est consuetudo // Ep. lib. I. P. 631. 4).

1366 См. об этом гл. 2. С. 172-173.

на «Пир» Платона, о Любви» (1468-1469 гг.), в котором особенно акцентировал бестелесный характер красоты¹³⁶⁷; более того, по словам гуманиста, «красота до такой степени чужда массе тела, что никогда не соединилась бы с материей, если бы не испытала воздействия трех бестелесных приготовлений» – порядка, меры и формы (*ordo, modus, species*): порядок означает естественное положение всякой части тела, мера определяет ее среднюю величину при сохранении должной пропорции всего тела, а форма обретается в «радостном согласии света, тени и линий» (*in luminum, umbrarum, linearum iocunda concordia*). Только таким образом устроенное тело способно воспринять красоту, которая есть «действие, жизнь и некая грация, сверкающая благодаря запечатленной в нем его идее»¹³⁶⁸.

В этих «приготовлениях» тела к восприятию красоты А. Шастель усматривает «сходство с магическими процедурами», «некоего рода магнетизм»¹³⁶⁹, заставляющий ее воплотиться в материальном мире. Сама же по себе она «как нечто бестелесное» не свойственна этому миру, наличествует в нем лишь в виде отблеска другой, трансцендентной ему реальности. Именно этой реальности присуща красота целиком и полностью, не нуждаясь ни в каких формально-математических «приготовлениях», ибо она – «грация Божественного лика»¹³⁷⁰, достигающая материи через ряд посредствующих ступеней – ангела и душу – и возбуждающая во всем, чего она касается, влечение к ней, именуемое любовью: «Сияние и грацию этого [Божественного – Авт.]

1367 “Pulchritudo est aliquid incorporeum” (*Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 3 // Op. om. P. 1335. Далее в скобках указаны стр. новейшего критического изд.: Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon, de l’Amour. Ed. par P. Laurens. Paris, 2002. P. 93-97; через точку с запятой даны стр. русского перевода А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка: Фичино М. Комментарий на “Пир” Платона, о Любви // Эстетика Ренессанса. Составитель В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 176-177. Перевод этот в некоторых случаях уточнен).*

1368 “Quid tandem est corporis pulchritudo? Actus vivacitas, et gratia quaedam ideae suae influxu in ipso refulgens” (*Ibid. V. 6. P. 1337 (P. 105-107; C. 181-182)*).

1369 Chastel A. Marsile Ficin et l’art. Genève; Lille, 1954. P. 88, 91 N 11. См. у Фичино: “Fulgor huiusmodi [=pulchritudo] in materiam, non prius quam aptissime sit preparata, descendit” (*Ficinus M. Commentarium in Convivium Platonis, de amore. V. 6. P. 1337 (P. 105; C. 181)*).

1370 “Vultus illius divini gratiam, pulchritudinem dicimus (*Ficinus M. Commentarium in Convivium... V. 4. P. 1336 (P. 99; C. 179)*).

лика..., будь то в ангеле, душе или материи мира, должно именовать всеобщей красотой, а порыв к ней – всеобщей любовью»¹³⁷¹.

Таким образом оказывается, что красота – это явление Бога различным реальностям, в том числе низшей, телесной¹³⁷²; в ней, или в «устроении мира» (*in mundi machina*), она – третий (после ангела и души) «лик Бога», открывающаяся «глазам в качестве бестелесной посредством бестелесного света Солнца»¹³⁷³. Пронизывая собой все творение, она не только позволяет узреть в нем черты высшей реальности, но и устремляет его к ней силой любовного влечения. По словам Фичино, «красота есть некая грация, живая и духовная, влитая сияющим лучом Бога сначала в ангела, затем в души людей, в формы тел и звуки, которая посредством разума, зрения и слуха движет и услаждает наши души, услаждая, влечет и, увлекая, воспламеняет горящей любовью»¹³⁷⁴.

Никаких подходов к «учению о самодовлеющем созерцании»¹³⁷⁵ в эстетике Фичино обнаружить невозможно, ибо гуманист постоянно акцентирует внимание на метафизической природе красоты и порождаемой ею любви. В божественной экономике, согласно Фичино, красоте отводится первостепенная роль, под ее влиянием создается мироустройство, дается наряд всему сущему. В качестве луча Бога проникая в ангельский ум, в душу универсума и остальные души, в природу и, наконец, в материю тел, она «украшает ум порядком идей, наполняет душу рядом логосов, укрепляет природу семенами, наделяет материю формами»¹³⁷⁶.

1371 Ibid. P. 1336-1337 (P. 101; C. 179).

1372 См. в связи с этим наблюдения: Горфункель А.Х. *Философия эпохи Возрождения*. М., 1980. С. 88-89. Правда, скорее всего по какому-то недоразумению в этой же работе говорится, что «мир предстает в философии флорентийского неоплатонизма [речь идет о Фичино. – О.К.]... не в качестве низшей ступени божественного творения» (Там же. С. 89).

1373 *Ficinus M. Commentarium in Convivium...* V. 4. P. 1337 (P. 101; C. 179).

1374 Ibid. V. 6. P. 1338 (P. 109; C. 182).

1375 Подобное утверждение см.: Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения*. М., 1978. С. 321.

1376 “*Pulchritudo actus quidam sive radius inde per omnia penetrans; primo in angelicam mentem, secundo in animam totius et reliquos animos, tertio in naturam, quarto in materiam corporum. Mentem idearum ordine decorat. Animam rationum serie complet. Naturam fulcit seminibus. Materiam formis exornat*” (*Ficinus M. Commentarium in Convivium...* II. 5. P. 1326 (P. 35; C. 155)).

Мир становится благодаря ей хорошо организованным и упорядоченным во всех частях, наряженным бытием, космосом¹³⁷⁷. Но являя на всех ступенях мироздания лик, или сияние, Бога¹³⁷⁸, красота вместе с тем побуждает все творение искать воссоединения с ним, а значит, направляет на путь спасения. Фичино нигде определенно не формулирует положение о том, что красотой спасается мир, но оно само собой вытекает из его рассуждения о природе и назначении прекрасного. Толкуя слова Платона из второго письма Дионисию «Сам он [то есть Бог – Авт.] есть причина всего прекрасного»¹³⁷⁹, Фичино утверждал: афинский мудрец имел в виду, «что к нему [Богу – Авт.], словно к пределу, по природе своей все возвращаются, так же как от него, словно начала, все произошли; «всего прекрасного», то есть всей красоты, которая сияет в выше названных кругах; ибо формы тел через семена, те через логосы, они же через идеи приводятся к Богу и по тем же ступеням нисходят от Бога (курсив мой. – О.К.)»¹³⁸⁰.

В связи со сказанным уместно обратить внимание на одну важную особенность эстетического учения Фичино, которую обычно не замечают исследователи его творчества. В «Комментарии на «Пир» Платона...» он неоднократно и настойчиво определяет красоту, «pulchritudo», как грацию, «gratia», присущую прежде всего Богу и исходящую от него во все ступени универсума вплоть до мира наличного бытия («телесных форм»). Однако что такое «грация»? Переводчики «Комментария на «Пир» Платона...» на русский язык чаще всего «gratia» передают как «прелесть», что нельзя признать

1377 См. об этом следующее рассуждение Фичино: “Formarum omnium, idearumque complexionem, mundum latine, grece κόσμος, id est, ornamentum vocamus. Huius mundi et ornamenti gratia pulchritudo est, ad quam amor ille statim natus traxit mentem, atque perduxit mentem ante deformem ad mentem eandem deinde formosam” (Ficinus M. Commentarium in Convivium... I. 3. P. 1322 (P. 13; C. 147)).

1378 Ibid. II. 5. P. 1326 (P. 37; C. 154)). И в другом месте: “Dei vultum in Dei machina refulgentem, et oculis manifestum cogitatione consideret” (Ibid. V. 4. P. 1336 (P. 99; C. 179)).

1379 Платон. Письма. II. 312e (Соч. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 511).

1380 Ficinus M. Commentarium in Convivium... II. 4. P. 1325 (P. 33; C. 154). См. также: Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972. S. 250.

удачным¹³⁸¹; Фичино, наделяя слово «грация» эстетическим содержанием, ни в коем случае не имел в виду отказаться от того, какое в нем предпочтительно перед другими выдвигала христианская богословская мысль поздней античности и Средних веков: «*gratia dei*» означает «благодать Божья», та самая благодать, коей создается, а равно и спасается Богом мир; красота, выступающая у Фичино в сходных функциях, есть поэтому *красота благодатная*, абсолютная, неизъяснимая, не зависящая от форм, в коих она воплощается в материальном мире¹³⁸². Как атрибут высшей, трансцендентной реальности, она не подчиняется никаким установленным правилам, иррациональна: «... часто случается, – пишет он, – что, хотя в теле и остается та же самая пропорция членов и мера, тело уже не нравится так, как нравилось раньше. Форма вашего тела та же самая, что в прошлом году, но грация не та же. Ничто не стареет медленнее, чем форма, ничто не стареет быстрее, чем грация. Из этого ясно, что красота и форма не одно и то же. Часто мы также видим в одном человеке более правильное расположение и меру членов, чем в другом. Однако этот другой, не знаем по какой причине, нам кажется красивее... Сказанного достаточно, чтобы убедиться, что мы считаем красоту чем-то другим, нежели правильным расположением частей. Тот же самый довод побуждает нас не признавать и того, что красота заключается в приятности цвета. Ибо часто цвет ярче в старике, красоты больше в молодом. Среди людей равных по возрасту часто случается, что тот, кто превосходит другого по возрасту, уступает другому в грации и красоте (*gratia et pulchritudine*)»¹³⁸³.

Чтобы осуществить все, к чему она предназначена, красота действует силой внушаемой ею любви. «Этот божественный об-

1381 “Прелесть” – это не только и не столько “красота”, “краса”, “миловидность”, “изящество”, сколько “обольщение”, “обман”, “лукавство” и даже “сворачивание от злаго духа”. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М., 1882. Т. III. С. 393.

1382 См. на эту тему также: Кудрявцев О.Ф. Эстетические искания гуманистов круга Рафаэля // Рафаэль и его время. М., 1986. С. 180-181. Религиозное значение понятия “грация”, наряду с эстетическим, отмечено также в работе: Margolin J.-C. Du “De amore” de Ficini à la “Delie” de Scève: lumière, amour et beauté // MFRP. P. 612.

1383 *Ficinus M. Commentarium in Convivium... V. 3. P. 1336 (P. 95-97; С. 177-178). Ср.: Плотин. Эннеады. I. VI. 1 (Соч. СПб., 1995. С. 462).*

лик («то есть красота» – уточнено Фичино в итальянской редакции «Комментария на «Пир»...» – Авт.) зарождает во всем любовь, или стремление к нему»¹³⁸⁴. Соответственно «свойство любви заключается в том, что она влечет к красоте и соединяет прекрасное с безобразным»¹³⁸⁵. Выступая в роли приманки, обещая за внешним совершенством, которое она являет сама, внутреннее, именуемое благом, красота¹³⁸⁶ использует любовь для вселенского устройства. «Как ум, – поясняет Фичино, – только что родившийся и бесформенный, посредством любви обращается к Богу и становится оформленным, так и мировая душа поворачивается к уму и Богу, коими она рождена, и, хотя вначале и была лишены формы хаосом, посредством любви, направленной к уму, восприняв от него [ума] формы, становится космосом. Точно также и материя этого мира: вначале она пребывала в виде бесформенного хаоса, лишенная упорядоченности форм, затем под влиянием врожденной любви, у которой находилась в повиновении, устремилась к душе и, благодаря любви, получив от души наряд всех зримых в мире форм, превратилась из хаоса в космос»¹³⁸⁷.

Любовь, по Фичино, не только творец, но и хранитель всего¹³⁸⁸; в своем втором из указанных качеств она выступает «наставником и распорядителем всех искусств»¹³⁸⁹ – врачевания, гимнастики, земледелия, музыки, астрономии, пророческого и священнического дара и, по-видимому, иных умений. По сути речь идет о цивилизаторской миссии любви, являющейся одной из проекций ее ми-

1384 Ibid. II. 2. P. 1324 (P. 23; C. 151). См. также: *Ficino M. El libro dell'amore / A cura di S. Niccoli. Firenze, 1987. P. 23* (“E questa spetie divina, cioè bellezza, in tutte le cose l'amore, cioè desiderio di sè, ha procreato”).

Ср. с тем, как определяется любовь в “Пире” Платона: “Но любовь, – заключила она [Диотима], – вовсе не есть стремление к прекрасному, как то тебе, Сократ, кажется. – А что же она такое? – Стремление родить и произвести на свет в прекрасном” (*Платон. Пир. 206e // Сочинения. М., 1970. Т. 2. С. 137*).

1385 *Ficinus M. Commentarium in Convivium... I. 3. P. 1322 (P. 13; C. 147)*.

1386 Ibid. V. 1. P. 1334 (P. 85-87; C. 174).

1387 Ibid. I. 3. P. 1332 (P. 15; C. 147).

1388 “Amor est auctor omnium et servator” (Ibid. III. 2. P. 1329 (P. 55; C. 162)).

1389 “magister artium omnium et gubernator” (Ibid. III. 3. P. 1329 (P. 57; C. 163)).

розиждительной функции, в силу которой она «есть вечная связь и узы мира, недвижимая опора его частей и прочное основание всего устройства»¹³⁹⁰.

Вселенскую связь любовь осуществляет динамически, «она есть благой круг, вечно обращающийся от блага к благу. По необходимости любовь есть благо, ибо, родившись от блага, она возвращается к благу; ведь Бог, красоты Коего всё жаждет и в обладании Коим всё находит успокоение, един»¹³⁹¹. Начало и конечная цель этого круговорота, к которой приводит все сущности любовь, – Бог; и она, любовь, есть имманентное им стремление к Нему, образующее подвижное единство мироздания. «Так как если Бог притягивает к себе мир, а мир притягивается [к Нему], то существует одно непрерывное влечение (*astractus*), – читаем у Фичино, – берущее начало от Бога, переходящее в мир и, наконец, завершающееся в Боге, которое как бы по некоему кругу возвращается опять туда же, откуда происходит. Итак, один и тот же круг от Бога к миру и от мира к Богу называется тремя именами. Поскольку он начинается в Боге и к Богу влечет – красотой; поскольку, переходя в мир, захватывает его – любовью; поскольку, возвращаясь к Создателю, соединяет Его с собственным Его же произведением – наслаждением. Итак, любовь, [родившись] от красоты, завершается в наслаждении»¹³⁹².

Это – обожествление любовного чувства, которым охвачен весь тварной мир, которое движет всякой сущностью – как физической, так и духовной – и обеспечивает ее единство с высшей реальностью. Ибо даже любовь, направленная на тот или иной частный объект – постольку поскольку своей конкретной красотой он

1390 “... merito dici possit amor nodus perpetuus et copula mundi, partiumque eius immobile substentaculum, ac firmum totius machinae fundamentum” (Ibid. III. 3. P. 1330; P. 61; C. 164). См. у Платона сходный мотив любви как наставницы в искусствах и ремеслах, организаторе общественной жизни: Платон. Пир 197а и далее (С. 125).

1391 “Amor circulus est bonus a bono in bonum perpetuo revolutus. Necessario enim bonus est amor cum a bono natus revertatur in bonum. Idem enim Deus est: cuius spetiem desiderant omnia: in cuius possessione omnia requiescunt” (Ibid. II. 2. P. 1324 (P. 25; C. 151)).

1392 Ibid. II. 2. P. 1324 (P. 23-25; C. 151). В русском переводе слово “*astractus*” (“влечение”, “притяжение”) по непонятной причине передано как “поток”. Ср.: “*attraimento*” в итальянской версии (*Ficino M. El libro dell'amore. P. 23*).

отражает красоту всеобщую, божественную – имеет естественным и закономерным итогом любовь к Богу: «...кто созерцает и любит красоту в этих четырех порядках – уме, душе, природе, теле, – тот наблюдает и любит в них сияние Бога и в такого рода сиянии лицезрит самого Бога»¹³⁹³.

В качестве космической, всеохватывающей силы любовь стремится к красоте как в высших, так и в низших уровнях бытия. Размышляя на эту тему, Фичино обыгрывает Платонов миф «о двух родах любви и о двоякой Венере»¹³⁹⁴. Одна Венера – «небесная» (*celestia*), она жаждет познания божественной красоты, другая – «пошлая», или «простонародная» («вульгарная», *vulgaris*), ей присуще желание воплотить красоту в мироустройстве. «И та и другая влечется к порождению красоты, но каждая, – замечает Фичино, – по-своему. Венера небесная стремится силою своего ума воспроизвести в себе самой как можно точнее красоту божественных вещей, Венера – пошлая – воспринятую ею свыше благодаря плодородию божественного семени красоту воспроизвести в материи мира»¹³⁹⁵. Хотя эти две Венеры и сопутствующая каждой любовь разнонаправленны, тем не менее они не только не противостоят друг другу, но и взаимодействуют между собой: первая Венера вначале принимает в себя сияние Божества, ... затем передает его второй Венере, которая «внедряет искры этого сияния в материю мира». Именно «благодаря присутствию такого рода искр отдельные тела мира... представляются красивыми»¹³⁹⁶.

Подобные две Венеры, «сила разума и способность порождения», присущи человеку. «Когда сперва нашим глазам, – поясняет Фичино, – предстает облик человеческого тела, наш ум, который является в нас первой Венерой, почитает и любит его в качестве образа

1393 Ibid. II. 5. P. 1326 (P. 37; C. 155). См. также наблюдения: Арсеньев Н.С. Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения // ЖМНП. 1913. Ч. XLIII.. С. 235-237; Panofsky E. Studies in iconology. Humanistic themes in the art of the Renaissance. New York, 1972 (1 изд. – 1939). P. 141.

1394 Ibid. II. 7. P. 1326 (P. 39; C. 156). Ср. у Платона исходный мотив: Платон. Пир. 180d и далее (Соч. М., 1970. Т. 2. С. 106 и далее). См. также: Panofsky E. Op. cit. P. 142-144; Chastel A. Marsile Ficini et l'art. P. 121-128.

1395 Ibid. VI. 7. P. 1345 (P. 147; C. 196).

1396 Ibid. II. 7. P. 1326 (P. 41; C. 157).

Божественной красоты и через него часто возносится к ней. Порождающая же сила, то есть вторая Венера, страстно жаждет породить подобную ей форму»¹³⁹⁷.

Оказывается, что и та и другая любовь благородна и достойна похвалы, поскольку нацелена на «продолжение рода ради вечного сохранения жизни»¹³⁹⁸. И та и другая стремится к прекрасному: «Ведь та, которая управляет и повелевает своим телом, желает питать его самыми тонкими, изысканными и прекрасными яствами и произвести красивое потомство с прелестной женщиной; та же, которая относится к душе, хочет насытить отличнейшими и приятнейшими науками и создать и породить знание, подобное ее знанию, в какой-нибудь прекрасной, а именно чистой, проникновенной и превосходной душе то ли с помощью писаний, украшенных превосходным стилем, то ли посредством обучения»¹³⁹⁹.

Вместе с тем Фичино предупреждает против чрезмерного увлечения земным видом любви в ущерб любви неземной, против того, чтобы «формы тела предпочитать красоте души», ибо любовь к материальному должна быть подготовительным этапом, ступенькой в переходе к чувству более высокого порядка: «Тот же, кто правильно пользуется любовью, тот, конечно, хвалит форму тела, но через нее воспринимает более возвышенную красоту души, ума и Бога и более пылко любит ее и восхищается ею. Долг же продолжения рода и плотского соития он выполняет настолько, насколько предписывают естественный порядок и установленные мудрыми людьми гражданские законы»¹⁴⁰⁰. Смысл и оправдание материально-телесной, физической любви в том, что она служит и готовит место любви метафизической, божественной; физическая любовь не самодостаточна, она никоим образом не может утолить страсть «любящего ни видом, ни осязанием тела, ибо он желает не то или иное тело, но восхищается, влечется и потрясается сиянием высшего Божества, сверкающего в телах»¹⁴⁰¹.

1397 Ibid. P. 1327 (P. 41; C. 157).

1398 Ibid. 1357 (P. 41; C. 157); Ibid. VI. 11. P. 1350 (P. 175; C. 206-207).

1399 Ibid. VI. 11. P. 1450 (P. 177; C. 207).

1400 Ibid. II. 7. P. 1327 (P. 41-43; C. 157-158).

1401 “Hinc efficitur ut corporis nullius aspectu vel tactu amatoris impetus extinguatur. Non enim corpus hoc aut illud desiderat, sed superni numinis splendorem per corpora refulgentem ammiratur, affectat et stupet” (Ibid. II. 6. P. 1326 (P. 37; C. 156)).

Превращенную в самоцель плотскую любовь Фичино именует «прелюбодейской», она «низвержение от взгляда к осязанию», тогда как «истинная любовь» в человеке есть «некое усилие вознестись к божественной красоте, вызванное лицезрением красоты телесной»¹⁴⁰².

Как и во вселенной, в душе человека любовь влечением к красоте призвана привести к Богу, или Единству, расположенному выше всякой сущности¹⁴⁰³. Представляя Бога как сверхсущее Единое, а мир – в виде иерархии различных ступеней бытия, Фичино, несомненно, использовал категории и концепции неоплатонической философии, столь хорошо ему известной по переводимым им текстам. В то же время мотив «падения души» (*lapsus anime*), «низвергшейся с высших областей в низшие», «от самого Единого начала всех вещей – через четыре ступени: ум, рассудок, мнение, природу – в тела»¹⁴⁰⁴, и поэтому подпавшей под власть множественности, времени, пространства и материи¹⁴⁰⁵, имеет явно гностическое происхождение и

1402 “*Verus enim amor nihil est aliud, quam nixus quidam ad divinam pulchritudinem evolandi ab aspectu corporalis pulchritudinis excitatus. Adulterinus autem, ab aspectu in tactum precipitatio*” (Ibid. VII. 15. P. 1362 (P. 245; C. 233)). Ср. сходную мысль в раннем письме-трактате “О божественном неистовстве” (декабрь 1457 г.): “*Hunc denique Plato divinum amorem vocitat eum, diffiniens profectum ex aspectu corporeae similitudinis, desiderium ad contemplandam rursus divinam pulchritudinem redeundi... Hunc enim eo amore, cuius petulantia atque lascivia comes est, affici vult, eum diffiniens irrationalem atque insolentem eius, quae sensu percipitur circa corporis formam voluptatis cupidinem*” (*Ficinus M. De furore divino // Ep. lib. I. P. 612; см. русский перевод О.Д. Григоровой: Фичино М. О божественном неистовстве (De divino furore) // ВРХГИ. 2001. Вып. IV. С. 269*). См. наблюдения: Брагина Л.М. Эстетические идеи в итальянском гуманизме второй половины XV-начала XVI в. // Рафаэль и его время. М., 1986. С. 170-171.

1403 “*Demum cum anima facta est unum, unum inquam, quod in ipsa natura et essentia animae est, restat ut illico in unum quod est super essentiam, id est Deum se revocet. Hoc celestis illa Venus per amorem id est divinae pulchritudinis desiderium, bonique ardorem explet*” (*Ficinus M. Commentarium in Convivium... VII. 14. P. 1361 (P. 243; C. 232)*). См. также: Панофски Э. Ренессанс и ренессансы в искусстве Запада. М., 1998 (1 изд. 1960 г.). С. 164.

1404 *Ficinus M. Commentarium in Convivium... VII. 13. P. 1361 (P.239; C. 230)*.

1405 “*Cernitis igitur quod ab uno, quod super aeternitatem in aeternam multitudinem labitur, ab aeternitate in tempus, a tempore in locum atque materiam*” (Ibid. VII. 13. P. 1361 (P. 241; C. 231)).

навеем близко известными гуманисту герметическими писаниями¹⁴⁰⁶. Соответственно и любовь в этом случае преподносится как один из этапов – высший – собирания и восхождения души к Первоединому и именуется «любовным неистовством» (*furor amatorius*)¹⁴⁰⁷. Благодаря прежде всего ему, последнему из «божественных неистовств», «человек возвышается над человеческой природой и переходит в Бога»¹⁴⁰⁸. Это может быть истолковано как восстановление полноты, целостности бытия после возвращения к исходному Единству падшего зона, и как достижение спасения души, обретшей путь к Богу под водительством любви, влекомой красотой. Вместе с тем, в отличие от позднеантичного неоплатонизма и гностицизма, Фичино чужд резкому, дуалистическому противопоставлению мира наличного бытия и Бога¹⁴⁰⁹, осуждению материально-телесной реальности, которая у него, напротив, предстает исполненной божественной красоты, тесно связанной любовью с высшими уровнями бытия.

Внешняя, материально-телесная красота ценна, по Фичино, не сама по себе, а как некий знак, или указатель, более основательной внутренней гармонии. Так, «в животных здоровое соединение соков порождает привлекательный вид очертаний и окраски». В людях «доблесть духа обнаруживает достопочтеннейшую красоту в словах, действиях и поступках. Также и небеса их возвышенная субстанция наполняет ярчайшим сиянием. Во всем этом, – резюмирует свою мысль Фичино, – внутреннее совершенство порождает внешнее. Первое мы можем назвать благом, второе – красотой. Вот почему красоту мы уподобляем своего рода цвету блага...»¹⁴¹⁰. Красота,

1406 См.: СН. I. 14-15 (Т. I. Р. 11); см. перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. С. 41-42.

1407 Фичино указывает четыре «божественных исступления [неистовства. – О.К.]» – это «поэтическое исступление», «исступление таинства», «прорицания» и «любовная страсть» (*Ficinus M. Commentarium in Convivium... VII. 14-15 Р. 1361-1362 (Р. 241-245; С. 231-233)*).

1408 “... [homo] super hominis naturam erigitur, et in Deum transit” (*Ibid. VII. 13. Р. 1361 (Р. 239; С. 230)*). Русский перевод концовки “превращается в Бога” дает неточное истолкование мысли Фичино.

1409 См. в связи с этим: Горфункель А.Х. Указ. соч. С. 88-89.

1410 *Ficinus M. Commentarium in Convivium... V. 1. Р. 1364 (Р. 85-87; С. 174)*. См. в этой связи: Festugière J. La philosophie de l'amour de Marsile Ficin et son influence sur la littérature française au XVIe siècle. Paris, 1941 (1 изд. – 1922 г.). Р. 32-33.

таким образом, выступает как путеводительница ко благу, следуя ей, можно открыть более глубокое совершенство объекта. В человеке, например, качество его души. Так, исходя из того, что «тело есть тень и образ души» можно предположить, что в «красивом теле заключена прекрасная душа»¹⁴¹¹. Красота же души, как поясняет Фичино, состоит в добродетелях, нравственных (справедливость, твердость, умеренность) и в более высоких, интеллектуальных (мудрость, знание, благоразумие), поскольку во всех них проявляет себя дарованная Богом людям «единая и тождественная истина»¹⁴¹². Значит красота внешняя должна свидетельствовать о нравственных и духовных достоинствах ее носителя и соответствующим образом их выражать. Строго говоря, именно в обнаружении этих подспудных ее оснований смысл и назначение этой красоты¹⁴¹³.

Эстетическое переживание у Фичино обязательно должно перейти в метафизическое умозрение. Он не позволяет сосредотачиваться на восприятии конкретной, явленной красоты, побуждая искать трансцендентные ее истоки¹⁴¹⁴. А таковыми, согласно Фичино, являются оформляющие материю и одновременно имманентные

1411 “Corpus autem umbram animi, imaginamque videmus. Itaque ex eius imagine suspicantes in corpore formoso spetiosum esse animum coniectamur” (Ibid. VI. 11. P. 1350 (P. 177; C. 207)). В другом месте этого же сочинения сказано: “... et per eam [pulchritudinem], quae in vocibus corporibusque elucet, tamquam per vestigia quaedam, animi decorem investigabimus” (Ibid. I. 4. P. 1323 (P. 19-21; C. 150)). Ср. также в письме “Pictura pulchri corporis et pulchrae mentis”, адресованном Лоренцо Медичи и Бернардо Бембо: “Age igitur ut facilius animi speciem ex congrua pulchri corporis similitudine cogites, redde singula singulis. Corpus enim animae ipsius est umbra, forma uero corporis, utcunque potest, refert animae formam...” (Ep. Lib. V. P. 807. 1).

1412 Ibid. VI. 18. P. 1354 (P. 199; C. 216). О добродетели в качестве красоты души ср. у Плотина: Эннеады. I. VI. 1 (С. 462). См. также: Festugière J. Op. cit. P. 35.

1413 Ср. наблюдения: Allen M.B.J. Cosmogony and love. The role of Phaedrus in Ficino’s “Symposium commentary” // JMRS. 1980. Vol. X. P. 150.

1414 См. об этом подробнее: Walzel O. Von Plotin, Proklos und Ficinus // Vierteljahrschrift für Litteraturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1941. Vol. XIX. S. 419-426; Alexandrakis A. Plotinus, Marsilio Ficino and Renaissance art // Neoplatonic aesthetics: music, literature and the visual art. New York, 2004. P. 187-195.

душе идеи, или понятия. Благодаря врожденным идеям¹⁴¹⁵ всякий человек обладает априорной способностью эстетического суждения, которое заключается в проверке на соответствие этим идеям, или понятиям, изначально содержащимся в душе, объектов наличной действительности. «... Образ внешнего человека, – читаем у Фичино, – воспринятый чувствами и переходящий в душу, если не созвучен с формой человека, которой обладает душа, сразу же не нравится и становится ненавистным в качестве безобразного. Если же он созвучен, сразу же нравится и любим в качестве прекрасного»¹⁴¹⁶. Совершенную конфигурацию (*integram configurationem*) человека божественная сила произвела в ангеле и в душе; в материи же мира, поскольку она наиболее удалена от Творца, устройство (*constitutio*) человека вырождается (*degenerat*), причем в лучшем приуготовленной материи оно являет большее подобие изначальному его совершенству, в другой – меньшее¹⁴¹⁷. «Часто случается, – поясняет Фичино свою мысль, – что две души... под знаком Юпитера нисходят в тела, и одна из них, найдя на земле подходящее семя, извлекает тело в полном соответствии с изначальной идеей, другая же предпримет тот же труд, но из-за негодности материи не достигнет столь большого подобия своему образцу, и первое тело окажется красивее второго»¹⁴¹⁸. В этом соответствии, или подобии, материально-

1415 О них см.: *Ficinus M. Commentarium in Convivium...* VI. 12. P. 1350 (P. 177-179; C. 207-208). Ср. у Плотина: *Эннеады*. I. VI. 3 (C. 463). См. в связи с этим: *Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino*. S. 249.

1416 *Ficinus M. Commentarium in Convivium...* V. 5. P. 1337 (P. 103; C. 180). Ср. о том же в «Комментариях на Плотина»: «Что есть прекрасный человек? Или прекрасный лев? Или прекрасный конь? Без сомнения, прежде всего такой, который так устроен, так рожден, как и божественный ум законоположил через идею одного предмета и всеобщая природа зачала от семенной силы. Между тем душа наша имеет в уме напечатление одной идеи, имеет равным образом и в собственной природе семенной смысл (*ratio*), а потому силой некоего естественного суждения судит о человеке, или льве, или коне и прочих подобных предметах, решая, что этот не прекрасен, а тот прекрасен, ибо этот всецело расходится с напечатлением и смыслом, а тот сообразуется с ними, и притом между прекрасными один прекраснее другого постольку, поскольку больше сообразуется с напечатленным смыслом» (*Ficinus M. Commentaria in Plotinum*. I. 6. 3 // *Op. om.* P. 1576).

1417 *Ficinus M. Commentarium in Convivium...* V. 5. P. 1337 (P. 103; C. 180).

1418 *Ibid.* VI. 6. P. 1543 (P. 139; C. 193).

го воплощения его идеальному образцу в сущности и заключается красота¹⁴¹⁹. Сам же идеальный образец не поддается никакому внешнему описанию и твердой фиксации. «Так как идея и разум чужды материи тела, то строение человека признается подобным [совершенной, идеальной его форме – О.К.] не по материи или величине, но на основании чего-то другого, бестелесного»¹⁴²⁰. И вполне закономерным является то, что в полном согласии с ортодоксальным неоплатонизмом Фичино говорит о невозможности феноменально-формального понимания красоты, постоянно подчеркивая ее нематериальное происхождение, никак не обусловленное характеристиками качества и пространства. «Впрочем, есть и такие, которые считают, что красота заключается в некоем расположении всех членов, или, поскольку пользуемся их словами, в соразмерности и пропорциональности вместе с некоей приятностью цвета. Мы не соглашаемся с их мнением, – объясняю свою позицию Фичино, – потому, что коль скоро такое расположение частей существует лишь в сложных вещах, ничто простое не может быть изящным... И пусть никто не осмелится утверждать, – читаем немногим ниже, – что красота есть некое сочетание формы и цвета. Ведь тогда нельзя было бы считать достойными любви [то есть красивыми – О.К.] ни науки, ни звуки, лишённые цвета и формы, ни цвета и источники света, которые не имеют никакой определенной формы»¹⁴²¹.

1419 “In ipsa profecto congruitate pulchritudo...” (Ibid. V. 5. P. 1337 (P. 103; C. 180)). Ср. также в “Комментариях на Плотина”: “Красота в телах – это более явно выраженное сходство с идеей” (Ficinus M. Commentaria in Plotinum. I. 6. 3 // Op. om. P. 1576). В связи со сказанным см.: Панофски Э. Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб., 1999 (1 изд. – 1924 г.). С. 41-42.

1420 Ficinus M. Commentaria in Convivium... V. 5. P. 1337 (P. 103-105; C. 180).

1421 Ibid. V. 3. P. 1336 (P. 95-97; C. 177-178). Цитированные отрывки напоминают одно место в “Эннеадах” Плотина (I. VI. 1. С. 461-462). В нем Плотин, называя своих оппонентов, тоже полемизировал с распространенным мнением, будто “красоту, воспринимаемую зрением, порождает соразмерность частей друг с другом и с целым, в связи с прелестью красок”. Ср. близкое положение у Прокла: Прокл. Платоновская теология. I. 24. Перевод Л.Ю. Луккомского. СПб., 2001. С. 81. См. также: Walzel O. Op. cit. S. 422; Ivanoff N. La beauté dans la philosophie de Marsile Ficin et de Léon Hébreux // Humanisme et Renaissance. 1936. T. III. Fasc. 1. P. 12-21; См. в этой связи: Панофски Э. Этюды по иконологии. СПб., 2009. С. 266, 267. Прим.10.

Фичино вполне допускает «частную любовь к частной красоте» (*particularis amor ad particularem pulchritudinem*), также и любовь к конкретному человеку, «особенно если в нем сияет искра божественной красоты». И эта характерная оговорка означает, что ни о каком любовании своеобразием, неповторимостью, индивидуальностью людского облика речи быть не может. По словам гуманиста, любовное чувство к хорошо сложенному человеку рождается как потому, что нам приятно лицезреть в нем образ Отца небесного, так и пото-

Вместе с тем, Фичино свою критику формальной концепции красоты мог направить и по вполне конкретным адресам кое-кого из своих старших современников. Леон-Баттиста Альберти, крупнейший ренессансный теоретик искусства и участник собраний Платоновской академии, в трактате «Десять книг о зодчестве» (50-е гг. XV в.) писал: «... красота есть строгая соразмерная гармония всех частей, объединяемая тем, чему они принадлежат»; и в другом месте: «Ведь назначение и цель гармонии – упорядочить части, вообще говоря, различные по природе, неким совершенным соотношением так, чтобы они одна другой соответствовали, создавая красоту» (Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. VI. 2; IX. 5. Перевод В.П. Зубова. М., 1935. С. 178, 318). Флорентийский философ и богослов Лоренцо Пизано, с которым Фичино, по-видимому, тоже был лично знаком, в «Диалогах о любви» (предположительно 40-е гг. XV в.) сходно с Альберти заключал, «телесная красота есть не что иное, как некая соразмерность частей и хорошее очертание членов, в меру надобности окропленных красками цветов» (Пизано Л. Диалоги о любви. Перевод М. Юсима // О любви и красотах женщин. Трактаты о любви эпохи Возрождения. М., 1992 (С. 21-47). С. 25). Наконец, Фичино мог высказать несогласие с Фомой Аквинским, труды которого он изучал в юности; в «Богословской сумме» (Ia. Q. XXIX. Art. 8) схоласт утверждал: «Ведь для красоты требуется три условия. Во-первых, цельность (*integritas*), или совершенство, ибо имеющее изъян безобразно. Во-вторых, надлежащая пропорция, или соразмерность (*debita proportio, sive consonantia*)... В-третьих, ясность (*claritas*)». См. в связи с этим: Панофски Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. С. 163; Он же. *Idea*. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. С. 38-39; Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. СПб., 2001 [работа подготовлена в 1946 г.]. С. 65.

Отзвук этой «формалистической» концепции красоты можно найти у самого Фичино в его письме к Кавальканти. См. в начале раздела С. 448. Впрочем, в другом своем послании «О божественном неистовстве» к Пеллегрину Альи гуманист соглашается признать «эту гармонию и изящество, возникающие из наисовершеннейшего соединения частей и членов», лишь в качестве «образа божественной красоты» (курсив мой – О.К.) (*Ficinus M. De divino furore*. P. 613), то есть не более, как производное от нее.

му, что его вид и форма в наибольшей степени соответствуют самой идее человеческого рода, заложенной Создателем в нашей душе¹⁴²². Ценно в человеке не особенное, но то, что делает его членом своего рода, идея, дающая ему бытие как человеку. В сравнении с идеальной красотой образ любого человека с неизбежностью будет чем-то ущербным и неполноценным, ибо в материи эта красота теряет совершенство и расточается. «Если ты рассмотришь отдельных людей, – обращается в «Комментарии на «Пир»...» Диотима к Сократу, – ни одного ты не похвалишь во всех отношениях. Ты возьмешь отовсюду все, что правильно в каждом из них, и из наблюдения всех построишь в себе совершенную форму, так что в душе твоей возникнет собранная мыслью в одно образ абсолютной красоты человеческого рода, которая встречается, будучи рассеянной во многих телах. И сколь достойным презрения представится тебе, о Сократ, облик отдельного человека... Так возлюби же более ту красоту, которую создала твоя душа, и душу – Творца ее, нежели эту внешнюю несовершенную и рассеянную красоту»¹⁴²³.

Итак, эстетическое чувство, возникающее от созерцания индивидуальной и поэтому неполной красоты, должно иметь продолжением восхождение к своего рода соборной, или совершенной, красоте человеческого рода, совпадающей с его идеей. Как осуществляется это восхождение, его психологический аспект Фичино описал следующим образом: «... любящие заблуждаются до такой степени, что считают любимого красивее, чем он есть на самом деле. Ибо по прошествии времени они уже не лицезрят любимого в том образе, какой воспринимают их чувства, но в том виде, в который превратила его [их] душа в соответствии с его идеей и который прекраснее тела»¹⁴²⁴.

1422 “Affectus huiusmodi [amor] duabus ex causis nascitur: tum quia paterni vultus nobis placet imago, tum etiam quia hominis apte compositi species, et figura, cum ea humani generis ratione, quam animus noster ab omnium auctore suscipit, et retinet, aptissime congruit” (*Ficinus M. Commentarium in Convivium... V. 5. P. 1337 (P. 103; C. 180)*).

1423 Ibid. VI. 18. P. 1354 (P. 199; C. 215). Ср. у Альберти сходную мысль о собирании совершенной красоты из отдельных черт разных натур и о роли в этом “идеи красоты”, которой руководствуется искушенный художник (*Альберти Л.-Б. Три книги о живописи. III // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II (С. 329-338). С. 336*).

1424 *Ficinus M. Commentarium in Convivium... VI. 6. P. 1344 (P. 141; C. 194)*.

Совершенная красота человека в его идее, а равно – его подлинное и целостное бытие. «Истинный человек и идея человека тождественны», «воссоединившись в любви с нашей идеей, мы станем цельными людьми»; более того, наставляя Фичино, если человек вернется к своей идее, коей он произведен, то обретет себя в Боге¹⁴²⁵.

Как мир, так и человека красота, заложенная в его идее, обращает к Богу, или на путь спасения. В этом, в конечном итоге, смысл и назначение всякой красоты и внушаемой ею любви.

Рассмотрев основные аспекты Фичиновой философии любви и красоты, нельзя не обратить внимание на то, что в ней почти полностью игнорируются проблемы художественного творчества¹⁴²⁶. В «Комментарии на «Пир»...» гуманист ни разу не обращается к живописи и ваянию, единожды он заводит речь об архитектуре, сравнивая план здания в душе зодчего с идеей, дающей строй материальным объектам¹⁴²⁷, и лишь упоминает о поэзии, относя «поэтическое исступление» (*poeticus furor*) к первой из четырех ступеней «божественного исступления»¹⁴²⁸. Вместе с тем влияние идей Фичино на искусство и литературу Италии и Европы последней трети XV-XVI вв. несомненно. Черты сходства находят между Фичиновой концепцией души, животворящей и оформляющей телесную материю, и творческими установками Леонардо да Винчи, которые отразились в его писаниях и художественных произведениях (речь идет прежде всего о «Джоконде» как образном выражении *Anima Mundi*, «мировой души»¹⁴²⁹). Сюжеты целого ряда работ Сандро Боттичелли могут быть удовлетворительно объяснены только при обращении к писаниям главы флорентийских платоников¹⁴³⁰. Лоренцо Медичи, современник

1425 См. следующее рассуждение: “Et quisquis hoc in tempore sese Deo charitate devoverit, se denique recuperabit in Deo. Nempe ad suam, per quam creatus est, redibit ideam. Ibi rursus, si quid ipsi defuerit, reformabitur; ideae suae perpetuo cohaerebit. Verus autem homo et idea hominis, idem... Cum hic descripti simus et mutilati, ideae tunc nostre amando coniunctae, integri homines evademus...” (Ibid. VI. 19. P. 1355 (P. 203-205; C. 217)).

1426 См. в связи с этим наблюдения: *Chastel A. Marsile Ficin et l’art*. P. 49.

1427 Ibid. V. 5. P. 1337 (P. 105; C. 181).

1428 Ibid. VII. 14. P. 1361 (P. 241; C. 231).

1429 *Ivanoff N. Remarques sur Marsile Ficin // Revue d’esthétique*. 1948. T. I. Fasc. 4 (P. 381-391). P. 386-390.

1430 *Gombrich E.H. Botticelli’s mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // JWCI*. 1945. Vol. VIII. P. 7-60.

и покровитель Фичино, по мотивам учения о любви, развернутого в «Комментарии на «Пир»...» сложил гимн любви божественной в своей поэме «Спор»¹⁴³¹. Тема любви земной и любви небесной была положена в основу одной из картин Тициана¹⁴³². О красоте, побуждающей человека с помощью любви обрести путь на небо, к Богу, писал, популяризируя идеи Фичино, в диалогах «О придворном» Бальдасаре Кастильоне¹⁴³³. Положение об идее как подлинном основании красоты можно найти в письме Рафаэля к Кастильоне и в сочинениях Джованни-Франческо Пико делла Мирандола¹⁴³⁴. И подобные примеры можно было бы продолжать еще долго¹⁴³⁵. Более важно подчеркнуть, однако, то, что эстетические концепции Фичино оказали сильнейшее воздействие на принципы художественного сознания эпохи. Хотя свой «Комментарий на «Пир»...» он не адресовал прямо артистической среде и ни в коем случае не предполагал его сделать пособием для людей искусства, тем не менее сформулированные гуманистом установки на соотнесение всякого зрительного образа с сублимированной, идеальной красотой, на то, чтобы признать за ней метафизическое происхождение и роль своего рода благодати, силой пробужденной любви влекущей душу к Богу, отразилось во многих крупнейших художественных свершениях Зрелого и Высокого Возрождения.

1431 *Medici Lorenzo de'*. Altercazione. V. 43-69, 121-135 // *Opere*. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. II. P. 60-63.

1432 Подробнее см.: *Panofsky E.* Op. cit. P. 150-160.

1433 *Кастильоне Б.* О придворном. IV. 51-70. Перевод О. Кудрявцева // *Эстетика Ренессанса*. Т. I. С. 346-358.

1434 Подробнее см.: *Кудрявцев О.Ф.* Эстетические искания гуманистов круга Рафаэля. С. 189-192.

1435 Из работ, в которых на большом материале поднята тема преемственности гуманистических идей Фичино в литературе, искусстве и эстетической мысли как его, так и последующего времени, укажем лишь несколько наиболее важных: *Festugière J.* La philosophie de l'amour de Marsile Ficin; *Chastel A.* Marsile Ficin et l'art; *Chastel A.* [Шастель А.] Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. М., 2001.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшим итогом духовного дела Марсилия Фичино, главы ученого сообщества, известного в историографии как флорентийская Платоновская академия, стало то, что принципам и установкам ренессансной культуры он сумел дать прочное обоснование, не только оправдывавшее их в общественном сознании, но и позволившее привлечь на их сторону все новые и новые интеллектуальные силы и поддержку высокопоставленных меценатов сначала во Флоренции и Италии, а затем во многих других странах Европы – от Венгрии и Германии до Франции и Англии. Довольно скоро, по крайней мере с 80-х гг. XV в. и на долгие десятилетия вперед, учение флорентийских неоплатоников превратилось в наиболее влиятельную идеологическую систему ренессансной эпохи, благодаря универсальному историко-культурному синтезу открывшую доступ к различным религиозным, философским, нравственным традициям прошлого, предлагавшую сообразные характеру своего времени ответы на самые важные мировоззренческие вопросы.

В эпоху Возрождения были мыслители более оригинальные, яркие, плодотворные и масштабные, чем Марсилиус Фичино, но, пожалуй, не было более популярного и влиятельного, если иметь в виду его воздействие на самые разные стороны культуры этого времени, ее философскую, богословскую, этическую мысль, а также искусства, литературу, музыку, оккультные науки. И дело не только в том, что Фичино выступал переводчиком и комментатором многочисленных сочинений Платона, языческих и христианских неоплатоников, так называемых герметических, орфических, пифагорейских, зороастрийских писаний и, благодаря этому, стал во многом определять направление духовных исканий ренессансной поры. Гораздо важнее то, что он, апеллируя к самым сокровенным чувствам, самым интимным духовным переживаниям позднесредневекового человека,

сумел примирить и даже более того – породнить с ними идеалы ренессансной культуры, доказать их приемлемость и абсолютную мировоззренческую актуальность.

Сам характер учености Фичино предрасполагал его к той историко-культурной миссии, которой он себя посвятил. Воспитанный на средневековых схоластических суммах, мало приверженный классической гуманистической образованности (таким наукам, как грамматика, риторика, поэзия, история, моральная философия), Фичино не был «чистым гуманистом», хотя, если иметь в виду круг его интересов и философские концепции, его участие в движении, направленном на духовное обновление человечества, то гуманистом – в более широком значении этого термина – его все же следует признать¹⁴³⁶. Чуждый утонченной филологической культуры, Фичино своим латинским языком и стилем рассуждений и аргументации был близок и понятен основной массе образованного класса, прошедшего глубокую схоластическую выучку; вместе с тем, один из лучших знатоков древнегреческого языка, он на путях широкого обращения прежде всего к духовному наследию эллинской культуры формулировал идеи, уже обозначенные гуманистической мыслью и отвечавшие ожиданиям его времени. Не менее важно и то, что своей деятельностью он стремился найти абсолютное оправдание, воспринимая ее сам и преподнося другим в качестве призвания, угодного провидению подвига, или своего рода возложенного на него свыше *духовного тягла*; он был вполне убежден, сумев, как видно по вниманию и поддержке, которые были ему оказаны, внушить это убеждение очень многим, что он предназначен – ни больше, ни меньше – спасти человечество, выступив с новой апологетикой христианства, опять находящегося перед угрозами ереси и безверия. И неизвестно, чего в этой позиции больше – христианского смирения, изъявления готовности подчинить себя велению вышней воли, предстать орудием Божественного провидения, или же типичного для ренессансного человека сознания его неограниченных возможностей, а равно чувства космической ответственности и проистекающего из него стремления вершить судьбы человечества и мира. Как бы то ни было, но настроения главы фло-

¹⁴³⁶ См. по этому вопросу также: *Kristeller P.O. Florentine Platonism and its relations to humanism and scholasticism // Church history. 1939. N 9. P. 201-211; Idem. Marsilio Ficino and his work after five hundred years // MFRP. Vol. I. P. 16-17.*

рентийских платоников должны были отозваться сочувствием как в тех весьма представительных интеллектуальных кругах, которые соблюдали уважение к христианской традиции, на охранение которой он претендовал, так и сторонников гуманистической учености, в среде которых все более решительно утверждалась концепция человека-артиста, вселенского мастера, «земного бога».

Сам Фичино, пожалуй, более, чем кто-либо другой, сделал для разработки этой концепции, доказывая уникальность положения человека в мироздании, который, будучи средоточием и скрепой всех уровней и элементов бытия, может преобразовывать этот мир и даже творить его заново по своему усмотрению. Речь шла о созидании не только физической реальности, но и духовной. Прививая к западной, латинской образованности эллинскую философско-богословскую мысль, Фичино путем такого рода синтеза действительно создавал новый универсум культуры. Призванная служить укреплению христианской религии, эта мысль рассматривалась как хранительница некоего древнейшего откровения, что делало ее приемлемой для христианского сознания эпохи и вместе с ней повышало статус всего античного наследия, которому отводилось огромное место в деле духовного обновления, или возрождения, человечества. Поэтому труды древних для Фичино, участников его дела и всего ренессансного гуманизма представляли совсем не археологический, сугубо ученый, познавательный интерес, но имели очень важное идеологическое значение как свидетельства божественной мудрости, которая для своей манифестации не может быть ограничена ни каким-либо временем, ни местом и лишь принимает форму, наиболее сообразную обстоятельствам. Речь идет о некоем метаисторическом единстве «благочестивой философии», путь развития которой от мыслителя к мыслителю, создавая их непрерывную цепочку, тщательно фиксировал и стремился повторить в своем творчестве Фичино: его способ осваивать мудрость древних, идя от самых ее, как считалось истоков, то есть от сочинений, приписывавшихся Гермесу Трисмегисту, Зороастру, Орфею, к Платону, давшему ее полный свод, к позднеантичным неоплатоникам, как языческим, так и христианским, невольно напоминает своего рода магическую процедуру, предполагавшую точным повторением всех этапов рецепции этой мудрости в прошлом добиться ее наиболее полной реставрации и актуализации в настоящем.

Исследования Фичино различных систем примитивного богословия, кульминацией коего он считал «платоновское богословие» (его систематическому анализу гуманист посвятил главный труд своей жизни) стимулировали разработки в этом направлении мыслителей из его ближайшего окружения, к коим следует отнести Антония Альби, Кристофоро Ландино, Анджеоло Полициано, но более других Джованни Пико делла Мирандола: продолжая Фичино, Пико, не случайно именуемый друзьями «вождем согласия», намечал план создания «поэтического богословия», которое, простираясь далеко за рамки платоновской и псевдо-платоновской традиций, трактовало различные положения человеческой мысли, рассмотренные вне какого-либо исторического контекста, в отрыве от времени, как обнаружение единой истины, живущей в вечности и образующей последнюю цель всех исканий человеческого духа¹⁴³⁷.

Никакое знание, никакая наука, никакое искусство и, в целом, никакая деятельность не обладают ценностью сами по себе, но оправданы лишь в той мере, в какой способствуют спасению человека, – Фичино, несомненно, близка подобная установка, если смысл своих собственных трудов он определял именно этой перспективой, уверенный, что они помогут людям обрести путь к Богу. Не в ином видел он и предназначение красоты, которая выступает у него объектом не столько эстетических, сколько богословских спекуляций. Настаивая на ее метафизическом происхождении, Фичино в красоте наличного мира находил явление высшей реальности, устроившей этот мир, давшей ему наряд. Но красота не только организует, упорядочивает бытие на всех его уровнях, но и, внушая всему сущему любовь к себе, побуждает его искать соединение с нею и тем самым направляет к Богу, лик которого она отражает. Мысль о том, что мир спасается красотой логически вытекает из рассуждений Фичино о природе и цели прекрасного, а его любовная философия является своего рода ренессансной сотериологией. Указанные особенности того, что можно было бы назвать эстетикой флорентийской Платоновской академии, имевшей продолжение в многочисленных трактатах о любви

¹⁴³⁷ См. в связи с этим: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 127, 136; Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира. 1989-1990. М., 1993 (С. 46-63). С. 53-54.

и красоте, способны дать ориентиры к восприятию произведений искусства Возрождения, адекватные установкам художественного сознания этой эпохи: зрительные образы, воплощенные ренессансными мастерами искусства в их творениях, не были предназначены к тому, чтобы стать объектами «самодовлеющего созерцания», но должны были служить, как считалось, задаче куда более высокой, выступая посредниками, которые, сумев захватить собой душу человека, вели ее к их общему Создателю.

Освоение огромного пласта духовного наследия древности давало флорентийским гуманистам второй половины XV в. основательный повод претендовать на восстановление прерванной некогда связи времен; они вели речь о грандиозном историко-культурном перевороте, в буквальном смысле о радикальной смене эпох, настаивая на возобновлении, или возрождении, в их время «золотого века». Оставив из древнего предания о нем только идею циклического развития человечества, клонящегося этап за этапом к полному упадку, который сменяется новым резким подъемом, гуманисты круга Платоновской академии «золотым веком» стали называть не первоначальное девственное состояние человечества, не тронутой цивилизацией и культурой, а, совсем наоборот, время расцвета доблестей и дарований, наук и искусств. Доказательством переживаемого их временем духовного и нравственного обновления служили ссылки на рецепцию античного культурного наследия, на восстановление в их прежнем блеске культивируемых в древности художеств, искусств, направлений мысли, причем глава флорентийских платоников не случайно отдельно отметил, имея в виду, конечно же, себя, «извлечение на свет платонической науки», а также древней манеры пения под аккомпанемент орфической лиры: едва ли не решающую роль в этом обновлении он отводил собственной деятельности по реставрации древнейшей богословской традиции, сводом которой, как считалось, является учение Платона и его последователей. Впрочем, подтверждая права на благородство культуры своей эпохи отношениями родства и прямого преемства с античной, как бы вновь ожившей, Фичино и близкие ему гуманисты историческое значение своего времени оценивали не только этими, но и новыми свершениями и открытиями, подвигами духа и мысли, неведомыми древним. Таким образом, переосмысление концепции «золотого века» помогло гуманистам прийти к осознанию самобытности соб-

ственной эпохи, вскоре названной для обозначения нового подъема культуры и человечности, который должен быть характерен для «золотого века», Возрождением.

Темы политики, социальной жизни, морали не относились к приоритетным в философских построениях Платоновской академии, скорее они были попутными сюжетами рассуждений, спровоцированными каким-то конкретным, часто житейским случаем; тем не менее влияние социально-этических и политических идей флорентийских платоников на общественную мысль гуманизма и последующих веков велико и неоспоримо. Прежде всего в трудах Фичино и таких близких к нему участников его кружка, как Леон Баттиста Альберти и Лоренцо Медичи, заставляет обратить на себя внимание новая, секуляризованная концепция времени, которое рассматривается как собственность не Бога, но человека, и поэтому нуждается в рачительном, бережном к себе отношении со стороны этого самого человека; с этим связано и новое ощущение экзистенции человека как полного напряжения его воли и сил, точнее всего характеризующее получившей в последующем громкую славу максимой «время не ждет». Особым обаянием исполнен образ преданного исканию истины и чуждого соблазнам и угрозам мира мудреца, столь притягательный для европейского образованного класса ренессансной эпохи и последующего времени, настаивавшего на восприятии его ученой деятельности как высокого призвания и служения. Долгую судьбу имела идея союза власти и мудрости, персонифицируемая правителем-философом, – по-видимому, наиболее заметный вклад флорентийских платоников в политическую теорию. И уж вне всякого сомнения в их трудах следует искать истоки и обоснование принципов новой социальности, как бы возрождавшей пифагорейско-платоновско-христианский общежительный идеал, получивший конкретное выражение во многих ренессансных утопиях; постольку, поскольку этот идеал восходил к сочинениям древних, он выступал в сакральном ореоле своего рода божественного предписания; впрочем, ближе всего он отвечал настроениям гуманистической интеллигенции, будучи нацелен, как считалось, на создание условий для развития дарований и доблестей в человеке.

Прежде всего этот идеал Фичино имел в виду утвердить и пропагандировал в сложившемся вокруг него ученом товариществе, получившем в исторической литературе имя Платоновской академии.

Сам Фичино, стремясь воссоздать академию, возможно, в последнюю очередь подразумевал некий гуманистический кружок, сплоченный общим стремлением овладеть учением Платона, неоплатоников и «древних богословов», которые все вместе составляли, как считалось, великую традицию языческой мудрости, хранившей истины, ни в чем не противоречащие христианскому откровению. Ибо именно эту традицию главным образом и обозначал Фичино именем академия, которая, таким образом, предстает как *собор благочестивой мудрости древних*, ее-то восстановлению и популяризации посвятил свою деятельность глава флорентийских платоников. И поскольку его стараниями эта древняя философско-богословская традиция получила как бы второе рождение и во всем своем величии и духовном могуществе явилась миру латинской образованности и культуры, постольку академия – это также труды самого гуманиста, охватившие всю многотысячелетнюю благочестивую мудрость и представившие ее в виде некоего не знающего ограничений времени, вселенского *вертограда любомудрия*.

С полным основанием Фичино мог бы сказать: «Академия – это я». И ни в коей мере не погрешил бы против истины. Но дело, которому он посвятил свою жизнь, главным образом благодаря развернутой им пропаганде оказалось притягательным для очень многих его современников (и ближайших преемников). В одном из писем за семь лет до своей кончины он называл имена восьмидесяти человек всевозможного звания, рода занятий и состояния, с которыми в разное время поддерживал тесное общение, по той или иной причине не упомянув еще десятки других своих единомышленников и почитателей, как во Флоренции, так и за ее пределами в Италии и Европе. Все эти люди и составляли крайне рыхлый, организационно никак не оформленный кружок взыскующих древнейшего богословского знания, который обычно именуют флорентийской Платоновской академией и в деятельности которого лишь только намечались формы общения – диспуты, собеседования, публичные чтения, переписка, – характерные для институционально более зрелых научных и литературно-художественных сообществ последующих веков, взявших себе имя академий, похоже, по аналогии с тем, какое уже закрепилось за Фичиновым *вольным ученым братством*.

В лице Фичино и возглавляемого им кружка ренессансный платонизм, претендовавший на положение господствующего миро-

воззрения эпохи, выступил как мощное духовное движение, которое не только сумело увлечь собой влиятельные интеллектуальные и художественные круги, в значительной мере определившие облик ренессансной культуры конца XV-XVI вв., но и заставило власть имущих признать свое высокое призвание. Семейство Медичи и многие представители флорентийского патрициата, итальянские и европейские властители, церковные прелаты стремились приобщиться к трудам Платоновской академии, стать каким-то образом причастными делу, которому предназначил себя Фичино. Именно он, целиком преданный умозрительным занятиям, сторонившийся публичных дел, слабый, болезненный человек, подвигнул власть светскую и власть духовную уважать еще одну власть, власть культуры, и считаться с ее интересами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Accolti B. De praestantia virorum sui aevi dialogus. Lugduni Batavorum, 1723 (1- изд.: Parmae, 1689).

Aeneas Sylvius Piccolomini. Opera omnia. Basileae, 1571.

Alberti L.B. Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1960-1966. Vol. I-II.

[Alberti L. B.] De Albertis vita. Ed. R. Fubini, A.M. Gallorini // Rinascimento. Seconda serie. 1972. Vol. XII. P. 68-78.

Analecta nova ad historiam Renascentium in Hungaria litterarum spectantia. Ed. E. Abel. Budapestini, 1903.

[Aristoteles] Decem librorum Moralium Aristotelis tres conversiones: prima Argiropuli Byzantii, secunda Leonardi Aretini, tertia vero antiqua... Parisiae, 1504-1505.

Argyropulos I. Praefatio in libros Phisicorum ad Cosmum // Brown A. M. The humanist portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // JWCI. 1967. Vol. XXIV. P. 214-216.

Augustinus. De civitate Dei // PL. 1864. T. XLI.

Augustinus. Confessio // PL. 1845. T XXXII.

Aulus Gellius. Noctes Atticae. Lipsiae, 1835.

Bacon R. Opera hactenus inedita. Fasc. V / Ed by R. Steele. Oxonii, 1920.

Bandellus V. Opusculum... quod beatitudo hominis in actu intellectus et non voluntatis essentialiter consistit // Kristeller P.O. Le Thomisme et la pensée italienne de la Renaissance. Montréal-Paris, 1967. P. 195-278.

Benivieni G. Opere. Venetia, 1522.

Bessarion. In calumniatorem Platonis. Ed. L. Mohler. Paderborn, 1927.

Bisticci V. da. Vite di uomini illustri del secolo XV. Bologna, 1890 – 1893. Vol. I-III.

Boccaccio G. Lettere edite e inedite. Ed. F. Corazzini. Firenze, 1877.

- Boccaccio G. *Genealogia deorum gentilium*. Ed. V. Romano. Bari, 1951. Vol. I.
- Brandolini A. *De laudibus Laurentii Medicis* // Roscoe W. *Vita di Lorenzo de Medici*. Pisa, 1816. Vol. III. Appendix VIII. P. XVI-XXXI.
- Bruni Leonardo Aretino. *Rerum suo tempore gestarum commentarii*. Ed. C. di Piero // *Rerum italicarum scriptores*. Vol. XIX. Pt. III. Città di Castello, 1926.
- Bruni Leonardo Aretino. *Humanistisch-philosophische Schriften*. Leipzig; Berlin, 1928.
- Buridanus J. *Questiones super decem libros ethicorum Aristotelis ad Nichomachum*. Parisiis, 1518.
- Burlamacchi P. *Vita di Padre Girolamo Savonarola*. Lucca, 1761.
- Caponsacchi P. *Sommario della vita di Marsilio Ficino* // Marcel R. *Marsile Ficin (1433-1499)*. Paris, 1958. P. 731-734.
- Cent-dix lettres grecques de Francois Filelfe. Ed. Par É. Legrand. Paris, 1892.
- Cicero. *Academicae quaestiones* // *Opera omnia*. Lugduni Batavorum, 1692. Pars 4.
- Clemens Alexandrinus. *Stromata* // PG. 1857. T. VIII.
- Clemens Alexandrinus. *Cohortatio ad gentes*. // PG. 1857. T. VIII.
- Coletus I. *Opuscula Quaedam Theologica*. Ed. J.H. Lupton. London, 1876.
- Colucci B. *Declamationum liber* // *Scritti inediti di Benedetto Colucci da Pistoia*. A cura di A. Frugoni. Firenze, 1939. P. 1-47.
- Cursius J. *Vita Marsilii Ficini* // Marcel R. *Marsile Ficin. 1433-1499*. Paris, 1958 P. 680-689.
- Cyrillus Alexandrinus. *Adversus Julianum* // PG. 1859. T.76.
- Dante. *Con lespositione di Christoforo Landino*. Venetia, 1564.
- Delphinus P. *Epistolae*. Venetiis, 1524.
- Diodorus Siculus. *Bibliotheca historica* // *Diodorus of Sicily (LCL)*. London; Cabridge (Mass.), 1985. Vol. II.
- Dionysius Areopagita. *Coelestis Hierarchia, Ecclesiastica Hierarchia*. Venetiis, 1551.
- Dominici I. *Lucula noctis*. Notre Dame, 1940.
- Erasmus Roterodamus D. *Opus Adagiorum* // Erasmus Roterodamus D. *Opera omnia*. T. 2. Lugduni Batavorum, 1703.
- Erasmus Roterodamus D. *Opus epistolarum*. Ed. P.S. et H.M. Allen. Oxonii, 1906-1958; T. I-XII.
- Eriugena Ioannes Scotus. *De divisione naturae* // PL. 1853. T. 122.
- Eusebius Pamphilus. *Praeparatio evangelica* // PG. 1857. T. 21.

- Faber Stapulensis I. Piis lectoribus // Dionysius Areopagita. Coelestis Hierarchia, Ecclesiastica Hierarchia. Venetiis, 1551.
- Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon ou de l'Amour. Ed. par R. Marcel. Paris, 1956.
- Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon, de l'Amour. Ed. par P. Laurens. Paris, 2002.
- Ficin M. Théologie Platonicienne de l'immortalité des ames. Ed par R. Marcel. Paris, 1964-1970. T. I-III.
- Ficino M. Consiglio contro la pestilenza. Firenze, 1523.
- Ficino M. Sopra lo Amore o ver' Convito di Platone. Firenze, 1544.
- Ficino M. El libro dell'amore. A cura di S. Niccoli. Firenze, 1987.
- Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I.
- Ficino M. De vita. A cura di A. Biondi, G. Pisani. Padova, 1991.
- [Ficino M.] I commenti di Marsilio Ficino sopra i dieci dialoghi di Platone del Giusto tradotti dal lingua latina nella volgare italiano dal Spontone. Verona, 1590.
- [Ficino M.] The Letters of Marsilio Ficino. London, 1995-1997. Vol. I-VI.
- Ficino M. Platonic theology. Ed. By J. Hankins, M.J.B. Allen. Cambridge (Mass.); London, 2001. Vol. I-VI.
- Ficinus M. Opera omnia. Basileae, 1576. Vol. I-II.
- Ficinus. Epistole. Venetiis, 1495.
- Ficino M. The Philebus commentary. Ed. by M.J.B. Allen. Berkeley; Los Angeles; London, 1975.
- [Filelfo Fr.] Philelphus Fr. Convivia. Coloniae, 1537.
- Fontius B. Carmina. Ed. I. Fogel, L. Juhasz. Lipsiae, 1932.
- Fossi F. Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexendam. Firenze, 1791.
- Gaguinus R. Epistole et orationes. Ed. L. Thuasne. Paris, 1904.
- Guillaume de Lorris et Jean de Meung. Le Roman de la Rose. Ed. E. Langlois. Paris, 1924.
- Hieronymus. Apologia adversus libros Rufini // PL. 1865. T. XXIII.
- Hippolytus. Refutatio omnium haeresium // PG. 1860. T. XVI. Pars 3 (трактат издан среди сочинений Оригена).
- Iamblichus. De mysteriis et alia. Venetiis, 1497.
- Jamblichus De mysteriis Aegyptiorum, Chaldaeorum, Assyriorum. Lugduni, 1577.
- Iamblichus. De vita Pythagorica. Petropoli-Lipsiae, 1884.

- Ioannes Scotus Eriugena. De divisione naturae // PL. 1853. T. CXXII.
- Justinus. Cohoratio ad Graecos // PG. 1857. T.VI.
- Lactantius. Divinae institutiones // PL. 1844. Vol. VI.
- Landino Chr. Comento sopra la comedia di Dante alighieri poeta fiorentino // Dante. Comedia. Vinegia, 1491.
- Landino Chr. Che cosa sia poesia et poeta, et della origine sua divina, et antichissima // Dante. Con lespositione di Christoforo Landino. Venetia, 1564 (без пагинации).
- Landino Chr. De vera nobilitate / A cura di M.T. Liaci. Firenze, 1970.
- ([Landino Cr. In expositione di Dante] // Lentzen M. Reden Cristoforo Landino. München, 1974. P. 22-35.
- [Landinus Chr.] Praefatio in Virgilio habita in gymnasio Flerentino // Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese... Köln, Wien, 1971. S. 234-242.
- Landino Chr. Disputationes Camaldulenses. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980.
- Lapus Castelliunculus. De curiae commodis dialogus. // Celenza Chr. S. Renaissance humanism and the Papal Curia. Lapo da Castiglionchio the Younger's «De curiae commodis». Ann Arbor, 1999. P. 102-227.
- Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti, stampe e documenti, 17 maggio-16 giugno 1984. Catalogo. Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984.
- Mátyás király levelei. Ed. Fr. Vilmos. Budapest, 1893.
- Medici Lorenzo de'. Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. I-II.
- Medici Lorenzo de'. Lettere. Firenze, 1977-1981. Vol. I-IV.
- Mercurius [Hermes] Trismegistus. Liber de potestate et sapientia Dei. Parisiis, 1494.
- Mercurius [Hermes] Trismegistus. Pimander. Asclepius. Crater Hermetis Lazarelo Septempedano. Parisiis, 1505.
- [More Th.] The complete works of St. Thomas More. Vol. IV. New Haven; London, 1965.
- Naldi N. Elegiarum libri III. Ed. L. Juhasz. Leipzig, 1934.
- Nicolaus de Mirabilibus. Disputatio nuper facta in domo magnifici Laurentii Medices // Két magyarszági író a XV. századból. Adreas Pannonius.- Nicolaus de Mirabilibus. Ed. V. Fraknói, J. Abel. Budapest, 1886. P. 353-367.
- Nicolaus von Kues. Philosophisch-theologische Schriften. Wien, 1964-1966. Bd. I-III.
- Origenes. Contra Celsum // PG. 1867. T. XI.

- Orphicorum Fragmenta. Ed. O. Kern. Berolini, 1922.
- [Palmieri M.] Una prosa inedita di Matteo Palmieri. Prato, 1850.
- Palmieri M. Vita civile. I. A cura di G. Belloni. Firenze, 1982.
- Palmieri M. Libro del poema chiamato Città di vita composto da Matteo Palmieri Fiorentino. Ed. M. Rooke // Smith college studies in modern languages. 1927-1928. Vol. VIII-IX.
- Patricius Fr. De regno et regis institutione. Argentinae, 1594.
- Petrarca Fr. L'Africa. Per cura di N. Festa. Firenze, 1926.
- Perottus N. Cornucopia. Thusculani, 1522.
- Petrarca. Fr. Opera. A cura di E. Bigi. Milano, 1968.
- Philo Alexandrinus. De opificio mundi // Works (LCL). London; Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 226.
- Philo Alexandrinus. Quod omnis probus liber sit; Apologia pro iudaeis // Works (LCL). London; Cambridge (Mass.), 1941. Vol. IX.
- Piccolomineus Aeneas Sylvius. Opera omnia. Basileae, 1571.
- Pico della Mirandula G. Opuscula. Bononiae, 1496.
- Pico della Mirandola G. Opera omnia. Basieae, 1557 (Nachdruck – Hildesheim, 1969).
- Pico della Mirandola G. Opera omnia. Venetiis, 1557.
- Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De ente et uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942.
- Pico della Mirandola G. Disputationes adversus Astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946-1952. Vol. I-II.
- Plato. Opera. Venetiis, 1491.
- Pléthon. Traité des lois, ou recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage. Ed. par C. Alexandre. Paris, 1858.
- Plinius Secundus. Naturalis historia // Pliny. Natural history (LCL). London; Cambridge (Mass.), 1969. Vol. II.
- Plotin. Enneades. Ed. par E. Bréhier. Paris, 1924-1931. T. I-VI.
- Plotinus. Opera. Florentiae, 1492.
- Plutarchus. De fraterno amore // Plutarch's Moralia (LCL). London; Cambridge (Mass.), 1962. Vol. VI.
- Poggius Bracciolinus. Oratio funebris in obitu Leonardi Aretini // Bruni L. Epistolarum libri VIII. Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741. Vol. I. P. CXIII-CXXVI.
- Poggius Bracciolinus. Lettere. Firenze, 1984. Vol. II.
- Politianus A. Opera omnia. Basileae, 1553.

- Polydorus Vergilius. De rerum inventoribus. Amstelodami, 1671.
- Pomponius Mela. Libri tres de situ orbis. Franekeræ. 1700.
- Porphyrius. De abstinence ab esu animalium. Deventriæ, 1767.
- Proclus Diadochus. Theologia Platonica. Ed. H.D. Saffrey, L.G. Westerink. Paris, 1968.
- Rinuccini A. In libros Philostrati de vita Apollonii Tyanaei præfatio // Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam. Ed. F. Fossius. Florentiæ, 1791. P. 43- 57.
- Rinuccini A. Lettere ed orazioni. A cura di V. Giustiniani. Firenze, 1953.
- [Rucellai G.] Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. London, 1960.
- Salutati C. Epistolæ. A cura di F. Novati. Roma, 1891-1905. Vol. I-IV.
- Salutati C. De seculo et religione. Ed. B. L. Ullman. Florentiæ, 1957.
- Schedel H. Buch der Croniken. Nürnberg, 1493.
- Strozzi L. Vita di Filippo Strozzi. Ed. B. Bigazzi. 1851.
- Thomas Aquinas. Summa theologica. Taurini, 1901. T. I-VI.
- Valla L. Elegantiarum latinæ linguæ libri sex. Præfatio. Lugduni, 1561.
- Valori N. Vita di Lorenzo de' Medici. A cura di E. Niccolini. Vicenza, 1991.
- Vasari G. Le vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori. A cura di R. Bettamini. Firenze, 1973. Vol. III.
- Verino U. Flametta. Ed. L. Mencaraglia. Firenze, 1940.
- Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Bologna. 1892-1893. Vol. I-III.
- Vettori Fr. Scritti storici e politici. A cura di E. Niccolini. Bari, 1972.
- Vieri F. de'. Compendio della dottrina di Platone, in quello, che ella è conforme con la Fede nostra. Firenze, 1577.
- Villani F. Vite d'illustri fiorentini. Giotto // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste, 1858. Vol. I-II.
- Vita secunda [Marsilii Ficini] // Marcel R. Marsile Ficin. P. 694-730.
- Xenocrates. De Morte. Trad. M. Ficino. Augusta Vindelicorum, 1515.
- Zenobius Acciaiuoli. Prologus ad Leonem X // Theodoretus Cyrensis. Græcarum affectionum curatio. Heidelberg, 1592.

Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. Перевод В.П. Зубова. М., 1935. [Альберти Л.Б.]. Фрагмент анонимной биографии Леон-Баттисты Альберти. Перевод Ф.А. Петровского // Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. I. С. XIX-XXIX.

Альберти Л.-Б. Три книги о живописи // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 329-338.

Античные гимны. М., 1988.

Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. IV.

Арнальд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. Перевод Ю.Ф. Шульца. М., 1964.

Боккаччо Дж. Генеалогия языческих богов. Перевод В.В. Бибикина // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 11-63.

Вергилий. Собрание сочинений. М., 1994.

Веспасиано да Бистиччи. Жизнеописание прославленных людей XV века. Никколò Никколи. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. М., 1996. С. 453-464.

[Гермес Трисмегист.] Книга Меркурия Трисмегиста о мудрости и силе Бога. Пимандер. Перевод на латинский Марсилио Фичино Флорентийского. 1471 г. / Перевод на русский М. Русборна. М., 2010.

Гесиод. Работы и дни. Перевод В. Вересаева. М., 1927.

Гиберти Л. Комментарий // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 341-353.

Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языков XVI века. Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2004.

Данте Алигьери. Малые произведения. Под ред. Н.Н. Голенищева-Кутузова. М., 1968.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979.

Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор, перевод и комментирование текстов Г.А. Тароняна. М., 2007.

Еврипид. Трагедии. Перевод И. Анненского. М., 1980. Т. I.

Иосиф Флавий. Иудейская война. Перевод Я.Л. Чертка. Минск, 1991.

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Перевод Г.Г. Генкеля. Минск, 1994. Т. I-II.

Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников. Изд. подготовила Н.В. Ревякина. М., 2007.

- Кастильоне Б. О придворном. Перевод О. Кудрявцева // Эстетика Ренессанса. Т. I. С. 346-361.
- Макьявелли Н. История Флоренции. Перевод Н.Я. Рыковой. Л., 1973.
- Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека / Составитель Н.В. Ревякина. М., 2014.
- Марциал. Избранные эпиграммы. Перевод Н.И. Шатерникова. М., 1937.
- Марциал. Эпиграммы. Перевод Ф. Петровского. М., 1968.
- Менандр. Комедии. Фрагменты. Перевод О. Смыки. М., 1982.
- Николай Кузанский. Сочинения. М., 1979-1980. Т. I-II.
- Овидий. Метаморфозы. Перевод С. Шервинского. М., 1977.
- Петрарка Фр. Сонеты, канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М., 1974.
- Петрарка Фр. Африка. Перевод Е.Г. Рабинович. М., 1992.
- Пизано Л. Диалоги о любви. Перевод М. Юсима // О любви и красотах женщин. Трактаты о любви эпохи Возрождения. М., 1992. С. 21-47.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени. Перевод Л.М. Брагиной // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. I. С. 248-305.
- Пико делла мирандола Дж. О сущем и едином. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Сочинения итальянских гуманистов (XV век). М., 1985. С. 263-280.
- Пико делла Мирандола Дж. Рассуждения против прорицательной астрологии. Книга Первая / Пер. О.Л. Акоюна // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. 9. 2014. С. 247-279 (перездано в: Русская антропологическая школа. Труды. Выпуск 14 / Под ред. С.О. Зотова. М.: РГГУ, 2016. С. 321-360).
- Платон. Сочинения. М., 1970-1972. Т. I-III.
- Платон. Диалоги. М., 1986.
- Плиний Старший. Естествознание. Перевод Г.А. Тароняна. М., 1994.
- Плотин. Эннеады. Соч. СПб., 1995.
- Плутарх. Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977. № 3.
- Порфирий. Жизнь Пифагора. Перевод М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 449-461.
- Порфирий. Жизнь Плотина. Перевод М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 462-476.

Прокл. Первоосновы теологии. Перевод А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. ИАЭ. Высокая классика. М., 1974. С. 458-536.

Прокл. Платоновская теология. Перевод Л.Ю. Лукомского. СПб., 2001. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). Составление и редакция Л.М. Брагиной. М., 1985.

Тексты Кумрана. Переводы И.Д. Амусина и М.М. Елизаровой М., 1971. Вып. 1.

Теренций. Комедии. Перевод А.В. Артюшкова. М., 1985.

Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви. Перевод А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Ренессанса. Составитель В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 144-241.

Фичино М. О моральных добродетелях. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. М., 1996. С. 437-441.

Фичино М. О божественном неистовстве (De divino furore) / Перевод О.Д. Григоровой // ВРХГИ. 2001. Вып. IV. С. 267-272.

Фичино М. Избранные письма. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 253-270.

Фичино М. О христианской религии. Перевод Н.В. Ревякиной // Гуманизм Возрождения и вызовы времени. Иваново, 2006. С. 45-46.

Фичино М. «О звезде волхвов». «О Солнце» / Пер. О.Л. Акопяна // ПИ. 2014. Вып. 1. С. 446-485.

Фичино М. О жизни I. 1-7 / Пер. И. Гурьянова // ПИ. 2015. Вып. III. С. 147-197.

Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. Пер. Е. Г. Рабинович. М, 1985.

Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. Киев, 1889.

Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.

Цицерон. Философские трактаты. Перевод М.И. Рижского. М., 1985.

Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Перевод В.О. Горенштейна. М., 1993.

Цицерон М.Т. Письма. Перевод В.О. Горенштейна. М., 1994.

Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. Составитель О.Ф. Кудрявцев. М., 1996.

Эриугена Иоанн Скот. О разделении природы. Перевод Т.Ю. Бородай // Чаша Гермеса. М., 1996.

Ювенал. Сатиры. Перевод Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. М.; Л., 1937.

Ямвлих. Жизнь Пифагора. Перевод В.Б. Черниговского. М., 1998.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Alexandrakis A. Plotinus, Marsilio Ficino and Renaissance art // Neoplatonic aesthetics: music, literature and the visual art. New York, 2004. P. 187-195.

Allen M.J.B. Two commentaries on the «Phaedrus»: Ficino's Indebtedness to Hermias // *JWCI*. 1980. Vol. XLIII. P. 110-129.

Allen M.B.J. Cosmogony and love. The role of Phaedrus in Ficino's «Symposium commentary» // *JMRS*. 1980. Vol. X. P. 131-153.

Allen M.J.B., White R.A. Ficino's Hermias Translation and a New Apologue // *Scriptorium*. 1981. Vol. XXXV. P. 39-47.

Allen M.J.B. Marsilio Ficino and Phaedran Charioteer. Berkeley; Los Angeles; London, 1981.

Allen M.J.B. The Platonism of Marsilio Ficino. A study of his «Phaedrus» commentary, its sources and genesis. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.

Allen M.J.B. The second Ficino-Pico Controversy: Parmenidan Poetry, Eristic, and the One // *MFRP*. Vol. II. P. 417-455.

Allen M.J.B. Marsilio Ficino's interpretation of Plato's «Timaeus» and its myth of the Demiurge // *SFSHPOK*. P. 399-439.

Allen M.J.B. Icastes. Marsilio Ficino's Interpretation of Plato's «Sophist». Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1989.

Allen M.J.B. Marsilio Ficino, Hermes Trismegistus and the Corpus Hermeticum // *New Perspectives on Renaissance Thought*. London, 1990. P. 38-47.

Allen M.J.B. Nuptial Arithmetic. Marsilio Ficino's Commentary of the Fatal Number in Book VIII of Plato's «Republic». Berkely; Los Angeles; London, 1994.

Allen M.J.B. Synoptic art. Marsilio Ficino on the history of Platonic interpretation. Firenze, 1998.

Allen S. The rehabilitation of Epicurus and his theory of pleasure in the Early Renaissance // *Studies in Philology*. 1944. Vol. XLI. N 1. P. 1-15.

Anagnine E. Giovanni Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. Bari, 1937.

- Anichini G. L'umanesimo e il problema della salvezza in Marsilio Ficino. Milano, 1937.
- Baldry H. C. Who invented the Golden Age? // *Classical Quarterly*. 1952. Vol. XLVI. N 1. P. 83-99.
- Baron G. L'umanesimo filosofico di Giovanni Pico della Mirandola. Milano, 1949.
- Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // *Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz*. Leipzig; Berlin, 1927. S. 145-170.
- Baron H. Humanistic and Political Literature in Florence and Venice at the Beginning of the Quattrocento. Cambridge (Harv.), 1955.
- Bertalot L. Zur Bibliographie der Uebersetzungen des Leonardus Brunis Aretinus // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 27 (1937). P. 180-184.
- Berti E. La dottrina platonica delle idee nel pensiero di Niccolò Tignosi da Foligno // *Filosofia e cultura in Umbria tra Medioevo e Rinascimento. Atti del quarto convegno di studi umbri*. Gubbio 22-26 maggio 1966. 1967. P. 533-565.
- Bigi E. La cultura del Poliziano e altri studi umanistici. Pisa, 1967.
- Biondi A., Pisani G. Introduzione // *Ficino M. De vita*. A cura di A. Biondi, G. Pisani. Padova, 1991. P. IX-XXXV.
- Black R. Benedetto Accolti and the Florentine Renaissance. London; New York, 1985.
- Bonardi C.M. Le orazioni di Lorenzo de' Medici e l'inno finale della «Circe» di G.B. Gelli // *GSLI*. 1899. Vol. XXXIII. P. 223-228.
- Borinski K. Die Antike in Poetik und Kunsttheorie. Von Ausgang des klassischen Altertums bis auf Goethe und Wilhelm von Humboldt. Leipzig, 1914.
- Branca V. Tra Ficino «Orfeo ispirato» e Poliziano «Ercole ironico» // *MFRP*. Vol. II. P. 459-475.
- Brod M. Iohannes Reuchlin und sein Kampf. Stuttgart; Berlin, 1965.
- Brown A.M. The humanist portrait of Cosimo de' Medici, Pater Patriae // *JWCI*. 1967. N XXIV. P. 186-221.
- Buck A. Der Platonismus in den Dichtungen Lorenzo de' Medicis. Berlin, 1936.
- Buck A. Der Orpheus-Mythos in der italienischen Renaissance. Krefeld, 1961.
- Bullard M.M. Marsilio Ficino and the Medici. The Inner Dimensions of Patronage // *Christianity and the Renaissance. Image and Religious Imagination in the Quattrocento*. Syracuse, 1990. P. 467-492.

- Bullard M.M. The inward Zodiac: a development in Ficino's thought on astrology // RQ. 1990. Vol. XLIII. P. 687-708.
- Caccamo D. Buonaccorsi Filippo // DBI. 1972. Vol. XV. P. 78-83.
- Cardini R. Il Landino e la poesia // RLI. 1970. Vol. LXXIV. N 2-3. P. 273-297.
- Cardini R. A proposito di «De vera nobilitate' landiniano // RLI. 1971. Vol. LXXV. N 3. P. 451-459.
- Carlini A. Marsilio Ficino e il testo di Platone // Rinascimento. Seconda serie. 1999. Vol. XXXIX. P. 3-36.
- Castelnau A. Les Médicis. Paris, 1879. Vol. I.
- Celenza Ch. S. Late antiquity and florentine Platonism: the «post-plotinian» Ficino // MFTPL. P. 71-97.
- Chastel A. Vasari et la legende médicéenne: «l'Ecole du Jardin de Saint Marc» // Studi Vasariani. Atti del convegno internazionale per il IV Centenario della prima edizione delle Vite del Vasari. Firenze, 1952.
- Chastel A. Marsile Ficin et l'art. Genève; Lille, 1954.
- Chastel A. [Шастель А.] Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М., 2001 (1 изд. на франц. языке – 1959 г.).
- Chastel A. Il «signum cruces» del Ficino // MFRP. P. 211-219.
- Chiti A. Alcune notizie su Benedetto Colucci // Bulletino storico pistoiese. 1900. Vol. II. P. 81-98.
- Clark J.R. Roger Bacon and the composition of Marsilio Ficino's «De vita longa» («De vita», book III) // JWCI. 1986. Vol. XLIX. P. 230-233.
- Collins A.B. The secular is sacred. Platonism and Thomism in Marsilio Ficino's «Platonic Theology». The Hague, 1974.
- Copenhaver B.P. Scholastic philosophy and Renaissance magic in the «De vita» of Marsilio Ficino // RQ. 1984. Vol. XXXVII. N 4. P. 523-554.
- Copenhaver B.P. Renaissance magic and Neoplatonic philosophy: «Ennead» 4. 3-5 in Ficino's «De vita coelitus comparanda» // MFRP. P. 351-369.
- Copenhaver B.P. Lorenzo de' Medici, Marsilio Ficino and domesticated Hermes // Lorenzo il Magnifico e il suo mondo. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1994. P. 225-257.
- D'Addario A. Agli Antonio // DBI. 1960. Vol. I. P. 400-401.
- Dannenfeldt K.H. The Pseudo-Zoroastrian Oracles in the Renaissance // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. IV. P. 7-30.
- Davies J. Marsilio Ficino: Lecturer at the Studio fiorentino // RQ. 1992. Vol. XLV. N 4. P. 785-790.

- Davies M.C. An enigma and a phantom: Giovanni Aretino and Giacomo Languschi // *Humanistica Lovaniensia*. Vol. XXXVII. P. 1-29.
- Della Torre A. La prima ambasceria di Bernardo Bembo // *Giornale storico della letteratura italiana*. 1900. Vol. XXXV. P. 258-334.
- Della Torre A. *Storia dell'accademia platonica di Firenze*. Firenze, 1902.
- Di Napoli G. *L'immortalità dell'anima nel Rinascimento*. Torino, 1963.
- Dodds E.R. *The ancient concept of progress and other essays on Greek literature and belief*. Oxford, 1973.
- Domanski J. La fortuna di Marsilio Ficino in Polonia nei secoli XV e XVI // *MFRP*. P. 565-567.
- Doren A. *Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg*. Berlin; Leipzig, 1922-1923. Bd. II. Teil. I. S. 71-144.
- Dress W. *Die Mystik des Marsilio Ficino*. Berlin; Leipzig, 1929.
- Duhamel P.A. *The Oxford lectures of John Colet: an essay in defining the English Renaissance // JHI*. 1953. Vol. XIV. N 4. P. 493-510.
- Dulles A. *Princeps Concordiae. Pico della Mirandola and the scholastic tradition*. Cambridge (Mass.). 1941.
- Duncan J., Derrett M. *Gemistus Plethon, the Essenes, and More's Utopia // Bibliotheque d'Humanisme et Renaissance*. 1965, 27 (3). P. 579-606.
- Euler W.A. «Pia philosophia» et «docta religio». *Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola*. München, 1998.
- Fabro C. *Influenze tomistiche nella filosofia del Ficino // Studia Patavina*. 1959. Vol. VI. N 1. P. 396-413.
- Festugière J. *La philosophie de l'amour de Marsile Ficin et son influence sur la littérature française au XVIe siècle*. Paris, 1941 (1 изд. – 1922 г.).
- Field A. *Christoforo Landino first lectures on Dante // RQ*. 1986. Vol. XXXIX. P.16-48.
- Field A. *The origins of the Platonic Academy of Florence*. Princeton, 1988.
- Field A. *The Platonic Academy of Florence // MFTPL*. P. 359-376.
- Fossi F. *Monumenta ad Alamanni Rinuccini vitam contexendam*. Firenze, 1791.
- Fraser Jenkins A.D. *Cosimo de'Medici's Patronage of Architecture and the Theory of Magnificence // JWCI*. 1970. Vol. 33. P. 162-170.
- Frey K. *Michelangelo Buonarroti, sein Leben und seine Werke*. Berlin, 1907.
- Frey K. *Michelangelo Buonarroti. Quellen und Forschungen*. Berlin, 1907.
- Frugoni A. *L'umanista Benedetto Colucci da Pistoia // Momenti della Rinasceità e della Riforma cattolica*. Pisa, 1943. P. 37-48.

- Fubini R., Menci Gallorini A. L'autobiografia di Leon Battista Alberti: studio e edizione // Rinascimento. 1972. II. N. 12. P. 21-78.
- Fubini R. Ficino e i Medici all'avvento di Lorenzo il Magnifico // Fubini R. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura. Pisa, 1996. P. 235-282.
- Fubini R. Ancora su Ficino e i Medici // Fubini R. Quattrocento fiorentino. Politica, diplomazia, cultura. Pisa, 1996 (1 изд. статьи – 1987 г.). P. 283-301.
- Gabotto F. L'epicureismo di Marsilio Ficino // Rivista di filosofia scientifica. 1891. Vol. X. P. 428-442.
- Gadol J. Leon Battista Alberti. Universal man of Early Renaissance. Chicago-London, 1969.
- Gandillac M. de. Astres, anges et génies chez Marsile Ficin // Umanesimo e esoterismo. Padua, 1960. P. 85-109.
- Garfagnini G.C. La questione astrologica tra Savonarola e Giovanni Francesco Pico // Rinascimento. Seconda serie. 2004. Vol. XLIV. P. 17-47.
- Garin E. Giovanni Pico della Mirandola. Vita e dottrina. Firenze, 1937.
- Garin E. La «dignitas hominis» e la letteratura patristica // La Rinascita. 1938. N 4. P. 102-146.
- Garin E. Recenti interpretazioni di Marsilio Ficino // GCFI. 1940. Vol. XXI. Fasc. V. P. 299-318.
- Garin E. A proposito di Marsilio Ficino // GCFI. 1941. Vol. XXII. Fasc. IV. P. 271-274.
- Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De ente et uno. Firenze, 1942. P. 1-59.
- Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem. A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I. P. 3-17.
- Garin E. Testi inediti e rari di Cristoforo Landino e Francesco Filelfo. Firenze, 1949.
- Garin E. Educazione umanistica in Italia. Bari, 1971 (1 изд. – 1949 г.).
- Garin E. Ritratto di Marsilio Ficino // Belfagor. 1951. Anno VI. N 3. P. 289-301.
- Garin E. Ricerche sulle traduzioni di Platone nella prima metà del sec. XV // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi. Firenze, 1955. Vol. 1. P. 339-374.
- Garin E. Il pensiero pedagogico dello umanesimo. Firenze, 1958.
- Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino, 1966. Vol. I-II.
- Garin E. L'età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo. Napoli, 1969.

- Garin E. *Lo zodiaca della vita. La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento*. Bari, 1976.
- Garin E. *La cultura filosofica del Rinascimento italiano*. Firenze, 1979.
- Garin E. *Marsilio Ficino e ritorno di Platone // MFRP. Vol. I. P. 3-13.*
- [Garin E.] *Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения*. М., 1986.
- Gaspary A. *Geschichte der Italienischen Literatur*. Berlin, 1888. Bd. II.
- Gatz B. *Weltalter, Goldene Zeit und Sinnverwandte Vorstellungen*. Hildesheim, 1967.
- Geiger L. *Johann Reuchlin. Sein Leben und seine Werke*. Leipzig, 1871.
- Gentile G. *Giordano Bruno e il pensiero del Rinascimento*. Firenze, 1920.
- Gentile S. *Per la storia del «Commentarium in Convivium» di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1981. Seconda serie. Vol. XXI. P. 3-27.*
- Gentile S. *In margine all'epistola «De divino furore» di Marsilio Ficino // Rinascimento. Seconda serie. 1983. Vol. XXIII . P. 33-77.*
- Gentile S. *Note sullo «scrittoio» di Marsilio Ficino // SFSHPOK. P. 339-397.*
- Gentile S. *Introduzione // Ficino M. Lettere. A cura di S. Gentile. Firenze, 1990. Vol. I. P. XIII-CCXCIX.*
- Gentile S. *Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // Rinascimento. II serie. 1990. Vol. XXX. P. 57-104.*
- Gentile S. *Ficino e il platonismo di Lorenzo // Lorenzo de' Medici: new perspectives. Ed. By B. Toscani. New York; S. Francisco, 1993. P. 23-47.*
- Gentile S. *Marsilio Ficino e l'Ungheria di Mattia Corvino // Italia e Ungheria all'epoca dell'umanesimo corviniano. Firenze, 1994. P. 89-110.*
- Gentile S. *Ficino ed Ermete // Marsilio Ficino e il ritorno di Ermete Trismegisto. A cura di S. Gentile, C. Gilly. Firenze, 1999. P. 19-26.*
- Gilson E. *Marsile Ficin et la «Contra Gentiles» // Archive d'Histoire doctrinale et litteraire de Moyen Age. 1957. Annee 32. P. 101-113.*
- Giustiniani V.R. *Alamanno Rinuccini. 1426-1499. Materialien und Forschungen zur Geschichte des florentinischen Humanismus*. Köln, 1965.
- Giustiniani V.R. *Canigiani Antonio // DBI. Vol. 18. P. 81-82.*
- Gombrich E.H. *Botticelli's mythologies. A study in the Neoplatonic symbolism of his circle // JWCI. 1945. Vol. VIII. P. 7-60.*
- Gombrich E.H. *Renaissance and Golden Age // JWCI. 1961. Vol. XXIV. P. 306-309.*
- Gutkind C.S. *Cosimo de' Medici Pater Patriae. 1389-1464*. Oxford, 1938.
- Hankins J. *Some remarks on the history and character of Ficino's Translation of Plato // MFRP. Vol. I. P. 287-304.*

- Hankins J. Cosimo de' Medici and the «Platonic Academy» // JWCI. 1990. Vol. LIII. P. 144-162.
- Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden; New York, 1990. Vol. I-II.
- Hankins J. The myth of the Platonic Academy of Florence // RQ. 1991. Vol. XLIV. N 3. P. 429-475.
- Hankins J. Cosimo de' Medici as a patron of Humanistic literature // Cosimo il Vecchio de' Medici, 1389-1464. Ed. F. Ames-Lewis. Oxford, 1991. P. 69-94.
- Hankins J. Lorenzo de' Medici as a patron of philosophy // Rinascimento. Seconda serie. 1994. Vol. XXXIV. P. 15-53.
- Hankins J. Marsilio Ficino as a critic of Scholasticism // Vivens homo. Rivista teologica fiorentina. 1994. Vol. V. P. 325-334.
- Hankins J. The invention of the Platonic Academy of Florence // Rinascimento. Seconda serie. 2001. Vol. XLI. P. 3-38.
- Hankins J. Humanist Academies and the «Platonic Academy of Florence» // On Renaissance Academies. Proceedings of the international conference «From the Roman Academy to the Danish Academy in Rome», 11-13 Oct. 2006 / Ed. H. Ragn Jensen, M. Rade. Copenhagen; Odense, 2006. P. 31-46.
- Heitzman M. L'agostinismo avicennizzante e il punto di partenza della filosofia di Marsilio Ficino // GCFI. 1935. Anno XVI. P. 295-322, 460-480. 1936. Anno XVII. P. 1-11.
- Henry P. Les manuscrits grecs de travail de Marsilio Ficino, le traducteur des Ennéades // Congrès de Tours et Poitiers. Actes du congrès. Paris, 1954. P. 323-328.
- Hough S. J. An early record of Marsilio Ficino // RQ. 1977. Vol. XXX. P. 301-304.
- Howlett S. Marsilio Ficino and His World. Critical Political Theory and Radical Practice. New York, 2016.
- Huszti I. La prima redazione del «Convito» di Marsilio Ficino // GCFI. 1927. Vol. VIII. Fasc. I. P. 68-71.
- Huszti J. Tendenze platonizzanti alla corte di Mattia Corvino // GCFI. 1930. Vol. XI. Fasc. 1. P. 1-37; Fasc. 2. P. 135-162; Fasc. 3. P. 220-236; Fasc. 4. P. 272-287.
- Ilgner K. Die volkswirtschaftlichen Anschauungen Antonins von Florenz (1389-1459). Paderborn, 1904.
- Ivanoff N. La beauté dans la philosophie de Marsile Ficin et de Léon Hébreux // Humanisme et Renaissance. 1936. T. III. Fasc. 1. P. 12-21.
- Ivanoff N. Remarques sur Marsile Ficin // Revue d'esthétique. 1948. T. I. Fasc. 4. P. 381-391.
- Jaeger W. Humanism and theology. Milwaukee, 1943.

- Jayne S. John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963.
- Jenkins Fr. Cosimo de' Medici's patronage of architecture and the theory of magnificence // JWCI. 1970. Vol. XXXIII. P. 162-170.
- Kaske C.V. Ficino's shifting attitude towards astrology in the «De vita coelitus comparanda», the letter to Poliziano, and the «Apologia» to the cardinals // MFRP. P. 371-381.
- Kaske V., Clark J.R. Introduction // Ficino M. Three books on life. Ed. By V. Kaske, J.R. Clark. New York, 1989. P. 3-90.
- Kent D. Cosimo de' Medici and the Florentine Renaissance. New Haven; London, 2000.
- Kieszkowski B. Filippo Buonaccorsi detto Callimaco e le correnti filosofiche del Rinascimento // GCFI. 1934. Vol. XV. P. 281-294.
- Kisch G. Erasmus und die Jurisprudenz seiner Zeit. Basel, 1960.
- Klaniczay T. Mattia Corvino e l'umanesimo italiano. Roma, 1974.
- Klibansky R. The continuity of the Platonic tradition during the Middle Ages. Outlines of a corpus platonium medii aevi. London, 1939.
- Klibansky R., Panofsky E., Saxl Fr. Saturn and melancholy. Studies in the history of natural philosophy, religion and art. London, 1964.
- Klutstein J. Marsilio Ficino et la theologie ancienne. Oracles chaldaïques. Hymnes Orphiques. Hymnes de Proclus. Città di Castello, 1987.
- Klutstein I. L'interprétation ficinienne des Oracles chaldaïques // Il neoplatonismo nel Rinascimento. A cura di P. Prini. Roma, 1993. P. 53-64.
- Kraye J. Lorenzo and the philosophers // Lorenzo the Magnificent. Culture and politics. London, 1996. P. 152-166.
- Kristeller P.O. Introductio // SF. Vol. I. P. V-CLXXXI.
- Kristeller P.O. Florentine Platonism and its relations with Humanism and Scholasticism // SRTL. Roma, 1993. Vol. III. P. 39-48 (1 изд. работы – 1939 г.).
- Kristeller P.O. La diffusione europea del platonismo fiorentino // Il pensiero italiano del Rinascimento e il tempo nostro. Firenze, 1970. P. 23-41.
- Kristeller P.O. Per la biografia di Marsilio Ficino // SRTL. P. 191-211.
- Kristeller P.O. The Platonic Academy of Florence // Idem. Renaissance Thought. II. New York, 1965 (1 изд. статьи – 1961 г.). P. 89-101.
- Kristeller P.O. Marsilio Ficino as a beginning student of Plato // Scriptorium. 20 (1966). P. 41-54.
- Kristeller P.O. Le Thomisme et la pensée italienne de la Renaissance. Montréal-Paris, 1967.

- Kristeller P.O. Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972 (1 изд. – Нью Йорк, 1943).
- Kristeller P.O. The First Printed Edition of Plato's Works and the Date of its Publication (1484) // *Science and History: Studies in Honor of Edward Rosen* (Studia Copernicana. XVI). Wrocław, 1978. P.25-35.
- Kristeller P.O. Renaissance Thought and its Sources. New York, 1979.
- Kristeller P.O. Proclus as a reader of Plato and Plotinus, and his influence in the Middle Ages and in the Renaissance // *Colloques internationaux du C.N.R.S. Proclus. Lecteur et interprète des Anciens*. Paris, 1987. P. 191-211.
- Kristeller P.O. Marsilio Ficino e Venetia // *Miscellanea di studi in onore di Vittore Branca*. Vol. III. Pars 2: Umanesimo e Rinascimento a Firenze e a Venezia, 475-92. Firenze, 1983. P. 475-492.
- Kristeller P.O. Marsilio Ficino and the Roman Curia // *Humanistica Iovaniensia*. 1985. Vol. 34A. P. 83-98.
- Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his work after five hundred years // *MFRP*. Vol. I. P. 15-196.
- Lackner D.F. The Camaldolese Academy: Ambrogio Traversari, Marsilio Ficino and the Christian Platonic tradition // *MFTPL*. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 15-44.
- Laurens P. Introduction // *Ficin M. Commentaire sur le «Banquet» de Platon. De l'Amour*. Paris, 2002.
- Legrand E. Bibliographie hellénique des XV et XVI-e siècles. Paris, 1962. T. III.
- Lentzen M. Studien zur Dante-Exegese Cristoforo Landinos. Mit einem Anhang bisher unveröffentlicher Briefe und Reden. Köln; Wien, 1971.
- Lentzen M. Reden Cristoforo Landinos. München, 1974.
- Levin H. The myth of the Golden Age in the Renaissance. London, 1969.
- Lohe P. Datierung der «Disputationes Camaldulenses» des Cristoforo Landino // *Rinascimento*. Seconda serie. 1969. Vol. IX. P. 291-299.
- Lohe P. Introduzione // *Landino Chr. Disputationes Camaldulenses*. A cura di P. Lohe. Firenze, 1980. P. IX-XXXVIII.
- Lupton J.H. A life of John Colet. London, 1909 (1 изд. – 1887).
- Magnard P. Platon pour disposer au christianisme // *MFRP*. P. 195-203.
- Maïer I. Ange Politien. La formation d'un poète-humaniste (1469-1480). Genève, 1966.
- Manuel F.E. The Golden Age: A mythic prehistory for Western Europe // *Manuel F.E. Freedom from history and other untimely essays*. London; New York, 1972. P. 69-88.

- Marcel R. Les découvertes d'Erasmus en Angleterre // *Mélanges Renaudet*. Genève, 1952. P. 117-126.
- Marcel R. Introduction // Ficin M. *Commentaire sur le Banquet de Platon*. Ed. par R. Marcel. Paris, 1956.
- Marcel R. Marsile Ficin (1433-1499). Paris, 1958.
- Margolin J.-C. Du «De amore» de Ficin à la «Delie» de Scève: lumière, amour et beauté // *MFRP*. P. 587-614.
- Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti, stampe e documenti, 17 maggio-16 giugno 1984. Catalogo. Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984.
- Masai Fr. Plethon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956.
- Maylender M. Storia delle accademie d'Italia. Bologna, 1925-1930. Vol. I-V.
- Miles L. John Colet and the Platonic tradition. London, 1961.
- Niccolini E. Prefazione // Valori N. *Vita di Lorenzo de' Medici*. A cura di E. Niccolini. Vicenza, 1991.
- O'Malley J.W. Giles of Viterbo on Church and Reform. A study in Renaissance thought. Leiden, 1968.
- Michel P.H. Un idéal humain au XVe siècle. La pensée de L.B. Alberti. Paris, 1930.
- Panofsky E. *Studies in iconology. Humanistic themes in the art of the Renaissance*. New York, 1972 (1 изд. – 1939).
- [Panofsky E.] Панофски Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009 (1 изд. – 1939).
- [Panofsky E.] Панофски Э. Ренессанс и ренессансы в искусстве Запада. М., 1998 (1 изд. 1960 г.).
- [Panofsky E.] Панофски Э. *Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма*. СПб., 1999 (1 изд. – 1924).
- Paparelli G. *Feritas, humanitas, divinitas. L'essenza umanistica del Rinascimento*. Napoli, 1973.
- Patch H. *The Goddess Fortuna in Mediaeval literature*. London, 1967.
- Paulys *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1950. Bd. XL.
- Petrucci A. *Accolti Benedetto* // *DBI*. Vol. 1. P. 99-101.
- Pfister A. *Die wirtschaftsethik Antonins von Florenz (1389-1459)*. Freiburg in der Schweiz, 1946.
- Picotti G.B. *Anedotti Polizianeschi* // *Miscellanea di studi in onore di Pio Carlo Faletti*. Modena, 1914. P. 433-449.

- Il Poliziano e il suo tempo. Atti del IV congresso internazionale di studi sul Rinascimento. Firenze, 1957
- Ponte G. Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1991.
- Purnell Fr. The Theme of Philosophic Concord and the Sources of Ficino's Platonism // MFRP. T. II. P. 398-401.
- Radetti G. Demoni e sogni nella critica di Callimaco Esperiente al Ficino // Umanesimo e esoterismo. Padova, 1960. P. 111-121.
- Renaudet A. Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie (1494-1517). Paris, 1916.
- Ristori R. Colucci // DBI. Vol. XXVII. P. 494-498.
- Rochon A. La jeunesse de Laurent de Medicis (1449-1478). Clermont-Ferrand, 1963.
- Roscoe Th. The life of Lorenzo de' Medici called the Magnificent. London, 1872.
- Ross J. Lives of the Early Medici as Told in Their Correspondence. London, 1910.
- Rossi V. Il Quattrocento. Milano, 1973 (1 изд. – 1898 г.).
- Rotondò A. Nicolò Tignosi da Foligno (Polemiche aristoteliche di un maestro del Ficino) // Rinascimento. 1958. Vol. IX. N 2. P. 217-255.
- Saffrey H.D. Sur la tradition manuscrite de la Théologie platonicienne de Proclus // Autour d'Aristote. Recueil d'études de philosophie ancienne et médiévale offert à monseigneur A. Mansion. Louvain, 1955. P. 387-430.
- Saffrey H.D. Notes platoniciennes de Marsile Ficin dans un manuscrit de Proclus // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1959. Vol. XXI. N 1. P. 161-184.
- Saffrey H.D. Pietro Balbi et la première traduction latine de la «Théologie platonicienne» de Proclus // Miscellanea codicologica F. Masai dicata. Ghent, 1979. Vol. II. P. 425-437.
- Saffrey H.D. Pietro Balbi et le première traduction latine de Proclus // Miscellanea codicologica F. Masai dicata. Ghent, 1979. Vol. II. P. 425-437.
- Saffrey H.D. Florence, 1492: The reappearance of Plotinus // RQ. 1996. Vol. XLIX. N 3. P. 488-508.
- Saitta G. La rivendicazione d'Epicuro nell'umanesimo // Filosofia italiana e umanesimo. Venezia, 1922. P. 55-82.
- Saitta G. Marsilio Ficino e la filosofia dell'umanesimo (1-е изд. – 1923). Bologna, 1954.

- Sanesi E. Vicari e canonici fiorentini e il caso di Savonarola. Firenze, 1932.
- Santinello G. Leon Battista Alberti. Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962.
- Santini E. Firenze e i suoi «oratori» nel Quattrocento. Milano, 1922.
- Santini E. La protestatio di justitia nella Firenze Medicea del secolo XV // Rinascimento. 1959. Vol. X. N 1. P. 36-106.
- Schevill F. The Medici. New York, 1949.
- Schiavone M. Problemi filosofici in Marsilio Ficino. Milano, 1957.
- Schmitt Ch.B. Perennial Philosophy: from Agostino Steuco to Leibniz // JHI. 1966. Vol. XXVII. N 4. P. 507-511.
- Schmitt Ch. B. Priscianus Lydus // Catalogus Translationum et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides. Washington, 1976. Vol. III. P. 75-80.
- Schultze F. Georgios Gemistos Pleton und seine reformatorische Bestrebungen. Jena, 1871. Th.I.
- Seebohm Fr. The Oxford reformers. John Colet, Erasmus and Thomas More. London, 1869.
- Semprini G. La filosofia di Pico della Mirandola. Milano, 1936.
- Sensi M. Niccolò Tignosi da Foligno, l'opera e il pensiero // Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università degli studi di Perugia. 1971-1972. Vol. IX. P. 359-495.
- Sheppard A. The influence of Hermias on Marsilio Ficino's doctrine of inspiration // JWCI. 1980. Vol. XLIII. P. 97-109.
- Sieveking K. Die Geschichte der Platonischen Akademie zu Florenz. Göttingen, 1812.
- Signorelli G. Il cardinale Egidio da Viterbo, agostiniano, umanista e riformatore (1469-1532). Firenze, 1929.
- Steel C.G. The changing self. A study on the soul in Later Neoplatonism: Iamblichus, Damascus and Priscianus. Brussel, 1978.
- Surtz E. The praise of pleasure: philosophy, education and communism in More's Utopia. Cambridge (Mass.), 1957.
- Tambrun B. Marsile Ficin et le Commentaire de Pléthon sur les «Oracles Chaldaïques» // Accademia. 1999. Vol. I. P. 9-48.
- Tarabochia Canavero A. S. Agostino nella teologia platonica di Marsilio Ficino // Rivista di filosofia neo-scolastica. 1978. Vol. LXX. Fasc. IV. P. 626-646.
- Tateo F. Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1981.

- Thesleff H. An Introduction to the Pythagorean writings of the Hellenistic period. Abo, 1961.
- Thesleff H. The Pythagorean texts of the Hellenistic period. Abo, 1965.
- Thorndike L. A history of magic and experimental science. New York, 1934. Vol. IV.
- Tigerstedt E.N. The decline and fall of the Neoplatonic interpretation of Plato. Helsinki, 1974.
- Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana. Firenze, 1807. T. VI. Pt. 1.
- Trenti L. «Nihil dictum quin prius dictum». La fenomenologia sentenziosa in Leon Battista Alberti // Quaderni di retorica e poetica. 1986. N 2. P. 51-62.
- Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in Italian Humanist thought. Chicago, 1970. Vol. I-II.
- Trinkaus Ch. Marsilio Ficino and the ideal of human autonomy // MFRP. Vol. I. P. 197-210.
- Uzielli G. La vita e i tempi di Paolo dal Pozzo Toscanelli. Roma, 1894.
- Uzielli G. Filippo Buonaccorsi, Callimaco Esperiente di San Gimignano // Miscellanea storica della Valdelsa. 1898. Vol. VI. P. 114-136; 1899. Vol. VII. P. 81-112.
- Vasoli C. Bandini Francesco // DBI. 1963. Vol. V. P. 709-710.
- Vasoli C. Note sul volgarizzamento ficiniano della «Monarchia» // Miscellanea di studi in onore di Vittore Branca. Vol. III. Pt. II. Umanesimo e Rinascimento a Firenze e Venezia. Firenze, 1983. P. 451-474.
- Vasoli C. Marsilio Ficino // DBI. 1997. Vol. XLVII. P. 378-395.
- Vasoli C. Sugli inizi della fortuna di Ficino in Francia: Germain et Jean de Ganay // Les cahiers de l'humanisme. Vol. II. Marsile Ficin ou les mysteres platoniciens. Actes du XLII Colloque international d'Etudes Humanistes. Tours, 1999. P. 299-312.
- Vasoli C. Quasi sit deus. Studi di Marsilio Ficino. Lecce, 1999.
- Verde A. F. Lo studio fiorentino, 1473-1503: Ricerche e documenti. Firenze, 1985. Vol. IV. T. I.
- Veit W. Studien zur Geschichte des Topos der Goldenen Zeit von der Antike bis zum 18. Jahrhunderts. Köln, 1961.
- Viti P. Documenti ignoti per la biografia di Marsilio Ficino // MFRP. Vol. I. P. 251-283.
- Wadsworth J.B. Landino's «Disputationes camaldulenses», Ficino's «De felicitate» and «L'Altercazione» of Lorenzo de' Medici // Modern Philology. 1952. Vol. L. N 1. P. 23-31.

- Walker D.P. Orpheus the theologian and Renaissance Platonism // JWCI. 1953. Vol. XVI. N 1-2. P. 100-120.
- Walker D.P. Le chant orphique de Marsile Ficin // Musique et poésie au XVI-e siècle. Paris, 1954. P. 17-33.
- Walker D.P. The «Prisca Theologia» in France // JWCI. 1954. Vol. XVII. N 3-4. P. 203-259.
- Walker D.P. Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella. London, 1958.
- Walker D. P. The ancient theology. Studies in Christian Platonism from fifteenth to the eighteenth century. London, 1972.
- Walker D. P. Ficino and astrology // MFRP. P. 341-349.
- Walzel O. Von Plotin, Proklos und Ficinus // Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1941. Vol. XIX. S. 407-429.
- Warburg A. Gesammelte Schriften. Leipzig, 1932. Bd. I-II.
- Warden J. Orpheus and Ficino // Orpheus. The metamorphoses of a myth. Toronto; Buffalo; London, 1985. P. 85-110.
- Watkins R. The authorship of the «Vita Anonyma» of Battista Alberti // Studies in the Renaissance. 1957. N 4.
- Watkins R. Leon Battista Alberti in the mirror: an interpretation of the «Vita « with a new translation // Italian Quaterly. 1989. Vol. CXVII.
- Watts P. M. Pseudo-Dionysius the Areopagite and three Renaissance neoplatonists: Cusanus, Ficino and Pico on Mind and Cosmos // SFSHPOK. P. 279-298.
- Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970.
- Wind E. The Christian Democritus // Journal of the Warburg Institute. 1937. Vol. I. N 2. P. 180-182.
- Wind E. Pagan mysteries in the Renaissance. Oxford, 1980 (1 изд. – 1958 г.).
- Wind E. Platonic tyranny and the Renaissance Fortuna of Ficino's reading of Laws IV, 709a-712a // De artibus opuscula XL. Essays in honor of Erwin Panofsky. Ed M. Meiss. New York. 1961. P. 491-496.
- Wolters A.M. The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // MFRP. Vol. I. P. 305-329.
- Zeller W. Der Jurist und Humanist Martin Prenninger gen. Uranius (1450-1501). Tübingen, 1973.

- Акопян О. Л. Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI вв.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 57. 2016. С. 76–92.
- Акопян О. Л. Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 49. 2014. С. 66–88.
- Акопян О.Л. От scientia naturalis к борьбе против предсказаний: астрологические воззрения Джованни Пико делла Мирандола (1486-1493) // Валла: Историко-филологический журнал европейских исследований. Т. 2. № 1. 2016. С. 77–92.
- Акопян О.Л. Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем // Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии). М.; СПб., 2013. Т. 2. С. 320–340.
- Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988.
- Андреев М.Л. Лоренцо Медичи // История литературы Италии. М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 439-463.
- Арсеньев Н.С. Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения // ЖМНП. 1913. Ч. XLIII. С.23-56, 232-300.
- Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
- Баткин Л.М. К истолкованию итальянского Возрождения: антропология Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы // Из истории ренессансного искусства Запада. М., 1980. С. 31-70.
- Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Блонский П.П. Философия Плотина. М., 1918.
- Брагина Л.М. Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола // СВ. М., 1965. Вып. 28. С. 129-139.
- Брагина Л.М. Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины XV в. Кристофоро Ландино (по его трактату «Диспуты в Камальдоли») // Вестник Московского университета. 1965. Серия IX. N 5. С. 48-65.
- Брагина Л.М. Трактат «Об истинном благородстве» итальянского гуманиста XV в. Кристофоро Ландино // Вестник МГУ. 1969. Серия IX. N 5. С.82-92.

- Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977.
- Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
- Брагина Л.М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов XV в. // Средние века. М., 1984. Вып. 47. С. 46-71.
- Брагина Л.М. Эстетические идеи в итальянском гуманизме второй половины XV-начала XVI в. // Рафаэль и его время. М., 1986. С. 164-178.
- Брагина Л.М. Проблема нравственного идеала в этике Кристофоро Ландино // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 94-107.
- Брагина Л.М. Культурная жизнь Флоренции первой половины XV в. в оценке современников // СВ. М., 1997. Вып. 60. С. 324-332.
- Брагина Л.М. Флорентийская Платоновская Академия. Новое в организации научной жизни // Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 232-244.
- Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004.
- Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913 (1 изд. на итальянском языке – 1859-1861 гг.). Т. I-II.
- Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1897. Т. I-II.
- Головин В.П. Мир художника Раннего Возрождения. М., 2002.
- Горфункель А.Х. От «торжества Фомы» к «Афинской школе» // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 131-166.
- Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
- Горфункель А.Х. Poleмика вокруг античного наследия в культуре Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 6-19.
- Гращенко В.Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. М., 1996.
- Григорова О.Д. Божественное неистовство в письме Фичино к Перергину Аглии // ВРХГИ. 2001. Вып. IV. С. 273-283.
- Григорьева И.Л. Оксфордский гуманизм рубежа XV-XVI вв. и контакты с ним Эразма // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1980. С. 80-94.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва 19-21 мая 1936 г. М., 1999. С. 11-24.

- Гурьянов И.Г. Первая книга медико-астрологического трактата «О жизни» Марсилио Фичино в контексте исследований философии Возрождения // ПИ. 2015. Вып. III. С. 147-156.
- Гурьянов И.Г. История исследований философии Марсилио Фичино в XX в. в англо-саксонском интеллектуальном мире // Философия и культура. 2015. № 4. С. 553-562.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М., 1881 (Переизд. СПб., 1999) Т. III.
- Данилова И.Е. Брунеллески и Флоренция. Творческая личность в контексте ренессансной культуры. М., 1991.
- Данилова И.Е. Альберти и Флоренция. М., 1997.
- Девятайкина Н.И. Петрарка о достоинстве человека // СВ. 1981. Вып. 44. С. Девятайкина Н.И. Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.
- Забугин Вл. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914.
- Зубов В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX в. М., 1955.
- Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. СПб., 2001 [работа подготовлена в 1946 г.].
- Иванова Ю.В. Возрождение философии // История литературы Италии. М., 2007. Т. II. Кн. 1. С. 365-438.
- Иеромонах Дионисий (Шленов). Ареопагитики // ПЭ. Т. III. История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998.
- Йейтс Фр.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.).
- Карева В.В. Начало французской истории «Утопии» Томаса Мора: Г. Бюде – первый французский интерпретатор «Утопии» // ИСУ. М., 1982. С. 204-225.
- Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915.
- Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000.
- Кудрявцев О.Ф. Письмо Марсилио Фичино о Золотом веке // СВ. М., 1980. Вып. 43. С. 320-327.
- Кудрявцев О.Ф. Идея «общности» у Марсилио Фичино // ИСУ. М., 1982. С. 226-235.

Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуна в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 174-202.

Кудрявцев О.Ф. Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV-XVII веков и утопии // ИСУ. М., 1984. С. 220-240.

Кудрявцев О.Ф. Античные представления о фортуна в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 50-57.

Кудрявцев О.Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам: итальянские академии XV-XVII вв. // СВ. М., 1985. Вып. 48. С. 178-194.

Кудрявцев О.Ф. Эстетические искания гуманистов круга Рафаэля // Рафаэль и его время. М., 1986. С. 179-198.

Кудрявцев О.Ф. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья (до Фомы Аквинского) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 76-86.

Кудрявцев О.Ф. гуманистический идеал общежития // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 67-77.

Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991.

Кудрявцев О.Ф. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира. 1989-1990. М., 1993. С. 46-63.

Кудрявцев О.Ф. Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в «Утопии» Томаса Мора // СВ. 1993. Вып. 56. С. 174-190; 1994. Вып. 57. С. 158-169.

Кудрявцев О.Ф. «Ученая религия» флорентийской Платоновской Академии // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 88-96.

Кудрявцев О.Ф. Реставрация платонизма и апологетика христианства. Творческая биография Марсилио Фичино // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 191-198.

Кудрявцев О.Ф. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 37-48.

Кудрявцев О.Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // Личность, идея, текст в культуре средневековья и Возрождения. Ивово, 2001. С. 84-92.

Кудрявцев О.Ф. «Множество мудрых – спасение миру». Антропология Шарля де Бовеля // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 187-192.

- Кудрявцев О.Ф. Власть культуры: Лоренцо Медичи и флорентийская Платоновская академия // Переходные эпохи в социальном измерении. М., 2002. С. 79-104.
- Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. СПб., 2017 (1 изд. на французском – Париж, 1984).
- Лазарев В.Н. Проблемы Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей» // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию академика В.П.Волгина. М., 1955. С. 130-140.
- Леон Баттиста Альберти. М., 1977.
- Липатов А.В. Буонаккорси Филиппо // КВЭ. Т. I. С. 258, 259.
- Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930.
- Лосев А.Ф. ИАЭ. Высокая классика. М., 1974.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
- Лосев А.Ф. ИАЭ. Поздний эллинизм. М., 1980.
- Лосев А.Ф. ИАЭ. Последние века. М., 1988. Кн. II.
- Лосев А.Ф. ИАЭ. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. I.
- Мацек И. Табор в гуситском революционном движении. М., 1959. Т. I-II.
- Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. Л., 1976.
- Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1-2.
- Монье Ф. Опыт литературной истории Италии. Кватроченто. СПб., 1904 (1 изд. на франц. яз. – Париж, 1901 г.).
- Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979.
- Новосадский Н.И. Орфические гимны. Варшава, 1900.
- Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978.
- Осиновский И.Н. Томас Мор в истории ренессансного гуманизма // Томас Мор, 1478-1978: Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981. С. 7-45.
- Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998 (1 изд. – 1944 г.).
- Панофски Э. Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб., 1999 (1 изд. – 1924 г.). С. 38-39.
- Петер И.Ю. «Пифагорейские золотые стихи» и «Комментарий» Гиерокла // Пифагорейские золотые стихи с комментарием Гиерокла. М., 2000. С. 127-150.

Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях Марсилио Фичино // Исторические известия. 1917. № 2. С. 91-111.

Пузино И. Религиозные искания в эпоху Возрождения. Вып. I. Марсилио Фичино. Berlin, 1923.

Ревякина Н.В. Миф о Геракле в толкованиях гуманиста Салютати. Бахрушинские чтения. Вып. III. Вопросы всеобщей истории. Новосибирск, 1973. С. 36-47.

Ревякина Н.В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джаноццо Манетти // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 245-275.

Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в. М., 1977.

Ревякина Н.В. Творческий путь Лоренцо Валлы и его философское наследие // Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 5-64.

Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.

Ревякина Н.В. Человек и мир в трактате Джанноццо Манетти // Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека / Составитель Н.В. Ревякина. М., 2014. С. 3-23.

Садов А. Виссарион Никейский, его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883.

Смирнова Т.И. Переписка Каллимаха Эспериенте с Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 1. С. 18-28.

Софронова Л.В. Проблема интеллекта-воли в переписке Д. Колета и М. Фичино // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Белгород, 2002. Ч. I. С. 96-103.

Софронова Л.В. Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М., 2016.

Тахо-Годи А.А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988. С. 5-55.

Трофимова М.К. К пониманию «утопии» Ямбула у Диодора Сицилийского // ИСУ. М., 1982. С. 236-251.

Фойгт Г. Возрождение классической древности, или первый век гуманизма. М., 1884-1885. Т. I-II.

Хаванова О.В. Варади Петер // КВЭ. Т. I. С. 290, 291.

- Хлодовский Р.И. Анджело Полициано // История всемирной литературы. М., 1985. С. 104-108.
- Черняк И.Х. Итальянский гуманизм и богословие во второй половине XV века // Актуальные проблемы изучения истории религии. Л., 1976. С. 86-100.
- Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1976. С. 50-64.
- Черняк И.Х. Poleмика между Филиппом Каллимахом и Марсилио Фичино // Гуманизм и религия. Л., 1980. С. 93-106.
- Черняк И.Х. Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 27-40.
- Черняк И.Х. Термин *humanitas* у Фичино // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 89-94.
- Чернышов Ю.Г. О возникновении понятия «золотой век» // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 124-132.
- Чернышов Ю.Г. Характерные черты греческой социальной утопии // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 3-21.
- Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000.
- Эненкель К. Происхождение ренессансного идеала «*uomo universale*»: «Автобиография» Леона Баттиста Альберти // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 79-86.
- Юсим М.А. Семейство Тедалди и его связи с Россией // Россия и Италия. М., 1993. С. 84-95.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВРХГИ – Вестник русского христианского гуманитарного института.
СПб.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ИАЭ – История античной эстетики

ИСУ – История социалистических учений.

ПИ – Платоновские исследования.

ПЭ – Православная энциклопедия

СВ – Средние века.

Catalogo – Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti, stampe e documenti, 17 maggio-16 giugno 1984. Catalogo. Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984.

CH – Corpus hermeticum. Ed. par A.D. Nock, A.-J. Festugière. Paris, 1945. T. I-II.

CPOF – Catalogus primus operum Ficini // SF / Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1937. Vol. I. P. 1.

CSOF – Catalogus secundus operum Ficini // Ibid. Vol. I. P. 2.

CTOF – Catalogus tertius operum Ficini // Ibid. Vol. I. P. 2-4.

DBI – Dizionario biografico degli italiani.

GCFI – Giornale critico della filosofia italiana.

GSLI – Giornale storico della letteratura italiana.

JHI – Journal of the History of Ideas.

JMRS – Journal of Medieval and Renaissance studies.

JWCI – Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.

LCL – Loeb classical library

MFRP – Marsilio Ficino e il ritorno del Platone. Studi e documenti. A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1-2.

MFTPL – Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy. Ed. by M.J.B. Allen, V. Rees. Leiden; Boston; Köln, 2002.

Op. om. – Opera omnia Marsilii Ficini. Basileae, 1576. Vol. 1-2.

PL – Patrologiae cursus completus. Series latina.

PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca.

RLI – La rassegna della letteratura italiana

RQ – Renaissance Quarterly.

SF – Supplementum Ficinianum. Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1937.
Vol. 1-2.

SFSHPOK – Supplementum festivum. Studies in honor of Paul Oscar
Kristeller. Ed. by J. Hankins, J. Monfasani, Fr. Purnell. New York, 1987.

SR – Studies in the Renaissance.

SRTL – Kristeller P.O. Studies in Renaissance thought and letters. Roma,
1969.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдалла** Сарацин 287
Абрам еврей 153
Август 385
Августин Аврелий 75, 76, 88, 122, 325, 342, 343, 346, 353, 354
Аверроэс (Ибн Рушд) 149, 281, 286
Авл Геллий 156, 330, 366, 367, 446
Авраам 343
Аглаофем 53, 178, 192, 336, 337, 341, 344
Агриппа Генрих Корнелий Неттесгеймский 21
Аккольти Бенедетто 59, 137, 138, 144, 147, 232, 249, 264, 265, 266, 393, 441
Александр Афродизийский 281
Александр Македонский 334
Алкиной. См.: Альбин
Акопян О.Л. 23, 102, 277, 297, 408, 423, 424
Аллен М. См.: Allen M.
Алонсо де Паленсия 392, 441
Алриани Марчелло 114
Альберти Леон Баттиста 47, 70, 137, 138, 144, 148, 149, 234, 249, 250-260, 264, 390, 431, 439, 462, 463, 471
Альбертс П. 23
Альбертино Мусато 380
Альбин 55, 56, 58, 96, 152, 201, 239, 299, 300
Альбицци Алессандро 139
Альи Антоний 33, 137, 189, 190, 221, 243, 266, 267, 354, 469
Альи Пеллегрини дельи 38, 137, 144, 260, 345
Альфонс Арагонский 219
Альфонс Мудрый 411
Амманати Иаков 182, 217
Амелий 129
Амусин И.Д. 373
Амфион 264, 272
Анаксарх - 334

- Анджелико фра 389
 Анджельери Риккардо 177
 Андреев М.Л. 268, 431
 Андроноу И.Е. 23
 Антикварио Якопо 65, 388, 421
 Антиопа 264
 Антонин Флорентийский 28, 42-44, 363, 364
 Антонио да Сан Миньято. См.: Серафико Антонио
 Апеллес 330
 Аполлон 67, 121, 157, 280
 Аполлоний Тианский 373
 Апулей 34
 Аргиропул Иоанн 45, 135, 145, 148, 184, 202, 204, 206, 269, 382, 390, 392, 441
 Ардуини Оливьеро 138, 158, 177
 Аретофил 262
 Аристипп 269, 270
 Аристобул 352
 Аристотель 32, 33, 75, 108, 184, 204, 212, 269, 279, 284, 285, 289, 349, 362, 365, 366, 433, 438
 Арнальд из Виллановы 97
 Арсеньев Н.С. 119, 141
 Артапан 343
 Архимед 330
 Архит из Тарента 330
 Атлас 342
 Аттаванти Павел 292
 Аттик Деметрий 158
 Ауриспа Джованни 47, 49, 74
 Афинагор 103, 194, 309
 Аччайуоли Дзаноби 42, 132
 Аччайуоли Донато 125, 148, 166, 167, 250, 382, 392, 440, 441
 Аччайуоли Зеновий 43
 Аччайуоли Пьеро 148
- Бальб** Петр 75, 344
 Банделло Винцент. См.: Badellus V.
 Бандини Анджело Мариа. См.: Bandini A.M.
 Бандини Франческо 65, 67, 76, 85, 90, 92, 93, 137, 156, 157, 172, 175, 204,

246, 295, 422, 443
Барбаро Эрмолао 99, 222, 244, 279
Баренбойм П.Д. 11
Барон Г. См.: Varon H.
Баткин Л.М. 18, 278, 288, 322, 326, 329, 446
Батори Николай 83, 246, 295
Бекки Джентиле 203
Бембо Бернардо 85, 132, 140, 156, 158, 170, 340, 402, 437, 459
Бенивьени Джироламо 140, 153, 276, 284, 286, 357, 418
Бенчи Америго 57, 137, 232, 442
Бенчи Джованни 233
Бенчи Томмазо 137, 239, 442
Бернард Клервосский 433
Берлингьери Франческо 131, 1321, 139, 166, 178, 204, 244, 359, 360
Биббиена Бьяджо да 139
Бибихин В.В. 319
Биджи Э. См.: Bigi E.
Билиотти Агостино 138
Бистиччи Веспасиано да. См.: Веспасиано да Бистиччи
Блонский П.П. 401
Блэк Р. См.: Black R.
Бовель Шарль 306, 326
Боккаччо Джованни 274, 347, 376, 379, 380
Бонинконтри Лоренцо 138
Бонинсенъи Джован Баттиста 65, 86, 138, 158
Боратынский 426
Бородай Т.Ю. 319
Борси Алессандро 139
Боттичелли Алессандро 229, 395, 464
Боэций 34, 433
Брагина Л.М. 18, 23, 119, 151, 186, 249, 253, 256, 258, 262, 286, 288, 326, 335, 382, 385, 435, 438-440, 457
Брандолини Аурелио Липпи 386
Бранка В. См.: Branca V.
Браччези Алессандро 166
Браччолини Поджо 39, 124, 125, 131, 133, 156, 176, 265, 390
Браччолини Якопо ди Поджо 67, 140, 173, 215, 242, 318
Брунеллески Филиппо 161, 389
Бруни Леонардо Аретино 33, 37, 55, 62, 133, 183, 362, 364, 380, 382, 390

Бруно Джордано 21, 306, 342
Брюсов В. 430
Буллард М.М. См.: Bullard M.M.
Буонаккорси Филиппо. См.: Каллимах Римский
Бурдах К. 378
Бурламакки Пацифико 116
Буридан Жан 362, 363
Бьондо Джироламо 111
Бюде Гийом 368
Бэкон Роджер 97, 354, 401

Вазари Джорджо 395
Вазоли Ч. См.: Vasoli C.
Ваинд Э. См.: Wind E.
Валгули Карло 446
Валерий Римлянин 361
Валерий Соран 339
Валла Лоренцо 40, 380, 390
Валори Бартоломео 137, 144, 232, 235
Валори Никколò, друг Фичино 110, 122, 139, 225, 236, 237
Валори Никколò, биограф Лоренцо Медичи 117, 206, 212
Валори Филиппо 34, 56, 64, 65, 69, 92, 95-99, 107, 108, 128, 131, 139, 152, 186, 209, 224, 235, 237, 247, 259, 264, 283, 285, 296, 297, 443
Ванни Пьеро 177, 428
Варади Янош. См.: Панноний Иоанн
Варбург А. См.: Warburg A.
Варрон Марк 156, 339
Венето Лоренцо Франческо 65, 110
Венера 280, 330, 413-419, 455
Венециано Доменико 389
Вергилий Марон Публий 258, 260, 261, 376, 377, 437
Вересаев В. 375
Верино Уголино 385
Веспасиано да Бистиччи 30, 145, 189-191, 245, 399
Веспуччи Георгий Антон 65, 86, 114, 138, 150
Веттори Бернардо
Веттори Франческо. См.: Vettori Fr.
Вивес Хуан Луис 326
Виллани Филиппо 379, 380

Виллани Джованни 381
Виллари П. 116, 182
Вильгельм из Мёрбеке 47, 62, 183
Вильгельм Сицилиец 153
Виссарион Никейский 62, 72, 74, 95, 131, 134, 166, 240, 289, 351, 352, 392
Вити П. См.: Viti P.
Витторино да Фельтре 124-126
Водолей 282

Гаген Роберт 125, 304, 305
Гадди Таддео 389
Гадди Франческо 139, 422
Гален 184
Галетти Доменико 137, 177, 428
Ганэ Герман де 50, 104, 105, 109, 291, 306-310
Ганэ Жан 308
Гаразда Петр 294
Гарэн Э. См.: Garin E.
Гаспари А. 76, 355
Гаспаров М.Л. 56, 68, 122, 429
Гаццольдо Ипполити Джованни Франческо граф 84, 85, 172, 173, 359, 402
Гварино да Верона 62
Гварнерио Франческо 134
Гвиччардини Джованни 139
Гвиччардини Пьеро 98, 139
Гвиччардини Якопо 85, 169
Генкель Г.Г. 373
Генрих Аристипп 62, 183
Георгий Трапезундский 62, 183, 349, 351
Геракл 271, 273
Гераклит 177-179
Гермес (Меркурий) Трисмегист 36, 46, 51-55, 58, 71, 78, 192, 233, 262, 263, 267, 274, 287, 322, 323, 334, 336, 341-346, 398, 468
Гермий Александрийский 48, 49, 96
Гермипп 352
Гесиод 46, 49, 191, 274, 374
Гиберти Лоренцо 381, 389
Гигин 264

Гиерокл 47, 70
 Гилдуин 100
 Гирландайо Доменико 141
 Гладков А.К. 23
 Голенищев-Кутузов Н.Н. 26
 Головин В.П. 440
 Гомер 46, 191, 264, 268-270, 274, 379, 383
 Гораций 258, 260
 Горенштейн В.О. 124, 155
 Горфункель А.Х. 15, 18, 42, 67, 119, 156, 204, 288, 331, 342, 356, 357, 416, 449, 450, 458
 Гращенков В.Н. 249, 394
 Григорова О.Д. 38, 329, 457
 Григорьева И.А. 313
 Грифолини Франческо ди Мариотто 393
 Гроссетест Роберт 100
 Гроцин Уильям 310-312
 Гуго Сен-Викторский 100
 Гуревич А.Я. 20-22
 Гурьянов И.Г. 96, 98

Даль В. 452
 Давид 287
 Дамиан Св. 124, 198
 д'Англиари Риккардо Анджеллеро
 Данилова И.Е. 161
 Дасье К. 23
 Данте Алигьери 26, 61, 80, 147, 229, 238, 258, 260, 261, 317, 378, 386, 433
 Десяткина Н.И. 327
 Дедал 329
 Делла Торре А. См.: Della Torre A.
 Деметра 128
 Демокрит 41, 177, 178
 Дечембрио Пьетро Кандидо 33, 55, 62, 183
 Дечембрио Уберто 55, 62, 183
 Джентиле С. См.: Gentile S.
 Джери д'Ареццо 380
 Джиневра 233
 Джованни Мартини да Сан Джиминьяно 234, 433

Джотто 379, 381, 389
Джустиниани Анджело 176
Джюньи Бернардо 59, 147, 232, 265
Дидим 343
Дини Пьеро ди Антонио 30
Диоген Лаэртский 39, 47, 55, 58, 67, 68, 122, 123, 335, 346, 348, 365, 429
Диодор Сицилийский 346, 347, 372,
Дион 123
Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий) 99, 100, 101, 102, 104, 106, 109,
114, 228, 306, 307, 335, 354
Диотима 453, 463
Диотифечи д'Аньоло ди Джусто 27, 175, 214
Додона 350
Дольфин Петр 163
Доминичи Иоанн 42, 356
Донателло 389
Донати Аламанно 131, 139, 161
Дорен А. См.: Doren A.
Достоевский 449
Дульци 245
Дьяччетто Франческо Каттани 139, 140
д'Этапль Жак Лефевр. См.: Лефевр д'Этапль Жак
Дюканж 371

Евгений IV 28
Евмолп 339, 348, 350
Евридика 128
Еврипид 365, 366
Евсевий Памфил 343, 346, 352, 353, 374
Елизарова М.М. 373
Енох 343
Епифанио Грегорио 189

Жижка Ян 371

Забугин Вл. 314
Залмоксид 346
Зарецкий Ю.П. 23
Зевксид 330

Зенон 129

Зет 264

Зороастр 50, 51, 54, 71, 78, 263, 274, 336, 340, 341, 343, 346, 347, 348, 350, 468

Зубов В.П. 40, 249, 253, 254, 462

Ивани Антонио 355

Иванова Ю.В. 54, 120

Иеромонах Дионисий (Шленов) 100

Иероним 365

Иерофей 306, 354

Икар 329

Иларий из Пуатье 335

Илья еврей 153

Иннокентий III 327

Иннокентий VIII 99, 281

Иоанн евангелист 76, 129, 306, 354

Иоанн-Антон Кампанский 69, 132

Иоанн Арагонский 170, 244, 416

Иоанн Златоуст 393

Иоанн Скот Эриугена 100, 288, 319

Иолай 273

Иосиф Флавий 373

Ипполит Римский 373

Исида 346, 347

Йейтс Фр. См.: Yates F. A.

Кавальканти Гвидо 238

Кавальканти Джованни 68, 80, 83, 84, 123, 131, 149, 150, 156, 158, 166, 174, 238, 389, 415, 419, 422, 427, 428, 436, 445, 448, 462

Каллимах из Александрии 238

Каллимах Римский 132, 314, 315, 316, 432

Каллиопа 344

Кальдерино Антонио 91, 137

Камбини Андреа 177

Кампанелла Томмазо 21

Камерино Джованни Витторе де 153

Кампано Иоанн Антон 69, 131, 132, 241

Кампаньи Пьеро 139
 Каначчи Джованни 99, 131, 139, 154
 Каниджани Антонио 38, 131, 137, 142, 143, 148, 438, 439, 440
 Каниджани Бернардо 99, 139
 Каниджани Джованни 142
 Кантиано Иеронимо 245
 Капелла Феб 84, 103
 Капнион. См.: Рейхлин Иоганн
 Капонсакки 28, 29, 31, 264, 265
 Каппони Бернардо 170
 Каппони Франческо 74, 142
 Кардуччи Аньоло 139
 Кардуччи Филиппо 131, 139, 170
 Карева В.В. 368
 Карл VIII 291, 308
 Карсавин Л.П. 435
 Кассарино 62, 183
 Кассирер Э. См.: Cassirer E.
 Кастельно А. См.: Castelnau A.
 Кастильоне Б. 465
 Кастильоне Франческо да 45, 125
 Кварквалъи Керубино 61, 133, 137, 177, 428
 Келлини Джованни 29
 Кент Д. См.: Kent D.
 Керн О. 344
 Керубино, брат Фичино 113
 Кирилл 352
 Кланицай Т. См.: Klaniczay T.
 Климент Александрийский 346, 353, 365, 373
 Клихтове Йозеф 125
 Кокки Джованни 131
 Колет Иоанн 113, 310, 311, 313
 Колюччи Бенедетто 131, 165-168, 175, 263
 Команди Командо Симоне 28, 137
 Кольпар С. 23
 Корвин. См.: Матвей Корвин
 Корси Андреа 139
 Корси Иоанн (Cursius J.) 25-28, 34, 44, 79, 80, 87, 112, 115, 147, 149, 153-155, 159, 164, 185-190, 201, 220, 222, 241, 277, 283, 285, 296

Корсини Америго 99, 131, 139, 172
Косма Св. 124, 198
Креши Мильоре 60, 131, 202
Кристеллер П.О. См.: Kristeller P.O.
Критий 129
Кронико Антоний 158
Кронос. См.: Сатурн
Ксенократ 58, 96, 123, 146, 184, 196
Кудрявцев О.Ф. 38-43, 52, 54, 70-73, 78, 119, 140, 151, 178, 186, 188, 206,
208, 234, 256, 288, 289, 304, 306, 309, 314, 319, 321, 322, 326, 335, 338,
340, 357, 358, 360, 361, 376, 392, 421, 433, 435, 439, 452, 465
Кулиану Й.П. 287, 422

Лазарев В.Н. 381
Лактанций 35, 342
Ландино Кристофоро 35, 65, 66, 70, 118, 122, 137, 138, 144, 148, 150, 160,
167, 186, 201, 203, 249, 250-253, 258-265, 283, 383, 342, 469
Ланфредини Антонио 131, 139, 231
Лапо да Кастильонкио 134
Ласкарис Иоанн 102, 302, 444
Лаццарелли Лодовико 52
Лев Х. См.: Медичи Иоанн
Лентцен М. См.: Lentzen M.
Леонардо да Винчи 233, 464
Леонардо да Пистоя 52
Леоне Пьер 92
Лефевр д'Этапль Жак 52, 125, 305, 306, 354, 355
Лин 339, 347, 348
Линакр Томас 310, 311, 312
Липпи Лоренцо 62, 125, 137, 183
Липпи Филиппо фра 389
Лозинский М.М. 378
Лоран П. См.: Laurens P.
Лоренци Гвидон 163
Лосев А.Ф. 21, 47, 50, 116, 179, 288, 320, 339, 401, 450
Лука делла Роббиа 389
Лука ди Джиминьяно 28
Лукомский Л.Ю. 344, 361
Лукреций Кар Тит 39, 40-46, 123, 269-271, 302

Лупсет Томас 368
 Лучицкая С.И. 23
 Лэкнер Д.Ф. См.: Lackner D.F.
 Лэт Помпоний 134, 314

Магомет 349

Мажуга В. 67, 156, 204, 357, 416, 449
 Мазаччо 389
 Макиавелли Н. 20, 189
 Макробий 34
 Манетти Антонио ди Туччо 61, 69, 140, 147, 239
 Манетти Джаноццо 317, 327, 328, 390, 392, 440
 Мануций Альд 47, 94, 96, 113, 239
 Маргарита 280
 Марескалько Франческо 85, 402
 Мариотт 250
 Марс 280, 404, 413-418
 Марсель Р. См.: Marcel R.
 Марсуппини Карло 139, 166, 202, 390
 Мартелли Браччо 129, 130, 335
 Мартин Ураний. См.: Преннингер
 Марциал 257, 365, 366, 427
 Матвей Корвин 94, 97, 245, 246, 295, 297, 298
 Маффеи Тимотео 443
 Мацек И. 37
 Машанова Г.А. 14
 Медведев И.П. 347
 Медичи семейство 11, 141, 155, 163, 175, 180, 186, 207, 216-219, 226, 230, 231, 234
 Медичи Бернардо 139
 Медичи Джулиано 111, 136, 144, 148, 167, 170, 196, 217, 225, 250
 Медичи Джулиано Мариотто деи 280
 Медичи Иоанн 42, 96, 136, 222, 226-228, 431
 Медичи Лоренцо Великолепный 29, 47, 56, 62-70, 80-84, 92, 98, 106-108, 117, 124, 127, 136, 138, 144, 148-152, 156, 158, 170, 181-184, 202—227, 236, 247, 250, 257, 261, 262, 269, 270, 280-289, 297, 302, 310, 377, 383, 386, 395, 396, 399, 404, 417, 422, 427-431, 443-445, 459, 464, 465, 471
 Медичи Козимо Старый 25, 26, 44, 47-59, 63, 64, 70, 87, 88, 116-124, 130, 135, 136, 145, 146, 181, 184, 185, 189-207, 212, 213, 237, 248, 258, 259, 268,

385, 388, 399, 429, 441
 Медичи Лоренцо ди Пьерфранческо 141, 229, 417, 446
 Медичи Пьеро Подагрик 58-65, 80, 127, 136, 147, 159, 161, 190, 200, 202-207, 243, 252, 262, 265, 441
 Медичи Пьеро 93, 96, 101, 103, 128, 136, 152, 175, 201, 226-228, 308, 404
 Меламп 339
 Мелисс 129
 Менандр 365, 366
 Менкений 303
 Меркати Микеле 31, 32, 60, 137, 142, 143
 Меркурий Трисмегист. См.: Гермес Трисмегист
 Меркурий, планета 280
 Мехмед II 165, 356
 Мидас 429
 Микеланджело 229
 Микелоцци Бернардо 139
 Микелоцци Микелоццо 189
 Микелоцци Никколò 166, 212, 213
 Минербетти Томмазо 262, 429, 445
 Минос 350
 Мискомини Антонио 81
 Моисей 73, 129, 343, 346, 347, 353, 355
 Монтефельтро Гвидобальдо 303? 391
 Монтефельтро Федерико 78, 134, 244, 338, 384, 390, 393
 Монье Филипп 14, 118, 195, 285, 385
 Мор Томас 312, 313, 362, 368, 374
 Музано Франческо 177
 Муратов П. 10
 Мусей 339, 343, 347, 348
 Муссато Альбертино 380

Нальдо Нальди 27, 28, 137, 143, 158, 166, 167, 385, 386
 Науклер Людвиг 298
 Недович Д.С. 178
 Неи Джованни 139
 Немилов А.Н. 299
 Неро Бернардо дель 61, 69, 81, 84, 140, 239, 240
 Неро Пьеро дель 98, 103, 131, 139, 147, 239, 240
 Неро Франческо дель 233

Нерони Диетисальви 220
 Николай де Мирабилибус 153, 158, 387
 Никколини Анджело 232
 Никколини Иоанн 72, 74, 122, 133, 244
 Никколини Оттоне 59, 232, 264
 Никколò Никколи 30, 88, 124
 Никогосян М.Н. 23
 Николай Кузанский 75, 267, 288, 317, 319, 323, 357
 Новосадскийи Н.И. 50
 Ной 343
 Нума Помпилий 339
 Нумений из Апамеи 73, 129, 306, 352-354
 Нуцци Бернардо 137, 150

Овидий Назон Публий 176
 Ориген 281, 352, 353, 373
 Орландини Павел 128, 154, 163
 Орсини Ринальд 417
 Орфей 46, 49, 50, 53, 54, 71, 78, 128, 152, 191, 192, 271, 274, 309, 316, 336, 339, 341-348, 442, 468
 Осиновский И.Н. 310, 368
 Озирис 346, 347

Павел апостол 84, 99, 112-114, 164, 306, 313, 354
 Павел II 267, 314
 Павел Аттаванти 292
 Павел Миддельбургский 66, 303, 391, 392, 393
 Павсаний 264
 Пальмиери Маттео 28, 186, 261, 380, 381, 385, 389, 391, 440
 Панноний Иоанн 40, 46, 49, 51, 55, 77-79, 89, 90, 267, 293, 294, 337, 339, 341, 392, 398
 Панноний Ян 63, 69, 294, 295
 Панормита 194
 Панофски Э. См.: Panofsky E.
 Паоло из Венеции 30
 Паоло Эмили 308
 Паренти Пьеро 139, 250
 Паренти Марко 148, 167, 250
 Парменид 129, 350

Паскаль 24
 Патрици Франческо да Сиена 347
 Патрици Франческо да Керсо 21
 Пацци Антонио 232, 443
 Пацци Пьеро 29, 30, 41, 59, 137, 144, 147, 185, 217, 231-235, 265
 Пацци Ренато 232
 Пелотти Антонио 131
 Перотти Николай 62, 134
 Персефона 128
 Персий 258
 Петер И.Ю. 47
 Петр Гаразда 294
 Петрарка Франческо 230, 258, 317, 378-380, 385, 394, 433
 Петровский Ф.А. 178, 256, 376, 437
 Пизано Лоренцо 33, 266, 462
 Пикколомини Франциск 68, 241
 Пикколомини Эней Сильвий 356, 370
 Пико делла Мирандола Джованни 47, 49, 87, 97, 105, 107, 109, 111, 136, 138, 152, 153, 158, 161, 162, 174, 222, 272, 275, 276, 282-291, 305, 309, 310, 315, 317, 325, 326, 357, 392, 402, 418, 422, 423, 424, 469
 Пико делла Мирандола Джованни-Франческо 291, 465
 Пиццинга Якопо 379
 Пифагор 45, 47, 53, 55, 71, 78, 152, 179, 192, 239, 266, 335, 336, 337-347, 350, 352, 355, 366, 368,
 Платина Бартоломео 45, 126, 138, 264, 360
 Платон 25-29, 32-50, 54-85, 101, 102, 105, 108, 110, 113, 116, 121-132, 135, 140-147, 155-162, 179, 192, 195, 196, 203-212, 229, 235-237, 245, 262-267, 270, 274-278, 284, 289, 295, 301-305, 313, 340-355, 360-368, 372, 375, 391, 394, 399, 406, 419, 436, 443, 451, 453-455, 466, 468, 470, 472
 Плиний Старший 373
 Плифон Георгий Гемист 25, 26, 50, 51, 54, 57, 130, 181-183, 188, 347-351
 Плотин 25, 53, 67, 87-95, 98, 100, 101, 105, 106, 109, 152, 153, 156, 161, 162, 181, 185, 208, 209, 225, 236, 247, 277, 278, 289, 290, 297, 298, 304-307, 320, 337, 341, 350, 354, 399, 401, 406, 408, 422, 444, 459, 460
 Плутарх 145, 346, 349, 350, 365
 Полидевк Джулио 30
 Полидор Вергилий 352
 Полициано Анджело 45, 47, 55, 65, 111, 132, 138, 152, 153, 158, 166, 174, 186, 204, 222, 228, 259, 268-274, 283, 289, 290, 291, 304, 309, 310, 345,

358, 383, 389, 425, 439, 469
 Помпоний Мела 372, 373
 Понтано Джованни 30, 134
 Понтано Томмазо 30
 Порфирий 47, 67, 68, 87, 89, 93, 95, 186, 202, 209, 227, 236, 286, 297, 307
 337, 343, 350
 Посидоний 58
 Пракситель 330
 Прискиан Лид 93-95, 208, 209, 236, 247, 272, 285, 297, 307
 Прендилаква Франческо 126
 Преннингер Мартин (Ураний) 26, 40, 45-47, 50, 86, 98, 101, 102, 106, 127,
 136, 154, 172, 191 208, 223, 127, 299, 359
 Прокл 45-49, 70, 74, 75, 89, 95,, 96, 1000, 129, 191, 209, 227, 236, 286, 289,
 300, 3-1, 302, 306, 337, 341, 344, 345, 348
 Псевдо-Окелл Луканский 49
 Пселл Михаил 50, 93, 95, 236, 247, 297, 307
 Птолемей 244, 409
 Пузино И.В. 98, 114, 119, 159, 162, 174, 187, 338, 341
 Пьер Леоне из Сполето 47, 48, 91, 95, 101, 138, 223, 280, 422
 Пьеро ди Антонио Дини 30
 Пьетрасанта Франческо 139

Рабата Матвей 139
 Рабинович Е.Г. 373
 Рафаэль Риарио 242, 292
 Ревякина Н.В. 18, 23, 40, 125, 322, 328, 331, 356, 446
 Рейхлин Дионисий 298, 301
 Рейхлин Иоганн 298, 299, 304
 Рерих Николай 11
 Риарио Рафаил 168, 215
 Рижский М.И. 326
 Риказоли Биндаччо 131, 139, 154, 156, 166
 Риккард из Ангиари 137, 158
 Ринуччини Аламанно 145, 148, 250, 384, 389-393
 Ринуччини Франческо 139, 167
 Ринуччо Аретино 47, 62, 183
 Риньери 220, 221
 Риччо Иероним 86, 4099
 Розати Джованни 139

Рокка Пьетро Гульельмо 215
Романо Валерио 225
Ромуальд Св. 250
Рондони Яков 76, 354
Росселли Козимо 141
Росси Витторио. См.: Rossi V.
Росси Иероним 111, 112, 117, 137
Рошон А. См.: Rochon A.
Ручеллаи Бернардо 64, 121, 140, 154, 234
Ручеллаи Джованни 140, 144, 234, 363, 364, 385, 432, 433-435
Ручеллаи Паоло 434
Рыкова Н.Я. 189

Савонарола Джироламо 114, 402, 422
Садов А. 352
Салиньяк Жан Матерон де 308
Саллюстий 433
Сальвиати Джорджо Бениньо 99
Сальвиати Роберто 281, 284, 357, 384-392, 418
Сальвиати Франциск 168, 217, 242
Сальвини Себастиано 138, 296
Салютати Лино Колюччо 133, 274, 356, 377, 380, 390
Самуил 128
Сандра 27
Санкониатон 343
Сарацин Абдалла. См.: Абдалла Сарацин
Сарацин Иоанн 100
Сатурн 278, 282, 375-377, 386, 388, 389, 399, 404, 411, 413-422
Саффри. См.: Saffrey H.D.
Себастиан священник 139
Селлинг Уильям 310
Сенека Луций Анней 433
Серафико Антонио 30, 31, 33, 41, 49, 137
Сикст IV 153, 219, 241, 388, 404
Симчич О. 23
Сивекинг Карл. См.: Sieveking K.
Синезий 93, 95, 209, 227, 236, 247, 297, 300, 307
Сириан 48, 70, 344
Скала Бартоломео 65, 167, 263

Скутариот Иоанн 88, 188
 Смыка О. 188
 Содерини Джованни Витторио 136
 Содерини Паоло Антонио 166
 Содерини Пьеро 98, 131, 139
 Содерини Франческо 92, 106
 Сократ 71, 143, 355, 368, 463
 Соран Валерий 339
 Софронио Антонио Цилиоло 71, 340
 Софронова Л.В. 313
 Спевсипп 55-58, 96, 152, 239
 Спонтоне 370
 Стецюра Т.Д. 23
 Строцци Филиппо 405

Т
 Таронян Г.А. 23, 330, 373
 Тахо-Годи А.А. 50
 Тедадьди Латтанцио 315
 Темистий 285
 Теон Смирнский 45, 48, 49
 Теофраст. См.: Феофраст
 Теренций 365
 Тимей 129, 350, 366
 Тиньози Никколò 29, 31, 32
 Тирабоски Джироламо 118
 Тициан 465
 Тоне Леонардо ди 233, 426
 Тортелли 390
 Тосканелли Паоло дель Поццо 399
 Траверсари Амвросий 39, 74, 75, 100, 135, 306, 335, 354, 390
 Тринкаус Ч. См.: Trinkaüs Ch.
 Трофим 339
 Трофимова М.К. 23, 372
 Трофоний 339
 Трушин Михаил 11
 Туск Леон 316

У
 Уголетто Таддео 238
 Уголино Баччо 137

Уколова В.И. 435
Уолкер Д.П. См.: Walker D.P.
Уолтерс А.М. См.: Wolters A. M.
Ураний. См.: Преннингер
Уциелли Густаво. См.: Uzielli G.

Фабиани Лука 92, 208
Фанни Петр 137
Феб 272, 283
Федерико да Монтефельтро. См.: Монтефельтро Федерико да
Феодорит Кирский 42
Феофраст 94, 366, 428, 429
Фердинанд Арагонский 219
Филд А. См.: Field A.
Филельфо Франческо 49, 62, 126, 183, 438, 444
Филолай 53, 192
Филон Александрийский 129, 288, 306, 319, 354, 373
Филострат Флавий 373, 384
Филотим 262
Фичино Марсилий 5-
Фичино Фичини 113
Фишер Роберт 312
Фладд Роберт 21,
Фойгт Г. 50
Фома Аквинский 42, 43, 76, 113, 354, 408, 462
Фонцио Бартоломео 152, 158, 270, 271, 386
Фортини Клементе 39
Франческино Лоренцо 435
Фубини Р. См.: Fubini R.
Фьорентино Никколò 141

Хаванова О.В. 40, 293
Халкидий 34, 62, 183
Халкондил Деметрий 33, 65, 138
Хам 343
Ханаан 343
Ханкинс Джеймс. См.: Hankins J.
Херварт Георг 303
Хлодовский Р.И. 268, 274

Хризолор Мануил 55, 62, 382
 Христос Иисус 105, 153, 313, 349, 355, 366-368, 412, 423, 424
 Хусти Й. См.: Huszti I.

Целлер В. См.: Zeller W.

Цицерон Марк Туллий 34, 62, 122, 124, 126, 155, 176, 183, 258, 326, 327, 342, 365, 366, 380, 433

Чези Федерико 21

Чези Франческо 124

Чекко д'Асколи 423, 433

Черниговский В.Б. 344

Чернышов Ю.Г. 376

Черняк И.Х. 18, 23, 40, 67, 76, 78, 156, 204, 313, 315, 337, 353, 354, 357, 398, 401, 416, 445, 446, 449

Черток Я.Л. 373

Чимабуэ 379, 389

Чинчо Романо 183

Шампье Симфориан 21, 52

Шастель А. См.: Chastel A.

Шедель Хартманн. См.: Schedel H.

Шеппард А. См.: Sheppard A.

Шервинский С. 376, 377

Шестаков В.П. 449

Шичалин Ю.А. 48, 56, 260, 343

Штекли А.Э. 23

Штреллер Иоганн 136, 247, 298, 301-304

Шульц Ю.Ф. 97

Эберхард Вюртенбергский герцог 103, 247, 301-303

Эбрео Фортуна 139

Эгидий из Витербо 91, 394

Элиа дель Медиго 286

Эмили Паоло 308

Эненкель К. 257

Эпикур 39, 43, 58, 270, 271

Эпиктет 433

Эразм Роттердамский 230, 313, 358, 365, 366, 367, 374

Эфрос А.М. 378

Ювенал 178, 258

Юлиан из ордена Св. Франциска 105

Юлиан Теург 50

Юлиан Халдеянин 50

Юний Франциск 296

Юпитер 121, 411, 413, 414, 416-418, 460

Юсим М.А. 23, 316, 405, 462

Юстин Мученик 346

Ямбул 372

Ямвлих 45-49, 58, 93, 95, 96, 101, 110, 113, 209, 226, 236, 278, 297-300,
306-309, 344, 345, 350, 354

Alexandrakis A. 459

Abel E. 78, 79, 89, 90, 94, 97, 153, 294-298, 388, 398, 400

Abel J. 387

Acciaiuoli Zenobius. См.: Аччайуоли Зеновий

Accolti Benedetto. См.: Аккольти Бенедетто

Aglaophemus. См.: Аглаофем

Alberti L.V. См.: Альберти Леон Баттиста

Allen H. M. 313

Allen M.J.B. 17, 48, 54, 75, 91, 94, 106, 108-110, 154, 160-163, 287, 289, 329, 336, 346, 347, 353, 354

Allen S. 39

Anagnine E. 275

Anichini G. 43

Argan G.C. 161

Aristoteles. См.: Аристотель

Augustinus. См.: Августин Аврелий

Aulus Gellius. См.: Авл Геллий

Averroes. См.: Аверроэс

Bandellus V. 210

Baldry H. C. 376

Bandini A.M. 117, 118, 383

Bandini Fr. См.: Бандини Франческо

Baron G. 275

Baron H. 63, 183, 290, 396, 402

Belloni G. 381

Benivieni Antonio 189

Benivieni Girolamo. См.: Бенивьени Джироламо

Berlingierius Fr. См.: Берлингьери Франческо

Bernardo. См.: Бернардо

Bertalot L. 63, 183

Berti E. 31

Bessarion. См.: Виссарион Никеийский

Bigi E. 268, 271, 377

Biliotti Agostino. См.: Билиотти Агостино

Biliotti Benedetto. См.: Билиотти Бенедетто

Biondi A. 98, 420

Bisticci V. da. См.: Бистиччи Веспасиано да

Black R. 264, 265, 393, 394

Bossaccio. См.: Боккаччо Дж.
 Bonardi C.M. 211
 Borinski K. 446
 Bracciolinus Poggius. См.: Браччолини Поджо
 Branca V. 62, 133, 271
 Bréhier E. 401
 Brod M. 299
 Brown A.M. 184, 441, 442
 Buck A. 151, 211, 344, 377
 Bullard M.M. 60, 194, 198, 202, 208, 212, 216, 222, 224, 402-405, 416, 420
 Buridanus J. См.: Буридан Жан
 Burlamacchi P. См.: Бурламакки Пацифико

Caccamo D. 314
 Callimachus Ph. См.: Каллимах Римский
 Caponsacchi. См.: Капонсакки
 Cardini R.A. 260, 261
 Carocci G. 189
 Cassirer E. 119, 275, 338, 357, 416
 Castelnau A. 116
 Cavalcanti G. См.: Кавальканти Джованни
 Celenza Chr. S. 71, 134
 Chastel A. 62, 63, 119, 124, 130, 141, 174, 183, 188, 194, 395, 412, 449, 455, 464, 465
 Chiti A. 165
 Cicero. См.: Цицерон Марк Туллий
 Clark J.R. 97, 99, 396, 406, 410, 416, 421
 Clemens Alexandrinus. См.: Климент Александрийский
 Colet (Coletus) John. См.: Колет Иоанн
 Collins A.B. 43
 Colucci Benedetto. См.: Колюччи Бенедетто
 Copenhaver B.P. 32, 36, 211, 408, 410, 442
 Corazzini F. 379
 Cursius J. См.: Корси Иоанн
 Cyrillus Alexandrinus

D'Addario A. 243, 266
 Dannenfeldt K.H. 50, 77, 347, 350
 Dante. См.: Данте

Davies J. 45, 201
 Davies M.C. 66
 Della Torre A. 14, 16, 28, 44, 66, 68, 76, 80, 81, 86, 92, 98, 99, 117, 118, 123-125, 133, 134, 138, 148, 157, 158, 162, 165, 174, 178, 182, 183, 201, 204, 205, 212, 219, 222, 224, 234, 253, 266-268, 297, 444
 Delphinus P. С.: Дольфин Петр
 Derrett M. 374
 Di Napoli G. 329
 Diodorus Siculus. См.: Диодор Сицилийский
 Dionysius Areopagita. См.: Дионисий Ареопагит (Псевдо-Дионисий)
 Dodds E.R. 376
 Domanski J. 314
 Dominici I. См.: Доминичи Иоанн
 Doren A. 435
 Dress W. 322, 329, 431
 Duhamel P.A. 313
 Dulles A. 275
 Duncan J. 374

Erasmus Roterdamus. См.: Эразм Роттердамский
 Eriugena. См.: Эриугена Иоанн Скот
 Euler W.A. 76, 114, 276, 290, 322, 341, 342
 Eusebius Pamphilus. См.: Евсевий Памфил

Faber Stapulensis I. См.: Лефевр д'Этапль Жак
 Fabro C. 43
 Federicus Urbini Dux. См.: Федерико да Монтефельтро
 Festugière J. 458, 459, 465
 Field A. 31, 33, 38, 43, 119, 160, 168, 191, 192, 243, 266, 392
 Filelfe Fr. См.: Филельфо Франческо
 Fogel I. 271
 Fontius B. См.: Фонцио Бартоломео
 Fossi F. 145, 392
 Fossius F. 384
 Franknói V. 153
 Frey K. 227
 Frugoni A. 165, 263
 Fubini R. 68, 210, 213-221, 242, 256, 257, 267, 268, 354, 440

- Gabotto F.** 41
Gadol J. 249
Galenus. См.: Гален
Gallorini A.M. 256
Ganay Germanus de. См.: Ганэ Герман
Gandillac M. de 278
Garfagnini G.C. 36, 211, 423, 442
Garin E. 17, 41, 43, 63, 66, 91, 126, 183, 184, 216, 243, 254, 257, 267, 275, 276, 279, 286, 288, 289, 315, 319, 321, 328, 340, 341, 346, 351, 382, 394, 396, 401, 405, 408, 411, 412, 423, 424
Gaspary A. 158
Gatz B. 376
Geiger L. 298
Gelli G.B. 211
Gentile G. 328, 329
Gentile S. 17, 38, 40, 41, 47-54, 69, 86, 95, 112, 113, 171, 173, 205, 210, 211, 218, 296, 297, 346, 349, 358, 443, 444, 446
Gilson E. 43
Giustiniani V.R. 384
Gombrich E.N. 229, 417, 418, 447, 465
Grayson C. 254, 257, 439
Guillaume de Lorris 376
Gutkind C.S. 145, 187, 440
- Hankins J.** 29, 32, 43, 62-66, 75, 110, 118-124, 127, 130, 138, 163, 167, 175, 177, 178, 184, 188-194, 202, 240, 335, 350, 443
Heitzman M. 32
Henry P. 88, 188
Hermes Trismegistus. См.: Гермес Трисмегист
Homerus. См.: Гомер
Hough S.J. 231
Heraclitus. См.: Гераклит
Hieronymus. См.: Иероним
Hippolitus. См.: Ипполит Римский
Howlett S. 322
Husztí I. 68, 247, 294-297
- Iamblichus.** См.: Ямвлих
Ilgner K. 363

Ivanoff N. 461, 465
Ioannes Scotus. См.: Иоанн Скот Эриугена

Jayne S. 113, 313
Jaeger W. 446
Jean de Meung 376
Jenkins Fr. 439, 440, 443
Juhasz L. 271, 386
Justunus. См.: Юстин Мученик

Kaske C.V. 97, 99, 396, 404, 410, 416, 420
Kent D. 194
Kisch G. 363
Kieszkowski B. 179, 314
Klaniczay T. 247, 296
Klibansky R. 100, 303, 397, 413, 416, 420, 422
Klutstein I. 50, 51, 333, 350
Kristeller P.O. 14, 16, 31-45, 48-51, 55-69, 72-86, 92-98, 102, 103, 106, 107, 110-119, 123, 133, 140, 148, 154, 162, 163, 168, 169, 173, 177, 179, 183, 186, 187, 191, 194, 195, 196, 204, 205, 207, 210, 211, 218, 220, 228, 231, 234, 236, 239, 241, 242, 247, 288, 296, 297, 298, 303, 309, 320, 322, 337, 340, 341, 345, 396, 401, 402, 404, 408, 415, 420, 427, 431, 434, 437, 438, 444, 451, 466
Kraye J. 157

Lackner D.F. 74, 129, 134, 154, 161, 163
Landino Christoforo. См.: Ландино Кристофоро
Lapus Castelliunculus. См.: Лапо да Кастильонки
Laurens P. 48, 50, 69, 106, 156, 189, 357, 416, 417, 440
Legrand É. 349
Lentzen M. 66, 258, 259-262, 342
Levin H. 376
Liaci M.T. 122, 261, 283
Lohe P. 70, 148, 253
Luca di Gimignano. См.: Лука ди Джиминьяно
Lupton J.H. 113

Magnard P. 95
Maier I. 268, 271
Manetti Antonio di Tuccio. См.: Манетти Антонио ди Туччо

- Mansion A. 75
 Marcel R. 17, 26-45, 51, 56, 60, 61, 66-75, 80-87, 92-107, 113-117, 125, 138, 144, 147-150, 156, 157, 160-163, 166, 172, 190, 201, 202, 220, 222, 224, 228, 236, 241, 245, 258-261, 279, 291, 292, 296, 300, 301, 308, 310, 311, 364
 Margolin J.-C. 452
 Masai Fr. 182, 348
 Maylender M. 134
 Medici Lorenzo de'. См.: Медичи Лоренцо
 Mehus L. 133
 Mela Pomponius. См.: Мела Помпоний
 Mencaraglia L. 385
 Menci Gallorini A. 257
 Mercurius Trismegistus. См.: Гермес Трисмегист
 Michel P.H. 249
 Miles L. 314
 Moller E. 72
 Monnerjahn E. 275
 More Th. См.: Мор Томас
- N**aldo Naldi. См.: Нальдо Нальди
 Nardi Br. 63
 Nero Bernardo del. См.: Неро Бернардо дель
 Niccoli S. 156, 188, 204
 Nicolaus de Mirabilibus. См.: Николай де Мирабилибус
 Nicolaus von Kues. См.: Николай Казанский
 Niccolini E. 199
 Novati F. 356
- O**'Malley J. W. 91
 Origenes. См.: Ориген
 Orpheus. См.: Орфей
- P**agagnotti vescovo de' 405
 Palmieri M. См.: Пальмиери Маттео
 Pannonius Ioannes. См.: Панноний Иоанн
 Panofsky E. 141, 281, 397, 413, 416, 420, 422, 435, 455, 457, 461, 462, 465
 Paparelli G. 445
 Patch H. 435
 Patricius Fr. См.: Патрици Франческо да Сиена

- Perosa A. 234, 433
 Perottus N. См.: Перотти Николай
 Petrucci A. 264
 Pfister A. 363
 Philo Alexandrinus. См.: Филон Александрийский
 Philolaus. См.: Филолай
 Piattoli R. 189
 Piccolomineus Aeneas Sylvius. См.: Пикколомини Эней Сильвий
 Pico della Mirandola G. См.: Пико делла Мирандола Джованни
 Picotti G.B. 163
 Piero C. di 382
 Pisani G. 98, 420
 Pleton Georgio Gemistos. См.: Плифон Георгий Гемист
 Plinius Secundus. См.: Плиний Старший
 Plotinus. См.: Плотин
 Plutarchus. См.: Плутарх
 Politianus A. См.: Полициано Анджело
 Polydorus Vergilius. См.: Полидор Вергилий
 Pomponius Mela. См.: Помпоний Мела
 Ponte G. 249
 Porphyrius. См.: Порфирий
 Proclus Diadochus. См.: Прокл
 Purnell Fr. 354
 Pythagoras. См.: Пифагор
- R**adetti G. 313
 Ragni E. 233
 Renaudet A. 305
 Renouard J. 233
 Riarius R. См.: Риарио Рафаил
 Rinuccini A. См.: Ринуччини Аламанно
 Ristori R. 165
 Rochon A. 201, 214, 224
 Romano V. 377
 Roscoe W. 432
 Ross J. 386
 Rossi V. 118, 264
 Rotondò A. 31
 Rucellai Giovanni. См.: Ручеллаи Джованни

Saffrey H.D. 74, 75, 88, 89, 162, 344, 345
Saitta G. 39, 212, 322, 329, 416
Salutati C. См.: Салютати Колюччо
Salviati Fr. См.: Сальвиати Франциск
Santinello G. 249
Santini E. 440
Saxl Fr. 397, 413, 416, 420, 422
Schedel H. 69
Schiavone M. 320
Schmitt Ch. 350
Schultze F. 351
Seeböhm Fr. 313
Semprini G. 275
Sensi M. 31
Sheppard A. 38, 48
Sieveking K. 118
Signorelli G. 91
Simioni A. 151, 210, 431, 465
Spontone. См.: Спонтоне
Steel C.G. 94
Surtz E. 364

Tambrun B. 50
Tarabochia Canavero A.S. 34
Tateo F. 254
Thesleff H. 344
Thomas Aquinas. См.: Фома Аквинский
Thorndike L. 403, 416, 423
Tignosi N. См.: Тиньози Никколò
Tiraboschi G. 266
Tone Leonardo di. См.: Тоне Леонардо ди
Trenti L. 254
Toscani B. 211, 444
Trinkaus Ch. 319, 322
Tröger U. 112

Ullman B.L. 377
Uzielli G. 119, 313
Uranus M. См.: Преннингер Мартин

Valgulus Carolus. См.: Валгули Карло.

Valla. См.: Валла Лоренцо

Valori N. См.: Валори Никколò

Valori Ph. См.: Валори Филиппо

Vasari G. См.: Вазари Джорджо

Vasoli C. 17, 61, 81, 160, 295, 305, 329, 340, 347, 402, 404

Verde A.F. 125

Veit W. 376

Verino U. См.: Верино Уголино

Vespasiano de Bisticci. См.: Веспасиано да Бистиччи

Vieri F. de'. 117

Villani F. 199

Viti P. 123, 188

Waddy P. 161

Wadsworth J.B. 151, 210

Walker D.P. 50, 72, 168, 290, 306, 343, 348, 355, 392, 402, 403, 406, 413, 419, 423

Walzel O. 430, 459, 461

Warburg A. 66, 141, 234, 424, 435

Warden J. 50

Watkins R. 256

Watts P.M. 100

Weinstein D. 66

Westerink L.G. 74, 344

White R. A. 48

Wind E. 41, 64, 178, 287, 435

Wolters A.M. 87, 92, 93

Yates F. A. 168, 306, 342, 343, 350, 408, 411, 412, 415, 417, 419, 423

Xenocrates. См.: Ксенократ

Zeller W. 136, 299, 302

SOMMARIO

Il risultato principale di tutta l'opera spirituale di Marsilio Ficino quale capo della dotta comunità nota nella storiografia come l'Accademia Platonica di Firenze si è rivelato nel poter dare una fondamentale argomentazione alle impostazioni ed agli orientamenti della cultura rinascimentale. E' stata fornita non soltanto una giustificazione nella coscienza sociale; ormai si poteva sia convocare sotto le proprie bandiere le nuove forze intellettuali, sia procurare l'appoggio di alcuni mecenati altolocati prima a Firenze e in Italia, per poi passare a molti altri paesi europei dall'Ungheria e dalla Germania alla Francia e all'Inghilterra. Assai presto, dagli anni 80 del Quattrocento e per molti decenni in avanti, la dottrina dei neoplatonici fiorentini diventò il più influente sistema ideologico. Sfruttando l'universale metodo di sintesi storico-culturale, essa rese accessibili varie tradizioni di carattere religioso, filosofico e morale, nonché offrì – in piena corrispondenza al carattere stesso dell'epoca – risposte alle più importanti domande relative alla concezione del mondo.

Il Rinascimento disponeva dei pensatori più originali, più brillanti, più prolifici e di più vasta rispetto a Marsilio Ficino portata; non ci fu tuttavia uno più noto e più influente, specie se teniamo conto del suo influsso nei vari aspetti della cultura dell'epoca, del suo pensiero filosofico, teologico ed etico, e anche della sua autorità in arte, letteratura, musica e scienze occulte. Sì, Ficino tradusse e commentò numerosi scritti di Platone, dei neoplatonici pagani e cristiani, delle scritture cosiddette ermetiche, orfiche, pitagoriche e zoroastriche ed ipso facto demarcò per molti versi gli indirizzi delle ricerche spirituali della stagione rinascimentale; la spiegazione del suo influsso però non si limita con questo. Rilevantissimo fu il suo appello ai più intimi sentimenti, alle più recondite emozioni spirituali dell'uomo del tardo Medio Evo; egli riuscì a rappacificare e addirittura ad imparentare con essi gli ideali della cultura rinascimentale, affermare la loro accettabilità e l'assoluta attualità della connessa *Weltanschauung*.

La stessa erudizione di Ficino era caratteristica della missione storico-culturale alla quale egli si dedicò. Istruito a base di *summae* scolastiche medievali, poco incline alla classica cultura umanistica (cioè alle discipline come grammatica, retorica, poetica, storia, filosofia morale), Ficino non era un «umanista» *avant la lettre*, anche se suoi interessi, concetti filosofici condivisi, partecipazione al movimento mirante al rinnovamento morale della società, fanno di lui notevole personaggio del movimento umanistico. Esterno alla sofisticata cultura filologica, il suo latino e il suo stile di deliberare e argomentare era comprensibile alla maggior parte del ceto intellettuale provvisto di una profonda istruzione scolastica. Inoltre Ficino era uno dei migliori conoscitori del greco; rivolgendosi all'eredità spirituale ellenica egli riuscì a formulare idee già contrassegnate dal pensiero umanistico, corrispondenti alle aspettative dell'epoca. Non meno rilevante era che Ficino cercava nella sua attività una specie di giustificazione assoluta, interpretandola e offrendola agli altri come vocazione, una impresa grata alla divina Provvidenza, oppure come un *jugum spirituale* datogli dal Cielo. Egli era ben convinto di essere predestinato nel senso proprio della parola a salvare tutta l'umanità con la sua apologetica del cristianesimo trovatosi di nuovo in crisi di fronte alle minacce di eresia e di incredulità. E dall'attenzione e dall'appoggio che riusciva ad ottenere si comprende che egli potette inculcarlo a molti attorno a sé. E' difficile dire se in questo suo atteggiamento prevale l'umiltà cristiana, la disponibilità di assoggettarsi alla volontà superiore, di diventare strumento di divina Provvidenza oppure la tipica consapevolezza rinascimentale delle capacità umane illimitate, il sentimento di responsabilità cosmica e di conseguente tendenza di decidere le sorti dell'umanità e del mondo. In ogni caso le idee del leader dei platonici fiorentini dovevano trovare risonanza sia nell'assai numeroso ceto intellettuale che conservava ancora la stima verso la tradizione cristiana che egli pretendeva di custodire, sia tra i sostenitori dell'erudizione umanistica, dove vieppiù si affermava il concetto dell'uomo-artista, maestro universale, «dio terrestre».

Ficino stesso fece più di ogni altro pensatore per imporre questo concetto, per dimostrare l'unicità della condizione dell'uomo nel creato; posizionato nel centro come *vinculum* di tutti i livelli e tutti gli elementi dell'essere, l'uomo è capace di trasformare questo mondo e anche di ricrearlo secondo il proprio disegno. Si trattava della creazione delle realtà non soltanto fisiche, ma anche spirituali. Innestando il pensiero filosofico

e teologico greco all'erudizione latina occidentale Ficino tramite tale sintesi costruiva veramente il nuovo universum culturale.

Questo pensiero, atto a consolidare la religione cristiana, veniva trattato come il depositario di una prisca rivelazione, il che ne faceva una cosa del tutto accettabile alla mentalità cristiana dell'epoca. Inoltre, esso serviva ad aumentare il prestigio di tutta l'eredità classica, la quale svolgeva un'importantissima funzione assicurando il rinnovamento spirituale (appunto rinascita) dell'umanità. Per questa ragione Ficino, insieme ai partigiani della sua opera e del tutto l'umanesimo rinascimentale, trattava i testi degli autori classici non soltanto dal punto di vista antiquario o puramente scientifico o conoscitivo. Essi venivano anche interpretati come fonti di valore ideologico, come testimonianze della divina sapienza, la quale per manifestarsi non può essere limitata né nel tempo né nello spazio soltanto assumendo forme più adatte alle circostanze. Si tratta di una specie di unità metastorica di *pia philosophia*, il trasferimento della quale da un pensatore all'altro nello sviluppo dell'ininterrotta loro catena era scrupolosamente fissato da Ficino, che cercava di ricostruirla nella sua attività. Il suo modo di assimilare la sapienza degli antichi cominciando da quello che ne era considerato punto di partenza, cioè dalle opere ascritte a Ermete Trismegisto, a Zoroastro, a Orfeo, a Platone che ne aveva lasciato la raccolta completa, ai neoplatonici di tarda antichità sia pagani sia cristiani, potrebbe sembrare una *siu generis seduta magica*: si credeva che attraverso la fedele ripetizione di ogni fase della ricezione di questa sapienza nel passato si avrebbe potuto ottenere la sua più completa ristaurazione e attualizzazione nel presente.

Ficino intraprese la ricerca di diversi sistemi della teologia primitiva, e il culmine ne fu trovato nella «teologia di Platone» – una sistematica analisi di essa diventò oggetto dell'opera maggiore dell'umanista fiorentino. I suoi studi stimolarono le indagini condotte dai suoi seguaci più immediati quali Antonio Agli, Cristoforo Landino, Angelo Poliziano, e più degli altri Giovanni Pico della Mirandola. Continuando l'impegno di Ficino, Pico (che non per caso fu nominato tra gli amici «*concordiae dux*») tracciò un progetto per elaborare la «teologia poetica», la quale, andando ben oltre le tradizioni platonica e pseudo-platonica, avrebbe trattato vari tesi del pensiero umano studiate fuori ogni contesto storico, fuori tempo, come rivelazione di una verità universale che permane nell'eternità e che forma la meta finale di tutte le investigazioni dello spirito umano.

Nessuna sapienza, nessuna scienza, nessuna arte e, più in generale, nessuna attività ha valore di per sé; ogni cosa trova la sua giustificazione soltanto nella misura in cui contribuisce alla salvezza dell'uomo. Senza dubbio, Ficino condivideva questa asserzione, se ci identificava la ragione delle proprie fatiche e se era convinto che essi avrebbero facilitato la ricerca della via verso il Dio. Era nei limiti di questa formula che Ficino interpretava il fine del Bello che nelle sue opere risulta oggetto più di speculazioni teologiche che di quelle estetiche. Insistendo sulle sue origini metafisiche Ficino trovava nella bellezza del mondo delle cose manifestazioni di una realtà superiore, che aveva creato questo mondo e gli aveva conferito il presente aspetto. Il Bello però non soltanto organizza, non soltanto regola l'essere su tutti i livelli di esso; la bellezza, attirando su di sé l'amore di tutto l'essere, lo spinge a cercare la coesione con essa e ipso facto lo spinge verso il Dio, il volto del quale rappresenta. L'idea che il mondo verrà *salvato con la bellezza* risulta logicamente dai ragionamenti di Ficino su la natura e il fine del Bello, mentre la sua filosofia dell'amore non è altro che una specie di soteriologia rinascimentale. Quello che si potrebbe chiamare dottrina estetica dell'Accademia Platonica di Firenze ebbe seguito negli innumerevoli trattati dedicati all'Amore e al Bello; le particolarità di questa estetica ci possono fornire utilissimi orientamenti per la percezione delle opere dell'arte rinascimentale, e tali orientamenti corrispondono alle impostazioni della coscienza artistica di quell'epoca. Le immagini vive che erano raffigurate nelle opere dei grandi maestri del Rinascimento non erano destinati ad essere oggetti della «contemplazione a sé stante»; essi sarebbero dovuti servire invece a uno scopo ben più elevato e fungere da mediatori che riempissero l'anima umana e la conducessero dal Creatore.

L'assimilazione di un immenso strato dell'eredità spirituale classica fornì agli umanisti fiorentini della seconda metà del Quattrocento valida ragione per pretendere di aver ricostruito il nesso delle epoche una volta interrotto. Loro parlavano di una grandiosa svolta storico-culturale, letteralmente del radicale cambiamento delle epoche ed insistevano che i loro tempi ripristinassero, oppure facessero rinascere, l'autentica Età d'oro. Gli umanisti dell'ambiente dell'Accademia Platonica ridussero la vecchia leggenda all'idea dell'evoluzione ciclica dell'umanità, la quale tappa dopo tappa si avvicina al completo declino che viene sostituito dal nuovo rilancio. La loro «Età d'oro» però era non più quella dell'umanità primitiva originale, non alterata dalla civiltà e dalla cultura, ma, al

contrario, era l'epoca in cui fiorivano le virtù e i talenti, le scienze e l'arte. Le testimonianze del rinnovamento spirituale e morale si trovavano nei riferimenti alla ricezione dell'eredità culturale, alla ricostruzione nel loro prisco splendore delle coltivate nell'epoca classica arti e correnti del pensiero. Non fu per caso che il capo dei platonici fiorentini sottolineava (evidentemente, parlando di sé stesso) il fatto di «aver riportato alla luce la disciplina platonica» e la maniera di cantare con l'accompagnamento della lira orfica. Il ruolo praticamente decisivo spettava, secondo lui, alla sua propria attività di restauro dell'antichissima tradizione teologica, la summa della quale era appunto trovata nella dottrina di Platone e in quella dei suoi seguaci. La «licenza alla nobiltà» che la cultura sua contemporanea sembrava di avere venne giustificato attraverso le relazioni di parentela e di diretta successione che la legavano all'eredità classica – come se fosse quest'ultima risuscitata. Ficino e gli umanisti della sua corrente valutavano il significato storico dei loro tempi, prendendo in considerazione, oltre i suddetti legami, anche grandi realizzazioni e scoperte, imprese di spirito e di pensiero, sconosciute agli antichi. Insomma, la nuova interpretazione del concetto dell'Età d'oro aiutò gli umanisti a rendersi conto dell'originalità della propria epoca; essa, appunto per segnare il nuovo rilancio della cultura e umanità, avrà nella storia il nome del Rinascimento.

I temi di politica, di vita sociale, di morale non formarono i principali concetti filosofici dell'Accademia Platonica, ospitando invece ragionamenti piuttosto incidentali e provocati da qualche evento di vita. Ciononostante l'influsso che esercitavano le idee etiche e politiche dei platonici fiorentini sul pensiero sociale dell'umanesimo e dei secoli successivi è tanto profondo quanto indiscutibile. Prima di tutto, nelle opere di Ficino e dei membri del suo circolo, come Leon Battista Alberti e Lorenzo Medici, si fa notare il nuovo concetto del tempo, completamente secolarizzato. Esso non viene più considerato proprietà divina, ormai passato a disposizione dell'uomo. Per questa ragione il tempo va consumato con particolare parsimonia e economia; ne nasce la nuova interpretazione dell'esistenza ideale dell'uomo come massima tensione della sua volontà e delle sue forze, il che è meglio caratterizzato dalla famosa formula delle epoche consecutive «il tempo stringe». Dal fascino del tutto speciale era contraddistinta l'immagine del Savio, dedito alla ricerca del Vero e estraneo alle tentazioni e ai pericoli del Mondo. Questa immagine era molto attraente per il ceto intellettuale europeo del Rinascimento e

lo rimaneva anche nell'epoca successiva che continuava ad insistere sulla concezione dell'attività di studioso come alta vocazione e servizio. Una lunga vita ebbe l'idea di unione del potere con la sapienza, impersonata nel principe-filosofo; probabilmente è stato il contributo più significativo dei platonici fiorentini nella teoria politica. Sta completamente fuori dubbio che nelle loro opere vanno anche ricercate origini e fondamenti dei principi della nuova socialità, quella che faceva praticamente risorgere l'ideale di collettività caratteristico della dottrina pitagorico-platonico-cristiana, il quale ebbe i suoi inizi in molte utopie rinascimentali. In quanto questo ideale risaliva alle opere degli antichi, esso conservava un'aureola sacra di una sui generis prescrizione divina. Quest'ideale era particolarmente caro al ceto intellettuale umanistico in quanto puntava, come si riteneva all'epoca, sulla creazione delle condizioni necessarie per la realizzazione dei talenti e delle virtù umane.

Ficino programmava prima di tutto affermare e propagare questo ideale in quel sodalizio degli studiosi creato attorno a lui che prese nella storiografia il nome dell'Accademia Platonica. E' possibile che Ficino stesso nei suoi sforzi di restaurare l'antica Accademia non desse molta importanza a un circolo di umanisti aventi la comune aspirazione di imparare la dottrina di Platone, dei neoplatonici e dei «prischi teologi», i quali presi insieme costituivano, come allora si credeva, la grande tradizione della sapienza pagana che custodiva delle verità non difformi dalla rivelazione cristiana. Era proprio questa tradizione che Ficino preferiva di nominare *Accademia*, che si rivela come l'autentico *concilio della pia sapienza* degli antichi; era questa tradizione alla ricostruzione e alla diffusione di idee della quale Ficino dedicò la sua attività. Grazie al suo operare questa antica tradizione filosofica e teologica rinacque e apparve nel suo prisco splendore e potere spirituale. Si può anche dire che l'*Accademia* sono le opere dell'umanista stesso; queste opere abbracciarono tutta la millenaria pia sapienza e la rappresentarono in guisa di un universale ed estemporale *giardino filocofico*.

Ficino avrebbe avuto tutte le ragioni di dire «Accademia sono io». La causa alla quale egli dedicò tutta la sua vita risultò – grazie soprattutto alla sua massiccia propaganda – attraente a molti dei suoi contemporanei e agli immediati seguaci. Sette anni prima della sua scomparsa egli riportava in una lettera i nomi di ottanta persone di vari titoli e gradi, occupazioni e fortune, con i quali manteneva stretti rapporti in vari momenti della sua vita. Per un motivo o per un altro furono omessi nomi

di decine di altri sostenitori o colleghi sia a Firenze sia oltre, in Italia e in Europa. Tutte queste persone costituivano un gruppo (molto vago e mai formalizzato) di ricercatori della prisca sapienza teologica che di solito viene nominato Accademia Platonica di Firenze. Nella sua attività furono soltanto abbozzate le prime forme di comunicazione – dispute, colloqui, letture pubbliche, corrispondenza – che avrebbero caratterizzato le comunità scientifiche e artistico-letterarie ben più evolute nei secoli meno a noi remoti. Queste comunità a loro volta assunsero nomi di accademie, e sembra che lo facessero per analogia a quello che era già assegnato alla *libera sodalitas studiorum* di Ficino.

Il platonismo rinascimentale, che pretendeva di occupare il posto del dominante sistema filosofico dell'epoca, venne avanti nella persona di Ficino e del suo gruppo come un potente movimento spirituale, il quale non solo seppe trascinare gli influenti ceti degli intellettuali e degli artisti (i quali in gran parte determinavano l'aspetto stesso della cultura rinascimentale della fine Quattrocento e del Cinquecento); esso fu capace di imporre al ceto reggente la coscienza della loro alta vocazione. La famiglia dei Medici e molti rappresentanti del patriziato fiorentino, principi italiani ed europei, prelati della Chiesa cercavano di associarsi alle fatiche dell'Accademia Platonica, di diventare in qualche maniera partecipi di causa alla quale si destinò Ficino. Ed era proprio lui, pienamente immerso negli studi contemplativi, debole e delicato, che riuscì a convincere il potere secolare e quello ecclesiastico a stimare l'altro potere, quello della cultura, e a tenere conto dei suoi interessi.

Перевод на итальянский язык
И.Е. Андропова

Кудрявцев Олег Федорович

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ
ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

(Очерк истории духовной жизни
ренессансной Италии)

Издание второе, исправленное и дополненное

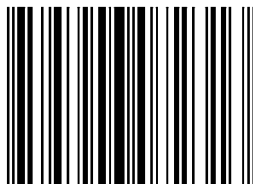
Подписано в печать 11.07.2018
Бумага офсетная 80 г/м²
Печать цифровая.
Тираж 500 экз.

Издательство ЛУМ/LOOM
109387, Москва, ул. Люблинская, 42

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО "Сам Полиграфист"
129090, г. Москва, Протопоповский пер., 6
e-mail: info@onebook.ru

ISBN 978-5-906072-31-3

9 785906 072313

Олег Федорович Кудрявцев, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, является специалистом в области изучения истории культуры и общественной мысли Европы средних веков и эпохи Возрождения. Автор свыше 400 научных трудов, в их числе монографии «Ренессансный гуманизм и "Утопия"» (М., 1991), изданий источников на языках оригинала и в переводе на русский «Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения» (М.,

1996), «Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция» (М., 1996), «Гуманисты Возрождения о формировании личности (XIV-XVI вв.)» (в соавт. с Н.В. Ревякиной. М., 2015). Книгу «Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы» (М., 1997) и еще ряд работ О. Ф. Кудрявцев посвятил исследованию образа России, сложившемуся на Западе в 9-17 вв. Он инициатор коллективных научных изданий «Культура Возрождения. Энциклопедия» (совместно с Н.В. Ревякиной – Т.1-2. М., 2007, 2011), «Европейское Возрождение и русская культура XV-середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие» (М., 2013), «Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского» (М., 2016)